

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Сборник научных статей

Том I

Екатеринбург
2022

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Г 54

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках выполнения НИР по госзадаанию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова

Рецензенты: д-р экон. наук Т.А. Коркина, д-р экон. наук С.В. Дорошенко

Глобальные вызовы демографическому развитию [Текст]: сб. науч. ст. Г 54 / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова. Т. I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. — 449 с.

ISBN 978-5-94646-666-0

Сборник статей представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

В первом томе размещены материалы научных статей дискуссионных площадок «Демографические структуры в исторической ретроспективе», «Социальное самочувствие и психологическое благополучие различных групп населения» и «Внутренняя и международная миграция».

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

И. Демографические структуры в исторической ретроспективе	
<i>Араловец Н. А.</i> Заболеваемость детей в РСФСР в 1970–1980-е гг.	5
<i>Баранов Е. Ю.</i> Демографические аспекты эпидемий в СССР в современной историографии.....	16
<i>Борщик Н. Д.</i> Население Крымского полуострова по материалам всероссийских переписей 1897–1923 гг.: основные тенденции и факторы развития	31
<i>Бушуев А. С.</i> Динамика возрастнo-половой структуры смертности населения Среднего Поволжья в 1985–2010 гг.....	41
<i>Гафаров А. З.</i> Деятельность председателя БашЦИК Мусы Муртазина по спасению населения от голода 1921–1922 гг.....	52
<i>Мазур Л. Н., Горбачев О. В.</i> Вдовство как социально-демографическая проблема послевоенного Свердловска (по материалам переписи 1959 г.)	61
<i>Жарков А. В.</i> Индекс грамотности населения Среднего Урала в 1960-е гг.....	73
<i>Жиров Н. А.</i> Демографические процессы в зоне перехода от промышленных к аграрным губерниям Центральной России в начале XX века (на примере Орловской и Калужской губерний)	83
<i>Журавлева В. А., Мирошниченко М. И.</i> Влияние промышленной модернизации Урала на городскую семью (по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг.): историко-демографическое исследование.....	97
<i>Исупов В. А.</i> Рождение и брачность в условиях военного времени (тыловое население РСФСР), 1939–1945 гг.....	105
<i>Конов А. А.</i> Молодые ученые на железнодорожном транспорте Урала в 1956–1991 гг.: проблема воспроизводства научного потенциала отрасли..	118
<i>Корнилов Г. Е.</i> Свердловск в период демографического благополучия (1959–1989 гг.)	132
<i>Лаптева Ю. В.</i> Всеобуч как система сохранения детских контингентов в 1941–1945 гг.: на материалах Молотовской и Свердловской областей.....	146
<i>Логинов В. Г.</i> Ретроспективный анализ демографического развития российского Севера и Арктики	159
<i>Лыткина У. В.</i> Этнодемографический ландшафт автономной области Коми в 1920-е годы	169
Пешина Э. В. Предложения по ревитализации языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с учетом численности и территории проживания населения	180
<i>Сухова О. А.</i> Стратегии демографического поведения в условиях голода в первой половине 1920-х гг. (на примере Пензенской губернии)	193
<i>Тараканов М. Ю.</i> Структура населения Нижнего Тагила по материалам переписи 1879 года	204
<i>Уваров С. Н.</i> Грамотность населения Удмуртии по переписи 1926 г. в период 1934–1937 гг.....	212
<i>Чернышева Н. В.</i> Основные тенденции изменения возрастнo-полового состава населения Волго-Вятского региона в 1939–1945 гг.....	219

II. Социальное самочувствие и психологическое благополучие различных групп населения

<i>Архипова В. А., Веснина А. А., Цицман П. Ю.</i> Проблема психоэмоционального состояния выпускников школы, сдающих итоговый государственный экзамен.....	231
<i>Биккинина Д. Д.</i> Психоэмоциональное состояние общества и ценности семьи в представлениях молодежи: социологические вызовы и предпосылки для поиска программных решений.....	241
<i>Ииуков А. А.</i> Достижение целей европейской и евразийской интеграции: влияние на благополучие населения.....	250
<i>Кулькова И. А.</i> Влияние социально-психологических факторов на прокреативное поведение: результаты всероссийского опроса.....	257
<i>Халикова М. К.</i> Компетентность как важная парадигма информационного общества.....	267
<i>Черкасова В. Ю.</i> Особенности использования концепций мотивации и стимулирования персонала в органах государственной власти.....	282
<i>Шевалдина Е. И.</i> Оценка безопасности жизни населения в проекте «Умный город».....	292

III. Внутренняя и международная миграция

<i>Ахметова (Хилажева) Г. Ф., Утяшева И. Б.</i> Возрастная дифференциация межрегионального миграционного обмена Республики Башкортостан.....	303
<i>Бабаев А. А., Субхонов А. И.</i> Закономерности происходящих миграционных процессов и проблемы потери кадров в Республике Таджикистан.....	315
<i>Гамерман Е. В.</i> Современные миграционные тренды в регионе Северо-Восточная Азия и на российском Дальнем Востоке.....	326
<i>Гарибова Ф. М.</i> Миграционные процессы между Россией и Казахстаном в приграничных регионах.....	339
<i>Гилязева Е. С., Гараева Э. И.</i> Обострение национально-этнических конфликтов как следствие роста трудовой миграции (на примере Свердловской области).....	347
<i>Дыдышко А. В.</i> Государственное регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь.....	355
<i>Ибишев Р. А., Калугина Д. А., Никифорова А. В.</i> Отношение населения г. Екатеринбурга к трудовым мигрантам как источнику опасности.....	362
<i>Кемелдинова Ж. М., Алыбаев Ж. Б.</i> Трудовая миграция в Кыргызской Республике.....	376
<i>Константинов В. В., Осин Р. В.</i> Трудовые мигранты в условиях пандемии COVID-19.....	382
<i>Куприна Т. В.</i> Экономика впечатлений как основа оценки отношения к международной миграции.....	392
<i>Лялина А. В., Волошенко К. Ю., Новикова А. А., Фарафонова Ю. Ю.</i> Миграционная связанность Калининградской области с другими регионами России в эпоху геополитической турбулентности.....	403
<i>Муродов М. К., Носирзода А. А.</i> Миграция — основной рычаг развития экономики.....	420
<i>Смирнов А. В.</i> Миграционные и транспортные сети в российской Арктике.....	427
<i>Ульмасов Р. У., Носирзода А. А.</i> Демографические и миграционные проблемы в Таджикистане.....	438

І. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-1>

УДК 314.1

JEL I10, J11

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ДЕТЕЙ В РСФСР В 1970–1980-Е ГГ.¹

Н. А. Араловец

Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия)

Автор для корреспонденции: Н. А. Араловец (aralovetz@yandex.ru)

Аннотация. В статье изучены особенности и закономерности заболеваемости детей в РСФСР в 1970–1980-е гг. Использование преимущественно архивных источников, а также статистических, демографических и исторических методов позволило продемонстрировать, что в 1970–1980-е гг. в РСФСР состояние здоровья детей имело в целом хорошие показатели. Однако в структуре заболеваемости детей, наряду с традиционными болезнями органов дыхания и пищеварения, инфекционными и паразитарными болезнями, отмечались новые болезни системы кровообращения и онкологические, в том числе злокачественные новообразования, а также несчастные случаи, отравления и травмы. Появление в РСФСР новых болезней, ранее несвойственных детям, подтверждало развитие эпидемиологического перехода. Это явление недостаточно исследовано в отечественной и зарубежной историографии, что обусловило научную новизну статьи.

Ключевые слова: РСФСР, дети, подростки, заболеваемость, здоровье

Morbidity of Children in the RSFSR in the 1970s–1980s

N. A. Aralovets

Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

Corresponding author: N. A. Aralovets (aralovetz@yandex.ru).

Abstract. The paper examines the features and patterns of morbidity of children in the RSFSR in the 1970s–1980s. Using mainly archival sources, as well as statistical, demographic and historical methods, the study showed that the indicators of the health status of children were generally good in the 1970s and 1980s in the RSFSR. However, in the structure of morbidity of children, along with traditional diseases of the respiratory and digestive organs, infectious and parasitic diseases, new diseases of the circulatory system, cancer (including malignant) neoplasms, as well as accidents, poisoning and injuries, were noted. The appearance of new diseases in the RSFSR, previously unusual for children, confirmed the development of epidemiological transition. Since this phenomenon has not been sufficiently investigated in Russian and foreign historiography, the paper presents new scientific data.

Keywords: RSFSR; children; adolescents; morbidity; health

¹ © Араловец Н. А. Текст. 2022.

Введение

Пандемия коронавируса значительно повысила ценности здоровья населения, особенно детей, и их здоровье приобрело особое значение. Стало важным изучить одно из слагаемых здоровья детей — заболеваемость, ее особенности и закономерности. В этой связи особое значение приобретает ретроспективное исследование заболеваемости детей. Необходимо рассмотреть заболеваемость детей в РСФСР в 1970–1980-е гг., так как это десятилетие характеризовалось развитием эпидемиологического перехода. Однако проблема заболеваемости детей в РСФСР в 1970–1980-е гг. недостаточно изучена в историко-демографических исследованиях. Исходя из этого, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей и закономерностей заболеваемости детей в РСФСР в 1970–1980-е гг., основных классов болезней, вызывавших их факторов, динамики, а также состояния детского здоровья в целом.

Обзор литературы

В исторической и демографической литературе проблемы состояния здоровья детей в 1970–1980-е гг. в РСФСР, особенности и закономерности детской заболеваемости изучались недостаточно. Такая ситуация была обусловлена, прежде всего, крайне ограниченной источниковой базой: архивные данные длительное время были труднодоступными, а опубликованная статистика — малочисленна. В 1990-е гг. открытие архивов увеличило интерес исследователей к этим проблемам, однако заболеваемость детей рассматривалась наряду с другими сюжетами, в основном в коллективных работах по демографической истории XX в.

Кроме того, интерес ученых был больше связан с изучением младенческой и детской смертности, основных причин смерти [11, с. 33–34; 13, с. 69–76]. Аналогичным образом раскрывалась изучаемая проблема и в региональных исследованиях [4, с. 264]. Заболеваемость детей исследовалась также в связи с анализом смертности населения в целом [5, с. 264] и семьи в частности [1, с. 162–168]. Таким образом, поднятая в статье проблема не была предметом специального изучения в историографии, а также не входила в рассмотрение эпидемиологического перехода.

Данные и методы

Статья основана преимущественно на архивных сведениях текущей и медицинской статистики, а также опубликованных статистических данных и на материалах проведенных обследований. Методология статьи связана с основными положениями концепции эпидемиологического перехода [3, с. 5–40; 9, с. 43–50]. Обозначенная в статье проблема исследовалась с помощью статистических, демографических и исторических методов.

Результаты

Изучение заболеваемости детей показало ее зависимость от их возраста. Болезни новорожденных младенцев (первые четыре недели жизни, 28

дней) были обусловлены степенью их доношенности в утробе матери и наряду с другими факторами определялись состоянием ее здоровья. Болезни доношенных младенцев (при внутриутробном цикле развития в течение 38–40 недель, или 280 суток к моменту рождения, в среднем с массой тела мальчиков 3400–3500 г, девочек — 3250–3400 г., ростом в 50–51 см, окружностью головы — 32–34 см) в основном связывались с родовыми травмами, врожденными аномалиями, асфиксией, гемолитической болезнью (несовместимость крови новорожденного с материнской по эритроцитарным антигенам).

Заболевания недоношенных младенцев (срок рождения — менее 37 полных недель, т. е. до 260 дня беременности, с массой тела менее 2500 г, длиной тела — 45 см и менее; при многоплодных родах — новорожденные с массой тела менее 1000 г) преимущественно определялись асфиксией, родовыми травмами, пневмонией, врожденными аномалиями¹. Из данных городских лечебно-профилактических учреждений видно, что в 1973 г. доношенные новорожденные в большинстве случаев имели родовые травмы — 32,4 % (от общего числа младенцев, родившихся больными и заболевшими), недоношенные — асфиксию — 39,8 %². Следует также отметить, что родовые травмы, асфиксия, врожденные аномалии были главными причинами смерти новорожденных, включая первые 6 дней после рождения.

Изучение состояния здоровья беременных женщин показало влияние экологических факторов на состояние здоровья матери и ребенка. В 1970-е гг. в ряде российских городов были проведены специальные исследования о влиянии загрязнения атмосферного воздуха на уровень заболеваемости детей в перинатальном периоде, т. е. в период с 22 полной недели внутриутробной жизни плода (норма массы тела составляет 500 г) по 7-й день включительно внеутробной жизни. Из данных проведенных в 1979 г. в Липецке исследований видно, что родовые травмы, врожденные пороки развития, недоношенность и переношенность плода (увеличение срока беременности, выходящего за рамки принятых 42 недель) повышались в зависимости от степени загрязненности атмосферного воздуха [14, с. 96]. Таким образом, заболеваемость младенцев была обусловлена, прежде всего, степенью доношенности плода в утробе матери и состоянием ее здоровья. Заметное влияние на заболеваемость детей в перинатальном периоде оказывало загрязнение атмосферного воздуха, т. е. экологическое неблагополучие.

Увеличение возраста новорожденных младенцев влияло на изменение их болезней. Заболевания детей в возрастах от 0 до 14 лет имели свои особенности.

¹ Народонаселение: энциклопедический словарь. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 271, 133.

² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1834. Л. 71 об. (подсчеты автора).

В 1970-е гг. в РСФСР уровень инфекционных заболеваний у детей снижался. Однако это явление отмечалось по таким инфекционным болезням, как коклюш (1971–1975 гг. — 12,2 ‰, 1976–1980 гг. — 9,0 ‰) и полиомиелит (0,34 ‰ и 0,02 ‰ соответственно). Одновременно понижались показатели заболеваемости детей корью (177,4 ‰ и 165,4 ‰), а также скарлатиной (180,4 ‰ и 142,4 ‰). Тем не менее их уровень оставался высоким. Наряду с этим, отмечалось небольшое увеличение уровня заболеваемости детей дифтерией (0,13 ‰ и 0,94 ‰) и значительное — эпидемическим паротитом (403,0 ‰ и 441,2 ‰) [2, с. 200].

Важно отметить, что в РСФСР (особенно в городах) наиболее широкое распространение имели сезонные инфекционные болезни: острые инфекции верхних дыхательных путей и грипп. В осенне-зимний период заметное распространение имел грипп, часто сопровождавшийся эпидемией.

Высокий уровень заболеваемости детей инфекционными болезнями был в дошкольных учреждениях. Данные статистики о заболеваемости детей в таких учреждениях показали, что дети болели гриппом и острыми инфекциями верхних дыхательных путей намного чаще, чем другими инфекционными заболеваниями. В 1979 г. число случаев заболеваний детей гриппом и острыми инфекциями верхних дыхательных путей составляло: в РСФСР — 64,3 ‰ (от общей численности зарегистрированных случаев заболеваний детей в дошкольных учреждениях), в городах — 65,0 ‰, в сельских местностях — 58,9 ‰. В городских дошкольных учреждениях этими заболеваниями наиболее активно болели дети в возрастах от 1 года до 3-х лет.

Дети часто болели традиционными инфекционными болезнями, преимущественно ветряной оспой, скарлатиной, корью. Заметно меньше у детей был коклюш и особенно дифтерия.

Прежде всего в городах дети болели эпидемическим паротитом, гастроэнтеритом и колитом, а также энтеритом. Низкий уровень имела токсическая диспепсия, характерная для детей в возрасте до 1 года. В 1973 г. на 100 тыс. чел. населения в городах болело эпидемическим паротитом — 439,1, гастроэнтеритом и колитом (кроме неинфекционных), хроническим энтеритом и язвенным колитом — 144,3, энтеритом, вызванным установленными возбудителями — 64,4, токсической диспепсией — 6,8¹. Данные статистики также свидетельствовали, что дети болели такими опасными венерическими болезнями, как сифилис и гонорея. Однако показатели заболеваемости этими болезнями были низкими. В детских возрастах девочки болели венерическими заболеваниями чаще мальчиков².

Особая ситуация с инфекционными болезнями складывалась в таких школьных учреждениях, как детский дом, школы-интернаты и лесные школы, где численность заболевших детей инфекционными болезнями

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1831. Л. 1-210 (подсчеты автора); Д. 1832. Л. 22-24; Оп. 62. Д. 1752. Л. 9 об. (подсчеты автора).

² Там же. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1832. Л. 2-2 об.

была выше, чем в местных школах¹. Данные сводных отчетов врачей этих учреждений о лечебно-профилактической помощи воспитанникам показали, что самыми распространенными болезнями детей были дизентерия бациллярная, пневмония, особенно грипп, и острые инфекции верхних дыхательных путей. Дети также заболевали активным туберкулезом, но их число было небольшим.

Дети, заболевшие инфекционными болезнями, помещались в больницу, за исключением детей с гриппом и острыми инфекциями верхних дыхательных путей. В городах и сельских местностях РСФСР заметную роль в борьбе с детскими инфекционными болезнями играла вакцинация и ревакцинация детей.

В РСФСР лечебно-профилактические учреждения осуществляли вакцинацию детей против опасных инфекционных болезней: оспы, дифтерии, коклюша, кори, брюшного тифа, туберкулеза, полиомиелита, туляремии, бруцеллеза, сибирской язвы, столбняка, гриппа и т. д. Особенно внимательное отношение проявлялось к детям младенческих возрастов. Большинство младенцев были привиты против дифтерии и коклюша. Следует также отметить, что в сельских местностях прививалось наибольшее число младенцев [7, с. 9–12].

Врачи и фельдшера внимательно следили за развитием у детей туберкулеза, в т. ч. у младенцев. С целью предотвращения развития туберкулеза детям в возрасте до 1 года, кроме всеобщей вакцинации, массово проводили туберкулиновую пробу. Введение туберкулина делало возможным проверить реакцию детского организма на инфекцию. Проведенные анализы сделанных проб свидетельствовали о небольшом числе детей с положительной реакцией².

Детей, состоявших на учете по поводу заболевания туберкулезом, лечили, в т. ч. химиопрепаратами, направляли в санаторные ясли и детские сады, а также в санаторные школы-интернаты и лесные школы³.

Также осуществлялась ревакцинация детей, причем повторные прививки делались против дифтерии детям до 3 лет, 6 и 11 лет, коклюша — до 3 лет, полиомиелита детям в возрастах 1 год, от 2 до 3 лет, столбняка детям и подросткам в возрастах до 18 лет. Таким образом, дети традиционно болели инфекционными заболеваниями, однако их распространение было ограничено проведением массовой вакцинации и ревакцинации детей.

В 1970-е гг. в РСФСР у детей в возрасте до 14 лет диагностировались новые болезни органов кровообращения и онкологические, ранее им не свойственные. Кроме того, в структуре онкологических заболеваний выделялись злокачественные новообразования. Распространение в РСФСР новых заболеваний подтверждало развитие в стране эпидемиологического перехода.

¹ Там же. Д. 1838. Л. 5об. (подсчеты автора), 45 об.

² Там же. Д. 1834. Л. 3-3 об., 18-18 об.

³ Там же. Д. 1835. Л. 3 об.

Вместе с тем в эти годы злокачественные опухоли фиксировались у небольшого числа детей. Диагноз у больных детей в большинстве случаев устанавливался впервые в жизни. В городах детей с диагнозом злокачественного новообразования было численно больше, чем в сельских местностях. Из числа больных детей с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования преобладали больные второй клинической группы: в 1973 г. больные дети второй клинической группы составляли 85,4 %, четвертой — 14,6 %; в 1979 г. — 86,8 % и 15,2 %.

В 1970-е гг. в российских онкологических учреждениях у больных детей доминировало только хирургическое лечение. Сложная природа болезни, недостаточная ее изученность, ограниченное лечение обусловили низкую продолжительность жизни детей, больных онкологическими заболеваниями. Продолжительность жизни детей после диагностирования злокачественного новообразования в большинстве случаев была короткой — от менее 1 года до 1–2 лет. Дети, прожившие 10 лет и более, составляли небольшое число¹.

В 1970-е гг. в РСФСР у детей в возрасте до 14 лет включительно диагностировались психические заболевания. Наибольшее распространение среди детей имели психические расстройства не психического характера, а также умственная отсталость. Из данных психиатрических и психоневрологических учреждений видно, что в СССР на 100 тыс. детей в возрасте до 14 лет включительно больных психическими расстройствами не психического характера в 1973 г. было 272,8, в 1975 г. — 302,9; другими формами умственной отсталости соответственно — 523,9 и 537,4. Следует отметить, что психические расстройства не психического характера чаще встречались у городских детей. В 1975 г. в городах РСФСР дети с впервые в жизни установленным диагнозом психоза составляли 11,7 % (от общего числа психически больных детей), в сельских местностях заметно ниже — 3,1 %, в РСФСР в целом — 9,7 %. Дети болели и такими тяжелыми психическим заболеваниями, как шизофрения [6, с. 277]².

Дети всех возрастов с нарушением речи (при сохранении слуха), интеллекта, т. е. умственно отсталые, а также с другими патологиями лечились в дошкольных учреждениях специального назначения по соответствующему профилю. Большинство таких дошкольных учреждений находилось в городах³.

Дети также были подвержены несчастным случаям, отравлениям и травмам. Среди детей особенно широко были распространены переломы костей верхних и нижних конечностей, вывихи, растяжения, деформации суставов и прилегающих мышц, ожоги. Данные статистики также фиксировали зарегистрированные случаи ран, поверхностных повреждений, ушибов и т. д. Однако в 1979 г., по сравнению с 1973 г., в РСФСР

¹ Там же. Д. 1836. Л. 3 об-4 об.; Оп. 62. Д. 1767. Л. 3 об. (подсчеты автора).

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2012. Л. 42-44 (подсчеты автора).

³ Там же. Оп. 62. Д. 1755. Л. 4 об.

в общей численности зарегистрированных несчастных случаев, отравлений и травм у взрослых и подростков в возрастах 15–17 лет сократилось число переломов костей верхних конечностей, травм внутренних органов грудной и брюшной полости и таза, ран, поверхностных повреждений, ушибов и т. д. Наряду с этим, численно увеличились зарегистрированные случаи переломов костей нижних конечностей, вывихов, растяжений, деформаций суставов и прилегающих мышц, внутричерепных травм, ожогов, а также неблагоприятных реакций на медикаментозные средства¹.

В 1980-е гг. в РСФСР заболеваемость детей имела аналогичный характер. Дети в ранних возрастах (1–3 года) наиболее часто заболевали болезнями органов дыхания. Дети в возрасте 1 года жизни имели болезни кожи и подкожной клетчатки, нервной системы и органов чувств. У детей этого возраста также развивались болезни, возникшие в перинатальном периоде. В структуре заболеваемости детей в возрастах от 2-х до 3-х лет фиксировались болезни нервной системы и органов чувств, а также детские инфекции [14, с. 89].

Обследование детей дошкольных возрастов города Салават показало, что ведущими болезнями, прежде всего, были заболевания органов дыхания, а также инфекционные и паразитарные, особенно воздушно-капельные инфекции. У детей отмечались болезни нервной системы и органов чувств, травмы и отравления, заболевания кожи и подкожной клетчатки, нервно-психические расстройства. Высокие показатели имели болезни системы кровообращения, в т. ч. ревматизм и ревматический энцефалит (инфекционно-аллергическое поражение нервной системы). В условиях промышленного города усилилось влияние негативных факторов на состояние здоровья детей. Данные проведенного обследования в г. Салават показали численное преобладание здоровых дошкольников в более экологических благоприятных районах [10, с. 102–109].

Экологическое неблагополучие негативно отражалось и на состоянии здоровья детей школьных возрастных групп и в целом сказывалось на высоком уровне заболеваемости детей. Из данных учреждений системы Министерства здравоохранения СССР видно, что дети болели преимущественно заболеваниями органов дыхания, а также инфекционными и паразитарными болезнями. В 1989 г. в РСФСР — на 100 тыс. детей больные дети с впервые в жизни установленным диагнозом составляли: болезни органов дыхания — 85079, инфекционные и паразитарные — 9059. В городах, сельских местностях и в целом в РСФСР дети в возрастах до 14 лет, особенно в возрастных группах от 0 до 2-х лет и от 3-х до 5-ти лет, наиболее часто болели инфекционными болезнями, преимущественно острыми инфекциями верхних дыхательных путей, гриппом, ветряной оспой, а также паротитом эпидемическим. Дети также часто болели краснухой, корью, скарлатиной. Однако в 1980-е гг. дети реже заболевали коклюшем и особенно дифтерией [8, с. 8–9].

¹ Там же. Оп. 50. Д. 1836. Л. 34; Оп. 62. Д. 1768. Л. 4 об.

Высокий уровень заболеваемости детей был связан с травмами и отравлениями соответственно — 6908, а также с болезнями нервной системы и органов чувств — 6628, кожи и подкожной клетчатки — 4836, органов пищеварения — 3987¹.

Заметно ниже были показатели заболеваемости детей другими болезнями. Однако распространение получали детские психические расстройства — 633. Неблагоприятные условия жизни, особенно в городах, нарастание экологических проблем способствовали развитию у детей заболеваний эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета — 526. Повышался уровень заболеваемости детей болезнями системы кровообращения — 188 и новообразованиями — 106 [13, с. 21–28]. В 1980-е гг. в РСФСР показатели заболеваемости детей новыми болезнями были в целом низкими, но в то же время отмечалось их увеличение. К тому же болезни системы кровообращения и новообразования преимущественно злокачественные новообразования были причинами смерти детей. Это явление соответствовало развитию эпидемиологического перехода в РСФСР.

Тем не менее в рассматриваемые годы в РСФСР дети в возрастах до 14 лет и подростки в возрастных группах 15–17 лет имели в целом хорошие показатели состояния здоровья. Число детей с хроническими болезнями было низким. Об этом явлении свидетельствовали данные статистики. В 1989 г. в РСФСР из общей численности лиц соответствовавшего возраста, прошедших периодические и профилактические осмотры, было детей: здоровых, не предъявлявших жалоб² — 45,5 %, практически здоровых³ — 46,0 %, с хроническими заболеваниями — 8,5 %. В СССР, как и в РСФСР, численно преобладали дети здоровые, не предъявлявшие жалоб и практически здоровые. Численность детей с хроническими заболеваниями была низкой соответственно — 47,2 %, 43,5 % и 9,3 %.

В составе подростков (возраста 15–17 лет) также доминировали здоровые, не предъявлявшие жалоб. Вместе с тем число практически здоровых подростков было ниже, чем здоровых детей (в возрастах до 14 лет включительно). Подростки чаще детей имели хронические заболевания. В 1989 г. в РСФСР из общей численности лиц соответствовавшего возраста, прошедших периодические и профилактические осмотры подростки здоровые, не предъявлявшие жалоб, составляли 56,4 %, практически здоровые — 26,7 %, с хроническими заболеваниями — 14,6 %; в СССР соответственно — 59,8 %, 25,6 %, 14,6 %. Наиболее здоровые подростки, не предъявлявшие жалоб, были зафиксированы в Грузии — 79,7 %, в Молдавии — 79,3 %,

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2052. Л. 103 об. (подсчеты автора).

² Распределение населения по состоянию здоровья произведено в соответствии с порядком, действовавшим в системе Министерства здравоохранения СССР [14, с. 62].

³ Лица, в историях болезней которых имеются записи о наличии острых или хронических заболеваний, обострений которых не было в течение ряда лет [14, с. 62].

в Туркмении — 78,5 %, в Таджикистане — 76,3 %, в Узбекистане — 70,6 % [13, с. 62].

Таким образом, в 1970–1980-е гг. в РСФСР у детей и подростков, как и у взрослых, отмечались традиционные и новые болезни, соответствовавшие развитию в РСФСР эпидемиологического перехода. Это явление вызывало необходимость усиления эффективности лечебно-профилактической помощи всем группам населения, включая детей и подростков.

Обсуждение

Исследование малоизученных в историографии особенностей заболеваемости детей в 1970–1980-е гг. в РСФСР, сочетаний традиционных и новых болезней, особенно органов кровообращения и онкологических, прежде всего, злокачественных новообразований, обычно связанных с пожилыми возрастными, расширяет научные границы рассмотрения эпидемиологического перехода, его закономерностей, а также специфических проявлений в отдельных группах населения.

Заключение

В 1970–1980-е гг. в РСФСР дети были в целом здоровые. Наряду с этим, в структуре заболеваемости детей и подростков, как и взрослого населения, отмечались традиционные и новые болезни, прежде всего, болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, а также несчастные случаи, отравления и травмы. Это явление подтверждало развитие в эти годы в РСФСР эпидемиологического перехода. Изучение заболеваемости детей позволило раскрыть малоизученную в историографию проблему, расширить рассмотрение эпидемиологического перехода, ввести в научный оборот новые архивные данные. Распространение в городах и сельских местностях РСФСР традиционных и новых болезней, поражавших практически все возрастные группы населения, обусловили необходимость дальнейшего изучения как заболеваемости населения в целом и его отдельных групп, так и создание эффективной медицинской помощи.

Список источников

- [1] *Араловец Н. А.* Городская семья в России во второй половине XX в. Москва : ИРИ РАН, 2015. 356 с.
- [2] *Васильев К. Г.* История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. Москва : Медицина, 2001. 256 с.
- [3] *Вишневский А. Г.* Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 5–40.
- [4] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017. 350 с.
- [5] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. Москва : Кучково поле, 2012. 320 с.

[6] *Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР*: стат. сб. Москва : ЦСУ СССР, 1976. 591 с.

[7] Информационный бюллетень об инфекционных заболеваниях по РСФСР за 1973 год. Москва : Министерство здравоохранения РСФСР, 1974. 62 с.

[8] Информационный бюллетень об инфекционных заболеваниях по РСФСР за 1982 год (по данным годовых статистических отчетов «О движении инфекционных заболеваний»). Москва : Министерство здравоохранения РСФСР, 1983. 85 с.

[9] *Исупов В. А.* Эпидемиологический переход в России: поиск исходной позиции // *Население и территория России: история и современность*. Москва, 2017. 621 с. С. 43–50.

[10] *Какорина Е. П.* Социально-гигиенические особенности заболеваемости детей дошкольного возраста в условиях промышленного города // *Материалы изучения состояния здоровья населения и статистического обеспечения учреждений здоровья*: сб. науч. тр. Москва : ВНИИ СГ и ОЗ им. Н. А. Семашко, 1987. 194 с. С. 102–109.

[11] *Население России в XX веке: исторические очерки*. Москва : РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1. 304 с.

[12] *Население России в XX веке: исторические очерки*. Москва : РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 2. 295 с.

[13] *Охрана здоровья в СССР*: стат. сб. Москва : Финансы и статистика, 1990. 238 с.

[14] *Состояние здоровья детей раннего возраста, проживающих в районах промышленного города с различным уровнем загрязнения атмосферного воздуха* / Р. К. Игнатьева, С. Н. Дауева, Н. И. Кадеркаева и др. // *Материалы изучения состояния здоровья населения и статистического обеспечения учреждений здоровья*: сб. науч. тр. Москва : ВНИИ СГ и ОЗ им. Н. А. Семашко, 1987. 194 с. С. 84–101.

References

[1] *Aralovets N. A.* Urban family in Russia in the second half of the 20th century. M.: IRH RAS, 2015. 356 p.

[2] *Vasiliev K. G.* The history of epidemics and the fight against them in Russia in the XX century. M.: Medicine, 2001. 256 p.

[3] *Vishnevsky A. G.* Mortality in Russia: the second epidemiologic revolution that never was // *Demographic Review*. 2014. Vol. 1, No. 4. Pp. 5–40.

[4] *Demographic history of Western Siberia (late XIX–XX centuries)*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2017. 350 p.

[5] *Zhyromskaya V. B.* The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century. M.: Kuchkovo Pole, 2012. 320 p.

[6] *Health care and social security in the USSR*: stat. col. M.: TsSU SSSR, 1976. 591 p.

[7] *Information bulletin on infectious diseases in the RSFSR for 1973*. M.: Ministry of Health of the RSFSR, 1974. 62 p.

[8] *Information bulletin on infectious diseases in the RSFSR for 1982 (according to the annual statistical reports «On the movement of infectious diseases»)*. M.: Ministry of Health of the RSFSR, 1983. 85 p.

[9] *Isupov V. A.* The epidemiological transition in Russia: the search for the source position // *Population and territory of Russia: history and modernity*. M., 2017. 621 p. Pp. 43-50.

[10] *Kakorina E. P.* Socio-hygienic features of the incidence of preschool children in an industrial city // *Materials for studying the state of health of the population and statistical support of health institutions: coll. scientific tr.* Moscow: VNII SG and OZ im. N. A. Semashko, 1987. 194 p. Pp. 102-109.

[11] *The population of Russia in the 20th century: historical essays*. M.: ROSSPEN, 2005. Vol. 3, book. 1. 304 p.

[12] *The population of Russia in the 20th century: historical essays*. M.: ROSSPEN, 2005. Vol. 3, book. 2. 295 p.

[13] *Health protection in the USSR: stat. col.* M.: Finance and statistics, 1990. 238 p.

[14] The state of health of young children living in areas of an industrial city with different levels of atmospheric air pollution / R. K. Ignatieva, S. N. Daeva, N. I. Kaderkaeva et al. // *Materials for studying the state of public health and statistical support of health institutions: Sat. scientific tr.* Moscow: VNII SG and OZ im. N. A. Semashko, 1987. 194 p. Pp. 84-101.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-2>

УДК 930(470)«19»:314.148

JEL N01, N34

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭПИДЕМИЙ В СССР В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Е. Ю. Баранов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7241-8498>

Автор для корреспонденции: Е. Ю. Баранов (eubaranov@yandex.ru)

Аннотация. *Предпринята попытка определить основные подходы к изучению темы эпидемий в СССР, сложившиеся в современных историко-демографических исследованиях, и выявить результаты исследования демографических аспектов эпидемий в период форсированных модернизационных изменений и активной стадии социальной трансформации в стране в 1930-е гг. Актуальность исследования связана с возможностью более глубокого понимания исторических тенденций в эволюции здоровья населения, развитии заболеваемости и эпидемий. Постановка задачи анализа исследовательских подходов к историко-демографической разработке темы эпидемий в СССР обуславливает его новизну. Основными историографическими источниками стали историко-демографические исследования, опубликованные на современном этапе развития отечественной историографии. Показано, что тематика эпидемий в СССР разрабатывалась в рамках исследований демографических катастроф и кризисов и в ходе реализации попыток исторических обобщений и выявления демографических закономерностей. Эпидемии рассматривались как фактор демографического состояния. Существенное историографическое значение имеют труды об «эпидемиологическом переходе». Сделан вывод, что в исследованиях охарактеризована роль эпидемий в возникновении демографических потрясений, выявлено ведущее значение инфекционных заболеваний в причинах смерти населения в 1930-е гг., установлено негативное воздействие эпидемий на модернизационные процессы в демографической сфере.*

Ключевые слова: историческая демография, эпидемии, историография, инфекционные заболевания, здравоохранение

Demographic Aspects of Epidemics in the USSR in Modern Historiography

E. Yu. Baranov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-7241-8498>

Corresponding author: E. Yu. Baranov (eubaranov@yandex.ru)

Abstract. *The paper attempts to identify the main approaches to the study of epidemics in the USSR, which have been developed in modern historical and demographic research, as well as to determine the results of a study of the demographic aspects of epidemics during the period of forced modernisation and the active stage of social transformation in Russia in the 1930s.*

¹ © Баранов Е. Ю. Текст. 2022.

The study allows a deeper understanding of historical trends in the evolution of public health, the development of morbidity and epidemics. Formulation of the issue of analysing approaches to the historical and demographic studies on the topic of epidemics in the USSR determines the paper novelty. The main historiographical sources were historical and demographic studies published at the present stage of development of Russian historiography. It is shown that the topic of epidemics in the USSR was developed in the framework of studies on demographic catastrophes and crises and in the course of the implementation of attempts at historical generalisations and identification of demographic patterns. Epidemics were characterised as a demographic factor. Works on the «epidemiological transition» are deemed to be of historiographical significance. The article concluded that the examined studies characterised the role of epidemics in the occurrence of demographic upheavals, revealed the leading role of infectious diseases in the causes of death in the 1930s, and established the negative impact of epidemics on modernisation processes in the demographic sphere.

Keywords: historical demography; epidemics; historiography; infectious diseases; healthcare

Введение

Угроза коронавирусной инфекции вызвала широкий общественный интерес к тематике эпидемий. В средствах массовой информации стали публиковаться статьи, посвященные различным аспектам инфекционной заболеваемости, а также содержащие экскурсы в историю пандемий и эпидемий. В истории России эпидемии неоднократно представляли угрозу социально-демографическому развитию, в условиях социальных катаклизмов они были одними из ведущих причин демографических кризисов. В XX в. общество столкнулось с целым рядом опасных инфекций, среди них были испанский грипп, чума, натуральная оспа, холера и др. Эпидемическая ситуация всегда сильно зависела от социальных факторов и в особенности от качества жизни людей и уровня развития здравоохранения. Ведущими факторами роста заболеваемости являлись миграции, высокая плотность населения, отсутствие надлежащих санитарно-гигиенических условий, войны и голодание населения.

Отрицательными последствиями социально-экономических преобразований в стране в 1930-е гг., осуществленных форсированными темпами, оказались антисанитарная обстановка и продовольственные проблемы. Антисанитарные условия быта во многом были обусловлены жилищно-коммунальными проблемами, что в значительной мере было связано с ускоренным индустриальным строительством, миграционными процессами и ростом городов. В городских поселениях, местах нового промышленного строительства рабочие, мигранты из сельской местности часто жили в бараках и зачастую даже в землянках. Развитию инфекционной заболеваемости способствовал голод, особенно остро проявившийся в начале четвертого десятилетия. Органы советского здравоохранения не смогли предотвратить в 1930-е гг. целый ряд эпидемических вспышек тифа, малярии, оспы и других болезней.

Материалы и методы

Историография темы эпидемий в СССР включает обширный корпус исследований, связанных с изучением проблем демографического развития и истории советского здравоохранения. Основными историографическими источниками стали историко-демографические исследования, опубликованные на современном этапе историографии (его начало можно отнести к концу 1980-х — началу 1990-х гг.). В ходе исследования проанализированы работы, посвященные демографической истории Советского Союза, в которых эпидемическая заболеваемость учитывалась в качестве фактора развития населения страны, а также рассматривались ее демографические аспекты. Реализация исследований демографического аспекта эпидемий предполагает, прежде всего, изучение структуры и уровня заболеваемости, анализ причин смерти, оценку масштабов и демографических последствий эпидемий. Однако в рамках исследований, выполненных в историко-демографическом ключе, также уделяется внимание выявлению политических, экономических, социальных и экологических факторов распространения болезней, проведению анализа деятельности государственных органов и учреждений здравоохранения, санитарных органов по борьбе с инфекционными заболеваниями и эпидемическими процессами. Анализ современной историографии демографической истории СССР в 1930-е гг. позволяет определить главные результаты историко-демографической разработки проблемы эпидемий в период трансформационных изменений в экономике, социуме и населении, когда эпидемиологическая обстановка оказалась одним из основных факторов демографического развития. В ходе настоящего исследования используются общенаучные и специальные исторические методы, основными являются историко-генетический, историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Результаты

В советскую эпоху тематика эпидемической заболеваемости получила отображение в научной литературе по медицине и в публикациях по истории здравоохранения. В трудах медиков рассматривались вопросы профилактики, диагностики и лечения заболеваний. В этот период историографии в обстановке тотального влияния официальной идеологии в исследованиях по истории медицины и здравоохранения в СССР нашли отражение, прежде всего, достижения органов здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы в борьбе с инфекционными болезнями. Следует также отметить, что информация об эпидемических вспышках, как и значительная часть данных о населении СССР, в 1930-е гг. стала засекреченной.

Для современного этапа отечественной историографии характерно расширение исследовательской проблематики и применение зарубежных теоретических концептов. В постсоветском научном пространстве

исследовательский поиск стимулировало рассекречивание обширных комплексов архивных документов по советской истории, в том числе содержащих информацию о санитарно-эпидемиологической обстановке. В работах по истории народонаселения страны эпидемическая заболеваемость стала рассматриваться как фактор повышения смертности и возникновения кризисных явлений в демографической сфере. Значительное внимание демографы и историки уделили исследованию демографических потрясений в прошлом столетии, выявлению их факторов и последствий. По мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, в «голодном» 1933 г. показатели смертности росли по многим причинам, среди них были и инфекционные болезни. В этом году в городских поселениях Европейской части РСФСР число умерших было в 1,6 раза выше уровня более благополучного 1934 г. Вследствие заболеваний, связанных с неполноценным питанием, в «голодный» год горожан умерло в 5,1 раза больше, чем в год, последовавший за ним, а вследствие заболевания сыпным тифом — в 2,7 раза. Эти демографы отметили, что в медико-демографическом плане население России в четвертом десятилетии находилось на этапе «эпидемического перехода», который следовал за устранением фактора смертности вследствие опасных инфекционных заболеваний, увеличение продолжительности жизни на этом этапе перехода связано с уменьшением смертности младенцев, детей и женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. Проявление подобной тенденции стало возможным в результате развития государственного здравоохранения, сориентированного главным образом на профилактические меры [1].

Б.Б. Прохоров и И.В. Горшкова (1999) писали о «кризисах общественного здоровья» в стране в прошлом веке. По их мнению, подобные кризисные состояния наступали в результате войн и социально-экономических бедствий и сопровождалась ростом заболеваемости инфекциями и показателей смертности. В истории России и СССР XX в. ученые выделили четыре кризисных периода (1914–1923, 1932–1934, 1941–1947, 1991–1998 гг.). Наступление кризиса в 1932–1934 гг. они объяснили голодом и эпидемическими процессами. Они отметили, что в ряде союзных республик, включая РСФСР, к концу десятилетия практически получилось ликвидировать возвратный тиф, натуральную оспу, резко упала заболеваемость сыпным тифом и начал понижаться уровень заболеваемости брюшным тифом. При этом сохранялась серьезная опасность распространения туберкулеза, кишечных и детских инфекций [32, с. 125, 129–130]. По мнению Б.Б. Прохорова (2001), в истории России 1932–1933 гг. были завершающим этапом обширных эпидемий, а конец 1930-х гг. стал отправной точкой в окончании «первой эпидемиологической революции». В ходе этих качественных «преобразований» изменялась структура заболеваемости людей, в которой болезни, возникавшие под воздействием экзогенных условий (в т. ч. инфекции и инвазии), вытеснялись болезнями, которые были связаны с процессами естественного старения человеческого организма [33,

с. 153]. «Кризис общественного здоровья» 1941–1947 гг., обусловленный военными действиями, оккупацией, голодом, притоком беженцев в тыловые районы, «разрухой» также привел к резкому ухудшению эпидемиологической обстановки и росту инфекционной заболеваемости такими болезнями, как сыпной, брюшной и возвратный тиф, дизентерия, малярия, холера и др. Б.Б. Прохоров и И.В. Горшкова говорили о продолжении «эпидемиологической революции» в послевоенный период. Они указали, что в это время в России были ликвидированы натуральная оспа, малярия, туляремия, возвратный тиф, почти исчезли вспышки холеры, резко уменьшились показатели заболеваемости брюшным тифом, а появление сыпного тифа сократилось до спорадических случаев. Эпидемические вспышки полиомиелита в СССР, фиксировавшиеся с 1954 г., удалось ликвидировать с помощью вакцинации к началу 1960-х гг. Ученые считают, что в последние десять лет XX в., несмотря на почти полное отсутствие эпидемий острозаразных болезней, не удалось избежать кризиса здоровья, одной из характеристик которого стал рост инфекционной заболеваемости так называемыми социальными болезнями (в частности туберкулезом и сифилисом). Б.Б. Прохоров и И.В. Горшкова заключили, что в первой половине прошлого столетия в России произошла первая «эпидемиологическая революция». По их мнению, первые три «кризиса общественного здоровья» происходили до ее завершения, поэтому они сопровождались высокой заболеваемостью острозаразными болезнями (холерой, тифами, оспой, дизентерией) и обусловили высокие показатели общей и младенческой смертности. Одна из особенностей этих кризисов заключалась в том, что большинство населения страны в это время проживало в сельской местности, где было крайне затруднительно организовать оказание квалифицированной медицинской помощи [32, с. 130–133, 136].

Анализ эпидемической заболеваемости был предпринят В.А. Исуповым в ходе изучения демографических бедствий в России в первой половине XX в. Им были выявлены экзогенные (политические, экономические, социальные) факторы распространения инфекций и роста смертности, дана характеристика масштабам отдельных эпидемий, оценены действия партийно-государственного руководства страны по борьбе с эпидемиями. По мнению В.А. Исупова (2000), ведущим фактором увеличения смертности населения в 1929–1931 гг. стало ухудшение качества его жизни, связанное с проблемами здравоохранения, в т.ч. с недостатком лекарств и предметов санитарии и гигиены. Ученый отметил, что в 1930 г. наблюдался рост числа заболеваний скарлатиной, корью, дифтерией, паратифом, брюшным тифом и др. Советское здравоохранение, испытывавшее финансовый и кадровый дефицит (недостаток денежных средств, врачей и больничных мест), в 1932–1933 гг. оказалось не в силах противостоять распространению эпидемий. Историк считает, что статистические органы, вероятно, преуменьшили масштабы социально-демографического катаклизма, когда в эти два голодных года зафиксировали более 1 млн

человек, зараженных сыпным тифом, 500 тыс. человек, заболевших брюшным и 50 тыс. человек — возвратным тифом. Почти 6,5 млн случаев малярии было зарегистрировано в 1933 г. В этот период часто наблюдались детские инфекции (скарлатина, корь, коклюш, дифтерия), фиксировались заболевания туберкулезом, авитаминозы (цинга, пеллагра), «септическая ангина». Голод и эпидемии привели к резкому росту смертности, что дало возможность ученому характеризовать 1932–1933 гг. как период демографической катастрофы [17, с. 80, 85–87].

Медико-демографическая ситуация, сложившаяся в стране в 1930-е гг., охарактеризована в научных трудах В.Б. Жиромской [11–13], которая считает, что политический, экономический и экологический факторы обусловили многомиллионные потери населения в этот период, когда смертность играла решающую роль в процессах, определяющих динамику численности населения. Она отметила, что заболевания органов дыхания (крупозная пневмония, туберкулез, бронхопневмония и др.) были самыми распространенными из причин смерти людей в РСФСР в этом десятилетии. Инфекционные заболевания (сыпной и брюшной тиф, оспа и др.) занимали вторую позицию в структуре причин смерти. Историк показала, что не только в голодные годы, но и во второй половине 1930-х гг. были зафиксированы эпидемические вспышки [11, с. 24–27].

Характеристика демографического аспекта эпидемий нашла отражение в фундаментальных исследованиях по демографической истории страны. В первом томе научного труда «Население России в XX веке» (2000) отмечено, что в 1930-е гг. эпидемические заболевания оказались одной из причин высокого уровня смертности. В книге в качестве иллюстрации этого тезиса приведены сведения о распространении инфекционных заболеваний (сыпным, брюшным и возвратным тифом, натуральной оспой) в РСФСР в конце 1934 — начале 1935 гг. [29, с. 242].

Сегодня в российской историко-демографической науке достаточно распространены заимствованные из зарубежной литературы теоретические представления об «эпидемиологическом переходе». Этот термин используется для характеристики изменений в структуре заболеваемости и смертности, происходящих вследствие усиления контроля со стороны общества над данными процессами. В результате этого перехода доминирование экзогенных причин смерти населения (инфекционных и паразитарных болезней, заболеваний органов дыхания и желудочно-кишечного тракта) сменяется преобладанием эндогенных и квазиэндогенных причин (сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний). Следствием «эпидемиологического перехода» является снижение заболеваемости и рост продолжительности жизни. Эта концепция, наряду с теорией «демографического перехода», все чаще используется отечественными учеными в ходе исследований процессов демографической модернизации в стране. Они доказывают, что социальные бедствия в первой половине прошлого столетия мешали осуществлению перехода к типу смертности,

характерному для современного общества, а эпидемические процессы оказали негативное влияние на динамику трансформации.

В «Новой российской энциклопедии» (2003) концепт «эпидемиологического перехода» используется для отражения существенных изменений в показателях здоровья и смертности населения в XX в. В ней говорится, что в РСФСР в конце 1930-х гг. вероятность умереть от инфекций и заболеваний пищеварительной системы была более чем в 6 раз выше, чем в начале 1990-х гг., а от заболеваний органов дыхания эта вероятность была выше примерно в 3 раза. В этой книге также отмечено, что социальные катаклизмы, произошедшие в стране, побудили государство к активному внедрению новых методов борьбы со смертностью. По мнению авторов энциклопедии, в 1920–1930-е гг. такими методами были очистка питьевой воды и вакцинация, а в 1940–1950-е гг. — лечение сульфаниламидами и антибиотиками [30, с. 160, 171].

Авторы монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000» (2006) рассматривают «эпидемиологический переход» в роли одного из процессов, протекающих в рамках демографической модернизации. Они отметили, что к концу 1930-х гг. в СССР вероятно «...была значительно ограничена роль массовых эпидемий... накануне Второй мировой войны и заболеваемость, и смертность в России все еще оставались очень высокими, настоящего перелома в их динамике не наступило...» [9, с. 264]. Демографы указали, что в первой половине прошлого века процессы «эпидемиологического перехода» в стране испытали «тормозящее» воздействие социальных катаклизмов, и во многом поэтому «модернизация смертности» к концу столетия осталась в России незавершенной [9, с. 257–258, 393].

В.Б. Жиромская, как и авторы книги «Демографическая модернизация России...», указала, что в прошлом столетии экзогенные социально-политические, военные факторы приводили к ухудшению здоровья людей, росту инфекционной заболеваемости и постоянно прерывали процесс «демографического перехода» [12, с. 11–19, 124]. О прерывистом характере «демографического перехода» в России писал и В.А. Исупов. Он соотнес исходную позицию процесса перехода с начальной стадией перестройки структуры смертности (ведущая роль экзогенных факторов смертности сменяется превалированием эндогенных и квазиэндогенных причин) [18, с. 12–16]. Историк также говорит об основополагающей роли повышенной смертности в стране и медленного процесса ее снижения при осуществлении перехода к современному типу демографического воспроизводства. Он пишет, что в России «эпидемиологический переход» носил «мерцающий характер» и претерпел несколько «фальстартов», обусловленных увеличением смертности вследствие воздействия экзогенного фактора социальных потрясений. Прерыванию попытки «эпидемиологического перехода» в начале 1930-х гг. способствовали эпидемии инфекционных заболеваний. Еще один «фальстарт» переходного процесса был связан

с негативным влиянием, оказанным на здоровье населения событиями Второй мировой войны [19, с. 82–86].

В рамках региональных историко-демографических исследований также анализируются обусловленность и уровень заболеваемости населения, оценивается ее роль в росте смертности в отдельных регионах в годы демографических катастроф и кризисов, изучаются причины смерти населения в ходе выявления региональных тенденций развития «эпидемиологического перехода». В монографии «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX — XX вв.)» (2017) охарактеризована инфекционная заболеваемость в регионе, выступившая фактором ухудшения демографической ситуации в 1930-е гг., эпидемии в начале этого десятилетия обозначены как сопутствовавшая голоду причина демографической катастрофы. Авторы книги показали, что инфекции занимали главное место среди причин смерти населения в городской местности в регионе в этот период [8, с. 77–84, 92–93].

В работах Е.Ю. Баранова и Г.Е. Корнилова содержится историческая характеристика санитарно-эпидемиологической обстановки на Урале в 1930-е гг.: в них проанализирован рост инфекционной заболеваемости в регионе в условиях голода 1932–1933 и 1936–1937 гг. [3; 4; 23; 24]. Факторы, структура и уровень смертности горожан Урала в 1930-е гг. анализируется в исследованиях В.А. Журавлевой, которая показала, что инфекции и инвазии занимали первое место в иерархии причин смерти горожан в регионе. Историк пишет, что в городской местности Урала в этот период получилось «победить» натуральную оспу, уменьшить летальные исходы, вызванные тифом, однако оставалась на высоком уровне смертность вследствие детских инфекций и увеличились показатели смертности от малярии. По мнению историка, в уральских городах в 1930-е гг. проходил первый этап «эпидемиологического перехода» [14, с. 8, 27–28; 15, с. 13–14]. В статье А.В. Чащина рассматривается вопрос причин смерти населения городов и рабочих поселков, находившихся на территории Среднего Урала во второй половине 1920-х–1930-е гг., в них также обозначена ведущая роль инфекционных и паразитарных болезней в структуре причин смерти [38; 39].

Одним из направлений современной отечественной историографии, в рамках которого изучается тематика эпидемий в СССР, стало исследование истории становления и развития системы здравоохранения. В целом ряде научных трудов рассматриваются историко-правовые аспекты законодательства и правового регулирования в области здравоохранения в СССР и РСФСР [6; 7; 10; 34; 35]. Региональные работы этого направления историографии ориентированы на выявление этапов формирования системы здравоохранения. Одной из актуальных задач подобных работ является историческая оценка эффективности деятельности санитарных органов, органов здравоохранения, санитарно-эпидемиологических и медицинских учреждений по противодействию эпидемиям. В ходе этих

исследований ученые выявляют эпидемические вспышки и уровень заболеваемости [2; 5; 20–22; 25; 31; 36; 37].

В современной историографии имеются исторические исследования, связанные с анализом инфекционной заболеваемости и эпидемий в отдельных городах Советского Союза. Например, Н.Н. Макарова проанализировала возникновение эпидемических вспышек и условия распространения инфекций в 1930–1935 гг. в Магнитогорске. Удельный вес болезней органов дыхания (пневмонии, туберкулеза и др.) в причинах смерти населения этого города доходил до 23,8 %, а доля инфекционных заболеваний (оспы, скарлатины, тифа, дизентерии, кори и др.) достигала значения 25,3 % [27, с. 99].

Еще один аспект исследований темы эпидемий связан с анализом их роли в жизни спецпереселенцев. В научных трудах, направленных на изучение принудительных миграций в Советском Союзе, «кулацкой ссылки», роли спецпереселенцев в развитии различных территорий страны, историко-демографическая характеристика эпидемической ситуации иллюстрирует низкий уровень жизни спецпереселенцев и служит для описания причин высокой смертности среди них [16; 26; 28].

Анализ современной отечественной историографии показал, что тематика эпидемий в СССР разрабатывалась в рамках исследований кризисных ситуаций в демографическом развитии страны, в ходе реализации попыток исторических обобщений и выявления демографических закономерностей. Существенное значение для понимания процессов эволюции заболеваемости и смертности населения в стране имеют историко-демографические исследования «эпидемиологического перехода». В результате научно-исследовательской работы учеными была выявлена роль эпидемий в возникновении демографических катастроф и кризисов, показано ведущее значение инфекционных заболеваний в причинах смерти населения в 1930-е гг., установлено негативное воздействие эпидемий на модернизационные процессы в демографической сфере.

Обсуждение

Актуальность исследований демографического аспекта эпидемий в СССР сохраняется. Научные изыскания могут быть направлены на уточнение количественной оценки масштабов и последствий эпидемий, выявление региональных тенденций развития эпидемической заболеваемости и историческую реконструкцию картины отдельных эпидемий. Применение количественного анализа связано с проблемой полноты регистрации сведений о населении в СССР и достоверности советской статистики, которая является предметом полемики в современной исторической науке. Следует также отметить, что информативный потенциал источниковой базы исследований демографической истории СССР ограничен, это в частности обусловлено особенностями учета сельского и городского населения. На наш взгляд, историко-демографические исследования

могут быть нацелены и на более обобщенную оценку потерь населения страны и ее регионов вследствие эпидемий, которая может быть предпринята с учетом глобальных столетних демографических трендов.

Заключение

Таким образом, результаты исследований демографических аспектов эпидемий в СССР связаны с выявлением социально-экономических, политических и экологических факторов эпидемических процессов, количественной оценкой заболеваемости отдельными инфекциями, исторической характеристикой конкретных эпидемических вспышек, определением роли инфекционных болезней в структуре смертности. Дальнейшая научно-исследовательская разработка темы эпидемий может быть связана с реализацией фундаментальных обобщений по истории эпидемий и «эпидемиологическому переходу» в стране или с изучением конкретных эпидемических вспышек. Эти направления исследований должны способствовать выявлению демографического урона, нанесенного эпидемиями населению России в XX в., и помочь проследить вековую эволюцию эпидемической картины в стране.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 20–09–00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект».

Список источников

- [1] Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. Москва : «Информатика», 1998. 187 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 30.04.2022).
- [2] Бадугинова М. В. Борьба со вспышкой эпидемии Чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 108–113.
- [3] Баранов Е. Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг. (на материалах Урала) // Известия Уральского федерального университета. 2012. № 3 (104). С. 219–227. (Сер. 1. Проблемы науки, образования и культуры).
- [4] Баранов Е. Ю. Население Урала в условиях голода начала 1930-х годов: историко-демографическая характеристика // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы: сб. статей / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург : Изд-во ГУ «РЦРО», 2010. С. 45–52.
- [5] Гадицкая М. А., Самсоненко Т. А. Медицинское обслуживание в повседневности колхозной деревни 1930-х гг. (на материалах Юга России) // Власть. 2017. Т. 25, № 5. С. 192–197.
- [6] Голубев А. А. Правовое регулирование отечественного здравоохранения в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 28 с.

[7] *Давыдова Т. В.* Советское законодательство о здравоохранении в довоенный период (1917–1941 гг.): историко-правовой аспект // Вестник Тамбовского университета. 2015. Т. 20, Вып. 11 (151). С. 79–85. (Гуманитарные науки).

[8] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017. 238 с.

[9] Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. Москва : Новое издательство, 2006. 608 с.

[10] *Егорова Д. В.* Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917–1991 годы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.

[11] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 280 с.

[12] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. Москва : Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.

[13] *Жиромская В. Б.* Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е годы // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. статей / под ред. Ю. А. Полякова. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 103–114.

[14] *Журавлева В. А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 38 с.

[15] *Журавлева В. А.* Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 32 (165). С. 10–15. (Социально-гуманитарные науки).

[16] *Игнатова Н. М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2009. 192 с.

[17] *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

[18] *Исупов В. А.* К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.

[19] *Исупов В. А.* Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.

[20] *Клементьева Н. В.* Здравоохранение Южного Урала (1917–1936 гг.). Москва : Изд-во «ФЛИНТА», 2016. 210 с.

[21] *Клементьева Н. В.* Медико-санитарная помощь населению Оренбургского округа в 1928–1933 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). С. 31–35.

[22] *Клементьева Н. В.* Политика органов здравоохранения в борьбе с социальными болезнями в 1920–1930-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 4 (50). С. 103–109.

[23] *Корнилов Г. Е.* Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 60–66.

[24] Корнилов Г. Е. Демографические последствия голода 1936–1937 годов в Свердловской области // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демограф. форум с междунар. участием: сб. статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 78–84.

[25] Корноухова Г. Г. Заболеваемость, смертность и медицинское обслуживание в советской провинции 1920–1930-х гг. (по материалам Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 2. С. 51–64. (История России).

[26] Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. 2-е изд. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 344 с.

[27] Макарова Н. Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 96–100.

[28] Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 196 с.

[29] Население России в XX веке: в 3-х т. Т. 1. 1900–1939. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 463 с.

[30] Новая российская энциклопедия: в 12 т. Москва : Изд-во «Энциклопедия», 2003. Т. 1. 959 с.

[31] Островкин Д. Л., Попов М. В. Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28, Вып. 1. С. 109–115. (История и филология).

[32] Прохоров Б. Б., Горшкова И. В. Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX веке // Мир России. 1999. Т. 8, № 4. С. 125–137.

[33] Прохоров Б. Б. Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. 2001. Вып. 1. С. 148–163.

[34] Русаков С. Н. Эволюция советского законодательства в области здравоохранения промышленного рабочего класса в 1930-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4–5. С. 92–97.

[35] Рыбакова Е. О. Организационно-правовые основы системы советского здравоохранения: 1917–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 27 с.

[36] Самсоненко Т. А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х годов. Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2011. 224 с.

[37] Самсоненко Т. А. Становление и развитие сельской системы здравоохранения в СССР в 1930-х гг. // Власть. 2015. Т. 23, № 5. С. 146–151.

[38] Чащин А. В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5 (79). С. 116–121.

[39] Чащин А. В. Демографическая ситуация в городах Среднего Урала в 1926–1940 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 168–177.

References

- [1] *Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkova T. L.* Demographic history of Russia: 1927–1959. Moscow: Informatics, 1998. 187 p. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (accessed on 30.04.2022).
- [2] *Baduginova M. V.* Struggle with Eruption of Plague Epidemy in Kalmyk ASSR and Stalingrad Region in 1937-1938 // Bulletin of the Kalmyk institute for humanities of the Russian academy of sciences. 2012. No. 2. Pp. 108–113.
- [3] *Baranov E. Yu.* Population and social transformations in the ussr: demographic crises during the «socialist» transformations of the 1930-ies (on materials of the Urals region) // Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in education, science and culture. 2012. No. 3(104). Pp. 219–227.
- [4] *Baranov E. Yu.* Population of the Urals in the famine of the early 1930s: historical and demographic characteristics // Agrarian sphere in the context of Russian modernizations of the 18th–20th centuries: macro and micro processes: collection of articles / ed. G. E. Kornilov, V. A. Labuzov. Orenburg: GU «RCRO» Publ., 2010. Pp. 45–52.
- [5] *Gaditskaya M. A., Samsonenko T. A.* Medical services in everyday life of collective farm village in 1930s (on materials of South Russia) // The Authority. 2017. Vol. 25, No. 5. Pp. 192–197.
- [6] *Golubev A. A.* Legal regulation of domestic health care in 1917–1941: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2010. 28 p.
- [7] *Davydova T. V.* Soviet legislation on healthcare in the pre-war period (1917–1941): historical and legal aspect // Tambov University Review. Series: Humanities. 2015. Vol. 20, No. 11(151). Pp. 79–85.
- [8] Demographic history of Western Siberia (late XIX-XX centuries) / ed. V. A. Isupov. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2017. 238 p.
- [9] Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / ed. A. G. Vishnevsky. Moscow: New publishing house, 2006. 608 p.
- [10] *Egorova D. V.* Legal policy in the field of public health and legal protection of public health in the Soviet state (1917–1991): the dissertation author's abstract on the degree of Candidate of Juridical Sciences. Saratov, 2011. 26 p.
- [11] *Zhyromskaya V. B.* The demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 280 p.
- [12] *Zhyromskaya V. B.* The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century. Moscow: Kuchkovo pole; Union of families of servicemen of Russia, 2012. 320 p.
- [13] *Zhiromskaya V. B.* Ecology and mortality in the RSFSR in the 1930s // Historical ecology and historical demography: coll. scientific articles / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. Pp. 103–114.
- [14] *Zhuravleva V. A.* Urban population of the Urals in the 1920s–1930s: historical and demographic analysis: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Ekaterinburg: Publishing Center of SUSU, 2016. 38 p.
- [15] *Zhuravleva V. A.* Reasons of mortality of Ural urban population in 1920–1930s. // Bulletin of the South Ural state university. Series: Social sciences and the humanities. 2009. No. 32(165). Pp. 10–15.

[16] *Ignatova N. M.* Special settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. 192 p.

[17] *Isupov V. A.* Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000. 244 p.

[18] *Isupov V. A.* On the beginning of the process of demographic transition in Western Siberia // Humanitarian Sciences in Siberia. 2010. No. 1. Pp. 12–16.

[19] *Isupov V. A.* the epidemiological transition in Russia: a historian's view // Demographic Review. 2016. Vol. 3, No. 4. Pp. 82–92.

[20] *Klementieva N. V.* Health care of the Southern Urals (1917–1936). Moscow: FLINTA Publishing House, 2016. 210 p.

[21] *Klementieva N. V.* Medical and sanitary assistance to the population of the Orenburg district in 1928–1933 // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 12 (150). Pp. 31–35.

[22] *Klementieva N. V.* The policy of health authorities in the fight against social diseases in the 1920–1930s // Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. 2007. No. 4(50). Pp. 103–109.

[23] *Kornilov G. E.* Demographic situation in Urals in the mid-1930s // Humanitarian Sciences in Siberia. 2016. Vol. 23. No. 4. Pp. 60–66.

[24] *Kornilov G. E.* Demographic consequences of the famine years of 1936–1937 in Sverdlovsk region // Dynamics and inertia of population reproduction and replacement of generations in Russia and the CIS: VII Ural demographic forum with international participation. Sociology and history of reproduction of the population of Russia. Vol. 1: Sociology and history of the reproduction of the Russian population. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2016. Pp. 78–84.

[25] *Kornoukhova G. G.* Sickness rate, death-rate, birth rate and medical care of people in soviet province in 1920–1930s (on the basis of the Astrakhan region's sources) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2008. No. 2. Pp. 51–64.

[26] *Krasilnikov S. A.* Sickie and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s. 2nd ed. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2009. 344 p.

[27] *Makarova N. N.* Demographic characteristic of Magnitogorsk: analysis of the reasons of mortality and birth-rate (1930–1935) // Society and Power. 2009. No. 3 (23). Pp. 96–100.

[28] *Mikhalev N. A.* The population of Yamal in the first half of the XX century: (historical and demographic processes). Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2010. 196 p.

[29] The population of Russia in the 20th century: in 3 vols. Vol. 1. 1900–1939. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 463 p.

[30] New Russian Encyclopedia: in 12 vols. Moscow: Encyclopedia Publishing House, 2003. Vol. 1. 959 p.

[31] *Ostrovkin D. L., Popov M. V.* Epidemic state of the ural region and the fight against epidemics in the Urals in the 1930s // Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2018. Vol. 28, No. 1. Pp. 109–115.

[32] *Prokhorov B. B., Gorshkova I. V.* Public health crises in Russia and the USSR in the XX century // *Universe of Russia*. 1999. Vol. 8, No. 4. Pp. 125–137.

[33] *Prokhorov B. B.* Health of the Russian population: past, present, and future // *Studies on Russian economic development*. 2001. No. 1. Pp. 148–163.

[34] *Rusakov S. N.* The development of the soviet legislation in the sphere of public health service of industrial workers in the 1930s // *Bulletin of the Vyatka State University*. 2012. No. 4–5. Pp. 92–97.

[35] *Rybakova E. O.* Organizational and legal foundations of the system of Soviet public health (1917-1936): the dissertation author's abstract on the degree of Candidate of Juridical Sciences. Moscow, 2010. 27 p.

[36] *Samsonenko T. A.* Collectivization and health care in the South of Russia in the 1930s. Novocherkassk: YuRGU (NPI), 2011. 224 p.

[37] *Samsonenko T. A.* Formation and development of the rural health care system in the USSR in the 1930s // *The authority*. 2015. Vol. 23, No. 5. Pp. 146–151.

[38] *Chaschin A. V.* Cities' population of middle ural in the second half of 1920-1930-ies (historical-demographic analysis) // *Vestnik of Samara State University*. 2010. No. 5(79). Pp. 116–121.

[39] *Chashchin A. V.* Demographic situation in the central urals towns in 1926-1940 // *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2010. No. 2(28). Pp. 168–177.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-3>
УДК 314.04(292.471)
JEL J11, N33, O15

**НАСЕЛЕНИЕ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ 1897–1923 ГГ.:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ¹**

Н. Д. Борщик

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-8234-4381>
Автор для корреспонденции: Н. Д. Борщик (arktur4@rambler.ru)

Аннотация. В последнее время возросло количество историко-демографических исследований, что объясняется их важностью для понимания современной демографической ситуации и закономерностей воспроизводства населения, составления демографических прогнозов, разработки научно обоснованной социальной и демографической политики. Все чаще взгляды исследователей в вопросах создания государственной системы учета населения обращаются к историческому опыту предшествующих современному развитию эпох: имперскому и советскому периодам. И эта позиция оправдана: современные переписи населения во многом имеют преемственный характер и практику исторически сложившихся условий государственных народоисчислений. В этих условиях сравнительный анализ организации и проведения первой (и единственной) переписи населения Российской империи 1897 г. и первых советских переписей 1920 и 1923 г., их итогов представляют несомненный исследовательский интерес. Для Крыма, ставшего новым субъектом Российской Федерации в 2014 г., подобное исследование является актуальным и своевременным.

Ключевые слова: историческая демография, переписи населения, Российская империя, Советское государство, Крымский полуостров

Population of the Crimean Peninsula based on the Materials of the All-Russian Censuses of 1897–1923: Main Trends and Development Factors

N. D. Borshchik

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-8234-4381>
Corresponding author: N. D. Borshchik (arktur4@rambler.ru)

Abstract. Recently, the number of historical and demographic studies has grown due to their importance for understanding the modern demographic situation and patterns of population reproduction, making demographic forecasts, and developing scientifically based social and demographic policies. To examine the creation of a state registration system, researchers increasingly turn to the historical experience of the epochs preceding the modern development, such as the imperial and Soviet periods. This approach is justified, since modern censuses largely depend on the historically established conditions of state censuses. Under these conditions, a comparative analysis of the organisation and conduct of the first (and only) Russian Empire Census in 1897 and the first Soviet

¹ © Борщик Н. Д. Текст. 2022.

censuses of 1920 and 1923, as well as their results, are of research interest. For Crimea, which became a new constituent entity of the Russian Federation in 2014, such a study is relevant and timely.

Keywords: historical demography; censuses; Russian Empire; Soviet state; Crimean peninsula

Введение

Современная методика государственного учета населения опирается на богатый опыт прошлых эпох. В российском обществе таким периодом стало XIX столетие, в течение которого произошел переход к специальным демографическим обследованиям: вначале только лиц, платящих подати («ревизий»), а в 1897 г. — впервые всех жителей страны. Эта всенародная перепись, несмотря на активную подготовку подобного обследования в 1915 г., так и осталась единственной в истории Российской империи. Советские властные структуры уделяли самое пристальное внимание и вопросам организации статистических органов, и проведения самих статистических обследований имеющихся в стране материальных и демографических ресурсов. Об этом свидетельствуют принятые в первые годы существования Советского государства нормативы: декреты СНК РСФСР «О государственной статистике (Положение)» (1918) и «Положение о местных статистических учреждениях» (1919) [1], инструктивные материалы статистических обследований 1920 г. [2] и 1923 г. [3].

В настоящее время есть достаточное количество научных трудов, в которых рассматриваются вопросы осуществления как всероссийской переписи населения 1987 г., так и «ранних» советских переписей 1920 г. и 1923 г. Однако Крымский полуостров в этом отношении является незаслуженно обделенным исследовательским вниманием: можно констатировать наличие отдельных публикаций, лишь частично использующих в основном цифровые итоги этих переписей. Между тем, для Крыма, вошедшего в состав РФ в 2014 г., использование опыта проведения имперских и советских учетов населения очень актуально и востребовано: проведение очередного всероссийского демографического обследования 2020–2021 гг., в котором крымчане принимали участие первый раз в новейшей истории, столкнулось с немалыми сложностями.

В данной статье сделана попытка обозначить отдельные проблемы изучения этого сложного процесса. Впервые представлены демографические сведения по Крымскому полуострову из данных всероссийских переписей населения 1897, 1920, 1923 гг.; показаны трудности проведения этих обследований в Крыму; выявлены основные тенденции в развитии населения полуострова в один из сложных исторических периодов страны конца XIX — первой четверти XX в.

Обсуждение

Общеизвестно, что теоретической базой переписи населения Российской империи 1897 г. стала не только существовавшая в то время

международная практика, но и опыт отечественных учетных операций. Это первое в Российской империи всенародное обследование было вызвано необходимостью полных и точных сведений обо всем наличном населении, что объяснялось появлением новых элементов в управлении государством, в частности становлением местного самоуправления, для нужд которого важны были сведения о собственных регионах. И, несмотря на то обстоятельство, что к проведению всеобщей переписи как особой статистической операции, позволяющей выполнить свою главную задачу — учет населения, Россия подошла только в конце XIX в., позднее многих европейских стран, удалось их превзойти и по уровню методологической разработанности, и по широте охватываемых признаков, и по организации работ [4]. Всероссийская перепись 1897 г., в свою очередь, стала во многом образцом для последующего учета населения в советский период; подобная преемственность сыграла положительную роль в проведении первых советских переписей [5].

Для крымской региональной историографии не характерно изучение демографической истории. Можно выделить обобщающее справочное издание, где приведены итоги переписей населения за 1897–2001 гг. [6]. Авторы других существующих публикаций используют в основном количественные результаты проведенных обследований для собственных выводов об этническом и религиозном составе населения Крымского полуострова в разные исторические периоды [7]. Поэтому данная статья восполняет сложившуюся историографическую лауну в изучении демографической истории Крыма в 1897–1923 гг.

Источниковая база включает документы Российского государственного исторического архива (РГИА) о деятельности переписных комиссий в Таврической губернии 1895–1897 гг. [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 185; д. 231; 236] и Государственного архива Республики Крым (ГАРК), где сосредоточены материалы о проведении первых советских обследований на полуострове в 1921 и 1923 гг. [ГАРК, ф. Р-219, оп. 1, д. 104, 115; ф. Р-1188, оп. 3, д. 176; ф. Р-3966, оп. 1, д. 2] и др. Привлечены нормативно-правовые акты [1–3], справочные издания [10] и сборники статистических сведений по Крымскому полуострову [11, 13–16].

Результаты

Перепись населения Российской империи 1897 г. Подготовка первой всеобщей переписи 1897 г. в Российской империи была сопряжена с большими сложностями организационного и управленческого характера. Огромные расстояния, различные природные и климатические условия, многонациональность и многоконфессиональность переписываемого населения, бюрократические проволочки, большой объем отчетных документов и прочее привели к сбоям в работе переписных комиссий всех уровней и затягиванию публикации ее итогов. В конечном итоге ее производство растянулось на период с 1895 г. (принятия «Положения о первой всеобщей

переписи населения Российской империи: высочайше утвержденного 5-го июня 1895 года») до 1905 г. (окончание публикации результатов переписи населения по губерниям) [4]. В Крыму (на момент переписи 1897 г. бывшем частью Таврической губернии наряду с Днепровским, Мелитопольским и Бердянским «материковыми» уездами) подготовка обследования и его организация осложнялась существующим административно-территориальным делением [5]. На территории полуострова помимо пяти «крымских» уездов Таврической губернии (Перекопского, Евпаторийского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского) еще располагались административно независимые Керчь-Еникальское и Севастопольское градоначальства, имеющие собственные органы управления, в том числе и статистические. Поэтому в момент производства переписи в Крыму одновременно работали три переписные комиссии: собственно губернская и комиссии градоначальств [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 185; д. 231; 236]. Сборник итоговых материалов переписи 1897 г., таким образом, включает статистические данные по всем восьми уездам Таврической губернии и двум градоначальствам. Для подсчета населения Крымского полуострова автором использовались выборочные данные согласно действующему на тот момент административно-территориальному делению [10].

Всероссийская перепись 15 апреля 1921 г. Первая советская всероссийская перепись в стране проводилась по состоянию на 28 августа 1920 г. [12]. Крым в это время был под властью генерала П.Н. Врангеля, поэтому провести это обследование в установленные сроки не представлялось возможным. Только осенью 1920 г. на полуострове была окончательно установлена Советская власть, и началось формирование новых управленческих органов. Крымское статистическое бюро было создано в ноябре 1920 г., по решению I Всекрымского съезда Советов от 25 января 1921 г. было реорганизовано в Статистическое управление Крыма [ГАРК, ф. Р-219]. Возглавил его М.Е. Бененсон, известный крымский земский статистик и организатор всероссийской сельскохозяйственной переписи в Крыму 1917 г. Под его руководством была осуществлена первая всекрымская перепись, назначенная в регионе на 15 апреля 1921 г. Подробности ее подготовки уже детально освещены [5]. Можно отметить, что это сложное статистическое мероприятие помимо демографически-профессиональной переписи своей целью ставило «учет всех промышленных предприятий Крыма» и «учет всех элементов сельского хозяйства» [ГАРК, ф. Р-1118, оп. 3, д. 176, л. 26]. За основу организации этой переписи были взяты инструктивные материалы Центрального статистического управления РСФСР [2].

Проведение обследования на полуострове проходило в сложных условиях. Последствия Гражданской войны сказались самым негативным образом на социально-экономическом развитии Крыма: разруха, голод, отсутствие необходимых товаров (бумаги, канцелярских товаров), начавшийся «красный террор» и т. п. значительно усложняли проведение переписи. К тому же значительная часть населения была неграмотной, многие

крымские татары не говорили по-русски — эти обстоятельства заставляли крымские ревкомы всю переписную документацию и агитационную работу вести на русском и крымско-татарском языках.

После установления Советской власти на полуострове прежнее административно-территориальное деление претерпело существенные изменения. Существовавшие ранее Керчь-Еникальское и Севастопольское градоначальства были упразднены, на их месте были созданы Керченский и Севастопольский уезды соответственно; в основных границах Перекопского уезда был образован Джанкойский уезд.

Всероссийская городская перепись 1923 г. Можно отметить, что всероссийская городская перепись, осуществленная по состоянию на 15 марта 1923 г., пока крайне редко привлекает к себе внимание специалистов. Возможно, это связано с переписью исключительно городского населения, а отсутствие данных о сельском населении делает ее результаты «неполными». А наличие близких по хронологии материалов Всесоюзной переписи 1926 г., охватившей все население СССР, гораздо более востребованным для исследований делает именно это обследование.

Тем не менее анализ итогов городской переписи 1923 г. занимает важное место в изучении демографической истории страны (бывшего СССР и России). Например, анализ ее результатов позволяет подвести хотя бы предварительные итоги и сделать выводы о последствиях достаточно драматичных событий столетней давности: Гражданской войны 1918–1920 гг. и страшного голода 1921–1922 гг.

В Крыму руководство этим статистическим обследованием было возложено на Экономическое совещание (КрымЭКОСО), начавшее свою работу с ноября 1921 г. при Совете народных комиссаров Крымской АССР (КрымСНК) и руководившее всем народным хозяйством республики. Руководителями этого органа выступали председатель КрымСНК и его заместители. Секретарем КрымЭКОСО до марта 1922 г. был М. Е. Бененсон, первый заведующий при Советской власти Крымского статистического бюро (с 1921 г. — Статистического управления Крыма).

У КрымЭКОСО к этому времени был опыт проведения статистических работ: в 1921 г. в Крыму осуществили перепись кустарной промышленности [14]. В связи с этим общее руководство всероссийской переписью городского населения, промышленных и торговых предприятий 1923 г. в Крыму также было возложено на КрымЭКОСО. Целью этого статистического мероприятия был «охват населения, которое занимается не сельским хозяйством, а промышленностью и торговлей» [3]. Во внимание принимались и результаты всероссийской переписи 1920 г., в Крыму прошедшей 15 апреля 1921 г. Подлежали переписи не только горожане, но и жители поселков городского типа, промышленных поселков и селений (если в переписи 1920 г. в них указано больше 2000 жителей).

Постановлением КрымЭКОСО от 24 января 1923 г. провозглашалось: «В городах Симферополе, Севастополе, Феодосии, Керчи, Евпатории,

Джанкое и Ялте должна быть произведена перепись служащих и рабочих всех учреждений, заведений и организаций и т. д., принадлежащих или подведомственных не только государству, но и профессиональным, партийным или кооперативным организациям и благотворительным учреждениям» [ГАРК, ф. Р-3966, оп. 1, д. 2, л. 9 — 9 об.]. В этих городах, бывших еще окружными центрами, производство переписи возлагалось на окружные статистические бюро. Уездные статистические бюро должны были собирать данные о промышленных и торговых предприятиях на территории своих уездов. Сообщалось также, что промышленная «перепись производится силами самих учреждений» [ГАРК, ф. Р-219, оп. 1, д. 104, л. 7].

Разработка материалов переписи 1923 г. продолжалась несколько лет, и только в 1926–1927 гг. вышел из печати двухтомник ее итогов параллельно на русском и французском языках [15]. В Крыму первые итоги этого обследования, подведенные КрымЭКОСО, были опубликованы в 1924 г. Из этих данных следует, что в крымских городах и поселках городского типа проживало 251 080 чел., них 113 854 мужчин и 137 226 женщин [16]. По распоряжению крымских властей в ходе этой переписи было подсчитано все население республики — 579 100 чел. [ГАРК, ф. Р-219, оп. 1, д. 115, л. 5].

Таким образом, имея в распоряжении итоговые материалы всероссийских переписей 1897, 1921 и 1923 гг. в Крыму, можно представить сводные данные.

Анализ приведенных в таблицах 1, 2, 3 и 4 данных позволяет прийти к следующим выводам. Результаты первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Крыму, как и повсеместно в стране, широко использовались властями всех уровней для «местных нужд» (табл. 1). В частности, при изменении административно-территориальных границ полуострова при образовании Ялтинского градоначальства в 1914 г. был учтен состав населения Южного берега Крыма; созданное градоначальство просуществовало до конца 1917 г. [10].

Таблица 1

Население Крымского полуострова по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., чел.

Административно-территориальные единицы	Мужчин	Женщин	Всего
Перекопский уезд	27 877	23 516	51 393
Евпаторийский уезд	34 109	29 102	63 211
Симферопольский уезд	76 335	65 382	141 717
Феодосийский уезд	63 918	51 940	115 858
Ялтинский уезд	41 389	31 871	73 260
Керчь-Еникальское градоначальство	24 191	19 577	43 698
Севастопольское градоначальство	36 414	21 041	57 455
ИТОГО	304 163	242 429	546 592
Из них городских жителей	159 769	129 547	289 316

Составлено по [11, с. 2–3].

Таблица 2
**Население Крымского полуострова по данным всекрымской переписи населения
 15 апреля 1921 г., чел.**

Административно-территориальные единицы	Мужчин	Женщин	Всего
Джанкойский уезд	29229	29360	58529
Евпаторийский уезд	45475	41849	83324
Симферопольский уезд	87287	95171	182458
Феодосийский уезд	53996	57393	111349
Ялтинский уезд	39508	41885	81393
Керченский уезд	35054	39870	74924
Севастопольский уезд	62381	66010	128391
ИТОГО	348930	371498	720498
Из них городских жителей	148961	178127	327088

Составлено по [13, с. 2–3].

Таблица 3
**Численность городского населения Крыма в 1897–1923 гг., чел. (по данным все-
 российских переписей)**

Население	Данные показателя по годам		
	1897	1921	1923
Мужчины	159 769	148 961	113 854
Женщины	129 547	178 127	137 226
ВСЕГО	289 316	327 088	251 080

Таблица 4
**Численность населения Крыма в 1897–1923 гг., чел. (по данным всероссийских
 переписей)**

Население	Данные показателя по годам		
	1897	1921	1923
Мужчины	304 163	348 930	—
Женщины	242 429	371 498	—
ВСЕГО	546 592	720 498	579 100

Всероссийская перепись 1920 г. (проведенная в Крыму 15 апреля 1921 г.) показала уверенный рост населения среди мужчин и женщин в среднем на 30 % (табл. 2, табл. 4). Интересно, что городское население в этот период увеличилось в среднем на 15 % (табл. 3).

Всероссийская городская перепись населения 1923 г. показала убыль населения по сравнению с 1921 г. в целом по Крыму почти на 140 тыс. чел., или на 25 %, причем численность городского населения уменьшилась почти на 80 тыс. чел., или в среднем на 30 % (табл. 3). Можно констатировать, что на демографическое развитие полуострова в конце XIX — первой четверти XX в. существенное влияние оказали кризисные явления, переживаемые всей страной. И если события Первой мировой войны и распада Российской империи для Крыма оказались относительно

безболезненными, то демографическая история полуострова в первой половине 1920-х гг. оказалась более драматичной: постоянно сменявшие друг друга или действующие параллельно правительства и политические режимы, включая оккупационные войска П.Н. Врангеля, привели к острейшему экономическому и продовольственному кризису, пик которого наступил весной–летом 1922 г. [5]. Последовательно сменявшие друг друга «белый» и «красный» террор, а также голод 1921–1922 гг., поставивший Крым на грань гуманитарной катастрофы, стали источником катастрофической убыли населения полуострова.

Заключение

Результаты всероссийских переписей населения 1921 г. и 1923 г. в Крыму имели большое практическое значение: эти данные позволили властям разработать целый комплекс мер, направленных на скорейшее восстановление экономики полуострова, включая обращение к правительству СССР с предложениями по выделению Крыма дополнительного финансирования, сырьевого обеспечения и т. п.

Таким образом, на численный состав населения Крымского полуострова в конце XIX — первой четверти XX в. влияли экономические, социальные и политические факторы. Материалы всероссийских переписей населения 1897, 1921 и 1923 гг., осуществленных в Крыму, могут стать основой для дальнейшего более детального изучения демографической истории региона.

Список источников

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 733–736.

[2] Всеобщая перепись 1920 года. Москва : ЦСУ, 1920. 63 с.

[3] Всероссийская городская перепись 1923 года: Инструкция о производстве переписи: форма № 8. Москва : ЦСУ РСФСР, 1923. 16 с.

[4] *Борицки Н. Д.* Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. 2017. № 3 (9). С. 45–53. (Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность).

[5] *Борицки Н. Д.* «Всякое благоустроенное государство не может вести своего государственного хозяйства, не зная, сколько у него жителей»: подготовка и проведение всекрымской переписи 15 апреля 1921 года // Новый исторический вестник. 2022. № 1 (71). С. 27–40.

[6] *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2003. 159 с.

[7] *Киселев С. Н., Петроградская А. С.* Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2008. Вып. 1–2. С. 85–94.

[8] *Петроградская А. С.* Особенности расселения крымских татар, по данным всеобщих переписей XIX-XXI вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: География. 2007. Т. 20 (59), № 2. С. 148–157.

[9] *Старченко Р. А.* Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 6. С. 38–41.

[10] Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. / Справочник. Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. 464 с.

[11] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLI. Таврическая губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург : Изд-е ЦСК МВД, 1904. 310 с.

[12] *Дробинцев В. З.* У истоков советской демографии. Москва : Мысль, 1987. 222 с.

[13] Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. Симферополь : [б. и.], 1922. 115 с.

[14] Отчет Крымского экономического Совещания на 1-е октября 1921 г. Симферополь : Госиздат, 1921. 55 с.

[15] Всероссийская городская перепись 1923 года: [В 2-х вып.]. Вып. 2: Краткая промышленная характеристика городов и поселений городского типа. Москва : ЦСУ СССР, 1926. 600 с.

[16] Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь, 1924. 76 с.

References

[1] Collection of governmental statutes and resolutions for 1917–1918. М.: Administration of the Council of People’s Commissars of the USSR. 1942. Pp. 733–736.

[2] National population census of 1920. М.: Central Statistics Administration, 1920. 63 p.

[3] All-Russian urban population census of 1923: Instruction on the census data collecting: form No. 8. М.: Central Statistics Administration of the USSR, 1923. 16 p.

[4] *Borschik N. D.* The first all-Russian population census of 1897. Record keeping and document management // RGGU bulletin. Series: Records management and archive studies. Computer science. Data protection and information security. 2017. No. 3(9). Pp. 45–53.

[5] *Borshchik N. D.* “No well-organized state can direct its own state economy without knowing how many inhabitants it has”: the preparation and conduct of the All-Crimean census of April 15, 1921 // The New Historical Bulletin. 2022. No. 1 (71). Pp. 27–40.

[6] *Vodarskiy Y. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M.* Population of Crimea from End 18th-End 20th century (Size, Location, Ethnic Composition). М.: Institute of Russian History of the Academy of Sciences, 2003. 159 p.

[7] *Kiselev S. N., Petrogradskaya A. S.* A dynamics of quantity and settling apart of Ukrainians in Crimea, from data of universal censuses of population XIX–XXI cc. // Geopolitics and Ecogeodynamics of regions. 2008. No. 1–2. Pp. 85–94.

[8] *Petrogradskaya A. S.* Features of the settlement of Crimean Tatars per the nationwide censuses of the XIX-XXI centuries // Scientific notes of Taurida National V.I. Vernadsky University: Geography. 2007. Vol. 20(59), No. 2. Pp. 148–157.

[9] *Starchenko R. A.* Dynamics of the number and settlements of Russians in Crimea in the 18th — 19th centuries // Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 2013. Vol. 19, No. 6. Pp. 38–41.

[10] Territorial division transformations in Crimea. 1783–1998 / Reference materials. Simferopol: Tavria-Plus, 1999. 464 p.

[11] The first nationwide population census in the Russian Empire in 1897, Vol. XLI. Taurida province / ed. N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 310 p.

[12] *Drobizhev V. Z.* At the origins of the Soviet demography. M.: Thought, 1987. 222 p.

[13] Preliminary results of the census in Crimea in 1921. Simferopol, 1922. 115 p.

[14] Report on the Crimean Economic Conference on October 1, 1921. Simferopol: Gosizdat, 1921. 55 p.

[15] All-Russian urban census of 1923: [In 2 issues]. Issue. 2: Brief industrial description of urban and urban-type settlements. M.: Central Statistics Administration of the USSR, 1926. 600 p.

[16] Bulletin of the Central Statistics Administration of Crimea. No. 5. Urban population census of 1923. Simferopol, 1924. 76 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-4>
УДК 314.148(470.40/43):314.42(470.40/43)
JEL I15, I18, N34

ДИНАМИКА ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1985–2010 ГГ.¹

А. С. Бушуев

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Россия). <https://orcid.org/0000-0003-3186-1981>

Автор для корреспонденции: А.С. Бушуев (bushuev81@gmail.com)

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных данных проанализированы особенности динамики и возрастно-половой структуры смертности населения Среднего Поволжья в 1980–2000-е гг. Автором установлено, что увеличение количественных показателей смертности в рассматриваемый период связано с изменением возрастной структуры населения в сторону постарения, а интенсивность роста числа летальных исходов в регионе превышала общероссийскую динамику. Сокращение младенческой и детской смертности в регионе сопровождалось интенсивным ростом числа смертей в молодых и средних возрастах, ростом мужской сверхсмертности и снижением средней ожидаемой продолжительности жизни.

Ключевые слова: смертность, структура смертности, возрастно-половая структура смертности, Среднее Поволжье

Dynamics of the Age and Sex Structure of Mortality of the Middle Volga Population in 1985–2010

S. Bushuev

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-3186-1981>

Corresponding author: A. S. Bushuev (bushuev81@gmail.com)

Abstract. Based on archival and published data, the article analyses the features of the dynamics and structure of mortality of the population of the Middle Volga region in the 1980s–2000s. It was revealed that an increase in quantitative indicators of mortality in this period is associated with a change in the age structure of the population towards ageing, while the growth in the number of deaths in the region exceeded the all-Russian dynamics. The reduction of infant and child mortality in the region was accompanied by an intensive increase in the number of deaths of young and middle-aged people, an increase in male excess mortality and a decrease in average life expectancy.

Keywords: mortality; mortality structure; age and sex structure of mortality; Middle Volga region

Введение

Социально-экономическое развитие любого региона тесно взаимосвязано с целым комплексом воздействующих на него факторов, в числе которых немаловажное значение имеют наличие трудовых ресурсов и их

¹ © Бушуев А. С. Текст. 2022.

человеческий потенциал. На развитие последнего, в свою очередь, существенно влияет возрастно-половая структура населения и происходящие с ней изменения, которые являются важной составляющей демографического развития регионов и страны в целом. Существенное влияние на эти процессы оказывает смертность, которая сокращает потенциал поколений и их вклад в развитие регионов. Среднее Поволжье, включающее Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую области и Республику Татарстан, как регион, традиционно играющий важную роль в социально-экономическом развитии страны, представляет большой интерес для анализа.

Изучение смертности как одной из важнейших составляющих процессов естественного движения населения России конца XX — начала XXI в. является одним из традиционных направлений в историко-демографических исследованиях. Опыт рассмотрения убыли населения России чаще представлен в имеющихся работах как составная часть развития общих демографических процессов [1–3]. Монографические исследования данной проблемы пока являются скорее исключением из правил [4]. В работе А.И. Репинецкого и М.А. Румянцевой [5] рассматривается динамика смертности в изучаемом регионе в послевоенное двадцатилетие. Имеющиеся отдельные публикации по некоторым поволжским регионам на данный момент также ни хронологически, ни территориально, ни проблемно не охватывают предлагаемого к рассмотрению вопроса [6–11]. Учитывая это, рассмотрим динамику возрастно-половой структуры смертности населения региона в исторической ретроспективе с середины 1980-х до конца 2000-х гг., когда наша страна переживала глубокие общественно-политические и социально-экономические трансформации.

Динамика смертности населения Поволжья

Смертность населения Среднего Поволжья в рассматриваемое двадцатипятилетие увеличилась в 1,4 раза со 101,8 тыс. чел. в 1985 г. до 141,1 тыс. чел. в 2010 г. Прирост числа смертей здесь происходил более интенсивно, чем по России в среднем, где фиксируемое ежегодно число летальных случаев увеличилось за этот же период лишь на четверть — с 1,6 до 2,0 млн чел.

Городское население Пензенской и Самарской областей умирало интенсивнее поволжских горожан, а с 2000 г. — и российских. В городах Ульяновской области смертность приблизительно соответствовала средней по Поволжью до 2005 г., затем стала превышать его, а к 2010 г. превысила и среднероссийскую. Смертность сельского населения Пензенской и Ульяновской областей на протяжении всего периода оставалась выше как средневожской, так и среднероссийской. В Самарской области этот показатель был лучше, чем в Среднем Поволжье, но хуже, чем в России в целом. Единственным регионом с несколько более благоприятной обстановкой в этот период оставалась Республика Татарстан (до 1991 г. — Татарская АССР). Здесь летальность как в городе, так и на селе оказалась ниже поволжской и российской.

На динамике числа смертей в рассматриваемый период сказались и межполовые отличия. Если по России в целом число летальных исходов у городских мужчин выросло на 42 %, то по Среднему Поволжью — на 68 %. По сельским мужчинам рост их числа в регионе повторяет среднероссийскую динамику (22 и 25 % соответственно). По женщинам картина более сглаженная: разница в росте числа смертей составила 11 % (15 % — по России и 26 % — по Поволжью). Как видим, наиболее значительная прибавка числа летальных случаев как по России в целом, так и по рассматриваемому региону произошла преимущественно за счет городских мужчин.

Возрастно-половая дифференциация смертности

Анализ динамики возрастных коэффициентов смертности позволил выявить несколько основных ее разновидностей¹. Наиболее распространенная тенденция в большинстве пятилетних возрастных групп населения Среднего Поволжья связана с ростом возрастных коэффициентов смертности до начала — середины 2000-х гг. и последующим его снижением, которое, однако, не покрывает первоначального роста и приводит к 2010 г. к превышению первоначального уровня 1990 г. Такая динамика характерна для молодых, средних и старших возрастных групп городских мужчин (20–29, 35–79 лет) и сельских женщин (20–24, 35–39, 55–85 и более лет), в меньшей степени — для городских женщин (20–24, 35–44, 55–59, 75–79, 85 и более лет) и сельских мужчин (15–19, 25–29, 45–74 лет).

Другая тенденция, характерная для детских и отдельных молодых и пожилых возрастов, связана с ростом возрастных коэффициентов смертности до середины 1990-х — начала 2000-х гг. и последующим его снижением до уровня ниже 1990 г. Такая динамика зафиксирована у сельских мальчиков (0–4, 10–14 лет), юношей (20–24 лет) и пожилых мужчин (85 и более лет), а также девочек (0–9 лет). В городах она фиксируется у мальчиков и девочек (1–4 лет), юношей (15–19 лет) и девушек (10–19 лет), пожилых женщин (60–74, 80–84 лет) и мужчин (85 и более лет).

Неустойчивая динамика возрастных коэффициентов смертности с превышением уровня 1990 г. к концу рассматриваемого периода характерна для немолодых женщин (45–54 лет) в городах и селах, сельских девушек (15–19 лет). У мужчин она фиксируется только на селе в средних и пожилых возрастах (30–44, 75–84 лет) и в детском возрасте (5–9 лет). Значительно более редки случаи, когда колебания показателей возрастной смертности привели в конечном итоге к снижению ее уровня. Такие случаи являются, скорее, случайностью и встретились лишь в городских поселениях у пожилых мужчин (80–84 лет) и девочек (5–9 лет).

¹ Рассчитано по: Республика Татарстан. Стат. ежегодник 2007. Казань: Татарстанстат, 2008. 544 с. С. 64; Республика Татарстан. 2002. Стат. сб. Казань: Изд. центр Госкомстата РТ, 2003. 382 с. С. 24; Пензенская область. Стат. ежегодник. Пенза: Пензастат, 2017. 392 с.; Возрастные коэффициенты смертности // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 15.07.2021); Письмо Росстата от 08.09.2021 № 3540/02 // Личный архив автора.

Снижение уровня смертности в рассматриваемое двадцатипятилетие зафиксировано лишь в детских возрастах: у младенцев обоих полов в городах, городских мальчиков (5–14 лет) и сельских девочек (10–14 лет). Неуклонный рост этого показателя характерен для молодых и средних возрастов: городских мужчин (30–34 лет) и женщин (25–34 лет) и сельских женщин (30–34, 40–44 лет).

В целом, мы видим, что уровень смертности существенно вырос с 1990 г. по 2010 г. в молодых, средних и пожилых возрастах, а снизился в детских возрастах и, частично, у стариков. Так, снижение ее уровня зафиксировано у городских мужчин (0–19, 80 и более лет), городских женщин (0–19, 60–74, 80–84 лет), сельских мужчин (0–4, 10–14, 20–24, 85 и более лет) и женщин (0–14 лет). Наиболее ощутимо снизился уровень младенческой смертности: на 14,11 % у мужчин, на 9,63 % у женщин в городе и на 10,45 и 12,70 % на селе соответственно. Заметное снижение летальности произошло также у очень пожилых мужчин — в городе на 12,81 % (80–84 лет) и 13,18 % (85 и более лет), на селе на 27,28 % (85 и более лет).

Уровень смертности повысился у городских мужчин (20–79 лет) и женщин (20–59, 75–79, 85 и более лет), а также сельских мужчин (5–9, 15–19, 25–84 лет) и женщин (15 и более лет). Наибольший рост показателя пришелся на сельских мужчин старше 40 лет. При этом если у 40–49-летних летальность увеличилась в среднем на 3 чел. на 1000 мужчин соответствующего возраста, то у 50–59-летних уже более чем на 4 чел., а далее по мере старения еще существеннее: на 9,77 % у 60–64 летних, на 6,60 % у 65–69 летних, на 8,33 % у 70–74 летних. Частота смертей городских мужчин за рассматриваемый период увеличилась более равномерно: по каждому из пятилетних периодов в возрасте от 25 до 69 лет прибавка составила более 2 %, а по 30–39 летним — более 3 %. Женская смертность также нарастала плавно и прирост числа летальных исходов более 2 % зафиксирован лишь у сельских женщин в старших возрастных группах (60–69, 75–79 лет), у городских женщин максимальный прирост составил 0,8–0,9 % в возрасте 25–44 лет.

Таким образом, за эти годы произошло существенное увеличение смертности в трудоспособном возрасте в целом, особенно резкое увеличение произошло в молодых возрастах от 25 до 39 лет. У сельских женщин этого возраста увеличение числа летальных случаев произошло более чем в 2 раза, у городских женщин и сельских мужчин — в 1,8 раза, у городских мужчин — в 1,4 раза.

Если снижение уровня младенческой и детской смертности можно связать с постепенным улучшением медицинского обслуживания как в городе, так и на селе, расширением медицинской инфраструктуры, усовершенствованием медикаментов, то ее сокращение у стариков старше 80 лет отчасти обусловлено увеличением числа смертей в молодых и средних возрастах, когда значительное число граждан не доживает до глубокой старости.

Это подтверждает и сокращение ожидаемой продолжительности жизни в Среднем Поволжье почти на 2 года — с 70,88 в 1985 г. до 69,09 лет в 2010 г. (на 2,14 года у мужчин и 0,75 года у женщин), хотя по России в среднем наблюдается небольшой ее рост — с 68,08 до 68,90 лет соответственно¹. В Самарской области и Татарстане, как и по России в среднем, продолжительность жизни начала медленно восстанавливаться уже в начале 2000-х гг., чего не скажешь о Пензенской и Ульяновской областях, где этот показатель продолжал падать дольше и лишь в 2010 г. продемонстрировал рост. Наибольший вклад в сокращение ожидаемой продолжительности жизни дали Ульяновская (–2,57 года) и Самарская (–2,46 года) области. В Пензенской области и Татарстане темпы снижения продолжительности жизни были медленнее средних для Поволжья (–1,57 и –0,55 года соответственно).

Эти процессы, наряду с оттоком части трудоспособного населения из регионов Среднего Поволжья и произошедшим в эти годы снижением рождаемости, изменили возрастную структуру населения и привели к почти двукратному сокращению коэффициента потенциального замещения (с 412 ‰ в 1990 г. до 242 ‰ в 2010 г.) и росту в 1,2 раза коэффициента пенсионной нагрузки (с 315 до 372 ‰)², снизив, таким образом, человеческий потенциал трудовых ресурсов региона.

Одной из характерных особенностей смертности населения в России в рассматриваемый период является мужская сверхсмертность [2, с. 80], или превышение числа мужских смертей над женскими в 2,5 раза в среднем. Анализ данных о смертности населения Среднего Поволжья показал, что эта особенность проявляется здесь острее на протяжении всего рассматриваемого периода: на селе в среднем на 5,8 % в 1990 г., на 11,0 % в 2000 г. и на 14,4 % в 2010 г.; в городе — на 6,9 %, на 8,3 % и на 4,6 % соответственно.

Особенно плачевная ситуация наблюдается в трудоспособном, в том числе молодом (15–29 лет) возрасте. Превышение мужской смертности над женской в 4–5 раз фиксировалось в сельских поселениях Поволжья в 1990 г. в возрасте 20–39 лет, в 2–3 раза — в 15–19, 40–74 лет. К 2010 г.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 1407. Л. 46, 49, 52; Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.07.2021); Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2012. Стат. сб. Москва : Госкомстат, 2012. 786 с. С. 364, 418, 426, 441.

² Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2000. Стат. сб. Москва : Госкомстат России, 2000. 642 с. С. 59, 52; Российский статистический ежегодник. 2010. Стат. сб. Москва : Госкомстат России, 2010. 813 с. С. 82, 85; Социальная сфера в Республике Татарстан. 1996. Стат. сб. Казань: Госкомстат РТ, 1997. 292 с. С. 12; Самарский статистический ежегодник. 2000. Стат. сб. Самара: Самарский областной комитет госстатистики, 2001. 356 с. С. 11; Республика Татарстан. 1995. Стат. ежегодник. Казань: Изд. центр Госкомстата РТ, 1996. 436 с. С. 15; 60 лет Пензенской области. Юбилейный стат. сб. Пенза: Пензастат, 1999. 106 с. С. 16; Симбирску — Ульяновску 365 лет. Историко-стат. сб. Ульяновск: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Ульяновской области, 2013. 216 с. С. 45.

мужская сверхсмертность на селе перекрыла число женских смертей в 3,5–4 раза в 20–54-летнем возрасте, в 2–3 раза — в 5–9, 15–19, 55–74 лет. В городах избыточная мужская смертность в 1990 г. превышала женскую в 3,7–4,9 раз в 25–39 лет, в 2–3 раза — в 15–24, 40–69 лет. В 2010 г. превышение в 3,5–4 раза зафиксировано в возрастной группе 30–39-летних, в 2–3 раза — в группах 15–29, 40–74-летних.

Как видим, за рассматриваемое двадцатипятилетие произошло не только расширение возрастных границ с избыточной мужской смертностью как в городе, так и на селе, но и усугубление проблемы в молодом трудоспособном возрасте. Межрегиональное сравнение свидетельствует о том, что ситуация с превышением числа мужских смертей над женскими за этот период ухудшилась в Ульяновской области, в Татарстане и Пензенской области почти не изменилась, зато заметно улучшилась в Самарской области.

Вклад отдельных причин смерти в изменение возрастно-половой структуры смертности

На изменение возрастно-половой структуры смертности в рассматриваемый период оказывают влияние и отдельные причины летальных исходов, поэтому рассмотрим их ниже.

Как известно, основной причиной смерти населения были и остаются болезни системы кровообращения. В численном отношении эта группа причин выросла в Среднем Поволжье с 652,8 случаев на 100 тыс. населения в 1990 г. до 902,7 в 2010 г., сохранив объем своего вклада в структуру причин смерти на уровне 60 %¹. На негативную динамику этого класса причин смерти повлияли произошедшие масштабные изменения в жизненном укладе россиян, их социальном статусе [2, с. 84–85]. Затянувшийся социально-экономический кризис, снижение качества жизни и проблемы с соблюдением баланса питания наряду с разочарованием в идеалах прошлого и возрастанием напряженного темпа жизни, ростом профессиональных и эмоциональных нагрузок при малоподвижном образе жизни обусловили не только рост числа смертей от этого класса причин, но и их «омоложение» — широкое распространение в молодом трудоспособном возрасте.

Рост показателей смертности от новообразований в абсолютном значении (со 185,0 до 203,2 случаев) обусловлен как слабой диспансерной работой с населением и проблемами диагностики в 1990-е гг., так и постепенным постарением населения Среднего Поволжья. Наиболее интенсивный рост числа летальных случаев от этого класса причин зафиксирован у сельских женщин в Татарстане (со 127,1 до 153,7), городских женщин (со 141,5 до 186,4) и мужчин (с 216,7 до 264,8 случаев) Ульяновской области. Вместе с тем, изменение отношения общества к охране природы,

¹ Рассчитано по: Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 15.07.2021), Письмо Росстата от 08.09.2021 № 3540/02 // Личный архив автора.

принятие соответствующих изменений в законодательство на федеральном уровне [2, с. 85], наряду со значительными материальными вложениями в усовершенствование медицинского обслуживания населения, включая развитие ранней диагностики этой группы заболеваний, применение новейших технологических разработок и лекарственных препаратов в лечении и т. п. [12, с. 9], позволили не только сдержать возможный рост этой причины смерти, но и сократить относительный вклад в структуру смертности по Поволжью с 16,8 до 13,6 %.

Существенный негативный вклад в структуру летальности вносят так называемые «внешние причины» (несчастные случаи, отравления, убийства, самоубийства и т. п.). До начала 2000-х гг. наблюдается неуклонный рост этой группы причин в структуре смертности как городского, так и сельского населения Среднего Поволжья, а к 2010 г. произошел некоторый откат. Такая динамика позволила в среднем вернуться к концу рассматриваемого периода к относительному уровню начала 1990-х гг. и составила 11,1 % от всех причин. Ввиду специфичности данной группы причин смерти у мужчин она встречается более чем в три раза чаще (17,9 % в 1990 г., 16,9 % — в 2010 г.), чем у женщин (4,9 и 5,0 % соответственно), являясь, таким образом, одним из факторов мужской сверхсмертности.

Среди внешних причин традиционно значимую долю составляют несчастные случаи, связанные с транспортом. В автомобильных авариях и иных дорожно-транспортных происшествиях в России ежегодно гибнет около 30 тыс. чел., и Среднее Поволжье — не исключение. В рассматриваемый период показатели смертности от ДТП достаточно высоки: в 1990-е — начале 2000-х гг. они растут от 23,6 до 27,0 случаев и лишь к 2010 г. снижаются до 21,3 случая на 100 тыс. населения. Достигнутое во второй половине 2000-х гг. снижение смертности от ДТП связано с масштабным дорожным строительством, реконструкцией федеральных трасс М-5 «Урал» и М-7 «Волга», развитием центров медицины экстренной помощи. Свой вклад в улучшение ситуации по этому показателю внесло и обновление автопарка страны: если в 2005 г. доля автомобилей старше 7 лет составляла 73,4 %¹, то к началу 2011 г. она снизилась до 67,0 % [13].

Убийство в качестве причины смерти стало все более распространяться в непростые в криминогенном отношении 90-е гг. XX в.: к 1995 г. число смертей от этой причины в Поволжье выросло больше, чем по России в среднем — в 2,5 раза (с 9,2 до 23,0 случаев). Эта проблема наиболее остро коснулась молодых мужчин, особенно в городах. Наихудшая ситуация наблюдалась в Татарстане, где из-за известного «казанского феномена» фиксировалось в среднем 30,9 случаев на 100 тыс. населения, а по городским мужчинам и того более — 59,6 случаев². Такой остроты не было нигде в Поволжье: в Ульяновской области в среднем фиксировалось 22,6 убийств

¹ Россия молодеет автопарком // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2015/03/24_a_6612853.shtml (дата обращения: 15.07.2021).

² ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1398. Л. 92-154.

на 100 тыс. населения, у мужчин в городах — 41,5 случай; в Самарской — 21,8 и 40,5, в Пензенской — 16,7 и 24,5 случая соответственно. Со второй половины 1990х гг. и в 2000-е гг. в связи с активным вмешательством в ситуацию правоохранительных органов удалось снизить остроту проблемы.

Среди эндогенных причин смерти важное место занимают болезни органов дыхания, пищеварения, мочеполовой и эндокринной систем организма. В 1990-е — начале 2000-х гг. наблюдался рост числа летальных исходов от этих болезней, а к 2010 г. — постепенное снижение показателей. Исследователи связывают это, прежде всего, со снижением уровня медицинского и медикаментозного обслуживания, ухудшением качества питания населения в эти годы [2, с. 87]. Вклад традиционных болезней органов дыхания (респираторные инфекции, грипп, бронхиты и пневмонии и т. п.) в рассматриваемый период находился в пределах 4,5–3,2 % (от 50,0 до 48,2 случаев на 100 тыс. населения). Острее эти болезни проявляли себя среди сельского населения, особенно у мужчин (112,1 случай на 100 тыс. в 1990 г., 157,1 — в 2000 г., 112,4 — в 2010 г.). При этом часто от этой причины умирают в молодом трудоспособном возрасте [14, с. 193], ослабляя, таким образом, потенциал трудовых ресурсов сельского населения.

Тревожной тенденцией в статистике смертности населения является увеличение числа случаев и доли летальных исходов от неопределенных состояний и прочих болезней, включая такие понятия, как «старость» и т. п. За рассматриваемый период произошел двукратный рост числа таких случаев в Среднем Поволжье с 39,9 случаев на 100 тыс. чел. в 1990 г. до 81,2 в 2010 г., их доля выросла с 3,6 до 5,4 %. Отчасти это связано с трудностями при определении главной причины смерти при наличии сопутствующих заболеваний. Вместе с тем, рост этого показателя затрудняет полноценный анализ причин смерти населения, способствуя искусственному занижению уровня смертности от других серьезных причин.

Так, в 2000-е гг. в России действовали различные государственные программы, направленные на улучшение ситуации с отдельными заболеваниями, в целевых показателях которых значились требования по снижению уровня смертности от этих заболеваний. Очевидно, что желание местных руководителей отчитаться «об успехах» выполнения этих программ в ряде случаев могло провоцировать махинации с сознательным учетом отдельных смертей в числе неопределенных состояний. Наличие подобных нежелательных махинаций со статистикой в 2018 г. была вынуждена признать курирующая демографию и здравоохранение вице-премьер российского правительства Т.А. Голикова [15].

Заключение

Обобщая многообразные изменения в динамике и возрастно-половой структуре смертности населения Среднего Поволжья, нужно отметить, что в определенной мере произошедшее увеличение количественных показателей летальности в рассматриваемый период связано с изменением

возрастной структуры населения в сторону постарения. При этом в рассматриваемый период имели место как некоторые позитивные, так и негативные тенденции. Среди благоприятных тенденций — сокращение младенческой и детской смертности. Среди негативных — интенсивный рост числа смертей в молодых и средних возрастах, а также рост мужской сверхсмертности и снижение средней ожидаемой продолжительности жизни. При этом интенсивность роста числа летальных исходов в регионе превышала общероссийскую динамику.

Список источников

- [1] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. Москва : РОССПЭН, 2011. 295 с.
- [2] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 3. 1991–2000 гг. Москва : РОССПЭН, 2012. 399 с.
- [3] *Араловец Н. А.* Городская семья в России во второй половине XX в. Москва : ИРИ РАН, 2015. 357 с.
- [4] Смертность от внешних причин в России с середины XX века / под научн. ред. А.Г. Вишневого. Москва : Издательский дом ВШЭ, 2017. 448 с.
- [5] *Репинецкий А. И., Румянцева М. А.* Городское население Среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие, 1945–1965 гг. Очерки демографической истории. Самара: НТЦ, 2005. 262 с.
- [6] *Кудрина Н. В.* Медико-демографические процессы и трудовой потенциал Самарской области // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 1–6. С. 1560–1563.
- [7] Медико-социальные последствия демографического старения. На примере Самарской области / Г. Н. Гридасов, М. Б. Денисенко, М. Л. Сиротко и др. Самара: Волга-Бизнес, 2011. 216 с.
- [8] *Чижикова Т. В.* Медико-демографические особенности и заболеваемость сельского населения Пензенской области // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 1 (17). С. 10.
- [9] Динамика смертности населения Ульяновской области за период 1990–2012 гг. / В. И. Горбунов, Г. В. Возженникова, И. Н. Исаева и др. // Ульяновский медико-биологический журнал. 2013. № 3. С. 102–109.
- [10] Динамика показателей смертности населения Республики Татарстан по гендерному признаку и месту проживания в 2000–2013 годах / Р. Р. Тимершин, В. И. Айдаров, В. Г. Шерпутовский, А. Н. Хисамутдинов // Практическая медицина. 2015. № 4–2(89). С. 145–151.
- [11] *Румянцева М. А.* Сравнительный анализ смертности городского и сельского населения Куйбышевской области в период «хрущевской оттепели» // Население и территория России. История и современность / отв. ред. В. Б. Жиромская, Ю. А. Петров. Москва; Самара: ИРИ РАН, 2017. С. 216–220.
- [12] Доступность инновационных лекарственных препаратов и снижение показателей смертности от онкологических заболеваний / Р. У. Хабриев, А. В. Исаева, Л. Ю. Безмельницына, Д. О. Мешков, Е. А. Барсенева, С. Н. Черкасов // Бюллетень НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2016. № 6. С. 5–18.

[13] Почти 60 % легковых автомобилей в России — старше 10 лет // Инфографика аналитического агентства «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/news/47787/> (дата обращения: 15.07.2021).

[14] Бушуев А.С. Молодежь Среднего Поволжья в 1985–2010 гг. Демографический потенциал и его развитие // Население и территория России: история и современность / отв. ред. В. Б. Жиромская, Ю. А. Петров. Москва; Самара: ИРИ РАН, 2017. С. 189–198.

[15] Звездина П., Линделл Д. Старость и «другие». Что не так со статистикой смертности россиян // РБК (rbc.ru). 2018. 21 дек. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2018/5c13be709a794763085f768c> (дата обращения: 15.07.2021).

References

[1] The population of Russia in the 20th century: historical essays in 3 v. Vol. 3, book 2. 1980–1990 years. M.: ROSSPEN, 2011. 295 p.

[2] The population of Russia in the 20th century: historical essays in 3 v. Vol. 3, book 3. 1991–2000 years. M.: ROSSPEN, 2012. 399 p.

[3] Aralovets N. A. Urban family in Russia in the second half of the 20th century. M.: IRI RAN, 2015. 357 p.

[4] Mortality from external causes in Russia since the mid 20th century / ed. A. G. Vishnevsky. Moscow: HSE Publishing House, 2017. 448 p.

[5] Repinetsky A. I., Rumyantseva M. A. The urban population of the Middle Volga region in the post-war twenty years, 1945–1965: essays on demographic history. Samara: NTC, 2005. 262 p.

[6] Kudrina N. V. Medico-demographic processes and labour potential of the Samara area // Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. Vol. 12, No. 1-6. Pp. 1560–1563.

[7] Medical and social consequences of demographic ageing: (on the example of the Samara region) / G. N. Gridasov, M. B. Denisenko, M. L. Sirotko et al. Samara: Volga-Business, 2011. 216 p.

[8] Chizhikova T. V. healthcare and demographic features and morbidity of rural population in Penza // Social aspects of population health. 2011. No. 1(17). P. 10.

[9] Population mortality Ulyanovsk region for years 1990–2012 / V. I. Gorbunov, G. V. Vozhennikova, I. N. Isaeva et al. // Ulyanovsk Medico-biological Journal. 2013. No. 3. P. 102–109.

[10] The dynamics of mortality in the Republic of Tatarstan, based on gender and place of residence, 2000–2013 / R. R. Timershin, V. I. Aydarov, V. G. Sherputovskiy, A. N. Khisamutdinov // Practical medicine. 2015. No. 4-2(89). Pp. 145–151.

[11] Rumyantseva M. A. Comparative analysis of mortality of the urban and rural population of the Kuibyshev region during the «Khrushchev оттеpel' (thaw)» // Population and territory of Russia: history and modernity / eds. V. B. Zhyromskaya, Yu. A. Petrov. M.-Samara: IRI RAN, 2017 P. 216–220.

[12] Availability of innovative medications and the decrease of mortality rates in oncology patients/ R. U. Khabriev, A. V. Isaeva, L. Yu. Bezmelnitsyna, D. O. Meshkov, E. A. Barseneva, S. N. Cherkasov // Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health. 2016. No. 6. Pp. 5–18.

[13] Almost 60 % of passenger cars in Russia are over 10 years old // Infographics of the analytical agency «AUTOSTAT» URL: <https://www.autostat.ru/news/47787/> (accessed on 15.07.2021).

[14] *Bushuev A. S.* Youth of the Middle Volga region in 1985–2010: demographic potential and its development // *Population and territory of Russia: history and modernity* / eds. V. B. Zhyromskaya, Yu. A. Petrov. M.-Samara: IRI RAN, 2017. Pp. 189–198.

[15] *Zvezdina P., Lindell D.* Old age and “others”: what is wrong with the mortality statistics of Russians // RBC (rbc.ru). 2018. 21 December. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2018/5c13be709a794763085f768c> (accessed on 15.07.2021).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-5>

УДК 94(470.57)

JEL N34, J11.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ БАШЦИК МУСЫ МУРТАЗИНА ПО СПАСЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ГОЛОДА 1921–1922 ГГ.¹

А. З. Гафаров

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: А. З. Гафаров (azat.gafarov@yandex.ru)

Аннотация: *Статья посвящена трагической истории голода 1921–1922 гг., которая повлияла на демографию страны. Автор рассматривает масштабы голода на территории Башкортостана, его географическое распространение, проводит анализ о последствиях. Большое внимание уделено борьбе государственных структур с голодом. Сделан обзор принятых мер для спасения населения во время руководства Башкортостаном М.Л. Муртазина. Также выделены основные проблемы голода и его влияние на демографию страны в целом. Более детально указаны масштабы, причины, последствия голода 1921–1922 гг. На основе источников в статье доказывается большой масштаб данного события и его влияние на развитие страны и рост количества населения. Также автором рассмотрен объем государственной помощи населению, меры, принятые для спасения детей и взрослых во время руководства БашЦИКом М. Л. Муртазина.*

Ключевые слова: голод, засуха, неурожай, М. Л. Муртазин, демография, помощь голодающим

Activities of the Chairman of the Bashkir Central Executive Committee Musa Murtazin to Save the Population from Famine in 1921–1922

A.Z. Gafarov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)
Corresponding author: A.Z. Gafarov(azat.gafarov@yandex.ru)

Abstract. *The article is devoted to the tragic history of the Russian famine of 1921–1922, which influenced the demography of the country. The paper examines the scale of famine in Bashkortostan, its geographical distribution and consequences. Particular attention is paid to the fight of state structures against hunger. An overview of the measures taken to save the population during the leadership of Bashkortostan by Musa Murtazin is presented. The main problems of hunger and its impact on the demography of the country as a whole are also highlighted. The scale, causes, and consequences of the famine of 1921–1922 are studied in more detail. Based on the sources, the article proves the large scale of this event and its impact on the development of the country and the growth of the population. The research also considers the volume of state aid to the population, measures taken to save children and adults during the leadership of M.L. Murtazin's Bashkir.*

Keywords: famine, drought, crop failure, M. L. Murtazin, demography, famine relief

¹ © Гафаров А. З. Текст. 2022.

Введение

Голод 1921–1922 гг. поразил многие регионы России. Масштабная катастрофа, прошедшая 100 лет назад в некоторых регионах нашей страны, оказалась наиболее тяжелой, потери были невосполнимыми. Данная трагедия не миновала и население Башкирской Республики, которое после Гражданской войны не успела полностью оправиться и была в бедственном состоянии. В результате, в это время наблюдалось сокращение общего количество населения края. В памяти народа эта катастрофа осталась как большой голод, т. к. масштабы бедствия были огромными.

Актуальность данной проблемы связана с повышенным научным и общественным интересом к проблемам демографии сегодня. Целью исследования является деятельность М.Л. Муртазина на посту руководителя БашЦИК во время голода 1921–1922 гг.

Обсуждение

Данной проблеме в научной, научно-популярной и художественной литературе уделено немало внимания. Голод 1921–1922 гг. активно исследовался в начале 1990-х гг. Необходимо отметить, что массовый голод населения нанес молодой стране большой демографический урон. Причиной кризисной ситуации многие исследователи считали последствие засухи 1921 г. Кроме того, немаловажным негативными факторами стали Первая мировая и Гражданская войны. К 1921 г. после длительной войны страна была разорена и не могла обеспечивать свое население необходимым количеством продовольствия. Засуха 1921 г. нанесла большой урон сельскому хозяйству, в результате чего сократилась кормовая база.

Большинство исследователей истории Советского союза обратили внимание на данную тему во второй половине прошлого века. В своих монографиях и статьях они сделали общий обзор истории голода, изучили причины и последствия [1, с. 3]. Многие историки советского периода в своих исследованиях считали причиной появления голода засуху и военные действия на территории страны. Вышеуказанные факты в большинстве случаев разорили многие хозяйства, которые впоследствии не смогли полностью восстановиться. Исследователи постсоветского периода наряду с засухой и войнами выделяли жесткую политику коммунистической партии, которая организовала продразверстку в виде изъятия зерна у населения. В частности, данное мнение выдвигается в исследованиях В.В. Кабанова [2, с. 3]. Аналогичный вывод в своей работе делает историк Н.В. Ефременков, считавший, что вместе с указанными причинами повального голода немаловажную роль сыграли завышенные объемы продразверстки, которые не могли выполнить крестьянские хозяйства [3, с. 82]. Таким образом, можно отметить, что эти труды историков имеют большое значение, т. к. на примере данных прошедшего голода исследователи попытались выяснить подлинные причины данной катастрофы.

По мнению Д.А. Сафонова, голод 1921–1922 гг. был использован в борьбе с повстанцами, которые выступали против государства. По его мнению, не получая продовольственную и другую помощь, повстанческое движение в голодающих губерниях постепенно утихло [4, с. 3]. Однако данные выводы остаются спорными.

Большую роль играют исследования Р.Н. Сулеймановой, которая уделила внимание положению детей Башкирии в это время [5, с. 90]. Автор в своей работе изучила последствия голода, указала меры, принятые партийно-государственными органами, перечислила мероприятия для их спасения.

Основной причиной голода в Башкортостане, как и во многих регионах, являлась засуха — последствия Гражданской войны, которая протекала несколько лет в крае. Также немаловажную роль сыграла специфическая продовольственная политика большевиков. В 1920 г. для республики была установлена продовольственная разверстка в размере 16,8 млн пудов, которая в условиях неурожая являлась огромной нагрузкой. В результате, к началу 1921 г. у населения принудительно было собрано 13 млн пудов зерна, 12 тыс. пудов сливочного масла, 12 млн штук яиц [6, с. 270]. Сбор продуктового запаса населения привел к общему голоду в крае. Вышеуказанные причины были основными источниками появления голода и в других регионах страны. Недооценка масштабов голода многими государственными учреждениями, их нерасторопность, несвоевременное принятие нужных решений при первых признаках голода лишь усугубили катастрофу и благоприятствовали развитию голода среди населения.

Необходимо отметить, что большой размер налога для Башкортостана позже выяснил уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б) П.Н. Мостовенко. Он в своем отчете перед руководством страны отметил, что прежними руководителями республики была указана большая площадь посевных культур, в результате чего был установлен излишне высокий размер налога с будущего урожая. Председатель чрезвычайного комитета Башкирии В.П. Алексеев вспоминал, что неурожай и голод 1921 г. тяжело ударили и по Башкирии. Необходимо также отметить, что с 1920 г. на территории Малой Башкирии и Уфимской губернии 1055 предприятий были вынуждены остановить свою деятельность. После остановки большого количества предприятий в крае начался дефицит товаров народного потребления. В итоге, для населения оказались недоступны мыло, спички, одежда и керосин.

К началу 1920 г. значительная часть хозяйств сельских жителей БАССР занималась скотоводством и полностью не успела перейти к земледелию как основному виду хозяйственной деятельности жизни. Данный фактор также усугубляло материальное положение населения, которое не могло в полной мере обеспечить кормовую базу, от чего происходил массовый убой скота. Необходимо отметить, что налог перед государством населению требовалось выплачивать зерном, поэтому впоследствии многие

скотоводческие хозяйства, отдавая скудные запасы в виде налога, оставались без необходимого продуктового запаса. Таким образом, большинство людей, вынужденно направляя поголовье скота на мясо, позже пополняли число голодающих. В периодической печати того времени писали, что голод в Поволжье приобрел большие размеры, и многие люди, уничтожив свой скот, в поисках еды покидают родные места¹. На примере Таймасовской волости Башкортостана можно примерно представить масштаб этой катастрофы. По Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. в данной волости проживали 6777 чел., было 15510 голов скота². После голода 1922 г. в этой же волости осталось: 4188 чел. и 3018 голов скота³. Таким образом, можно отметить, что за пять лет на территории Таймасовской волости население сократилось на 1232 чел., поголовье скота — на 12492.

Для спасения населения края от голода и ради сохранения будущего республики руководство края принимало немало решений, которые требовали экстренного выполнения. В связи с этим летом 1921 г. председателем БашЦИК стал М.Л. Муртазин, который прежде был Башвоенкомом республики.

М.Л. Муртазин был человеком с большим жизненным опытом. Он родился 20 декабря 1891 г. в деревне Кучуково, Кубеляк-Телявской волости Тамьян-Катаевского кантона Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Учалинский район, Республики Башкортостан). Будучи артиллеристом, он участвовал в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны был командиром эскадрона, полка, позже кавалерийской бригады. В это время со своим соединением он был вынужденно сделать несколько переходов от белых к красным и обратно, окончательно перейдя на сторону Красной Армии в августе 1919 г. На стороне большевиков, будучи командиром отдельной кавалерийской бригады, принимал непосредственное участие в операциях на Туркестанском, Юго-Западном фронтах. Во время Гражданской войны был награжден двумя орденами Красного знамени, золотыми часами и серебряной шашкой с дарственной надписью от Р.В.С.Р 12-й Армии. После войны некоторое время занимал ряд государственных должностей в республике. Затем после окончания военной академии им. Фрунзе продолжил службу в Генштабе РККА в звании комбрига.

Во время голода руководители края, наряду с основными государственными задачами, развернули работу по содействию борьбы с голодом, который бушевал в это время. Основная жизнь населения тогда зависела от помощи государства. М.Л. Муртазин отмечал, что в создавшейся ситуации было необходимо принимать быстрые и решительные меры⁴. Понимая сложившееся тяжелое состояние, как руководитель республики

¹ НА РБ Ф. П-22, Оп. 7, Д. 10, Л. 27.

² НА РБ Ф.Р. 472, Оп. 1, Д. 1296, Л. 3.

³ НА РБ Ф.Р. 472, Оп. 1, Д. 973, Л. 2.

⁴ НА РБ Ф. 22, Оп. 6, Д. 1а, Л. 61.

М.Л. Муртазин, требуя помощи, написал обращение к руководству страны. Муса Лутович просил открыть для населения дополнительные столовые, обеспечить продуктами питания, предметами широкого потребления, мануфактурой, строительными материалами, посудой, льнозаготовительными и сельскохозяйственными орудиями труда [7, с. 11]. Для сохранения жизни молодого поколения — будущего населения республики — М.Л. Муртазин отправил телеграмму в центральные правительственные органы. В этой телеграмме он отмечал, что край нуждается в немедленной продовольственной помощи, в частности для 75 тыс. детей, которых надо было обеспечить своевременным питанием [7, с. 11].

Для обеспечения оперативной доставки продуктов до населения председатель БашЦИК просил своих подчиненных контролировать данный вопрос на месте. На заседании 1-го пленума Башобкома Муртазин, поднимая вопрос о голодающих, говорил: «...кантонах помощи голодающим мало обращает внимание... Без урегулирования работы на местах, без плана распределения, без налаженной связи, нормально наладить работу комиссии и помощь голодающему населению нельзя»¹. Для этого он предлагал мобилизовать работников на территории кантонов (округов) республики, чтобы наладить доставку необходимого количества продуктов. Необходимо отметить верное решение руководства республики, т. к. без необходимого контроля в кантонах выделенные продукты могли быть неэффективно использованы. По необходимости М.Л. Муртазин старался направлять в голодающие районы людей, которые были знакомы с бытом и обычаями местного населения, для доверительного контакта между органами государства и населения².

Количество голодающих по общим сведениям было 671 105 чел., из них 265 520 являлись несовершеннолетними. Для спасения указанного количества людей необходимо было открыть 2111 столовых с пропускной способностью по 300 человек в день. Необходимо отметить, что через некоторое время общими усилиями для открытия столовых в кантонах было выделено 150 млн руб.³

Наряду с голодом необходимо было бороться с болезнями, которые возникали от недоедания среди населения [8, с. 137]. В голодающих регионах многие люди болели тифом, холерой, дизентерией, цингой [11]. От этих болезней страдало и население Башкортостана [9, с. 27]. Так, с 13 по 19 ноября 1921 г. в Уфе от тифа заболела 37 человек, брюшным — 54 человека⁴. В своем выступлении В.И. Ленин отмечал, что тиф превращается в самую грозную опасность [10, с. 465].

Особое внимание во время борьбы голодом было обращено на детей. Незащищенная часть населения в такое тяжелое время была особенно

¹ НА РБ Ф. П-22, Оп. 7, Д. 14, Л. 18.

² Там же. Л. 28.

³ НА РБ Ф. Р-78, Оп. 1, Д. 11, Л. 69.

⁴ Заразные болезни // Деревенская газета. 1921. № 46. С. 1

беззащитна. В данной ситуации Муса Лутович уделил большое внимание обеспечению необходимыми продуктами населения республики. Кроме обеспечения дополнительными пайками питания общими усилиями руководители страны старались открывать новые столовые и детские интернаты. К этому времени по всей Башкирии работало 708 детских домов¹.

Внутри Башкортостана голодающих детей распределяли между работниками государственных учреждений. Сохранилась телеграмма председателя БашЦИК М.Л. Муртазина для некоторых учреждений государственной власти, где говорилось: «...по разверстке назначено 20 (двадцать) детей для распределения по ответственно-политическим работникам комиссариата на полное их проживание. Детей имеете получить в Распредпункте по улице Ашкадарская, 74 не позднее 10-го февраля. Сообщите фамилии и адреса сотрудников, по коим будут распределены дети»². Таким образом, принимались разнообразные меры для обеспечения детей необходимым количеством питания.

В это время от безысходности многие голодающие регионы отправляли детей в более благоприятные регионы. В газетах тех лет отмечалось, что на сентябрь 1921 г. для эвакуации из голодающего Поволжья подготовлено 27 поездов. Каждый поезд обеспечивался необходимым количеством продуктов питания, бельем, одеждой и обувью [11, с. 1]. Руководители края для спасения некоторой части населения также были вынуждены отправить голодающих детей в более благоприятные в продовольственном отношении регионы России. Например, в Смоленск были эвакуированы 1000 детей из Башкортостана³. Позже, в мае 1922 г. дополнительно в Псков были отправлены 960 детей. В Москве этих детей встретили 22 мая представители Башкирской республики, среди которых был председатель БашЦИК М.Л. Муртазин [7, с. 12]. Таким образом, можно отметить, что другие регионы страны по возможности протягивали руку помощи голодающему населению, которые оказывались в бедственном положении.

Ярким примером взаимовыручки населения регионов, кроме эвакуации детей в другие регионы, является отправка для голодающего населения необходимых продуктов и товаров народного потребления. Например, зная о тяжелом положении населения Башкирской АССР, жители Петрограда в память подвигов башкирских бойцов при защите города от войск белогвардейского генерала Юденича отправили 3 641 пудов хлеба, 524 пуда мяса и рыбы, 1 475 пудов крупы, 560 пудов овощей, 117 пудов сахара, 17 пудов жира, 233 пуда соли, 7 пудов чая, 60 пудов картофеля, 8 пудов мыла, 159857 пачек папироса, 5 пудов табака, 840 ящиков спичек, 540 банок консервы⁴. Руководство Ярославской губернии отправило 16146 пудов сена, Рязанской губернии — 11 728 пудов семенного картофеля,

¹ НА РБ Ф. Р-78, Оп. 1, Д. 11, Л. 69.

² НА РБ Ф. 22, Оп. 6, Д. 71, Л. 14.

³ На помощь детям // Известия. 1921. № 206. С. 23.

⁴ Там же.

Тамбовской — 6 млрд руб., правительство РСФСР прислало 191 890 детских пайков и 471 000 взрослых пайков¹.

Несмотря на тяжелое экономическое состояние, жители других регионов не оставались в стороне и стремились помогать друг другу. Здесь можно отметить дружбу народов в многонациональной стране, которые не бросали на произвол судьбы обреченное население. Необходимо отметить, что совместными действиями и в условиях взаимопомощи регионов РСФСР было спасено немало жизней в это время.

К лету 1922 г. ситуация на территории страны благодаря принятым мерам стала улучшаться. Смертность среди населения стала постепенно снижаться. Несмотря на непродуманную до конца организацию помощи государства, постепенно была налажена устойчивая доставка необходимого количества продуктов питания и товаров народного потребления.

Заключение

По результатам исследования можно отметить, что большую работу по организации спасения голодающих в регионе организовали работники БашЦИКа под руководством М.Л. Муртазина.

Своевременно принятые меры руководством республики спасли немало жизни. Можно отметить высокий профессионализм и сплоченную работу работников под руководством М.Л. Муртазина, деятельность которых положительно повлияла на общую демографию республики и страны в целом.

Привлечение дополнительных средств от центральных органов власти и необходимой материальной помощи из других регионов для спасения населения показало стремление руководства страны и республики спасти население от голодной катастрофы. Умелое распределение, организация доставки необходимых продуктов питания и товаров в кантоны показало достаточно эффективную государственную поддержку для всех жителей региона.

Таким образом, необходимо отметить, что как на территории страны, так и в республике от голода пострадало много хозяйств. В итоге, на территории края площадь посевных культур сократилась до 51,6 %, поголовье рабочих лошадей на 53 %, крупного рогатого скота на 37,7 %, мелкого рогатого скота на 59,5 %. Уменьшение поголовья скота в хозяйствах сельских жителей и истощение кормовой базы привели к массовой гибели населения от голода. В результате на территории Башкирской Республики численность населения уменьшилась на 22 % [12, с. 46]. Последствия голода негативно отразились на демографии населения страны в целом. Массовая гибель людей во время голода отразилась на динамике роста населения. Лишь к середине 1930-х гг. благодаря экономическим и социальным преобразованиям стал наблюдаться некоторый естественный прирост населения.

¹ На помощь детям // Известия. 1921. № 206. С. 24.

Список источников

- [1] *Поляков Ю. А.* Переход к НЭПу и советское крестьянство. Москва, 1967. 511 с.
- [2] *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». Москва, 1988. 305 с.
- [3] *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917–1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Вып. 1. Свердловск, 1966. С. 137–148.
- [4] *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. 314 с.
- [5] *Сулейманова Р. Н.* «Царь — голод» и дети: положение детского населения автономной Башкирской республики в 1921–1922 годы // Приволжский научный вестник. 2014. № 5. С. 88–91.
- [6] Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. 728 с.
- [7] Башкортостан в 20-м столетии. Исторические портреты. Уфа, 2010. 291 с.
- [8] *Кочуров В. В.* К вопросу о специальном законе о санитарных органах БАССР // Хозяйство Башкирии. 1928. № 8–9.
- [9] *Гниятуллина Г. Г.* Проблемы охраны материнства и младенчества в Башкирской АССР // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8. С. 25–29.
- [10] *Ленин В. И.* Все на работу по продовольствию и транспорту! / Полное собрание сочинений Т. 37. Июль 1918 — март 1919. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1963.
- [11] *Устинова Р. А.* Шипы и розы комбрига Муртазина. Уфа, 2012. 87 с.
- [12] *Сахаутдинов Б.* Специфические районы Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 1–2. С. 36.

References

- [1] *Polyakov Yu. A.* The transition to the NEP and the Soviet peasantry. M., 1967. 511 p.
- [2] *Kabanov V. V.* Peasant economy in the conditions of «war communism». M., 1988. 305 p.
- [3] *Efremenkov N. V.* Collective farm construction in the Urals in 1917–1930 // From the history of the collectivization of agriculture in the Urals. No. 1. Sverdlovsk, 1966. Pp. 137–148.
- [4] *Safonov D. A.* The Great Peasant War of 1920–1921 and the South Urals. Orenburg, 1999. 314 p.
- [5] *Suleimanova R. N.* «King-hunger» and children: Children population status of self Bashkir in 1921–1922 years // Privolzhsky Scientific Journal. 2014. No. 5. Pp. 88–91.
- [6] Essays on the history of the Bashkir organization of the CPSU. Ufa, 1973. 728 p.
- [7] Bashkortostan in the 20th century. Historical portraits. Ufa, 2010. 291 p.
- [8] *Kochurov V. V.* On the issue of a special law on the sanitary authorities of the BASSR // Economy of Bashkiria. 1928. No. 8–9.

[9] *Gniyatullina G.G.* Issues of maternity and child protection in Bashkir ASSR in the 1920s // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 8. Pp. 25-29.

[10] *Lenin V. I.* Everybody On Food And Transport Work! / Complete Works T. 37. July 1918 — March 1919. M.: State Publishing House of Political Literature, 1963.

[11] *Ustinova R. A.* Thorns and roses of brigade commander Murtazin. Ufa, 2012. 87 p.

[12] *Sakhautdinov B.* Specific areas of Bashkiria // Economy of Bashkiria. 1928. No. 1-2. P. 36.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-6>
УДК 314.552
JEL J23, O18, R23

**ВДОВСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
ПОСЛЕВОЕННОГО СВЕРДЛОВСКА
(по материалам переписи 1959 г.)¹**

Л. Н. Мазур ^{а)}, О. В. Горбачев ^{б)}

^{а, б)} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

^{а)} <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Автор для корреспонденции: Л. Н. Мазур (lmaz@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается феномен послевоенного вдовства на материалах переписи 1959 г., в том числе социально-демографический портрет вдовых г. Свердловска, а также характеристика семей, во главе которых находились вдовы. Статья основана на сведениях опросных бланков, сохранившихся в архиве и транскрибированных в базу данных, включающую две таблицы: «Население г. Свердловска. 1959 г.» (4715 записей) и «Семья г. Свердловска. 1959 г.» (2079 записей). Для оценки уровня и частоты вдовства были использованы общие и специальные коэффициенты, определяющие влияние военных потерь на семейную структуру города, для которой была характерна архайзация семейно-брачных отношений в результате распространения стратегий внутрисемейной консолидации (увеличение числа расширенных семей), а также превращение неполных семей в типичный вариант социальной организации. Беспрецедентные военные потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны усугубили гендерный дисбаланс, который начал складываться еще в конце XIX в. и с особой силой проявился в годы Первой мировой и Гражданской войн. 1940–1950-е гг. отличаются от 1920-х гг. тем, что это время второго демографического перехода, основным содержанием которого является изменение модели семейно-брачного поведения, тенденция к нуклеаризации семьи.

Ключевые слова: овдовение, социально-демографический облик вдовства, вдовья семья, Великая Отечественная война, перепись населения 1959 г.

**Widowhood as a Social Problem in Post-War Sverdlovsk
(According to the Census of 1959)**

L. N. Mazur ^{а)}, O. V. Gorbachev ^{б)}

^{а, б)} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

^{а)} <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Corresponding author: L. N. Mazur (lmaz@mail.ru)

Abstract. Based on the census of 1959, the study examines the phenomenon of post-war widowhood, including the socio-demographic portrait of widows in Sverdlovsk, as well as the

¹ © Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Текст. 2022.

characteristics of families headed by widows. The article is based on information from survey forms preserved in the archive and transcribed into a database that includes two tables: "Population of the city of Sverdlovsk. 1959" (4,715 entries) and "Family of the city of Sverdlovsk. 1959" (2,079 entries). To assess the level and frequency of widowhood, general and special coefficients were used to determine the impact of military losses on the family structure of the city, characterised by the archaisation of family and marriage relations as a result of the spread of intra-family consolidation strategies (an increase in the number of extended families). The transformation of single-parent families into typical social organisation was also considered. The unprecedented military losses of the male population during the Great Patriotic War exacerbated the gender imbalance that began to take shape at the end of the 19th century and particularly manifested during the First World War and the Civil War. The 1940s–1950s differ from the 1920s in that this is the time of the completion of the demographic transition, characterised by a change in the model of family and marriage behaviour, a tendency towards family nuclearisation.

Keywords: widowhood; socio-demographic appearance of widowhood; widow family; Great Patriotic War; census of 1959

Введение

Овдовение — деструктивный демографический процесс, в основе которого лежит смерть одного из супругов. Причины смерти могут быть естественными/внутренними (состояние здоровья, возраст) или насильственными/внешними (результат преступного действия, в т. ч. самоубийств, несчастных случаев и других внешних воздействий). К ним относят также военные потери. Война как организованное коллективное насилие рассматривается ВОЗ в качестве самостоятельной причины смертности. Доля военных потерь в структуре смертности населения обычно невелика и определяется масштабами военного конфликта, интенсивностью боевых действий и носит локальный территориально-временной характер, затрагивая конкретные регионы и поколения [1]. Наибольших масштабов безвозвратные военные потери достигли в ходе Первой и Второй мировых войн, следствием которых стали демографические катастрофы.

Помимо резкого роста смертности как в результате военных действий, так и естественных причин, мировые войны привели к долговременным демографическим эффектам в процессах рождаемости и брачности, а также способствовали усилению половозрастного дисбаланса. Потери мужского населения преимущественно в возрасте 20–40 лет имели следствием безбрачие многих женщин, овдовевших или никогда не состоявших в браке, сиротство и деформацию семейной структуры общества.

Особо крупные потери Россия понесла в результате Второй мировой войны. Имеющиеся данные о количестве погибших за этот период заметно расходятся: от 7 до 46 млн чел. [2, с. 26]. Наиболее обоснованной выглядит оценка военных потерь в интервале 26–27 млн чел., из которых примерно половина приходится на РСФСР [3, с. 32]. Как отмечает А.Г. Вишнеvский, «война дестабилизировала брачную и семейную структуры населения, разрушила многие, часто едва начавшиеся браки, усилила конкуренцию на брачном рынке, что имело следствием рост числа разводов. В стране

осталось огромное количество вдов, однако сколько их было — неизвестно, и помочь в оценке их числа не может и перепись населения 1959 г.» [3, с. 17].

Обзор литературы

Тема вдовства в историко-демографических исследованиях затрагивается нечасто, в т. ч. по упомянутой причине ограниченности доступной статистики, хотя ее важность не оспаривается [4–8]. Следует отметить труды сотрудников Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН, в частности, 3-томное издание «Население России в XX веке» [9]. Второй том содержит анализ демографических процессов в годы Отечественной войны и опирается на сведения переписей 1939 и 1959 гг., комплексно представляя все аспекты демографической динамики в стране, пережившей войну. Среди прочих вопросов внимание уделено переменам в семейной структуре города и деревни. В частности, констатируется рост неполных семей, потерявших мужа и отца, в которых роль главы семьи переходит к вдове или старшему из детей, однако количественная оценка этих процессов отсутствует [10].

Зарубежные исследования рассматривают демографические аспекты вдовства в тесной связи с социокультурными и экономическими факторами и основательно изучены на примере доиндустриальных обществ¹. При этом высказывается суждение, что чисто демографический анализ форм семейной организации, в которых были представлены вдовы, вряд ли возможен [11].

С учетом специфики советского общества второй половины 1940–1950-х гг. для нас представляют интерес те зарубежные исследования, которые, во-первых, анализируют военное вдовство, а во-вторых, рассматривают овдовение на фоне модернизационных изменений [12–14]. Следует также отметить фундаментальное двухтомное исследование явления вдовства, предпринятое на материалах Азии, Океании и Северной Америки [15].

В отличие от историко-демографических сочинений, тема «военного» вдовства широко представлена в литературе и искусстве. В послевоенные годы появилось достаточно много произведений, в которых трагедия войны была показана через судьбу женщин, потерявших мужей и сохранивших верность их памяти. Эта тема звучит в художественных фильмах: «Женщины» (1965, реж. П. Любимов), «Журавушка» (1968, реж. Н. Москаленко), «Вдовы» (1976, реж. С. Микаэлян) и др., в произведениях литературы² и живописи, что дает представление о масштабах и глубине социально-демографических перемен в послевоенном обществе.

¹ См., например, тематический номер журнала *History of the Family*. 2002. Vol. 7 (1).

² См. например: Дзабаева-Кесаонова Т. Т. Сироты и вдовы : роман. Владикавказ, 2013; Нагибин Ю. Бабые царство, и др.

В целом приходится признать, что, несмотря на масштабы проблемы военного овдовения, в отечественной и зарубежной историографии эта тема исследована явно недостаточно. Что касается СССР, то важнейшей причиной такого положения выступает сложность точной оценки размеров военного и послевоенного вдовства, поскольку повышенный уровень смертности продолжал сохраняться на протяжении 1950-х гг. [4].

Материалы и методы

Переписи населения дают наиболее полное представление о прошедших в результате войн переменах. Сведения о вдовах/вдовцах имеются в итогах переписей населения 1897, 1926, 1979 гг. и последующих лет. Разработки материалов переписей 1939 и 1959 гг., а также 1970 г. такой информации не содержат, хотя на уровне регистрации сведений о семейном состоянии вдовы фиксировались в первичных переписных бланках, которые, как известно, уничтожались. Но встречаются счастливые исключения. В нашем распоряжении оказались опросные листы переписи 1959 г., которые частично сохранились в Государственном архиве Свердловской области. В них представлено городское население, в т. ч. города Свердловска. Информация переписных листов была транскрибирована в базы данных «Население г. Свердловска, 1959 г.» (4 715 записей) и «Семья г. Свердловска, 1959 г.» (2 079 записей)¹. Первая база по структуре совпадает с программой переписи и включает 16 полей, содержащих персональные данные о жителях Свердловска. Вторая представляет собой попытку реконструкции состава семьи на основе переписных бланков, что в частности позволяет провести анализ семей, возглавляемых овдовевшими супругами. БД включает 20 полей со сведениями о главе семьи, ее типе, семейной структуре, количеству работников, детей до 18 лет и иждивенцев, а также жилищных условиях. Эта информация представлена в переписных бланках опосредованно и дает уникальную возможность характеристики семейных процессов в условиях демографической катастрофы.

Поскольку сохранившиеся материалы представляют собой естественную выборку, то встает проблема оценки ее репрезентативности. Как показали проведенные исследования, по большинству параметров выборка вполне репрезентативна, в т. ч. по признаку «Состояние в браке» [16].

Ценность сохранившегося комплекса документов и сформированного на его основе массива данных состоит в том, что он дает возможность изучения демографического и социального портрета населения, а также семейной характеристики овдовевших.

Объектом исследования является население города Свердловска по материалам переписи 1959 г. Его численность составила 778,6 тыс. чел. и в сравнении с 1941 г. выросла на 73 % [17]. За 1941–1945 гг. из города

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24. Выборка составила 1959 семей, проживающих в Октябрьском районе Свердловска и зафиксированных в ходе переписи 1959 г.

на фронт ушло более 100 тыс. жителей (четверть всего населения), из них 41 772 чел. не вернулись с войны: 21 397 были убиты в сражениях, 4 778 умерли от полученных ранений в госпиталях, 15 491 пропали без вести, 106 были замучены в фашистских концлагерях [18].

Результаты. Социально-демографический портрет вдовства в послевоенном Свердловске

Овдовение характеризуется показателями уровня и частоты данного процесса. Уровень овдовения измеряется с помощью показателя доли вдов среди населения в брачном возрасте. Однако этот показатель не учитывает повторные браки, т. е. занижает его реальную величину. Частоту процесса овдовения характеризуют значения специального и возрастных коэффициентов овдовения. Специальный коэффициент овдовения рассчитывается как отношение чисел овдовевших к числу состоящих в браке мужчин и женщин. Возрастные коэффициенты рассчитываются на 1 000 состоящих в браке лиц данного возраста и характеризуют вероятность овдовения в данном интервале.

Для качественной оценки уровня и частоты овдовения среди жителей Свердловска в послевоенный период эти показатели необходимо сравнить с данными за другие годы, в частности с более ранними и поздними переписями населения (табл. 1). При анализе необходимо учитывать, что структура населения Свердловска в годы Великой Отечественной войны испытала на себе влияние не только мобилизации и военных потерь, но и эвакуации, что создавало компенсаторный эффект, в т. ч. по показателям брачности. В результате последствия демографической катастрофы носили сглаженный характер.

Как можно судить по данным таблицы 1, удельный вес вдовых в структуре населения брачного возраста в конце XIX в. составил 14,3 %, при этом показатели овдовения женщин в 4–5 раз выше, чем мужчин, что может быть связано с частотой повторных браков последних. Высокий удельный вес вдовых в структуре населения города наблюдается также в 1926 г. и 1959 г. В отличие от конца XIX в., когда он, скорее всего, был связан с особенностями сельской миграции (город был прибежищем для вдов с детьми) [19], в эти годы высокий уровень вдовства стал результатом демографических катастроф, причинами которых были мировые войны, а также революция и гражданская война. Данный вывод подтверждается в том числе заметной разницей в показателях коэффициента овдовения мужчин и женщин — в 1959 г. женщины в 45 раз чаще становились вдовами, чем мужчины. В более поздний период (1979–2002 гг.), с уходом военного поколения, удельный вес вдовых и коэффициенты вдовства заметно снижаются и определяются естественными причинами. Свой след в процессах овдовения оставили 1990-е гг., характерной чертой которых стало обострение криминогенной обстановки и усиление роли внешних факторов.

Таблица 1

Показатели вдовства в Екатеринбургe-Свердловске по материалам переписей населения*

Год	% вдовых среди населения брачно-го возраста (16 лет и более)	В том числе среди:		Коэффициент овдовения	В том числе среди:	
		мужчин	женщин		мужчин	женщин
1897	14,3	5,16	22,14	0,29	0,09	0,50
1926	11,5	2,27	19,82	0,19	0,03	0,37
1959	12,1	0,28	18,41	0,24	0,01	0,45
1979	9,9	1,72	16,19	0,16	0,02	0,31
1989	9,8	2,25	15,70	0,16	0,03	0,29
2002	9,9	2,97	15,39	0,18	0,05	0,32

* Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. По губерньские итоги в 89 т. Т. 31: Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 18, 36; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 38. Уральская область : [таблицы]. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. Москва, 1930. С. 82–83; Екатеринбург от переписи к переписи. Накануне 285-летия (по итогам переписей населения) : стат. сб. Екатеринбург, 2007. С. 36: БД «Население Свердловска. 1959 г.».

В наибольшей степени нас интересует показатель 1959 г., когда высокий уровень вдовства, преимущественно женского, был непосредственно связан с военными потерями. Это нашло подтверждение в возрастных коэффициентах вдовства (табл. 2), в соответствии с которыми, начиная с поколения в возрасте 40 и более лет, число вдов на 1 000 женщин, состоящих в браке, превышает 400 чел., а в возрасте 60 и более лет превосходит число замужних в два и более раза.

Всего по выборке 1959 г. в структуре населения города 12,1 % составляли вдовы, из них 98,9 % женщины. 68 % вдовых относились к возрастной группе 46–70 лет, больше половины уже не работали и жили на пенсию или находились на иждивении родных (табл. 3).

Таблица 2

Возрастные коэффициенты вдовства в Свердловске по переписи 1959 г. (на 1000 состоящих в браке)*

Возраст, лет	Коэффициенты вдовства	В том числе	
		мужчины	женщины
16–20	0,0	0,0	0,0
21–30	2,2	0,0	3,8
31–40	48,7	0,0	85,4
41–50	206,6	4,2	404,1
51–60	425,8	6,1	897,3
61–70	923,7	27,4	2377,8
71 и более	3074,1	58,8	8200,0
Итого	242,6	5,8	454,6

* Подсчитано по БД «Население г. Свердловска. 1959 г.».

Таблица 3

Социально-демографическая характеристика овдовевших жителей Свердловска по материалам переписи 1959 г.^{*}

Показатель	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Всего	446	100,0
<i>по полу</i>		
Женщины	441	98,9
Мужчины	5	1,1
<i>в возрасте, лет</i>		
До 30 (с 1930 г. р.)	1	0,2
31–35 (1924–1929 г. р.)	8	1,8
36–40 (1919–1923 г. р.)	13	2,9
41–45 (1914–1918 г. р.)	38	8,5
46–50 (1909–1913 г. р.)	62	13,9
51–55 (1904–1908 г. р.)	68	15,3
56–60 (1899–1903 г. р.)	64	14,3
61–65 (1894–1898 г. р.)	56	12,6
66–70 (1889–1893 г. р.)	53	11,9
71–75 (1884–1888 г. р.)	35	7,8
76–80 (1879–1883 г. р.)	32	7,2
81 и более (ранее 1878 г. р.)	16	3,6
<i>источники дохода</i>		
Пенсия	201	45,1
Работа	178	39,9
На иждивении членов семьи	67	15,0
<i>общественная группа</i>		
Служащие	238	53,4
Рабочие	203	45,5
Прочие (колхозники, крестьяне, свободные профессии)	5	1,1
<i>образование</i>		
Высшее и неполное высшее	27	6,1
Средне-специальное	28	6,3
Среднее	51	11,4
Семилетнее	41	9,2
Начальное	101	22,6
Малограмотные	147	33,0
Неграмотные	51	11,4

^{*} Подсчитано по БД «Население г. Свердловска. 1959 г.».

Социально-демографическую характеристику вдовых крупного промышленного города дополняет их социальная принадлежность к служащим (53,4 %) и рабочим (45,5 %) с преимущественно начальным и средним образованием.

Таблица 4

Распределение глав семей г. Свердловска в 1959 г. по семейному состоянию*

Состояние в браке	Всего		Мужчины		Женщины	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Состоит в браке	892	45,5	745	81,8	147	14,0
Не состоит в браке	762	38,9	162	17,8	600	57,3
Вдова/вдовец	305	15,6	4	0,4	301	28,7
Всего	1 959	100,0	911	100,0	1 048	100,0

* Составлено по БД «Семья г. Свердловска. 1959 г.».

В сравнении с материалами переписи населения 1939 г. заметно уменьшилось число замужних женщин практически во всех возрастных группах. Причем наиболее существенное сокращение было зафиксировано в поколениях женщин, которым в 1941 г. было 17–25 лет и которые наиболее пострадали во время войны, поскольку среди них было много вдов и не вышедших замуж. Повторные браки не могли компенсировать эту картину: через пять лет после окончания войны в СССР вступили в повторный брак 552 мужчины и 146 женщин (на 1000 разошедшихся или овдовевших); через 10 лет — 673 мужчин и 219 женщин [4].

Характеристика вдовьей семьи

По данным выборки в семейной структуре в послевоенном Свердловске по переписи 1959 г. больше половины семей были неполными (54,5 %), в т. ч. почти треть из них (28,6 %) возглавлялись вдовами и вдовцами (табл. 4). В 84,4 % неполных семей роль главы семьи выполняли женщины, в 33,4 % случаев — вдовы.

Одинокие вдовы в семейной структуре города составляли 23,1 %. Большинство вдовьих семей состояли из 2–4 чел. (86,1 %), из них 51,1 % относились к нуклеарному типу (мать с детьми) и 48,9 % — к расширенному, преимущественно «мать с детьми и внуками» (75,3 %) и / или «с родственниками» (42,3 %). Среди больших семей (5 и более чел.) абсолютное большинство относится к категории расширенных (96,4 %), они состояли из трех поколений (вдова/вдовец + дети и внуки) и нередко включали родственников или родителей. Высокий процент расширенных семей среди вдовьих свидетельствует, с одной стороны, о стратегиях выживания, нацеленных на концентрацию демографических ресурсов семьи и практики внутрисемейной поддержки. Но нельзя не учитывать также квартирный вопрос: 43,6 % семей проживали в коммуналках; 29,9 % арендовали жилье. Стесненность жилищных условий в крупном городе провоцировала совместное проживание различных поколений, укрепляя традиции неразделенной семьи.

Средний размер вдовьей семьи составил 2,44 чел. и был в 1,3 раза меньше средней семьи в г. Свердловске (3,29 чел.). Одной из причин такого расхождения был низкий показатель наличия детей в возрасте до 18 лет,

что свидетельствует не только о структурных изменениях, но и о возрасте семьи.

Всего не имели детей/внуков до 18 лет в своем составе 64,6 % семей; имели одного ребенка — 23,3 %; двух — 9,8 %; трех — 2,3 % семей. Дети дошкольного возраста отмечены в 2,3 % вдовьих семей, школьного возраста — в 17,4 %, что может быть связано с послевоенным вдовством, поскольку мужская смертность в результате последствий военных ранений оставалась высокой. 20 % вдовьих семей имели в составе внуков. Часто встречается семья, которая состоит из матери (вдовы) и незамужней дочери с ребенком¹.

Распределение семей вдов по этапам жизненного цикла позволяет сделать следующие выводы:

1) более половины семей находится на четвертой стадии, когда дети уже выросли и постепенно покидают материнскую семью;

2) треть семей находится на завершающей (пятой) стадии распада; как правило, это одинокие вдовы, либо вдова с родственниками.

Заключение

Таким образом, перепись 1959 г. фиксирует трагедию военных вдов, финалом которой является одиночество или переход под патронат взрослых детей. Беспрецедентные военные потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны усугубили гендерный дисбаланс, который начал складываться еще в конце XIX в. и с особой силой проявился в годы Первой мировой и Гражданской войн. Великая Отечественная война окончательно нарушила естественный ход вещей, оставив множество женщин без перспективы иметь полноценную семью.

Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга — Свердловска)».

Список источников

[1] Щербакова Е. Людские потери в вооруженных конфликтах в мире: 1946–2015 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 69–102.

[2] Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. Москва : Экон-Информ, 2010. 251 с.

[3] Вишневский А. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 13.04.2022).

¹ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12, д. 24, л. 107, 179, 358, 511 и др.

[4] Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. «Демографическое эхо» войны // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. Москва : Наука, 2004. С. 232–264.

[5] Рыбаковский Л. Л. Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к франц.-сов. семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. Москва : Ин-т социологических исследований АН СССР, 1984. С. 4–24.

[6] Кваша А. Я. Цена победы // СССР: Демографический диагноз. Москва : Прогресс, 1990. С. 241–251.

[7] Переведенцев В. И. Послевоенная динамика СССР и России // Полис. 1995. № 2. С. 24–33.

[8] Новосельский С. А. Демография и статистика : избр. произв. Москва : Статистика, 1978. 272 с.

[9] Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. Москва : Изд-во Российская политическая энциклопедия, 2000–2005. 463 с. + 416 с. + 304 с.

[10] Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг. / отв. ред. В. Ю. Жиромская. Москва : Изд-во Российская политическая энциклопедия, 2001. 416 с.

[11] Wall R. Introduction. Widows: perceptions, demography, residence patterns, and standard of living // History of the Family. 2002. Vol. 7 (1). P. 3–12.

[12] Wall R. Elderly widows and widowers and their coresidents in late 19th- and early 20th-century England and Wales living // History of the Family. 2002. Vol. 7 (1). P. 139–155.

[13] Hughes A., Meek J. State Regulation, Family Breakdown, and Lone Motherhood: The Hidden Costs of World War I in Scotland // Journal of Family History. 2014, Vol. 39 (4). P. 364–387.

[14] Tsurumi K. Social Change and the Individual. Japan Before and After Defeat in World War II // Princeton University Press, 2015. P. 248–265.

[15] Widows (Vol. 1: The Middle East, Asia, and the Pacific, Vol. 2: North America) // Ed. by H. Znaniecka Lopata. Durham, New York : Duke University Press, 1987.

[16] Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Уральская городская семья во Всесоюзной переписи населения 1959 г. // Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума / ред. д-р экон. наук О. А. Козлова; д-р ист. наук Г. Е. Корнилов; д-р философ. наук, проф. Б. Ю. Берзин; канд. экон. наук Н. П. Неклюдова. Т. I. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2021. С. 132–143.

[17] Корнилов Г. Е. Наперекор невзгодам. Великое переселение // Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / гл. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург : Изд-во «Баско», 2005. С. 38–67.

[18] Свердловский фронт. Как Великая Отечественная война изменила Екатеринбург // It's My City. URL: <https://itsmycity.ru/2018-06-22/kak-velikaya-otechestvennaya-vojna-izmenila-ekaterinburg> (дата обращения: 20.04.2022).

[19] Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков : очерки городского быта. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2014. 488 с.

References

- [1] *Shcherbakova E.* Casualties in armed conflicts in the world: 1946-2015 // Demographic review. 2016. Vol. 3, No. 2. Pp. 69-102.
- [2] *Rybakovsky L. L.* Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War. Moscow: Ekon-Inform, 2010. 251 p.
- [3] *Vishnevsky A.* Demographic consequences of the Great Patriotic War // Demographic Review. 2016. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed on 04.13.2022).
- [4] *Polyakov Yu., Zhyromskaya V., Aralovets N.* "Demographic echo" of the war // War and Society, 1941-1945. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 232-264.
- [5] *Rybakovsky L. L.* Dynamics and factors of the demographic development of the USSR in the second half of the twentieth century // Demographic development of the USSR in the post-war period: Soviet reports for the French-Soviet seminar on demographic problems, Paris, December 1984. Moscow: Institute of Sociological Research of the Academy of Sciences of the USSR, 1984. Pp. 4-24.
- [6] *Kvasha A. Ya.* The price of victory // USSR: Demographic diagnosis. Moscow: Progress, 1990. Pp. 241-251.
- [7] *Perevedentsev V. I.* Post-War Population Dynamics in the USSR and in Russia // Polis. 1995. No. 2. Pp. 24-33.
- [8] *Novoselsky S. A.* Demography and statistics. Selected works. Moscow: Statistics, 1978. 272 p.
- [9] The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 vols. / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publishing House, 2000-2005. 463 p. + 416 p. + 304 p.
- [10] The population of Russia in the 20th century: historical essays. In 3 vols. Vol. 2. 1940-1959 / ed. V. Yu. Zhyromskaya. Moscow: Publishing house Russian political encyclopedia, 2001. 416 p.
- [11] *Wall R.* Introduction. Widows: perceptions, demography, residence patterns, and standard of living // History of the Family. 2002. Vol. 7. No. 1. Pp. 3-12.
- [12] *Wall R.* Elderly widows and widowers and their coresidents in late 19th and early 20th-century England and Wales living // History of the Family. 2002. Vol. 7, No. 1. Pp. 139-155.
- [13] *Hughes A., Meek J.* State Regulation, Family Breakdown, and Lone Motherhood: The Hidden Costs of World War I in Scotland // Journal of Family History. 2014. Vol. 39, No. 4. Pp. 364-387.
- [14] *Tsurumi K.* Social Change and the Individual: Japan Before and After Defeat in World War II. Princeton: Princeton University Press, 2015. Pp. 248-265.
- [15] Widows (Vol. 1: The Middle East, Asia, and the Pacific, Vol. 2: North America) // ed. H. Znaniecka Lopata. Durham, NC: Duke University Press, 1987.
- [16] *Mazur L. N., Gorbachev O. V.* Ural urban family in the All-Union population census of 1959 // Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural Demographic Forum / eds. O. A. Kozlov, G. E. Kornilov, B. Yu. Berzin, N. P. Neklyudov. Vol. I. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2021. Pp. 132-143.

[17] *Kornilov G. E.* Despite adversity. Great Migration // In the name of victory. Sverdlovsk during the Great Patriotic War. 1941–1945 / A. V. Speransky (Ed). Yekaterinburg: Publishing house “Basko”, 2005. Pp. 38–67.

[18] Sverdlovsk front. How the Great Patriotic War changed Ekaterinburg // It’s My City. URL: <https://itsmycity.ru/2018-06-22/kak-velikaya-otechestvennaya-voyna-izmenila-ekaterinburg> (accessed on 04.20.2022).

[19] *Mikityuk V. P., Yakhno O. N.* Everyday life of Ekaterinburg at the turn of the 19-20 centuries. Ekaterinburg: AMB Publishing House, 2014. 488 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-7>

УДК 94 (470.5)

JEL I21

ИНДЕКС ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1960-Е ГГ.¹

А. В. Жарков

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Автор для корреспонденции: А. В. Жарков (alessandro2017@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе данных переписей населения сравниваются индекс грамотности населения Среднего Урала в границах Свердловской области и РСФСР в 1959 и в 1970 гг. и анализируются произошедшие за десятилетие изменения. Под индексом грамотности понимается уровень образования населения как отношение числа носителей образования определенной ступени к общей численности лиц определенного возраста, в промилле. Сделаны выводы о существенном росте индекса грамотности населения Среднего Урала. Более интенсивно, чем в РСФСР, происходило увеличение удельного веса лиц с неполным средним и средним общим образованием. Однако удельный вес лиц со средним специальным и высшим и незавершенным высшим образованием по сравнению с общероссийскими показателями либо снизился, либо не изменился, что свидетельствует о менее интенсивном росте данных ступеней образования. Констатируются большие успехи в развитии среднего общего и неполного среднего образования в регионе и наличие проблем в развитии среднего специального и высшего образования.

Ключевые слова: индекс грамотности, уровень образования, перепись населения, Свердловская область, РСФСР

Literacy Index of the Population of the Middle Urals in the 1960s

A. Zharkov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Corresponding author: A. V. Zharkov (alessandro2017@mail.ru)

Abstract. Based on population census data, the article compares the literacy index of the population of the Middle Urals (Sverdlovsk oblast) and the RSFSR in 1959 and 1970 and analyses the changes that have occurred over the decade. The literacy index is understood as the educational level of the population: the ratio of the number of people with a certain education to the total number of people of a certain age, in ppm. A significant increase in the literacy index of the population of the Middle Urals is noted. The share of people with incomplete secondary and secondary general education increased more intensively than in the RSFSR. However, the proportion of people with secondary professional and higher and incomplete higher education either decreased or remained unchanged compared to the national indicators, indicating a less intensive growth of these educational levels. Great successes in the development of secondary general and incomplete secondary education in the region and the presence of problems in the development of secondary professional and higher education are stated.

Keywords: literacy index; educational level; population census; Sverdlovsk oblast; RSFSR

¹ © Жарков А. В. Текст. 2022.

Введение

Конец 1950 — начало 1960-е гг. отметились образовательными реформами, целью которых было повышение уровня образования населения Советского Союза. В соответствии с принятым в 1958 г. «Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» был начат переход к всеобщей восьмилетней школе [1, с. 53–61], а в 1966 г. в постановлении «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» была поставлена задача по осуществлению всеобщего среднего образования [1, с. 219–224]. Представляет интерес рассмотрение результатов правительственной политики в указанный период, а в особенности сравнение достижений региона и страны в целом. Лучше всего эти достижения отражены в переписях населения 1959 и 1970 гг., которые показывают ситуацию на начало и на конец рассматриваемого периода. Целью статьи является сравнение индекса грамотности Среднего Урала и РСФСР в 1959 и 1970 гг. и анализ произошедших за декаду изменений. Территориальные рамки исследования представлены Свердловской областью.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена материалами переписей населения 1959 и 1970 гг., как опубликованными, так и архивными, в частности почерпнутыми в архивных фондах Государственного архива Свердловской области. Для достижения поставленной цели используются историко-сравнительный и историко-генетический методы. Под индексом грамотности в статье понимается уровень образования населения, выраженный через отношение числа носителей образования определенной ступени к общей численности лиц определенного возраста, в промилле.

Обзор литературы

Изучение государственной политики в сфере образования и ее результатов нашло отражение в трудах историков, как на материале всей страны, так и регионов. Среди первых необходимо отметить монографию И.М. Богданова, в которой на материалах переписей населения анализируется уровень образования с 1897 по 1959 гг. [2]. Также ситуация с уровнем образования в периоды между переписями населения описывается во 2-й и 1-й части 3-го тома исторических очерков «Население России в XX веке» [3, 4]. Уровню грамотности и образования населения РСФСР в 1960–1970-е гг. посвящена статья А.И. Репинецкого, в которой дается подробный анализ ситуации [5, с. 354–373]. Данные вопросы нашли отражение и в монографии о советской школе 1950–1960-х гг. историка Г.М. Ивановой [6]. Кроме того, отдельную статью она посвятила вопросу ликвидации неграмотности в те годы [7, с. 27–37].

Среди региональных исследований необходимо отметить историко-партийные работы, описывающие повышение культурно-технического

уровня рабочих. Это работы Г. Г. Бажутина, занимавшегося периодом семилетки на Западном Урале [8], а также В. С. Аверьянова, который описывал ситуацию там же, но в годы восьмой пятилетки [9]. В рамках Пермской и Свердловской областей занимался рабочим классом В. Н. Гольдштейн [10]. Также о повышении культурного уровня рабочих Урала была и статья историка Н. И. Тарасенко [11, с. 71–79]. Среди современных исторических исследований необходимо отметить совместную статью Г. Е. Корнилова и И. И. Чернышевой, в которой на материалах переписи населения 1959 г. анализируется образовательный уровень населения Свердловской области [12, с. 150–156.].

Таким образом, на материалах Среднего Урала уровень образования всего населения в 1960-е гг. не получил должного освещения, чем обосновывается необходимость данного исследования.

Результаты и обсуждение

Согласно данным таблицы 1, в 1959 г. общий уровень образования населения в Свердловской области среди горожан и селян был немного выше, чем по РСФСР. Та же картина наблюдалась и среди одного сельского населения. Однако образовательный уровень горожан области был несколько ниже, чем по республике в целом. Среди всего населения в большей мере показатели женщин превосходили республиканские, а на селе — показатели мужчин. В городе у мужчин области также был меньше разрыв с общероссийскими показателями.

Удельный вес лиц с начальным образованием в области был больше, чем по РСФСР во всех категориях населения. При этом среди мужчин он был больше, чем среди женщин и в городе, и на селе. В сельской местности превышение республиканских показателей было больше, чем в городе.

Доля лиц с неполным средним образованием в области была больше, чем по России среди всего населения, а также немного среди городских женщин. Среди городских мужчин, показатели неполного среднего образования были ниже, еще меньше они были в сельской местности. При этом и среди всего населения, и среди горожан, и на селе соотношение показателей женщин превосходило мужское.

Удельный вес лиц со средним общим образованием в Свердловской области был больше, чем в РСФСР только у женщин среди всего населения. Во всех остальных группах он был меньше, составляя 76–78 % от республиканских показателей на селе и 80 % — в городе.

Доля лиц со средним специальным образованием в области была больше, чем по России среди всего населения, а также среди женщин и обоих полов сельского населения. В городе показатели были существенно меньше республиканских, особенно у мужчин. Важно отметить, что показатели женщин были больше мужских как в городе, так и на селе, и среди всего населения.

Таблица 1

Число лиц в возрасте 10 лет и старше, имевших образование в 1959 г., на 1000 чел. населения

Население	Регион	Пол	Всего с образованием	В том числе					непол. сред.	начал.
				высшим	высш. не-зак.	сред.спец.	сред.общ.	непол. сред.		
Городское и сельское	Свердл. обл.	оба пола	721,1	22	10,1	55,7	56,7	229,1	347,5	
		муж.	817,2	24,6	10,4	52,2	53,1	239	437,8	
		жен.	644,1	19,9	9,8	58,6	59,5	221,2	275,1	
	РСФСР	оба пола	686,6	24,7	11,1	52,7	57,6	215,6	324,9	
		муж.	793,5	28,7	11,7	51,8	56	235,9	409,4	
		жен.	606,4	21,7	10,6	53,3	58,9	200,4	261,5	
Городское	Свердл. обл.	оба пола	754,5	27	12	62,2	67,5	248,2	537,7	
		муж.	840,5	30,3	12,5	58,7	62,5	255,7	420,6	
		жен.	686,8	24,4	11,5	64,9	71,4	242,4	272,3	
	РСФСР	оба пола	770,9	39,1	16,1	68,9	83,8	250,5	312,4	
		муж.	853,3	44,5	17,1	67,2	77,7	264	382,8	
		жен.	707,7	34,9	15,4	70,2	88,6	240,2	258,4	
Сельское	Свердл. обл.	оба пола	609,7	5,4	3,8	34,3	20,7	165,4	380,1	
		муж.	742,8	6,4	3,4	31,1	23,1	185,5	493,3	
		жен.	497,5	4,5	4	37,1	18,7	148,5	284,7	
	РСФСР	оба пола	587	7,8	5,1	33,5	26,7	174,3	339,6	
		муж.	720,8	9,5	5	33,1	29,6	201,8	441,7	
		жен.	489,6	6,5	5,1	33,8	24,6	154,3	265,2	

Подсчитано по: [13, 14].

Таблица 2

Число лиц, имеющих образование на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше в 1970 г.

Население	Регион	Пол	Всего с об- разованием	В том числе						начал.
				высшим	выш. не- зак.	сред. спец.	сред-общ.	непол. сред.		
Городское и сельское	Свердл. обл.	оба пола	806,6	35,3	11,7	75,1	113,3	275,1	296,1	
		муж.	879,6	37,7	13	66,3	110,5	305,7	346,4	
	РСФСР	оба пола	746,7	33,3	10,6	82,3	115,5	250,1	254,8	
		жен.	785,1	43,7	13,3	73,2	108,2	250,5	296,3	
Городское	Свердл. обл.	оба пола	864,4	49,2	14,9	66,9	108,8	280,7	343,9	
		жен.	721,3	39,2	11,9	78,2	107,6	226,2	258,1	
	РСФСР	оба пола	829,4	41,4	13,7	83,6	128,6	287,3	274,8	
		жен.	894,8	44,5	15,4	75,5	124,1	316,5	318,7	
Сельское	Свердл. обл.	оба пола	776,3	39	12,3	90,2	132,3	263,5	239,1	
		жен.	842,3	60,8	18,2	91,8	140,5	273,9	257	
	РСФСР	оба пола	903,6	67,8	20,5	85	136,9	300,6	292,7	
		жен.	792,1	55,1	16,4	97,4	143,4	252	227,8	
Сельское	Свердл. обл.	оба пола	708,3	8,8	3,3	38,5	47	222,7	387,9	
		муж.	816,1	9,4	3,4	27,8	53,4	260,4	461,8	
	РСФСР	оба пола	615,4	8,3	3,3	47,7	41,5	190,3	324,3	
		жен.	685,1	13,7	4,5	40,5	51,7	209,6	365,1	
Сельское	РСФСР	оба пола	794,1	15,8	4,7	34,3	58,5	245	435,8	
		жен.	600	12,1	4,4	45,4	46,3	181,9	309,8	

Подсчитано по: [15; 16, л. 33 об., 38; 17, с. 6-9, 30-33, 54-57].

Областные показатели незаконченного высшего образования были меньше общероссийских. В сельской местности они составляли 68 % у мужчин и 78 % у женщин от российских, в городе — соответственно 73 % и 75 %. Среди всего населения показатели мужчин составляли 89 %, а женщин — 92 % от общероссийских.

Доля лиц с высшим образованием в области также была меньше, чем в РСФСР. Среди всего населения удельный вес мужчин с ним составлял 86 %, а женщин — 92 % от российских показателей. Среди горожан и селян удельный вес и мужчин, и женщин был существенно меньше. Так, доля мужчин с высшим образованием составляла 68 % от российского уровня в городе и 67 % в сельской местности, а женщин — соответственно 70 % и 69 %.

Согласно данным таблицы 2, в 1970 г. общий образовательный уровень населения Свердловской области также был немного больше, чем в РСФСР среди всего населения и на селе, тогда как среди горожан он был немного меньше. В сельской местности показатели мужчин в большей мере превосходили республиканские, нежели показатели женщин, в городе показатели мужчин были также ближе к республиканским, нежели женские. Однако среди всего населения, наоборот, показатели образования женщин в большей мере превосходили республиканские, чем показатели мужчин.

Доля лиц с начальным образованием среди всего населения области была примерно равна общероссийским показателям. Среди же горожан и селян она была несколько больше, чем в РСФСР и у мужчин (на 9 % и 6 % соответственно), и у женщин (на 5 %).

Удельный вес носителей неполного среднего образования в области был выше российских показателей на 5 % у горожан и 5–6 % — в сельской местности, тогда как среди всего населения превышение достигало 9 % у мужчин и 11 % у женщин.

Доля лиц со средним общим образованием среди всего населения была больше, чем в РСФСР на 2 % у мужчин и на 7 % у женщин. Однако в городе их было меньше на 9 % среди мужчин и на 8 % среди женщин, а на селе — соответственно на 9 % и 10 %.

Удельный вес лиц со средним специальным образованием среди всего населения области был больше, чем по РСФСР у женщин (на 5 %), но немного меньше у мужчин. Также выше общероссийских показателей была доля женщин в сельской местности (на 5 %). Однако удельный вес мужчин данной ступени образования был меньше и в городе (на 11 %), и на селе (на 19 %); меньше был и удельный вес горожанок (на 7 %).

Доля лиц с незаконченным высшим образованием в Свердловской области была существенно меньше, чем по России в целом. У горожан она составляла лишь 75 % от российского уровня, в сельской местности — 72 % у мужчин и 75 % у женщин. Среди всего населения отставание было не таким сильным. Удельный вес мужчин составлял 87 %, а женщин — 89 % от показателей РСФСР.

Областные показатели высшего образования были также существенно ниже общероссийских. В городе они составляли 66 % у мужчин и 71 % у женщин относительно уровня РСФСР, на селе — соответственно 59 % и 69 %. Среди всего населения отставание было слабее: от республиканского уровня доля лиц с высшим образованием составляла 77 % у мужчин и 85 % у женщин.

Сравнивая соотношение уровня образования населения Свердловской области и РСФСР в 1959 и в 1970 гг., необходимо отметить следующее. Среди всего населения доля образованного населения несколько снизилась, оставаясь все еще больше республиканского уровня. Немного приблизились к республиканским показатели горожан, показатели селян не изменились у мужчин и немного выросли у женщин.

Областные показатели начального образования уменьшились, также приблизившись к республиканским. Показатели неполного среднего образования выросли у всех категорий населения, особенно на селе. Так что в 1970 г. доля лиц с неполным средним образованием в области превзошла республиканский уровень. Стали полностью превышать республиканские и показатели среднего образования по всему населению. Среди горожан и сельских жителей удельный вес лиц со средним общим образованием хотя и оставался ниже, чем в РСФСР, но значительно приблизился к его показателям.

Областные показатели среднего специального образования за десятилетие в сравнении с РСФСР немного снизились среди всего населения и существенно — в сельской местности. В то же время среди горожан произошел небольшой их рост.

Показатели незаконченного высшего образования в области в сравнении с общероссийскими немного выросли среди мужчин в городе и существенно — на селе. У женщин в городе они не изменились, а на селе — снизились. Среди всего населения показатели снизились и у женщин, и у мужчин.

Относительно показателей РСФСР доля лиц с высшим образованием в области незначительно выросла лишь у женщин в городе, у остальных же категорий населения она снизилась, особенно среди сельских мужчин.

Заключение

В 1960-е гг. произошел рост индекса грамотности населения Среднего Урала. Но в сравнении с показателями населения РСФСР в целом все было не так однозначно. Более интенсивно в регионе росла доля лиц со средним общим и неполным средним образованием, с этим ростом также связано снижение удельного веса лиц с начальным образованием. Доля лиц со средним специальным образованием по сравнению с РСФСР снизилась, при небольшом росте среди горожан. Удельный вес носителей незаконченного высшего образования в основном снизился либо остался прежним относительно общероссийских показателей. Также снизилась и доля лиц

с высшим образованием почти во всех категориях населения. Стагнация и снижение показателей среднего специального и высшего (в т. ч. незаконченного) образования свидетельствует о менее интенсивном их росте в регионе по сравнению с Россией в целом. Таким образом, можно констатировать большие успехи в развитии среднего общего и неполного среднего образования в регионе, но также наличие проблем с развитием среднего специального и высшего образования.

Список источников

[1] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев и др. Москва : Педагогика, 1974. 560 с.

[2] *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. Москва : Статистика, 1964. 195 с.

[3] Население России в XX веке. Ист. очерки : [В 3 т.] / Рос. акад. наук. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; [отв. ред. Ю. А. Поляков]. Москва : РОССПЭН, 2000. Т. 2: 1940–1959 / [отв. ред. В. Б. Жиромская]. 2001. 414 с.

[4] Население России в XX веке. Ист. очерки : [В 3 т.] / Рос. акад. наук. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; [отв. ред. Ю. А. Поляков]. Москва : РОССПЭН, 2000. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 2005. 302 с.

[5] *Репинецкий А. И.* Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 354–373.

[6] *Иванова Г. М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. Москва : Фонд «Московское время», 2018. 432 с.

[7] *Иванова Г. М.* Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10, № 1 (29). С. 27–37.

[8] *Бажутин Г. Г.* Деятельность партийных организаций Западного Урала по повышению культурно-технического уровня рабочего класса в период семилетки (1959–1965): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь : [б. и.], 1967. 23 с.

[9] *Аверьянов В. С.* Деятельность партийных организаций Западного Урала по дальнейшему подъему культурно-технического уровня рабочего класса в годы 8-ой пятилетки (1966–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва : [б. и.], 1977. 15 с.

[10] *Гольдштейн В. Н.* Деятельность КПСС по подъему общеобразовательного уровня рабочего класса (1959–1965 гг.). По материалам Свердловской и Пермской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь : [б. и.], 1968. 32 с.

[11] *Тарасенко Н. И.* Подъем культурно-технического уровня рабочих Урала в годы восьмой пятилетки // Уральский политехнический ин-т им. Кирова. Труды. Свердловск, 1975. Сб. 234. С. 71–79.

[12] *Корнилов Г. Е., Чернышева И. И.* Образовательный уровень населения Свердловской области в конце 1950-х годов (по материалам переписи 1959 г.):

корреляционный анализ // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сб. ст. IX Уральского демографического форума. 2018. С. 150–156.

[13] Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Свердловская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=58 (дата обращения: 19.01.2022).

[14] Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Российская СФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=1 (дата обращения: 19.01.2022).

[15] Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения регионов России по полу и возрасту. Свердловская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_70.php?reg=59 (дата обращения: 19.01.2022).

[16] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 421.

[17] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года [В 7 т.] / ЦСУ при Совете Министров СССР. Москва : Статистика, 1972. Т. 3: Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. 1972. 576 с.

References

[1] Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents. 1917–1973 / A. A. Abakumov, N. P. Kuzin, F. I. Puzyrev et al. Moscow: Pedagogika Publ., 1974. 560 p.

[2] *Bogdanov I. M.* Literacy and education in pre-revolutionary Russia and in the USSR. Moscow: Statistika Publ., 1964. 195 p.

[3] The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 vols. / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 2: 1940–1959 / ed. V. B. Zhiromskaya. 2001. 414 p.

[4] The population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 vols / ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 3, book 1: 1960–1979. 2005. 302 p.

[5] *Repinetsky A. I.* Literacy and educational level of the Russian population in the 1960s–1970s // Proceedings of the Institute of Russian History of the RAS. 2010. No. 9. Pp. 354–373.

[6] *Ivanova G. M.* Soviet school in 1950–1960s. Moscow: Foundation «Moskovskoe vremya» Publ., 2018. 432 p.

[7] *Ivanova G. M.* Illiteracy eradication policies in the USSR in the 1950–1960s // Bulletin of the Kalmyk institute for humanities of the Russian academy of sciences. 2017. Vol. 10, No. 1(29). Pp. 27–37.

[8] *Bazhutin G. G.* The activities of the party organizations of the Western Urals to raise the cultural and technical level of the working class during the seven-year plan (1959 — 1965)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Perm, 1967. 23 p.

[9] *Averyanov V. S.* The activities of the party organizations of the Western Urals to further raise the cultural and technical level of the working class during the 8th Five-Year Plan (1966-1970). Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow, 1977. 15 p.

[10] *Goldshtein V. N.* The activities of the CPSU to raise the general educational level of the working class (1959-1965). Based on materials from the Sverdlovsk and Perm regions. Cand. hist. sci. diss. abstract. Perm, 1968. 32 p.

[11] *Tarasenko N. I.* The rise of the cultural and technical level of the workers of the Urals during the eighth five-year plan // Ural Polytechnic Institute im. Kirov. Proceedings. Sverdlovsk, 1975. 234. Pp. 71-79.

[12] *Kornilov G. E., Chernysheva I. I.* The Educational Level of the Population of the Sverdlovsk Region in the Late 1950s (Based on the 1959 Census): Correlation Analysis // Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum, 2018, pp. 150-156.

[13] All-Union population census of 1959. Distribution of the population of the RSFSR and its regions by age and level of education. Sverdlovsk region // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=58 (accessed on 19.01.2022).

[14] All-Union population census of 1959. Distribution of the population of the RSFSR and its regions by age and level of education. Russian SFSR // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=1 (accessed on 19.01.2022).

[15] All-Union population census of 1970. Distribution of the population of Russian regions by sex and age. Sverdlovsk region // DemoscopeWeekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_70.php?reg=59 (accessed on 19.01.2022).

[16] State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO). F. R-1813. Op. 12.D. 421.

[17] Results of the All-Union Population Census of 1970: In 7 vol. Moscow: Statistika Publ., 1972. Vol. 3: Level of education of the population of the USSR, union and autonomous republics, territories and regions. 1972. 576 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-8>

УДК 94(47).083

JEL J11

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗОНЕ ПЕРЕХОДА ОТ ПРОМЫШЛЕННЫХ К АГРАРНЫМ ГУБЕРНИЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ)¹

Н. А. Жиров

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (г. Елец, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Автор для корреспонденции: Н. А. Жиров (zhirov-nikolai@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена изучению основных демографических процессов, а именно рождаемости, смертности, естественного прироста населения и брачности на примере двух губерний Центральной России — Орловской и Калужской. Гипотеза исследования состоит в предположении, что губернии находились в зоне перехода от промышленной зоны к типично аграрной, вследствие чего могли сочетать разные варианты демографического поведения населения. Цель работы состоит в исследовании особенностей протекания демографических процессов на микро- (отдельные православные приходы и населенные пункты) и мезоуровнях (уезды и губернии в целом). В статье были использованы методы математической статистики, а также традиционные методики гуманитарных исследований. В качестве основного источника были взяты материалы первичной приходской статистики — метрические книги, а также обзоры губерний и иные демографические источники. Автор заключил, что население исследуемых губерний в начале XX в. вошло в зону демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной; микродемографический анализ отдельных православных приходов позволил детально рассмотреть этот процесс на «низовом уровне».*

Ключевые слова: историческая демография, сельское население, крестьянство, статистика, количественные методы

Demographic Processes in the Transition Zone from Industrial to Agricultural Provinces in the Central Russia at the Beginning of the 20th Century (On the Example of Oryol and Kaluga Provinces)

N. A. Zhirov

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Corresponding author: N. A. Zhirov (zhirov-nikolai@mail.ru).

Abstract. *The article analyses the main demographic processes, namely, fertility, mortality, natural population growth and marriage on the example of Oryol and Kaluga provinces of the Central Russia. It is hypothesised that the provinces were in the transition zone from an industrial zone to a typically agricultural one; as a result, they could combine different variants of de-*

¹ © Жиров Н. А. Текст. 2022.

mographic behaviour of the population. The paper aims to study the peculiarities of demographic processes at the micro- (individual Orthodox parishes and settlements) and meso-levels (counties and provinces as a whole). Methods of mathematical statistics, as well as traditional methods of humanitarian research were used. Primary parish statistics (metric books), as well as surveys of provinces and other demographic studies were taken as the main source. It was concluded that the population of the studied provinces at the beginning of the 20th century has entered the zone of demographic transition from the traditional model of population re-production to the modern one. This process was considered in detail at the «grassroots level» based on the microdemographic analysis of individual Orthodox parishes.

Keywords: historical demography; rural population; peasantry; statistics; quantitative methods

Введение

Изучение демографических процессов в их исторической ретроспективе позволяет взглянуть на прошлое нашей страны, населяющих ее народов и ответить на вопросы логики развития государства, его внутренней и внешней политики в конкретную историческую эпоху. В настоящее время Россия столкнулась с проблемой старения населения, демографическим кризисом, вызванным сочетанием низкой рождаемости и высокой смертности населения. В начале XX в. ситуация в Российской империи, в том числе в центральных губерниях Европейской части страны, была совершенно иной. Несмотря на высокую смертность, в первую очередь среди детей, империя благодаря высокой рождаемости и многодетным семьям переживала демографический «бэби-бум». Высочайшие темпы прироста населения усиливали демографическую нагрузку на природные ресурсы, в сельской местности ощущался переизбыток рабочей силы, вследствие чего заработная плата была низкой, росла социальная напряженность. Сочетание многих негативных факторов в итоге привело к ряду революций и Гражданской войне. Последствия этих событий в том или ином виде ощущаются до настоящего времени на всем пространстве бывшей империи и сменившего ее СССР. Переосмысление событий прошлого, в том числе с позиции изучения демографических проблем, является важной задачей для реализации демографической политики в будущем.

Для понимания особенностей избранного нами региона изучение мезо- и микропроцессов важно по той причине, что внутри губерний в начале XX в. наблюдались существенные различия в демографическом поведении населения. Это было связано с экотонностью (переходностью) региона, наличием в нем и типично аграрных территорий, и промышленных уездов, волостей, приходов и поселений.

Экотонность в рамках губерний была обусловлена и географическим расположением этих административных единиц. В частности, Орловскую губернию можно отнести к центрально-земледельческим аграрным территориям лесостепной полосы Европейской России, которая вследствие своей вытянутости с запада на восток в природно-климатическом отношении являлась экотонной между центральными с высокой долей

населения, занимавшегося промыслами и отходничеством (Тульской, Калужской и Смоленской), и южными аграрными (Воронежской, Курской) губерниями Центральной России. Находясь в лесной зоне, западные уезды Орловской губернии, в первую очередь Брянский, были слабо освоенными в сельскохозяйственном отношении, лишь 1/4 часть территории находилась под пашней. Лесные и иные промыслы, в том числе отходничество, играли здесь большую роль, чем в типично аграрных уездах центра и юго-востока Орловщины.

Подобная экотонность была присуща Калужской губернии, но в географическом направлении: с севера на юг. Южные уезды были типично аграрными и контрастировали с северными уездами. И этого даже в рамках одной и той же губернии можно было наблюдать отличия в демографических процессах, в аграрных уездах в большей степени сохранялась традиционная поведенческая модель воспроизводства населения, а в тяготевших к промышленным проявлялись черты модернизации.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что губернии находились в зоне перехода от промышленной зоны к типично аграрной, вследствие чего могли сочетать разные варианты демографического поведения населения. Цель работы — исследовать особенности протекания демографических процессов на микро- (отдельные православные приходы и населенные пункты) и мезоуровнях (уезды и губернии в целом).

В качестве основных источников для подсчетов на уровне губерний и уездов были использованы материалы демографической статистики — статистические ежегодники Российской империи, а также обзоры губерний. Для исследования демографических процессов на уровне приходов были использованы материалы церковного учета населения — метрические книги, хранящиеся государственных архивах Калужской и Орловской областей. Общая характеристика этого вида первичного массового источника была проведена Д. Н. Антоновым и И. А. Антоновой. В работе была дана не только характеристика метрик, но и методы их исследования и обработки данных [1].

Обзор литературы

Изучение демографических процессов в Российской империи пореформенного периода было начато еще в советское время целым рядом крупных исследователей [2, 3], а с начала 1990-х гг. начался новый этап в изучении исторической демографии в отечественной науке. В центре внимания исследователей были как отдельные демографические показатели, так и совокупные процессы, протекавшие в дореволюционном российском социуме [4, 5]. В итоге к 2000-м гг. в России появилось несколько научных центров по изучению проблем исторической демографии, были защищены кандидатские и докторские диссертации [6, 7, 8]. Стоит отметить и появление работ зарубежных исследователей, обращавшихся к опыту изучения демографических процессов имперской России [9, 10].

В настоящее время интерес к исторической демографии растет, о чем свидетельствуют публикации последних лет [11, 12, 13]. Автор статьи уже много лет исследует демографические процессы в Орловской и соседних с ней губерниях, в том числе в рамках работы над крупными научными проектами под эгидой РФФИ и РНФ, есть коллективные публикации на данную тематику [14, 15].

Методы исследования

В исследовании были применены, кроме традиционных методик исторического исследования (ретроспективный метод, принцип историзма и т. д.), современные методы исследования. Это цивилизационный метод и связанная с ним теория модернизации общества. В рамках данной работы предполагалось, что крестьянский социум изучаемой территории начал отход от традиционной модели воспроизводства населения к современной, так называемый демографический переход. В рамках этого процесса шла усиленная аграрная миграция, в первую очередь в Сибирь. Для фиксации демографических процессов применялись различные количественные методы (метод математической статистики, вычисления коэффициентов корреляции и т. д.). Методология работы с демографическими источниками хорошо описана в отечественной научной литературе и не требует дополнительного освещения в данной работе [16, 17].

Результаты

Посчитанные в свое время С.Д. Морозовым коэффициенты рождаемости для губерний Европейской России в первую очередь говорят о том, что этот показатель в губерниях только начинал переходить с высокого уровня (свыше 50 ‰) на средний: он почти во всех случаях превышал показатели всей Центральной России и Европейской части страны. По его же расчетам, для послевоенного периода уровень рождаемости во всех губерниях существенно сократился. В частности, в 1917 г. в Орловской губернии коэффициент рождаемости составил 29 ‰ и продолжал снижаться: 1918 г. — 28,5 ‰, 1919 г. — 25,6 ‰, 1920 г. — 25,3 ‰, что, несомненно, говорило об устойчивости процесса отхода от традиционной модели рождаемости [18, с. 165].

Особо отметим, что показатель рождаемости в Калужской губернии был ближе к значениям Центрально-земледельческого района, нежели Центрально-промышленного района. Это дает нам дополнительные основания для рассмотрения Калужской губернии как переходной в демографическом отношении. Это особенно заметно при исследовании демографических процессов, в т. ч. рождаемости, на уровне отдельных уездов, где получается весьма контрастная картина. В частности, уровень рождаемости и остальные демографические показатели в Жиздринском уезде и соседнем с ним Болховском уезде Орловской губернии близки, но на приходском уровне заметны вариации, и они зависели от основного рода

деятельности местного населения. Наиболее близкие значения у тех приходов, где земледелие играло решающую роль и было единственным источником дохода. Находившийся севернее Перемышльский уезд Калужской губернии, являвшийся в большей степени аграрным, также тяготел к показателям земледельческих уездов Орловской и Тульской губерний, нежели к промышленным уездам тех же губерний.

Это явление четко отслеживается по материалам электронных карт распределения показателей рождаемости сельского населения Центрального Черноземья, созданными тамбовскими исследователями. Ими было доказано, что эти показатели к началу XX в. выглядели неравномерно. В частности, стали видны уезды, в которых рождаемость находилась в «пограничной зоне» традиционно высокой и более модернизированной средней [19].

Уровень смертности в начале XX в. во всех изучаемых губерниях постепенно снижался, и на это было несколько причин. Во-первых, высокая смертность, характерная для традиционного общества, была обусловлена высокой рождаемостью и сопровождающей ее младенческой смертностью. Снижение уровня рождаемости как бы автоматически вело к уменьшению доли умерших в младенчестве детей. Во-вторых, на снижение числа умерших влияло развитие сельской медицины, особенно успехи в борьбе с инфекционными и простудными заболеваниями.

Коэффициенты смертности в первую очередь свидетельствуют о том, что они только начинали опускаться ниже значений, характерных для традиционного общества (35–40 ‰). В Калужской губернии этот показатель на всех указанных в таблицах отрезках был даже выше, чем в Центрально-черноземном районе. Причины этого явления требуют дальнейшего, более углубленного исследования, в первую очередь на уровне уездов и отдельных населенных пунктов.

Сочетание сохранения высокого уровня рождаемости и начавшегося понижения смертности привело к высокому (свыше 10 ‰) показателю естественного прироста населения. Для Центрально-промышленного региона этот показатель в среднем составлял 12,5 ‰, а вот в Центрально-земледельческом он был выше и равнялся 17 ‰.

С точки зрения демографической модернизации в центральной России сохранение такого показателя давало отрицательный эффект аграрного перенаселения, и даже программа переселения крестьянства за пределы европейской части России в рамках столыпинских преобразований не могла исправить текущего положения [15]. Аграрная миграция не перекрывала существующий высокий прирост населения.

Данные о сельском населении Орловской губернии говорят о том, что почти по всем показателям естественного движения населения наблюдались ежегодные подъемы и спады (табл. 1). Именно поэтому нужно изучать особенности каждого года и выстраивать общие тренды.

Проведенные ранее исследования демографических процессов уездного уровня в Орловской и Тамбовской губерниях позволили увидеть

Таблица 1

Движение населения Орловской губернии (сельское население)*

Годы	Браки	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1900	19571	109044	71205	37866
1901	18607	108135	71451	36684
1902	17658	116130	76123	40007
1903	19929	106517	59400	47117
1904	16433	115485	66137	49348
1905	16718	108448	81284	27164
1906	23678	115867	79286	36554
1907	19195	114251	68179	46659
1908	17096	104285	67993	36292
1909	16683	108328	73658	34670
1910	19889	112194	75661	36533
1911	20034	114177	61208	51949
1912	18890	112909	69273	43645
1913	19942	110093	66763	43330
1914	12688	104892	66780	38112
1915	6671	88321	64681	23640

* Обзор Орловской губернии ... [по годам] / Орловский губ. стат. ком. Орел : Тип. губ. правления, 1901–1915.

заметные признаки демографического перехода уже в 1900 г. в пограничных с Центрально-промышленным районом уездах Тамбовской губернии и в значительной мере индустриализированном Брянском уезде Орловской губернии.

Существенное снижение коэффициентов рождаемости во всех уездах произошло в 1915 г. по объективным причинам — массовой мобилизации мужчин на фронт, но и в предшествовавший мирный период времени шло постепенное сокращение этого показателя, что наглядно видно по данным таблицы 2.

Согласно сведениям о смертности (табл. 2), ее уровень во всех уездах также снижался. О возможных причинах этой тенденции было сказано выше, мы лишь акцентируем внимание на ситуации в Брянском уезде. Коэффициент смертности в уезде почти все годы не превышал 35 промилле, а средний показатель за период соответствовал большинству других уездов губернии.

Признаки демографического перехода очень разнообразно проявились на микроуровне.

Микроанализ демографических показателей на приходском уровне дает возможность изучать не только общую количественную динамику отдельного показателя, сравнимую с уездными и губернскими показателями, но и выяснить такие важные значения, как половой состав новорожденных умерших, сезонность в демографическом поведении и т. д.

Таблица 2

**Временные ряды коэффициентов смертности уездов Орловской губернии
в 1900–1915 гг.***

Годы	Орл.	Брян.	Дмитгр.	Елец.	Карач.	Малгр.	Мцен.	Севск.	Трубч.	Болх.	Кром.	Лив.
1900	42,1	32	31,5	39,3	39,4	35,2	38,6	35,3	33,1	41,1	35	36,7
1901	45	31,5	33,1	37,1	37,7	34,1	37,7	32,5	29,8	42,7	34,4	37,6
1902	41,6	30,5	33	40,3	40,3	40,2	35,6	30,9	29,3	38,9	42,8	43,2
1903	29	26,2	32,5	32,5	33,1	29,5	32,9	17	28,4	42,8	19,9	28
1904	30	36,9	28,3	24,2	34	30,2	31,9	31,3	35,7	33,2	27,9	32,1
1905	38,8	40,6	39,9	40	45,2	40,3	38,4	42,2	35,2	42,7	32,6	36,3
1906	35,9	31,8	35,2	39	46	26	33,6	38,8	36,2	29	50,8	35,9
1907	30,3	30,2	31,5	28,8	36,3	26,1	32,1	35,8	31,2	31,2	26,4	34,6
1908	23,8	31,7	31,8	31,7	32,5	30,1	37	28,9	26,5	35,1	26,8	30,3
1909	29	48,1	28,9	51	35,2	30,1	36,7	28,3	29,1	36	32,2	33,6
1910	42,1	30	32,5	30,4	38,6	30,8	34,1	33,5	34,3	40,5	33	29,8
1911	25,7	27	23,5	29,7	24,6	24,2	28,2	25,6	22,5	25,4	19,7	27,7
1912	27	27,2	36,6	33,1	37,2	23,7	27,5	27,1	26	35,5	30,3	25,2
1913	29,3	27,4	27,4	27,2	35,4	27,1	31,8	26	29,3	28,2	26,4	24,3
1914	28,8	30,1	30,4	26	35,2	24,7	28,7	31,2	28	30,1	37,2	26,9
1915	31	29,5	26	29,3	29,6	17,6	25	27,1	27,7	26,5	26	27,9
итог	33	31,9	31,3	33,7	36,2	29,3	33,1	30,7	30,1	34,9	31,1	31,8

* Обзор Орловской губернии ... [по годам] / Орловский губ. стат. ком. Орел : Тип. губ. правления, 1901–1915.

Для исследования были отобраны 11 типичных приходов Орловской губернии по следующим критериям: близость — удаленность от уездного центра, важных путей сообщения или промышленных объектов; внутрисословная вариация населения (государственное или бывшее владельческое крестьянство); степень занятости в промысловой деятельности и отходничестве, которые могли оказывать прямое или косвенное влияние на демографию местного населения.

Новые расчеты по приходам Орловской губернии (табл. 3) говорят о том, что только в 1 приходе из 11 в начале 1910-х гг. устойчиво наблюдалось снижение рождаемости ниже 50 промилле при постоянном показателе смертности ниже 35 промилле.

Демографические процессы на микроуровне в Калужской губернии были рассмотрены на примере двух приходов Жиздринского уезда — с. Красное и с. Еленский завод, а также приходе с. Варваренки Перемышльского уезда.

В 3 приходах Калужской губернии минимумы декабрьской рождаемости проявились по 2–4 раза за период (табл. 4).

В свое время изучение сезонности рождений в чисто земледельческих поселениях показало преобладание июльской рождаемости, чтобы было

Таблица 5

Временные ряды коэффициентов основных демографических показателей
в приходах Орловской губернии в 1912–1914 гг., %

Административная единица	1912					1913					1914					
	Браки	Рожд	Смерт	Прирост	Браки	Рожд	Смерт	Прирост	Браки	Рожд	Смерт	Прирост	Браки	Рожд	Смерт	Прирост
Орловская губерния	7,9	47,5	29	18,3	8,2	45,7	27,7	18	5,5	45,7	29	18,1	5,5	45,7	29	18,1
Болховский уезд	7,5	48,8	35,5	11,6	7,2	42,3	28,2	12,3	5,5	43,5	30,1	11,6	5,5	43,5	30,1	11,6
Ближнее Гнездилово	7,3	49,1	20	29,1	8,6	43,3	10,4	32,9	8,5	27,1	30,5	-3,4	8,5	27,1	30,5	-3,4
с. Григорово	5,9	51,8	22,9	28,9	10,7	48,6	23,6	25	8,5	47,6	44,8	2,8	8,5	47,6	44,8	2,8
с. Хотегово	5,8	55,1	24	28,1	5,8	48,2	30,2	18	7,1	49,7	36,7	13	7,1	49,7	36,7	13
Карачевский уезд	7,5	48,3	37,2	11,1	9,1	51,8	35,4	16,3	5,2	44,7	35,2	9,4	5,2	44,7	35,2	9,4
Шаблыкино	—	—	—	—	12,8	49,2	35,7	13,4	6,8	49,2	27,4	21,8	6,8	49,2	27,4	21,8
Кромской уезд	7,3	42,9	30,3	12,1	7,7	45,2	26,4	18,1	7	50,6	37,2	13	7	50,6	37,2	13
с. Вендерово	11,1	49,2	50,7	-1,5	8,5	56,5	30	26	3,9	40,1	—	—	3,9	40,1	—	—
с. Старые Туры	8,4	55	39,3	15,7	8,9	49,9	29,4	25,7	7,8	50,4	51,3	-1	7,8	50,4	51,3	-1
Ливенский уезд	6,6	45	25,2	18,6	7,6	41,4	24,3	17,5	5,8	49,7	26,9	20,8	5,8	49,7	26,9	20,8
с. Екатериновка	9,8	72,6	40,2	32,4	6,7	68,6	31,5	37,2	6,4	60,8	35,6	25,2	6,4	60,8	35,6	25,2
с. Крутое	10,3	65,6	—	—	11,3	65,8	—	—	10	55,2	26	29,1	10	55,2	26	29,1
с. Норовка	5,2	53,8	35,4	18,4	11,6	41,8	21,2	20,6	—	—	—	—	—	—	—	—
Мценский уезд	7,7	48,2	27,5	20,7	7,4	44,4	31,8	12,6	3,5	27,8	28,7	-0,9	3,5	27,8	28,7	-0,9
Студенец	8,4	78,9	23,8	50,4	3,1	42,3	21,9	20,8	4,8	48	35,2	12,8	4,8	48	35,2	12,8
Орловский уезд	6,6	43,5	27	16,5	7,9	45,7	29,3	16,3	5,2	44	28,8	15,2	5,2	44	28,8	15,2
с. Дубовик	12,1	46,6	42,5	4,2	9	60,3	33,4	27	4	49,4	34,3	15,1	4	49,4	34,3	15,1

* Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 101. Коллекция метрических книг Орловской губернии.

Таблица 4

Декабрьская рождаемость в приходах Калужской губернии*

Годы	Приход								
	Жиздринский уезд						Перемышльский уезд		
	Еленский завод			Красное			Варваренки		
	мін	д > н	д > я	мін	д > н	д > я	мін	д > н	д > я
1900	?	?	?	—	—	—	—	—	—
1901	—	+	—	—	+	—	—	+	+
1902	—	+	?	—	—	—	—	—	—
1903	?	?	?	—	+	+	—	+	+
1904	—	+	+	—	<>	—	—	<>	—
1905	+	—	—	+	+	—	—	+	+
1906	—	+	—	—	—	—	—	—	—
1907	—	—	+	+	—	—	—	—	—
1908	+	—	—	+	—	—	—	—	+
1909	—	+	—	+	—	—	—	—	—
1910	—	—	+	—	—	—	<>	<>	+
1911	—	—	—	—	—	—	<>	—	—
1912	—	—	?	—	+	+	—	—	—
1913	?	?	?	—	—	—	+	—	—
1914	?	?	?	—	+	+	+	—	—
1915	?	?	?	—	+	+	—	+	+
1916	?	?	?	—	—	—	—	<>	+
1917	?	?	?	—	<>	—	—	+	+
1918	—	—	?	?	?	?	—	+	+
Итог	2	5	3	4	6	4	2	5	9

* Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 33. Коллекция метрических книг Калужской губернии.

Примечание:

мін — минимальная рождаемость в декабре;

д > н (рождений в декабре больше, чем в ноябре);

д > я (рождений в декабре больше, чем в январе следующего года).

связано с преобладанием брачной активности в октябре, после окончания сельхозработ. Новые наблюдения на материалах Орловской губернии показали, что июльская рождаемость была максимальной в календарном цикле в большинстве приходов не более 1–2 раз (табл. 5), а в приходе с. Норовка и вовсе таких случаев не было. Июльские максимумы рождений в калужских приходах находились в диапазоне 1–4 раз за период.

Другими словами, во всех изученных приходах по показателям сезонности рождений произошел заметный отход от традиционных значений.

Еще один демографический показатель традиционного общества — младенческая смертность — при сравнении приходов 2 губерний продемонстрировал заметные отличия. В орловских приходах она продолжала

Таблица 5

Рождаемость в июле в приходах Орловской губернии*

Приход	Болховский уезд		Карачевский уезд	Кромской уезд		Ливенский уезд		Мценский уезд		Орловский уезд	
	Б. Гнездилово	Григорово		Хототово	Вендерово	Старые Турыи	Екатеринновка	Крутое	Норовка	Студенец	Дубовик
годы	мах	макс	мах	мах	мах	мах	мах	мах	мах	мах	мах
1900	+	<>	-	-	?	-	-	-	-	-	-
1901	-	-	+	-	?	-	+	-	-	-	-
1902	-	-	+	-	?	-	-	-	<>	-	+
1903	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+
1904	-	-	-	+	-	+	-	-	<>	-	+
1905	-	-	-	-	-	-	-	-	?	-	-
1906	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
1907	-	-	<>	+	<>	?	-	-	+	-	-
1908	-	-	<>	<>	-	?	-	-	?	-	-
1909	-	-	-	-	-	?	+	-	-	-	-
1910	-	+	-	-	-	?	-	-	-	-	-
1911	-	-	-	+	-	?	-	-	-	-	-
1912	-	-	-	-	<>	?	-	-	-	-	-
1913	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
1914	+	-	-	-	-	-	-	-	?	-	-
1915	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
1916	-	-	-	?	-	-	?	-	-	-	?
1917	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	?
1918	-	?	-	?	-	?	-	-	-	-	?
Итого	3	2	4	4	1	1	5	0	1	1	4

* Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 101. Коллекция метрических книг Орловской губернии.
Примечание: мах — максимальная рождаемость в июле.

оставаться на высоком уровне, но подъемы до максимальных значений, когда смертность детей до 1 года превышала более 50 % от общего числа родившихся, не было зафиксировано. Пики роста смертности среди младенцев от общего числа умерших стали редкостью, и лишь в трех приходах (Ближнее Гнездилово, Вендерово, Пятницкое на Студенце) было зарегистрировано 3–4 подъема за исследуемое время.

Младенческая смертность в Калужской губернии была исследована на примере трех приходов. В селе Еленский Завод не получилось сделать приемлемую выборку по годам. В приходе с. Красное 2 раза была зафиксирована более 50 %-ная смертность младенцев, а в приходе с. Варваренки подобных случаев не было.

Заключение

В целом можно сказать, что на всех изученных уровнях (губернском, уездном, приходском) Калужской и Орловской губерний очевидна переходная демографическая ситуация. Изученные годовые показатели естественного движения населения оставались в сильной зависимости от природных процессов и почти ежегодно заметно колебались от повышенных к пониженным значениям. И все же сезонность некоторых демографических показателей уже очевидно утрачивала традиционный характер. В первую очередь, это касалось сезонности рождений в исследуемых приходах. Кроме того, существенные изменения произошли в картине смертности, несмотря на высокую смертность детей до 1 года, младенческая смертность приобрела движение в сторону снижения.

На губернском и уездном уровнях существенное снижение высокой смертности почти везде стало заметным явлением, хотя в отдельные годы все еще продолжали фиксироваться резкие подъемы числа умершего населения, в первую очередь из-за роста детской смертности, связанной с эпидемиями кори, скарлатины и иных инфекционных заболеваний. Сокращение высокой рождаемости проявлялось значительно реже, хотя устойчивая тенденция была зафиксирована в подавляющем большинстве уездов.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00187) на базе ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет им. Г. р. Державина.

Список источников

- [1] Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX вв. Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 384 с.
- [2] Водарский Я. Е. Население России за 400 лет. Москва : Просвещение, 1973. 161 с.
- [3] Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / отв. ред. С. Г. Струмилин. Москва : Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.

[4] *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург : Издательство УГГУ, 2005. 543 с.

[5] *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.); в 2 т. Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.

[6] *Бахарев Д. С.* Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX — начале XX в.: опыт пространственного анализа // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых / отв. ред. М. А. Гордеева, Т. И. Морозова. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 75–82.

[7] *Иноземцев И. В.* Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861-1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 24 с.

[8] *Кащенко С. Г.* Современные исследования по исторической демографии России. Особенности массовых источников и современные проблемы их изучения // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Мат-лы VIII конференции АИК. 2002. № 30. С. 182–183.

[9] *Wegren K. S.* Human capital and Russia's agricultural future // *Post-Communist Economies*. 2014. Vol. 26, Iss. 4. P. 537–554.

[10] *Wegren K. S.* The Quest for Rural Sustainability in Russia // *Sustainability*. 2016. Vol. 8, Iss. 7. P. 1–18.

[11] *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.

[12] *Сарафанов Д. Е.* Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг). DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.023 // Изв. Урал. федер. ун-та. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 59–78. (Сер. 2 : Гуманитар. науки).

[13] *Bakharev D., Glavatskaya E.* Chapter 11. Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* / ed. by E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2019. P. 202–219.

[14] *Жиров Н. А.* Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. статей / отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев. Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. р. Державина, 2010. С. 91–106.

[15] *Жиров Н. А.* Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Орловской губернии) // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 130–137.

[16] *Дьячков В. Л., Канищев В. В.* Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сборник научных статей / отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев. Москва ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 2010. С. 71–90.

[17] Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сборник статей / под ред. В. Н. Владимировой. Барнаул, 2007. 264 с.

[18] *Морозов С. Д.* Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Проблемы демографического развития. Пенза : ПГАСА, 2001. 225 с.

[19] Канищев В. В., Кончаков Р. Б. Вопросы целесообразности при формировании историко-демографических и историко-экологических ГИС // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 28–31.

References

[1] Antonov D. N., Antonova I. A. *Metrical books of Russia of the XVIII — early XX centuries*. M., 2006. 384 p.

[2] Vodarsky Ya. E. *The population of Russia for 400 years*. M.: Enlightenment, 1973. 161 p.

[3] Rashin A. G. *The population of Russia for 100 years (1811-1913)*. Statistical essays / ed. S. G. Strumilin. M.: State Statistics publishing house, 1956. 352 p.

[4] Nefedov S. A. *A demographic-structural analysis of socio-economic: history of Russia*. Ekaterinburg, 2005. 543 p.

[5] Mironov B. N. *Social History of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century): in 2 vols*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003.

[6] Bakharev D. S. *Infant Mortality in the Perm Province in the Late 19th — Early 20th Centuries: The Experience of Spatial Analysis // Actual problems of historical research: the view of young scientists / eds. M. A. Gordeev, T. I. Morozova*. Novosibirsk : CPI NSU, 2018. Pp. 75-82.

[7] Inozemtsev V. I. *The Migration of the peasants of Voronezh province in the years 1861-1914*. dis. ... cand. hist. sciences. Voronezh, 2005. 24 p.

[8] Kashchenko S. G. *Modern Research on the Historical Demography of Russia. Features of Mass Sources and Some Problems of Their Analysis // Newsletter of the Association «History and Computer». The materials of the VIII AIC Conference. June 2002, No. 30*. M., 2002. Pp. 182-183.

[9] Wegren K. S. *Human capital and Russia's agricultural future // Post-Communist Economies*. 2014. Vol. 26, No. 4. Pp. 537–554.

[10] Wegren K. S. *The Quest for Rural Sustainability in Russia // Sustainability*. 2016. Vol. 8, No. 7. Pp. 1-18.

[11] Kornilov G. E. *Evolution of infant mortality in the Ural during the first half of the 20th century // Ural Historical Journal*. 2014. No. 3(44). Pp. 80-89.

[12] Sarafanov D. E. *Seasonality of infant mortality in Barnaul in the second half of the 19th — early 20th centuries (with reference to parish books) // Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2020. Vol. 22, No. 2(198). Pp. 59–78. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.023

[13] Bakharev D., Glavatskaya E. *Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West / ed. E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek*. Ekaterinburg: Ural Univ. Press, 2019. Pp. 202–219.

[14] Zhirov N. A. *Demographic processes in the Orel province at the beginning of the twentieth century // Demographic and environmental problems of the history of Russia in the 20th century: collection of scientific articles / ed. V. B. Zhiromskaya, V. V. Kanishchev*. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2010. Pp. 91-106.

[15] *Zhirov N. A.* Migration movement of the peasantry, the agricultural center of Russia in the late XIX — early XX centuries (according to the materials of the Oryol province) // *Issues of History*. 2018. No. 10. Pp. 130–137.

[16] *Dyachkov V. L., Kanishchev V. V.* Levels of application of demographic coefficients: from micro to meso. Tambov province, the beginning of the XX century // *Demographic and environmental problems of the history of Russia in the 20th century: a collection of scientific articles* / ed. V. B. Zhiromskaya, V. V. Kanishchev. M.; Tambov: Publishing House of TSU, 2010. pp. 71-90.

[17] *Materials of the parish accounting of the population as a historical and demographic source: collection of articles* / ed. V. N. Vladimirova. Barnaul, 2007. 264 p.

[18] *Morozov S. D.* Central Russia in 1897-1917: Problems of demographic development. Penza, PGASA, 2001. 225 p.

[19] *Kanishchev V. V., Konchakov R. B.* Questions of expediency in the formation of historical-demographic and historical-ecological GIS // *Newsletter of the Association «History and Computer»*. No. 36. M., 2010. Pp. 28-31.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-9>
УДК94(470.55)«1926/1939» + 314.146
JEL J12, R23

**ВЛИЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛА
НА ГОРОДСКУЮ СЕМЬЮ
(по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг.):
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹**

В. А. Журавлева ^{а)}, М. И. Мирошниченко ^{б)}

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), филиал в г. Златоуст (г. Златоуст, Россия)

а) <https://orcid.org/0000-0002-1915-913X>

б) <https://orcid.org/0000-0003-0545-2359>

Автор для корреспонденции: В. А. Журавлева (zhuravlvera@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению изменений, которые произошли в семейном составе городского населения Урала под воздействием промышленной модернизации края. Исследование проводилось в рамках Уральской области, после ее ликвидации — в границах Свердловской и Челябинской областей, а с октября 1938 г. — и Пермской области, на основе данных Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. Авторы пришли к выводу, что в конце 1930-х гг. большинство горожан Урала состояло в браке и жило вместе со своими семьями, однако проявилась тенденция к уменьшению размеров семьи. В городах региона утвердилось простое (нуклеарная) семья. Уральская городская семья находилась на стадии демографического перехода.

Ключевые слова: городское население, перепись населения, семья, нуклеарная семья, Урал

**Impact of the Industrial Modernisation of the Urals on Urban Family
(Based on the Materials of the All-Union Censuses of 1926 and 1939):
a Historical and Demographic Study**

V. A. Zhuravleva ^{а)}, M. I. Miroshnichenko ^{б)}

South Ural University, Zlatoust Branch (Zlatoust, Russia).

а) <https://orcid.org/0000-0002-1915-913X>

б) <https://orcid.org/0000-0003-0545-2359>

Corresponding author: V. A. Zhuravleva (zhuravlvera@yandex.ru).

Abstract. The present article examines changes that have occurred in the family composition of the urban population of the Urals under the influence of the industrial modernisation in the region. The study analysed data of the All-Union censuses of 1926 and 1939 for the Ural region, after its liquidation — Sverdlovsk and Chelyabinsk oblasts, as well as Perm oblast (since October 1938). It was concluded that in the late 1930s most of the citizens of the Urals were married and lived with their families. However, a tendency to family size reduction was observed. A simple (nuclear) family has established itself in the cities of the region. The Ural urban family was at the stage of demographic transition.

Keywords: urban population; population census; family; nuclear family; Ural

¹ © Журавлева В. А., Мирошниченко М. И. Текст. 2022.

Введение

Промышленная модернизация Урала, развернувшаяся в крае в рамках первых пятилеток, повлияла на важнейший социальный институт — семью, обеспечивающую воспроизводство населения. Особый интерес представляет изучение трансформации семьи в условиях демографического перехода. Данная работа посвящена исследованию изменений, которые произошли в семейном составе городского населения Урала под воздействием индустриализации края.

Территориальные рамки. Исследование ведется в рамках Уральской области, образованной в 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний; после ликвидации ее — в границах Свердловской (в октябре 1938 г. из нее выделилась Пермская область) и Челябинской областей.

Источники. Изучение обозначенной проблемы осуществлялось на основе данных Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., программы которых включали сбор сведений о семье. Перепись по семейной карте учитывала только постоянное население городов, а перепись по личному листку — наличное население.

Историография проблемы. Семья в исторической ретроспективе является объектом изучения отечественных [1, 2, 3, 4, 5, 6] и зарубежных [7, 8, 9, 10] ученых. Уже в 1920-е гг. появились региональные работы по разработке материалов семейной переписи в уральских городах [11]. Вновь интерес к историко-демографической проблематике на Урале проявился только в 1990-е гг., при этом исследователи стали рассматривать ее с позиций демографического перехода [12, 13, 14, 15, 16]. Вместе с тем трансформация семейной структуры в уральских городах в условиях советской промышленной модернизации края пока не стала объектом самостоятельного изучения ученых.

Методология изучения проблемы городской семьи Урала основывается на использовании принципов междисциплинарности и системности, на базовых положениях концепции демографического перехода в контексте промышленной модернизации.

Основная часть

Наличное и постоянное городское население. Крупное промышленное строительство, развернувшееся на Урале с конца 1920-х гг. в рамках создания второй угольно-металлургической базы Урало-Кузбасса, привело к быстрому росту городов и городского населения. Если по данным Всесоюзной переписи 1926 г. наличное городское население Уральской области насчитывало 1407 074 чел. [17, с. 8], то по результатам Всесоюзной переписи 1939 г. в трех областях (Пермской, Свердловской и Челябинской областях), которые составляли только часть расформированной Уральской области, уже проживало 3513407 наличных горожан [рассчитано по: 18, с. 126, 232, 288], т. е. за период между двумя переписями городское

население в рамках перечисленных областей выросло в 2,8 раза (в 1926 г. в границах трех областей оно насчитывало 1258136 чел.). Постоянное население городов было на порядок меньше, чем наличное. По семейной карте в 1926 г. в городах и городских поселениях Урала было учтено 1366867 чел. и 319527 семей [11, с. 7]. К 1939 г. в регионе выросла численность постоянного населения и число семей. В городах Пермской области численность постоянного населения составила 815633 чел.: здесь проживало 181503 семьи; Свердловской области соответственно — 1480772 чел. и 335161 семья, Челябинской — 1169725 чел. и 262890 семей [18, с. 127, 233, 289]. Таким образом, по итогам Всесоюзной переписи 1939 г. в городах трех уральских областей постоянное население насчитывало 3466130 чел., в них проживало 779554 семьи, что было гораздо больше, чем в 1926 г.

Брачность городского населения. В 1939 г. подавляющее большинство горожан в трех уральских областях по-прежнему состояло в браке. На 1000 жителей городов Пермской области брачного возраста таковыми были 595 чел., Свердловской — 626 чел., Челябинской — 646 чел. Для сравнения: в 1926 г. в браке пребывали 595 чел. на каждую 1000 жителей городов Уральской области. При этом мужчин, состоявших в браке, было больше, чем замужних женщин. В 1939 г. из 1000 мужчин — горожан Пермской области брачного возраста 656 были женатыми, а из 1000 горожанок всего 543 женщины оказались замужем; в городах Свердловской области соответственно — 681 и 589; Челябинской — 697 и 601 [18, с. 128, 234, 290; 19, с. 73].

Состав семьи. Постоянное население уральских городов, по материалам Всесоюзной переписи 1939 г., состояло из глав семьи; членов семьи, живших с семьей; членов семьи, проживавших отдельно от семьи, а также одиночек, которые не имели семьи. Следует отметить, что во время Всесоюзной переписи 1926 г. члены семьи, проживавшие вне нее, включались в состав одиночек [11, с. 36].

Данные таблицы 1 показывают, что в 1939 г. в составе семей городского населения уральских областей преобладали члены, жившие совместно с семьей: в городах Пермской области они составили 588 лиц на каждую 1000 постоянного населения, Свердловской — 614, Челябинской — 630. Но эти цифры оказались ниже, чем аналогичные данные по Всесоюзной переписи 1926 г., которая показала, что лица, проживавшие совместно со своей семьей, насчитывали 940 чел. из каждой 1000 постоянного городского населения Уральской области [рассчитано по: 11, с. 36].

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. показали, что членов семьи, живших совместно с семьей, в городах Свердловской и Челябинской областей было численно больше, чем в городах РСФСР (601 чел. на 1000 населения) [4, с. 67], но меньше, чем в аналогичных населенных пунктах Пермской области.

В 1939 г. в уральских городах женщины чаще, чем мужчины, жили в семьях. В Челябинской области в группе «члены семьи, жившие совместно

Таблица 1

Семейный состав городского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939г.), чел. на 1000 постоянного населения

Население	Пермская обл.			Свердловская обл.			Челябинская обл.		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.
Всего населения	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
Главы семьи	223	370	93	226	388	86	225	383	82
Члены семьи, жившие с семьей	588	415	740	614	439	765	630	447	795
Члены семьи, проживавшие отдельно от семьи	126	163	94	106	123	91	117	146	92
Одиночки	63	52	73	54	50	58	28	24	31

Источник: [18, с. 127, 233, 289].

с семьей» они составили 66,4 %, Свердловской — 66,8 %, Пермской — 66,9 %, в то время как в российских городах этот показатель равнялся 66,6 % [4, с. 69].

Судя по данным таблицы 1, среди постоянного населения уральских городов доля группы «члены семьи, проживавшие отдельно от семьи» была наиболее высокой в Пермской области (12,6 %), в то время как в городах Челябинской области она достигала 11,7 %, Свердловской области — 10,6 %; общероссийский показатель равнялся 11,8 % [4, с. 68]. При этом в указанной группе во всех трех областях доминировали мужчины: в городах Пермской и Челябинской областей их удельный вес составил 60,3 %, Свердловской области — 54,1 %, что оказалось ниже общероссийского показателя: в группе городского населения РСФСР «члены семьи, проживавшие отдельно от семьи» мужчины составляли 61,4 % [4, с. 69]. По мнению Н.А. Араловец, значительное численное превалирование мужчин среди членов семей, проживавших отдельно от семьи, в основном было связано с их холостым брачным состоянием в молодых возрастах [4, с. 69].

Группа одиночек среди постоянного населения уральских городов численно уступала всем другим группам: ее удельный вес был наибольшим в Пермской области (6,3 %), наименьшим — в Челябинской области (2,8 %). В российских городах этот показатель не превышал 5 % [4, с. 68]. Во всех трех областях Урала в группе «одиночки» численно преобладали женщины. Их доля в городах Пермской области составила 61,4 %, Челябинской области — 58,7 %, Свердловской области — 57,1 % (для сравнения: этот показатель в городах РСФСР был равен 58,2 %) [4, с. 69].

Величина семьи. Материалы Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 г. позволяют выявить изменения в размерах городской семьи на Урале, которые произошли под влиянием промышленной модернизации региона. Анализ данных таблицы 2 свидетельствует, что как в 1926 г.,

Таблица 2
Величина городской семьи на Урале по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., %

Размер семьи	1926 г.	1939 г.		
	Уральская обл.	Пермская обл.	Свердловская обл.	Челябинская обл.
2 человека	22,2	28,4	26,3	23,3
3 человека	22,9	25,7	25,5	25,3
4 человека	20,0	20,2	21,1	22,3
5 человек	14,8	13,3	13,9	15,0
6 человек	9,6	7,2	7,6	8,3
7 человек	5,6	3,3	3,5	3,7
8 человек	2,8	1,3	1,4	1,4
9 человек	1,3	0,4	0,5	0,5
10 и более человек	0,8	0,2	0,2	0,2
Всего семей	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [11, с. 15; 18, с. 127, 233, 289].

так и в 1939 г. основная масса семей в уральских городах принадлежала к группе с числом членов от 2-х до 4-х. Но если в 1926 г. их доля среди всех городских семей Уральской области составила 65,1 %, то в 1939 г. она выросла в Пермской области до 74,3 %, Свердловской — до 72,9 %, Челябинской — до 70,9 %, однако в городах РСФСР удельный вес подобных семей был выше — 76,6 % [4, с. 73]. В 1926 г. максимальное число семей приходилось на группу с тремя членами, но в 1939 г. такие семьи по-прежнему преобладали только в городах Челябинской области, а в Пермском и Свердловском административно-территориальных образованиях преимущество было уже у семей, состоявших из двух человек. В городах РСФСР в конце 1930-х гг. широкое распространение получили семьи с тремя (27,8 %) и двумя членами (27 %) [4, с. 73].

На Урале крупных семей из 9-ти и более человек было очень мало, и за период между Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. их доля среди общего числа городских семей упала с 2,1 % в Уральской области до 0,6 (Пермская область) — 0,7 % (Свердловская и Челябинская области). В городах РСФСР подобных семей было также мало (0,6 %) [4, с. 73].

В целом, Всесоюзная перепись населения 1939 г. выявила устойчивую тенденцию на увеличение количества городских семей с небольшим числом членов и, наоборот, сокращение количества крупных семей.

При распределении городского населения по численности семейных ячеек получались другие результаты. В 1926 г. средняя городская семья в Уральской области составляла 4,06 чел. [11, с. 16], а в 1939 г. она сократилась до 3,7 чел. в Свердловской области и до 3,8 чел. в Челябинской, при этом величина городской семьи в РСФСР в среднем составляла 3,6 чел.

[4, с. 74]. Получили распространение простые (нуклеарные) семьи, состоявшие из супругов и детей.

Заключение

Таким образом, в период между Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. уральская городская семья была на стадии демографического перехода. Это проявилось в уменьшении ее размеров, в утверждении простой (нуклеарной) семьи. Вместе с тем в городах региона доминировали члены семей, жившие совместно с семьей. Группы «члены семьи, проживавшие отдельно от семьи» и «одиночки» были немногочисленными. Большинство горожан по-прежнему состояло в браке.

Список источников

[1] Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого и А. Г. Волкова. Москва : Финансы и статистика, 1983. 303 с.

[2] *Вишневецкий А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. Москва : ОГИ, 1998. 432 с.

[3] *Вишневецкий А. Г.* Эволюция российской семьи. XX век: от крестьянской семьи к городской // Экология и жизнь. 2008. № 8. URL: https://elementy.ru/nauchnopolupaynaya_biblioteka/430651 (дата обращения: 28.04.2022).

[4] *Араловец Н. А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. Тула : Гриф и К, 2009. 304 с.

[5] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. Москва : Кучково поле, 2012. 320 с.

[6] *Жиромская В. Б., Араловец Н. А.* Российские дети в конце XIX–начале XXI в.: историко-демографические очерки. Москва : ИРИ РАН, ЦГИ, 2018. 223 с.

[7] *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. Москва : Новое изд-во, 2005. 171 с.

[8] *Карлбек Х.* Брачное законодательство северных стран и советской России в 1920-е гг. // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 170–178.

[9] *Coontz S.* The World Historical Transformation of Marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, no. 4. Pp. 974–979.

[10] *Glass B. L., Stolce M.K.* Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49, No. 4. P. 893–902.

[11] *Лебедев Ф. Н.* Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск : Изд-во статсектора Уралплана, 1930. С. 1–61.

[12] *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. 174 с.

[13] *Кузьмин А. И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. 236 с.

[14] Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1996. 209 с.

[15] Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Особенности трансформации жизненного цикла крестьянской семьи на Среднем Урале в условиях демографического перехода // Историческая информатика. 2020. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34619 (дата обращения: 28.04.2022).

[16] Ажигулова А. И. Семейно-брачные отношения на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 2 (122). С. 73–77.

[17] Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Москва : Изд.-во ЦСУ Союза ССР, 1929. Т. IX. 228 с.

[18] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд.-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

[19] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. III. Москва : Изд.-во Планхозгиза, 1930. 233 с.

References

[1] The reproduction of the population of the USSR / eds. A. G. Vishnevsky, A. G. Volkov. Moscow: Finance and statistics, 1983. 303 p.

[2] *Vishnevsky A. G.* Sickle and ruble: conservative modernization in the USSR. Moscow: OGI, 1998. 432 p.

[3] *Vishnevsky A. G.* Evolution of the Russian family: XX century: from a peasant family to an urban one // Ecology and Life. 2008. No. 8. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430651 (accessed on 28.04.2022).

[4] *Aralovets N. A.* Urban family in Russia: 1927–1959. Tula: Grif and K, 2009. 304 p.

[5] *Zhyromskaya V. B.* The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. 320 p.

[6] *Zhyromskaya V. B., Aralovets N. A.* Russian children in the late 19th–early 21st centuries: historical and demographic essays. Moscow: IRH RAS, TsGI, 2018. 223 p.

[7] *Blum A.* To be born, live and die in the USSR. Moscow: New publishing house, 2005. 171 p.

[8] *Karlbek H.* Marriage legislation of the northern countries and Soviet Russia in the 1920s // New and recent history. 2004. No. 5. Pp. 170–178.

[9] *Coontz S.* The World Historical Transformation of Marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, No. 4. Pp. 974–979.

[10] *Glass B. L., Stolce M. K.* Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49, No. 4. Pp. 893–902.

[11] *Lebedev F. N.* Family and social composition of the Urals city // Population and housing conditions of the cities of the Urals. Sverdlovsk: Ed. Statistical Sector of Uralplan, 1930. Pp. 1–61.

[12] *Kornilov G. E.* Ural village and war: Problems of demographic development. Ekaterinburg: Uralagropress, 1993. 174 p.

[13] *Kuzmin A. I.* Family in the Urals. Demographic aspects of choosing the way of life. Ekaterinburg: UIF «Nauka», 1993. 236 p.

[14] The Urals population of XX century. History of demographic development. / eds. A. I. Kuzmin, A. G. Orudzhieva, G. E. Kornilov. Ekaterinburg: Ekaterinburg Publishing House, 1996. 209 p.

[15] *Mazur L. N., Brodskaya L. I.* Transformation of the peasant family life cycle in the Middle Urals in demographical transition circumstances // Historical informatics. 2020. No. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34619 (accessed on 28.04.2022).

[16] *Azhigulova A. I.* Family-marriage relations in the southern Urals in the 1930s // Clio. 2017. No. 2 (122). Pp. 73–77.

[17] All-Union population census.1926. Moscow: Ed. TsSU of the USSR, 1929. V. IX. 228 p.

[18] All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region: Collection of materials / comp. V. P. Motrevich. Ekaterinburg: Publishing House of the Humanitarian University, 2002. 372 p.

[19] All-Union census of the population of 1926. Ural region. Dep. III. Moscow: Ed. Plankhozgiza, 1930. 233 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-10>
УДК 314.3:314.58:947
JEL J12, J13

РОЖДАЕМОСТЬ И БРАЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ТЫЛОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ РСФСР), 1939–1945 ГГ.¹

В. А. Исупов

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург – Пушкин, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-7378-4403>
Автор для корреспонденции: В. А. Исупов (Vladimir_2004_@mail.ru)

Аннотация. Современная историческая демография в РФ как область научного знания переживает период быстрого подъема. С конца 1980-х гг. по настоящее время были изданы многочисленные работы, посвященные различным вопросам демографической истории. Значительное внимание уделяется демографическим аспектам Второй мировой войны. Особенно большой интерес вызывает проблема людских потерь, значительно меньше внимания привлекает вопрос воспроизводства населения в 1939–1945 гг. Между тем воспроизводственные процессы в военные годы подверглись столь мощному искажению, что их необходимо учитывать при определении масштабов потрясшей Россию демографической катастрофы. Основная цель статьи — выявить ведущие тенденции и особенности брачности и рождаемости населения России в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: население, рождаемость, брачность, воспроизводство, структура, гендерный дисбаланс

Birth Rate and Marriage in Wartime Conditions (Rear Population of the RSFSR), 1939-1945

V. A. Isupova

Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg – Pushkin, Russia)
<https://orcid.org/0000-0002-7378-4403>
Corresponding author: V. A. Isupov (Vladimir_2004_@mail.ru)

Abstract. Historical demography in Russia as a scientific field is experiencing rapid growth. Since the late 1980s, numerous works have been published on various issues of demographic history. Considerable attention is now being paid to the demographic aspects of the World War II. While the issue of human losses in the USSR is of great interest, much less attention is drawn to the problem of population reproduction in 1939-1945. Simultaneously, reproduction processes underwent such a significant distortion during the war years that they should be taken into account when determining the scale of the demographic catastrophe that shook Russia. The main purpose of this article is to identify the leading trends and features of marriage and birth rate of the Russian population during the World War II.

Keywords: historical demography; population; birth rate; marriage; reproduction; structure; gender imbalance

¹ © Исупов В. А. Текст. 2022.

Статья является доработанной версией статьи автора Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015 №1. С. 3-18.

Введение

Демографическая история России периода Второй мировой войны, несмотря на большое количество обстоятельных публикаций, посвященных динамике народонаселения, исследована недостаточно. Такая историографическая ситуация объясняется действием многих причин, но главным образом, ограниченностью источниковой базы. Так, в одной из лучших работ по демографической истории России XX в. [1] между 1941 г. и 1945 г. зияет «белое пятно», которое авторы объясняют отсутствием источников. На самом деле статистические источники, характеризующие воспроизводство населения в период в 1939–1945 гг., имеются. В Советском Союзе к концу 1930-х гг. прочно укоренилась государственная система регистрации демографических событий. В своей основе она опиралась на фундамент из специальных учреждений — загсов. В сельской местности и в небольших поселках функции загсов возлагались на сельские и поселковые советы. Загсы фиксировали сведения о рождениях, смертях, браках и разводах в двух экземплярах. Вторые экземпляры записей передавались первоначально в органы НКВД, а оттуда в статистические учреждения, так называемые районные инспектуры ЦСУ. Районные статистики после обработки материалов направляли данные в областные (краевые) статистические управления или в статистические управления автономных республик. Обобщенные на региональном уровне материалы поступали в ЦСУ союзных республик (в нашем случае в ЦСУ РСФСР) и, наконец, переправлялись для получения сводных итогов в ЦСУ СССР [2, с. 4].

Результаты

С началом войны качество учета демографических событий ухудшилось. По мере продвижения немецко-фашистских войск на восток из сферы учета выпадали оккупированные территории. Наступление Красной армии, напротив, означало расширение учетных территорий, поскольку загсы в освобожденных районах незамедлительно восстанавливались. Помимо этого, в начале войны произошел сбой в учете в районах, не подвергавшихся оккупации. Он был вызван массовыми перемещениями людей (воинские мобилизации, эвакуация, этнические депортации) и хаосом первого военного полугодия. Однако этот сбой был быстро преодолен. Очень важно, что органы управления в военные годы были заинтересованы в улучшении качества учета. Данные загсов, обработанные статистическими учреждениями, использовались при организации системы продовольственных карточек для определения контингента рабочей силы и военно-мобилизационно потенциала. Эти прагматичные задачи вынуждали властные институты уделять учету людских ресурсов большое внимание, результатом чего стало формирование насыщенного информацией корпуса статистических источников. Изучение этих документов позволит, наконец, приблизиться к решению одной из узловых проблем демографической истории России — оценке масштабов демографической

Таблица 1

Рождаемость населения РСФСР в 1939–1945 гг.*

Год	Число родившихся (чел.)	Общий коэффициент рождаемости (‰)
1939	4 154 687	38,4
1940	3 660 161	33,7
1941	2 500 640	33,3
1942	1 505 833	20,2
1943	907 873	9,9
1944	1 093 046	10,5
1945	1 404 629	10,8

* 1939, 1940 и 1945 гг. — в границах РСФСР соответствующих лет; 1941–1944 гг. — в пределах неоккупированных территорий РСФСР.

Источник: [2, с. 6.], РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 402. Л. 57–57 об; Д. 546. Л. 14; Д. 790. Л. 214; Д. 797. Л. 13; Д. 1456. Л. 9; Д. 1882. Л. 1.

катастрофы, потрясшей Советское государство в годы Второй мировой войны. Учитывая, что одним из компонентов катастрофы было резкое падение брачности, а вслед за ней и рождаемости, нашей целью является выявление основных тенденций брачности и рождаемости населения тыловых районов РСФСР и факторов, их определяющих.

Когда началась Вторая мировая война, Советский Союз, номинально оставаясь в стороне от боевых действий, в действительности находился в самом центре событий. Это оказало сильное воздействие на демографическую ситуацию.

Данные таблицы 1 показывают, что до начала войны рождаемость характеризовалась высокими показателями. В 1939 г. на территории России родилось свыше 4 млн младенцев, а общий коэффициент рождаемости приближался к 40 ‰. Но в 1940 г. отчетливо проявилась тенденция к резкому падению рождаемости. Число младенцев, родившихся в 1940 г., по отношению к 1939 г. сократилось в абсолютном выражении почти на 500 тыс. Понижился и общий коэффициент рождаемости. Этот феномен не остался незамеченным для статистиков того времени. В августе 1940 г. заместитель начальника ЦУНХУ СССР В.Н. Старовский в одной из аналитических записок писал: «По ряду областей, краев и АССР показатели естественного движения населения СССР в 1940 г. менее благоприятны, чем в соответствующем периоде 1939 г., а именно имеет место снижение рождаемости» [2, с. 6].

Сокращение рождаемости в 1940 гг. есть результат воздействия двух групп факторов: эндогенного (демографического) и экзогенного (недемографического). Эндогенные являлись следствием демографической модернизации. Изменение социального статуса женщин способствовало изменению репродуктивных установок и поведения людей [2, с. 6]. Население РСФСР переходило к качественно новому репродуктивному поведению, а именно к установлению контроля над рождаемостью. Этот контроль осуществлялся грубыми и неэффективными методами — основным

Динамика брачности тылового населения РСФСР в 1939–1945 гг.^о

Год	Число зарегистрированных браков	Общий коэффициент брачности (%)	Число зарегистрированных разводов	Общий коэффициент разводимости (%)
1939	702 063	6,5	100 371	0,9
1940	616 773	5,7	104 848	1,0
1941	430 401	5,7	48 125	0,6
1942	182 260	2,5	32 378	0,4
1943	236 203	3,1	44 457	0,6
1944	400 425	4,3	42 558	0,5
1945	723 965	6,9	3 840	0,04

^о 1939, 1940 и 1945 гг. — в границах РСФСР соответствующих лет; 1941–1944 гг. — в пределах тыловых территорий РСФСР.

Источник: [2, с. 7.], РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 402. Л. 57–57 об; Д. 546. Л. 14; Д. 790. Л. 214; Д. 797. Л. 13; Д. 1456. Л. 9; Д. 1882. Л. 1.

способом ограничения числа детей в семье становятся аборт. Советское правительством вместо того, чтобы способствовать распространению средств контрацепции, 27 июня 1936 г. запретило производство аборт [3, с. 264–272]. В 1939 г. в РСФСР медицинская статистика зарегистрировала свыше 464 тыс. абортов, из них свыше 90 % начались вне лечебных учреждений, т. е. были незаконными. В 1940 г. в РСФСР было зарегистрировано свыше 491 тыс. абортов, из которых 445 тыс. начались вне лечебных учреждений¹. Реальных абортов было значительно больше, поскольку подавляющее их большинство не фиксировалось. Старовский 15 августа 1940 г. в «Кратком обзоре естественного движения населения СССР в первом полугодии 1940 г.» писал: «Большое влияние на снижение рождаемости оказало развитие незаконных абортов»² [2, С. 6–7].

На воспроизводство населения сильно повлияла и вторая группа факторов не демографического характера. Наиболее полно эти экзогенные воздействия прослеживаются в показателях брачности. Данные таблицы 2 свидетельствуют, что в 1940 г. по отношению к 1939 г. число зарегистрированных в РСФСР браков сократилось. Особенно низкие показатели брачности были характерны для сельской местности. Здесь в 1940 г. на 1000 чел. населения было зарегистрировано всего 4 брака³.

В основе снижения показателей брачности лежали события военно-политического характера, которые обуславливали сужение брачного рынка. Верховный совет СССР 1 сентября 1939 г. принял закон о всеобщей воинской обязанности. Численность советских вооруженных сил на 1 января 1937 г. составлявшая 1646 тыс. чел., к 1 марта 1940 г. выросла до 4416 тыс. чел. [4, с. 291, 293–295].

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 1913. Л. 191–193.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 131.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 402. Л. 57–57 об.

Таблица 3

Ежемесячные итоги регистрации браков, 1941 г. РСФСР* (в ‰)

Календарный месяц	Зарегистрировано браков на 1000 чел. населения		
	Городские поселения	Сельские местности	Всего
Январь	11,4	7,3	8,6
Февраль	10,9	7,5	8,7
Март	10,3	5,3	7,0
Апрель	9,8	4,4	6,2
Май	10,2	4,2	6,2
Июнь	15,2	5,0	8,5
Июль	11,7	3,5	6,3
Август	7,8	2,5	4,4
Сентябрь	7,1	1,9	3,7
Октябрь	6,4	1,7	3,3
Ноябрь	5,0	1,5	2,7
Декабрь	5,6	1,8	3,1
Всего за год	9,3	3,9	5,7

* Сопоставимые данные по 41 территории РСФСР без оккупированных районов.
Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 1, 2, 3.

Сокращалось не только число заключаемых браков, вне семьи оказались и женатые мужчины. Так, в 1940 г. с целью обеспечения живой силой войск, принимавших участие в Советско-Финляндской войне, был организован призыв военнообязанных 1910–1914 гг. рождения, а также набор добровольцев. В совокупности дефицит женихов и разрыв уже сложившихся семейных связей негативно отразились на уровне рождаемости. В докладной записке Красноярского краевого статуправления подчеркивалось: «На снижение рождаемости оказало влияние и то обстоятельство, что во второй половине 1939 г. и в первой половине 1940 г. имели место события на МНР, в западных областях Украины и Белоруссии и в Финляндии. Вследствие чего значительная часть мужского населения нашего края длительное время отсутствовала, что, конечно, оказало некоторое воздействие на рождаемость в сторону ее снижения»¹ [2, с. 8]. Подобные сигналы поступали и из других регионов страны.

Стабилизация обстановки после завершения Советско-Финляндской войны способствовала частичному ослаблению воздействия пертурбационных факторов на демографическую подсистему общества. Показатели брачности не только стабилизировались, но даже увеличились. Чтобы понять глубинные сдвиги, которые статистически фиксируются в динамике воспроизводственных процессов, важно детально проанализировать параметры брачности 1941 г.

Обратим внимание на высокие показатели брачности в первой половине 1941 г. Это был относительно «спокойный» этап в демографической

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 402. Л. 173.

истории РСФСР. Заключение Советско-Германского пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) и подписание 28 сентября 1939 г. «Договора о дружбе и границе» создавали у простых советских людей, в большинстве своем искренне стремившихся к миру, иллюзию, что войны не будет. Мирные устремления советского государства, казалось бы, подтверждались тем, что во второй половине 1940 г. в СССР было развернуто увольнение в запас некоторых контингентов военнообязанных. Круг женихов несколько расширился, соответственно, увеличилось число браков. В аналитической записке «Предварительные данные о естественном движении населения СССР за январь — август 1941 года», созданной сотрудниками ЦСУ СССР в августе 1941 г. и направленной в СНК СССР, а также в Госплан СССР, подчеркивалось: «В первом полугодии 1941 года выявилась тенденция к повышению числа зарегистрированных браков. За 6 месяцев 1941 года было зарегистрировано браков на 192,7 тыс. больше, чем за 6 месяцев 1940 года»¹. Если бы эта тенденция переросла в устойчивый тренд, то уровень брачности в 1941 г. в силу компенсаторного эффекта несомненно превзошел уровень 1940 г., а ситуация на брачном рынке рано или поздно нормализовалась, что безусловно позитивно отразилось на рождаемости.

Но едва наметившаяся компенсаторная волна была прервана: 22 июня 1941 г. Советский Союз вступил в самую кровавую в своей истории войну, которая знаменовала собой самую мощную в российской демографической истории катастрофу. Признаки катастрофы обнаруживаются в негативной трансформации всех параметров воспроизводства населения, но особенно отчетливо в невиданном ранее сокращении рождаемости. В 1943 г., когда ее общие коэффициенты достигли низшей за всю войну точки падения, показатель рождаемости уменьшился по отношению к 1941 г. более чем в 3 раза (см. табл. 1) [2, с. 8].

В военные годы колебания рождаемости в значительной степени определялись количеством заключаемых браков, которые, как и прежде, находились в прямой зависимости от факторов военно-политического характера. Речь идет главным образом о крупномасштабных воинских мобилизациях, кардинально воздействовавших на половозрастной состав населения. В ходе первой волны мобилизации (к 1 июля 1941 г.), организованной по указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. [5, с. 40–41], в Красную армию было направлено 5,3 млн чел. [6, с. 257]. Вторая мобилизационная волна (август 1941 г.) захватила военнообязанных 1890–1904 гг. рождения и призывников 1922–1923 гг. рождения [7, с. 452]. Районы Поволжья к концу 1941 г. отдали в Красную армию 67 % мужчин призывного возраста, центральные районы — 69 %, европейский север — 68 %, Урал — свыше 65 %, Западная Сибирь — 67 %, Восточная Сибирь — 65 %, Дальний Восток — 64 % мужчин 2. Всего за годы войны в армию было мобилизовано около 30 млн чел. [8, с. 36, 38].

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 539. Л. 138.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

Источники позволяют с достаточной степенью точности определить половозрастную диспропорцию сельского населения страны на основе единовременной отчетности сельсоветов. Эти данные в годы войны превратились фактически в ежегодные микропереписи населения. Они показывают, что женский перевес в репродуктивном диапазоне возрастов (18–49 лет) к 1943 г. достиг критических отметок. В этой возрастной группе на 100 женщин приходилось всего 24 мужчины. Удельный вес женщин в возрастной группе 18–24 года на 1 января 1943 г. составлял 81 %, на 1 января 1945 г. — 79,8 %, в возрастной группе 25–49 лет, соответственно, 79,7 % и 80,5 %¹ [2, с. 12]. Наибольшие половозрастные диспропорции зафиксированы в аграрных регионах России.

Для городского населения подобного учета не велось. В этой связи воспользуемся информацией, полученной в ходе статистической разработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. Всего по СССР в избирательные списки было внесено 34,5 млн граждан в возрасте от 18 лет и старше. Из них на долю мужчин приходилось всего 37 %. В РСФСР удельный вес мужчин в населении старше 18 лет не превышал 36 %². В списки избирателей не включались заключенные и спецпереселенцы. По соображениям секретности не попали в разработку военнослужащие. Кроме того, необходимо принять во внимание, что к 1946 г. гендерный дисбаланс был несколько смягчен развернувшейся демобилизацией. Следовательно, гендерная асимметрия в городах в военные годы была значительно острее, чем в 1946 г.

Особые параметры гендерного дисбаланса были характерны для блокадного Ленинграда. Здесь накануне прорыва блокады, 1 января 1944 г., на долю женщин приходилось почти 78 % населения³. Соответственно, падение рождаемости в блокадном городе приняло самые крайние формы. И если по РСФСР в целом общий коэффициент рождаемости в период наибольшего падения в 1943 г. составлял 9,9 ‰, то в Ленинграде в 1942 г. — 5,7 ‰, в 1943 г. — 6,0 ‰⁴. Это был самый низкий уровень рождаемости, зафиксированный на территории России за всю ее демографическую историю.

Некоторая специфика динамики рождаемости была свойственна городам, являвшимся центрами промышленности. Здесь часть мужского населения получала бронь и не призывалась в Красную армию, что отражалось на параметрах рождаемости. Так, в Магнитогорске рождаемость в 1943 г. составляла 18,9 ‰, в Сталинске — 17,2 ‰⁵. Отметим также, что в городских поселениях гендерная асимметрия смягчалась бронированием специалистов на промышленных предприятиях, наличием воинского контингента

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 1.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1452. Л. 168.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 210. Л. 26.

в тыловых подразделениях РККА, средоточием раненых и больных солдат и офицеров в эвакуогоспиталях.

Итак, в изучаемый период преимущественно структурные факторы определяли параметры рождаемости. Репродуктивные установки населения были направлены на многодетность. Но эти установки блокировались резко выраженным гендерным перекосом. Снижение рождаемости в связи с неизбежным в условиях военного времени дисбалансом полов статистически фиксируется в России с самого начала Второй мировой войны. Но в годы Великой Отечественной войны этот аномальный феномен был доведен до крайних пределов. Общий коэффициент брачности после начала Великой Отечественной войны обрел тенденцию к обвальному падению. В декабре 1941 г. в РСФСР было зафиксировано в 2 раза меньше новых семей, чем в мае 1941 г. (последний предвоенный месяц). Своеобразным исключением стал июнь 1941 г., когда коэффициент брачности внезапно увеличился. Это явление особенно отчетливо проявилось в городских поселениях. Здесь общий коэффициент брачности в июне 1941 г., как показывает таблица 3, достиг очень высоких показателей — 15,2 ‰ и увеличился по отношению к предшествующему месяцу сразу на 49 % [2, с. 13]. Мужчины перед уходом в армию спешили зарегистрировать фактически уже сложившиеся брачные отношения, особенно в городах, где внебрачное сожителство было распространено шире, чем в деревне.

Но резерв фактических браков был быстро исчерпан. Число зарегистрированных браков с июля 1941 г. обрело тенденцию к сокращению. В 1942 г. индекс брачности достиг своей низшей точки. В этом году в РСФСР было образовано почти в 4 раза меньше семей, чем в 1939 г. Отметим явно нетипичный для демографического развития нашей страны феномен — уровень брачности в городах был выше, чем в деревне [2, с. 14]. Н.А. Араловец установила, что в годы войны в брак вступали чаще в городах, чем в селах. В 1942 г. в РСФСР доля городских браков составляла 55,8 %, в 1944 г. — 57 % [9, с. 112]. По нашим подсчетам, основанным на загсовской статистике, в сельской местности России в 1942 г. общий коэффициент брачности составлял 1,7 ‰. В городских поселениях он был в 2 раза выше, приближаясь к 4 ‰¹ [2, с. 14].

Перелом негативных тенденций проявил себя в медленном нарастании показателей брачности только во второй половине 1943 г. И если в августе 1943 г. индекс брачности составлял 2,9 ‰, то в декабре — 4,0 ‰². В тыловых районах страны постепенно увеличилась доля инвалидов-фронтовиков, уволенных из Вооруженных Сил по состоянию здоровья. Они-то и составили основной контингент женихов. Повышение брачности в условиях практически полного отсутствия средств контрацепции и явного преобладания ориентаций на многодетность явилось первопричиной медленного повышения рождаемости.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 794. Л. 3, 5.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 796. Л. 159.

Связанные воедино институты брака и рождаемости в военные годы переживали тяжелый кризис. В условиях острого «дефицита» женихов процесс формирования семей отклонился в сторону появления многочисленных девиаций. Отметим, в частности, сокращение к 1943 г. удельного веса женщин, вышедших замуж в возрастах, наиболее перспективных для рождения детей: 18–19, 25–29 и 35–49 лет. Потенциальные женихи этих женских когорт находились в армии. Женская брачность переместилась в возрастную группу 20–24 года. Девушки этой возрастной группы спешили оформить брак, пока «капризный» из-за своей дефицитности жених был согласен идти в загс [2, с. 15]. В военное время женщины чаще, чем в мирное время, выходили замуж за мужчин значительно младше или старше себя.

Брачное поведение мужчин также изменилось. Переизбыток невест на брачном рынке привел к увеличению доли сверххранних браков, фактически среди подростков, не достигших 18-летнего возраста. К 1943 г. повысился удельный вес «женихов» старше 40 лет. Тыловики этих возрастов получили возможность брать в жены молодых девушек. После 1943 г. процесс брачности вступил в период восстановления тенденций, присущих мирному периоду. В 1945 г. повысился удельный вес женихов в возрасте 30 лет и старше. Это обуславливалось особенностями демобилизации, первоочередным увольнением из армии военнослужащих старших возрастов [2, с. 15].

Индекс разводов, как это демонстрирует таблица 2, до 1944 г. практически не менялся. Мужчины, находившиеся в армии, не могли оформить развод.

В преддверии Победы стала очевидной необходимость укрепить ослабленные войной брачно-семейные связи. Президиум Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матеро-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [10, с. 713–721]. Усложнялась процедура развода. Развод производился в судебном порядке, публично, с привлечением свидетелей. В газетах в обязательном порядке публиковались объявления о бракоразводных процессах. Процедура развода стала двухступенчатой. Решение суда низшей инстанции о разводе носило рекомендательный характер, а окончательное решение принимала высшая судебная инстанция [10, с. 713–721].

В результате реализации указа от 8 июля 1944 г. число официально оформленных разводов сократилось. Как показывает таблица 2, в РСФСР в 1945 г. по сравнению с 1944 г. индекс разводимости уменьшился 12,5 раз. Особенно заметное сокращение расторжений браков было характерно для сельской местности. Если в городах РСФСР в 1944 г. было оформлено 24 384 развода, то в 1945 г. — 3 627 разводов (сокращение в 6,7 раза),

в сельской местности, соответственно, 18 174 развода и 213 разводов (сокращение в 85,3 раза)¹. Однако это не означает, что семьи стали более крепкими. На самом деле, количество распавшихся семей не сократилось. Но решением административно-бюрократического характера развод был переведен в латентную область. Де-факто муж и жена жили раздельно, не имея возможности оформить развод де-юре [2, с. 16].

В сущности, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 8 июля 1944 г. поощрял внебрачные союзы. Указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. Детям, родившимся вне брака, в свидетельство о рождении в графе «отец» ставился прочерк. Мужчины, освобожденные от алиментных обязательств, могли вступать во внебрачные отношения без каких-либо юридических последствий. Результатом стало распространение сожительства и увеличение числа внебрачных детей. И если в 1944 г. в РСФСР было зарегистрировано рождение 133,2 тыс. детей, в отношении которых в акте о рождении отсутствовали записи об отце, то в 1945 г. — 345,4 тыс.²

В сельской местности было зафиксировано существенное увеличение числа внебрачных детей (в три раза). Значительный рост внебрачных рождений фиксировался в крупных городах, население которых в своем матримониальном поведении было более свободным, чем население деревни. Так, в Ленинграде в 1945 г. прочерк в графе «отец» был поставлен в свидетельствах о рождении у 17,8 тыс. младенцев, в Иваново и в Казани — почти у 2 тыс., в Омске — у 1,8 тыс. младенцев³.

Еще одним нежелательным следствием реализации указа от 8 июля 1944 г. был рост криминальных абортс. В течение первых двух лет войны число подпольных абортов сокращалось. Это было обусловлено общим уменьшением числа беременностей. В 1943 г. в РСФСР на каждое рождение приходилось 2 аборта⁴. Это был высокий, но в принципе «терпимый» показатель. На совещании, посвященном обсуждению проекта Указа Верховного Совета «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам», состоявшемся в Наркомате здравоохранения СССР в апреле 1944 г., подчеркивалось, что одним из результатов исполнения указа будет резкий рост абортов⁵. Это подтвердилось на практике. В 1944 г. в городах РСФСР было зарегистрировано 168 тыс. операций по прерыванию беременности, из которых 87 % были криминальными. В относительном выражении число абортов в 1944 г. заметно превзошло уровень 1940 г. Если в 1940 г. в городах РСФСР на 100 беременностей было произведено 24

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1456. Л. 9; Д. 1882. Л. 1.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 362. Л. 115 об., 126 об., 129 об., 14–14 об.

³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 29.

⁴ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1913. Л. 83.

⁵ Там же.

аборта, то в 1944 г. — 31 аборт. В сельской местности число абортотворений было значительно ниже. Но этим и объясняется особенно интенсивный рост внебрачных рождений в сельской местности.

Заключение

Важнейшим компонентом демографической катастрофы, которая обрушилась на Россию в годы Второй мировой войны, стал дефицит рождений. В основу расчетов по определению его масштабов положена методика, предложенная известным советским демографом, внесшим огромный вклад в развитие исторической демографии — Б.Ц. Урланисом. Определяя дефицит рождений для периода Первой мировой войны, ученый сопоставил количество родившихся младенцев с числом тех, кто должен был родиться при условии, если бы не было войны [11, с. 22]. Эта методика не учитывает всех сложностей исторического процесса, но в основном правильно отражает тенденции развития народонаселения.

На основе методики, использованной Б.Ц. Урланисом, был рассчитан дефицит рождений для некоторых российских регионов. В частности, В.В. Алексеев и В.А. Исупов определили, что дефицит рождений военных лет для Сибири составил приблизительно 1 млн человек [12, с. 95]. Г.Е. Корнилов пришел к выводу, что на Урале дефицит рождений в 1941–1945 гг. приблизился к цифре 1,2 млн неродившихся детей [13, с. 62]. С.И. Сивцева определила дефицит рождений военных лет для Якутии в 23 тыс. чел. [14, с. 108], а Н.В. Чернышева — для Кировской области в 194,5 тыс. чел. [15, с. 42].

Реальный дефицит рождений военных лет в России приближается к цифре 7,5–8 млн нерожденных детей. Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что сокращение рождаемости явилось важнейшим компонентом тех людских потерь, которые обрушились на демографическую подсистему России в годы Второй мировой войны.

Список источников

- [1] Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: «Информатика», 1998. 187 с.
- [2] Исупов В. А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.
- [3] Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. Москва : Медгиз, 1958. 338 с.
- [4] Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения). Москва : «Вече», 2002. 544 с.
- [5] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. Москва : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1942. 144 с.
- [6] 50 лет Вооруженных сил СССР. Москва : Воениздат, 1968. 583 с.

[7] Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. Москва : «Советская энциклопедия», 1985. 832 с.

[8] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Москва : «Вече», 2009. 384 с.

[9] *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула : Гриф и К, 2009. 304 с.

[10] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг. Т. 2. Москва : Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». 1968. 896 с.

[11] *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. Москва : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. 136 с.

[12] *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1986. 232 с.

[13] *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. 174 с.

[14] *Сивцева С. И.* Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2000. 148 с.

[15] *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров : Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012. 203 с.

References

[1] *Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkova T. L.* Demographic history of Russia: 1927–1959. Moscow: Informatics, 1998. 187 p.

[2] *Isupov V. A.* The birth rate in Russia in 1939–1945 // Russian history. 2015. No. 1. Pp. 3–18.

[3] Decisions of the CPSU and the Soviet Government on the Protection of Public Health. M.: Medgiz, 1958. 338 p.

[4] *Meltyukhov M. I.* Stalin's missed chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939–1941 (documents, facts, judgments). M.: «Veche», 2002. 544 p.

[5] Legislative and administrative-legal acts of wartime. From June 22, 1941 to March 22, 1942. M.: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR, 1942. 144 p.

[6] 50 years of the Armed Forces of the USSR. M.: Voenizdat, 1968. 583 p.

[7] The Great Patriotic War 1941–1945: Encyclopedia. M.: «Soviet Encyclopedia», 1985. 832 p.

[8] The Great Patriotic War without a stamp of secrecy. Book of Losses. M.: «Veche», 2009. 384 p.

[9] *Aralovets N. A.* Urban family in Russia, 1927–1959. Tula: Grif and K, 2009. 304 p.

[10] Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1967. Vol. 2. M. Izd-vo «Izvestiya Soviets of Working People's Deputies of the USSR», 1968. 896 p.

[11] *Urlanis B. Ts.* Fertility and life expectancy in the USSR. M.: Gosstatizdat CSU SSSR, 1963. 136 p.

[12] *Alekseev V. V., Isupov V. A.* Population of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka», Siberian brunch, 1986. 232 p.

[13] *Kornilov G. E.* Ural village and war (Problems of demographic development). Ekaterinburg: Ural agropress, 1993. 174 p.

[14] *Sivtseva S. I.* Yakutia during the Great Patriotic War: Social and Demographic Aspect. Yakutsk: Izd-vo YANC SO RAN, 2000. 148 p.

[15] *Chernysheva N. V.* Socio-demographic processes in the Kirov region during the Great Patriotic War. Kirov: Izd-voVyatskogogos. gumanitarnogo un-ta, 2012. 203 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-11>

УДК 94(378).22

JEL J24

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ УРАЛА В 1956–1991 ГГ.: ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТРАСЛИ¹

А. А. Конов

Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-3292-1934>

Автор для корреспонденции: А. А. Конов (alek.konov2012@yandex.ru)

Аннотация. *Статья посвящена анализу научно-исследовательской деятельности молодых ученых Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта и достигнутых ими результатов. Гипотеза исследования состоит в том, что научно-исследовательская деятельность на железнодорожном транспорте Урала была связана с реализацией Генерального плана электрификации железных дорог. Вызванные электрификацией глубокие трансформации в материально-технической базе железнодорожного транспорта потребовали интенсивных научных поисков в области совершенствования путевого, вагонного, станционного хозяйства, привели к появлению новых технологий энергоснабжения железных дорог. Научные разработки уральских ученых имели всесоюзное значение и нашли широкое применение на железнодорожной сети СССР. В качестве основного источника исследования были взяты труды ученых Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, а также статистические материалы по эксплуатационной работе Свердловской железной дороги. Автор пришел к следующим выводам: научная деятельность уральских ученых ускорила развитие модернизационных процессов на железнодорожном транспорте Урала, способствовала его трансформации в мощный индустриальный комплекс, обеспечивающий прочные экономические связи между западными и восточными районами СССР.*

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, электрификация, вагонное хозяйство, земляное полотно, научно-технический прогресс

Young Scientists in the Railway Transport of the Urals in 1956–1991: Reproduction of the Scientific Potential of the Industry

A. A. Konov

Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-3292-1934>

Corresponding author: A. A. Konov (alek.konov2012@yandex.ru).

Abstract. *The article analyses research activities of young scientists of the Ural Electromechanical Institute of Railway Engineers and the results they achieved. The hypothesis of the study is that research activities in the railway transport of the Urals were linked to the implementation of the Master Plan for Railway Electrification. The deep transformations in the material and*

¹ © Конов А. А. Текст. 2022.

technical base of railway transport caused by electrification required intensive scientific research to improve the track, carriage, and station facilities, leading to the emergence of new technologies for the power supply of railways. The scientific developments of the Ural scientists were of all-Union significance and were widely used on the railway network of the USSR. The works of scientists from the Ural Electromechanical Institute of Railway Engineers were taken as the main source; statistical materials on the operational work of the Sverdlovsk Railway were also studied. It is concluded that the scientific activity of the Ural scientists accelerated the modernisation of the railway transport of the Urals, contributed to its transformation into a powerful industry that established strong economic ties between the western and eastern regions of the USSR.

Keywords: railway transport; electrification; carriage economy; road bed; scientific and technological progress

Введение

Проблема воспроизводства кадрового научного потенциала предприятия и учреждения является приоритетной, определяющей перспективы развития национальной экономики и оборонной мощи государства. Вместе с тем подготовка научных кадров представляет собой сложный, весьма трудоемкий и затратный процесс становления интеллектуальной прослойки работников, обеспечивающих своей деятельностью прорывное, инновационное развитие отраслей экономики. Особенно значимой проблема совершенствования научных кадров становится в условиях неблагоприятного внешнего окружения государства, обрыва многих экономических, научных и культурных связей с зарубежными странами. Ввиду этого представляет повышенный интерес обращение к опыту советского государства по кадровому научному обеспечению модернизационных процессов на железнодорожном транспорте, созданию благоприятных условий для проведения значимых для развития транспорта научных исследований.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что научные разработки и изобретения уральских ученых были связаны с реализацией на Урале Генерального плана электрификации железных дорог и связанных с ним трансформаций в вагонном, путевом, станционном и других отраслевых хозяйствах. Цель исследования — выявить основные направления научной деятельности уральских ученых и инженеров железнодорожного транспорта и раскрыть достигнутые ими результаты на основе динамики изменения экономических показателей работы транспорта.

Обзор литературы

Практически все отечественные исследователи истории железнодорожного транспорта подчеркивают огромное значение проводимых в отрасли научных исследований. Уральский историк В.П. Лукьянин непосредственно связывает техническое перевооружение железнодорожного транспорта с превращением его в наукоемкую отрасль. Историк справедливо обратил внимание на резкий рост потребности в инженерных кадрах на Свердловской железной дороге в связи с реконструкцией

локомотивных депо и открытием на дороге вычислительного центра [1, с. 236, 239]. Вместе с тем в научной литературе и воспоминаниях все четче проявляется тенденция к переоценке итогов развития транспортной науки в сложный период 1990-х гг. В своих работах исследователи отмечают, что в 1990-е гг. ученые транспорта стали активно включаться в научно-исследовательские работы по хозяйственным и госбюджетным темам, а количество обучающихся в аспирантуре неуклонно росло [2, с. 40, 46]. Между тем формирование уральских научных школ на железнодорожном транспорте Урала происходило в 1960–1970-е гг., и важнейшие направления научных исследований сформировались именно в этот период.

Методы исследования

Под модернизацией железнодорожного транспорта подразумевается процесс его коренного технико-экономического обновления на базе электрификации, тепловозной тяги и строительства новых линий. В статье использованы методы экономического анализа и исторического моделирования. Эти методы позволили проанализировать экономическую эффективность и достигнутые результаты научной деятельности уральских ученых, выявить основные направления научной деятельности и решаемые ею проблемы. Вместе с тем метод моделирования позволил выявить наиболее значимые для отечественного транспорта научные разработки и изобретения, существенно улучшившие его перевозочную работу. Проблемно-хронологический метод позволил определить основные источники пополнения железнодорожного транспорта Урала молодыми научными кадрами, а также выявить основные направления модернизации транспорта, обеспеченные научными кадрами в наибольшей степени.

Результаты

Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта является порождением эпохи научно-технического прогресса и в 1950–1980-е гг. соответствовал поставленным задачам: решал не только проблему подготовки железнодорожных кадров, но и разрабатывал технические новинки, способствующие модернизации железнодорожного транспорта. По мере становления кафедр и роста их научного потенциала постепенно увеличивалось количество выполняемых по планам сотрудничества разработок, повышалась их эффективность.

Формирование научного потенциала железнодорожного транспорта Урала представляло собой длительный и трудный по своему содержанию и проявлениям процесс, в котором можно выделить три основных этапа. В 1956–1965 гг. формирование научных кадров происходило на основе поступления в железнодорожные вузы и научно-исследовательские институты Урала инженеров с производства и из центральных железнодорожных вузов СССР — Ленинградского и Московского институтов железнодорожного транспорта. В этот же период в состав уральских ученых транспорта

влились научные сотрудники Уральского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, открытого в г. Свердловске в декабре 1957 г. соответствующим правительственным решением. С 1965 г. началось пополнение научных кадров отрасли за счет выпускников Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, оканчивавших целевую аспирантуру в Москве. В 1993 г. в Уральском государственном институте инженеров железнодорожного транспорта был открыт первый диссертационный совет по двум научным специальностям «Подвижной состав железных дорог и тяга поездов» и «Электрификация железнодорожного транспорта» [2, с. 45].

Можно выделить следующие основные направления научно-исследовательской деятельности молодых ученых УЭМИИТа.

Доцент УЭМИИТа А. М. Дядьков разработал собственную концепцию электрификации железных дорог, важнейшие положения которой можно представить следующим образом: пока мощность локомотива больше мощности агрегатов электрических станций, массовая электрификация железных дорог невозможна; когда единичная мощность агрегатов электрификации железных дорог становится объективной необходимостью; дальнейшая электрификация железных дорог должна вызывать сокращение полигона тепловозной тяги и уменьшение ее доли в перевозочной работе; тепловоз, являясь мелкой силовой установкой, не может повышать свой коэффициент полезного действия такими же темпами, как это происходит на электростанциях с крупными блоками [3, с. 38–39]. Таким образом, А. М. Дядьков достаточно четко обозначил эволюцию видов тяги на железнодорожном транспорте: переход от паровозной тяги к тепловозной, а затем и к электровозной, причем тепловозная тяга становилась временным переходным состоянием развития транспорта.

Второе направление — это создание тяговых трансформаторов с бесконтактным автоматическим регулированием напряжения. Трансформатор стабилизировал напряжение в контактной сети, создавал наиболее выгодный режим работы системы энергоснабжения и электровозов, позволял внедрить автоматизированную дистанционную систему управления тяговыми подстанциями. В 1973 г. тяговые трансформаторы с бесконтактным регулированием напряжения были применены при электрификации участка Свердловск — Каменск-Уральский, в 1980 г. — при электрификации участка Богданович — Тюмень. Трансформаторы позволили увеличить среднюю техническую скорость движения поездов на 20 % и уменьшить расход электрической энергии на 8 % [4, 5, с. 42].

В разработке, испытаниях и внедрении нового типа трансформатора участвовали сотрудники УЭМИИТа, кандидаты технических наук Р. Н. Урманов и Б. А. Аржанников, инженер В. М. Арутюнов, инженеры дороги М. И. Клейнерман, Б. В. Белобородов и Ш. Ш. Байдашев, а также

работники Нижнетагильского и Свердловского энергоучастков и завода «Уралэлектротяжмаш». Так был создан учебно-научно-производственный комплекс, готовивший молодые научные кадры для железнодорожного транспорта в области энергоснабжения железных дорог. Созданная творческая группа молодых ученых за сравнительно короткий срок провела необходимые исследования, создала проектную документацию и изготовила почти 250 тяговых трансформаторов нового типа, свыше 100 управляемых реакторов, около 160 шкафов управления. Эти устройства эксплуатировались на Свердловской, Южно-Уральской, Октябрьской, Донецкой, Северо-Кавказской железных дорогах и показали высокую эффективность [5, с. 48].

С 1985 г. заводом освоен серийный выпуск трансформаторов этого типа [5, с. 112]. Следующим этапом стала разработка Б.А. Аржанниковым системы управляемого электроснабжения на основе преобразовательных трансформаторов и вольтодобавочных устройств с бесконтактным автоматическим регулированием напряжения. На тяговых подстанциях и в расщелку контактной сети устанавливали вольтодобавочные устройства, в фидерных зонах создавали пункты повышенного напряжения и тяговые блоки преобразования повышенного напряжения от питающей линии электропередачи, использовали преобразовательные трансформаторы с автоматическим регулированием напряжения. Новая технология позволила отказаться от строительства дополнительных промежуточных тяговых подстанций, равномерно распределять напряжение по контактной сети и беспрепятственно пропускать тяжеловесные и скоростные поезда. Ученым разработаны технические решения по повышению надежности электроснабжения устройств сигнализации, централизации и блокировки [6, с. 12].

Большой вклад в теорию энергоснабжения железных дорог Урала внес ученый-электромеханик Э.В. Тер-Оганов. Им разработаны имитационные модели работы системы электроснабжения двухпутного и однопутного участка железной дороги. Имитационные модели на базе вычислительной техники были введены на Свердловской, Южно-Уральской и Куйбышевской железных дорогах. Они позволили определить технико-экономические показатели работы системы электроснабжения, оценить тепловое состояние силового оборудования тяговых подстанций и необходимую степень резервирования их мощности, а также влияние изменившейся поездной обстановки на системы электроснабжения [6, с. 6].

Ученые-электромеханики УЭМИИТа приняли непосредственное участие в разработке и внедрении полупроводниковой техники на тяговых подстанциях железных дорог Урала. На основании научных исследований уральского инженера Ю.М. Бея были разработаны и запущены в серийное производство на Таллинском электротехническом заводе первые тиристорные выпрямительно-инверторные преобразователи для тяговых подстанций электрических железных дорог типа ВИПЭ-1 и ВИПЭ-2.

Настоящим полигоном для испытания и внедрения новой силовой полупроводниковой техники стали Чусовская, Кизеловская и Гороблагодатская дистанции электроснабжения Свердловской железной дороги. Научная группа с участием Ю.М. Бей, специалистов Дорожной электротехнической лаборатории впервые на сети железных дорог осуществила замену мотор-генераторов тяговой подстанции Заготовка на полупроводниковые тяговые преобразователи на тиристорах, минуя этап использования ртутных выпрямителей — капризных в работе и вредных для обслуживающего персонала [7, с. 17–18, 21].

В 1976–1989 гг. Ю.М. Бей был научным руководителем отраслевой научно-исследовательской лаборатории УЭМИИТ «Режимы напряжения устройств энергоснабжения электрифицированных железных дорог». Ученый совместно с ВНИИЖТ и НПО «Электротехника» (г. Таллин) разработал инверторный преобразователь с принудительным воздушным охлаждением, выполненный по 12- и 6-пульсовым схемам инвертирования. Созданный уральскими учеными полупроводниковый преобразователь был включен в работу на тяговых подстанциях Московской, Свердловской, Львовской, Кемеровской, Северо-Кавказской, Восточно-Сибирской, Западно-Сибирской железных дорогах. За эти разработки Ю.М. Бей трижды удостоивался звания лауреата ВДНХ СССР [7, с. 22, 24].

На Свердловской железной дороге были проведены исследования по защите оборудования тяговых подстанций от повреждений при коротких замыканиях. Уральские специалисты предложили использовать последовательные схемы соединения вентилях ртутных выпрямителей, применять сдвоенные быстродействующие выключатели постоянного тока, усовершенствовать защиту устройств энергоснабжения. На Свердловской железной дороге прошли испытания все типы быстродействующих выключателей постоянного тока и дугогасительные камеры к ним [8, с. 28].

Третье направление: диагностика технического состояния и совершенствование обслуживания устройств железнодорожной автоматики. Учеными УЭМИИТа Е.А. Кораблевым, В.Л. Нестеровым, А.А. Новиковым, И.Г. Тильком были разработаны все основные способы контроля исправности технических средств автоматики и телемеханики железнодорожного транспорта — рельсовых цепей, стрелочных переводов, изоляции кабеля. Контроль над исправностью рельсовых цепей осуществлялся путем измерения напряжения и фазы на путевом реле. Контроль исправности стрелочных переводов выполнялся на основе многократного измерения тока перевода. Величина и характер изменения этого тока позволяли достаточно точно диагностировать такие отказы, как тяжелый перевод, неправильная регулировка привода, обрывы обмоток [9, с. 73–76].

В 1985 г. учеными были предложены микропроцессорные системы контроля исправности электрической централизации стрелочных переводов. Новая система диагностики электрической централизации состояла из аналого-цифрового преобразователя, который с помощью

распределителя поочередно подключался ко всем контролируемым централизациям. Работа микропроцессора протекала в соответствии с программой, занесенной в программно-запоминающее устройство, результаты измерения выводились на печатающее устройство или дисплей. Одним из основных преимуществ применения микропроцессора стала возможность статистической обработки результатов [9, с. 76].

В 1971–1975 гг. сотрудники лаборатории «Автоматизация остановок поездов перед запрещающими сигналами» В.И. Головин, Ю.Г. Кутыев, В.Л. Нестеров, В.А. Гасилов и К.Г. Красноселов под руководством Б.Д. Никифорова разработали и внедрили на Московской железной дороге автоматизированную систему для повышения безопасности движения поездов и исключения проездов закрытых сигналов, широко известную как САУТ. Разработанная система предназначалась для электропоездов ЭР-2, обращавшихся на участке Москва — Дубна, оборудованном трехзначной кодовой автоблокировкой и полуавтоматикой [10, с. 3]. На всех современных поездах РЖД установлены системы безопасности САУТ или аналогичные системы более поздней разработки.

При движении поезда на зеленый и желтый немигающий огни светофора САУТ контролировала допустимую скорость и в случае превышения ее производила автоматическое снижение до установленной. При движении поезда к входному сигналу с двумя желтыми огнями (прием поезда на боковой путь) САУТ осуществляла автоматическое снижение скорости до установленной 50 км/ч. При движении на запрещающий сигнал система осуществляла автоматическое регулирование скорости до полной остановки с заданной точностью. Если скорость поезда превышала допустимую скорость для служебного торможения на 5 км/ч, то система осуществляла экстренное торможение [10, с. 4].

Таким образом, внедрение САУТ на моторвагонном подвижном составе позволило увеличить скорость проследования светофоров при полном соблюдении требований обеспечения безопасности движения. При этом снизилось число вынужденных торможений, вызванных отклонениями в исполнении графика движения, ускорила перевозка пригородных пассажиров.

Четвертое направление — совершенствование конструкции грузового вагона, увеличение запаса прочности отдельных его узлов, создание первых автоматизированных систем управления вагонным парком.

Уральские ученые и специалисты по вагонному хозяйству В.А. Ивашов, С.А. Сенаторов, А.В. Смольянинов, С.Е. Тихановский, А.А. Рахмелевич, В.А. Двухглавов, О.Б. Камаев, А.В. Крючков, В.И. Путьлин и А.А. Черноусов провели большую научно-исследовательскую работу по установлению и усилению запаса прочности цельнометаллических полувагонов и их отдельных узлов, выпускавшихся в 1970-е гг. на Уралвагонзаводе. Ученые создали группы надежности для сбора статистических данных по отказам вагонов и их отдельных узлов, что позволило на основе статистического

анализа совершенствовать конструкцию грузового вагона, повысить ее безотказность [11, с. 15].

Огромное значение для развития научного потенциала железнодорожного транспорта Урала и привлечения молодых ученых в отрасль имели применение в перевозочном процессе вычислительной техники и создание автоматизированных систем управления. Свердловская дорога одной из первых в стране начала внедрять у себя вычислительную технику для управления перевозочным процессом, долгосрочного и оперативного планирования, статистического учета и решения инженерных задач. В 1964 г. была создана дорожная лаборатория вычислительной техники — будущий дорожный вычислительный центр. Первыми работниками центра стали В.И. Мокшанцев, И. В Харланович, Н.В. Прокопья, Б.Н. Фишманов, В.Я. Вайнштейн, а курировал его работу первый заместитель начальника дороги С.Н. Варгин. Начальник Пермского отделения Б.В. Ряшко, активно участвовавший во внедрении информационных технологий на отделении, стал научным сотрудником Уральского отделения ВНИИЖТ. Пермский опыт стал основой его научной работы [1, с. 236].

В 1976 г. в Свердловске инженером В.А. Ивашовым была разработана одна из первых на сети автоматизированная система управления вагонным депо и пунктами технического обслуживания вагонов [12, с. 54]. В основу разработанной модели автоматизированной системы управления (АСУ) В.А. Ивашов заложил три принципа: выдача оперативных производственных заданий и учет хода их выполнения; построение оперативных производственных заданий с учетом балансирования наличных материальных ресурсов и объемов работ, подлежащих выполнению в текущем планируемом периоде; построение оперативных производственных заданий с возможностью многовариантных исполнений технологических процессов обработки и ремонта вагонов [12, с. 57].

На стадии планирования необходимая информация в виде контрольных показателей поступала из отделения дороги в планово-экономический отдел депо, где формировались задания по материально-техническому снабжению пунктов технического обслуживания вагонов и вырабатывалась оптимальная программа деятельности депо на определенный плановый период. На этой же стадии происходил учет поступления материалов и запасных частей со складов на пункты технического обслуживания вагонов, рациональное распределение рабочей силы, регистрировалось количество отремонтированных вагонов [12, с. 58].

На стадии регулирования в случае отклонения хода производственного процесса от запланированного вырабатывалась информация, направленная на ликвидацию отклонений от плана, подготавливались данные для ежесменного регулирования на трехчасовой период по исполнителям. Кроме того, велось оперативное планирование прибытия неисправных вагонов на конкретные пункты технического обслуживания по номерам и основным неисправностям на основании телеграмм, получаемых

с предыдущих пунктов технического обслуживания и информации приборов автоматического обнаружения неисправностей. На этой же стадии проводился расчет сменных заданий, выдавались оперативные задания исполнителям парка прибытия, отправления и на текущий отцепочный ремонт. На стадии контроля и анализа проводился контроль выполнения плана и качества ремонта на основании данных, поступавших с текущего ремонта и парков отправления вагонов, анализировались причины брака [12, с. 60].

В результате построения рационального оперативного плана работы предприятий вагонного хозяйства было достигнуто сокращение времени простоя вагонов на станциях примерно на 10–20 %. Документальное оформление наряда на ремонт и указание местонахождения неисправного вагона в парке отправления позволили повысить ответственность за качество ремонта и сократить общее время устранения обнаруженных дефектов. Этот опыт открыл дополнительные возможности повышения надежности вагонов, что имело важнейшее значение для обеспечения безопасности движения поездов и организации беспрепятственного пропуска поездов по удлиненным участкам обращения [13, с. 198].

Пятое направление научных исследований — это исследования устойчивости и прочности земляного полотна на Урале, усиления пути в кривых участках. Еще в 1968 г. молодые ученые УЭМИИТа В.И. Грицык и Н.Н. Садовская смогли установить основные причины деформации железнодорожного пути на Урале: неодинаковую толщину балластного слоя и его загрязненность, неисправность и запущенность водоотводов, неоднородность литологического состава грунтов, неравномерность промерзания земляного полотна по глубине и в поперечном сечении, переувлажнение грунтов поверхностными и подземными водами, нарушение правил производства работ при проектировании и строительстве земляного полотна, а также увеличение грузонапряженности железных дорог [14, с. 30; 15, с. 48–49].

Ученые разрабатывали и предлагали различные методы борьбы с деформациями земляного полотна. В.И. Грицык предлагал ликвидировать небольшие верхние деформации земляного полотна заменой загрязненного балласта новым, планировкой основной площадки с углублениями, устройством врезных подушек. Более глубокие и обширные зоны деформации ученый предлагал ликвидировать подъемкой пути на асбестовый балласт и устройством накладных и врезных подушек из асбеста [14, с. 33–38].

Н.Н. Садовская предложила укрепление высоких насыпей с помощью глубинного химического закрепления грунтов без снятия рельсошпальной решетки. Закрепление полотна предлагалось вести путем нагнетания в тело насыпи карбомидной смолы через наклонные инъекторы, расположенные в откосах и между путями насыпи. Для обеспечения устойчивости и прочности пути Н.Н. Садовская предлагала устройство подбалластного

основания: на спланированные грунты насыпи укладывались механизированным способом железобетонные плиты индустриального изготовления [15, с. 50–51].

Шестое направление научных исследований: совершенствование эксплуатационной работы станций на базе информационных технологий, проектирование новых грузовых и сортировочных станций с использованием метода имитационного моделирования, разработка инновационных технологий перевозки грузов.

Основы научных исследований по совершенствованию эксплуатационной работы железнодорожных станций были заложены профессором, доктором технических наук, членом-корреспондентом Международной инженерной академии П.А. Козловым. С 1988 г. под его руководством на кафедре начались исследования сложных систем железнодорожного транспорта при помощи математических моделей [2, с. 204–205].

Научная деятельность П.А. Козлова связана с разработкой динамических моделей управления потоками, оптимизацией взаимодействия производства и транспорта, созданием имитационной системы ИСТРА для моделирования станций и узлов. Имитационная модель позволяла рассчитать пропускную и перерабатывающую способность станции исходя из ее технического оснащения и технологии работы, разработать рациональную технологию функционирования станции в соответствии с реальными объемами работы, а также с учетом неравномерности и случайности процессов.

Все модели были реализованы в виде компьютерных программ и нашли широкое применение на железнодорожном транспорте: это система планирования в динамике потоков угля для Госснаба СССР, система управления кольцевыми маршрутами на Свердловской железной дороге, система автоматизированного построения моделей сортировочных станций, расчет на имитационных моделях реконструктивных мероприятий для станции Свердловск–Сортировочный, транспортной системы Магнитогорского металлургического комбината, Уралмаша. Научные направления, заложенные профессором П.А. Козловым, в дальнейшем поддерживали и развили в своих диссертациях его ученики — А.Ю. Фрейберг и А.А. Александров.

Таким образом, научные разработки ученых УЭМИИТа были непосредственно связаны с теми модернизационными процессами, которые происходили на железнодорожном транспорте СССР в 1950–1980-е гг. Они решали конкретные задачи по увеличению пропускных и провозных способностей железных дорог, повышению безопасности движения поездов, более эффективной эксплуатации инфраструктуры железных дорог. Однако главной движущей силой всех научных поисков и экспериментов стала электрификация железных дорог, вызвавшая глубокие трансформации в железнодорожной отрасли Урала и интенсифицировавшая перевозочный процесс на железных дорогах.

Обсуждение

Научно-исследовательская работа в УЭМИИТе проводилась на кафедрах и в отраслевых лабораториях института в творческом содружестве со Свердловской железной дорогой. Практически все молодые ученые прошли обучение и защитили диссертации в отраслевых вузах Москвы и Ленинграда, приобщились к научной и экспериментальной деятельности через своих преподавателей-наставников. Влияние их научной деятельности на эксплуатацию Свердловской железной дороги выразилось в постепенном улучшении экономических показателей ее работы (табл.).

Данные таблицы показывают, что среднегодовая стоимость производственных фондов Свердловской железной дороги увеличилась за счет строительства новых железнодорожных линий на Севере Тюменской области и электрификации отдельных участков в 2,7 раза. В 1971–1984 гг. заметно увеличилась доходность перевозок железной дороги, прежде всего, за счет освоения новой техники и реализации на производстве научных разработок и технических усовершенствований уральских ученых. Вместе с тем за 1971–1984 гг. фондоотдача на железной дороге снизилась на 50 %, что свидетельствовало об экстенсивном характере перевозочного процесса и обслуживании дорогой нерациональных транспортно-экономических связей между районами. Главной целью становилось не эффективное использование новой техники и качественное обслуживание потребителей, а удовлетворение потребностей в перевозках плановой экономики, рассчитанной на собственное воспроизводство. Другой причиной снижения фондоотдачи стало опережающее старение материально-технической

Таблица

Использование основных фондов Свердловской железной дороги в 1971–1991 гг.

Годы	Среднегодовая стоимость основных производственных фондов, млрд руб.	Доходы от перевозок, млн руб.	Фондоотдача, ткм с 1 руб.	Фондоотдача, коп. с 1 руб.
1971	1,7	649	82,22	36,7
1972	1,8	668,3	79,22	35,47
1973	2,11	704,7	75,26	33,36
1974	2,2	755,9	72,33	33,47
1975	2,7	794,2	63,98	29,39
1976	2,9	805,8	59,4	27,35
1977	3	806,7	57,4	26,44
1978	3,6	824,3	50,21	22,91
1979	3,7	783	47,42	20,72
1980	4	818,1	47,32	20,35
1981	4,1	846,9	47,44	20,29
1982	4,3	861,5	45,97	19,96
1983	4,4	886	46,22	19,83
1984	4,8	897,7	42,97	18,67

Источник: [16].

базы железной дороги в таких важнейших ее сегментах, как станционное и путевое хозяйство, локомотивный парк.

Заключение

Наиболее эффективными оказались разработки уральских ученых в области электрификации и энергоснабжения железных дорог, а также в области автоматизации перевозочного процесса. Особенно интенсивно оснащалась Свердловская железная дорога автоматикой в 1970-е гг., что также требовало принятия сложных научных и инженерных решений, т. к. условия функционирования автоматических систем управления движением поездов на железной дороге были сложными. На их работу оказывали большое влияние суровые природно-климатические условия, интенсивное движение грузовых потоков, большие потери из вагонов насыпных грузов — химических удобрений и угля.

Вместе с тем темпы строительства вторых путей на железной дороге были весьма низкими: за 1972–1984 гг. было построено всего 411 км вторых путей, что вело к перегрузке магистрального хода дороги, который стремились оснащать современной автоматикой и тем самым повысить пропускную и провозную способность дороги. Научные разработки и технические усовершенствования уральских ученых ускоряли модернизационные процессы на железнодорожном транспорте страны, трансформировали его в мощный производственный комплекс, способный поддерживать устойчивые экономические связи между западными и восточными районами СССР.

Список источников

- [1] Лукьянин В. П. Больше века на службе России. Екатеринбург : «СВ-96», 1998. 350 с.
- [2] Дело его жизни. К юбилею А. В. Ефимова / авт.-сост. Е. Г. Красулина. Екатеринбург : УрГУПС, 2020. 355 с.
- [3] Александр Михайлович Дядьков — жизнь, наука, труд в документах, очерках воспоминаний. Екатеринбург, 2008. 75 с.
- [4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 392. Л. 69-70.
- [5] Уральская государственная академия путей сообщения. Екатеринбург, 1996. 255 с.
- [6] Кафедра «Электроснабжение транспорта» — 60 лет. Юбилейный альбом. Екатеринбург, 2019. 60 с.
- [7] Ю. М. Бей: ученый, педагог, человек. К 70-летию со дня рождения. Биографический очерк. Екатеринбург, 2009. 35 с.
- [8] Коснырев И. В. Электрификаторы Зауралья. История Шарташской дистанции электроснабжения. 1972–2002 гг. Екатеринбург, 2002. 49 с.
- [9] Кораблев Е. А., Нестеров В. Л., Тильк И. Г. Использование микропроцессоров для автоматического контроля исправности устройств электрической централизации // Вопросы повышения надежности и эффективности систем железнодоро-

рожной автоматики и телемеханики. Межвузовский сб. науч. трудов. Свердловск, 1985. С. 73–83.

[10] Никифоров Б. Д., Головин В. И. Система для автоматической остановки поездов перед запрещающими сигналами // Разработка и исследование автоматических и дистанционных устройств управления подвижным составом. Сб. науч. трудов. Вып. 47. Свердловск, 1975. С. 256–257.

[11] К вопросу определения показателей надежности грузовых вагонов / В. А. Ивашов, С. А. Сенаторов, С. Е. Тихановский, А. А. Рахмелевич // Динамика и надежность грузовых вагонов. Сб. науч. трудов. Вып. 40. Свердловск, 1973. С. 27–28.

[12] Оперативное планирование и управление техническим обслуживанием и текущим ремонтом грузовых вагонов / В. А. Ивашов, Е. М. Семенов, В. А. Маренков, Н. Н. Самак // Динамика и надежность грузовых вагонов. Сб. науч. трудов. Вып. 50. Свердловск : УЭМИИТ, 1976. С. 50–54.

[13] Наговицын В. С. Информатизация на железнодорожном транспорте. История и современность / В. С. Наговицын, Э. С. Поддавашкин, И. В. Харланович, Ю. С. Хандкаров. Москва, 2005. 720 с.

[14] Грицык В. И. Пучины на дорогах Урала и Сибири // Железнодорожный путь. Сб. науч. трудов УЭМИИТ. Вып. 22. Свердловск : УЭМИИТ, 1968. С. 44–49.

[15] Садовская Н. Н. Деформации земляного полотна железных дорог Урала // Вопросы проектирования, строительства и содержания железнодорожного пути и сооружений в условиях Урала и Сибири. Межвузовский сб. науч. трудов. 1979. Вып. 60. С. 85–89.

[16] Управление делами Свердловской железной дороги. Сектор архивов. Ф. 3/18. Оп. 2. Д. 1-4а; оп. 15. Д. 92-169.

References

[1] *Lukyanin V. P.* More than a century in the service of Russia. Ekaterinburg; «SV-96», 1998. 350 p.

[2] The work of his life. To the anniversary of A. V. Efimov / ed.-comp. E. G. Krasulina. Ekaterinburg: USURT, 2020. 355 p.

[3] Alexander Mikhailovich Dyadkov — life, science, work in documents, sketches of memoirs. Ekaterinburg, 2008.75 p.

[4] Centre for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Region. F. 4. Op. 106. D. 392. L. 69-70.

[5] Ural State Academy of Railway Transport. Ekaterinburg, 1996. 255 p.

[6] Department of «Power supply of transport» — 60 years. Anniversary Album. Ekaterinburg, 2019. 60 p.

[7] Yu. M. Bey: scientist, teacher, person. To the 70th Anniversary of Birth: Biographical Sketch. Ekaterinburg, 2009. 35 p.

[8] *Kosnyrev I. V.* Electrical engineers of the Urals. The history of Shartashskaya power supply distance of 1972–2002. Ekaterinburg, 2002. 49 p.

[9] *Korablev E. A., Nesterov V. L., Tilk I. G.* The use of microprocessors for automatic control of the serviceability of electrical centralization devices // Problems of im-

proving the reliability and efficiency of railway automation and telemechanics systems. Interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1985. Pp. 73-83.

[10] *Nikiforov B. D., Golovin V. I.* System for automatic stop of trains before prohibiting signals // Development and research of automatic and remote control devices for rolling stock. Collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1975. No. 47. Pp. 256-257.

[11] On the issue of determining the indicators of the reliability of freight cars / V. A. Ivashov, S. A. Senatorov, S. E. Tikhanovsky, A. A. Rakhmelevich // Dynamics and reliability of freight cars. Collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1973. No. 40. Pp. 27-28.

[12] Operational planning and management of maintenance and current repairs of freight cars / V. A. Ivashov, E. M. Semenov, V. A. Marenkov, N. N. Samak // Dynamics and reliability of freight cars. Collection of scientific papers. Sverdlovsk: UEMIIT, 1976. No. 50. Pp. 50-54.

[13] *Nagovitsyn V. S.* Informatization in railway transport. History and Modernity / V. S. Nagovitsyn, E. S. Poddavashkin, I. V. Kharlanovich, Yu. S. Handkarov. M., 2005. 720 p.

[14] *Gritsyk V. I.* Deeps on the roads of the Urals and Siberia // Railway way. Collection of scientific papers UEMIIT. Sverdlovsk: UEMIIT, 1968. No. 22. Pp. 44-49.

[15] *Sadovskaya N. N.* Deformations of the subgrade of the railways of the Urals // Issues of design, construction and maintenance of the railway track and structures in the conditions of the Urals and Siberia. Interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1979. No. 60. Pp. 85-89.

[16] Administration of the Sverdlovsk Railway. Archives sector. F. 3/18. Op. 2. D. 1-4a; op. 15. D. 92-169.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

УДК

JEL N00

СВЕРДЛОВСК В ПЕРИОД ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ (1959–1989 ГГ.)¹

Г. Е. Корнилов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Г. Е. Корнилов (genakorn@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируются демографические процессы в одном из крупнейших городов России — Свердловске (с 1991 г. Екатеринбург) в позднесоветскую эпоху. Привлечение новых исторических источников, особенно архивных, позволило изучить трансформацию демографических структур города, в первую очередь, возрастную, половую, семейную, в рамках второго этапа демографического перехода. Выявлены основные тенденции и особенности развития населения города-миллионера. Население крупнейших городов находилось в авангарде демографической модернизации. Демографическая ситуация конца 1950-х — конца 1980-х гг. характеризуется как благоприятная, течение демографических процессов проходило в спокойной обстановке, здесь осуществлялось опережающее развитие демографической модернизации.

Ключевые слова: демографическая модернизация, демографический переход, демографические структуры, благополучная демографическая ситуация, позднесоветская эпоха, Свердловск

Sverdlovsk in the Period of Demographic Prosperity (1959–1989)

G. E. Kornilov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

Corresponding author: G. E. Kornilov (genakorn@mail.ru).

Abstract. The article analyses demographic processes in Sverdlovsk (Ekaterinburg since 1991), one of the largest cities of Russia, in the late Soviet era. Based on new historical sources, primarily archival ones, transformation of the demographic structures of the city, primarily age, gender, family, as part of the second stage of demographic transition, were examined. The main trends and features of the development of the population of the millionaire city were revealed. The population of the largest cities was at the forefront of demographic modernisation. The demographic situation of the late 1950s-late 1980s was characterised as favourable, the course of demographic processes took place in a calm atmosphere, accelerated demographic modernisation was noted.

Keywords: demographic modernisation; demographic transition; demographic structures; demographic prosperity; late Soviet era; Sverdlovsk

Введение

Развитие урбанистики активизировали исследования демографической истории городского населения. Однако научные работы по истории

¹ © Корнилов Г. Е. Текст. 2022.

формирования населения городов-миллионеров, численность населения которых в пределах городской черты превышает один миллион человек, практически отсутствуют (исключение: Москва и Санкт-Петербург). Тем не менее крупные города имеют свои особенности демографического развития. Цель статьи — на основе материалов демографической статистики показать авангардную роль крупных городов России (на материалах Свердловска) в демографической модернизации в благоприятных условиях позднесоветского периода.

Обзор литературы

Основным источником исследования динамики численности населения г. Свердловска являются материалы всеобшественных переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (они опубликованы органами государственной статистики), а также сведения текущего учета населения, выявленные в федеральном и региональном архивах (Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Государственный архив Свердловской области (ГАСО)).

Историко-демографическая литература по городу Свердловску в позднесоветскую эпоху представлена трудами демографов. В первую очередь, различные аспекты демографического развития городов Урала изучали И.П. Мокеров [1, 2, 3] и его ученики-последователи А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Л.И. Гаврилова, И.П. Агеева, В.В. Кузнецова, Р.В. Нифантова [4, 5, 6]. Только две работы они посвятили Екатеринбургу [7, 8]. Отрывочные сведения о населении содержатся в очерках по истории города [9, 10, 11].

Методологической основой исследования является теория демографической модернизации, центральным понятием выступает демографический переход: снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Этот процесс является частью перехода от традиционного общества к индустриальному, а затем и постиндустриальному [12]. В коллективной монографии «Население России в XX веке» отмечено, что специфика демографического перехода в России заключалась в том, что он имел прерывистый (интерактивный) характер. Но его естественное развитие на протяжении XX в. неоднократно прерывалось факторами экзогенного порядка (войны, политические и социально-экономические катаклизмы и кризисы, потери населения от голода) [13]. Следствием демографических кризисов являлись изменения демографических структур, деформация воспроизводства, нарушалась регенерация поколений, особенно по мужской линии. Тем не менее к середине 1960-х гг. можно говорить о завершении первой фазы демографического перехода (или первом демографическом переходе). Следующий этап демографической трансформации (конец 1950-х — до начала 1990-х гг.) оказался периодом благоприятного демографического развития. Он характеризовался понижением рождаемости на фоне низкой смертности, ростом показателей продолжительности

жизни населения. Первая попытка применить концепцию демографического перехода на уральском материале была предпринята в коллективной монографии «Население Урала, XX в. История демографического развития» [14].

Результаты

Низкие показатели рождаемости и смертности в 1970-е гг. стабилизировались. Форпостом демографических трансформаций было городское население, в первую очередь, население крупнейших городов. Таким городом был и Свердловск, накопивший уникальный опыт демографического развития. К 1 апреля 1967 г. население Свердловска [по расчетам Свердловского облстата] составило 1 млн жителей [15, с. 132]. Нужно отметить, что этот миллион был получен с припиской населения пригородной зоны [Свердловского горсовета], а также закрытых городов (Свердловск-40, Свердловск-45) [7, с. 9]. Его доля в численности населения Свердловской области выросла с 19 % в 1959 г. до 27 % в 1979 г. и до 32 % в 1982 г., к 1991 г. достигла 33 %.

Известно, что основой роста численности населения городов является их социально-экономическое развитие и прежде всего необходимость удовлетворения потребностей экономики в рабочей силе.

Административные меры по ограничению роста населения Свердловска не приносили должного результата: число горожан росло по-прежнему высокими темпами и главным образом за счет мигрантов. Дополнительная рабочая сила привлекалась как в отрасли материального производства, так и в непроеизводственную сферу. Увеличивалась доля служащих за счет роста занятых в научных, учебных и проектных институтах, в управленческом аппарате. Город был флагманом по подготовке специалистов высшей квалификации. В Свердловске в 1970–1980-х гг. обучались в институтах более 86 тыс. человек ежегодно, в техникумах — 52 тыс. студентов [16, с. 32; 17, с. 32–33].

Динамика численности населения г. Свердловска отражает общие тенденции как по Свердловской области, так и по стране (рис. 1). За период с 1959 по 1989 гг. число жителей выросло на 75,1 %, наиболее высокие темпы прироста фиксировались в 1960-е гг. (приращение 31,6 %).

Соотношение мужского и женского населения за 30 лет существенно не изменилось: в 1959 г. удельный вес женщин составлял 55,6 %, мужчин — 44,4 %, в соответственно в 1970 г. 56,3 % и 43,7 %, в 1979 г. — 54,9 % и 45,1 %, в 1989 г. — 54,4 % и 45,5 %. Относительно низкий удельный вес мужчин влиял на воспроизводство населения (табл. 2).

Перевес женщин не только сохранялся, но и рос, распространившись на более ранние группы 16–19 и 20–29 лет. Доля женщин в возрасте 16–29 лет среди женщин 16–49 лет сократилась с 42,5 % в 1959 г. до 35,6 % в 1989 г. Такое соотношение менее благоприятно в демографическом отношении и являлось одним из факторов снижения рождаемости.

Таблица 1

Численность населения Свердловска и его половозрастная структура в 1959–1989 гг.

Показатели	Мужчины и женщины					
	1959	1970	1979	1989	2002	
Екатеринбург, всего жителей	778 602	1 025 045	1 210 090	1 363 057	1 293 537	
в том числе в возрасте, лет: 0–2	39 750	39 962	52 111	63 009	31 365	
3–6	53 702	55 947	67 510	81 345	38 786	
7–15	95 253	144 386	128 891	161 796	132 160	
16–19	62 980	85 024	96 892	99 943	108 826	
20–29	182 657	174 780	255 013	225 583	228 908	
30–39	128 689	187 163	168 466	226 163	183 215	
40–49	95 080	139 527	175 932	156 501	201 459	
50–54	40 811	41 399	80 640	90 410	91 272	
55–59	28 904	52 861	42 764	69 306	51 674	
60 лет и старше	50 751	103 428	141 551	189 201	224 039	
возраст не указан	25	568	320		1 743	
Из общей численности — население в возрасте: моложе трудоспособного	188 705	240 295	248 512	306 150	202 311	
трудоспособном	519 588	646 923	791 460	827 502	834 962	
старше трудоспособного	70 284	137 259	169 798	229 405	254 521	

Окончание табл. 1 на след. стр.

Показатели	В том числе											
	мужчины						женщины					
	1959	1970	1979	1989	2002	1959 г.	1970	1979	1989	2002		
Екатеринбург, всего жителей	345 932	447 757	546 186	620 828	584 573	432 670	577 288	663 904	742 229	708 964		
в том числе в возрасте, лет: 0–2	20 116	20 382	26 480	32 336	16 042	19 634	19 580	25 631	30 673	15 323		
3–6	27 389	28 617	34 520	41 420	19 988	26 313	27 330	32 990	39 925	18 798		
7–15	48 005	73 417	65 242	82 106	67 885	47 248	70 969	63 649	79 690	64 275		
16–19	29 063	34 693	41 864	51 848	54 316	33 917	50 331	55 028	48 095	54 510		
20–29	87 855	78 767	123 045	109 066	111 253	94 802	96 013	131 968	116 317	117 745		
30–39	56 543	89 090	81 603	105 104	87 965	72 146	98 073	86 863	121 059	95 250		
40–49	37 916	58 624	83 313	71 258	90 568	57 164	80 903	92 621	85 243	110 891		
50–54	15 375	15 425	34 488	40 439	39 049	25 436	25 974	46 152	49 971	52 223		
55–59	9 371	19 030	14 517	29 102	21 192	19 533	33 831	28 247	40 204	30 482		
60 лет и старше	14 285	29 435	40 998	58 149	75 442	36 466	73 993	100 553	131 052	148 597		
возраст не указан	14	277	118	—	873	11	291	202	—	870		
Из общей численности — население в возрасте:	95 510	122 416	126 242	155 862	103 915	93 195	117 879	122 270	150 288	98 396		
моложе трудоспособного	236 123	295 629	378 828	406 817	404 343	283 465	351 291	412 632	420 685	430 619		
старше трудоспособного	14 285	29 435	40 998	58 149	75 442	55 999	107 824	128 800	171 256	179 079		

Источник: [22, с. 28].

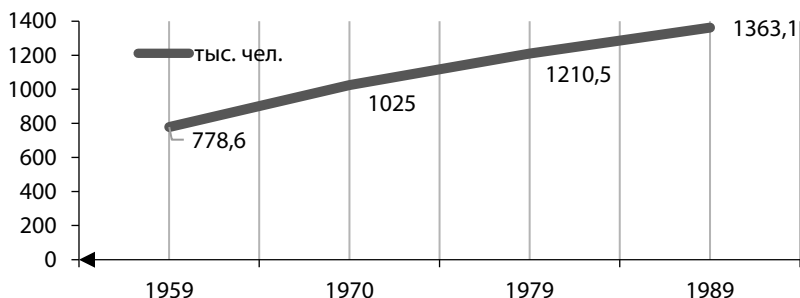

Рис. 1. Численность Свердловска в 1959–1989 гг. (тыс. чел.) (Источник: [18; 19; 20; 21; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 1–5 об., 75; Д. 1138. Л. 69–73 об., 87; Д. 1167. Л. 25, 73–78; Д. 1168. Л. 77–82, 149; Д. 1169. Л. 90, 147–151 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 90–94 об., 1, 5; Д. 18. Л. 172–176 об.; Д. 30. Л. 7–8, 48–53; Д. 44. Л. 26, 140–145; Д. 56. Л. 120, 133–138; Д. 83. Л. 55–59 об.; Д. 84. Л. 13, 46–47, 57–62; Д. 94. Л. 19, 30–34 об.; Д. 125. Л. 108–113 об.; Д. 147. Л. 10–15 об.; Д. 299. Л. 10–14 об.; Д. 322. Л. 28–33; Д. 410. Л. 59–63 об.; Д. 463. Л. 7, 10; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 354. Л. 9; Д. 480. Л. 9; Д. 814. Л. 9; Д. 1006. Л. 11; Оп. 48. Д. 1269. Л. 14; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1732. Л. 14; Оп. 55. Д. 1882. Л. 14; Оп. 56. Д. 1909. Л. 14; Оп. 58. Д. 1625. Л. 14; Оп. 59. Д. 2068. Л. 14; Оп. 60. Д. 1631. Л. 15; Оп. 62. Д. 1636. Л. 14; Оп. 63. Д. 1968. Л. 14])

Таблица 2

Отношение числа женщин к числу мужчин в разных возрастных группах в городе по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (на 100 мужчин приходилось женщин)

Возрастная группа, лет	Данные показателя по годам			
	1959	1970	1979	1989
16–19	116,7	145,1	131,4	92,7
20–29	107,6	121,9	107,2	106,6
30–39	127,5	100,1	106,4	115,2
40–49	150,8	138,0	111,2	119,6
50–59	181,7	173,6	151,9	129,7
60 и старше	255,2	251,4	245,3	225,3

Источник: [22, с. 28].

Сопоставление данных переписей обнаруживает, что перевес женщин так же не только сохранялся, но и рос, распространившись на более ранние группы 15–19 и 20–24 лет, что связано с большим удельным весом женщин среди обучавшихся в высших и средне-специальных учебных заведениях.

Распределение населения города по возрастным группам «взрослое, детское и пожилое» представлено в диаграмме (рис. 2). Эта группировка позволяет рассчитать долю трудоспособных и нетрудоспособных горожан.

В Свердловске удельный вес детей в возрасте до 16 лет сократился незначительно: с 24,2 % в 1959 г. до 22,5 % в 1989 г. Уменьшение доли детей

Рис. 2. Соотношение населения Свердловска в нетрудоспособном и трудоспособном возрасте, из общей численности населения г. Свердловска (сост. по: 22, с. 28)

в общей численности населения города связано, прежде всего, с сокращением общего уровня смертности, и, как следствие, увеличением средней продолжительности жизни жителей. Если лица старше 60 лет в 1959 г. составляли 6,5 % общего числа жителей города, а в 1970 г. — 10,1 %, то в 1989 г. их удельный вес достиг 13,9 %.

Если доля детей в городе с годами снижалась, то пенсионеров увеличивалась. Лица старше 60 лет в 1939 г. составляли 4,5 % среди жителей города, в 1959 г. удельный вес представителей этой возрастной группы вырос уже до 9,0 %, а в 1970 г. достиг 13,3 %, в 1979 г. — 14,0 %, в 1989 г. — 16,8 %. Категория лиц старше 60 лет существенно выросла: с 70,3 тыс. чел. в 1959 г. до 229,4 тыс. в 1989 г. (в 3,2 раза). При этом среди лиц старше трудоспособного возраста женщин в 1959 г. было в 3,9 раза больше, чем мужчин, в 1989 г. — 2,9 раза. В то же время удельный вес лиц трудоспособного возраста постепенно снижался с 66,7 % в 1959 г. до 60,7 % в 1989 г. В целом по городу произошел абсолютный рост населения в трудоспособном возрасте: с 519,6 тыс. чел. в 1959 г. до 827,5 тыс. в 1989 г. (в 1,6 раза). В то же время количество мужчин трудоспособного возраста выросло в 1,7 раза, женщин — в 1,48 раза. Доля женщин в трудоспособном возрасте в городе за обозначенное 30-летие уменьшилась с 54,6 % до 50,8 %, мужчин, соответственно, увеличилась с 45,4 % до 49,2 %. Постепенное сокращение рождаемости в городе привело к интенсивному процессу демографического старения, это подтверждается сокращением доли детей и относительным ростом лиц старших возрастных групп, особенно в женской. Данное явление осложняло процесс возобновления поколений. К концу 1980-х гг. показатель демографической нагрузки на трудоспособное население (численность населения, находившегося в дорабочем и послерабочем возрастах к таковой в трудоспособном возрасте) вырос в Свердловске с 33,2 % в 1959 г. до 39,3 % в 1989 г.

Таблица 3

Естественное и механическое движения населения (‰)

Годы	Естественный прирост	Миграция
1926–1927	13	87
1939–1940	49	51
1950–1951	32	68
1958–1959	33	67
1964–1965	34	66
1969–1970	37	63
1974–1975	37	63
1979–1980	46	54
1980–1981	50	50

Источник: [1, с. 31].

Для всех крупных городов, в том числе и Свердловска, было характерно неуклонное сокращение доли молодых возрастов и, напротив, рост пожилых. По шкале, предложенной Ж. Боже-Гарнье и уточненной Э. Россетом, «старым» считается население больше 12 % людей в возрасте 60 и более лет [23, с. 68–72]. Коэффициент нагрузки детьми увеличился несущественно (с 363,2 ‰ в 1959 г. до 367,0 ‰ в 1989 г.) на тысячу в трудоспособных возрастах, более существенно вырос коэффициент пожилых людей (с 135,3 ‰ до 266,3 ‰). Общий коэффициент демографической нагрузки молодежных и старческих возрастных категорий на тысячу человек в трудоспособных возрастах составлял в 1959 г. 498,5 ‰, в 1989 г он вырос до 647,2 ‰. Тем самым для города был характерен ускоренный темп трансформации возрастного состава населения, формирующегося в условиях суженного воспроизводства населения.

Возрастная структура жителей Свердловска тесно связана с воздействием механического движения населения. Практически весь XX век население города вплоть до начала 1980-х гг. формировалось за счет миграционного притока (положительного сальдо миграции), о чем свидетельствуют следующие данные (табл. 3).

С 1959 по 1975 гг. удельный вес мигрантов в приросте населения города составлял не менее двух третей (63–67 %), во второй половине 1970-х гг. он уменьшился до 54 %, а в 1980–1981 гг. упал до 50 %. В 1980-е гг. основную роль в формировании горожан стал играть положительный естественный прирост населения.

Большую часть мигрантов в Свердловске составляли женщины. Причем наибольшая интенсивность территориального перемещения у женщин наблюдалась в возрастной группе 16–24 года (50,3 % прибывших и 45,2 % выбывших), а среди мужской части — в возрасте 20–29 лет (соответственно 55,6 % и 59,2 %). С увеличением возраста интенсивность миграции снижалась [7, с. 17]. Приезжие в город формировали в основном трудоспособную часть населения.

В процессе обозначенной фазы демографического перехода происходило снижение рождаемости (рис. 3). Эта устойчивая тенденция особенно ярко проявилась в Свердловске в 1950–1960-е гг.: с 1950 г. в 24,8 % до 18,6 % в 1959 г., с 18,7 % в 1960 г. до 14,4 % в 1969 г., к 1976 г. она несколько поднялась до 14,9 %, а в первой половине 1980-х гг. — еще до 15,7 %.

В 1960-е гг. высокие темпы снижения рождаемости были связаны с деформацией половозрастной структуры населения, связанной с Великой Отечественной войной [24, с. 105], в особенности вступления в возраст наибольшей фертильности (20–29 лет) родившихся в 1941–1945 гг. женщин. Сокращение рождаемости было связано с широким распространением сознательного регулирования количества детей в семье, в первую очередь, в Свердловске, в силу более высокой занятости женщин в общественном производстве. При этом резких скачков не происходило. Типичной для 1960–1980-х гг. была тенденция к снижению возраста матерей, к уменьшению числа рожавших женщин в возрасте 35 лет.

30-летний период демографической истории Свердловска характеризовался и постепенным понижением смертности горожан. С конца 1950-х гг. и до 1970-х гг. смертность в Свердловске стабилизировалась на уровне 6,1 %, в 1970-е гг. этот показатель несколько вырос (до 7–8 %), оставаясь тем не менее очень низким. В 1980-е гг. он увеличился до 8,7 % (рис. 3).

Показатели смертности горожан в возрасте старше 1 года ниже показателей общей смертности (с 5,7 до 7 %). Младенческая смертность влияла на общую. Элиминированные влияния младенческой смертности (она также существенно снизилась с 33,8 % в 1959 г. до 22,5 % в 1970 г.) позволяет отметить снижение смертности в более старших возрастах, что свидетельствовало об улучшении условий жизни свердловчан. Изменение возрастного состава населения (в первую очередь, процесс старения) приводило к тому, что удельный вес людей старше 60 лет в общем числе умерших вырос до 56 % в 1970 г., а доля младенческой смертности уменьшилась до 4,6 % среди всех умерших.

Снижение смертности связано с завершением в 1960-е гг. эпидемиологического перехода. Улучшение санитарных условий, повышения качества медицинского обслуживания привели к резкому сокращению смертности населения от инфекционных заболеваний, туберкулеза. Экзогенные причины смерти ушли на задний план. На первое место в причинах смерти в городе вышли сердечно-сосудистые болезни, на второе — злокачественные новообразования, затем — несчастные случаи, отравления, травмы. Тем не менее сохранилась повышенная смертность мужчин в сравнении со смертностью женщин во всех возрастных группах за изученное 30-летие.

Трансформация смертности привела к увеличению средней продолжительности жизни. Это оказалось возможным благодаря внедрению в практику здравоохранения достижений медицинской науки, а также социальных мероприятий по улучшению условий труда и быта граждан.

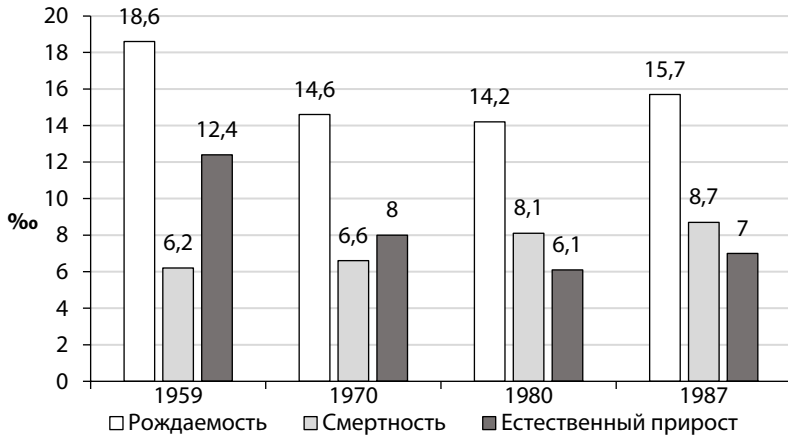

Рис. 3. Динамика рождаемости и смертности в Свердловске в 1959–1989 гг. (в %) (Источник: [18; 19; 20; 21; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 1–5 об., 75; Д. 1138. Л. 69–73 об., 87; Д. 1167. Л. 25, 73–78; Д. 1168. Л. 77–82, 149; Д. 1169. Л. 90, 147–151 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 90–94 об., 1, 5; Д. 18. Л. 172–176 об.; Д. 30. Л. 7–8, 48–53; Д. 44. Л. 26, 140–145; Д. 56. Л. 120, 133–138; Д. 83. Л. 55–59 об.; Д. 84. Л. 13, 46–47, 57–62; Д. 94. Л. 19, 30–34 об.; Д. 125. Л. 108–113 об.; Д. 147. Л. 10–15 об.; Д. 299. Л. 10–14 об.; Д. 322. Л. 28–33; Д. 410. Л. 59–63 об.; Д. 463. Л. 7, 10; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 354. Л. 9; Д. 480. Л. 9; Д. 814. Л. 9; Д. 1006. Л. 11; Оп. 48. Д. 1269. Л. 14; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1732. Л. 14; Оп. 55. Д. 1882. Л. 14; Оп. 56. Д. 1909. Л. 14; Оп. 58. Д. 1625. Л. 14; Оп. 59. Д. 2068. Л. 14; Оп. 60. Д. 1631. Л. 15; Оп. 62. Д. 1636. Л. 14; Оп. 63. Д. 1968. Л. 14])

Приведенные сведения позволяют утверждать, что воспроизводственные процессы стабилизировались. В формировании численности горожан увеличилась значимость естественного прироста, в 1980 г. он составил половину роста. При этом в 1959–1989 гг. он составлял 7–8 ‰ в год (рис. 3).

Трансформация демографической сферы не могла не отразиться на семье и семейных отношениях. В 1960–1980-е гг. фиксировалась двухдетная семья, а в 1980-е гг. отчетливой тенденцией становился переход к однодетной семье [5, с. 62]. Всесоюзные переписи 1979 и 1989 гг. показывают, что средний размер семьи в Свердловске за 10 лет не изменился и составлял 3,2 человека. Одна треть всех семей состояли из 2-х лиц (в 1979 г. — 31,3 %, в 1989 г. — 43,7 %), вторую треть из 3-х лиц (соответственно, 33,9 и 29,7 %). Четверть семей в городе состояли из 4-х лиц (24–25 %). Большие семьи, состоявшие из 6 и более лиц, составляли в 1979 г. 2,8 %, в 1989 г. — 2,9 %. Доля одиночек оставалась на уровне 7 % [25, с. 19, 20].

Заключение

Анализ воспроизводства населения одного из городов-миллионеров в позднесоветскую эпоху позволил выявить основные тенденции

и особенности динамики населения на втором этапе демографической модернизации. Свердловск являлся крупным городом промышленного, научного и культурного значения, в нем осуществлялось опережающее развитие демографических процессов. Обращает на себя внимание более интенсивный процесс старения, высокий процент населения в трудоспособном возрасте, стабилизация показателей рождаемости и смертности. Источником формирования города являлся, главным образом, миграционный приток. Структура населения отличалась высокой долей детей и подростков. Отмечена явная тенденция выравнивания в городе соотношения численности мужчин и женщин, особенно в трудоспособных возрастах. В городе-миллионере, выполнявшем сложные административно-хозяйственные функции, сложилась особая благоприятная демографическая ситуация, способствовавшая динамичному, поступательному развитию.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 20–09–00032. Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект.

Список источников

- [1] Мокеров И. П. Воспроизводство населения г. Свердловска // Особенности демографического поведения городского населения Урала. Сб. науч. ст. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1987. С. 26–52.
- [2] Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. Москва : Наука, 1990. 100 с.
- [3] Основные сдвиги в демографических процессах на Урале (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Научный доклад / И. П. Мокеров, И. П. Агеева, А. И. Кузьмин и др. Свердловск : [б.и.], 1981. 67 с.
- [4] Мокеров И. П., Каменная С. П., Матафонова Т. Л. Население Свердловской области. Екатеринбург : УрО РАН, 1994. 34 с.
- [5] Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург : Уральская издательская фирма «Наука», 1993. 236 с.
- [6] Гаврилова Л. И. Особенности движения населения городов Свердловской области // Проблемы формирования и развития населения Урала. Сб. ст. Свердловск, 1977. С. 25–31.
- [7] Мокеров И. П., Суслопаров Д. Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург [б.и.], 1996. 25 с.
- [8] Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Урал. гос. университета, 1998. № 9. С. 95–100.
- [9] Очерки истории Свердловска. Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1958. 396 с.
- [10] Вехи истории. К 250-летию Свердловска. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1973. 128 с.
- [11] Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998 гг.). Екатеринбург, 1998. 227 с.

[12] Демографическая модернизация России: 1990–2000 / под. ред. А. Вишневого. Москва : Новое издательство, 2006. 599 с.

[13] Население России в XX веке: Исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. Москва, 2005. 302 с.; Т. 3, кн. 2: 1980–1990. Москва, 2011. 292 с.

[14] Население Урала, XX в.: История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1996. 209 с.

[15] Народное хозяйство Свердловской области. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск : Статистическое управление Свердловской области, 1967. 147 с.

[16] Свердловск за годы пятилетки. 1966–1970 гг. Свердловск [б. и.], 1971. 37 с.

[17] Свердловск. 1986–1988. Делегату XXVIII городской отчетно-выборной партийной конференции. Свердловск [б.и.], 1988. 48 с.

[18] Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 15.03.2022).

[19] Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 15.03.2022).

[20] Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 15.03.2022).

[21] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 15.03.2022).

[22] Екатеринбург от переписи к переписи. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: стат. сб. Екатеринбург : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, 2007. 83 с.

[23] *Россет Э.* Процесс старения населения. Демографическое исследование. Москва : Статистика, 1968. 509 с.

[24] *Корнилов Г. Е.* Население Свердловска // *Российская история.* 2010. № 4. С. 94–107.

[25] Екатеринбург от переписи до переписи. Екатеринбург : Свердловское областное управление статистики, 1993. 66 с.

References

[1] *Mokerov I. P.* Reproduction of population of the city of Sverdlovsk // Features of the demographic behavior of the urban population of the Urals. Collection of scientific articles. Sverdlovsk: UNC AN USSR, 1987, pp. 26–52.

[2] *Mokerov I. P., Kuzmin A. I.* Economic and demographic development of the family. M.: Nauka, 1990. 100 p.

[3] *Mokerov I. P., Ageeva I. P., Kuzmin A. I., Kuznetsova V.V., Nifantova R. V., Yakhontov G. V.* The main shifts in the demographic processes in the Urals (according to the All-Union Population Census of 1979) .Scientific report. Sverdlovsk, 1981. 67 p.

[4] *Mokerov I. P., Kamennaya S. P., Matafonova T. L.* The population of the Sverdlovsk region. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1994. 34 p.

[5] *Kuzmin A. I.* Family in the Urals. Demographic aspects of choosing the way of life. Ekaterinburg: UIF «Nauka», 1993. 236 p.

[6] *Gavrilova L. I.* Features of the movement of the population of the cities of the Sverdlovsk region // Problems of the formation and development of the population of the Urals. Col. articles. Sverdlovsk, 1977. Pp. 25-31.

[7] *Mokerov I. P., Susloparov D. G.* Demographic processes in Ekaterinburg (past, present, future). Ekaterinburg, 1996. 25 p.

[8] *Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G.* Historical and demographic portrait of Ekaterinburg // Izvestia of the Ural State University, 1998. No. 9. S. 95-100.

[9] Essays on the history of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Sverdlovsk book publishing house, 1958. 396 p.

[10] Milestones of history. To the 250th anniversary of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Middle Ural book publishing house, 1973. 128 p.

[11] Ekaterinburg: Historical essays (1723-1998). Ekaterinburg, 1998. 227 p.

[12] Demographic modernization of Russia: 1990-2000 / ed. A. Vishnevsky. M.: New publishing house, 2006. 599 p.

[13] The population of Russia in the 20th century: historical essays. In 3 vols. / ed. Yu. A. Polyakov, V. B. Zhyromskaya. T. 3, book. 1: 1960-1979. M., 2005. 302 p.; T. 3, book. 2: 1980-1990. M., 2011 292 p.

[14] The population of the Urals, XX century: The history of demographic development / A. I. Kuzmin, A. G. Orudzhieva, G. E. Kornilov. Ekaterinburg: Ekaterinburg Publishing House, 1996. 209 p.

[15] The national economy of the Sverdlovsk region. To the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution. Sverdlovsk: Statistical Administration of the Sverdlovsk Region, 1967. 147 p.

[16] Sverdlovsk during the years of the five-year plan. 1966-1970. Sverdlovsk, 1971. 37 p.

[17] Sverdlovsk. 1986-1988. Delegate of the XXVIII City Reporting and Election Party Conference. Sverdlovsk, 1988. 48 p.

[18] All-Union population census of 1959. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by sex. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (accessed on 03.15.2022).

[19] All-Union population census of 1970. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by sex. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (accessed on 03.15.2022).

[20] All-Union population census of 1979. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by gender. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (accessed on 03.15.2022).

[21] All-Union population census of 1989. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by sex. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed on 03.15.2022).

[22] Ekaterinburg from census to census. Results of the All-Russian population census of 2002: statistical collection. Ekaterinburg: Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region, 2007. 83 p.

[23] *Rosset E.* Aging process of population: demographic research. M.: Statistics, 1968. 509 p.

[24] *Kornilov G. E.* The population of Sverdlovsk // Russian history. 2010. No. 4. Pp. 94-107.

[25] Ekaterinburg from census to census. Ekaterinburg: Sverdlovsk regional department of statistics, 1993. 66 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-13>

УДК 94(47)+373

JEL I20, I28

ВСЕОБУЧ КАК СИСТЕМА СОХРАНЕНИЯ ДЕТСКИХ КОНТИНГЕНТОВ В 1941–1945 ГГ.: НА МАТЕРИАЛАХ МОЛОТОВСКОЙ И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ¹

Ю. В. Лаптева

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-6195-0104>

Автор для корреспонденции: Ю. В. Лаптева (Julya-Kot@yandex.ru)

Аннотация. *В условиях Великой Отечественной войны общеобразовательные школы Урала столкнулись с проблемой охвата обучением детей при недостатке ресурсов. Выполнение закона о всеобщем обязательном обучении не только не приостановили, но и приняли в качестве одной из важнейших задач. В статье автор ставит целью рассмотреть преобразование всеобуча в годы войны из программы обеспечения массового образования в систему сохранения детских контингентов. На основании системного подхода исследуются основные мероприятия в рамках всеобуча, которые способствовали сохранению здоровья и жизней детей. Анализ широкого архивного материала позволяет сделать вывод о значимости всеобуча для сохранения контингентов учащихся.*

Ключевые слова: Великая Отечественная война, всеобщее обязательное обучение, общеобразовательные школы, Молотовская область, Свердловская область

Universal Education (Vseobuch) as a System for the Preservation of Children Contingents in 1941–1945: On the Materials of Molotov and Sverdlovsk Oblasts

Y. V. Lapteva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-6195-0104>

Corresponding author: Y. V. Lapteva (Julya-Kot@yandex.ru)

Abstract. *In the conditions of the Great Patriotic War, secondary schools in the Urals faced problems with the children's education due to the lack of resources. Thus, the implementation of the law on universal education (Vseobuch) was considered as one of the most important tasks. The paper aims to examine the transformation of universal education during the war years from a programme of providing mass education to a system of preserving children contingents. Based on a systematic approach, the main activities within the framework of universal education contributing to the preservation of health and lives of children are investigated. The analysis of archival materials demonstrated the importance of universal education for the preservation of student contingents.*

Keywords: the Great Patriotic War; universal education; secondary schools; Molotov oblast; Sverdlovsk oblast

¹ © Лаптева Ю. В. Текст. 2022.

Введение

В условиях Великой Отечественной войны общеобразовательные школы искали оптимальные решения обострившихся проблем. Школы Урала столкнулись с проблемами охвата обучением детей, в т. ч. эвакуированных, и сохранения контингентов учащихся при нехватке ресурсов. Тыловое положение региона, форсированное развитие промышленности естественным образом влияли на население [1, с. 35–36]: с одной стороны, родители были заняты на производстве, не всегда в полной мере могли позаботиться о детях, с другой стороны, подростки вынуждены были оставлять учебу ради работы. Перед школами области остро встала проблема отсева школьников, а выполнение закона о всеобщем обязательном обучении стало одной из важнейших задач.

Всеобуч рассматривается исследователями в рамках изучения проблем образования в качестве комплекса мероприятий по массовому обучению. Перспективным видится на основании системного подхода рассмотреть всеобуч в годы войны как систему сохранения контингентов учащихся. В военных условиях сохранить контингенты означало не только закрепить за школой и обучить, но и сохранить физически, сберечь здоровье и жизнь детей.

Обзор литературы

Обращаясь к вопросу о степени изученности темы, отметим, что всеобщее обязательное обучение, являясь неотъемлемой частью народного образования, рассматривалось в рамках исследований проблем образования. В историографии выделяется два периода: советский и постсоветский, что учитывает эволюцию исторической науки, форм и методов познания, переориентацию задач, оценочных суждений историков.

В советской историографии в рамках обозначенных проблем интерес представляют статьи наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина [2], исследовательские работы Н.А. Константинова и Е.Н. Медынского [3, 4] о роли школы во время войны. Проблемы общеобразовательной школы представлены в диссертациях М.П. Сазонова, Т.Ф. Ярковой [5, 6]. В обобщающем труде 1980-х гг. по истории советской школы и педагогики [7] подчеркивалось, что учебные заведения во время войны развивались планомерно, недостатки объяснялись проблемами «на местах». В монографии С.А. Черника дана положительная характеристика «социалистической» школы и ее функционирования во время Великой Отечественной войны [8].

В этот период вышли работы уральских историков, посвященные Великой Отечественной войне, партийным организациям, культурным преобразованиям и истории региона в целом, в которых в том числе рассматривалась деятельность общеобразовательных школ. Характеристика проблем школьного образования в рамках всего региона дана в книге «Урал — фронту» [9]. Исследование деятельности партийных

организаций в отношении системы народного образования осуществлены О. Н. Грачевой, З. И. Гузненко, И. Ф. Плотниковым [10, 11, 12, 13]. Советская система народного образования исследовалась в основном как объект руководства Коммунистической партии.

Постсоветский период отечественной историографии характеризуется поиском новых концепций и подходов, стремлением к переоценке исторического опыта. Авторы труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» проанализировали состояние образования, оценив функционирование школьной сети и всеобуча как недостаточно эффективное [14, с. 472–515].

В этот период на Урале выходят работы Г. Е. Корнилова, затрагивающие проблемы образования в годы войны [15, 16, 17], в сборниках трудов публикуются отдельные статьи, посвященные школьным вопросам [18, 19]. Н. П. Палецких исследовала социальную политику на Урале в период Великой Отечественной войны, включая помощь детям и детским учреждениям [20]. З. И. Гузненко в статье «Школьный всеобуч в годы Великой Отечественной войны» рассмотрела мероприятия по обеспечению массового образования, сделав выводы, что в основном закон о всеобуче на территории Урала в годы Великой Отечественной войны выполнялся [21].

А. В. Сперанский, анализируя культуру региона в 1941–1945 гг., исследовал образование, в т. ч. и школьное, материал представлен в сжатом объеме [22]. В диссертационной работе О. А. Дорошевой [23] обозначены проблемы школьного образования Южного Урала в годы Великой Отечественной войны, где всеобуч рассматривался в рамках системного подхода.

Изучение системы школьного всеобуча не ставилось отдельной задачей работ, соответственно, в них схематично рассматриваются основные мероприятия на территории страны или региона.

Социальный институт образования может быть проанализирован, с одной стороны, с позиции анализа присущих ему видов деятельности, а с другой стороны, с точки зрения его места и роли в совокупной системе общественных отношений, соответствия выполняемых им функций социальным потребностям, связей с другими социальными институтами [24, с. 19]. Логический принцип позволяет рассмотреть всеобуч как систему. На основании системного подхода всеобуч может быть исследован и с точки зрения анализа видов деятельности, направленных на его достижения, и с точки зрения социальных ожиданий, предъявляемых к его функциям. Заведующий Свердловским областным отделом народного образования Н. Ф. Хлесткин в 1941 г. так сформулировал задачи всеобуча: «Родина доверила советскому учительству важнейшее государственное дело — сохранить нашу смену от жестокой неумолимой войны»¹.

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 124. Л. 1.

Задачи всеобуча

Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» вышло в 1930 г. в рамках культурной революции. С 1930–1931 учебного года повсеместно в Союзе вводилось всеобщее обязательное обучение детей с 8 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы, а в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках в объеме школы семилетки. Введение всеобуча должно было решить задачу преодоления «культурной и технической отсталости широких масс трудящихся», что было необходимо для «успешного социалистического строительства»¹.

Военные условия не могли не отразиться на школьной системе. Теперь школа должна была выпускать не только успешных строителей социализма, но грамотных защитников Родины и работников тыла. На совещаниях отделов образования подчеркивалось, что выполнение государственного плана по осуществлению всеобуча детей остается и в условиях войны одной из главных задач школ². Всеобуч должен был не только обеспечить массовое образование. Война изменила положение в семьях: связь детей и родителей ослабла, взрослые, не ушедшие на фронт, трудились на производстве, появилось много беспризорных и безнадзорных детей³. Всеобуч становился системой сохранения детских контингентов.

Выполнение закона о всеобуче подразумевало закрепление детских контингентов и создание необходимых условий в школе. В военных условиях это означало учесть всех учащихся, выбывающих по разным причинам, а также эвакуированных детей, прибывающих на Урал, сохранить школьную сеть, сберечь здания, создать в них оптимальные условия для учебного процесса, контролировать состояние здоровья детей, накормить их, а кого-то одеть и обути.

Столь важный государственный вопрос был на контроле партийных органов: в комитетах ВКП(б) разных уровней существовал Отдел школ. Комсомольская организация принимала непосредственное участие в деле всеобуча: не только инспектировала⁴, но и оказывала помощь в подготовке школ к новому учебному году⁵. Создавались комиссии разных уровней, которые, наряду со школьными инспекторами, обследовали школы. К выполнению закона о всеобуче активно привлекалась общественность, основные направления работы были четко

¹ Известия. 15 августа 1930.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А2306. Оп. 70. Д. 2751. Л. 53.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662.

⁵ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 1458. Оп. 1. Д. 34; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1426, 1587; Оп. 5, Д. 337, 573.

обозначены в статье «Уральского рабочего» «Народная забота о школе»: ремонт школьных помещений, обеспечение школ топливом и продуктами, содействие в учете детей¹. Ответственность за выполнения всеобщего образования лежала на отделах образования, общеобразовательных школах и родителях. Директора школ, заведующие отделами народного образования должны были периодически отчитываться в выполнении закона через информирование по телефону, телеграфу, отправку письменного отчета и личное представление на заседаниях облоно. За срыв всеобщего образования, слабый контроль руководители РОНО, ГОНО, школ могли понести наказание от выговора до снятия с должности². Родителей за невыполнение закона о всеобщем образовании могли вызвать в школу, в ГОНО, РОНО для беседы, письменно уведомить о возможном штрафе, привлечь к юридической ответственности³.

Отсев учащихся и его причины

Всеобщее образование значило, что все дети, пришедшие в школу, получают как минимум начальное или семилетнее образование. На совещаниях обсуждался вопрос о выполнении всеобщего образования: считать программу выполненной, если нет отсева или нет «недоохвата»⁴. Закон предусматривал отсутствие отсева по неуважительным причинам. На научно-практической конференции директоров школ Молотовской области обсуждались следующие трудности в осуществлении всеобщего образования в годы войны: отсутствие одежды и обуви; семейные обстоятельства (большинство семей при уходе отца на фронт обязывали ребят помогать матери в воспитании младших братьев и сестер, оставаться с ними, пока взрослые на работе); недостаток питания в семье; работа в колхозах и на производстве⁵. Только последний пункт принимался в качестве причины для возможного ухода из школы. В первом полугодии отселись 36 696 учащихся, по неуважительным причинам — 17 308, т. е. 7,6 % от общего числа школьников⁶. В статье «Успешно завершить учебный год» Молотовской областной газеты «Звезда» подводились итоги первого военного полугодия, сообщалось, что осуществление закона о всеобщем образовании вызывает «серьезную тревогу»⁷. Для устранения причин отсева предлагалось подвозить учащихся к школам, оказывать помощь особенно нуждающимся в одежде и обуви, организовывать обучение некоторых учеников на дому.

Среди основных причин отсева в первые годы войны в документах по Свердловской области указывались: переезд, уход на работу,

¹ Уральский рабочий. 3 августа 1941.

² ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 7, 13, 88, 191; Д. 15. Л. 31.

³ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 199; Д. 9. Л. 30, 38.

⁴ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 17. Л. 141.

⁵ ГАПК. Ф.Р-1096. Оп. 1. Д. 15. Л. 266.

⁶ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 697. Л. 95.

⁷ Звезда. 3 февраля 1942.

поступление в ФЗО, РУ, ЖУ, отсутствие одежды и обуви, помощь родителям по дому, длительная болезнь или смерть¹. За первое полугодие 1941/42 уч. г. в области отселялось 40316 учащихся (11 % к числу всех учащихся). 43 % от числа выбывших были мобилизованы в ФЗО, РУ; 23,5 % — ушли на производства и работу в колхозы; 9,8 % — материально не обеспечены; 8,9 % — выбыли в связи с переездом родителей; 5,7 % — из-за отсутствия одежды и обуви; 5,5 % — по случаю длительной болезни и смерти². За весь первых военных учебный год по области выбыли 83332 ребенка, отсева по неуважительным причинам (в отчете о работе школ указаны отсутствие одежды и обуви, присмотр за младшими детьми) составил 11064, т. е. 2,8 % от общего числа учащихся³. В начале войны выход школьников на предприятия не только одобрялся, но и инициировался партией и правительством, впоследствии уход учащихся из школ на производство стал угрозой для выполнения закона о всеобуче [25].

Мероприятия по сохранению детских контингентов

Для устранения причин отсева и осуществления всеобщего обязательного обучения НКП предусматривал ряд мероприятий, школы и районы выступали с собственными инициативами.

Партийные работники в свою очередь также стремились помочь школам. Например, вопрос мобилизации детей в трудовые резервы было трудно разрешить без участия партии и правительственных органов. В Молотовской области в 1942 г. вопрос сохранения контингентов старшей школы стоял настолько остро, что обком принял решение не мобилизовать школьников на предприятия и в школы ФЗО и РУ, отчисление ученика производить только после личной беседы и заключения РОНО⁴. Свердловский обком ВКП(б) в 1943 г. обращался в Совнарком союза с просьбой пересмотреть план призыва в РУ. Поскольку учащихся, подлежащих мобилизации в 1943 г. из г. Свердловск, было 2800 человек, и большинство из них к концу учебного года поступило в техникумы и на предприятия, призыв 1500 человек повлек бы резкое снижение сети⁵.

Областные отделы народного образования ежегодно издавали приказы, направленные на осуществление всеобуча, подчеркивали важность исполнения закона в военное время, отправляли комиссии и инспекторов, вызывали руководителей с отчетами, проводили совещания разных уровней. Школы обязывали: вести тщательный учет детей, отселявшихся и прибывших по эвакуации; индивидуально подходить к обучению «возвращенных» и вновь прибывших детей; организовывать обучение на дому; создавать необходимые материальные условия для нуждающихся детей

¹ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 712. Л. 2-2 об.

² ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 12. Л. 4.

³ ГАРФ. А.2306. Оп. 70. Д. 2795. Л. 7-15.

⁴ ПГАСПИ. Ф.105. Оп. 8. Д. 268. Л. 34-35; Д. 267. Л. 45.

⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 31. Д. 441. Л. 59-60.

и обеспечивать школьников горячим питанием, осуществлять санитарный надзор¹.

Осуществляя закон о всеобуче, школы выполняли решения вышестоящих органов и учитывали местные условия, которые могли бы этому способствовать. Например, в Ирбите, который первым в Свердловской области полностью выполнил закон, организовали ремонтно-пошивочные мастерские для учащихся и на основе натуральных фондов обеспечивали горячими завтраками и обедами всех школьников². Заведующая Краснополянским районо, в котором также осуществили всеобуч в 1941/42 уч. г., делилась опытом работы: помимо помощи в материальных вопросах, уполномоченные выходили на беседы с родителями об обязательной учебе детей в сельсоветы, родителям отправляли письма с предупреждением о штрафе, со школьниками подписывали «государственный акт», который «внушал детям большую ответственность»³. В Красноуральске сделали столовые в каждой школе: «Эти столовые исключительно привлекли ребят»⁴. В Первоуральске смогли объединить усилия директоров заводов и школьных коллективов⁵, опыт шефства над школами пытались распространить на весь регион.

К важнейшим мероприятиям, обеспечивающим условия для всеобуча, можно отнести организацию питания для школьников, контроль состояния их здоровья, материальную помощь нуждающимся детям.

Организация школьного питания была важнейшим фактором сохранения детских контингентов. Детей, пришедших на занятия, кормили горячей пищей. Для этого были задействованы все возможные ресурсы: пришкольные участки, подсобные хозяйства, договоры о взаимопомощи с колхозами, помощь общественности. В начале войны в Молотовском облоно были установлены нормы овощей — 50 кг на человека в год, а также нормы хлеба — 50 г на ребенка в день⁶. По нашим подсчетам, в 1942/43 уч. г. свыше трети школ области обеспечивали детей горячими завтраками⁷. С 1943 г. исполком облсовета утвердил контрольные цифры по подсобным хозяйствам: школы увеличили посевы 1,5–2 раза, некоторые в 6–7 раз⁸. Учащиеся Свердловской области прикреплялись к столовой, либо к буфету, обязательно получали бесплатно хлеб⁹. Воспоминания школьников тех лет

¹ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 7, 13, 46, 201-202.

² ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 36.

³ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 29-31.

⁴ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 38.

⁵ ЦДОСО. Ф.161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 81.

⁶ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁷ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 946. Л. 4; Ф.Р-1096. Оп. 1. Д. 6. Л. 170.

⁸ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 713. Л. 4; ПГАСПИ. Ф.105. Оп. 9. Д. 161. Л. 77; Д. 191. Л. 76.

⁹ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 30.

свидетельствуют о том, что в школе дополнительно, без карточек, давали 50 г хлеба и горячее, чаще всего суп¹.

Вопрос организации школьного питания поднимался на совещаниях всех уровней, ответ был однозначный: недостаток питания в семье должна частично восполнять школа. Заведующий Свердловским облоно Н. Ф. Хлёткин в отчетах о ходе всеобуча подчеркивал, что школьное питание имело решающее значение для закрепления контингентов².

Осуществляя всеобуч, школы должны были отслеживать состояние здоровья учащихся. Классные руководители держали под наблюдением личную гигиену учеников. При угрозах эпидемий облоно издавали приказы о контроле здоровья учащихся и недопущении распространения заболеваний³. Школьников проверяли на педикулез. Создавались специальные санитарные дружины из учащихся или назначались классные санитары⁴. После обращения Народного комиссариата здравоохранения к пионерам и школьникам о значении витамина С, в школах стали включать витамин С в рацион питания детей в виде настоя шиповника или хвои⁵.

Военная обстановка отразилась на материальном положении учащихся. Показатели отсева по причине материальной необеспеченности были высоки. Чтобы сохранить контингенты и выполнить закон о всеобуче, школы старались обеспечить детей обувью и одеждой.

За первое полугодие 1941/42 уч. г. отсев по материальным причинам в Свердловской области составил 36,5 % от числа отсеявшихся⁶. При школах были созданы фонды подержанной обуви и одежды⁷. Мастерские по ремонту обуви и одежды помогали избегать сезонного отсева, связанного с отсутствием одежды по погоде или с ее плохим состоянием⁸. Мероприятия можно оценить как эффективные: отсев по материальным причинам в последний военный учебный год снизился в три с половиной раза и составил 10,9 % от общего числа отсеявшихся⁹.

В начале войны отсев в Молотовской области по «неуважительным причинам» (в т. ч. в связи с отсутствием одежды и обуви) был высоким: примерно 47 % к количеству отсеявшихся¹⁰. В 1943 г. облоно отметил,

¹ ГАСО. Ф.Р-2766. Оп. 1. Д. 217. Л. 3 об.

² ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 12. Л. 6.

³ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 7. Л. 5 об.

⁴ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 689. Л. 31 об.-32; ГАРФ. Ф.А-2306. Оп. 70. Д. 2751. Л. 15; ГАСО. Ф.Р-2766. Оп. 1. Д. 206. Л. 15.

⁵ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 8. Л. 69; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.М-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁶ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 124. Л. 4.

⁷ ЦДООСО. Ф.61. Оп. 2. Д. 1426. Л. 22.

⁸ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 9. Л. 57 об.

⁹ ГАСО. Ф.Р-233. Оп. 3. Д. 132. Л. 4 об.

¹⁰ Посчитано по материалам ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 697. Л. 95.

что материальное снабжение учащихся улучшилось¹. Количественные показатели отсева в последний военный учебный год остались примерно на уровне 1943/44 уч. г. (31 606 учащихся), изменилась качественная характеристика: в отчетах облоно значилось, что отсев из 1–4 классов увеличился в связи с эвакуацией, число выбывших из 5–7 классов сократилось в полтора раза, что объяснялось улучшением снабжения одеждой и обувью². Значимым вопросом для сохранения здоровья детей, соответственно, и для сохранения школьных контингентов было обеспечение учащихся одеждой и обувью.

Несмотря на то, что всеобуч за военные годы в Молотовской и Свердловской областях выполнялся не полностью, важнейшим показателем его функционирования можно считать снижение детской смертности. Например, в Молотовской области в начале войны уровень отсева по причине длительной болезни или смерти колебался от 12,8 % до 17,6 % от числа отсеявшихся детей³. В конце военного периода численность учащихся, выбывших по причине длительной болезни или смерти, составила 6,2 % от всего отсева⁴, т. е. уровень снизился почти в два раза.

Заключение

Основной задачей общеобразовательных школ в годы войны являлось выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, при этом главное внимание уделялось сохранению контингентов учащихся школ. В военных условиях осуществление данного проекта не только не приостановилось, напротив, внимание к нему усилилось. Угрозой для жизни и здоровья детей было плохое питание, голод и холод. Школы обеспечивали учащихся горячим питанием, контролировали состояние их здоровья, создавали оптимальные условия для занятий детей, снабжали нуждающихся обувью и одеждой. Таким образом, всеобщее обязательное обучение реализовывалось не просто как программа образования всех детей школьного возраста, в годы войны всеобуч сложился как система сохранения детских контингентов, создания минимальных условий для поддержания здоровья учеников. Дальнейшие исследования всеобуча могут быть направлены на неосвоенные школьные мероприятия: улучшение учета, борьбу с безнадзорностью, организацию интернатов.

Список источников

[1] Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.

¹ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 713. Л. 4.

² ГАПК. Ф.Р-1096. Оп. 1. Д. 6. Л. 169 об.

³ Посчитано по материалам ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 946. Л. 4об.-5.

⁴ ГАПК. Ф.Р-986. Оп. 1. Д. 947. Л. 6 об.

[2] *Потемкин В. П.* Статьи и речи по вопросам народного образования / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. Москва, Ленинград : Изд-во академии педагогических наук РСФСР, 1947. 302 с.

[3] *Константинов Н. А.* Советская школа в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1948. № 10.

[4] *Константинов Н. А., Мединский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. Москва : Государственное учебное педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1948. 472 с.

[5] *Сазонов М. П.* Борьба за осуществление всеобщего и дальнейшее укрепление советской школы в РСФСР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Москва, 1952.

[6] *Яркина Т. Ф.* Школа РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Москва, 1954.

[7] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. Москва : Педагогика, 1988. 272 с.

[8] *Черник С. А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. Москва : Педагогика, 1984. 240 с.

[9] Урал — фронту / П. Г. Агарышев, М. Н. Евланова, А. Г. Наумова и др.; под ред. А. В. Митрофановой. Москва : Экономика, 1985. 344 с.

[10] *Грачева О. Н.* Руководство партийных организаций Урала народным образованием в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1965.

[11] *Гузненко З. И.* Руководство партийных организаций Урала высшей школой в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (На материалах Свердловской и Пермской областей): автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1973. 23 с.

[12] Гузненко З. И. Партийное руководство учебным процессом в общеобразовательных школах Урала в годы Великой Отечественной войны // Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры / под ред. П. В. Гришанова. Сб. ст. Свердловск : Свердловский пединститут, 1981. С. 34–45.

[13] *Плотников И. Ф.* Народное образование и культура Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Развитие школы: опыт партийного руководства, проблемы, задачи. Сб. науч. трудов / под ред. М. В. Попова. Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1989. С. 47–61. 122 с.

[14] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Журавлев С. В. Государство, общество и война. Москва : Кучково поле, 2014. 862 с.

[15] *Корнилов Г. Е.* Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 91–98.

[16] *Корнилов Г. Е.* Культурное развитие уральского села в годы Великой Отечественной войны // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987). Сб. науч. трудов. Свердловск : УрО АН СССР, 1989. С. 63–75. 166 с.

[17] *Корнилов Г. Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

[18] *Гузненко З. И.* Учебно-методическая работа в общеобразовательных школах Урала в годы Великой Отечественной войны // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 27–33. 234 с.

[19] *Терехов А. Н.* Школьное историческое образование в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны: мат-лы межвузовской науч. конф., посвященной 65-летию Великой победы / сост. В. С. Толстикова. Челябинск, 2010. С. 232–238.

[20] *Палецких Н. П.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : Челябинский государственный агроинженерный университет, 2007. 167 с.

[21] *Гузненко З. И.* Школьный всеобуч в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2003. С. 302–307. 400 с.

[22] *Сперанский А. В.* В горниле испытания. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996. 202 с.

[23] *Дорошева О. А.* Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... к. и. н. Оренбург, 2003. 222 с.

[24] *Германов И. А.* Региональная система образования и социальные проблемы реализации социальных интересов: дисс... к. с. н. Пермь, 1999. 171 с.

[25] *Лантвева Ю. В.* «Учеба подождет»: отсев учащихся из школ всеобуча в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: мат-лы XIII Всероссийской науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 2. С. 75–81.

References

[1] The population of Urals in the XX century. The history of demographic development / A. I. Kuzmin, A. G. Orudzhieva, G. E. Kornilov et al. Ekaterinburg: Publishing house «Ekaterinburg», 1996. 212 p.

[2] *Potemkin V. P.* Articles and speeches on issues of national education / eds. I. A. Kairov, A. G. Kalashnikov, N. A. Konstantinova. M., L.: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1947. 302 p.

[3] *Konstantinov N. A.* The Soviet school during the Great Patriotic War // Soviet pedagogy. 1948. No. 10.

[4] *Konstantinov N. A., Medynsky E. N.* Essays on the history of the Soviet school of the RSFSR for 30 years. Moscow: State Educational Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1948. 472 p.

[5] *Sazonov M. P.* The struggle for the implementation of universal education and further strengthening of the Soviet school in the RSFSR during the Great Patriotic War: Abstract. dis. ...Candidate of Pedagogical Sciences. M., 1952.

- [6] *Yarkina T. F.* School of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1945): Abstract. diss. ...Candidate of Historical Sciences. M., 1954.
- [7] Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR (1941–1961)/ eds. F. G. Panachin, M. N. Kolmakova, Z. I. Ravkin. M.: Pedagogy, 1988. 272 p.
- [8] *Chernik S. A.* Soviet secondary school during the great Patriotic war. Historical and pedagogical research. M.: Pedagogy, 1984. 240 p.
- [9] Ural — to the front / P. G. Agaryshev, M. N. Evlanova, A. G. Naumova, et al.; ed. A. V. Mitrofanova. M.: Ekonomika, 1985. 344 p.
- [10] *Gracheva O. N.* Leadership of the party organizations of the Urals by public education during the Great Patriotic War (1941–1945) Abstract. diss... Candidate of Historical Sciences. Sverdlovsk, 1965.
- [11] *Guznenko Z. I.* Leadership of party organizations of the Urals higher school during the Great Patriotic War (1941–1945) (Based on materials of the Sverdlovsk and Perm regions) Abstract. diss... Candidate of Historical Sciences. Sverdlovsk, 1973. 23 p.
- [12] *Guznenko Z. I.* Party leadership of the educational process in secondary schools of the Urals during the Great Patriotic War // The role of party organizations of the Urals and Western Siberia in the development of public education and culture / ed. P. V. Grishanov. Sverdlovsk: Sverdlovsk Pedagogical Institute, 1981. Pp. 34–45.
- [13] *Plotnikov I. F.* National education and culture of the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945) // School development: experience of party leadership, problems, tasks. Collection of scientific papers. / ed. M. V. Popov. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute, 1989. 122 p. Pp. 47–61.
- [14] The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. 10. Zhuravlev S. V. The state, society and war. Moscow: Kuchkovo field, 2014. 862 p.
- [15] *Kornilov G. E.* Poverty as a way of life: the Ural's countryside during the WW II and the post-war years (1941–1953) // Ural Historical Journal. 2013. No. 3(40). Pp. 91–98.
- [16] *Kornilov G. E.* Cultural development of the Ural village during the Great Patriotic War // Development of culture of the Ural Soviet village (1917–1987): Collection of scientific papers. Works. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1989. 166 p. Pp. 63–75.
- [17] *Kornilov G. E.* Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War // Ural Historical Journal. 2015. No. 4(49). Pp. 112–121.
- [18] *Guznenko Z. I.* Educational and methodological work in secondary schools of the Urals during the Great Patriotic War // Monitoring of the regional model of historical general and vocational education: Collection of scientific articles Ekaterinburg, 2005. Part 1. 234 p. Pp. 27–33.
- [19] *Terekhov A. N.* School historical education in the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War // Southern Urals during the Great Patriotic War: materials of the interuniversity scientific conference dedicated to the 65th anniversary of the Great Victory / comp. V. S. Tolstikov. Chelyabinsk, 2010. Pp. 232–238.
- [20] *Paletskikh N. P.* Social resources and social policy in the Urals during the Great Patriotic War: Monograph. Chelyabinsk: Federal State Educational Institution «Chelyabinsk State Agroengineering University», 2007. 167 p.

[21] *Guznenko Z. I.* School universal education during the Great Patriotic War // Ural in the military history of Russia: traditions and modernity. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the Ural Volunteer Tank Corps. Ekaterinburg, 2003. 400 p. Pp. 302-307.

[22] *Speransky A. V.* In the crucible of the test. The culture of the Urals during the Great Patriotic War (1941-1945). Ekaterinburg, 1996.

[23] *Dorosheva O. A.* School education in the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941-1945): dis. ... candidate of Historical Sciences. Orenburg, 2003.

[24] *Germanov I. A.* Regional education system and social problems of realization of social interests. Diss... PhD. Perm, 1999.171 p.

[25] *Lapteva Y. V.* Students wait. Drop-out of students from schools of the all-university in the years of the Great Patriotic War // Ural Industrial. Bakunin readings. Industrial Modernization of Russia in the XVIII–XXI centuries: materials of the XIII All-Russian Scientific Conference, Ekaterinburg, October 18-19, 2018: in 2 volumes. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Vol. 2. Pp. 75-81.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-14>
УДК 314.18
JEL J11

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ¹

В. Г. Логинов

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-2466-5686>

Автор для корреспонденции: В. Г. Логинов (loginov.vg@uiec.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности формирования населения северных и арктических территорий в постсоветский период. Сделан ретроспективный анализ динамики численности и темпов роста населения между переписями 1989 и 2010 гг. и в последующие годы в сопоставимых административных границах. Выявлены зависимость демографических процессов от времени заселения и освоения территории, а также основные тенденции в воспроизводстве населения. Определены основные причины снижения численности населения в постсоветский период.

Ключевые слова: Север, Арктика, население, демографические процессы, воспроизводство, регион, субрегион

A Retrospective Analysis of the Demographic Development of the Russian North and the Arctic

V. G. Loginov

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-2466-5686>

Corresponding author: V. G. Loginov (loginov.vg@uiec.ru).

Abstract. The article considers the peculiarities of the formation of the population of the northern and Arctic regions in the post-Soviet period. The paper presents a retrospective analysis of the population dynamics and growth rates between the censuses of 1989 and 2010 and in subsequent years within comparable administrative boundaries. The dependence of demographic processes on the time of settlement and development of the region, as well as the key population reproduction trends are revealed. The main reasons for the population decline in the post-Soviet period are identified.

Keywords: North; Arctic; population; demographic processes; reproduction; region; subregion

Введение

Демографические процессы в северных и арктических районах России отличаются значительной дифференциацией, наряду с территориями, испытывающими значительную убыль населения, в т. ч. трудоспособного, имеются регионы и субрегионы, сохранившие положительный прирост его численности. Это связано с зависимостью демографических процессов

¹ © Логинов В. Г. Текст. 2022.

от времени заселения и освоения территории и особенностями социально-экономического развития.

Материалы и методы

Методология исследования заключается в обобщении и анализе информации, касающейся демографического развития северных и арктических районов России. Источниками информации явились данные федеральной, региональной и муниципальной статистики, нормативно-правовые документы, Интернет-ресурсы. В качестве основных методов использовались статистический и ретроспективный анализ.

Север и Арктика как объект исследования

Север как объект исследования в настоящее время рассматривается в рамках границ, установившихся в ходе эволюции этого понятия в советский период, с учетом указов Президента РФ первой половины 1990-х гг. Во всех правительственных документах, включая государственную статистику, начиная с 1930-х гг. основными понятиями были «районы Крайнего Севера», позднее к ним добавились «местности, приравненные к Крайнему Северу»¹. При этом площадь Севера претерпевала изменения, постоянно расширяясь. Окончательно границы макрорегиона сформировались к 1995 г., когда произошли последние изменения в составе Севера с отнесением к нему высокогорных районов юга Сибири с суровыми природно-климатическими условиями, разделенными территориями, не относящимися по своим характеристикам к Северу, от основной его территории. В соответствии с принятыми документами территория российского Севера, включая сухопутную часть Арктики, составляет около 70 % площади страны, где проживает 7,1 % населения Российской Федерации.

В настоящее время особое внимание уделяется Арктической зоне РФ (АЗРФ), которая становится обособленным для российского Севера объектом. В связи с этим фактически Север представлен двумя широтными зонами: собственно Север (вне арктических районов) и Арктика.

Это подтверждено принятием ряда нормативных документов. Как самостоятельный объект государственной политики Арктика появляется в 2008 г. с утверждением Президентом РФ документа «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В этом документе АЗРФ определена не только как особый объект политики, но и впервые обозначена

¹ Первые научные попытки делимитации Севера в нашей стране относятся к 1920-ым гг. Позднее был выделен и законодательно оформлен в 1931–1932 гг. Крайний Север: как регион с особыми природно-климатическими и географическими условиями и национальной спецификой, при этом при определении его границ важнейшим являлся этнический признак. Дальнейшая эволюция данного понятия и его границ была связана с изменением состава этой территории. В 1945 г. введены два понятия: «Крайний Север» и «местности, приравненные к районам Крайнего Севера».

необходимость комплексного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

В административном отношении Север и Арктика представлены субъектами Федерации (регионами) и субъектами РФ, часть муниципальных образований которых отнесены к Северу или Арктике (субрегионами). Такая неоднородность в административном делении затрудняет получение необходимой статистической информации для анализа социально-экономической ситуации и прогноза развития производительных сил этих территорий [1].

В состав северной зоны РФ входят 24 субъекта Федерации, в т. ч. 13 полностью и 11 частично, АЗРФ представлена 4 регионами и 5 субрегионами. Однако если рассматривать российский Север в рамках двух широтных зон, подразделяя его на Север (вне арктических территорий) и Арктику, то некоторые субъекты РФ будут представлены двумя субрегионами. К ним относятся республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Архангельская область, имеющие в своем составе как северные, так и арктические территории, а также Красноярский субрегион.

В структурном отношении российский Север представлен двумя широтными зонами и 4 макрорегионами, которые являются окраинами 4 федеральных округов (табл. 1).

«Севера» занимают подавляющую часть площади перечисленных федеральных округов (от 70 до 80 %) при гораздо меньшей доле их в общей численности населения (от 8,8 до 31 %), что обусловлено в основном климатическими условиями. Плотность населения закономерно снижается в направлении с запада на восток (от 249 до 43 чел. на 100 км²) и с юга на север (с 200 до 5 чел.). Однако на изменение численности населения Севера и Арктики помимо природно-климатического (закономерное снижение плотности населения) значительное влияние оказывает природно-ресурсный фактор, хотя роль его неоднозначна. В частности, в рассматриваемый период нефтегазовые ресурсы Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов обеспечили прирост населения в этих субъектах Федерации, тогда как в Ненецком автономном округе, Сахалинской области, а также в северных районах Томской области население снизилось по сравнению с советским периодом при наличии таких же ресурсов. Еще один фактор — этнический — также влияет на динамику численности населения автономных республик с высоким удельным весом титульных народов (Алтай, Саха (Якутия), Тыва) благодаря положительному естественному приросту коренного населения.

В настоящее время приоритетным направлением стало освоение Арктики — составной периферической части зоны российского Севера, обусловленное экономическими (наличие природных ресурсов) и политическими (укрепление стратегических позиций) факторами.

К АЗРФ, как правило, отнесены территории Крайнего Севера, исключение — Карелия (Сегежский муниципальный район) и Архангельская

Структура районирования Севера РФ в разрезе широтных зон и макрорегионов, на 1 января 2020 г.

Показатель	ФО	Север РФ	Север*	Арктика
<i>Северо-Западный ФО</i>		<i>Европейский Север (5 регионов и 1 субрегион**)</i>		
Площадь, тыс. км ²	1687,0	1351,8/80,1	581,6/40,3	770,2/39,8
Население, тыс. чел.	13972,1	3340,3/23,9	1620,9/11,6	1719,4/12,3
Плотность, чел./100 км ²	828	249	310	200
<i>Уральский ФО</i>		<i>Уральский Север (2 региона и 1 субрегион)</i>		
Площадь, тыс. км ²	1818,5	1352,4/74,4	583,1/32,0	769,3/42,4
Население, тыс. чел.	12350,1	2238,4/18,1	1693,9/13,7	544,5/4,4
Плотность, чел./100 км ²	679	166	290	71
<i>Сибирский ФО</i>		<i>Сибирский Север (1 регион и 4 субрегиона)</i>		
Площадь, тыс. км ²	3579,4	2713,1/70,3	1063,8/27,7	1649,3/42,6
Население, тыс. чел.	17173,3	1509,0/8,8	1272,3/7,4	236,7/1,4
Плотность, чел./100 км ²	394	56	120	14
<i>Дальневосточный ФО</i>		<i>Дальневосточный Север (5 регионов и 5 субрегионов)</i>		
Площадь, тыс. км ²	7734,9	6496,4/84,0	4267,1/55,2	2229,3/28,8
Население, тыс. чел.	8878,3	2770,8/31,2	2652,9/29,9	117,9/1,3
Плотность, чел./100 км ²	128	43	62	5
<i>Итого ФО</i>		<i>Итого Север и Арктика (13 регионов и 11 субрегионов)</i>		
Площадь, тыс. км ²	14819,8	11913,7/80,4	6495,6/43,0	5418,1/37,4
Население, тыс. чел.	52373,8	9858,5/18,8	7240,0/13,8	2618,5/5,0
Плотность, чел./100 км ²	353	83	114	45

Примечание: под чертой доля показателей в ФО, %.

* вне арктических территорий.

** Пермский субрегион Приволжского федерального округа.

Расчитано по данным федеральной, региональной и муниципальной статистики.

область, где ГО Архангельск и Новодвинск, а также муниципальные районы Онежский и Приморский, являются лишь территориями, приравненными к Крайнему Северу. С другой стороны, в нее не вошли по географическому принципу расположенные южнее районы Крайнего Севера: республик Коми и Саха (Якутия), Камчатского края, Магаданской области и некоторых других территорий.

Так как единых критериев установления южной границы Арктики нет, то региональные власти субъектов РФ, частично включенных в АЗРФ (республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская область), пытаются обосновать свои предложения о дополнительном включении муниципальных образований в состав Арктики. В связи с этим в последние годы (2017–2020) произошли подвижки в сторону увеличения арктической территории. Данный процесс напоминает

Таблица 2

Эволюция сухопутных границ АЗРФ

Административные единицы	Площадь, тыс. км ²	Численность населения на 1.01.2021, тыс. чел.
Мурманская обл. (3 МР и г. Полярный), Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО; Красноярский край (Долгано-Ненецкий МР); 5 прибрежных МР Саха (Якутия) ^{*1}	3200	803,1
Выбыла Республика Карелия, сокращено МР (с 13 до 5) в Республике Саха (Якутия); включен Туруханский МР Красноярского края ^{*2}	3711,8	2338,8
Вошли 3 МР (Беломорский, Кемский и Лоухский) Республики Карелия ^{*3}		
Включены 8 МР Республики Саха (Якутия) ^{*4}	4726,7	2420,2
Новые территории, включенные в АЗРФ		
1 МР (Усть-Цилемский) и 2 ГО (Инта и Усинск) Республики Коми	103,2	80,2
2 МР и 1 ГО (Костомукша) Республики Карелия	24,0	71,5
2 МР (Лешуконский и Пинежский) Архангельской обл.	60,2	26,3
10 сельских поселений Эвенкийского МР Красноярского края ^{*5}	504,0	7,6
Итого	691,4	185,6
Итого новые включения	1153,9	331,9
Всего АЗРФ	5418,1	2605,8

Расчитано по стат. данным Росстата.

^{*1} Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу, 2008 г. URL: Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года — Российская газета (rg.ru) (дата обращения: 12.02.2021).

^{*2} О сухопутных территориях Арктической зоны РФ. Указ Президента РФ № 296 от 2 мая 2014 г. URL: <http://docs.pravo.ru/dokument/view> (дата обращения: 12.02.2021).

^{*3} О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296 от 13 мая 2019 года № 220. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231> (дата обращения: 12.02.2021); Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. N 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. N 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71705322/?ysclid=17орс06т7s600225054> (дата обращения: 12.02.2021).

^{*4} О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296 от 13 мая 2019 года № 220. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231> (дата обращения: 12.02.2021).

^{*5} О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ. Ст. 2. п. 3. URL: <https://rg.ru/2020/07/16/193-fz-ob-arkticheskoy-zone-dok.html> (дата обращения: 09.10.2020).

первую половину 1990-х гг., когда произошло значительное увеличение северной зоны РФ за счет прилегающих южнее расположенных районов. В последние годы процесс расширения АЗРФ идет за счет соседних, вне арктических, районов.

В целом, исходя из изменений Арктической зоны в республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области, площадь и население зоны Севера и Арктики выглядит по авторским расчетам следующим образом (табл. 2).

В результате принятия в последние годы нормативных актов площадь Арктической зоны увеличилась до 5,4 млн км² (на 0,7 млн км²), а численность населения — на 190 тыс. чел. (на 1 января 2019 г.) за счет территорий, прилегающих южнее, при этом Арктика составила около половины площади российского Севера. Первичной причиной стремления региональных властей к расширению арктических районов являются преференции для хозяйственной деятельности в их пределах, получаемых из федерального бюджета.

Ретроспективный анализ демографического развития российского Севера и Арктики

В постсоветский период общим трендом демографического развития как российского Севера, так и АЗРФ является постепенное снижение численности населения в большинстве регионов и субрегионов за исключением ХМАО — Югры и ЯНАО (Уральский Север). Во втором десятилетии текущего века к ним добавились республики Саха (Якутия) Тыва и субрегион Республики Алтай (где численность населения также стала увеличиваться). Общая численность населения Севера в период с 1989 по 2020 гг. снизилась почти на 2,9 млн чел., или на 22,7 % (в АЗРФ — на 27,6 %). По отдельным макрорегионам эти показатели имели значительные отличия. Положительный прирост был характерен только для Уральского Севера, который составил 440 тыс. чел. (соответственно, около 50 тыс., в арктической части и 390 тыс. чел. во вне арктических районах). Самую большую убыль понес Дальневосточный Север (32,3 %), особенно его арктические территории (62,4 %). Европейский Север пострадал в несколько меньшей степени — 30,7 %, зато здесь отмечен самый высокий абсолютный показатель сокращения численности населения — почти на 1,5 млн чел., что на 161 тыс. чел. больше, чем на Дальневосточном (табл. 3).

Основными причинами снижения численности населения северных и арктических территорий были изменение социально-экономических условий в связи с переходом к рынку, распад СССР, отработка или низкая рентабельность месторождений полезных ископаемых, их низкая конкурентность и невостребованность на мировом и внутреннем рынках. Каждый из этих факторов внес свой вклад в этот процесс.

С 1989 по 2019 гг. «севера» потеряли больше одной пятой части населения (в сопоставимых границах), при этом с 1989 по 2010 гг. — 20 %, с 2010

Таблица 3

Численность населения Российского Севера и Арктики, тыс. чел.

Макрорегион Севера	1989 г. ВПН*	2010 г. ВПН**	На 01.01. 2013 г.	На 01.01. 2020 г.	2020 г., % к	
					1989	2010
Север, всего	12749,6	10158,7	10092,4	9858,5	77,3	97,0
в т. ч. Арктика	3617,4	2722,6	2720,9	2618,5	72,4	96,2
Уд. вес, %	28,4	26,8	27,0	26,6	-1,8	0,1
Европейский	4820,7	3603,3	3530,9	3340,3	69,3	92,7
в т. ч. Арктика	2417,3	1838,8	1819,4	1719,4	71,1	93,5
Уд. вес, %	48,2	51,0	51,5	51,5	3,3	1,3
Уральский	1796,1	2074,2	2145,1	2238,4	124,6	107,9
в т. ч. Арктика	494,8	522,8	541,6	544,5	110,0	104,2
Уд. вес, %	27,6	25,2	25,2	24,3	-3,3	-0,9
Сибирский	2042,7	1589,3	1564,1	1509,0	73,9	94,9
в т. ч. Арктика	391,7	236,6	237,6	236,7	63,7	100,0
Уд. вес, %	19,2	14,9	15,2	15,7	-2,5	0,8
Дальневосточный	4090,1	2891,9	2852,3	2770,8	67,7	95,8
в т. ч. Арктика	313,6	124,4	122,3	117,9	37,6	94,7
Уд. вес, %	7,7	4,3	4,3	4,3	-3,4	0,0

Рассчитано по данным Росстата, региональной и муниципальной статистики.

по 2020 г. — 3 %, что в целом свидетельствует о снижении темпов убыли в последние годы (2010–2019) до -0,3, или в 3,6 раза ниже показателей с 1989 по 2010 гг. (-1,1 %) при среднем показателе за период 1989–2019 гг. — -0,9 %.

Данные показатели периода 1989–2020 гг. значительно дифференцированы по отдельным регионам и субрегионам Севера и Арктики. Так, среди неарктических регионов Севера они изменялись от -64,2 (Магаданская обл. до 30,6 % (ХМАО — Югра). Среди субрегионов от -55,6 (Забайкальский край) до 13,6 % (Республика Алтай). По регионам АЗРФ от -36,3 (Мурманская обл.) до 10,0 % (ЯНАО), среди субрегионов от -59,1 (Республика Коми) до -24,0 % (Архангельская обл.) (табл. 4).

Южная граница АЗРФ разделила 4 субъекта Федерации: республики Карелия, Коми и Саха (Якутия); и север Красноярского края на два субрегиона: Север (без арктических районов) и Арктику, которые имели различия как в численности населения, так и особенности его изменения во времени (табл. 5).

По численности постоянного населения в трех субъектах преобладают северные субрегионы (республики Карелия, Коми и Саха (Якутия)), в двух (Архангельская область и Красноярский край) — арктические. За период с 1989 по 2010 гг. более высокое снижение населения являлось характерным для арктических территорий (-33,1), которое было в два раза выше показателя для северных субрегионов (-15,2 %). В последующий период (2010–2019 гг.) они были уже почти одинаковы (-4,8 и -4,6 % соответственно).

**Динамика численности населения регионов и субрегионов Севера и Арктики,
тыс. чел.**

Регион/субрегион	1989	2010	На 01.01.2020	2020 г., % к	
				1989	2010
Север РФ	12750,4	10158,7	9858,5	77,3	97,0
Регионы Севера					
Республика Карелия*	607,666	515,151	501,5	82,5	97,4
Республика Коми*	874,849	710,342	666,8	76,2	93,9
Республика Саха (Я)*	943,962	884,620	904,3	95,8	102,2
Республика Тыва	308,557	307,925	327,4	106,1	106,3
Камчатский край	471,932	321,764	313,0	66,3	97,3
Архангельская обл.*	637,643	494,258	424,9	66,6	86,0
Магаданская обл.	391,687	156,956	140,1	35,8	89,3
Сахалинская обл.	710,242	497,899	488,3	68,8	98,1
ХМАО — Югра	1282,396	1531,973	1674,7	130,6	109,3
Итого	6228,934	5420,888	5441,0	87,4	100,4
Субрегионы Севера					
Республика Алтай	27,634	29,655	31,4	113,6	105,9
Республика Бурятия	148,082	105,912	92,8	62,7	87,6
Забайкальский край	42,512	23,168	20,2	44,4	87,2
Красноярский край*	264,544	217,739	201,0	76,0	92,3
Пермский край	45407	32,212	27,8	61,2	86,3
Приморский край	131,901	108,284	96,0	72,8	88,7
Хабаровский край	750,749	564,097	505,4	67,3	89,6
Амурская обл.	185,024	105,170	92,7	50,1	88,1
Иркутская обл.	783,663	588,767	523,5	66,8	88,9
Томская обл.	267,329	207,527	189,0	70,7	91,1
Тюменская обл.	18,861	19,452	19,3	102,3	99,2
Итого	2665,706	2001,983	1799,1	67,7	89,9
Север без АЗРФ	8894,610	7422,871	7243,1	81,4	97,6
Регионы АЗРФ					
Мурманская обл.	1164,586	796,117	741,4	63,7	93,1
Ненецкий АО	53,912	42,628	44,1	81,8	103,5
Ямало-Ненецкий АО	494,844	522,904	544,4	110,0	104,1
Чукотский АО	163,934	50,526	50,3	30,7	99,6
Итого	1877276	1412175	1380,2	73,5	97,7
Субрегионы АЗРФ					
Республика Карелия	182,484	130,067	112,6	61,7	86,6
Республика Коми	375,998	191,300	153,7	40,9	80,3
Республика Саха (Якутия)	150,103	73,908	67,7	45,1	91,6
Красноярский край	391,730	237,492	236,7	60,4	99,7
Архангельская обл.	878,124	691,170	667,5	76,0	96,6
Итого	1978,439	1323,937	1238,2	62,6	93,5
АЗРФ	3855,715	2736,112	2618,4	67,9	95,7

* без арктических территорий.

Рассчитано по данным Росстата, региональной и муниципальной статистики.

Таблица 5

Динамика численности населения субрегионов Севера и Арктики, тыс. чел.

Субрегион	1989	2010	На 01.01.2020	2020 г., % к	
				1989	2010
Всего	5306,503/100	4146,047/100	3936,7/100	74,2	95,0
в т. ч. Север*	3328,064/62,7	2822,110/68,1	2698,5/68,5	81,1	95,6
Республика Карелия*	607,666/79,6	515,151/79,8	501,5/81,7	82,5	97,4
Республика Коми*	874,849/69,9	710,342/78,8	666,8/81,3	76,2	93,9
Республика Саха (Якутия)*	943,962/86,3	884,620/92,3	904,3/93,0	95,8	102,2
Архангельская обл.*	637,643/42,1	494,258/41,7	424,9/38,9	66,6	86,0
Красноярский край**	264,544/40,3	217,739/47,8	201,0/45,9	76,0	92,3
АЗРФ	1978,439/37,3	1323,937/31,9	1238,2/31,5	62,6	95,2
Республика Карелия**	182,484/20,4	130,067/20,2	112,6/18,3	61,7	86,6
Республика Коми**	375,998/30,1	191,300/21,2	153,7/18,7	40,9	80,3
Республика Саха (Якутия)**	150,103/13,7	73,908/7,7	67,7/7,0	45,1	91,6
Архангельская обл.**	878,124/57,9	691,170/58,3	667,5/61,1	76,0	96,6
Красноярский край**	391,730/59,7	237,492/52,2	236,7/54,1	60,4	99,7

* субрегионы Севера без арктических районов.

** субрегионы АЗРФ.

Под чертой доля субрегиона в субъекте РФ.

В абсолютном отношении северные субрегионы с 1989 по 2020 гг. потеряли 629,6 тыс. чел., арктические значительно больше — 740,2 тыс. чел. при снижении, равном 1369,8 тыс. чел.

Заключение

Динамика численности населения Севера и Арктики в советский период в большей степени определялась не рождаемостью и смертностью, а миграцией. В настоящее время основным источником воспроизводства населения является естественный прирост, который как миграция отличается значительной дифференциацией, что позволяет выделить в воспроизводственном процессе населения северных и арктических регионов и субрегионов в постсоветский период три модели его формирования:

1) регионы, имевшие положительный естественный и на значительном временном отрезке механический прирост, которые позволили обеспечивать демографический рост (Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий автономные округа);

2) регионы и субрегионы, имевшие положительный естественный прирост и отрицательное сальдо миграции, что позволило после спада в 1990-е гг. стабилизировать численность населения (республики Тыва и Саха (Якутия), субрегион Республики Алтай, Ненецкий автономный округ, Красноярский субрегион);

3) регионы и субрегионы, имевшие естественную убыль за исключением отдельных лет и отрицательное сальдо миграции, что обусловило сокращение их человеческого потенциала (большинство регионов и субрегионов).

Благодарность

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уро РАН на 2021–2023 гг.

Список источников

[1] Современная парадигма освоения и развития Арктической зоны Российской Федерации / А. И. Татаркин, Е. А. Захарчук, В. Г. Логинов // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). С. 4–13.

[2] Логинов В. Г. Природно-ресурсные районы Севера: проблемы освоения и развития // Журнал экономической теории. 2010. №. 3. С. 119–131.

References

[1] The modern paradigm of development of the Arctic zone of the Russian Federation / A. I. Tatarkin, E. A. Zakharchuk, V. G. Loginov // Arctic: Ecology and Economy. 2015. No. 2(18). Pp. 4–13.

[2] Loginov V. G. Natural resource areas of the North: problems of development and development // Russian journal of economic theory. 2010. No. 3. Pp. 119–131.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-15>
УДК 314.92(470.13)
JEL J10

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КОМИ В 1920-Е ГОДЫ¹

У. В. Лыткина

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Автор для корреспонденции: У. В. Лыткина (ulytkina@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются расселение и этнический состав населения, проживавшего в 1920-х гг. на территории современной Республики Коми. Данные Всероссийской переписи населения 1920 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. в разрезе 105 волостей позволили изучить характеристики населения на местном уровне, включая динамику численности, половозрастной и национальный состав. Выявлены закономерности пространственного развития населения. Оценено влияние удаленности от центров расселения на демографическую динамику.

Ключевые слова: переписи населения, расселение, Республика Коми, автономная область Коми, волости

Ethno-Demographic Landscape of Komi Autonomous Oblast in the 1920s

U. V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of RAS (Syktuykar, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>
Corresponding author: U. V. Lytkina (ulytkina@yandex.ru)

Abstract. The article examines the settlement and ethnic composition of the population living in the 1920s on the territory of the modern Komi Republic. Based on the data of the All-Russian Population Census of 1920 and the All-Union Population Census of 1926 for 105 municipalities, the study identifies the characteristics of the population at the local level, including the population dynamics, gender, age and national composition. The text reveals the spatial development patterns. The influence of remoteness from settlement centres on demographic processes is assessed.

Keywords: population census; settlement; Komi Republic; Komi autonomous oblast; volosts

Введение

Республика Коми — северный ресурсодобывающий регион, население которого формировалось несколькими волнами. Коренное население региона занималось преимущественно сельским хозяйством и промыслами. В XX в. к ним добавились сначала лесозаготовительные поселки, затем были организованы добыча угля, нефти и природного газа. Каждая волна заселения вносила вклад в этнодемографический состав, изменяла систему расселения, сдвигала экономическую активность в новые районы

¹ © Лыткина У. В. Текст. 2022.

освоения. Всероссийская перепись населения 1920 г. и Всесоюзная перепись 1926 г. — два важнейших источника данных о населении региона, зафиксировавших ситуацию до индустриализации и коллективизации, масштабных миграций и создания исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, которые кардинальным образом изменили состав и размещение населения.

Основные тенденции демографических процессов Республики Коми в начале XX в. обобщены в коллективных монографиях [1, 2]. А.М. Таскаев опубликовал документы и материалы, связанные с подготовкой и проведением переписей населения 1920 и 1926 гг. [3]. Н.П. Безносовой рассмотрены результаты пересчетов итогов переписи 1926 г., предложены дополнительные корректировки соотношения городского и сельского населения [4], изучена структура населения автономной области Коми по полу и возрасту [5].

В большинстве случаев анализ статистики на региональном и субрегиональном уровнях дает достаточную степень детализации для описания демографических тенденций. В России обычно изучают субъекты Федерации, городские округа и муниципальные районы [6, 7]. Однако на Севере некоторые районы настолько огромны, что такой детализации бывает недостаточно. Экономическая специализация внутри районов часто неоднородна, что требует использования другой исследовательской оптики. Поэтому демографические процессы изучают либо в привязке к координатам в пространстве [8], либо на уровне муниципальных образований или населенных пунктов [9].

Население автономной области Коми 1920-х гг. подробно рассмотрено на уровне регионов и уездов. Однако изучению дифференциации демографических процессов между волостями и населенными пунктами уделялось намного меньше внимания. В данной статье население автономной области Коми 1920-х гг. будет рассматриваться на уровне волостей, которые были основными административно-территориальными единицами низового уровня в Российской империи и до 1929 г. сохранялись в Советском Союзе [10]. Так, в СССР на начало 1922 г. было 15 072 волости и аналогичных по статусу территориальных единицы.

Данные

Автономная область Коми (Зырян) была образована в августе 1921 г., а 2 мая 1922 г. территория была уточнена декретом ВЦИК № 389 «Об административном делении Автономной Области Коми». Область делилась на 4 уезда (Усть-Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Вымский, Печорский) в составе города Усть-Сысольска (современного Сыктывкара) и 100 волостей. В последующие годы произошли многочисленные изменения в административно-территориальном устройстве региона [11].

В итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г. выделяются 1 город и 96 волостей в 4 уездах. Разница с 1922 г. объясняется, с одной

Таблица 1

**Административно-территориальные единицы автономной области Коми
в середине 1920-х гг.**

2 уровень	1 уровень
<i>Автономная область Коми (Зырян)</i>	
Усть-Сысольский уезд	1 город: Усть-Сысольск 27 волостей: Верхолузская, Визингская, Вотчинская, Вильгортская, Гривенская, Зеленецкая, Кажымская, Киберская, Кодзвильская, Койгородская, Летская, Лоемская, Межадорская, Ношульская, Ньючимская, Объячевская, Пажгинская, Палаузская, Пыёлдинская, Слободская, Спаспуробская, Ужгинская, Чёрнышевская, Читаевская, Чухлэмская, Шошкинская, Ыбская
Усть-Куломский уезд	28 волостей: Аныбская, Богородская, Большелугская, Важкурская, Визябожская, Вомынская, Вочевская, Деревянская, Извайльская, Керчомская, Корткеросская, Маджская, Мординская, Мыёлдинская, Нёбдинская, Нившерская, Пезмогская, Подъельская, Пожегодская, Позтыкеросская, Помоздинская, Ручевская, Савиноборская, Сторожевская, Троицко-Печорская, Усть-Куломская, Усть-Немская, Шугерская
Усть-Вымский уезд	21 волость: Айкинская, Важгортская, Гамская, Глотовская, Ёртомская, Жешартская, Няжпогостская, Коквицкая, Косланская, Онежская, Палевицкая, Прокопьевская, Селибская, Серёгово-Горская, Серёговская, Турьинская, Усть-Вымская, Часовская, Чупровская, Шошецкая, Ыбская
Ижмо-Печорский уезд	20 волостей: Бакуринская, Большеземельская*, Брыкаланская, Верхне-Усинская, Галовская, Гамская, Ижемская, Кедвавомская, Кипиевская, Колвинская, Красноборская, Мохчинская, Мошьюгская, Няшабожская, Сизябская, Усть-Кожвинская, Усть-Лыжинская, Усть-Усинская, Усть-Ухтинская, Щельяюрская
<i>Архангельская губерния</i>	
Печорский уезд	5 волостей: Бугаевская, Ёрмицкая**, Пижемская, Росвинская, Усть-Цилемская***
Мезенский уезд	1 волость: Пысская
<i>Вятская губерния</i>	
Халтуринский уезд	1 волость: Слудская
<i>Уральская область</i>	
Ныробский район	2 сельсовета: Курьинский, Усть-Уньинский

Составлено по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 311, 353, 429; НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15–22; итоги переписи населения 1926 г. по Вятской губернии; списки населенных мест Архангельской (1922 г.), Уральской (1928) губерний и Коми области (1930).

Примечания: * — большая часть территории в 1929 г. вошла в Ненецкий округ; ** — в 1924 г. присоединена к Пустозерской волости; *** — в 1924 г. к Усть-Цилемской волости присоединены Бугаевская, Пижемская и Росвинская волости.

стороны, тем, что были выделены Кодзвильская волость вблизи Усть-Сысольска и Большеземельская волость, охватывавшая одноименную тундру на севере региона. С другой стороны, ВЦИК отменил передачу 6 волостей Архангельской губернии, т. к. экономически они больше тяготели к Архангельску. В 1929 г. они, объединенные в Усть-Цилемскую волость и Ёрмицкий сельсовет, все-таки вошли в состав Коми автономии. В том же году в Коми АО были переданы Пысская волость из Архангельской губернии и Слудская волость из Вятской губернии. Наконец, в 1931 г. Президиум ВЦИК принял решение о передаче Курьинского и Усть-Уньинского сельсоветов из Уральской области, но выполнено это решение было существенно позже, в конце 1940-х гг. [11].

Всего удалось систематизировать данные по 105 волостям (сельсоветам), расположенным на территории современной Республики Коми. Основными источниками данных стали материалы и итоги переписей населения 1920 и 1926 гг. из Национального архива Республики Коми. Однако использовались также списки населенных мест нескольких регионов (табл. 1). Географические координаты центров волостей, полученные из Геопортала Республики Коми, позволили построить карты этнодемографического развития автономной области Коми в 1920-е гг. Для визуализации также использовались пространственные данные проекта Natural Earth.

Результаты и обсуждение

Большая часть Республики Коми в 1920-е гг. имела линейную систему расселения вдоль рек: Вычегда, Сысола, Вымь и Луза. Три южных уезда региона (Усть-Сысольский, Усть-Куломский и Усть-Вымский) образовывали плотную систему расселения. Остальные волости также расположены в основном вдоль рек (Печора, Ижма и Мезень), но характер расселения ближе к очаговому. Волости находятся на относительно большом расстоянии друг от друга. Пространственную локализацию имеют и показатели этнического состава населения

Рисунок 1 демонстрирует расселение коми (зырян) в 1926 г., когда удельный вес коми в населении был выше 90 % в 84 волостях (80 %). Русские в то же время превышали 90 % численности населения всего в восьми волостях (рис. 2). Эти волости характеризуются либо особым пространственным расположением, либо нетипичной экономической специализацией. В двух из них (Кажымская и Нювчимская волости) было фабричное производство. Они специализировались на производстве чугуна и чугунолитейных изделий. Еще три волости были расположены в районе Усть-Цильмы, месте проживания русских староверов. Остальные две волости (Курьинская и Усть-Уньинская) вошли в состав коми автономии из Уральской области. Русские преобладали еще в Лоемской волости. Смешанное коми и русское население проживало в девяти волостях. В двух волостях преобладали коми и ненцы (самоеды). Это Колвинская волость (27 % коми и 70 % ненцев)

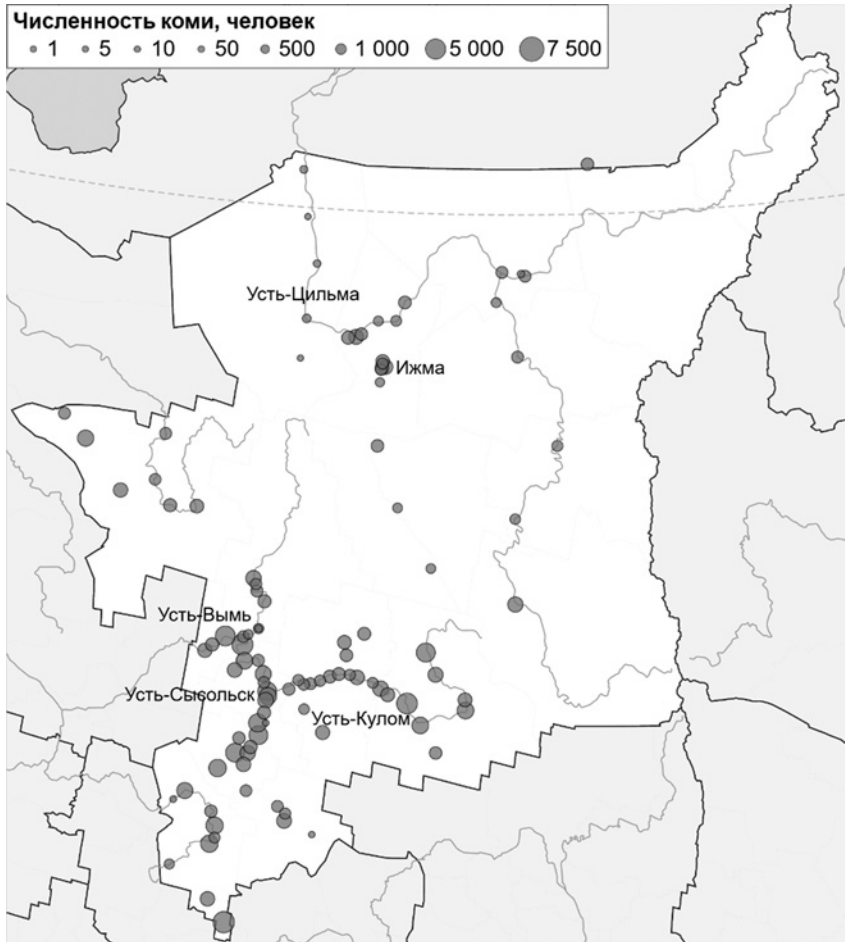

Рис. 1. Численность коми (зырян) по волостям на территории современной Республики Коми, 1926 г. (по: Составлено по: НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15–22; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 353, л. 3–4; итоги переписи населения 1926 г. по Вятской губернии; списки населенных мест Архангельской (1922 г.), Уральской (1928) губерний и Коми области (1930); Геопортал Республики Коми. Примечание. Круги расположены в местах размещения административных центров волостей. Размеры кругов пропорциональны численности населения коми национальности)

и Большеземельская волость (55 % коми и 44 % ненцев), территории которой входят в границы современной Республики Коми только частично.

Рассматривая пространственное размещение населения, проследим, каким образом расположение волостей относительно регионального

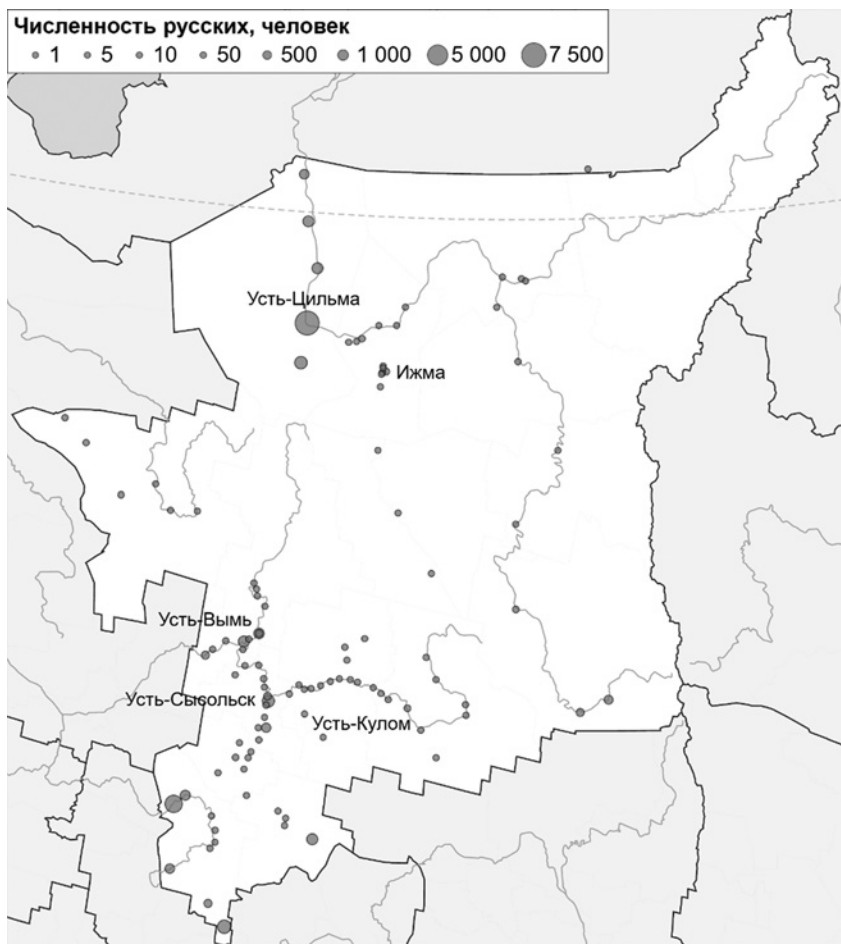

Рис. 2. Численность русских по волостям на территории современной Республики Коми, 1926 г. (по: Составлено по: НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15–22; НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 353, л. 3–4; итоги переписи населения 1926 г. по Вятской губернии; списки населенных мест Архангельской (1922 г.), Уральской (1928) губерний и Коми области (1930); Геопортал Республики Коми)

центра (Усть-Сысольска) влияло на демографическую динамику 1920–1926 гг. (рис. 3). В целом по выборке наблюдается закономерность — чем больше расстояние от волости до города, тем выше прирост численности волости. Коэффициент линейной корреляции Пирсона составил 0,57 по 104 волостям. Если самые близкие к Усть-Сысольску и самые удаленные волости росли, то волости с нейтральной динамикой (изменение в пределах

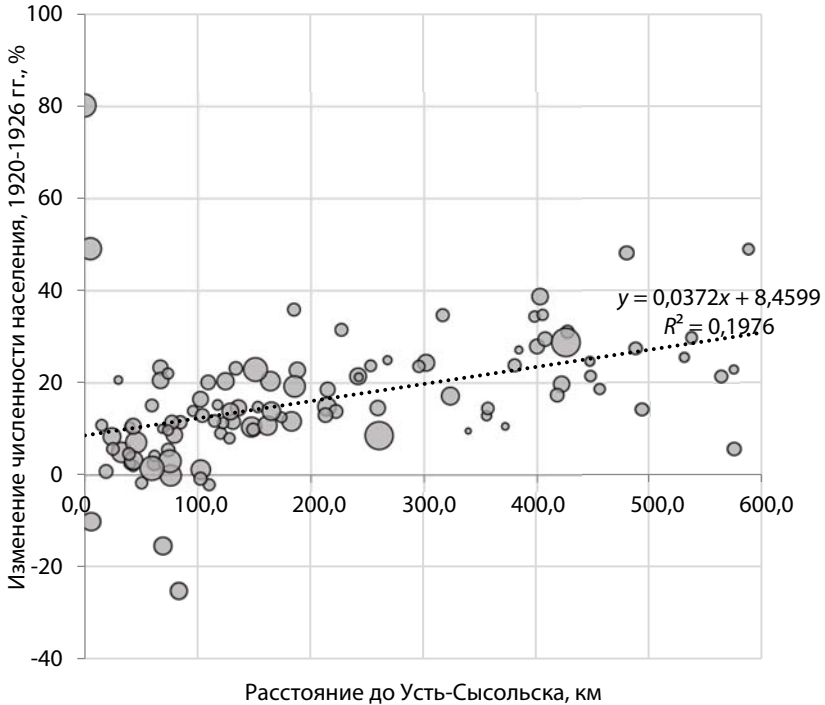

Рис. 3. Зависимость изменения численности населения волостей автономной области Коми в 1920–1926 гг. от расстояния до Усть-Сысольска (по: Составлено по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 311, 353, 429; НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15–22; итоги переписи населения 1926 г. по Вятской губернии; списки населенных мест Архангельской (1922 г.), Уральской (1928) губерний и Коми области (1930); Геопортал Республики Коми)

5 %) локализованы на расстоянии от 19 до 110 км от Усть-Сысольска. Только в трех волостях убыль превысила 5 %: Выльгортская (–10,2 %), Вотчинская (–15,4 %) и Пыёлдинская (–25,2 %) волости.

Собранные на уровне волостей данные позволяют оценить, каким был демографический профиль волости автономной области Коми в 1920-х гг. Также можно оценить разброс демографических показателей по волостям и сделать выводы о степени равномерности развития населения автономной области Коми (табл. 2). Медианное значение показывает, какой была среднестатистическая, наиболее типичная волость. Вариация показателя отражает относительную степень разброса.

Типичная волость автономной области Коми в 1926 г. имела население около 1,7 тыс. чел. Причем с 1920 г. средняя людность выросла на 14,5 %. В одном дворе жили в среднем 4,5 человека, причем преобладали женщины (53,9 %). Существенное преобладание мужчины было только

**Статистика демографического развития волостей автономной области Коми
в 1926 г.**

Показатель	Минимум	Медиана	Максимум	Вариация
Численность населения, чел.	382	1731	7784	0,62
Изменение численности с 1920 г., %	-25,2	14,5	49,1	0,79
Населения на 1 двор, чел.	3,3	4,5	6,4	0,13
Удельный вес коми (зырян), %	0,0	99,2	100,0	0,34
Удельный вес русских, %	0,0	0,8	100,0	2,36
Удельный вес мужчин, %	33,0	46,1	53,6	0,06
Доля населения моложе рабочего возраста, %	35,6	43,1	52,5	0,07
Доля населения в рабочем возрасте, %	37,2	47,6	54,4	0,06
Доля населения старше рабочего возраста, %	5,5	9,3	14,0	0,17

Рассчитано по: НА РК, ф. Р-140, оп. 1, д. 311, 353, 429; НА РК, ф. Р-3, оп. 1, д. 253, л. 15-22; итоги переписи населения 1926 г. по Вятской губернии; списки населенных мест Архангельской (1922 г.), Уральской (1928) губерний и Коми области (1930).

Примечание: город Усть-Сысольск в расчетах не учитывался. Данные о возрасте рассчитаны только для волостей, входивших в 1926 г. в автономную область Коми.

в Большеземельской волости. Было примерно одинаковое соотношение населения рабочего возраста (мужчины в возрасте от 18 до 59 лет и женщины в возрасте от 16 до 54 лет) и более молодого населения при низком удельном весе старших возрастов (9,3 %). Самая высокая доля населения рабочего возраста была в Усть-Сысольске.

Статистика демонстрирует, что показателем с самой высокой степенью вариации была доля русских. Это связано с тем, что этнически смешанное население было в очень небольшом числе волостей. Показатели состава населения по полу и возрасту были похожи как в коми, так и в русских волостях. Для высокой пространственной неоднородности демографических процессов еще не существовало экономических оснований. Сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики в 1920-х гг. почти по всему региону. Помимо Усть-Сысольска всего два населенных пункта были фабричными поселками: Кажым (982 жителей) и Ньючим (715 жителей). На заводах был неустойчивый объем производства из-за устарелости и изношенности оборудования, примитивных технологий. Общая стоимость заводской продукции в 1924–1925 гг. составляла всего около 1 % валовой продукции хозяйства и была на 42 % ниже довоенной [12]. Активная индустриализация с применением принудительных миграций начнется на рубеже десятилетий. Лесозаготовки становились важной отраслью экономики, но их объемы еще были относительно низкими, а к труду привлекалось местное население. В период 1924–1925 гг. на лесозаготовки была

привлечена 21 тыс. крестьян-сезонников, а в 1927–1928 гг. — около 30 тыс. [13, с. 62].

Выводы

Население большинства волостей независимо от национального состава имело похожие модели демографического поведения, обусловленные традиционной экономикой. В последующие десятилетия демографические процессы в сельских территориях Республики Коми потеряют такую однородность, будут определяться экономической специализацией поселений [14]. Исследование демографии автономной области Коми на уровне волостей позволило детально проанализировать этнодемографический ландшафт региона, выявить основные закономерности в пространственном размещении населения.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания-ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011 «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России».

Список источников

[1] Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В. Я. Сквозников, И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер и др. Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2001. 175 с.

[2] Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова. Сыктывкар, 2001. 124 с.

[3] *Таскаев А. М.* Подготовка, проведение и итоги Всероссийской переписи 1920 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. в Коми автономной области: документы и материалы // Историческая демография. 2018. № 1 (21). С. 77–93.

[4] *Безносова Н. П.* Численность населения Коми автономной области в 1926 году: проблема отсутствия единства данных в источниках и историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2017. № 4 (32). С. 88–94.

[5] *Безносова Н. П.* Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 43–48.

[6] *Петросян А. Н., Шевчук Е. И., Кириллов П. Л., Мозгунов Н. А.* Географические особенности старения населения России // Демографическое обозрение. 2019. № 6 (2). С. 55–83. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872>.

[7] *Петросян А. Н.* Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. 2021. № 8 (3). С. 4–73. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>.

[8] *Stjernberg M., Penje O.* Population Change Dynamics in Nordic Municipalities — Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. Stockholm : Nordregio, 2019. DOI: <https://doi.org/10.30689/R2019:1.1403-250>.

[9] *Chaika E. E., Mizerovskaya U. V.* Modern features and tendencies of population settlement in the Far Eastern regions of the Russian Far North // *Population and Economics*. 2021. No. 5 (1). P. 20–39. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e60443>.

[10] *Тронов И. А.* Проблемы организации и функционирования волостных органов власти в России в 1917–1918 гг. // *Общество. Среда. Развитие (TerraHumana)*. 2011. № 2. С. 38–42.

[11] *Жеребцов И. Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // *История Коми с древнейших времен до современности*. Т. 2. Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. С. 264–271.

[12] Индустриальное развитие Коми АО в 20-е годы / А. Н. Турубанов, Н. И. Сурков, Т. А. Киросова и др. // *История Коми с древнейших времен до современности*. Т. 2. Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. С. 330–341.

[13] Республике Коми — 90 лет / В. Я. Сквозников, О. И. Конакова, Ж. А. Свиряева и др. Сыктывкар : Комистат, 2011. 420 с.

[14] *Лыткина У. В.* Влияние экономической специализации поселений на этнодемографические процессы в Республике Коми // *Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума*. Т. I. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 116–123. DOI: <https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-15>.

References

[1] The population of the Komi Republic: past, present, future (what the censuses tell) / V. Ya. Skvoznikov, I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer et al. Syktyvkar: Komistat, 2001. 175 p.

[2] The Komi Republic in the 20th century: demography, settlement, migration / V. V. Fauzer, E. N. Rozhkin, G. V. Zagainova.. Syktyvkar, 2001. 124 p.

[3] *Taskaev A. M.* Preparation, conduct and results of the All-Russia census of 1920 and the All-Union census of 1926 in the Komi Autonomous Oblast: documents and materials // *Historical Demography*. 2018. No. 1(21). Pp. 77–93.

[4] *Beznosova N. P.* Population of the Komi Autonomous Region in 1926: the problem of lack of unified data in sources and historiography// *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4(32). Pp. 88–94.

[5] *Beznosova N. P.* Age and sex structure of the population of the Komi Autonomous Region (ASSR) in the 1920–1930s // *Historical Demography*. 2013. No. 1(11). Pp. 43–48.

[6] *Petrosian A., Shevchuk E., Kirillov P., Mozgunov N.* geographical features of Russia's population ageing // *Demographic Review*. 2019. No. 6(2). Pp. 55–83. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872>.

[7] *Petrosian A.* Fertility at the municipal level in Russia, 2011–2019 // *Demographic Review*. 2021. No. 8(3), Pp. 42–73. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>.

[8] *Stjernberg M., Penje O.* Population Change Dynamics in Nordic Municipalities — Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. Stockholm: Nordregio, 2019. DOI: <https://doi.org/10.30689/R2019:1.1403-250>.

[9] *Chaika E. E., Mizerovskaya U. V.* Modern features and tendencies of population settlement in the Far Eastern regions of the Russian Far North // *Population and Economics*. 2021. No. 5(1). Pp. 20-39. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e60443>.

[10] *Tropov I. A.* Issues of volost authority organization and functioning in Russia in 1917–1918 // *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2011. No. 2. Pp. 38-42.

[11] *Zherebzov I. L.* Administrative-territorial and demographic changes in the Komi region in 20-30th XX century // *History of Komi from ancient times to the present*. P. 2. Syktyvkar: Anbur, 2011. Pp. 264-271.

[12] Industrial development of the Komi Autonomous Region in the 20s / A. N. Turubanov, N. I. Surkov, T. A. Kirosova et al. // *History of Komi from ancient times to the present*. P. 2. Syktyvkar: Anbur, 2011. Pp. 330-341.

[13] The Komi Republic is 90 years old / V. Ya. Skvoznikov, O. I. Konakova, Zh. A. Sviryaeva et al. Syktyvkar: Komistat, 2011. 420 p.

[14] *Lytkina U. V.* Impact of Economic Specialisation of Settlements on Ethno-Demographic Processes in the Komi Republic // *Paradigms and models of demographic development: collected works of XII Ural Demographic Forum. Volume I*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2021. Pp. 116-123. DOI: <https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-15>.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-16>

УДК 314.156

JEL J11, J15, Z13

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ С УЧЕТОМ ЧИСЛЕННОСТИ И ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

Э. В. Пешина

Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-4720-2502>

Автор для корреспонденции: Э. В. Пешина (peshina@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены промежуточные итоги анализа владения родным языком коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России по материалам переписей населения 1926 и 2010 г. с учетом численности и территории их проживания. Предложена группировка народностей с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика как на общегосударственном, так и на региональных уровнях. Основу группировки составила этнорегиональная идентичность. В исследовании использованы общенаучные методы факторного анализа, теории систем, сравнительно-исторического анализа. Важность сохранения разнообразия языков аргументирована тем, что Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период с 2022 по 2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов мира. Выводы исследования будут обновлены после публикации результатов Всероссийской переписи населения 2021 г.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, национальная идентификация, языковая ассимиляция

Proposals for the Revitalisation of Languages of the Indigenous Peoples of the Russian North, Siberia and the Far East Considering the Population Size and Areas of Residence

E. V. Peshina

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-4720-2502>

Corresponding author: E. V. Peshina (peshina@yandex.ru).

Abstract. The article presents the intermediate results of the analysis of the native language proficiency of the indigenous peoples of the Russian North, Siberia and the Far East based on the censuses of 1926 and 2010, considering the population size and areas of residence. Individual policies at the national and regional levels should be developed in accordance with a proposed grouping of nationalities with the corresponding languages. The grouping was based on ethno-regional identity. General scientific methods of factor analysis, systems theory, comparative historical analysis were used. The importance of preserving the diversity of languages is substantiated by the proclamation of the International Decade of Indigenous Languages 2022-2032 by the UN

¹ © Пешина Э. В. Текст. 2022.

General Assembly. The research findings will be updated after the publication of the results of the All-Russian Population Census of 2021.

Keywords: indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; national identification; language assimilation

Введение

До настоящего времени в истории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (далее по тексту — КМНС) остается много «белых пятен», дискуссионных в различных направлениях наук: региональная экономика, экономика труда, экономика народонаселения и демография, экономика природопользования и т. д.

В связи с перспективами развития арктической зоны и освоения огромных природных запасов активизировались исследования, базирующиеся на информации, хранящейся в фондах российских библиотек и архивах различных российских организаций.

Среди последних крупных международных проектов, по результатам которых опубликованы научные работы: «Советские экспедиции полярной переписи 1926–1927 гг.» [1]; «От пыли к цифрам: десятилетняя программа исчезающих архивов» [2] и др.

Проблематику коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России изучают ученые Латвии [3], Канады [4], Германии [5] и др.

Инициативных российских исследований по КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока немного, как и грантовых публикаций: Ф. Х. Соколова [6]; монография ученых Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [7]; Е. А. Пивнева [8]; А. Л. Арефьев [9]; А. В. Головнев, Т. С. Киссер [10], Н. А. Филиппова [11] и др.

Представлены результаты исследования с целевой установкой: формулировка ключевых особенностей трансформации личной национальной идентификации народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с Приполярной переписи 1926–1927 гг. до последней всероссийской переписи населения 2010 г. и предложения по ревитализации языков КМН.

Для достижения поставленной цели было выбрано три базовых параметра, по которым у ученых, исследующих «национальную идентификацию», нет разногласий: язык, численность и территория.

Язык как основа национальной идентификации выделяется учеными с XVIII в. [12, с. 31]. При первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. «национальности не входили в перечень вопросов, а население распределялось по родному языку» [13, с. 253].

По результатам исследования были сформулированы выводы о необходимости поиска новых методов и моделей государственного и регионального управления этнонациональными вопросами. Предложена группировка народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика

по ревитализации языков как на государственном, так и на региональном уровнях.

1. Первый блок показателей — язык и численность населения.

В данном блоке было выделено два динамических ряда и коррелировано с языковой ситуацией по последней переписи населения 2010 г.:

а) результаты анализа численности КМНС с 1926 по 2010 г. по ВПН (всеобщая перепись населения / всероссийская перепись населения, далее по тексту — ВПН);

б) общие тенденции по численности населения, считающего родным языком: язык своей национальности или русский язык.

1.1. Рост численности по ВПН с 1926 г. по 2010 г. составил 30 % (с 198,921 тыс. чел. до 257,895 тыс. чел.; по современному перечню 40 народностей КМНС).

Все переписные листы переписей населения с 1926 по 2010 г. включали вопрос о народности / национальности по самоопределению опрашиваемого. В переписных листах 2010 г. к вопросу был дан комментарий: «По самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ», а также была предусмотрена формулировка «отказ от ответа». Национальную принадлежность детей до 14 лет называли родители (усыновители, опекуны, попечители или иные их законные представители). Таким образом, КМНС самостоятельно определяют свою национальность.

1.2. Тенденции по численности населения, считающего родным языком язык своей национальности или русский язык.

По КМНС имеется устойчивая тенденция к сокращению населения, считающего родным язык своей национальности (по 40 народностям в общей численности населения): 1926 г. — 87 %, 1959 г. — 73 %, 1970 г. — 66 %; 1979 г. — 61 %, 1989 г. — 53 %, в 2002 г. перепись не содержала вопроса о родном языке, 2010 г. — 34 %. Почти за 80 лет сокращение составило 53 % в относительном выражении.

В целом по КМНС имеется устойчивая тенденция к увеличению населения, считающего родным языком русский язык (по 40 народностям в общей численности населения): 1959 г. — 18 %, 1970 г. — 25 %; 1979 г. — 31 %, 1989 г. — 37 %, в 2002 г. перепись не содержала вопроса о родном языке, 2010 г. — 49 %. Таким образом, согласно последней переписи 2010 г., почти 50 % численности северных народов родным языком считают русский язык.

1.3. Самоидентификация КМНС по владению родным языком по ВПН–2010.

Этнос КМНС перешел на русский язык (свыше 90 % численности народностей считают родным языком русский): алеуты, ительмены, камчадалы, кереки, нивхи, ороки, орочи, тазы, тофалары, ульчи, чуванцы, чулымцы; или на государственный язык проживания (тувинцы-тоджинцы на тувинский язык Республики Тыва, сойоты на бурятский язык Республики Бурятия).

Результаты переписи населения 2021 г., скорее всего, «зафиксируют» исчезновение следующих языков: керекского, алюторского, чуванского, ороцкого. Под большим вопросом «живучести» остаются языки, на которых разговаривают менее 50 чел. на территории России: алеутский, энецкий, негидальский, орокский (ульта/уйльтра), чулымско-тюркский.

Согласно классификации ЮНЕСКО, существует шесть уровней степени угрозы существования языков: безопасный (*safe*), уязвимый (*vulnerable*), под угрозой (*definitely endangered*), серьезно уязвимый (*severely endangered*), критически уязвимый (*critically endangered*), вымерший (*extinct*). Согласно данной классификации на 2010 г. в России с 3-й по 6-ю группы выделен 131 язык, в т. ч. по языкам КМНС [14]:

— шестая группа (вымершие языки): керекский, алюторский, чуванский, сойотский;

— пятая группа (критически уязвимые языки): ительменский, юкагирский, алеутский, нивхский, энецкий, селькупский, негидальский, ульчский, орокский (ульта/уйльтра), удэгейский, ороцкий, чулымско-тюркский, тофаларский, саамский.

Таким образом, из 40 языков этноса КМНС 4 языка (10 %) отнесено к вымершим и 14 языков (35 %) к критически уязвимым.

Начиная с 2002 г. в переписи населения происходит официальное «добавление» языков для групп национальностей. Так, например, для коряков параллельно корякскому добавлен алюторский; для кетов параллельно кетскому добавлен хантыйский и югский и т. д.

Итак, согласно классификации ЮНЕСКО, 45 % языков КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока находятся в 5-й и 6-й группах.

Высокие показатели, по сравнению с другими народами, на уровне свыше 30 % владеющих языком своей национальности, наблюдаются только по трем народностям: ненцы — 43,8 %; вепсы — 39,8 %; телеуты — 35,5 %.

2. Второй блок показателей: язык, численность населения и территория проживания. Данный блок показателей можно «проверить» через общие правила, сформулированные известным советским лингвистом В.А. Аврориним, автором многочисленных работ по народам Севера.

2.1. «Чем выше численность народа (и его компактность), тем больше простора для функционирования и функционального развития языка, и, наоборот, чем ниже численность народа (и его компактность), тем возможности развития языка ограничченнее» [15, с. 110].

Данное «правило» в современных условиях «не работает», что можно проиллюстрировать выборочными цифровыми данными: по восемь народностей с максимальной и минимальной численностью за 2010 г. (табл. 1).

Согласно представленным данным таблицы 1, основанным на официальной статистической информации ВПН-2010, народности манси

Владение языком своей национальности по КМНС с максимальной и минимальной численностью по ВПН-2010

№ п/п	Народность	Численность по ВПН-2010, тыс. чел	Динамика численности 2010 г. к 1926 г., %	Владели языком своей национальности в общей численности национальности, %
<i>Народности с максимальной численностью</i>				
1	Ненцы	44,64	+154	43,8
2	Эвенки	37,843	-2	11,4
3	Ханты	30,943	+39	28,6
4	Эвены	22,383	+995	21,9
5	Чукчи	15,908	+29	28,7
6	Шорцы	12,888	+2	20,4
7	Манси	12,269	+113	6,8
8	Нанайцы	12,003	+105	6,6
<i>Народности с минимальной численностью</i>				
1	Энцы	0,227	-9	15,9
2	Алеуты	0,482	+37	3,9
3	Челканцы	1,181	+38 (2010 к 2002)	24,3
4	Телеуты	2,643	+39	35,5
5	Кумандинцы	2,892	-54	18,0
6	Селькупы	3,649	+124	25,9
7	Нивхи	4,652	+14	3,9
8	Вепсы	5,936	-82	39,8

и нанайцы при положительной динамике численности с 1926 г. показывают крайне низкие показатели владения родным языком на фоне народностей: энцев, кумандинцев и вепсов с отрицательной динамикой населения.

Таким образом, в период с Приполярной переписи 1926/1927 гг. и до 2002 г. то, что считалось «правилом», в настоящее время не является показателем национальной идентификации.

2.2. «Благоприятность условий для функционального развития языка прямо пропорциональна степени территориальной компактности его носителей» [15, с. 108]: это второе «правило», сформулированное В.А. Аврориным.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, из 40 народностей, по которым имеются данные за 1959 г. и 2010 г., то есть за 51 отчетный год, значительные изменения в структуре расселения можно отметить только по вепсам, шорцам и эскимосам. По остальным народностям наблюдается привычная полувековая «оседлость» на территории.

Так, в 1959 г. почти 94 % народности вепсов проживало в Республике Карелия и Ленинградской области. В 2010 г. 94 % вепсов расселились на территории 6 субъектов: преимущественно в Республике Карелия (57,7 %), где для вепсов «предпринимаются усилия по возрождению народности», в Ленинградской области — 23,2 %, где до настоящего времени существуют «вепские деревни», почти 7 % в Вологодской области, 4,6 % в г. Москва, 1,4 % в Мурманской области, 0,8 % в Кемеровской области.

Еще раз можно отметить, что из 40 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока с 1926 до 2010 гг. наибольшее сокращение произошло именно по вепсам: 1926 г. — 32,784 тыс. чел., 2010 г. — 5,936 тыс. чел. (т. е. уменьшение почти в 5,5 раз). Шорцы в 1959 г. — 91,5 % численности народности проживали на территории Кемеровской области, в 2010 г. — 82,8 % проживали в Кемеровской области и 8,9 % в Республике Хакасия. Эскимосы с территории преимущественного проживания Чукотского АО (1959 г. — 95,8 %) переместились в Магаданскую область — 1,9 %, Хабаровский край — 1,2 %, Камчатский край — 0,8 %.

Во-вторых, возвращаясь к таблице 1 по народностям: манси и нанайцы с низкими показателями владения языком своей национальности — 6,8 % и 6,6 % соответственно за 50 отчетных лет не изменили территорию своего проживания — около 90 % народностей и в 1959 г., и в 2010 г. находятся на территории одного субъекта РФ.

В-третьих, можно отметить традиционную территорию проживания КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока (табл. 2), которая характеризуется низкой плотностью населения. Так, при среднем значении плотности населения по России 8,57 чел/км², плотность населения в Чукотском АО — 0,07 чел/км², Ненецком АО — 0,25 чел/км², Магаданской области и Республике Саха (Якутия) — 0,31 чел/км² и т. д.

Согласно данным таблицы 2 можно выделить следующее:

- 24 народности — около 63 % от общего числа 38 народностей (без аллюторцев и кереков), или 31 % (79,254 тыс. чел.) общей численности КМНС за 2010 г. на 80 % сосредоточено в одном субъекте РФ;

- 12 народностей — около 31 % общего числа народностей, или 37 % (94,365 тыс. чел.) общей численности преимущественно проживают на территории 2-х субъектов РФ;

- около 80 % эвенов проживают на территории трех субъектов РФ (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Камчатский край);

- около 80 % эвенков проживают на территории 4-х субъектов России (Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Красноярский край, Республика Бурятия).

На территории одного субъекта РФ (всего 14 субъектов РФ) сосредоточено около 80 % населения 24 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока:

- Иркутской области: тофалары (89,0 %);

- Камчатском крае: алеуты (83,2 %), камчадалы (80,5 %), коряки (83,5 %);

Группировка КМНС по размещению на территории РФ по ВПН–2010

Показатель	80 % населения народности проживают на территории:			
	одного субъекта РФ	двух субъектов РФ	трех субъектов РФ	четырёх субъектов РФ
Количество народностей	24	12	1 (эвены)	1 (эвенки)
% общего числа народностей (38 — без аляutorцев и кереков)	63	31	3	3
Количество, тыс. чел.	79,254	94,365	19,578	32,455
% общей численности 40 народностей по переписи 2010 г.	31	37	8	13
Число субъектов РФ, на которых проживают соответствующие народности	14	15	3	4

- Кемеровской области: телеуты (95,3 %), шорцы (82,8 %);
- Красноярском крае: нганасаны (93,6 %), энцы (97,4 %);
- Мурманской области: саамы (90,3 %);
- Приморском крае: тазы (92,3 %);
- Республике Алтай: теленгиты (98,3 %), тубалары (96,2 %), челканцы (94,2 %);
- Республике Бурятия: сойоты (99,2 %);
- Республике Саха (Якутия): юкагиры (79,9 %);
- Республике Тыва: тувинцы-тоджинцы (99,9 %);
- Сахалинской области: ороки (87,8 %);
- Хабаровском крае: нанайцы (91,7 %), негидальцы (93,6 %), ульчи (94,8 %);
- Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: манси (89,5 %);
- Чукотском АО: чуванцы (89,5 %), чукчи (80,3 %), эскимосы (88,0 %).

Таким образом, можно сформулировать очередной вывод, что и «второе правило», влияющее на национальную идентификацию, в настоящее время не является показательным.

Многие ученые указывают на необходимость поиска новых методов и моделей государственного и регионального управления этнонациональными вопросами.

«В России назрела острая необходимость формирования новой государственной политики в отношении КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока» [16, с. 138]; «в целом этнодемографическая ситуация в арктическом регионе требует разработки эффективной модели государственного и регионального управления этнонациональными процессами» [6, с. 163].

3. Предложения по ревитализации языков КМНС.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, функционирующая с марта 1990 г., в 2017 г. опубликовала Народную программу: Коренные 2021 «Земля, традиции, будущее» [17]. В данном документе продекларировано следующее:

— «Языки КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ отражают связь между прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, родные языки являются самым сильным инструментом сохранения и развития нашего материального и духовного наследия» [17, с. 8];

— «Разработать и принять программный документ, направленный на сохранение и развитие языков КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, предусматривающий разработку специальных программ и учебно-методических комплексов для обучения родным языкам по различным возрастным группам» [17, с. 8]. Программа не была реализована.

Автором настоящего исследования осуществлена группировка народностей с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика как на государственном, так и на региональном уровнях.

В основу должна быть заложена этнорегиональная идентичность. «Этнорегиональность — одна из уникальных особенностей российского общества, связанная с высокой степенью этнического смешения населения» [18, с. 194]. «Территориальная этничность может осуществиться лишь на основе этнизации индивидуальной идентичности населения страны» [19, с. 149].

Всего выделено пять групп.

Первая группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН–2010, считающие родным языком русский язык (более 90 % в общей численности народности), что отражено в таблице 3. Данную группу представляют 8 народностей с крайне малыми значениями владения языком своей национальности (от 0,5 до 5,1 % в численности народности) и «молодым» населением. Если средний медианный возраст по России по ВПН–2010 равен 38 годам [20, с. 28], то в данной группе ни одна народность не приблизилась к данному показателю. Средний расчетный медианный возраст по КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН–2010 составил 29,2 года.

В таблице 3 осуществлена дифференциация по проживанию народностей: на территории одного или двух субъектов РФ — для реализации или координации региональной политики.

Вторая группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН–2010, считающие родным языком язык своей национальности, свыше 35 % численности народности. Данную группу представляют 11 народностей в основном с положительной динамикой численности населения и молодым поколением.

Таблица 3

**Народности КМНС по ВПН–2010, считающие родным языком русский язык
(более 90 % в общей численности народности)**

№ п/п	Народность	Рост численности, 2010 г. к 1926 г., %	Владеют языком своей национальности в общей численности национальности, %	Медианный возраст, лет
Более 90 % общей численности народности родным языком называют русский				
<i>Положительная динамика роста численности населения</i>				
Свыше 80 % народности проживают на территории одного субъекта РФ				
1	Алеуты	+37	3,9	34,1
2	Ороки	+82	3,4	29,1
3	Тофалары	+84	1,4	27,5
4	Ульчи	+282	5,1	28,4
80 % народности проживают на территории двух субъектов РФ				
5	Нивхи	+14	3,9	27,5
<i>Отрицательная динамика роста численности населения</i>				
80 % народности проживают на территории двух субъектов РФ				
6	Ительмены	-24	1,8	30,4
7	Орочи	-8	0,5	27,3
8	Чулымцы	-46	4,8	33,7

В группе особый интерес представляют челканцы (горно-алтайская группа языков) с положительной динамикой численности населения. Челканский язык официально является бесписьменным, но 55 % численности народности называют его родным, а 24 % народности челканским языком владеет. Несмотря на владение русским языком 99 % челканцев, родным языком русский называют только 40 % численности народности.

Третья группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН-2010, считающие родным языком язык своей национальности, менее 35 % численности народности. В данной группе 13 народностей. Наибольшую тревогу в данной группе вызывают:

а) вепсы — отрицательная динамика численности населения, высокий уровень владения языком (39,8 % численности народности), но вепсский язык называют родным только 28 % численности народности. Для данной народности характерно старение населения. Медианный возраст — 54,8 лет — это максимальное значение среди 40 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока;

б) кумандинцы — отрицательная динамика численности населения и старение населения. Медианный возраст — 40,8 лет;

в) эвены — с 1926 г. по 2010 г. численность населения выросла с 2 тыс. чел. до 22,383 тыс. чел., или в 11 раз. Около 30 % численности народности (по последней переписи) родным языком называют русский. Считают родным языком эвенский (ламутский) 25 % численности народности,

а владеют им только 22 %. Ситуация усугубляется тем, что около 80 % народности проживает на территории трех субъектов РФ. Эвены по численности народности находятся на четвертой позиции после многочисленных среди КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцев, эвенков и хантов.

г) эвенки — отрицательная динамика численности населения, рассредоточенность народности на территории четырех субъектов РФ.

Четвертая группа — народности, официально перешедшие на другие языки и показывающие нулевые значения как по отношению к своему родному языку, оставшемуся в прошлом, и не владеющие им. В данной группе 6 народностей, являющихся в основном бесписьменными до настоящего времени и со средними значениями медианного возраста.

Пятая группа — народности, дошедшие до 2010 г. с численностью до 5 человек с бесписьменными языками, не признающие языка и не владеющие им: алюторцы и кереки.

Таким образом, 40 КМНС распределились:

- 8 народностей (20 % от 40) для которых родной язык заменил русский и которые более 90 % в общей численности населения родным языком называют русский язык;

- 11 народностей (28 % от 40) для большей трети численности которых родным языком был и остается национальный язык;

- 13 народностей (32 % от 40) для меньшей трети численности которых родным языком остается национальный язык. Данная группа крайне неоднородна по показателям динамики численности населения, расселением населения на территории РФ и с высокими показателями постарения населения;

- 6 народностей (15 % от 40), которые официально перешли на другие языки и оставили в прошлом признание и владение языком, поскольку до настоящего времени практически все являются бесписьменными;

- 2 народности (5 % от 40) с численностью до 5 человек, не знающие родного языка и являющиеся бесписьменными.

Заключение

С предложением пяти групп КМНС для разработки дифференцированной государственной и региональной политики по ревитализации языков не снижается роль и значение общественности в данном вопросе. Поэтому в заключение исследования приведем следующее высказывание: «Ревитализация языка — это долгосрочный процесс, который занимает несколько поколений и требует активной поддержки не только со стороны государства и представителей местной власти. Важнейшее условие для удачной языковой ревитализации — это интерес, энтузиазм и активность языкового сообщества в языковом планировании и в языковой работе. Ревитализация начинается в семье и в голове каждого индивидуального человека, и ее удача зависит от согласия людей взять на себя ответственность и вложить свои личные силы в этот процесс» [5].

Список источников

- [1] *Anderson D. G.* The 1926/27 Soviet Polar Census expeditions. New York : Berghahn Books, 2013. 332 p.
- [2] From dust to digital: ten years of the Endangered Archives Programme. Open Book Publishers. Cambridge : Open Book Publishers, 2015. 651 p.
- [3] Ethnicity, Memory and Social Anthropology. 2021. No. 16. 108 p.
- [4] *Ziker J. P., Anderson D. G.* Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // *Sibirica*. 2010. Vol. 9, No. 3. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2010.090301>.
- [5] *Шеллер Э.* Ситуация саамских языков в России // Языки и культура кольских саами ; под. ред. И. Б. Циркунова. Наука и Бизнес на Мурмане. 2010. № 2 (69). Мурманск : Мурманское областное книжное издательство, 2010. С. 15–27.
- [6] *Соколова Ф. Х.* Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.151>.
- [7] Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич и др.; отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Горячая линия — Телеком, 2019. 260 с.
- [8] *Пивнева Е. А.* Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 68. С. 109–115. (История). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15>.
- [9] Социология языка. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / А. Л. Арефьев; под ред. Г. В. Осипова. 3-е изд., пер. Москва : Изд-во Юрайт, 2020. 355 с.
- [10] *Головнев А. В., Киссер Т. С.* Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 80–89. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-80-89](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89).
- [11] *Филиппова Н. А.* Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 141–151. DOI: <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-141-151>.
- [12] *Миллер Г. Ф.* История Сибири: в 2 т. Москва : АН СССР, 1937–1941. Т. 1. 607 с.
- [13] *Имichelов А. В.* Народы Сибири во Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 250–254.
- [14] Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd ed./Ch. Moseley (ed.). Paris, 2010. UNESCO Publishing. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed: 19.04.2022).
- [15] *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград : Наука, 1975. 276 с.

[16] *Виноградова С. Н.* Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 127–139.

[17] Народная программа: коренные 2021 «Земля, традиции, будущее». Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Москва, 2017. 12 с. URL: http://raipon.info/documents/Docs_RAIPON/%D0%9D%D0%9F%202021+.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

[18] *Гашилова Л. Б., Набок И. Л.* Этнорегиональное образование на Севере: пути развития и модернизации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. (Изд-е 2-е, перераб. и доп.). Москва : Издание Совета Федерации, 2013. С. 191–201.

[19] *Соколовский С. В.* Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2005. Вып. 11. С. 144–167.

[20] Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Федер. служба гос. статистики. Москва : ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/peredpis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

References

[1] Anderson, D. G. The 1926/27 Soviet Polar Census expeditions. New York: Berghahn Books, 2013. 332p.

[2] From dust to digital: ten years of the Endangered Archives Program. Open Book Publishers. Cambridge: Open Book Publishers, 2015. 651 p.

[3] Ethnicity, Memory and Social Anthropology. 2021. No. 16. 108 p.

[4] *Ziker J. P., Anderson D. G.* Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // *Sibirica*. 2010. Vol. 9, No. 3. Pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2010.090301>.

[5] Scheller, E. The Saami languages situation in Russia // Languages and culture of the Kola Saami. Science and Business on Murman / ed. I. B. Tsirkunov. 2010. No. 2(69). Murmansk: Murmansk Regional Book Publishing House. Pp. 15–27.

[6] *Sokolova F. Kh.* Ethnic и demographic processes in the Russian Arctic// Arctic and North. 2015. No. 21. Pp. 151–164. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.151>.

[7] Is the death of the tongue the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring state // S. V. Sokolovsky, E. I. Filippova, I. L. Babich et al.; eds. E. I. Filippova, S. V. Sokolovsky. M.: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. Hotline — Telecom, 2019. 260 p.

[8] *Pivneva E. A.* Indigenous peoples of the North in the polycultural space of western Siberia: on the problem of ethnic identification// Tomsk State University Journal of History 2020. No. 68. Pp. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15>.

[9] Sociology of language. Languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: monograph / A. L. Arefiev; ed. G. V. Osipova. 3rd ed., trans. M.: Yurait Publishing House, 2020. 355 p.

[10] *Golovnev A. V., Kissler T. S.* Ethnicity projections of the indigenous minorities of Russia (web survey data) // Ural Historical Journal. 2021. No. 2(71). Pp. 80-89. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-80-89](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89).

[11] *Filippova N. A.* Modern institutions of indigenous peoples' law and the latest trends in their development in Russia // Surgut State University Journal. 2021. No. 2. Pp. 141-151. DOI: <http://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-141-151>.

[12] *Miller G. F.* History of Siberia: in 2 vols. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1937-1941. Vol. 1. 607 p.

[13] *Imihelov A. V.* Peoples of Siberia in the All-Union census of 1939 // Humanitarian vector. 2011. No. 4 (28). Pp. 250-254.

[14] Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd ed. / ed. Ch. Moseley. Paris, 2010. UNESCO Publishing. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed on 19.04.2022).

[15] *Avrorin V. A.* Problems of studying the functional side of the language (to the question of the subject of sociolinguistics). L.: Nauka, 1975. 276 p.

[16] *Vinogradova S. N.* Forming of the public policy with respect to the indigenous peoples: retrospective analysis // Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 2. Pp. 127-139.

[17] People's Programme: Indigenous 2021 «Land, Tradition, Future». The Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. M. 2017. 12 p. URL: http://raipon.info/documents/Docs_RAIPON/%D0%D0%D0%9F%202021+.pdf (accessed on 28.04.2022).

[18] *Gashilova L. B., Nabok I. L.* Ethno-regional education in the North: ways of development and modernization // Current state and ways of development of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. (Second edition, revised and enlarged). M.: Edition of the Federation Council, 2013. Pp. 191-201.

[19] *Sokolovsky S. V.* Institutes and practices of production and reproduction of ethnicity // Ethnology: problems, approaches, concepts. No. 11. M., 2005. Pp. 144-167.

[20] Socio-demographic image of Russia. 2010 Russia census results: official publication. Federal state statistics service. Moscow: IIC «Statistics of Russia», 2012. 183 p. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (accessed on 28.04.2022).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-17>
УДК 93/94.130.2
JEL D15

СТРАТЕГИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (на примере Пензенской губернии)¹

О. А. Сухова

Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия).
<https://orcid.org/0000-0003-0658-736X>

Автор для корреспонденции: О. А. Сухова (savtemp@yandex.ru)

Аннотация. На основе анализа делопроизводственной документации местных органов власти в статье рассматриваются проблемы трансформации региональной идентичности населения Пензенской губернии в условиях голода начала 1920-х гг. Предметом исследования выступает изучение влияния миграционной активности населения как стратегии демографического поведения на процессы социально-политической интеграции в регионе. Методологической основой работы является история повседневности и теория социального конструкционизма. Выявлена специфика трансформации пространства повседневности в территориальных рамках одного из российских регионов в период гуманитарной катастрофы. Получив статус «самопомогающей» и испытывая при этом серьезные продовольственные затруднения, Пензенская губерния стала воротами для потоков массовой голодной миграции, хлынувших по линиям железнодорожных путей сообщения из регионов Поволжья и Урала. В этих условиях успех социально-политической интеграции будет зависеть от консолидированного решения проблем продовольственного обеспечения населения и управления миграционными потоками.

Ключевые слова: движение населения, демографическое поведение, голод 1921 года, Пензенская губерния

Strategies of Demographic Behaviour in the Context of Famine in the First Half of the 1920s (On the Example of Penza Oblast)

O. A. Sukhova

Penza State University (Penza, Russia)
<https://orcid.org/0000-0003-0658-736X>

Corresponding author: O. A. Sukhova (savtemp@yandex.ru)

Abstract. The paper examines the transformation of the regional identity of the population of Penza oblast in the context of famine of the early 1920s using the records management documentation of local authorities. The study analyses the influence of the population migration activity as a strategy of demographic behaviour on the processes of socio-political integration in the region. The methodological basis of the work is the history of everyday life and the theory of social constructionism. The specificity of the transformation of the space of everyday life within the territorial framework of one of the Russian regions during the period of a humanitarian catastrophe has been revealed. After receiving the status of «self-helping» region and simultaneously experiencing serious food difficulties, the Penza province became a gateway for starving migrants that

¹ © Сухова О. А. Текст. 2022.

poured along the railway lines from the regions of the Volga and the Urals. In these conditions, the success of socio-political integration depended on a consolidated solution to the problems of food supply for the population and the management of migration flows.

Keywords: population movement; demographic behaviour; famine of 1921; Penza oblast

Введение

Вынужденные перемещения колоссальных людских масс, спровоцированные военными конфликтами и революционными потрясениями начала XX в., по своей длительности и масштабам претендуют на роль исключительного фактора экстремализации повседневности, определяют специфику и направленность деформаций, захватывавших равно как пространство территории, так и пространство населения. Изучение этого процесса особенно востребовано в условиях растущей миграционной активности и дестабилизации привычных социальных и культурных фреймов в современном мире. Отдельным ракурсом проблемы выступает столкновение региональной идентичности и миграционных волн, нарушающих целостность воспроизводства историко-культурного кода и произвольно перестраивающих оси социально-политической интеграции. Цель исследования заключается в изучении массовых перемещений населения в период продовольственных затруднений и голода начала 1920-х гг. как фактора трансформации региональной идентичности и конструирования локального сообщества в территориальных пределах Пензенской губернии.

Материалы и методы

Корпус источников сформировала делопроизводственная документация чрезвычайных структур регионального уровня — протоколы, отчеты, циркуляры, телеграммы Гумкомпомгола, созданного в августе 1921 г. в условиях гуманитарной катастрофы. С осени 1922 г. комиссия получила новое наименование — Губпоследгол, а в марте 1924 г. по решению Президиума Пензенского Губернского исполкома Совета Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ее функционал был передан Комиссии Содействия Сельскому Хозяйству (фонд р-298 Государственного архива Пензенской области). Данные о численности населения региона представлены в сборнике статистических сведений за 1920–1926 гг. В отчете Пензенского губернского исполнительного комитета, опубликованном в 1922 г., содержится описание отдельных стратегий демографического поведения населения в 1921–1922 г.

Система аргументации исследования строится на применении инструментария истории и культурологии повседневности, а также новой локальной истории и социального конструкционизма. «Практический» и «пространственный» повороты, зафиксированные в социальных и гуманитарных дисциплинах в последние десятилетия [1, с. 58–83; 2, с. 47], вооружают исследователя эффективными средствами декодирования

экстремальных поведенческих стратегий, закономерностей конструирования ментальных и пространственных структур саморепрезентации власти и локального сообщества.

Обзор литературы

Первые попытки научного осмысления факторов и специфики русского голода были сделаны современниками. В западной историографии констатация слабости политических и социальных институтов как основных причин голода постепенно обрела форму жесткого силлогизма [3, с. 71–73]. К началу 1920-х гг. относится и появление первых «психологических» теорий массового голодания [4].

Формирование исследовательских программ изучения голодной повседневности в отечественной историографии приходится уже на постсоветский период и совпадает с общим методологическим поворотом к антропологизации истории. Так, В.В. Кондрашиным разработана концепция голодного менталитета (системы представлений и поведенческих стереотипов) российского крестьянства [5, 6]. На примере голода в дореволюционной и советской России автор раскрывает стратегии солидаризации социального поведения в рамках крестьянской поземельной общины (система взаимоподдержки; крестьянское движение; составление приговоров; демонстративное обращение к властям с требованиями оказания помощи); а также экстремальные практики адаптации к голодному бедствию (массовые миграции в районы, не пораженные голодом; нищенство; употребление в пищу суррогатов; избирательность при распределении продуктов питания в семье; канибализм, трупоедство и т. д.) [6, с. 59–66].

Не менее интересной представляется концепция И.В. Нарского, рассматривающего движение населения в русской революции и Гражданской войне как фактор преобразования пространства (в отношении демографических потерь и вынужденной миграции) [2].

К изучению опыта масштабных миграционных процессов на территории России обращается И.Б. Белова [7]. Автор анализирует массовое беженческое (вынужденное) движение из западных прифронтовых районов Российской империи на восток в августе–декабре 1915 г. и процессы эвакуации, гарантированной беженцам уже Советской Россией с 1918 по 1925 гг. По данным И.Б. Беловой, беженцы-белорусы доминировали в общем потоке стихийной миграции из голодающего Поволжья. В общей сложности в 1921 г. западную границу России пересекли 686 049 человек. Именно эта среда демонстрировала устойчивую мобильность и волю к передвижению, тиражируя экстремальные практики, блокируя доступные пути передвижения [7, с. 345, 348].

Обсуждение

Оценивая возможные перспективы конструирования советской идентичности в пределах Пензенской губернии, следует исходить

из стартовых условий восстановления осей социально-политической интеграции. Пространство российской глубинки, зажатой между Центральным Черноземьем и Поволжьем и сохранившей за собой статус «проходного двора», к 1921 г. отражало истерзанную «белочешским мятежом», продотрядами, повстанчеством и вспышками дезертирства политически нестабильную и крестьянскую по своей сути культуру.

И все же именно голод стал самым деструктивным и экстремальным фактором движения населения. Согласно данным переписи 1920 г., в сельских населенных пунктах Пензенской губернии проживали 1 856 715 человек (или 92 % всего населения) [8, с. 35]. За 1921 г. численность сельского населения сократилась до 1 745 214, а за 1922 г. — до 1 673 993 человек, в т. ч. за 1921–1922 гг. число детей сократилось с 720 330 до 689 093, взрослых с 1 024 884 до 984 900 [9, л. 53].

Спецификой территориального положения региона выступал ее пограничный статус. Пензенская губерния считалась благополучной («самопомогающей») и не входила с перечень остро нуждающихся в продовольственном отношении регионов. Протоколами ЦК Последгол ВСНХ от ноября 1922 г. таковыми были отмечены 19 губерний и республик: ряд уездов УССР, Армении, Крыма, территории Бур-монгольской, Ферганской, Калмыцкой области, Башреспублики (Уфимской и Оренбургской губерний), Кирреспублики (Букеевская и Уральская губернии), Чувобласти, Татареспублики, Дагреспублики, Вотобласти, Немкоммуны, Вологодской, Самарской, Царицинской, Челябинской, Саратовской и Витебской губерний [10, л. 11]. Пенза приняла на себя первый удар приливной волны голодной миграции, что кардинально переписало все прежние протоколы взаимодействия власти и общества. Еще одной особенностью организации пространства повседневности становится ориентация потоков голодобеженцев по линиям железнодорожных путей сообщения.

Впрочем, ко времени голодных бедствий практики массовой миграционной активности уже утратили свою исключительность и стали рутинной, прорастая в структуры провинциальной повседневности. Так, за годы Первой мировой войны через территорию Пензенской губернии проследовали свыше 700 000 беженцев из западных губерний империи. Местные власти приняли для временного размещения и питания до 500 000 человек. Более 60 000 беженцев были распределены для проживания в городах и селах региона [11, с. 315].

Результаты

Несмотря на все попытки организовать перемещение голодающего населения в благополучные районы посредством выдачи нарядов и формирования эшелонов семантика языка голода передает характер стихийного бедствия, прорвавшего рамки политического и социального контроля: «просачивание неорганизованных групп беженцев голода»; «сильный наплыв голодобеженцев»; просить ВЦИК, чтобы он «принял

меры к недопущению проезда голодающих беженцев по Восточному участку Сызрано-Вяземской железной дороги из смежных мест Самарской и Саратовской губерний, ввиду того, что волны беженцев голода, уроженцев означенных местностей, непрерывно надвигаются на Пензу для прокормления» [12, л. 24, 58; 10, л. 36].

С запредельной концентрацией беженцев пришлось столкнуться станциям Пенза и Рузаевка, но самая тяжелая ситуация, близкая к гуманитарной катастрофе, сложилась в Саранске, вынужденно принявшего на себя миссию «ворот миграции». По данным Губкомпомгола от 20 апреля 1922 г., «Саранск не получает помощи из центра, служа как бы воротами для беженцев выселяющихся из Поволжья, Укомиссия сортирует их и могущих следовать дальше отправляют, а слабых оставляют у себя, их которых скопилось в настоящее время 600 человек. Всего голодных 8 751 человек взрослых и 14 500 детей» [12, л. 29]. На средства, полученные путем самообложения населения, на территории уезда было организовано 37 столовых для поддержки голодающего населения. Весьма показательным их территориальное размещение: «Часть столовых разбросана по границе Симбирского уезда». В связи с переселением беженцев в Саранский уезд была занесена эпидемия тифов, от которой погибло 2 817 человек, из них 1 130 детей. В целом к апрелю 1922 г. на почве голода в уезде умерло 7 853 человека, из них 750 детей [12, л. 29].

Голодный фронт расколол губернию на условно благополучные и бедствующие районы. Так, территории Саранского и Городищенского уездов, захваченные приливной волной голода, длительное время не включались в перечень остро нуждающихся и были лишены государственной поддержки. Самостоятельным травмирующим фактором социальной динамики становится «непризнание Цикпомголом Городищенского уезда голодающим» [12, л. 2]. Вместе с тем первые свидетельства об угрожающем положении Городищенского уезда поступили в Губпомгол 8 декабря 1921 г., из Саранского уезда — 16 января 1922 г. Уже к этому времени население девяти волостей Городищенского и почти всего Саранского уездов питалось суррогатами: желудями, мякиной, лебедой, травой и мясом павших животных [13, с. XXXVII]. В итоге к осени 1922 г. число трудовых хозяйств в уезде сократилось более чем на 1 200, численность рабочего скота — на 9 000 голов. За период с 1 января по 1 июня 1922 г. на территории Городищенского уезда было зарегистрировано 4 729 случаев голодной смерти [13, с. IV].

В октябре 1922 г. в Городищенском уезде насчитывалось 87 000 голодающих, из них 56 910 детей, в Саранском — 40 000, из них 21 000 детей. Питание от «АРА и Советской власти» получали лишь 8 000 человек, остальные же были «обречены на голод и смерть». Количество рабочего скота сократилось по сравнению с 1914 г. на 71 %, коров на 75 %. Питались суррогатами (лебедой и березовыми сережками) около 50 000 человек по одному только Городищенскому уезду [10, л. 81].

Делопроизводственная документация Губпомгола позволяет оценить эффективность практик локализации потоков миграционной активности и свидетельствует о ситуации глубочайшего управленческого кризиса: местные власти, оказавшиеся заложниками ситуации, явно не справились с валом проблем: «организовать отправку беженцев в хлебородные районы»; «принять срочные меры к разгрузке мест скопления беженцев»; «перегруженность вокзалов г. Пензы и Рузаевки»; «поручить Линпункту срочно отправить эшелон в 1700 человек, разрешив уплатить за ремонт вагонов премию натурой 10 пудов»; «скудность и антисанитария»; необходимость ежедневной госпитализации до 100 человек больных только из числа беженцев, размещенных в привокзальных казармах-бараках; разрастание масштабов стихийной миграции из уездов Пензенской губернии и т. д. [12, л. 17–18, 24]. В этих условиях все попытки решить проблему введением административного запрета на перемещения были обречены на провал: «Объявить уездам, что выезды из уездов и губернии для переселения временно запрещаются» [12, л. 24].

Отсутствие помощи извне, явная ограниченность в финансовых, материальных, продовольственных ресурсах, постоянный поиск дополнительных источников прогиводействия голоду фиксируют экстремальный характер повседневности власти. К этому добавился и хаос реорганизации структур, отвечавших за управление миграционными потоками. Как отмечает И.Б. Белова, в феврале 1920 г. Центральное управление по делам пленных и беженцев получило новое название и новый статус — Центрэвак (Центральное управление по эвакуации населения), аккумулировавший задачи по организации любых перемещений граждан [7, с. 327]. Спустя год уже Центрэвак объявил о своей ликвидации. Губернские и уездные управления по эвакуации населения продолжали действовать до марта 1922 г., после чего передали свои полномочия линейным эвакуационным пунктам, действовавшим при крупных железнодорожных станциях и обеспечивавших формирование эшелонов для массового перемещения людей (Линпункты). В 1922 г. в функционале последних эвакуация беженцев империалистической войны дополнилась организацией перевозок голодобеженцев. Но уже с 1 июля 1922 г. была прекращена бесплатная перевозка голодобеженцев в Европейской России, а с 1 августа — из Сибири. Во втором полугодии 1922 г. только сформированные эвакупункты также подверглись ликвидации [7, с. 357–358]. После этого задачи миграционной логистики на местном уровне были переданы Линейным переселенческим пунктам Наркомзема [14, л. 287], а также губернским комиссиям содействия сельскому хозяйству [16, л. 38].

Отнесение региона к категории «самопомогающих» не решало проблемы продовольственного обеспечения населения. Дополнительным обременением стало введение самообложения и дополнительных обязательств по содержанию беженцев. Так, 5 января 1922 г. Пензенский уисполком распорядился в срочном порядке начать сбор по 1 фунту хлеба со всех едоков

для организации питания голодающих. Соответствующее решение волисполкомов, направленное в сельские советы, в первый раз было оставлено без ответа, а повторное обращение встретило решительный отказ: «Граждане за неимением у них хлеба в категорической форме отказываются» [15, л. 94]. В Губпомгол поступали списки граждан того или иного населенного пункта, «не имеющих своего хлеба» [15, л. 86].

В феврале 1922 г. власти решили ввести для сельского населения благополучных уездов «повинность обязательного попечительства в виде прикрепления к известному числу дворов, в зависимости от их материальной обеспеченности, по одному голодному беженцу на содержание» [12, л. 12]. В губернии неоднократно объявлялись «недели» и «двухнедельники» помощи голодающим, во время которых вводились дополнительные налоги: для кооперативных и частных предприятий в размере 10 % от месячной арендной платы; для приезжающих на базар граждан 5 % надбавки; за пользование городскими банями в размере 10 % начисления на взимаемую плату; на посещение увеселительных мест: театров и кинотеатров в размере 10 %; по 300 000 руб. за разрешения, выдаваемые на устройство балов, маскарадов и других увеселительных вечеров; при заключении брака — 100 000 руб., а развода — 500 000 руб. Как желательная мера был рекомендован единовременный налог с возпромышленников, владельцев лошадей, скота и велосипедов в размере 10 % от налога, взимаемого Горсоветом [12, л. 12–12 об., 23].

Самостоятельным потоком миграционной активности выступало стихийное перемещение детей — жертв голода — «голодетей» [9, л. 84]. Стремление уберечь от голодной смерти вынуждало родителей идти на крайние меры и добровольно, а часто и в административном порядке расставаться со своими детьми. Детская миграционная волна стала первым ударом голода, с которым столкнулась Пензенская губерния. Здесь на железнодорожных станциях «осаждались все дети беженцев, обессиленных материально, в большинстве случаев родителей, умерших в самой Пензе» [9, л. 81]. С решения вопроса об обеспечении тысяч детей, прибывающих «с разных углов голодающих районов», собственно и начал свою работу Губпомгол осенью 1921 г. Беженцы размещались в бараках-казармах близ Московско-Казанского вокзала г. Пензы «голодные, босые, нагие и вдобавок грязные». Перед местными властями стояла непростая задача немедленно произвести выдачу хлеба, санитарную обработку и дезинфекцию, выделив для этого одну из городских бань и временный медицинский персонал. Все дети, скопившиеся в привокзальных бараках, были изъяты из семей и распределены по детским домам [12, л. 2–4 об.].

В октябре 1921 г. в губернии на положении беженцев голода находились 5 495 детей (прибывших из Самарской, Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Казанской губерний), к апрелю 1922 г. их число увеличилось до 6 150 человек. Большинство из них распределялось по детским домам г. Пензы (свыше 1 600 человек) и уездов. Регион буквально задыхался

от нехватки ресурсов для обеспечения детей самым необходимым. Так, в октябре 1921 г. на 5 495 детей было выделено 3 600 пайков, а в сентябре 1922 г. на 5 555 человек 4 925 пайков соответственно. В целом продуктовый набор составлял не более 42 % от нормального пайка, определенного Наркомпродом и Наркомздравом. Еще острее стоял вопрос об обеспечении теплой одеждой и обувью: потребность в пальто оценивалась в 3 418 ед., холодной обуви — 4 441 ед., шапок — 2 310 ед. Необеспеченность ресурсами вынуждала власти распределять голоддетей в сельскую местность на попечение по домохозяйствам, что служило дополнительным стимулом к перемещению населения. В частности, в Пензенском уезде домохозяйства, принимающие на попечение детей, передавали их друг другу, и дети «путешествовали» от домохозяина к домохозяину [9, л. 81–82; 12, л. 24, 29].

Ситуация гуманитарного и логистического хаоса сохранялась в регионе в течение всей первой половины 1920-х гг. Так, в марте 1923 г. в 59 учреждениях Наркомпроса в Пензенской губернии насчитывалось 2 544 мальчика и 2 782 девочки, в том числе в Пензе 696 и 724 соответственно [14, л. 288–289]. Острой оставалась и проблема реэвакуации беженцев к прежним местам проживания. Даже в январе 1924 г. емкость эшелонной отправки «голодобеженцев-обратников», превышала тысячу человек [10, с. 24]. В 1924–1925 гг. Пензенская губерния вновь переживало засуху и голод, что послужило дополнительным стимулом голодной миграции, хотя и несколько меньшего масштаба. Беженцы из Пензы устремились в Самару и Симбирск. Вместе с тем, в циркуляре от 2 июля 1924 г. особая секция КССХ ВЦИК рекомендовала воздержаться от их отправки из-за ухудшения продовольственной ситуации [10, л. 36, 38, 124].

Заключение

Таким образом, успех социально-политической интеграции и организации социального пространства в российских регионах в первой половине 1920-х гг. зависел от консолидированного решения проблем продовольственного обеспечения населения и управления миграционными потоками. Пограничное положение Пензенской губернии по отношению к голодающему Поволжью и относительное продовольственное «благополучие» (официально учтенная численность голодающего населения в октябре–ноябре 1922 г. составляла: взрослых — 13 901, детей — 7 956 [14, л. 9]) стали определяющими факторами демографического поведения как для местного населения, так и для беженцев голода.

Гуманитарная катастрофа 1921 г. оформила собой последний акт Революции и Гражданской войны в России. Как считает И. В. Нарский, первый советский массовый голод выступил фактором ослабления сопротивления большевистскому режиму, а следовательно, привел к окончанию гражданской войны [2, с. 49]. В. В. Кондрашин также завершает драму крестьянского движения описанием ситуации голодного бедствия в губерниях Поволжья [16, с. 226].

Вместе с тем этот тезис не отражает всей полноты происходивших процессов: на фоне перехода массовой социальной агрессии в состояние голодной паники начинается конструирование новых осей региональной интеграции, политической и гражданской идентичностей. Хаотичная, забюрократизированная и бессистемная работа чрезвычайных структур по борьбе с голодом и его последствиями тем не менее принесла свои плоды, запустила процесс легитимации, примирения сельского населения и советской власти. Так, представителям Губпомгола удалось убедить руководство благотворительных организаций в необходимости оказания помощи голодающим Городищенского уезда, на территории которого в 1922 г. организация АРА (Американской администрации помощи Г. Гувера) обеспечивала деятельность 25 столовых. В день здесь могли пообедать до 4900 детей в день (221 036 обедов в месяц) [14, л. 9]. Существенную поддержку от государства пензенское крестьянство получило летом 1922 г. в виде предоставления озимой ссуды: по нарядам центра и из местного дотационного фонда населению было роздано 453 169 пудов семян, в том числе в Городищенском уезде — свыше 200 тыс. пудов, в Саранском уезде — свыше 147 тыс. пудов [9, л. 18]. Традиционный императив крестьянской корпоративной культуры «главное — выжить», опиравшийся на патерналистские каноны, был восстановлен, что и послужило отправной точкой формирования советской идентичности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015>.

Список источников

- [1] Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
- [2] Нарский И. В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в 1917–1922 гг. // Известия Уральского федерального университета. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 44–58. (Серия 2. Гуманитарные науки). DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.3.044>.
- [3] Помогалова О. И. Масштабы и причины голода 1921 г. в Поволжье в западной историографии // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11, Вып. 2. Ч. 1. С. 71–73. (История. Международные отношения).
- [4] Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Москва : Academia & LVS, 2003. 684 с.
- [5] Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Мат-лы междунар. конф. Москва : РОССПЭН, 1996. С. 115–124. 440 с.

[6] *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 519 с.

[7] *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. Москва : АИРО-XXI, 2014. 432 с.

[8] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920–1926 гг. Пенза : б/и, 1927. 914 с.

[9] Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. р-298. Оп. 1. Д. 42 а.

[10] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 47.

[11] Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны / С. В. Белоусов, О. А. Сухова, С. О. Юдин. Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. 464 с.

[12] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 3.

[13] Отчет о деятельности пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва. Январь — сентябрь 1922 г. X съезду Советов рабочих и красноармейских депутатов. Пенза: Типолитография Губсовнархоза № 3, 1922. 220 с.

[14] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 44.

[15] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 12.

[16] *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 575 с.

References

[1] *Ludtke A.* The History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labour, War and Power / transl. from English. and German. K.A. Levinson. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); German Historical Institute in Moscow, 2010. 271 p.

[2] *Narsky I. V.* The Civil War, migration, and humanitarian disaster in Russia between 1917 and 1922 // *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2018. Vol. 20, No. 3(178). Pp. 44–58. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.044

[3] *Pomogalova O. I.* The Magnitude and Causes of Famine 1921 in the Volga Region in Western Historiography // *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations.* 2011. Vol. 11, No. 2. Part 1. Pp. 71–73.

[4] *Sorokin P. A.* Hunger is a factor. The impact of hunger on human behavior, social organization and social life. Moscow: Academia & LVS, 2003. 684 p.

[5] *Kondrashin V. V.* Hunger in the peasant mentality // *Mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries): Proceedings of the international conference.* M.: ROSSPEN, 1996. 440 p. Pp. 115–124.

[6] *Kondrashin V. V.* Famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin., 2008. 519 p.

[7] *Belova I. B.* Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia: 1914–1925. M.: АИРО-XXI, 2014. 432 p.

[8] Collection of statistical information on the Penza region. 1920–1926 Penza, 1927. 914 p.

- [9] State Archive of the Penza Region (SAPR). Fond r-298. Description 1. Vol. 42 a.
- [10] SAPR. Fond r-298. Description 1. Vol. 47.
- [11] *Belousov S. V., Sukhova O. A., Yudin S. O.* Penza region in the era of the First World War. Penza: Izd-vo PGU, 2015. 464 p.
- [12] SAPR. Fond r-298. Description 1. Vol. 3.
- [13] Report on the activities of the Penza provincial executive committee of the 9th convocation. January — September 1922 to the Tenth Congress of Soviets of Workers' and Red Army Deputies. Penza: Typolitography of Gubsovnarkhoz No. 3, 1922. 220 p.
- [14] SAPR. Fond r-298. Description 1. Vol. 44.
- [15] SAPR. Fond r-298. Description 1. Vol. 12.
- [16] *Kondrashin V. V.* The Peasantry of Russia in the Civil War: On the Question of the Origins of Stalinism. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsina, 2009. 575 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-18>

УДК 94(47)

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ТАГИЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1879 ГОДА¹

М. Ю. Тараканов

Нижнетагильский педагогический колледж № 1 (г. Нижний Тагил)
Автор для корреспонденции: М. Ю. Тараканов (katar.mik@gambler.ru)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению структуры населения Нижнетагильского завода. Гипотеза исследования состоит в предположении, что особенности структуры населения были связаны с родом занятий тагильчан. При написании статьи применялись статистические методы. В качестве основного источника были использованы опубликованные материалы локальной переписи 1879 года. Результатом исследования стало выявление более значительного преобладания женщин в составе тагильчан, чем в целом по Верхотурскому уезду или Пермской губернии, что было связано с высокой смертностью мужчин из-за вредных условий труда на заводах и рудниках Нижнего Тагила. Сделан вывод о традиционном типе возрастной структуры тагильчан. Материалы исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Урала, при чтении спецкурсов по исторической демографии.*

Ключевые слова: историческая демография, население Нижнего Тагила, половозрастной состав

The Population Structure of Nizhny Tagil Based on the Census of 1879

M. Yu. Tarakanov

Nizhny Tagil Pedagogical College No. 1 (Nizhny Tagil, Russia).
Corresponding author: M. Yu. Tarakanov (katar.mik@rambler.ru)

Abstract. *The article examines the population structure of the Nizhny Tagil plant. It is hypothesised that the features of the population structure depend on the occupation of Tagil residents. Statistical methods were used when writing the text. The published materials of the local census of 1879 were used as the main source. The study revealed a more significant predominance of women in the Tagil residents as compared to the Verkhotursky district or Perm governorate as a whole, which was associated with a high mortality rate of men due to adverse working conditions in the factories and mines of Nizhny Tagil. The conclusion was made about the traditional type of age structure of Tagil residents. The research materials can be used when writing general works on the history of the Urals, when reading special courses on historical demography.*

Keywords: historical demography; population of Nizhny Tagil; gender and age composition

Введение

Актуальность историко-демографических исследований, прежде всего, определяется неблагоприятной демографической ситуацией как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах.

¹ © Тараканов М. Ю. Текст. 2022.

Устойчивое сокращение населения, его старение ставят под вопрос перспективы дальнейшего существования и развития государства.

Убыль населения наблюдается даже в крупных индустриальных центрах России, одним из которых является город Нижний Тагил. За период с 1991 по 2021 г. число его жителей сократилось на 94 тыс. чел., в т. ч. на 17 тыс. за период с 2010 г. Хотя данная негативная тенденция проявилась в XX в., но для понимания ее причин требуется обращение к более раннему периоду истории, когда демографическая ситуация еще не испытала на себе влияния крупных социальных катаклизмов начала прошлого века, а половозрастная структура населения не была деформирована их влиянием.

Целью исследования является выявление особенностей половозрастной структуры населения Нижнего Тагила в конце XIX в. на основе материалов переписи 1879 г. Гипотеза исследования состоит в предположении, что особенности половозрастной структуры населения были связаны с родом занятий тагильчан.

Базой исследования послужили опубликованные в «Пермских губернских ведомостях» и биостатистическом очерке Р.Н. Рума материалы переписи 1879 г.

Обзор литературы

Основные работы, посвященные изучению населения Пермской губернии второй половины XIX в., в состав которой входил и Нижний Тагил, акцентируют свое внимание на сельских жителях. В диссертационном исследовании Г.Н. Плотниковой рассмотрены вопросы численности и размещения крестьянского населения губернии в 1861–1897 гг. [1]. Структуру населения крестьянского двора Пермской губернии на основе данных земских переписей конца XIX — начала XX в. проанализировал С.А. Пьянков [2].

Городскому населению посвящена работа В.В. Белослудцевой [3]. В ней дана характеристика численности и состава мещанства, приводятся данные о сферах занятости мещан. Естественное движение православного населения одного из заводов Пермской губернии рассмотрено в статье Т.А. Васиной [4]. Работы, в которых бы рассматривалась структура населения Нижнего Тагила, сложившаяся в конце XIX в., отсутствуют.

Методы исследования

Методологической основой исследования стала теория демографического перехода как составляющая теории модернизации. Базовыми принципами при написании работы были принципы историзма, объективности и системности. При анализе структуры населения Нижнего Тагила использовались статистические методы.

Результаты

Наиболее полную и достоверную демографическую информацию позволяют получить переписи населения. Собранные в ходе их проведения данные содержат сведения как о численности, так и о составе населения (по полу, возрасту, национальности, родному языку).

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена только в 1897 г., но кроме нее в предшествующие годы проводились локальные переписи, охватывавшие территорию отдельного региона или населенного пункта. Одна из них была проведена в 1879 г. в Нижнем Тагиле, который в то время имел статус завода и принадлежал к Нижнетагильскому горнозаводскому округу наследников Демидова, князя Сан-Донато.

Локальные переписи проводились по инициативе и силами органов местного самоуправления — земств. С 1871 г. в земствах для сбора необходимой информации стали создаваться статистические учреждения, которые носили название столов или отделений.

В 1874 г. Верхотурским уездным земским собранием был создан санитарный комитет во главе с доктором П.В. Рудановским [5, с. 229]. В своей деятельности комитет столкнулся с проблемой отсутствия сведений о численности и составе населения в населенных пунктах уезда, в которых он производил свои медико-статистические наблюдения, т. к. после X-й ревизии 1858 г. в Верхотурском уезде эти данные не собирались. Для сбора необходимых сведений, стараниями П.В. Рудановского, при комитете было образовано статистическое отделение, начавшее свою деятельность с 1 января 1879 г. Должность заведующего отделением занял В.А. Ломан, под руководством которого 9 сентября 1879 г. в Нижнем Тагиле, как самом крупном по численности населенном пункте уезда, была проведена первая однодневная перепись населения.

В ходе ее проведения Нижний Тагил был разделен на 46 участков, которыми руководили 43 члена комитета. Каждый из них имел план своего участка и список его домовладельцев. Они проверяли план и делили свой участок между счетчиками или переписчиками, отводя по несколько кварталов каждому. Всего в организации и проведении переписи были задействованы около 200 чел., которые работали полностью на безвозмездных началах.

Исходя из значительной численности населения Нижнетагильского завода, низкого уровня его грамотности (78,9 % жителей полностью не умели читать и писать), а также ограниченности людских ресурсов, задействованных в процедуре переписи, комитетом было принято решение о ее проведении в течение нескольких дней, начиная с воскресенья, 2 сентября. На 9 сентября была назначена проверка переписных листов в соответствующих квартирах жителей Нижнего Тагила для включения в них данных о родившихся (прибывших) или исключения из них сведений об умерших (выбывших) тагильчанах за эту неделю.

Население Нижнего Тагила с пониманием отнеслось к проведению переписи, беспрепятственно допускало в свои дома переписчиков и добровольно отвечало на вопросы переписного листа. Благодаря этому перепись не потребовала участия полиции, за исключением единственного случая, когда переписной лист на купеческого сына пришлось составлять полицейскому уряднику¹.

В ходе переписи были собраны обширные материалы, которые, к сожалению, лишь частично были обработаны и описаны В.А. Ломаном и Р.Н. Румой. Уже в октябре 1879 г. решением X-го очередного Верхотурского уездного земского собрания статистическое отделение санитарного комитета было упразднено. Значительная часть сведений, собранных в ходе переписи населения, так и не была опубликованы.

Согласно данным переписи 1879 г., на момент ее проведения в Нижнем Тагиле численность наличного населения составляла 27 174 чел., из которых к постоянным жителям относились 26 589 чел., к временно проживающим — 585 чел. Кроме того, еще 94 чел. были зафиксированы как временно отсутствующие.

Из общего числа лиц, временно присутствовавших в Нижнетагильском заводе, 437 чел. (75 %) составляли мужчины и 148 чел. (25 %) — женщины. По мнению Р.Н. Рума, все эти мужчины были крестьянами из ближайших к заводу селений, которых привлекла возможность заработка на заводе [6, с. 133].

Анализ половой структуры постоянного населения Нижнего Тагила показывает преобладание лиц женского пола (табл.). Удельный вес мужчин среди тагильчан составлял 45,8 %, а женщин — 54,2 %. В среднем, на 100 женщин приходилось 84 мужчины.

Столь значительный женский перевес оказался достаточным устойчивым и даже с тенденцией его дальнейшего усиления. К 1885 г. среди жителей Нижнего Тагила доля женщин выросла до 55,4 %, а доля мужчин уменьшилась до 44,6 %.

На уровне волости и губернии соотношение полов было более сбалансированным. В 1885 г. в Пермской губернии удельный вес лиц женского пола составлял 51,5 %, а лиц мужского пола 48,5 % (на 100 женщин приходилось 94 мужчины). Практически идентичным было соотношение полов и по Верхотурскому уезду, где доля мужчин равнялась 48,2 %, а женщин — 51,8 % (на 100 женщин приходилось 93 мужчины)².

Главное влияние на соотношение полов в Нижнетагильском заводе оказывала более высокая смертность мужского населения. По данным

¹ Результаты однодневной переписи населения Нижне-Тагильского завода, произведенной 9 сентября 1879 г. // Пермские губернские ведомости. 1881, 25 фев. (№ 16). 4 с.

² Календарь Пермской губернии на 1886 год. Год четвертый / издание Пермского статистического комитета. Пермь : Типо-литография Губернского Правления, 1885. С. 17. 392 с.

исследования В.А. Ломана, в 1878 г. из каждой тысячи мужчин в Нижнем Тагиле умерло 40 человек, а из каждой тысячи женщин — 31¹.

Хотя женский перевес наблюдался во всех возрастных группах, но в некоторых из них он усиливался быстрее, чем в других. Так, например, если в возрастной группе 10–14 лет на 100 женщин приходилось 89 мужчин, то в группе 15–19 лет уже только 81 мужчина. По мнению Р.Н. Рума, столь резкое сокращение доли лиц мужского пола было связано с тем, что именно в возрасте от 15 до 20 лет они чаще всего приступали к работам на Нижнетагильском заводе в железном и медном рудниках, подвергаясь воздействию различных негативных факторов (вредных условий труда) [6, с. 145]. Не вполне сформировавшийся молодой организм не всегда справлялся с таким воздействием, что нередко приводило к смертельным случаям.

В возрастной группе 20–24 года дополнительным фактором, влиявшим на численность мужчин, была воинская повинность, которой подлежали лица мужского пола, достигшие 21-летнего возраста.

Самое сильное нарушение равновесия между полами наблюдалось у лиц в возрасте 80 лет и старше, где на 100 женщин приходилось менее 50 мужчин, что, видимо, было связано с более низким показателем продолжительности жизни у лиц мужского пола.

По своей возрастной структуре население Нижнего Тагила в 1879 г. находилось на этапе демографической молодости. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляла 6,8 %. Среди тагильчан было даже 11 человек долгожителей, возраст которых превысил 90 лет. К молодежи до 30 лет относилось более половины населения (63,2 %). Удельный вес лиц в возрасте 30–59 лет равнялся 30 %. Такая возрастная структура характерна для традиционного типа воспроизводства населения, при котором наблюдается высокая рождаемость и высокая смертность.

По данным таблицы видно, что если возрастные группы 5–9, 10–14 и 15–19 лет не сильно отличались по своей численности, то группа 0–4 года даже первую из них превосходила на 20 %. Основной причиной таких различий была высокая детская смертность в течение первых пяти лет. В 1878 г. из общего числа умерших доля детей этого возраста составляла 66,7 %².

Для населения Нижнего Тагила была характерна прогрессивная возрастная структура, которая обеспечивает расширенное его воспроизводство. Группа лиц в возрасте 0–14 лет (ее удельный вес равнялся 35,3 %) в 2,5 раза превышала возрастную группу 50 лет и старше (с удельным весом 14 %).

Одним из вопросов переписи 1879 г. стал вопрос о наличии у жителей физических недостатков (слепота, глухота, паралич конечностей и т. д.). В ходе исследования было выявлено, что к данной категории тагильчан

¹ Результаты однодневной переписи населения Нижне-Тагильского завода, произведенной 9 сентября 1879 г. // Пермские губернские ведомости. 1881, 4 марта. (№ 18). С. 4.

² Там же. С. 3.

Таблица
Половозрастная структура постоянного населения Нижнетагильского завода по данным переписи 1879 г.

Возраст, лет	Оба пола	Мужской пол	Женский пол	Число мужчин на 100 женщин
0—4	3 645	1 731	1 914	90,4
5—9	2 913	1 404	1 509	93
10—14	2 826	1 334	1 492	89,4
15—19	2 888	1 297	1 591	81,5
20—24	2 315	1 013	1 302	77,8
25—29	2 211	1 056	1 155	91,4
30—34	1 716	811	905	89,6
35—39	1 621	725	896	80,9
40—44	1 378	623	755	82,5
45—49	1 352	623	729	85,4
50—54	1 111	467	644	72,5
55—59	813	359	454	79,1
60—64	667	269	398	67,6
65—69	440	208	232	89,6
70—74	313	113	200	56,5
75—79	184	83	101	82,2
80 лет и старше	196	65	131	49,6
Итого	26 589	12 181	14 408	84,5

Источник: [6, с. 138–141].

относился 471 чел. (1,8 % жителей), но из них 303 чел. были мужчинами, что составляло 2,5 % от общего числа лиц мужского пола, и 168 чел. — женщинами (1,2 % от общего числа лиц женского пола). Неравномерное распределение физических недостатков между полами позволяет предположить влияние рода занятий на возникновение значительной части из них [6, с. 158]. Наиболее часто среди физических недостатков встречались травматические повреждения конечностей (у 164 чел.) и глухота (у 83 чел.). На третьем и четвертом местах находились умственные недостатки (душевнобольные) — 55 чел. и слепота — 54 чел. [6, с. 157].

Влияние производственных факторов ярче всего прослеживается на примере травматических повреждений конечностей. Из 164 чел., имевших такие повреждения, 127 чел. (77,4 %) были мужчинами. Еще показательнее пример повреждения только верхних конечностей, где удельный вес лиц мужского пола составлял 90,1 %. При этом в возрастной группе до 5 лет лица с такими повреждениями отсутствовали полностью. Первые травмированные среди мужчин появляются в возрасте от 10 до 15 лет, а уже в следующей возрастной группе число таких лиц возрастает в 4 раза. Данное увеличение совпадало с началом трудовой деятельности на шахтах и заводах Нижнего Тагила.

Больше всего травмированных (26,8 %) относилось к возрастным группам от 25 до 30 лет и от 30 до 35 лет, что, скорее всего, было связано с недостатком опыта у молодых рабочих в обращении с машинами и инструментом.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что главной особенностью населения Нижнетагильского завода в конце XIX в. было значительное преобладание лиц женского пола во всех возрастных группах. Первое резкое сокращение доли лиц мужского пола наблюдалось в возрастной группе 15–19, что было связано с началом их трудовой деятельности на рудниках Нижнего Тагила. Воздействие вредных условий труда на не вполне сформировавшийся молодой организм приводило к повышению смертности. Влиял род занятий тагильчан (работа на рудниках и заводах) и на число в их составе лиц с физическими недостатками и повреждениями.

С точки зрения демографического старения население Нижнетагильского завода в 1879 г. находилось на этапе демографической молодости. Доля лиц в возрасте от 60 лет и старше составляла менее 8 %. Возрастная структура относилась к традиционному типу, при котором наблюдается высокий уровень рождаемости и смертности. Кроме того, для населения Нижнего Тагила была характерна прогрессивная возрастная структура, обеспечивающая его расширенное воспроизводство.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ, грант № 20–09–00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект».

Список источников

[1] *Плотникова Г. Н.* Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 215 с.

[2] *Пьянков С. А.* Структура населения крестьянского двора Пермской губернии по данным земских переписей конца XIX — начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). С. 30–35. (История).

[3] *Белослудцева В. В.* Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 181 с.

[4] *Васина Т. А.* Демографические процессы в среде православного населения Камбарского завода второй половины XIX века // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 46–52.

[5] *Попп И. А., Черноухов Э. А.* Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель? // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 1 (87). (Сер. 2, Гуманитарные науки).

[6] Рума Р. Состав населения Нижне-Тагильского завода. Биостатистический очерк // Календарь Пермской губернии на 1886 год. Пермь, 1885. С. 141–169.

References

[1] Plotnikova G. N. Demographic changes of the peasant population of Perm province in the second half of the XIX century: Dissertation... Candidate of Historical Sciences : 07.00.02. Perm, 2006. 215 p.

[2] Pyankov S. A. Perm Gubernia peasant homestead population structure (based on zemstvo census data from the late 19th to the early 20th century) // Bulletin of Chelyabinsk State University. History. 2009. No. 10(191). Pp. 30-35.

[3] Belosludtseva V. V. The petty-bourgeois estate of the Perm province in the second half of the XIX — early XX century: Dissertation. ... Candidate of Historical Sciences : 07.00.02. Perm, 2006. 181 p.

[4] Vasina T. A. Demographic processes by the orthodox population of the Kambarka factory in the second half of XIX century // Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2014. No. 3. Pp. 46-52.

[5] Popp I. A., Chernoukhov E. A. Alexei Ivanovich Kroneberg: a provincial failure or a successful public figure? // Izvestia Ural federal university journal. Series 2, Humanities and arts. 2011. No. 1(87).

[6] Ruma R. The composition of the population of the Nizhny Tagil plant. Biostatistical essay // Calendar of Perm province for 1886. Perm, 1885. Pp. 141-169.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-19>
УДК 93/94

ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1926 Г. В ПЕРИОД 1934–1937 ГГ.¹

С. Н. Уваров

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (г. Ижевск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Автор для корреспонденции: С. Н. Уваров (sergey.uvarov@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается грамотность населения Вотской автономной области 1926 г. в более поздний период (на начало 1934 г. и до конца 1937 г.). Введение в научный оборот новых данных позволяет проводить сравнительный анализ грамотности населения по полу, месту проживания (городские поселения и сельская местность) и возрастным когортам на сопоставимой территории за более долгий промежуток времени. Это особенно актуально для Удмуртии, административно-территориальные границы которой в 1920–1930-е гг. часто менялись. В частности, сравнение позволило определить, что на протяжении 1926–1933 г. к Удмуртии отошла сельская территория, на которой в 1926 г. проживало более грамотное население, чем в самой области.

Ключевые слова: грамотность, образовательный уровень, население, Удмуртия, перепись 1926 г.

Literacy of the Population in Udmurtia According to the Census of 1926 in the Period from 1934 to 1937

S. N. Uvarov

Izhevsk State Agricultural Academy (Izhevsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Corresponding author: S. N. Uvarov (sergey.uvarov@mail.ru)

Abstract. The article examines the literacy of the population of the Votyak Autonomous Region in 1926 in a later period (at the beginning of 1934 and until the end of 1937). Based on new scientific data, a comparative analysis of the literacy of the population by sex, place of residence (urban settlements and rural areas) and age cohorts was conducted in a comparable territory over a longer period of time. This study is especially relevant for Udmurtia, whose administrative-territorial boundaries in the 1920s–1930s often changed. In particular, the comparison revealed that during 1926–1933, a rural territory became a part of Udmurtia, in which in 1926 a more literate population lived than in the region itself.

Keywords: literacy; educational level; population; Udmurtia; census of 1926

Введение

К числу факторов, влияющих на демографические процессы, относится образовательный уровень населения. В частности, обучение, как правило, отсрочивает вступление в брак и реализацию репродуктивной функции, рост образовательного уровня чаще всего влечет карьерное продвижение

¹ © Уваров С. Н. Текст. 2022.

и, соответственно, стимулирует индивидуальное регулирование деторождения. Именно поэтому изучение образовательного уровня населения так важно для исторической демографии.

Одним из существенных прорывов советской власти стала всеобщая грамотность населения. Наиболее быстрый рост произошел в довоенный период. Если в 1897 г. грамотными в России были только 29,6 % людей в возрасте 9–49 лет, то в 1926 г. — 60,9 %, а в 1939 г. — 89,7 % [1, с. 272]. Еще более масштабный скачок произошел в национальных регионах, поскольку там до прихода к власти большевиков уровень грамотности был намного ниже, чем в среднем по стране, а затем быстро выровнялся. Однако реализация национальной политики большевиков сопровождалась нередкими административно-территориальными изменениями. Из-за несопоставимости размеров в разные временные периоды проводить исследования в таких регионах чрезвычайно трудно. Поэтому когда в архивах обнаруживаются документы, в которых имеется информация о сопоставимой территории, то это сильно облегчает историкам задачу. Как раз одним из таких регионов является Удмуртия.

Обзор литературы

Тему образования в начальный период советской Удмуртии не раз поднимали местные ученые: В.Г. Боброва, О.И. Васильева, В.С. Воронцов, Т.Е. Никулина, К.А. Пономарев, Ю.К. Чустузиан, Г.Д. Фролова [2–9]. Затрагивали ее и уральские историки: В.П. Мотревич, Г.Е. Корнилов [10, 11]. Но никто из них не рассматривал образовательный уровень населения Удмуртии 1926 г. в сопоставимых периодах.

Материалы и методы исследования

В фонде Р-845 (опись 5) Центрального государственного архива Удмуртской Республике (далее — ЦГА УР) хранится дело № 62а, содержащее итоги переписи 1926 г. Имеется в нем и информация о распределении населения Вотской автономной области (так называлась в тот момент Удмуртия) по уровню грамотности. Распределение было произведено Областным статистическим отделом по полу, месту проживания (городские поселения и сельская местность) и возрастным когортам. До 20-летнего возраста градация приведена относительно подробно: 5–6 лет, 7 лет, 8 лет, 9 лет, 10–11 лет, 12–14 лет, 15 лет, 16–17 лет, 18–19 лет. С 20-летнего возраста когорты пятилетние, с 30-летнего — десятилетние. По каждой категории в документе приводится численность, а также число грамотных в данной когорте (кроме детей до 5 лет).

Подсчет общей численности населения по всем группам дает цифру в 791 698 чел. (вместе со 164 военнослужащими). Она не соответствует количеству населения Вотской автономной области на момент проведения переписи (тогда оно равнялось 756 264 чел. [12, с. 3]). Но эта цифра соответствует переписной численности населения области 1926 г.

в более поздних периодах. Так, когда в январе 1937 г. состоялась очередная перепись, и сравнивались данные с итогами предыдущей переписи, то за 1926 г. фигурирует именно эта цифра. Это позволяет предположить, что в обнаруженном документе приводится уровень грамотности населения Удмуртии по переписи 1926 г., но в периоде на момент переписи 1937 г.

Обнаружить в источниках площадь Удмуртии на момент переписи 1937 г. не удалось. Однако известно, что на 1 января 1934 г. она равнялась 32 952 км² [13, л. 108], увеличившись с 30 355 км² на момент переписи 1926 г. [14, с. 18]. Поскольку до конца 1937 г. серьезных территориальных приобретений или потерь у Удмуртии не было [15], можно также предположить, что и на момент переписи 1937 г. площадь была такой же.

Целью исследования является рассмотрение грамотности населения Удмуртии по переписи 1926 г. в течение 1934–1937 гг. В исследовании использовались историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный методы. Для обработки материалов статистики составлялись динамические ряды в виде таблицы.

Результаты исследования

По переписи 1926 г. в Вотской автономной области во временных рамках на тот момент насчитывалось 249 782 грамотных, т. е. их доля составляла 33,0 %. При этом грамотных мужчин было 166 452 из 352 055 чел. (47,3 %), а женщин — 83 330 из 404 209 чел. (20,6 %) [12, с. 27]. В обнаруженном архивном документе уровень грамотности населения области схожий — 33,2 %, т. е. отличия незначительные. По гендерному признаку различия тоже имелись: доля грамотных мужчин составляла 47,4 %, у женщин — 20,7 % (табл. 1). Любопытно, что по городским поселениям число грамотных мужчин и женщин в обнаруженном документе совпало с данными, полученными в период 1926 г., а по сельской местности оно было больше (что и дало прибавку удельного веса грамотных на 0,2 %). Это говорит о том, что за 1927–1933 гг. к Вотской (Удмуртской) автономной области были присоединены сельские территории с более грамотным населением.

Поскольку мы сделали вывод, что за 1926–1937 гг. из-за территориальных приобретений или потерь Удмуртии численность горожан не изменилась, сравним сельское население. Таблица 2 наглядно показывает, что каждая возрастная когорта у мужчин и женщин прибавила в числе грамотных (за исключением девочек пяти–шести лет и женщин, не уклавших свой возраст). В ряде случаев это очень существенная прибавка: например, у девушек 16–17 лет она равнялась 500 чел. В целом разница в количестве грамотных составила 8 396 чел. у мужчин и 4291 чел. — у женщин. Поэтому при изучении борьбы с неграмотностью в 1920–1930-е гг. это нужно учитывать.

Таблица 1
**Грамотное население Вотской автономной области по переписи 1926 г. в период
 1934–1937 гг., чел.**

Возраст	Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
До 5 лет	5 693	5 678	55 957	56 490
5–6 лет,	1 281	1 288	14 224	14 629
из них грамотных	23	29	87	61
7 лет,	536	571	7 411	8 247
из них грамотных	76	79	789	454
8 лет,	713	769	8 433	8 416
из них грамотных	390	391	2 660	1 426
9 лет,	638	700	5 703	5 952
из них грамотных	505	567	2 779	1 633
10–11 лет,	1 371	1 470	12 721	13 042
из них грамотных	1 240	1 320	8 240	4 254
12–14 лет,	2 391	2 666	27 238	28 055
из них грамотных	2 257	2 427	18 383	8 621
15 лет,	734	847	8 854	9 356
из них грамотных	690	765	5 501	2 844
16–17 лет,	1 560	1 796	16 374	18 419
из них грамотных	1 471	1 604	10 882	6 539
18–19 лет,	1 971	1 904	15 971	17 439
из них грамотных	1 844	1 682	11 904	6 940
20–24 лет,	4 573	4 859	29 507	35 529
из них грамотных	4 289	4 006	23 896	12 533
25–29 лет,	4 223	4 649	21 872	30 426
из них грамотных	3 961	3 473	17 259	7 543
30–39 лет,	5 063	5 351	32 663	44 996
из них грамотных	4 647	3 650	22 829	7 745
40–49 лет,	3 002	3 296	28 097	35 053
из них грамотных	2 475	1 597	13 129	2 607
50–59 лет,	1 671	2 250	22 513	27 852
из них грамотных	1 244	836	6 461	969
60 лет и старше,	1 197	2 369	24 265	28 711
из них грамотных	728	468	4 174	542
Не указавшие возраст,	22	10	104	67
из них грамотных	12	3	25	13
Всего,	36 639	40 473	331 907	382 679
из них грамотных	25 852	22 897	148 998	64 724

Источник: [16, л. 1].

Сравнение грамотного сельского населения Вотской автономной области по переписи 1926 г. в периоды 1926 и 1934–1937 гг., чел.

Возраст	В течение 1926 г.		В течение 1934–1937 гг.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
5–6 лет, из них грамотных	13 453 84	13 916 61	14 224 87	14 629 61
7 лет, из них грамотных	7 054 748	7 836 432	7 411 789	8 247 454
8 лет, из них грамотных	8 000 2 501	8 020 1 354	8 433 2 660	8 416 1 426
9 лет, из них грамотных	5 404 2 621	5 664 1 536	5 703 2 779	5 952 1 633
10–11 лет, из них грамотных	12 144 7 839	12 403 4 027	12 721 8 240	13 042 4 254
12–14 лет, из них грамотных	25 926 17 416	26 735 8 083	27 238 18 385	28 055 8 621
15 лет, из них грамотных	8 394 5 150	8 859 2 601	8 854 5 501	9 356 2 844
16–17 лет, из них грамотных	15 568 10 237	17 460 6 039	16 374 10 882	18 419 6 539
18–19 лет, из них грамотных	15 150 11 193	16 572 6 482	15 971 11 904	17 439 6 940
20–24 лет, из них грамотных	28 085 22 644	33 814 11 732	29 507 23 896	35 529 12 533
25–29 лет, из них грамотных	20 805 16 332	28 966 7 033	21 872 17 259	30 426 7 543
30–39 лет, из них грамотных	31 054 21 588	42 803 7 232	32 663 22 829	44 996 7 745
40–49 лет, из них грамотных	26 698 12 335	33 333 2 422	28 097 13 129	35 053 2 607
50–59 лет, из них грамотных	21 477 6 050	26 497 899	22 513 6 461	27 852 969
60 лет и старше, из них грамотных	22 882 3 841	27 161 487	24 265 4 174	28 711 542
Не указавшие возраст, из них грамотных	95 21	62 13	104 25	67 13
Всего, из них грамотных	315 416 140 600	363 736 60 433	331 907 148 998	382 679 64 724

Источник: [12, с. 32–33; 16, л. 1].

Заключение

Таким образом, обнаруженный архивный документ позволяет при изучении грамотности населения Удмуртии расширить хронологические рамки и «опустить» нижнюю границу до 1926 г., поскольку теперь мы знаем цифры по сопоставимой территории. Также сравнительный анализ показал, что за 1927–1933 гг. к Вотской (Удмуртской) автономной области были присоединены территории с более грамотным населением. Тот факт, что более грамотным оказалось именно сельское население, говорит о том, что расширение территории Удмуртии происходило только за счет сельской местности.

Список источников

- [1] Страна Советов за 50 лет: сб. стат. мат-лов. Москва : Статистика, 1967. 351 с.
- [2] Боброва В. Г. Становление советской школы в Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1967. 104 с.
- [3] Васильева О. И., Воронцов В. С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 70–85.
- [4] Никулина Т. е. Становление и развитие советской системы начального школьного образования (1920–1934 гг.) // Из истории народного образования Удмуртии. Ижевск : Издательство Удмуртского ИУУ, 1996. С. 66–86.
- [5] Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР (1917–1970 гг.). Ижевск : Удмуртия, 1972. 231с.
- [6] Пономарев К. А. Советская Конституция и народное образование в Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1978. 55 с.
- [7] Пономарев К. А., Чустузиан Ю. К. От неграмотности ко всеобщему среднему. Ижевск : Удмуртия, 1972. 40 с.
- [8] Фролова Г. Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск : Удмуртия, 1971. 156 с.
- [9] Фролова Г. Д. Просветители удмуртского народа. Ижевск : Удмуртия, 1996. 224 с.
- [10] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. Сб. мат-лов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
- [11] Корнилов Г. Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897–1939 гг. // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 28–41.
- [12] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва : Издание ЦСУ СССР, 1928. VIII, 423 с.
- [13] Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1082.
- [14] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. Москва : Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1927. 63 с.

[15] Сборник законодательных актов по административно-территориальному делению УАССР(1920–1970 гг.). Ижевск : Изд-во Президиума Верховного Совета УАССР, 1971. 276 с.

[16] ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 62а.

References

[1] Country of Soviets for 50 years: collection of stat. materials. Moscow: Statistics, 1967. 351 p.

[2] *Bobrova V. G.* Formation of the Soviet school in Udmurtia. Izhevsk: Udmurtia, 1967. 104 p.

[3] *Vasilyeva O. I., Vorontsov V. S.* National school in Udmurtia: past and present // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2013. No. 2. Pp. 70-85.

[4] *Nikulina T. E.* Formation and development of the Soviet system of primary school education (1920–1934) // From the history of public education in Udmurtia. Izhevsk: Publishing House of the Udmurt IUU, 1996. Pp. 66-86.

[5] *Obukhov A. P.* Public education in the Udmurt ASSR (1917–1970). Izhevsk: Udmurtia, 1972. 231 p.

[6] *Ponomarev K. A.* Soviet Constitution and public education in Udmurtia. Izhevsk: Udmurtia, 1978. 55 p.

[7] *Ponomarev K. A., Chustuzian Yu. K.* From illiteracy to universal average. Izhevsk: Udmurtia, 1972. 40 p.

[8] *Frolova G. D.* From the history of the Udmurt school. Izhevsk: Udmurtia, 1971. 156 p.

[9] *Frolova G. D.* Enlighteners of the Udmurt people. Izhevsk: Udmurtiya, 1996. 224 p.

[10] The All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region: Collection of materials / comp. V. P. Motrevich. Ekaterinburg: Publishing House of the Humanitarian University, 2002. 372 p.

[11] *Kornilov G. E.* Index of rural population literacy Ural 1897–1939 S. // Historical and pedagogical readings. 2015. No. 19-1. Pp. 28–41.

[12] All-Union population census of 1926. T. 4: Vyatka district, Ural region, Bashkir ASSR. Dep. 1. Nationality. Native language. Age. Literacy. Moscow: Edition of the Central Statistical Bureau of the USSR, 1928. VIII, 423 p.

[13] The Central State Archive of the Udmurt Republic (hereinafter — TsGA UR). F. R-35. Op. 1. D. 1082.

[14] All-Union population census on December 17, 1926: brief summaries. In 10 volumes. Issue 3: The population of the USSR. Moscow: Edition of the Central Statistical Bureau of the USSR, 1927. 63 p.

[15] Collection of legislative acts on the administrative-territorial division of the UASSR (1920–1970). Izhevsk: Publishing House of the Presidium of the Supreme Council of the UASSR, 1971. 276 p.

[16] Central State Archive UR. F. R-845. Op. 5.D. 62а.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-20>
УДК 947.084.8(470.342)
JEL N00

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В 1939–1945 ГГ.¹

Н. В. Чернышева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Автор для корреспонденции: Н. В. Чернышева (natche84@mail.ru)

Аннотация. В статье определены основные тенденции изменения возрастного-полового состава населения Волго-Вятского региона в 1939–1945 гг. В современных историко-демографических исследованиях трансформация возрастного-полового состава населения в 1939–1945 гг. изучена недостаточно как по стране в целом, так и по союзным республикам и их территориальным единицам, несмотря на то, что на этот период приходится наиболее значительное за всю историю российского государства разбалансирование соотношения полов в целом и в отдельных возрастных группах. Цель статьи — выделить основные тенденции изменения возрастного-полового состава населения Волго-Вятского региона в годы Второй мировой войны. Исследование выполнено на основе междисциплинарного подхода с использованием общенаучных, специально исторических и статистических методов. В ходе анализа сделан вывод, что наибольшее искажение возрастного-полового состава населения Волго-Вятского региона приходится на 1941–1945 гг. и является следствием воинских и трудовых мобилизаций: существенно среди молодого поколения сельчан (от 14 до 27 лет), с наибольшей вариацией среди поколения 1919–1923 г.р.

Ключевые слова: возрастного-половой состав, население, Волго-Вятский регион, Вторая мировая война

Main Trends in the Change in the Age and Sex Composition of the Volga-Vyatka Region in 1939–1945

N. V. Chernysheva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Corresponding author: N. V. Chernysheva (natche84@mail.ru)

Abstract. The article identifies the main trends in the change in the age and sex composition of the population of the Volga-Vyatka region in 1939–1945. In modern historical and demographic research, the transformation of the age and sex composition in 1939–1945 is insufficiently studied both for the USSR and its union republics and their territorial units, despite the fact that this period accounts for the most significant imbalance in the sex ratio in general and in individual age groups in the entire history of the Russian state. The paper aims to highlight the main trends in the change in the age and sex composition of the Volga-Vyatka region during the Second World War. The study was carried out based on an interdisciplinary approach using

¹ © Чернышева Н. В. Текст. 2022.

general scientific, specifically historical and statistical methods. It was concluded that the greatest distortion of the age and sex composition of the population of the Volga-Vyatka region falls on 1941–1945, which is a consequence of military and labour mobilizations: significantly among the younger generation of the villagers (aged 14 to 27 years), with the greatest variation among the generation born in 1919–1923.

Keywords: age and sex composition; population; Volga-Vyatka region; the Second World War

Введение

В последние десятилетия междисциплинарные исследования прочно вошли в поле научных интересов историков. Основным вектором, определяющим это развитие, на наш взгляд, является междисциплинарный подход, привлечение в исторические исследования работ ведущих специалистов в области демографии, социологии, экономики и других наук. Изучение последствий Второй мировой войны по-прежнему остается перспективной задачей исторической науки. Трансформация возрастно-полового состава населения СССР, РСФСР и ее регионов в 1939–1945 гг. не являлась исключением [1, с. 33]. После полутора лет войны (к 1943 г.) возрастно-половая диспропорция достигла максимального напряжения. Как отмечает В.А. Исупов: «В российской демографической истории это единственный феномен столь значительного разбалансирования соотношения мужчин и женщин» [1, с. 40].

Стремление проанализировать тенденции изменения возрастно-полового состава в годы Второй мировой войны, а также причины и факторы, этому способствующие, необходимость уточнения источниковой базы подобных исследований определили цель данной научной статьи.

Обзор литературы и источников исследования

Исследование основывается на трудах историков и демографов, опубликованных в советский и постсоветский периоды. В них рассмотрен обширный круг вопросов: от демографических последствий войны до изучения численности населения, демографических структур и отдельных аспектов миграции (А.Г. Вишневский, В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, Э.С. Котляр, М.Н. Потемкина, А.В. Митрофанова, Л.Л. Рыбаковский и др.) [2–12]. Отдельно выделим работу В.А. Исупова, в которой наиболее подробно рассматривается проблема гендерного дисбаланса сельского населения России в годы Второй мировой войны [1].

Использовались труды исследователей Волго-Вятского региона, позволяющие более четко представить и проанализировать причины и факторы, способствующие возрастно-половым изменениям, а также оперировать некоторыми статистическими данными (В.К. Абрамов, О.А. Кошкина, Ю.А. Перчиков, Г.В. Серебрянская, Л.Г. Скворцова, В.А. Сомов, В.В. Тимофеев, Н.В. Чернышева, В.А. Юрченков и др.) [13–22].

В работе взят во внимание комплекс опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить по виду

на нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию и статистические источники.

Основным и наиболее полным источником о возрастно-половом составе населения являются переписи населения. Данные Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г. позволяют проанализировать распределение населения Волго-Вятского региона по полу и возрасту. Однако данные переписей не отражают происходивших изменений «внутри» военного периода (1939–1945 гг.).

Уникальным источником о возрастно-половом составе сельского населения СССР в целом, союзных республик и входящих в них территориальных образований является форма «С» «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения» [4, с. 8–9]. В ноябре 1942 г. Госпланом СССР был издан приказ, согласно которому статистикам с 1 января 1943 г. разрешалось использовать материалы сельсоветского учета для определения количества жителей как по стране в целом, так и по ее отдельным регионам¹. Отныне форма «С» входила в систему учета населения страны.

Еще одним источником сведений о составе населения СССР непосредственно после завершения войны являются списки избирателей, составлявшиеся к выборам Верховного Совета СССР 10 февраля 1946 г.² В «Ведомостях подсчета избирателей по полу и году рождения» отражены данные о половом и возрастном составе городских и сельских избирателей (1928 г. р. и старше) автономных республик и областей Волго-Вятского региона, т. е. не затрагивается лишь детское население.

Анализируя данный источник, исследователь В. А. Исупов отмечает: «Несмотря на отсутствие в списках избирателей отдельных категорий населения (не включены военные, спецпоселенцы, заключенные), данные сведения о составе взрослого населения СССР являются фактически единственным, а значит, бесценным источником информации» [1, с. 36].

Результаты исследования

Еще до начала Второй мировой войны в Волго-Вятском регионе, так же, как и в СССР в целом, наметились негативные тенденции в соотношении полов, являвшиеся результатом войн, революций, индустриализации и коллективизации. Ситуация осложнилась военным конфликтом СССР с Японией и Финляндией, скрытыми воинскими мобилизациями, миграцией сельского населения в города.

Распределение населения РСФСР по полу 1939–1959 г. свидетельствует о сокращении доли мужского населения на 3,4 % (47,2 % до 44,6 %). В Волго-Вятском регионе складывались следующие тенденции. За 1939–1959 гг. доля женщин увеличилась на 3,0 % и составляла 56,5 %. Выше

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-1562. Оп. 20. Д. 314. Л. 13–17.

² РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 5, 34–35, 42, 88–89, 93.

среднего по Волго-Вятскому региону преобладание женщин наблюдалось во всех автономных республиках (чуть более 57 %). Доля женщин в городах в 1939 г. и 1959 г. была ниже, чем в сельской местности. В целом по Волго-Вятскому региону в 1959 г. в сельской местности проживало в среднем 57 % женщин и 43 % мужчин, в городских поселениях — 55–56 % женщин и 44–45 % мужчин.

Половая диспропорция усугублялась возрастным дисбалансом населения. За межпереписной период сократилась доля несовершеннолетних (за счет снижения рождаемости и высокой смертности поколений военного и послевоенного 1940–1958 г. р.). Наибольшее снижение доли несовершеннолетних в общей численности населения Волго-Вятского региона наблюдается в возрасте от 10 до 19 лет (1940–1949 г. р.) — на 6,9 % (с 21,9 % в 1939 г. до 15 % в 1959 г.). Доля лиц в возрастных группах 20–29 лет и 30–39 лет (1930–1939 г. р. и 1920–1929 г. р.) увеличивается. В совокупности на эти группы приходилась треть населения Волго-Вятского региона. Удельный вес населения от 40 лет и старше за двадцатилетний период времени увеличился во всех возрастных группах, но особенно среди возрастных групп 40–49 лет и 50–59 лет (1910–1919 г. р. и 1900–1909 г. р.) [23–24]. Однако эти изменения лишь отчасти отражают изменения возрастного-полового состава населения в 1939–1945 гг. Значительные масштабы подобного рода асимметрия приняла на территориях, побывавших в оккупации. В тыловых районах, где в структуре народного хозяйства преобладало сельское хозяйство, возрастного-полового дисбаланс был ощутимее, чем в промышленно развитых регионах, в городской местности которых действовала система бронирования специалистов.

За 1939–1945 гг. среднегодовая численность населения сократилась с 9000,9 тыс. чел. до 7281,3 тыс. чел., или на 19,1 %¹ [23, 25, 27]. Ключевые изменения приходится на период Великой Отечественной войны.

Миграции населения были важнейшим компонентом, влияющим не только на численность, но и на состав населения. Всего за годы Великой Отечественной войны мобилизации в Вооруженные Силы СССР подлежали около 2,0–2,1 млн жителей Волго-Вятского региона (22–23 % населения региона). Людские потери составляли около 824–835 тыс. чел. (39–41 % мобилизованных), или 9,1–9,3 % населения региона. Но и они нуждаются в дальнейшем уточнении. Свообразным видом замещающей миграции была эвакуация, носившая временный характер. В начале 1943 г. по сведениям Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР в Горьковской области было размещено 186,2 тыс. эвакуированных, в Кировской области — 198,6 тыс. эвакуированных, в Марийской

¹ РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 53–54, 101; Там же. Д. 323. Л. 116, 172; Там же. Д. 324. Л. 20; Там же. Д. 405. Л. 2; Там же. Д. 479. Л. 3, 91; Там же. Д. 564. Л. 40, 53; Там же. Д. 626. Л. 1; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об., 10; Там же. Д. 17. Л. 79; Там же. Ф. П1290. Оп. 12. Д. 39 а. Л. 1; Там же. Ф. Р2344. Оп. 2. Д. 1275. Л. 2; Там же. Д. 1683. Л. 1–1 об.

АССР — 28,7 тыс. эвакуированных, в Мордовской АССР — 69,7 тыс. эвакуированных, в Чувашской АССР — 70,8 тыс. эвакуированных¹. В результате реэвакуации к июню 1945 г. в Горьковской области проживало 32,6 тыс. эвакуированных, в Кировской области — 61,5 тыс. чел., в Марийской АССР — 10,1 тыс. чел., в Мордовской АССР — 14,3 тыс. чел., в Чувашской АССР — 13,9 тыс. чел.²

Территориальное распределение рабочей силы осуществлялось в рамках масштабной трудовой мобилизации. В города на постоянную работу на предприятия и стройки привлекалось трудоспособное население, в т. ч. молодежь в учебные заведения государственных трудовых резервов. По стране Комитетом по учету и распределению рабочей силы в период с начала 1942 г. до июля 1945 г. было мобилизовано около 12 млн чел., из них 1084 тыс. чел. жителей Волго-Вятского региона³. Наибольшее количество трудмобилизованных дали Горьковская и Кировская области (более чем 300 тыс. чел. каждая). Большинство населения мобилизовали на сезонные работы (65–78 %), от 8 до 22 % — в промышленность и строительство, 8,0–8,5 % трудмобилизованных направлялись в учебные заведения государственных трудовых резервов.

Воинские и трудовые мобилизации, сама ситуация военного времени отразились на брачно-семейных отношениях, способствовали снижению рождаемости. По нашим оценкам, дефицит рождаемости в Волго-Вятском регионе в годы Великой Отечественной войны составил 701,9 тыс. чел.⁴

Наличие данных о возрастно-половом составе сельского населения позволяет проследить изменения с 1943 г. К 1943 г. диспропорция полов увеличилась по сравнению с 1939 г. Женщины составляли примерно 61–63 % сельского населения Волго-Вятского региона. К началу 1945 г. «разрыв» среди полов еще увеличился (64–68 % сельчан женщины). Лишь в Чувашской АССР доля женщин несколько уменьшилась (с 62,6 % до 59,8 %).

Тенденции изменения возрастного состава мужского и женского населения заметно различались. В структуре мужской части населения наблюдается своеобразная «поляризация»: повышается удельный вес младших возрастных групп от 0 до 17 лет и лиц старше 50 лет, что являлось следствием мобилизации мужчин на фронт [1, с. 39–40]. Например, значительное уменьшение доли мужского населения Горьковской области в начале 1943 г. отмечается в двух возрастных группах (призывного возраста и военнообязанных): 18–24 года с 9,2 % в 1939 г. до 4,4 % в 1943 г. (в 2 раза) и 25–49 лет с 28,9 % в 1939 г. до 12,1 % в 1943 г. (в 2,4 раза) (рис. 1).

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 18. Л. 152.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423. Л. 6–7.

³ ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82–84.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 74. Л. 201; РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 341. Л. 75; Там же. Д. 418. Л. 88, 91; Там же. Д. 577. Л. 91, 94; ЦГАКО. Ф. Р2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Там же. Д. 1226. Л. 4; Там же. Д. 1273. Л. 4.

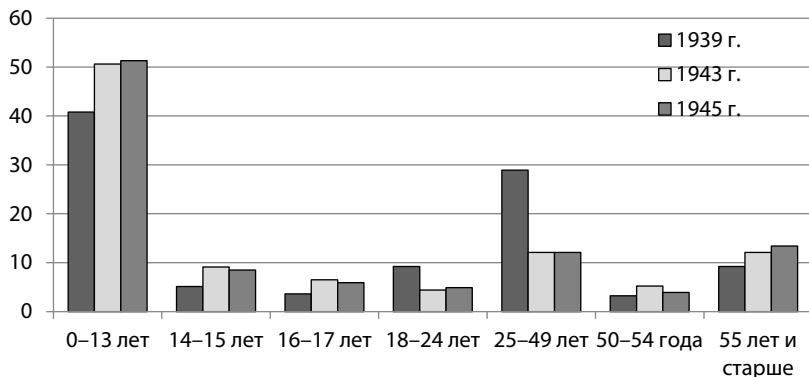

Рис. 1. Изменение возрастного состава мужчин, проживавших в сельской местности Горьковской области (данные на начало года), в % (См. Источник: 27; ГАРФ. А-374. Оп. 140. Л. 35–35 об.; Там же. Д. 335. Л. 173–210; Там же. Д. 336. Л. 55–86)

Распределение женщин по возрастным группам в целом оставалось неизменным, за исключением девочек в возрасте до 13 лет (с 35,6 % в 1939 г. до 29,5 % в 1945 г.) и женщин в возрасте от 25 до 49 лет (с 30,6 % до 29,0 %, соответственно). Такое перераспределение возрастного состава женского населения способствовало увеличению доли девушек подросткового возраста и женщин старших поколений (рис. 2).

К началу 1945 г. разбалансирование возрастно-половой структуры сельского населения Волго-Вятского региона было следующим (табл. 1).

На долю лиц в возрасте от 0 до 13 лет приходилось чуть более половины всех мужчин, проживающих в сельской местности, и примерно 1/3 женщин. В остальных возрастных группах доля лиц мужского пола была

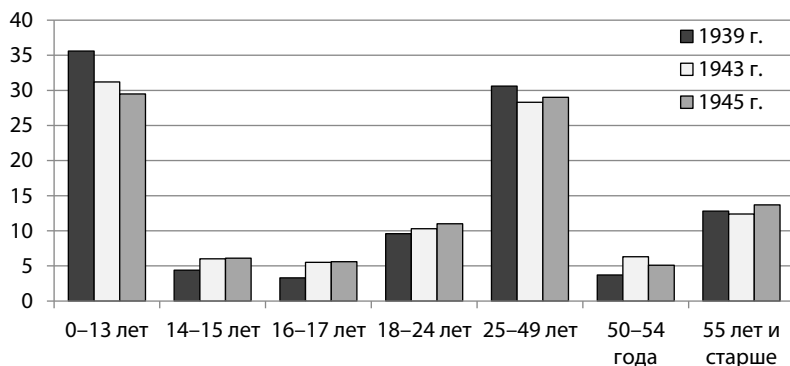

Рис. 2. Изменение возрастного состава женщин, проживавших в сельской местности Горьковской области (данные на начало года), в % (источник: 27; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 140. Л. 35–35 об.; Там же. Д. 335. Л. 173–210; Там же. Д. 336. Л. 55–86)

незначительной. Например, на возрастную группу 18–24 года приходилось всего 4–5 % мужчин, на 25–49 лет — 10–12 % всех мужчин. Распределение женского населения по полу было следующим: примерно 2/3 всех женщин приходилось на две возрастных группы — 0–13 лет и 25–49 лет; 13–14 % — женщины в возрасте 55 лет и старше.

В целом к началу 1945 г. в сельской местности Волго-Вятского региона проявились характерные для России тенденции разбалансирования возрастно-половой структуры населения (табл. 2).

Таблица 1

Распределение мужчин и женщин в сельской местности Волго-Вятского региона по возрастным группам (сведения на 1 января 1945 г.), в %

Возр. группа	Горьковская обл.		Кировская обл.		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
0–13	51,3	29,5	52,2	30,0	52,0	29,8	52,1	30,1	54,1	32,0
14–15	8,5	6,1	9,1	5,6	8,5	5,7	8,3	5,3	8,1	5,0
16–17	5,9	5,6	5,4	4,7	6,0	5,7	6,6	5,8	5,6	4,9
18–24	4,9	11,0	4,6	9,4	5,1	11,5	5,6	12,1	4,1	10,2
25–49	12,1	29,0	11,0	29,9	10,9	28,9	11,3	28,4	11,6	30,3
50–54	3,9	5,1	3,9	5,5	4,0	5,1	3,8	5,1	3,4	4,4
55 и старше	13,4	13,7	13,8	14,9	13,5	13,3	12,3	13,2	13,1	13,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: [1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 338. Л. 259–260; Там же. Д. 335. Л. 173–210; Там же. Д. 336. Л. 55–86; Там же. Д. 339. Л. 1–21; Там же. Д. 345. Л. 56–87; Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 15. Д. 10. Л. 156; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 15–15 об.].

Таблица 2

Распределение сельского населения по полу и возрасту на 1 января 1945 г. (данные по РСФСР и Волго-Вятскому региону), в %

Возр. группа	РСФСР		Горьковская обл.		Кировская обл.		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
0–13	49,2	50,8	49,3	50,7	48,6	51,4	48,3	51,7	48,7	51,3	49,5	50,5
14–15	47,1	52,9	43,5	56,5	47,0	53,0	44,6	55,4	45,7	54,3	48,3	51,7
16–17	38,9	61,1	37,3	62,7	39,0	61,0	35,9	64,1	38,2	61,8	39,9	60,1
18–24	20,2	79,8	20,0	80,0	20,8	79,2	19,6	80,4	20,1	79,9	18,7	81,3
25–49	19,5	80,5	18,9	81,1	16,6	83,4	16,9	83,1	17,8	82,2	18,1	81,9
50–54	30,7	69,3	30,1	69,9	27,8	72,2	29,7	70,3	28,7	71,3	30,9	69,1
55 и старше	33,9	66,1	35,2	64,8	33,4	66,6	35,2	64,8	33,8	66,2	36,5	63,5
Всего	36,2	63,8	35,7	64,3	35,2	64,8	35,7	64,3	35,4	64,6	36,7	63,3

Источник: [1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 338. Л. 259–260; Там же. Д. 335. Л. 173–210; Там же. Д. 336. Л. 55–86; Там же. Д. 339. Л. 1–21; Там же. Д. 345. Л. 56–87; ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 15. Д. 10. Л. 156; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 15–15 об.].

Распределение взрослого населения по полу в 1946 г. (данные по РСФСР и Волго-Вятскому региону), в %

Террит. ед.	Городское население		Сельское население		Всего	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
РСФСР	36,3	63,7	29,8	70,2	32,4	67,6
Горьковская обл. с г. Горький	36,6	63,4	28,5	71,5	31,8	68,2
Кировская обл.	32,9	67,1	27,7	72,3	28,8	71,2
Марийская АССР	31,7	68,3	27,5	72,5	28,3	71,7
Мордовская АССР	32,3	67,7	26,5	73,5	27,1	72,9
Чувашская АССР	34,6	65,4	28,7	71,3	29,7	70,3

Источник: [РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 5, 34–35, 42, 88–89, 93].

Диспропорция в соотношении полов становится ощутимой уже в возрастной группе 16–17 лет (37–39 % мужчины и 60–63 % женщины). Особенно значимой диспропорция была в возрастной группе 18–24 года (молодых мужчин было в 4 раза меньше, чем девушек), а в возрастной группе 25–49 лет более 80 % ровесников составляли женщины.

Как уже отмечалось выше, на основе «Ведомости подсчета избирателей выборов депутатов Верховного Совета СССР 10 февраля 1946 г.» по полу и году рождения, разработанной в ЦСУ СССР, можно проанализировать возрастно-половой состав населения после войны (табл. 3).

К началу 1946 г. соотношение взрослых мужчин и женщин в Волго-Вятском регионе имело более неблагоприятные тенденции, чем в РСФСР в целом. Только в Горьковской области (крупном промышленном центре) среди городского населения соотношение полов соответствовало общероссийской тенденции. В города стремились демобилизованные солдаты. В Кировской области и автономных республиках доля женщин в городской местности была выше, но постепенно соотношение полов в городах будет меняться, о чем свидетельствуют данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. В сельской местности Волго-Вятского региона доля женщин была значительно выше, чем мужчин, и составляла 71–72 %.

Как отмечает историк В.А. Исупов, самый значительный дисбаланс в РСФСР был характерен для возрастных групп от 20 до 27 лет (1919–1926 г. р.). Здесь удельный вес мужчин колебался в пределах от 23,8 % до 26,1 %, т. е. мужчин, подлежащих воинской мобилизации до начала Великой Отечественной войны, и военнообязанных запаса, сформировавших костяк мобилизационной волны лета 1941–1942 гг. Людские потери в этих возрастных группах наибольшие. По данным Л.Г. Скворцовой, 20,5 % потерь в Мордовии приходилось на военнослужащих, мобилизованных в 1941 г. [14, с. 202].

Необходимо учитывать тот факт, что среди мужчин 1924–1927 г. р. (призывались в 1942–1945 гг.) потерь было меньше. Также

отметим, что военнообязанные 1924–1927 г. р. на момент учета продолжали нести службу в Вооруженных Силах СССР. Предположим, что в регионах Центральной России эти колебания были еще значительнее. Например, в Горьковской области (вместе с г. Горький) мужчин в возрасте 25–27 лет (1919–1921 г. р.) насчитывалось 17,7 %, в возрасте 20–24 года (1922–1926 г. р.) — 23,9 %¹. Ситуация в средних и старших возрастных группах была лучше, чем в младших [1, с. 44]. В Горьковской области (вместе с г. Горький) мужчины в возрасте от 28 лет до 55 лет составляли 40,0 %².

Заключение

Вторая мировая война и вызванные ею последствия исказили возрастно-половой состав населения РСФСР и ее отдельных регионов. Ставшее следствием событий 1920–1930-х гг. искажение возрастно-половой пирамиды усилилось в 1939–1940 гг. и достигло своего пика в годы Великой Отечественной войны. Дисбаланс в соотношении полов являлся следствием воинских и трудовых мобилизаций и проявлялся в наибольшей степени среди молодого поколения.

Возрастно-половой дисбаланс имел ощутимые последствия в социальной, экономической сфере, демографическом развитии и т. д. Эти последствия прослеживаются в последующих переписях населения России второй половины XX — начала XXI в. Наиболее существенные изменения возрастно-полового состава в тыловых районах России зафиксированы в сельской местности, но и в городской эти изменения были ощутимы, несмотря на то, что в промышленно развитых областях они выражены в меньшей степени.

Список источников

- [1] *Исупов В. А.* Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32–49.
- [2] *Вишневский А. Г.* Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 3–42.
- [3] *Вишневский А. Г.* Демографический след войны // Демоскоп Weekly. № 689–690. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf>.
- [4] *Население России в 1939–1945 гг. / В. Б. Жиромская, В. А. Исупов, Г. Е. Корнилов // Российская история.* 2019. № 3. С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870005112-4>.
- [5] *Жиромская В. Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. 1946–1960. Москва : РГГУ, 2009. 287 с.
- [6] *Жиромская В. Б.* Демографические потери мирного российского населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. 2015. № 13. С. 82–90.

¹ РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 34–35.

² Там же.

[7] *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

[8] *Исупов В. А., Корнилов Г. Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46–53.

[9] *Котляр Э. С.* Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. Москва : Высшая школа, 1975. 240 с.

[10] *Митрофанова А. В.* Мобилизация трудовых ресурсов в условиях Отечественной войны // Россия в XX веке. Историка мира спорят: сб.ст. / под ред. И. Д. Ковальченко. Москва : Наука, 1994. С. 502–507. 750 с.

[11] *Потемкина М. Н.* Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Сб. ст. X Уральского демографического форума : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2019. С. 139–140. 428 с.

[12] *Рыбаковский Л. Л.* Людские потери СССР и Россия в Великой Отечественной войне. Москва : Каталог, 2001. 193 с.

[13] *Абрамов В. К.* Демографические потери Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история. 2011. № 2. С. 8–14.

[14] *Скворцова Л. Г.* Боевые потери уроженцев Мордовии в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3. С. 199–205.

[15] *Перчиков Ю. А.* Советы Волго-Вятского региона РСФСР. 1941–1945 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 145 с.

[16] *Серебрянская Г. В.* Волго-Вятский арсенал. Промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Нижний Новгород : НГТУ, 1997. 250 с.

[17] *Сомов В. А.* Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вят. Академии гос. службы, 2008. 234 с.

[18] *Тимофеев В. В.* Республики Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Москва : Центр гуманитар. лит-ры «РОН», 2004. 146 с.

[19] Мордовия XX век: в 2-х томах. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Юрченкова. Саранск : Изд-во НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. 401 с.

[20] Мордовия XX век: в 2-х томах. Т. 2 / под общ. ред. В. А. Юрченкова. Саранск : Изд-во НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. 521 с.

[21] *Кошкина О. А.* Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2008. 237 с.

[22] *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.

[23] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_por_39_1 (дата обращения: 12.03.2022).

[24] Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 12.03.2022).

[25] Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Ист. стат. сб. / ред. кол. Н. И. Зорин и др. Киров : Киров. обл. комитет гос. статистики, 2000. 680 с.

[26] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области / ред. кол. В. А. Зырин и др.: стат. сб. Киров : ГИПП Вятка, 1996. 448 с.

[27] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение сельского населения Горьковской области по полу и возрасту. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php?reg=26&gor=2&Submit=OK (дата обращения: 12.03.2022).

References

[1] *Isupov V. A.* Gender disbalance of the rural population in Russia (RSFSR) during World War II (1939-1945) // *Demographic Review*. 2019. Vol. 6, No 1. Pp. 32-49.

[2] *Vishnevsky A. G.* Demographic consequences of the Great Patriotic War // *Demographic Review*. 2016. Vol. 3, No 2. Pp. 3-42.

[3] *Vishnevsky A. G.* The demographic trace of the war // *Demoscope Weekly*. No. 689-690. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf>.

[4] *Zhiromskaya V. B., Isupov V. A., Kornilov G. E.* The population of Russia in 1939-1945 // *Russian history*. 2019. No. 3. Pp. 3-17. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086956870005112-4>.

[5] *Zhyromskaya V. B.* Life potential post-war generations in Russia: historical-demographic aspect. 1946-1960. M.: RSGU, 2009. 287 p.

[6] *Zhyromskaya V. B.* Demographic losses of the Russian civilians during the great patriotic war // *Bulletin of Russian State University for the Humanities*. 2015. No. 13. Pp. 82-90.

[7] *Isupov V. A.* Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000. 242 p.

[8] *Isupov V. A., Kornilov G. E.* Population of Russia during the World War II (1939-1945) // *Ural Historical Journal*. 2017. No. 4. Pp. 46-53.

[9] *Kotlyar E. S.* State labor reserves of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: Higher school, 1975. 240 p.

[10] *Mitrofanova A. V.* Mobilization of labor resources in the conditions of the Patriotic War // *Russia in the XX century. Historians of the world argue: a collection of articles* / ed. I. D. Kovalchenko. M.: Nauka, 1994. 750 p. Pp. 502-507.

[11] *Potemkina M. N.* Demographic aspect of population evacuation into the Soviet rear during the Great Patriotic War // *Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region. Collection of articles of the X Ural*

Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. 2. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. 428 p. Pp. 139–140.

[12] *Rybakovsky L. L.* Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War. M.: Catalogue, 2001. 193 p.

[13] *Abramov V. K.* Population losses of Mordovia during the Great Patriotic War // Economic history. 2011. No. 2. Pp. 8–14.

[14] *Skvortsova L. G.* The battle losses among natives of the Monrovia during the Great Patriotic War (the comparative analysis) // Izvestiya of Altai State University. 2009. No. 4–3. Pp. 199–205.

[15] *Perchikov Yu. A.* Councils of the Volga-Vyatka region of the RSFSR. 1941–1945. Saratov: Saratov Publishing House. un-ta, 1992. 145 p.

[16] *Serebryanskaya G. V.* Volga-Vyatka arsenal: industry on the eve of and during the Great Patriotic War. N. Novgorod: NGTU, 1997. 250 p.

[17] *Somov V. A.* Because there was a war... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945). Nizhny Novgorod: Volgo-Vyat Publishing House. Academy of State services, 2008. 234 p.

[18] *Timofeev V. V.* Republics of the Volga-Vyatka region on the eve and during the Great Patriotic War (1938–1945). Moscow: Center for the Humanities. Literature «RON», 2004. 146 p.

[19] Mordovia XX century: in 2 volumes. T. 1 / under the general. ed. V. A. Yurchenkov. Saransk: Publishing House of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2005. 401 p.

[20] Mordovia XX century: in 2 volumes. T. 2 / under the general. ed. V. A. Yurchenkov. Saransk: Publishing House of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2005. 521 p.

[21] *Koshkina O. A.* Agriculture and the collective farm peasantry of the Mari ASSR during the Great Patriotic War: 1941–1945 : dis. ... cand. hist. Sciences: 07.00.02. Yoshkar-Ola, 2008. 237 p.

[22] *Chernysheva N. V.* Socio-demographic processes in the Kirov region during the Great Patriotic War. Kirov: Publishing house of VyatSGU, 2012. 203 p.

[23] All-Union population census of 1939. The actual population of the USSR in the Union republics, territories, regions and autonomous republics. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1 (accessed on 03.12.2022).

[24] All-Union population census of 1959. Distribution of the population of Russian regions by sex, age and marital status. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (accessed on 03.12.2022).

[25] Vyatka region at the turn of the millennium. History and modernity: hist. stat. collection / ed. N. I. Zorin et al. Kirov: Kirov. region state committee statistics, 2000. 680 p.

[26] 200 years of Vyatka province. 60 years of Kirov region / ed. V. A. Zyryn et al.: statistical collection. Kirov: GIPP Vyatka, 1996. 448 p.

[27] All-Union population census of 1939. Distribution of the rural population of the Gorky region by sex and age. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php?reg=26&gor=2&Submit=OK (accessed on 03.12.2022).

II. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-1>

УДК 159.9.075

JEL I21, I24

ПРОБЛЕМА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ, СДАЮЩИХ ИТоговый ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН¹

В. А. Архипова, А. А. Веснина, П. Ю. Цицман

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: В. А. Архипова (v.arkhipova95@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена анализу психоэмоционального состояния выпускников школы. Рассмотрены основные социально-психологические факторы, влияющие на успешность сдачи государственного итогового экзамена выпускниками. Для получения конкретных данных был использован метод анкетирования. Анкета была посвящена общим проблемам психоэмоционального состояния обучающихся, мотивации успешного обучения, основным стратегиям при подготовке к предстоящим экзаменам. В исследовании приняло участие 144 выпускника школ г. Екатеринбург. Проанализированы общий уровень тревожности выпускников, названы основные факторы, препятствующие усиленной подготовке к экзаменам. В целом исследование показало общую тенденцию неудовлетворенности подготовки к предстоящим экзаменам на фоне тревожного психоэмоционального состояния выпускников. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть применены в социологии и психологии образования.*

Ключевые слова: выпускники школ, психоэмоциональное состояние, образование, успешность обучения

Psycho-Emotional State of School Graduates Taking the Final State Exam

V. A. Arkhipova, A. A. Vesnina, P. Y. Tsitsman

Ural Institute of Management, Branch of RANEPA (Eкатеринбург, Russia).

Corresponding author: V. A. Arkhipova (v.arkhipova95@mail.ru).

Abstract. *The article analyses the psycho-emotional state of school graduates. The main socio-psychological factors influencing successful passing of the final state exam by graduates are considered. To obtain specific data, a questionnaire method was used. The questionnaire examined general problems of the psycho-emotional state of students, the motivation for successful learning, the main strategies of preparing for upcoming exams. The study involved 144 graduates of Ekaterinburg schools. The general level of anxiety of graduates is analysed, the main factors preventing enhanced preparation for exams are listed. The study revealed a general trend of dissatisfaction with the preparation for the upcoming exams against the background of the anxious state of graduates. The data obtained during the research can be applied in the sociology and psychology of education.*

Keywords: school graduates; psycho-emotional state; education; learning success

¹ Архипова В. А., Веснина А. А., Цицман П. Ю. Текст. 2022.

Введение

Трансформация современной системы школьного образования оказывает сильное влияние на развитие личности, определяя особенности ее становления в условиях увеличивающейся неопределенности и изменчивой социальной реальности. Наиболее чувствительными к происходящим изменениям являются субъекты образовательного процесса, а именно юноши и девушки, сдающие выпускные экзамены. Принимая во внимание психологические новообразования юношеского возрастного периода, важно отметить, что молодым людям на начальном этапе становления социальной зрелости характерны формирование ведущих мотивов, интересов, ценностных ориентаций, проявление тенденции к усовершенствованию своих способностей, что в свою очередь обеспечивает в дальнейшем устойчивость общества.

Данный период является важным и значимым в развитии школьников, поскольку в это время происходит становление и развитие сенситивных качеств личности, в результате которых приобретает внутреннее единство с собой, выстраивается взаимодействие с социумом, формируется целостное поведение, становится осознаваемым соотношение своих поступков и социальных нормативов. Вместе с тем данный период взросления сопровождается достаточно стрессовыми событиями в жизни школьников, а именно сдачей выпускных экзаменов, влияющих на всю дальнейшую учебную и профессиональную траекторию.

В отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных изучению молодежи, все чаще стали говорить о проблеме психоземotionalного состояния выпускников (З. Бауман, Х. Витт, Б.Ю. Берзин, Н.Г. Чевтаева, Н.Б. Костина, О.С. Вендекер, А.В. Мальцев, Г.Е. Зборовский и др.). В старшем школьном возрасте молодежь намного сильнее подвержена излишней эмоциональности, повышенной тревожности, фрустрации, что в свою очередь приводит к снижению образовательной мотивации, появлению имитационных образовательных стратегий и учебных симулякров. Резко снижаются возможности успешной реализации своего потенциала в трудовой сфере вследствие размытости у них профессиональной ориентации и самоопределения.

Выпускные экзамены являются не просто фактором дополнительного стресса, они выступают одним из основных источников формирования тревожности. В период подготовки и сдачи экзаменов происходит увеличение объема учебного материала, усиливается психологическое и эмоциональное давление со стороны родителей и школы на выпускников. Выпускники находятся в парадоксальном положении: с одной стороны, им необходимо успешно сдать экзамены для поступления в вуз, с другой стороны, нет точного представления, как будет выглядеть рынок труда спустя несколько лет. Данное обстоятельство еще больше провоцирует фрустрацию, которая характеризуется личными переживаниями, озабоченностью и тревогой относительно своего неопределенного будущего. Помимо

этого, процедура экзамена представляет собой продолжающуюся в течение нескольких часов стрессовую ситуацию: присутствие наблюдателей, строжайшие правила поведения, вероятность получения неизвестных выпускнику заданий. В совокупности эти факторы являются нарушением зоны комфорта человека, вследствие чего происходит повышение уровня беспокойства и страха.

При подготовке к экзаменам нервная система человека испытывает длительное и глубокое напряжение, это влечет за собой многочисленные негативные последствия на психику и здоровье индивида [1]. В этот период тревожное состояние часто может быть связано с отсутствием удовлетворения главных потребностей человека, приобретающих гипертрофированный характер. Тревожность оказывает разрушительное влияние на продуктивность школьников старших классов, что снижает концентрацию внимания и способность корректно решить задачу.

Психологические ресурсы саморегуляции представляют собой устойчивые стратегии построения динамического взаимодействия с обстоятельствами жизни (оптимистичность, локус контроля, толерантность к неопределенности) [7, 8]. К социально-психологическим факторам устойчивости относятся жизнестойкость, ценностно-смысловые ориентации, осмысленность. Повышенная тревожность, страх перед сдачей экзаменов, непринятие целей обучения являются важными аспектами развития образовательной неуспешности и психоэмоционального неблагополучия обучающихся [9, 10].

Целью статьи является изучение психоэмоционального состояния выпускников старших классов, сдающих единый государственный экзамен.

Обзор теоретико-методических оснований исследования проблемы психоэмоционального состояния выпускников школы

Согласно исследованиям И.А. Бобровой и О.В. Чурсиновой, для участников коллектива, в котором осуществляется подготовка к экзаменам, важнейшим фактором является их совместимость; именно она формирует благоприятную для обучения и подготовки школьника психоэмоциональную среду [2]. Общество требует от учеников 9–11 классов быстрого профессионального самоопределения в узкие сроки, но зачастую в этом возрасте они еще не до конца осознают себя, свои интересы и ценности. В большинстве случаев выпускники не могут определиться с выбором будущей профессии или делают неверный выбор под давлением основных социальных институтов. Все это негативно влияет на психоэмоциональное состояние, мотивацию готовиться к экзаменам, поскольку существует вероятность, что в дальнейшем полученные профессиональные навыки не будут востребованы рынком труда или утратят свою актуальность с будущими целями самых выпускников. Высокий уровень тревожности может отвлекать школьника от продуктивной подготовки и сдачи экзамена, что в значительной степени влияет на его успех в будущем.

Сказанное выше подтверждают исследования Г.Е. Зборовского и П.А. Амбарово́й о трансфере человеческого капитала учащихся образовательной общности от неуспешности к успешности. Согласно работам авторов, на сегодняшний день молодежь, обладающая высоким качеством человеческого капитала, стала дефицитным ресурсом в системе образования [5, 6].

В период обучения в 8 и 10 классах школьники чаще характеризуются более устойчивым психоэмоциональным состоянием, они менее тревожны, имеют более позитивный взгляд на мир и свое место в нем. С переходом в выпускной класс ситуация становится более острой. Все, что в прошлом было абстрактным, в это время становится реальным, приближающимся и пугающим. Существует некоторая часть выпускников, которая в этих условиях все же может сохранять оптимистичность, соотнести свои цели с реальными возможностями, регулировать свое состояние и контролировать тревогу. Вместе с тем, как показывает анализ О.С. Виндекер, большая часть обучающихся в школьной системе образования отличается сниженной самооценкой, повышенной тревожностью и нестабильностью своего психоэмоционального состояния [3].

Материалы и методы

Для изучения психоэмоционального состояния школьников был использован метод анкетирования, включающий три основные шкалы: тревожность, активность, смысловые ориентации. Выборку исследования составили 144 выпускника в возрасте от 16–19 лет (117 девушек и 27 юношей) г. Екатеринбург.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программ MS Excel.

Результаты и их обсуждение

В исследовании приняли участие 144 человека. Учеников 16 лет — 22 человека (15,3 %), 17 лет — 49 человек (34 %), 18 лет — 43 человека (29,9 %), 19 лет — 30 человек (20,8 %) (рис. 1).

Анализ жилищных условий респондентов позволил установить, что 119 (82,6 %) обучающихся живут с родителями в отдельной благоустроенной квартире, 9 (6,3 %) обучающихся имеют собственную квартиру, 6 (4,2 %) снимают комнату / квартиру, 10 (6,9 %) обучающихся — в общежитии (рис. 2). На основе полученных

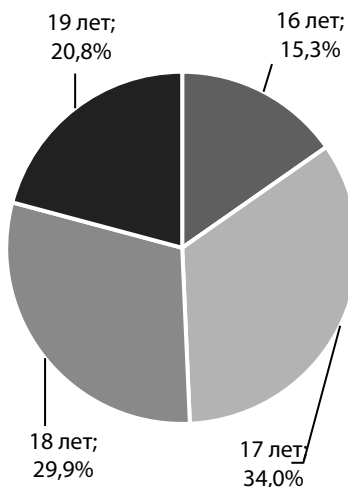

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту, %

Рис. 2. Распределение респондентов по типу жилищных условий, %

данных можно сделать вывод, что у большинства респондентов жилищные условия являются благоприятными. Стоит отметить, что благоприятные условия проживания положительно влияют на продуктивность и психоэмоциональное состояние выпускников, что свидетельствует о важности комфорта окружающей обстановки для школьника.

Наличие ресурсов для подготовки помимо школьной программы является важным фактором успешной аттестации, т. к. в школах России в последнее время наблюдается нехватка учителей, кроме того, педагоги не успевают уделить должное время подготовке конкретного ученика, поэтому для выпускников владение дополнительными источниками информации является важным аспектом. Так, данные, приведенные Л. Гудковым, показывают, что лишь для 10–15 % выпускников ориентация на получение высококачественного образования не просто декларируется, но и сопровождается реальными усилиями в подготовке к экзаменам с помощью дополнительных ресурсов [4].

В оценке имеющихся ресурсов для подготовки к выпускным экзаменам было выявлено, что у большинства респондентов (96 человек, или 66,7 %) достаточно ресурсов для полноценной подготовки, 40 (27,8 %) опрошенных хотели бы получать больше информации для подготовки, около 8 выпускников (5,6 %) имеют недостаточное количество или вообще не имеют ресурсов для подготовки.

Анализ вовлеченности к подготовке экзаменам показал, что 74 (51,4 %) имеют среднюю вовлеченность, готовятся время от времени; 63 (43,8 %) вовлечены и ведут активную подготовку; 7 (4,9 %) практически или полностью не готовятся к аттестации.

Следующим критерием нашей оценки была тревожность выпускников. 82 (56,9 %) опрошенных отметили, что испытывают тревожность в связи с вероятностью неудачи на экзаменах, некоторые (25 человек, или 17,4 %)

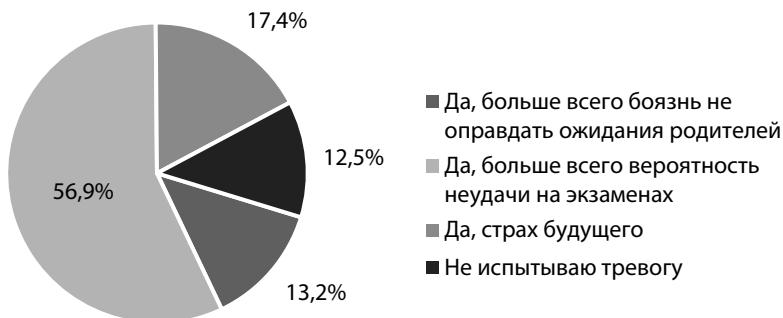

Рис. 3. Распределение тревожности среди опрошенных выпускников, %

испытывают тревожность из-за страха будущего, 19 (13,2 %) школьников тревожит мысль о том, что они могут не оправдать ожидания родителей, 18 (12,5 %) человек не испытывают тревогу (рис. 3).

При анализе вопроса об уверенности в своих силах относительно сдачи экзаменов выяснилось, что 107 (74,3 %) выпускников уверены полностью или в большей степени в своем успехе, в то время как 37 человек (25,7 %) не уверены в своих силах абсолютно или частично. Также 108 (75 %) опрошенных думают, что смогут полностью или частично подавить свое волнение, 36 (25 %) человек высказались в сторону своей неуверенности в способности преодолеть его.

Мы попросили респондентов охарактеризовать свое состояние в течение года в выпускном классе. Результаты их ответа можно наблюдать

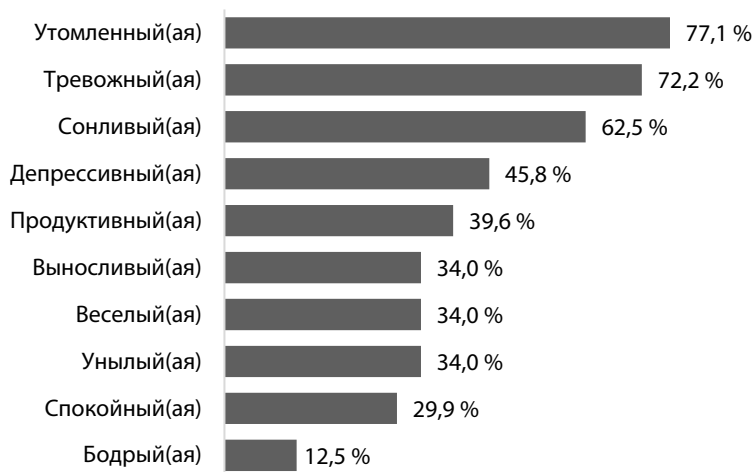

Рис. 4. Состояние выпускников в выпускном классе, %

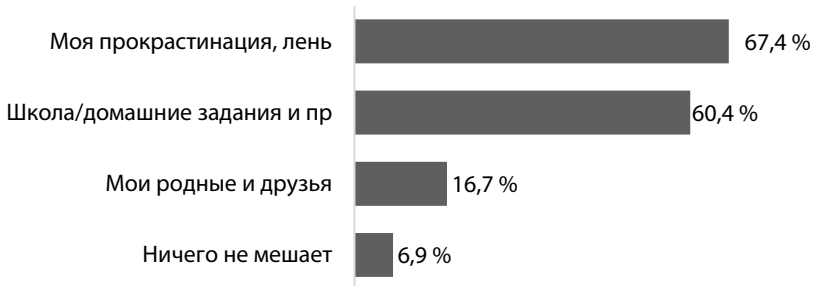

Рис. 5. Отвлекающие факторы, %

Рис. 6. Возможности, которые дает образование, %

на рисунке 4. Важно заметить, что большинство из них испытывают утомление и тревожность, они часто сонливы. Около половины опрошенных чувствуют себя продуктивными, выносливыми, веселыми. В этом же диапазоне находится количество учеников, которые испытывают дискомфортное состояние и уныние, меньше всего они чувствуют себя бодрыми. Таким образом, при большом количестве позитивных ощущений, выпускники все же часто чувствуют себя плохо, что может быть связано с переизбытком нагрузки для их возраста не только школьной программой, но и эмоциональным давлением и затратами энергии на подготовку.

Понимая, что на состояние учеников влияют многие факторы, мы заинтересовались у них, что больше всего отвлекало их от продуктивной подготовки. По результатам этого опроса, можно сделать вывод, что большинству из них мешает прокрастинация и лень, а также в значительной степени отвлекает большое количество школьных занятий и выполнение домашней работы (рис. 5).

Помимо этого, нами исследованы основные неудовлетворенные потребности на этапе подготовки к экзаменам. Большинство респондентов

отметили, что им нужно больше отдыха от подготовки и школы, чаще видеться с друзьями. Около половины хотели бы отсутствия избыточного вмешательства в их жизнь и больше времени на их любимые занятия вне школы, также большому количеству из них требуется более усиленная продуктивная подготовка к экзаменам.

На вопрос о мотивации успешной сдачи экзаменов респонденты отметили, что главным стимулом усиленной подготовки является понимание того, что знания им нужны для дальнейшей работы и учебы, а также их желание быть образованным, культурным человеком. Большинство опрошенных считает, что высшее образование дает возможность самореализации, гарантию стабильности, высокооплачиваемую работу (рис. 6). Около половины сказали о возможности получить интересную работу и достичь социального признания, уважения, четверть высказалась в сторону того, что сегодня диплом о высшем образовании ничего не дает.

Результаты анализа всех ответов на вопросы позволяют установить, что в преддверии экзаменов у большинства школьников выпускных классов наблюдаются утомление, сонливость и тревожность.

Заключение

В ходе нашего анализа удалось выяснить, что у большинства школьников имеются хорошие условия для проживания и ресурсы для продуктивной подготовки к экзаменам. Активность учеников находится на среднем уровне, но преобладающее большинство уделяет внимание подготовке. У многих выпускников отмечается высокий уровень тревоги, в основном из-за страха экзаменов и боязни не справиться со стрессом, но все же большинство из них уверены в своих силах относительно прохождения аттестации. Вместе с тем выпускникам хотелось бы уделять больше времени внеучебным занятиям, а также чувствовать поддержку со стороны близких.

В целом исследование показало общую тенденцию неудовлетворенности подготовки к предстоящим экзаменам на фоне тревожного психоэмоционального состояния выпускников. Необходимо корректирование основных направлений образовательного менеджмента учащихся старшей школы. Остается проблематичным решение повышения сознательности и ответственности самих школьников за результаты их учебной деятельности. Помимо этого, важным аспектом является уравнивание целедостижительных и процессуально-ориентированных видов деятельности для восстановления психоэмоционального состояния обучающихся.

Список источников

[1] *Безруких М. М.* Динамика статистических характеристик сердечного ритма у подростков 10–16 лет в процессе учебной деятельности // Новые исследования по возрастной физиологии. 1985. № 2. С. 58.

[2] *Боброва И. А., Чурсинова О. В.* Психологическая подготовка обучающихся к государственной итоговой аттестации Ставрополь : СКИРО ПК и ПРО, 2014. 74 с.

[3] *Виндекер О. С.* К вопросу об образовательной мотивации студентов // *Ананьевские чтения-2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): мат-лы Междун. науч. конф. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2020. С. 689–690.*

[4] *Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая.* Москва : Московская школа политических исследований, 2011. 96 с.

[5] *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // *Мир России.* 2019. Т. 28, № 2. С. 102.

[6] *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала // *Мир России.* 2021. № 1. С. 94

[7] *Зиренко М. С., Корнилова Т. В.* Толерантность к неопределенности, интеллект и личностные черты: кросс-культурные исследования российских и американских студентов // *Вестник Московского государственного областного университета.* 2021. № 1. С. 20–31. (Психологические науки).

[8] *Леонтьев Д. А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал.* 2016. № 62. С. 18–37.

[9] *Личностные особенности и академическая успеваемость у школьников с различными профилями осознанной саморегуляции учебной деятельности / В. И. Моросанова, А. М. Потанина, И. Ю. Цыганов // Педагогика.* 2020. Т. 84, № 9. С. 29–44.

[10] *Осин Е. Н.* Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // *Психологическая наука и образование.* 2015. Т. 20, № 4. С. 57–74.

References

[1] *Bezrukikh M. M.* The dynamics of the statistical characteristics of the heart rhythm in adolescents 10-16 years in the process of educational activity // *New studies on age-related physiology.* 1985. No. 2. p. 58.

[2] *Bobrova I. A., Chursinova O. V.* Psychological training of students for the state final certification. Stavropol: SKIRO PC and PRO, 2014. 74 p.

[3] *Vindeker O. S.* On the question of students' educational motivation // *Ananyev Readings-2020. Psychology of service activity: achievements and prospects of development (in honor of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945): materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2020. Pp. 689-690.*

[4] *Youth of Russia / L. D. Gudkov, B. V. Dubin, N. A. Zorkaya.* Moscow: Moscow School of Political Studies, 2011. 96 p.

[5] *Zborovsky G. E., Ambarova P. A.* The Dream of Quality Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities // Universe of Russia. 2019. Vol. 28, No. 2. p. 102.

[6] *Zborovsky G. E., Ambarova P. A.* The Transition of Educational Communities from Failure to Success in Human Capital Transfer // Universe of Russia. 2021. No. 1. Pp. 94.

[7] *Zirenko M. S., Kornilova T. V.* Tolerance of uncertainty, intelligence, and personality traits: a cross-cultural study on Russian and American students // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. 2021. No. 1. Pp. 20-31

[8] *Leontiev D. A.* Autoregulation, resources, and personality potential // Siberian Journal of Psychology. 2016. No. 62. Pp. 18-37.

[9] Personal characteristics and academic performance of students with different profiles of conscious self-regulation of educational activities / V. I. Morosanova, A. M. Potanina, I. Yu. Tsyganov // Pedagogika. 2020. Vol. 84, No. 9. Pp. 29-44.

[10] *Osin E. N.* Alienation from study as a predictor of burnout in university students: the role of the educational environment characteristics // Psychological science and education. 2015. Vol. 20, No. 4. Pp. 57-74.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-2>

УДК 316.752

JEL A13, A14, D10, D11, D19

**ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И ЦЕННОСТИ
СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ
ДЛЯ ПОИСКА ПРОГРАММНЫХ РЕШЕНИЙ¹**

Д. Д. Биккина

МГИМО МИД РФ (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-7540-2408>

Автор для корреспонденции: Д. Д. Биккина (kamilova_93@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки кризиса представлений о семье в контексте психоэмоционального состояния общества, факторы психоэмоционального состояния общества, приводящие к ситуации кризиса. Освещены ключевые тенденции в изменении представлений молодежи о семейном укладе и предложены шаги для исследования данного вопроса, просвещения молодежи и интериоризации семейных ценностей в сознание молодого поколения. Сделан вывод, что ключевой задачей для человечества в настоящей кризисной ситуации становится необходимость поддерживать приоритетные ценности, фундаментальными из которых являются семья, мир, здоровье, взаимная забота и красота.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, семейный кризис, демография, молодежь

**Psycho-Emotional State of Society and Family Values in the Minds of Youth:
Sociological Challenges and Prerequisites for Finding Programme Solutions**

D. D. Bikkinina

MGIMO University (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-7540-2408>

Corresponding author: D. D. Bikkinina (kamilova_93@mail.ru).

Abstract. Prerequisites for the expectations related to the family life are disclosed in connection with the psycho-emotional state of society. The factors of the psycho-emotional state of society, leading to a crisis situation, are highlighted. The key trends concerning researching this issue, educating the youth and internalising family coverage are examined. Finally, it is concluded that in order to fulfil the goals of the human community in a global perspective, the priorities of universal human values are to be followed, namely: life, peace, family, health, kindness, love, and beauty.

Keywords: family; family values; family crises; demography; youth

Введение

На сегодняшний день исследователи отмечают, что отношение к семье радикально меняется, что подтверждает существование масштабного кризиса в восприятии семьи как института и семейных отношений. Ключевой

¹ © Биккина Д. Д. Текст. 2022.

вызов перед человечеством, возникающий в связи с этим, заключается в сохранении ценностей с адаптацией их к динамически трансформирующейся структуре общественных отношений и институтов.

Настоящая статья фокусирует внимание читателя на проблеме изменения системы семейных ценностей в связи с динамикой психоэмоционального состояния общества. Продемонстрирована актуальность исследований в отношении изменений семейных ценностей в восприятии молодежи. В фокусе исследования находится трансформация понятия семьи, категорий супружества, дегности и родства. Рассмотрены факторы, влияющие на готовность молодежи к созданию семьи.

Вопросы семейных ценностей в восприятии молодежи были исследованы следующими специалистами: Ю.С. Жиров, С.П. Иваненков, С.А. Ильиных, О.В. Кучмаева, А.А. Митрикас, А.Д. Парамонова, Т.К. Ростовская, В.Р. Тлемешок, И.В. Троцук, Б.Б. Хубиев, Е.М. Черняк и др. В статье представлен обзор тезисов основных исследований, посвященных вопросу влияния общества на индивидуальное восприятие семьи. По итогам анализа сформулированы предположения относительно причин семейного кризиса в современном обществе и рекомендации, реализация которых может привести к улучшению ситуации.

Актуальность статьи обусловлена тем, что большая часть исследований нацелена на отслеживание индивидуальной динамики отношения к семье среди молодежи. Представляется, что наряду с методами опроса и мониторинга имеет ценность попытка изучить восприятие семейных ценностей лицами, относящимися к молодежи, в парадигме институциональных изменений современного общества — в частности, в канве изменения воспринимаемого образа семьи, демографической ситуации и распространенных форм брака. На рассмотрение семейных ценностей молодежи через призму изменений в обществе и нацелена данная работа.

Психоэмоциональное состояние общества и ценности семьи в представлениях молодежи

На текущий момент общество проходит сквозь конфликт ценностей, сопряженный с относительно широким «доступным» спектром личных и социальных траекторий развития. Мировоззренческие разночтения обуславливают несогласие в вопросах рождения и социализации детей. Специалисты — социологи и психологи — отмечают наличие следующих явлений: меняется конфигурация семьи, возникают новые гендерные роли, стремительно трансформируются представления о гендерной идентичности. Изменение структуры семьи и ее воспринимаемого образа накладывает отпечаток на мировоззрение индивида, мотивы к созданию семьи, а также влияет на возможность межпоколенной передачи традиционных ценностей. Для целей данной статьи рассмотрим, как семейные ценности воспринимаются и меняются в представлениях молодежи, а также исследуем возможную связь между психоэмоциональным состоянием

общества и семейными ценностями. Для этого необходимо определить понятия «ценности» и «семьи».

При рассмотрении понятия ценности мы будем использовать его определение в качестве указания на социальную значимость объектов и событий с учетом их онтологии, а также должностования, существующего для человека в связи с категориями указанных объектов и явлений [1, с. 259]. Представления о подобных ценностях формируют структуру личности, регламентируют человеческое поведение во всех сферах деятельного присутствия человека. Восприятие ценностей обусловлено исторически и в то же время формируется индивидуально. Ценности на каждом уровне воплощаются в поведении и решениях, которые принимает индивид в отношении своих поступков.

Так, трансформация ценностей, относящихся к восприятию семейно-брачных отношений, обусловлена радикальными изменениями во всех сферах жизни общества — в экономике, политике и культуре. Меняется представление о понятии «семья» и отношение к традиционным институтам, к каковым относится брак. Брачные отношения воспринимаются с меньшей формальностью, снижается строгость нравственных и правовых требований к союзу мужчины и женщины. Более того, в большинстве случаев можно наблюдать лояльность представителей молодежи по отношению к однополым союзам.

На фоне изменений традиционную нуклеарную семью можно встретить все реже. Существует тенденция к образованию новых семей при существовании детей, рожденных в предыдущем браке. Зачастую ребенок проходит начальные этапы социализации в двух семьях одновременно. В результате, воспринимаемый образ семьи не может оставаться прежним — фактически ребенок теряется среди значимых взрослых, непосредственно воздействующих на формирование сознания в детстве и юношестве. Ситуация усугубляется тенденцией к увеличению количества неполных семей, «сетевых» семей — в силу чего понятие традиционных семейных отношений и «уклада» семьи становится флюидным — фактическая динамика отношений в семье влияет на воспринимаемый образ семьи и представления ребенка (в будущем представителя молодежи) о счастливой (т. е. желаемой) семье.

Процесс изменения представлений о семье сопровождается: 1) ослаблением родственных связей (процесс нуклеаризации); 2) снижением воспринимаемой ценности союза родителей и детей (процесс конъюгализации); 3) изменением отношения к союзу супругов (процесс индивидуализации, автономизации); 4) утратой воспринимаемой значимости родства, родительства и супружества (также единства брачного, сексуального и репродуктивного поведения [2, с. 193–200]). Настоящую ситуацию можно обозначить как кризис семьи [3 с. 20–29].

К факторам изменений относят фрустрацию потребностей в культурной сфере, в частности в связи с распространением информации, чуждой

для отечественной культуры; влияние негативного опыта, полученного в родительской семье (конфликты, развод, травматический опыт и др.); восприятие внебрачных форм отношений; ослабление ценностных представлений, относящихся к семье и браку; отсутствие надлежащей подготовки молодежи к условиям семейной жизни [8, 10].

Наряду с понятием семьи изменяется ценность ключевых аспектов семейного уклада — сожительства супругов, воспитания детей и др. Традиционная семья, транслирующая культурные стереотипы, была ориентирована на детей. Разобширение членов семьи, возрастающее количество разводов привело к тому, что родители перестали уделять достаточное количество внимания детям. Воспринимаемая значимость объема такого внимания снизилась, что указывает на девальвацию семейных ценностей в восприятии родителей и, как следствие, на трансформацию воспринимаемого образа семьи в глазах подрастающего ребенка.

При этом именно в семье дети в первую очередь усваивают опыт родителей, узнают социальные роли и модели поведения отца и матери. Прививается и естественным образом формируется отношение к этим ролям и моделям. В институциональном плане семья создает предпосылки для передачи традиций, обуславливает эстетические и этические представления ребенка — восприятие им самого себя и социальных ролей в будущем. В семье ребенок осваивает основные социальные навыки. В сознание ребенка закладываются ценности. На неосознаваемом уровне ребенок подражает поведению взрослых, учится удовлетворять потребности и просить о помощи в их удовлетворении. В более позднем возрасте формируются представления о гендере, значимый взрослый выступает в роли наставника — что имеет большое значение для формирования готовности юношеского сознания к вступлению во взрослую социальную жизнь. В силу значимости семьи как социализирующего института наиболее остро кризисные процессы в семье отражаются в сознании молодежи — лиц, для которых запрос на социализацию является наиболее естественным и актуальным.

Социологические опросы указывают на приоритет индивидуалистической модели ценностей по отношению к семье. Представители молодежи более активно выражают запросы в отношении карьерных перспектив, расширения возможностей потребления. В связи с приоритетом экономической и профессиональной сфер представители молодежи реже готовы к вступлению в брак. На степень готовности воздействуют субъективные и объективные факторы: физические ощущения, личностные черты, мотивация, эмоционально-волевой и социально-психологический компоненты. Представители молодежи реже склонны заключать законные браки, допускают расторжение существующих браков [5].

Для представителей молодежи характерно воплощать личностные стремления в поведении, наряду с этим для них значимы ценности ближайшего значимого социального окружения. Формирование ценностей

происходит при социализации по мере интериоризации ценностей в систему социальной ориентации человека, по этой причине наиболее значимая динамика представлений о базовых ценностях семьи содержится в восприятии брака, супружеских отношений и в восприятии отношений к детям.

Как отмечает С.А. Ильиных, среди молодежи растет спрос на браки без регистрации, тогда как ценность традиционного брака становится меньше. Наряду с этим студенты признают традиционный законный брак «идеальным вариантом», но в реальной жизни вне зависимости от пола опрашиваемые лица позитивно оценивали свободное сожительство мужчины и женщины [7].

По данным В.Р. Тлемешок и Н.Ф. Диановой, представления о семье и браке тесно связаны в восприятии молодежи. Семью воспринимают как официальный союз [6]. Ученые отмечают, что ценность супружеских отношений уменьшается, а молодежь расположена выбирать свободное партнерство.

Таким образом, меняется комплекс отношений между родителями, супругами (в качестве участников брачных отношений) и детьми — трансформации подвержен весь комплекс отношений. В супружеских отношениях молодежь ценит равноправие, а в отдельных случаях — возможность доминирующей роли одного из супругов. Значение имеет образ семьи, сформировавшийся в детстве и юношестве, во многом обуславливающий запрос на понимание и взаимную заботу в создаваемой семье. Девушки указали, что забота о детях является ценностью, сопутствующей супружеским отношениям. Для многих наличие детей в семье обязательно.

Представляет интерес многолетнее исследование (в период с 1995 по 2016 г.) «Студент 1995–2016: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала», в ходе которого был осуществлен анализ брачно-семейных установок в студенческой среде. В ходе мониторинга было выяснено, что зачастую лица студенческого возраста не рассматривают вступление в брак и рождение детей как необходимость. Экономический и социальный кризисы, стихийный характер развития общественных отношений лишили перспективы развития семьи определенности, что усилило тревожность за будущее и затруднило принятие решения о вступлении в брак и поддержании семейной жизни [11, с. 133]. Регистрация брака возможна при наличии существенных материальных ресурсов, необходимых, чтобы обеспечить семью. Отсутствие материальных активов может надолго отложить регистрацию законного брака [11, с. 135].

По данным исследования Е.Н. Касаркиной, Т.В. Соловьёвой и Д.А. Бистяйкиной, были следующие подходы к анализу причин семейных кризисов:

1) индивидуальное восприятие семьи обусловлено восприятием модели семьи, формируемой под воздействием личного опыта в детстве;

2) приоритеты и установки молодежи связаны с моделью современной семьи эгалитарного типа (обязанности между супругами распределяются равномерно);

3) представители молодежи в целом ориентированы на семейные ценности;

4) знаний о жизни в семье недостаточно, что порождает противоречивые поведенческие установки, например, опасения перед вступлением в брак либо превратные суждения относительно форм сожительства;

5) представители молодежи ориентированы на создание семьи с малым количеством детей;

6) представители молодежи нацелены на построение карьеры, приобретение независимости и самостоятельности, а отсутствие уверенности в завтрашнем дне влияет на возраст вступления в брак и рождения детей (с позиции 56 % респондентов оптимальный возраст для вступления в брак — 23–27 лет) [12, с. 208–211].

Как отмечают эксперты, на сегодняшний день эволюция института семьи в России привела к тому, что воспринимаемый образ семьи оказался сопряжен с рядом вызовов, к которым можно отнести: размывание традиционного семейного уклада; снижение рождаемости; сокращение размера семьи с уменьшением количества детей; увеличение количества разводов и неполных семей; увеличение числа браков без регистрации (сожительства), и детей, рожденных вне официального брака; вступление индивидов в брак в зрелом возрасте и тенденция к рождению первого ребенка в более позднем репродуктивном периоде; утрачиваемая ценность родства и др. Таким образом, в настоящее время для российской семьи характерен ряд признаков, которые говорят о ее превращении главным образом в малодетную нуклеарную семью с элементами патриархальности.

Есть основания полагать, что указанные изменения являются деструктивными. Современная модель семейных отношений не обеспечивает воспроизводство населения [13, с. 36]. Семья перестает быть ценной, исчезают мотивы, побуждающие людей вступать в брак, рожать и воспитывать нескольких детей [14, с. 109].

В данной ситуации ключевой задачей локальных сообществ и человечества в целом является сохранить приоритет ценностей, ключевых для человечества, среди них: семья, мир, здоровье, любовь и красота. Несмотря на кризисную ситуацию, усиливаемую магистральной тенденцией к индивидуализму, семья и сама по себе остается существенной человеческой ценностью.

Возможным решением представляется развитие инструментов просвещения населения в отношении как традиционных ценностей, так и самого воспринимаемого института семьи (в т. ч. среди молодежи), в частности интегрального подхода к исследованию данной категории на личном и социальном уровнях. Также среди предлагаемых экспертами мер: 1) увеличение социальных выплат малообеспеченным семьям и выплат на детей

для снижения количества браков, расторгнутых из-за материальных нужд; 2) разработка и интеграция государственных программ подготовки молодежи к семейной жизни для снижения вероятности возникновения в будущем семейных конфликтов; 3) разработка систем бесплатной квалифицированной психологической помощи; 4) формирование мировоззрения, основанного на восприятии семейных ценностей и принятии личной ответственности за их реализацию [15, с. 173].

Следует согласиться, что человек готов к семейной жизни с момента, когда осознает, что готов к особенным интимным чувствам с целью соединения двух людей без опасения некой потери в себе [9]. Таким образом, основаниями для психологической готовности к созданию семьи являются: 1) желание планировать и проектировать оптимальную модель своей будущей семьи, жилищные и экономические возможности и т. д.; 2) осознание намерения создать семью, понимание и уточнение практических реалий; 3) освоение знаний, необходимых для обеспечения здорового рождения детей, их нормального воспитания; 4) реализация практических навыков для обеспечения благополучия семьи [10].

Тем важнее с учетом исследуемых обстоятельства становится социализация детей, формирование у них репродуктивных установок, здорового и открытого взгляда на жизнь.

Заключение

В современных условиях утраты обществом многих культурно-нравственных традиций и ценностей особое значение приобретает изучение отношения человека к семье. В свете деструктивных изменений, характерных для социальной ситуации в современном общества, исследование воспринимаемого образа семьи и отношения представителей молодежи к браку указывает на большое количество факторов, влияющих на отношение молодежи к институту семьи. В этой связи представляется, что продуманные меры правового и культурного просвещения, а также меры социальной политики приведут к положительным изменениям и укреплению института по мере того, как будет расти доверие молодежи к своему будущему, к себе и друг к другу. Доверие данного толка является основной для вступления в крепкие и долгосрочные отношения и, как следствие, является предпосылкой укрепления семейных ценностей. От этого кажется целесообразным исследовать инструменты как семейной, так и вне семейной социализации детей — для последовательной и мягкой интеграции их в социальную жизнь, подготовки к важным жизненным решениям.

Список источников

[1] Биккинина Д. Д. Ценности семьи в представлениях молодежи: традиции и трансформации // Образование и право. 2017. № 8. С. 258–263.

[2] Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. 2015. № 3. С. 193–200. (Экономика).

[3] Трансформация института семьи и семейные ценности / О. В. Кучмаева, М. Г. Кучмаев, О. Л. Петрякова // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 20–29.

[4] Карпова В. М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139> (Серия 18. Социология и политология).

[5] Ростовская Т. к. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений // Человек в мире культуры. 2015. № 2. С. 3–9.

[6] Тлемешок В. Р., Дианова Н. Ф. Представления современной молодежи о семейно-брачных отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 198–200.

[7] Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 221–232. (Философия. Социология. Политология).

[8] Комплексное исследование проблем современной семьи как фактора социализации / З. Н. Калинина, С. В. Пазухина, Е. В. Декина // Живая психология. 2019. Т. 6, № 1. С. 9–24.

[9] Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни // Предисловие к Эриксона Э. Детство и общество. Санкт-Петербург, 1996. С. 6–22.

[10] Плотникова К. И., Кизилова С. А. Формирование семейных ценностей молодежи // Социологические науки. 2015. Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2015. № 5. С. 133–137.

[11] Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141.

[12] Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи / Е. Н. Касаркина, Т. В. Соловьёва, Д. А. Бистяйкина // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 208–211.

[13] Боков М. Б. Проблемы семьи в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 4. С. 36.

[14] Адилова Л. Ф., Мищенко В. А. Образ семьи и семейные ценности в российских СМИ // Вестник РГГУ. 2014. № 4. С. 109. (Философия, социология, искусствоведение).

[15] Семья и семейный образ жизни в системе ценностей молодежи / Н. Н. Жеурова, Т. В. Звягина, О. И. Горбачева // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сб. статей 10-й Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 173.

References

[1] Bikkinina J. D. the image of the family in the public consciousness: the historical and sociological aspect // Education and law. 2017. No. 8. Pp. 258–263.

[2] Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Transformation of the institution of family in today's modernization process // Herald of Omsk University. Series "Economics". 2015. No. 3. Pp. 193–200.

- [3] Transformation of institution of family and family values / O. V. Kuchmaeva, M. G. Kuchmaev, O. L. Petryakova // Bulletin of Slavic cultures. 2009. No. 3. Pp. 20-29.
- [4] *Karpova V. M.* Features of the intergenerational transmission of family values // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2019. Vol. 25, No. 3. Pp. 117-139. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139.
- [5] *Rostovskaya T. K.* Family and family life in the system of values of generations // Man in the world of culture. 2015. No. 2. Pp. 3-9.
- [6] *Tlemeshok V. R., Dianova N. F.* Notion of modern youth of family and marital relations // Humanities, social-economic and social sciences. 2015. No. 6. Pp. 198-200.
- [7] *Ilinykh S. A.* Family values of youth: traditions and transformations // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2012. No. 4 (20), Issue 1. Pp. 221-232.
- [8] Complex study of the problems of the modern family as a factor of socialization / Z. N. Kalinina, S. V. Pazukhina, E. V. Dekina // Live Psychology. 2019. Vol. 6, No. 1. Pp. 9-24.
- [9] *Elkind D.* Erik Erickson and the Eight Ages of Man // Foreword to Erickson E. Childhood and Society. SPb., 1996. Pp. 6-22.
- [10] *Plotnikova K. I., Kizilova S. A.* Formation of family values of youth // Sociological Sciences. 2015. Scientific results of the year: achievements, projects, hypotheses. 2015. No. 5. Pp. 133-137.
- [11] *Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V.* The attitude of student youth to family values (case study of the Sverdlovsk region) // Education and science. 2018. Vol. 20, No. 5. Pp. 125-141.
- [12] Readiness for marriage and for family values of the modern youth / E. N. Kasarkina, T. V. Solovyova, D. A. Bistyaikina // Kazan Pedagogical Journal. 2018. No. 6. Pp. 208-211.
- [13] *Bokov M. B.* Family problems in public opinion // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2006. No. 4. P. 36.
- [14] *Adilova L. F., Mishchenko V. A.* Image of family and family values in the Russian media // RSUH/RGGU Bulletin "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series. 2014. No. 4. P. 109.
- [15] Family and family lifestyle in the system of youth values / N. N. Zheurova, T. V. Zvyagina, O. I. Gorbacheva // Management of socio-economic development of regions: problems and ways to solve them. Collection of articles of the 10th International Scientific and Practical Conference. 2020. P. 173.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-3>

УДК 339.9

JEL F15

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ¹

А. А. Ишуков

Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия), Институт экономики УрО
РАН (г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0003-4420-6329>
Автор для корреспонденции: А. А. Ишуков (ishukov.aa@uiec.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные процессы, целью которых является укрепление международных экономических отношений. Гипотеза заключается в том, что развитие интеграционных процессов способствует росту благополучия населения. Данная гипотеза проверяется на социально-экономических индикаторах, выделенных по трем общим целям ЕС и ЕАЭС. Выявлено, что за последние годы данные интеграционные объединения частично перешли на новый уровень интеграции, не достигли всесторонней кооперации, обеспечили увеличение уровня благосостояния населения.

Ключевые слова: интеграционные процессы, ЕС, ЕАЭС, благополучие жизни

Achieving the Goals of European and Eurasian Integration: Impact on the Welfare of the Population

A. A. Ishukov

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia), Institute of Economics of the Ural Branch of
RAS (Ekaterinburg, Russia). <https://orcid.org/0000-0003-4420-6329>
Corresponding author: A. A. Ishukov (ishukov.aa@uiec.ru).

Abstract. The article examines integration processes, the purpose of which is to strengthen international economic relations. It is hypothesised that the development of integration processes contributes to the growth of the welfare of the population. This hypothesis is tested on the socio-economic indicators identified for the three common goals of the European Union and the Eurasian Economic Union. It was revealed that, in recent years, these integration associations partially reached a new level of integration, did not achieve comprehensive cooperation, and improved the welfare of the population.

Keywords: integration processes; EU; EAEU; welfare

Введение

Интеграционные объединения создаются для укрепления экономического сотрудничества между странами. Предполагается, что эффекты от такого партнерства качественно улучшают благополучие населения. Целью работы является проверка данной гипотезы в рамках интеграции стран ЕС и ЕАЭС.

Обзор источников

В исследовании были рассмотрены Европейский союз — как самое развитое интеграционное объединение, и Евразийский экономический союз

¹ © Ишуков А. А. Текст. 2022.

Таблица 1

Официальные цели ЕС и ЕАЭС	
Объединение	Цели
Европейский союз	Достижение устойчивого развития на основе сбалансированного экономического роста, стабильности цен и высококонкурентной рыночной экономики с полной занятостью и социальным прогрессом; борьба с социальной изоляцией и дискриминацией, содействие социальной справедливости и защите, равенству между женщинами и мужчинами, солидарности между поколениями и защите прав ребенка; способствование экономической, социальной и территориальной сплоченности, солидарности между государствами-членами; уважение богатого культурного и языкового разнообразия, обеспечение охраны и приумножения культурного наследия Европы
Евразийский экономический союз	Создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики

Источник: [1–3].

как наиболее перспективное новое интеграционное объединение; в исследовании рассматривались, в первую очередь, официальные документы перечисленных интеграционных объединений.

В преамбуле ЕС декларируется необходимость углубления солидарности между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций, а также стремление достичь укрепления и сближения своих экономик и создать экономический и валютный союз, включая, единую и стабильную валюту [1, 2]. В преамбуле ЕАЭС акцент делается на укрепление солидарности и углубление сотрудничества между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций, а также стремление укрепить экономики государств-членов и обеспечить их гармоничное развитие и сближение [3].

Заявленные цели ЕС и ЕАЭС представлены в таблице 1.

В ЕС валютный союз создан частично на базе 19 из 27 стран — членов ЕС. Согласно модифицированной модели «центр — периферия», показатели отдельных стран — членов ЕС остаются достаточно низкими в сравнении с другими странами объединения, и в период экономических кризисов наблюдается резкий спад в странах Южной Европы, следовательно, об успехах в направлении сближения экономик ЕС говорить пока рано [4]. Сплоченность в ЕС сегодня также не достигнута. В исследованиях Е.В. Лазаревой, А.А. Берстеновой, К. Бернса, В. Грейви, А. Джордана, А. Зито, Б. Лерута, С. Ганзле и Д. Трондала осуществляется

Таблица 2

Уровни достижения целей ЕС и ЕАЭС

Обобщенные цели ЕС и ЕАЭС	Цель 1	Цель 2		Цель 3
Индикаторы достижения целей	Стадия интеграции	Уровень безработицы от численности рабочей силы в стране	Годовой чистый доход (ЕС) / Среднемесячная номинальная заработная плата (ЕАЭС)	Индекс человеческого развития
2000	Валютный союз (Еврозона) в 11 из 15 стран ЕС	8,2 % (15 стран) / 9,7 % (27 стран)	11336,91 Евро (15 стран)	0,856 (15 стран) / 0,815 (27 стран)
ЕС				Противоречия стран Западной Европы не имеют ярко выраженного характера. Отмечается идентичность и рациональность принятых решений [8, 9]
	2020	Валютный союз (Еврозона) в 19 из 27 стран ЕС	7,0 % 13996,43 Евро / 17158,89 (15 стран)	Критика европейской интеграции в контексте провала еврозоны, миграционного кризиса, дезинтеграции, противоречивости и политизированности принятия решений органами власти в западных и восточных странах, неравномерности финансовой поддержки [5, 6, 7, 10]
Уровень достижения цели	Цель достигнута не полностью. Валютный союз сформирован в абсолютном большинстве	Цель достигнута. Сокращение уровня безработицы на 2,7 % (включая страны, вступившие в объединение после 2000 г.)	Цель достигнута. Увеличение доходов на 51,4 % по 15 странам-членам ЕС (на 2000 г.). При этом, сравнение доходов граждан	Цель не достигнута. Наблюдается явное противоречие между странами

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Обобщенные цели ЕС и ЕАЭС	Цель 1	Цель 2	Цель 3
	стран-членов	всех стран-членов (включая вступивших после 2000 г. с изначально более низкими показателями, за 2020 г.) также показывает положительную динамику	2000 г.)
2015 (год основания)	Тамженный союз	422 долл. США	0,760
ЕАЭС	Единый рынок лекарственных средств и медицинских изделий	5,7 %	472,8 долл. США
	2020	5,7 %	0,789 (2019 год)
Уровень достижения цели	Цель не достигнута. Единый рынок сформирован только в двух отраслях	Цель достигнута частично. Рост средней заработной платы составил 12 %	Цель не достигнута из-за отсутствия принципов федрализма, при этом правото позволяет всем странам-членам отстаивать свои интересы

Источник: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 21.04.2022); Статистика ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (дата обращения: 26.04.2022).

систематическая критика европейской интеграции в контексте провала еврозоны, миграционного кризиса, дезинтеграции, противоречивости и политизированности принятия решений органами власти в западных и восточных странах, неравномерности финансовой поддержки [5–7].

В ЕАЭС на данный момент не сформирован единый рынок, однако созданы общий рынок лекарственных средств и общий рынок медицинских изделий. Согласно модифицированной модели «центр — периферия», в ЕАЭС сохраняется существенное неравенство между странами и уровень жизни в странах-членах остается крайне неравномерным (включая уровень безработицы и заработной платы) [4]. Также исследователи ссылаются на низкий уровень кооперации по взаимной торговле, недостаточную диверсифицированную экономическую конкурентоспособность стран.

Методика исследования

Среди вышеперечисленных целей ЕС и ЕАЭС были выделены общие для обоих интеграционных объединений:

— цель 1: обеспечение перехода на следующую стадию интеграции (создание экономического и валютного союза в ЕС / формирование единого рынка в ЕАЭС);

— цель 2: создание условий для устойчивого роста и высококонкурентоспособного развития экономик государств-членов с целью повышения уровня благосостояния населения;

— цель 3: способствование всесторонней кооперации, сплоченности и солидарности между национальными экономиками в условиях глобальной экономики.

Для оценки данных целей были взяты следующие показатели: уровень безработицы от численности рабочей силы в стране, годовой чистый доход / среднемесячная номинальная заработная плата, индекс человеческого развития. Также были определены текущие стадии интеграции и состояние сплоченности в интеграционных объединениях при принятии совместных решений.

Результаты исследования

Результаты достижения целей в двух интеграционных объединениях представлены в таблице 2.

Заключение

На основе результатов исследования делается вывод, что цель по переходу на новую стадию интеграции в ЕС достигнута для большинства стран объединения, в то время как в ЕАЭС вместо анонсированного единого рынка сформированы общие рынки в двух отраслях. Всесторонняя сплоченность между странами-членами в двух интеграционных объединениях не достигнута. Однако уровень благосостояния населения вырос в рассмотренный период как в ЕС, так и в ЕАЭС, что подтверждает нашу гипотезу.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327–2021–0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Список источников

[1] The Treaty on European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 28.04.2022).

[2] The Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 28.04.2022).

[3] Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 28.04.2022).

[4] Ишуков А. А. Развитие концепции «центр — периферия» на примере интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза // Журнал экономической теории. 2020. № 17 (3). С. 589–599. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6>.

[5] Лазарева Е. В., Берстенева А. А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, брексит // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 127–134. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/16>.

[6] Burns C., Gravey V., Jordan A., Zito A. De-Europeanising or disengaging? EU environmental policy and Brexit // Environmental Politics. 2019. Vol. 28 (2). P. 271–292. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1549774>.

[7] Leruth B., Ganzle S., Trondal J. Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // JCMS-Journal of common market studies. 2019. Vol. 57. № 6. P. 1383–1394. <https://doi.org/10.1111/jcms.12957>.

[8] Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31(4). P. 473–524.

[9] Risse T. Social Constructivism and European Integration // European Integration Theory. 2nd Edition / A. Wiener, T. Diez (Hrsg.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 144–160.

[10] Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus / L. Hooghe, G. Marks, T. Buhe et al. // British Journal of Political Science. 2009. № 39. P. 91–195. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>.

[11] Лименова О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе. Сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14, № 1. С. 76–93. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05>.

References

[1] The Treaty on European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (accessed on 28.04.2022).

[2] The Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed on 28.04.2022).

[3] Treaty on the Eurasian Economic Union. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (accessed on 28.04.2022).

[4] *Ishukov A. A.* The «Center-Periphery» Model for Analysis of Regional Integration (The Case of the European X Union and the Eurasian Economic Union) // *Russian Journal of Economic Theory*. 2020. No. 17(3). Pp. 589-599. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6>.

[5] *Lazareva E. V., Bersteneva A. A.* Great Britain in the EU: entry, retreat, Brexit // *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 435. Pp. 127-134. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/16>.

[6] *Burns C., Gravey V., Jordan A., Zito A.* De-Europeanising or disengaging? EU environmental policy and Brexit // *Environmental Politics*. 2019. Vol. 28 (2). Pp. 271-292. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1549774>.

[7] *Leruth B., Ganzle S., Trondal J.* Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // *JCMS-Journal of common market studies*. 2019. Vol. 57, No. 6. Pp. 1383-1394. <https://doi.org/10.1111/jcms.12957>.

[8] *Moravcsik A.* Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // *Journal of Common Market Studies*. 1993. Vol. 31(4). Pp. 473-524.

[9] *Risse T.* Social Constructivism and European Integration // *European Integration Theory*. 2nd Edition / A. Wiener, T. Diez (Hrsg.). 2nd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 144-160.

[10] A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus / L. Hooghe, G. Marks, T. Buhe et al. // *British Journal of Political Science*. 2009. No. 39. Pp. 91-195. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>.

[11] *Pimenova O. I.* Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: comparative analysis // *International Organisations Research Journal*. 2019. Vol. 14, No. 1. Pp. 76-93. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05>.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-4>
УДК 314.114:314.12
JEL J13

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОКРЕАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА¹

И. А. Кулькова

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0003-1975-0875>

Автор для корреспонденции: И. А. Кулькова (i.a.koulkova@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена анализу результатов проведенного автором социологического исследования по влиянию некоторых социально-психологических факторов на процесс принятия решения российскими женщинами родить (еще одного) ребенка. Опрос проводился во всех федеральных округах Российской Федерации в 2021 г. Определено, что социально-психологические факторы крепости семьи, любви между супругами и психологической готовности иметь ребенка оказывают сильное влияние на прокреативное поведение; готовность бабушек и дедушек помогать «сидеть» с ребенком / детьми оказывает среднее влияние. Также выявлено, что идеальное в понимании респондентов число детей в семье не может обеспечить простое воспроизводство населения в стране.*

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение, психологические факторы рождаемости, всероссийский опрос

Socio-Psychological Factors Influencing Procreative Behaviour: Results of an All-Russian Sociological Survey

I. A. Kulkova

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0003-1975-0875>

Corresponding author: I. A. Kulkova (i.a.koulkova@mail.ru)

Abstract. *The article analyses the results of a sociological survey concerning the influence of certain socio-psychological factors on the decision-making process of Russian women to give birth to a/another child. The survey was conducted by the author in all federal districts of the Russian Federation in 2021. It was determined that socio-psychological factors of close-knit family, love between spouses and psychological readiness to have a child have a strong influence on procreative behaviour; the grandparents' willingness to provide assistance looking after the child/children has a medium impact. It was also revealed that the ideal number of children in the family according to the respondents cannot ensure the simple population reproduction in the country.*

Keywords: fertility; reproductive behaviour; psychological fertility factors; nationwide survey

¹ © Кулькова И. А. Текст. 2022.

Введение

Рождаемость в России в период с 2016 по 2021 гг. неуклонно снижается, несмотря на беспрецедентные государственные меры поддержки демографии. Россия в настоящее время находится в условиях сокращения численности женщин фертильного возраста, поэтому единственным способом улучшения ситуации с рождаемостью является увеличение числа рождений одной женщиной. В 2021 г. по данным Росстата суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений в расчете на одну женщину) составил 1,517, два предыдущих года он держался на уровне 1,51. Это значительно ниже, чем в 2014–2016 гг., когда данный показатель составлял 1,75–1,777 рождений, обеспечивая совместно с незначительным увеличением числа женщин детородного возраста естественный прирост населения.

Решение женщин о рождении детей зависит от множества факторов [1], впрочем, такое решение принимается обычно в семье и зависит также и от будущих отцов [2]. В экономической демографии традиционно изучаются социально-экономические факторы рождаемости [3], поскольку именно они лежат в основе управления репродуктивным поведением населения [4]. Ранее проведенное нами исследование также показало важность денежной мотивации рождаемости. В результате исследования были сделаны следующие выводы [5]:

- наблюдается устойчивое положительное влияние материнского (семейного) капитала на решения женщин относительно своего репродуктивного поведения;

- столь же важной, как и материнский капитал, является реальная социальная помощь государства семьям, имеющим в своем составе детей разных возрастов;

- материнский капитал и другие денежные стимулы важны не только для малообеспеченных слоев населения;

- особенную важность денежные стимулы рождаемости приобретают в малых городах.

Проведенное исследование подчеркивает важность социальной политики, направленной на стимулирование рождаемости, в т. ч. денежное, однако не менее значимыми являются и психологические факторы рождаемости [6]. Изучение психологических побудительных мотивов к деторождению возможно только на основе социологических опросов [7] или изучения нарративов [8], хотя следует подчеркнуть, что изучение репродуктивных установок в целом обычно также проводится с помощью социологических исследований, например, [9], [10]. Наше исследование также проводилось на основе опроса.

Цель исследования — определить уровень влияния некоторых социально-психологических факторов на прокреативное поведение по мнению российских женщин.

Исследование не претендует на полноту изучения социально-психологических факторов рождаемости, так, например, не анализировались такие социально-психологические факторы, как влияние братьев, сестер и друзей на репродуктивное поведение [11]. Однако, по нашему мнению, результаты проведенного опроса призваны дополнить знание о прокреативном поведении современных женщин в России.

Методы и данные

В основе статьи лежат результаты социологического опроса методом квотной выборки, проведенного автором во всех федеральных округах Российской Федерации в 2020 г. Ошибка выборки с 95 % доверительной вероятностью составила 3,2 %.

Информационной базой являются ответы на вопросы анкеты, полученные методом интервьюирования 831 опрошенной женщины в возрасте от 15 до 49 лет. Поскольку выборка была построена по принципу квотной, выделялось три типа квот:

— место проживания. Поскольку существуют отличия в прокреативном поведении жителей городов и сельской местности [12], было важно данное отличие выявить. В каждом федеральном округе были опрошены женщины, проживающие в одном из административных центров, в малых городах и в сельской местности в соответствии с долями населения, проживающего в таких населенных пунктах. При этом в опросе участвовали жительницы малых городов и сел / деревень, находящихся как в непосредственной близости от административного центра (менее 100 км), так и в отдаленных регионах (более 100 км);

— возраст. Были выделены две возрастные категории женщин: 15–26 лет и 27–49 лет, исходя из того, что в России средний возраст женщины на момент рождения первого ребенка составлял в момент опроса 26,2 года. В этом случае в первую возрастную категорию попадают в среднем женщины, не имеющие детей, во вторую — мамы с детьми;

— уровень дохода, который сравнивался со средним доходом в том населенном пункте, где женщина проживает. Отход от абсолютных сумм дохода в сторону относительного сравнения своего дохода со средним в населенном пункте позволяет более точно учесть специфику территории проживания женщины и дает возможность сравнивать результаты опроса в разных территориях. Выделялись квоты: ниже среднего, средний и выше среднего уровень доходов по сравнению со средним доходом в населенном пункте проживания.

Результаты и обсуждение

Важнейшим психологическим фактором прокреативного поведения выступает собственно репродуктивное намерение (желание иметь определенное число детей), являющееся результатом взросления и аккумулирующее в себе все психологические воздействия относительно числа детей

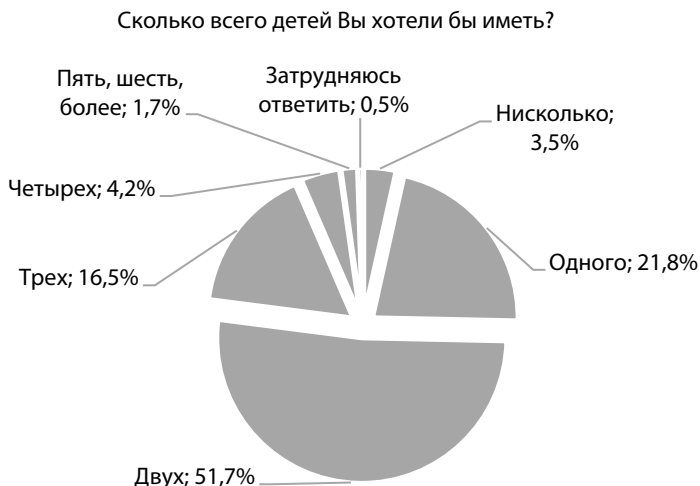

Рис. 1. Распределение ответов женщин о числе желаемых детей, % (сост. на основе результатов авторского социологического опроса)

с раннего возраста до момента опроса. При этом под воздействием новой информации такое желание может измениться.

В процессе опроса был задан вопрос, сколько всего детей респондентки хотели бы иметь (рис. 1).

По результатам опроса было рассчитано среднее число желаемых детей как средневзвешенная величина, которая составила 2,0 детей. Как положительный момент можно отметить, что доля женщин, нацеленных на *child-free*, невысока и составляет 3,5 %. При этом большинство женщин хотели бы иметь 1–2 детей, что не позволяет говорить о простом воспроизводстве населения в России, для которого необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,1. Тем более что на практике число фактически рожденных детей обычно бывает ниже, чем желаемых в силу различных причин.

В таблице 1 представлено распределение ответов в различных группах респонденток. По таблице можно проследить, что тенденция *child-free* больше распространена в городах, чем в сельской местности; при этом в крупных городах таких женщин больше, чем в малых. Такую же тенденцию показывает и распределение ответов о желании иметь трех детей. Инфраструктура городов, особенно крупных, позволяет достаточно комфортно воспитывать трех детей.

В сельской местности больший процент женщин, желающих иметь двух детей, хотя там также выше и доля женщин, желающих иметь четырех и более детей. Что касается распределения по возрасту, процент женщин *child-free* в молодом возрасте в два раза выше, чем в возрасте постарше, что может как свидетельствовать о новой негативной тенденции, так

Таблица 1

Распределение ответов женщин о числе желаемых детей в зависимости от типа населенного пункта их проживания, возраста и уровня доходов, %

Сколько всего детей Вы хотели бы иметь?	Тип населенного пункта			Возраст		Доход	
	Административный центр	Малый город	Село	15–26 лет	27–49 лет	Ниже среднего	Средний и выше
Нисколько	4,7	3,5	1,9	5,2	2,9	3,3	3,5
Одного	22,6	22,8	19,4	23,1	21,4	18,7	23,0
Двух	50,5	50,6	54,9	58,5	49,2	50,2	52,2
Трех	17,2	16,5	15,5	9,0	19,2	19,6	15,4
Четырех	2,5	5,1	5,3	3,3	4,6	5,7	3,7
Пять, шесть, более	1,8	1,3	2,4	0,9	2,0	1,9	1,7
Затрудняюсь ответить	0,7	0,3	0,5	0,0	0,7	0,5	0,5

Составлено на основе результатов авторского социологического опроса.

и показывать психологическую незрелость молодых женщин, у которых с возрастом появляется желание иметь детей. Желание иметь трех и более детей также связано с более зрелым возрастом.

Распределение ответов по уровню доходов респонденток позволяет сделать вывод, что высокообеспеченные родители чаще всего хотят иметь 1–2 ребенка, в то время среди низкообеспеченных выше доля женщин, желающих иметь трех и более детей. В качестве одной из причин можно назвать предоставляемое семьям с детьми материальное обеспечение от государства.

Вторым важнейшим фактором репродуктивного поведения является крепость семьи, наличие любви между супругами (рис. 2).

Как видно по данным рисунка 2, этот фактор женщины отметили как важнейший среди психологических факторов. При этом наибольшее

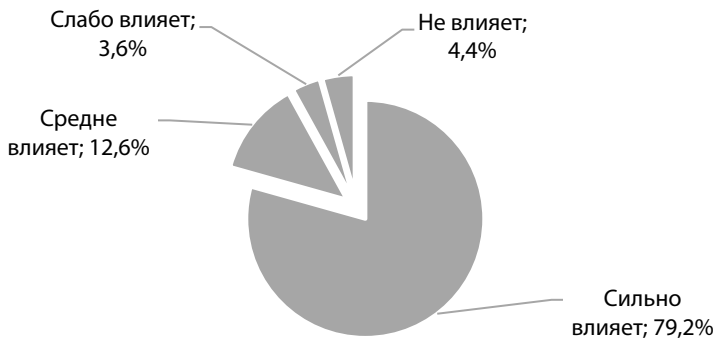

Рис. 2. Распределение ответов женщин о силе влияния крепости семьи / любви между супругами на решение родить ребенка, % (сост. на основе результатов авторского социологического опроса)

Таблица 2

Распределение ответов женщин о силе влияния крепости семьи / любви между супругами на решение родить ребенка в зависимости от их возраста и уровня доходов, %

В какой мере крепость семьи / любовь между супругами влияет на Ваше решение родить ребенка?	Возраст		Доход	
	15–26 лет	27–49 лет	Ниже среднего	Средний и выше
Сильно влияет	83,5	77,6	77,0	79,9
Средне влияет	10,8	13,2	11,0	13,2
Слабо влияет	1,9	4,2	3,8	3,5
Не влияет	3,8	4,6	8,1	3,0

Составлено на основе результатов авторского социологического опроса.

влияние данный фактор оказывает на молодых женщин — прослеживается тенденция снижения важности с возрастом, а также немного более особое значение крепость семьи имеет в парах со средним и выше доходом (табл. 2). Последнее можно объяснить действием закономерности А. Маслоу, что социальные потребности становятся более актуальными, когда физические потребности уже удовлетворены.

Следующим социально-психологическим фактором, по нашему мнению, является возможность помощи со стороны бабушек и дедушек в присмотре за детьми (рис. 3). Как можно увидеть, данный фактор сильно влияет у более четверти женщин, и еще одна треть отметила его среднее влияние. Этот фактор важен не только потому, что система детских садов и ясель развита на отдельных территориях недостаточно, но и по психологическим причинам — некоторые родители боятся доверить ребенка «чужому» человеку, а бабушкам доверяют.

Ответы на данный вопрос имеют отличия в зависимости от типов респондентов (табл. 3). Так, возможность прародителей присматривать за детьми особенно важна в малых городах, и меньше всего влияет в административных центрах, где сеть детских дошкольных учреждений достаточно хорошо развита. Ожидаемо данный фактор имеет большее значение

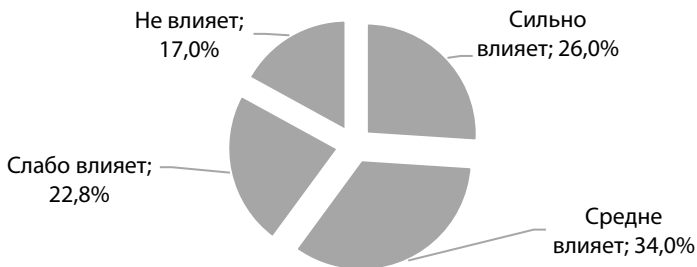

Рис. 3. Распределение ответов женщин о силе влияния готовности бабушек и дедушек помочь «сидеть» с ребенком / детьми на решение родить ребенка, % (сост. на основе результатов авторского социологического опроса)

Таблица 3

Распределение ответов женщин о силе влияния готовности бабушек и дедушек помогать «сидеть» с ребенком / детьми на решение родить ребенка в зависимости от типа населенного пункта их проживания, возраста и уровня доходов, %

В какой мере готовность бабушек и дедушек помогать «сидеть» с ребенком / детьми влияет на Ваше решение родить ребенка?	Тип населенного пункта			Возраст		Доход	
	Административный центр	Малый город	Село	15–26 лет	27–49 лет	Ниже среднего	Средний и выше
Сильно влияет	24,0	28,2	25,2	83,5	77,6	77,0	79,9
Средне влияет	31,9	34,8	35,4	10,8	13,2	11,0	13,2
Слабо влияет	22,6	23,4	22,3	1,9	4,2	3,8	3,5
Не влияет	21,1	13,6	16,5	3,8	4,6	8,1	3,0

Составлено на основе результатов авторского социологического опроса.

для более молодых женщин, которые боятся «не справиться» с воспитанием и присмотром.

Несколько неожиданно для нас данный фактор показал большую важность для женщин со средним и выше уровнем доходов. По нашей гипотезе, такие родители имеют возможность нанять индивидуальную няню для ребенка, поэтому родные бабушки и дедушки им не так сильно нужны в присмотре за детьми. Полученный результат требует дальнейшего изучения, можно предположить, что здесь как раз срабатывает фактор недоверия своего ребенка «чужим» людям.

Последним социально-психологическим фактором прокреативного поведения в нашем исследовании выступала психологическая готовность к рождению ребенка. Об этом факторе мы писали немного ранее в работе [13]. Распределение ответов представлено на рисунке 4. Данный фактор также имеет значение, хотя его важность отметили меньше женщин,

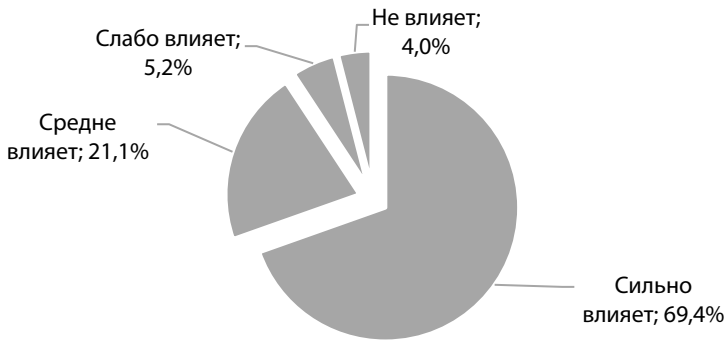

Рис. 4. Распределение ответов женщин о силе влияния психологической готовности к рождению ребенка на решение его родить, % (сост. на основе результатов авторского социологического опроса)

чем крепость семьи и наличие любви между супругами. Более двух третей респонденток отметили высокую силу его влияния и еще каждая пятая — среднюю. Данный фактор сильнее влияет в административных центрах, чем в малых городах (80,6 % против 63 %) и в сельской местности (64,1 %), ожидаемо более сильное влияние отмечают молодые женщины (74,1 % против 67,7 %).

Также данный фактор оказывает более сильное влияние на женщин с доходом ниже среднего (76,6 % против 66,9 %), что можно объяснить тем, как женщины понимают «психологическую» готовность: для женщин с высокими доходами психологическая готовность означает, прежде всего, ответственность в воспитании, получении ребенком образования, готовность выделить часть своего времени на общение с ребенком. В то же время психологическая готовность к рождению ребенка женщин с низкими доходами означает, прежде всего, готовность сократить свое собственное потребление ради «достойного» питания ребенка, его одежды и т. п.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о влиянии отдельных социально-психологических факторов на прокреативное поведение женщин в России. Во-первых, в настоящее время в среднем женщины считают идеальным числом детей двое, что не является достаточным для простого воспроизводства населения.

Большое значение для принятия решения родить ребенка имеет такой психологический фактор, как крепость семьи, любовь между супругами; на 79,2 % он оказывает сильное влияние и еще на 12,6 % женщин — среднее влияние на прокреативное поведение. Наиболее сильное влияние данный фактор проявляет на молодых женщин.

Психологическая готовность иметь ребенка сильно влияет на прокреативное поведение у 69,4 % и средне — у 21,1 % женщин. Наиболее сильное влияние данный фактор оказывает на женщин, проживающих в административных центрах, молодых женщин и женщин с доходом ниже среднего в регионе.

Готовность бабушек и дедушек помогать «сидеть» с ребенком / детьми сильно влияет на прокреативное поведение 26 % женщин и средне — 34 %. Наиболее сильное влияние данный фактор оказывает на женщин, проживающих в малых городах, молодых женщин и женщин со средним и выше доходом.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Список источников

- [1] *Чижикова Е. С.* Факторы, детерминирующие установку на деторождение // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 12. С. 109–114.
- [2] *Безрукова О. Н.* Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 2-1. С. 98–109. (Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения).
- [3] *Ласточкина М. А.* Социально-экономические причины регулирования репродуктивного поведения // Регион: Экономика и Социология. 2010. № 1. С. 149–162.
- [4] *Короленко А. В.* Управление репродуктивным поведением населения: опыт региональной демографической политики // Human Progress. 2019. Т. 5, Вып. 6. С. 5. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.156.5>.
- [5] *Кулькова И. А.* О денежной мотивации рождаемости: результаты социологического опроса // Парадигмы и модели демографического развития. сб. статей XII Уральского демографического форума, Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2021. С. 241–245.
- [6] *Чижикова Е. С.* Социальная установка на деторождение: влияние психологических факторов // МЭИ.RU. Сб. статей Всероссийской междисциплинарной науч.-практ. заочной конф. / под общ. ред. В. И. Семенов, под науч. ред. Л. Н. Горбуновой. 2019. С. 322–327.
- [7] The influence of psychological factors on fertility / B. Garssen, D. J. Duyvis, W. Everaerd, et al. // *Gedrag & Gezondheid*. 1989. Vol. 17, No. 2. Pp. 49–58.
- [8] Психологические аспекты готовности к родительству / Т. М. Бостанджиева, Е. И. Алферова, Г. В. Остякова // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 231–235.
- [9] *Саидова Л. И.* Репродуктивные установки населения Чеченской республики (по результатам пилотного социологического исследования) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 308–317.
- [10] *Ростовская Т. к., Васильева Е. Н.* Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования // Human Progress. 2021. Т. 7, Вып. 2. С. 11. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>.
- [11] *Potter R. G. Jr., Kantner J. F.* Social and psychological factors affecting fertility XXVIII. The influence of siblings and friends on fertility // *Milbank memorial fund quarterly*. 1955. Vol. 33, No. 3. Pp. 246–267. DOI: <https://doi.org/10.2307/3348292>.
- [12] *Groat H. T., Neal A. G.* Social psychological correlates of urban fertility // *American sociological review*. 1967. Vol. 32, Iss. 6. P. 945–959. DOI: <https://doi.org/10.2307/2092847>.
- [13] *Кулькова И. А.* Влияние психологической готовности к рождению детей на репродуктивное поведение женщин // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Мат.-лы форума. Москва, 2021. С. 54–57.

References

- [1] *Chizhikova E. S.* Factors determining a positive attitude to reproduction // Science review: humanities research. 2015. No. 12. Pp. 109–114.

[2] *Bezrukova O. N.* readiness for paternity: factors, conditions and prerequisites // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations. 2007. No. 2-1. Pp. 98-109.

[3] *Lastochkina M. A.* Socio-economic grounds for regulation of reproductive behavior // Region: Economics and Sociology. 2010. No. 1. Pp. 149-162.

[4] *Korolenko A. V.* Reproductive behavior management: regional demographic policy experience // Human Progress. 2019. Volume 5, Issue. 6. Pp. 5. DOI: <http://doi.org/10.34709/IM.156.5>.

[5] *Kulkova I. A.* On Monetary Incentives for Fertility: Sociological Survey Results // Paradigms and models of demographic development: collected works of XII Ural Demographic Forum. Ekaterinburg, 2021. Pp. 241-245.

[6] *Chizhikova E. S.* Social setting for childbearing: the influence of psychological factors // MEI.RU. Collection of articles of the All-Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Correspondence Conference / under the general editorship of V.I. Semenova, under the scientific editorship of L.N. Hump-new. 2019. Pp. 322-327.

[7] The influence of psychological factors on fertility / B. Garssen, D. J. Duyvis, W. Everaerd, et al. // *Gedrag & Gezondheid*. 1989. Vol. 17, No. 2. Pp. 49-58.

[8] Psychological aspects of readiness for parenthood / T. M. Bostandzhieva, E. I. Alferova, G. V. Ostyakova // *Modern pedagogical education*. 2020. No. 6. Pp. 231-235.

[9] *Saidova L. I.* Reproductive attitudes of the population of the Chechen Republic (according to the results of a pilot sociological study) // *The Humanities and social sciences*. 2010. No. 3. Pp. 308-317.

[10] *Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N.* Reproductive strategies and practices of Russians: results of the All-Russian study // *Human Progress*. 2021. Vol. 7, No. 2. P. 11. DOI: <http://doi.org/10.34709/IM.172.11>.

[11] *Potter R. G. Jr., Kantner J. F.* Social and psychological factors affecting fertility XXVIII. The influence of siblings and friends on fertility // *Milbank memorial fund quarterly*. 1955. Vol. 33, No. 3. Pp. 246-267. DOI: <http://doi.org/10.2307/3348292>.

[12] *Groat H. T., Neal A. G.* Social psychological correlates of urban fertility // *American sociological review*. 1967. Vol. 32, No. 6. Pp. 945-959. DOI: <http://doi.org/10.2307/2092847>.

[13] *Kulkova I. A.* Influence of psychological readiness for the birth of children on the reproductive behavior of women / III All-Russian Demographic Forum with International Participation. Forum materials. Moscow, 2021. Pp. 54-57.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-5>
УДК 37, 37.02.
JEL I20, I21, I22

КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ВАЖНАЯ ПАРАДИГМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА¹

М. К. Халикова

Научно-исследовательский институт при Государственном комитете
по делам семьи и женщин (г. Ташкент, Узбекистан)

Автор для корреспонденции: М. К. Халикова (avestabest@mail.ru).

Аннотация. *Предметом исследования данной статьи являются проблемы компетентности и формирования компетенций в контексте информационного общества и постглобализации. Гипотезу исследования составляет утверждение о корреляции образования и социокультурной реальности. В работе использованы методы корреляции, контент-анализ, обзор научной литературы. Результатом исследования является разработка теоретических положений и практических рекомендаций в сфере образования. Результаты исследования могут быть использованы в педагогике, андрагогике, социологии и теории менеджмента.*

Ключевые слова: компетентность, образование, информационное общество, образование на протяжении всей жизни

Competence as an Important Paradigm of the Information Society

М. К. Khalikova

Research Institute "Family and women" under the State Committee of Family and Women
of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan)

Corresponding author: M. K. Khalikova (avestabest@mail.ru).

Abstract. *The article examines the issue of competence and the formation of competencies in the context of the information society and post-globalisation. It is hypothesised that education and socio-cultural reality are correlated. The work uses correlation methods, content analysis, and a review of scientific literature. The result of the study is the development of theoretical provisions and practical recommendations in the field of education. The findings can be used in pedagogy, andragogy, sociology and management theory.*

Keywords: competence, education, information society, lifelong learning

Введение

Единственной важной компетенцией в хаотичном мире является непрерывное образование.

Джон Салливан

Образование как социальный институт коррелирует экономические и социальные процессы общества, занимаясь обобщением знаний, накопленных на всех этапах развития цивилизации в попытке ответить на фундаментальные вопросы мироздания, эволюции, сущности жизни. Образование представляет собой непрерывный процесс, основанный не только на изучении опыта, полученного на прошедших этапах

¹ © Халикова М. К. Текст. 2022.

развития, но и на расширении мышления, обеспечивающем эффективную деятельность в изменяющемся и сложном мире. Социальная реальность и изменяющийся характер общества являются движущей силой образования, важнейшей чертой успешного образования является его способность отвечать требованиям общества и личности.

Социокультурные реалии третьего тысячелетия — четвертая промышленная революция, шестой технологический уклад, постглобализация, экспоненциальное развитие, смена экономической формации, изменение системы ценностей — выдвинули на передний план новые вызовы личности и обществу.

В данном контексте мировые образовательные системы претерпевают трансформационные процессы, основанные на создании и формировании новых подходов, инновационных теорий и методик, отвечающих концептуальным требованиям прогресса. Важные особенности этого преобразования включают в себя:

- реализацию принципа непрерывного обучения, основанного на преемственности, непрерывном развитии личностных способностей;
- внимание к проблемам антропоцентризма, гуманизма, прав человека, личностно ориентированного подхода, личностного развития;
- вопросы экологического мышления, внимание к проблемам мирового значения, усиление чувства моральной ответственности профессионалов за свою профессиональную деятельность (гуманистические идеи А. Маслоу, В. Бехтерева, В. Вернадского, А. Эйнштейна);
- проблемы развития творческого потенциала в условиях цифровой экономики, подготовки креативных, нестандартно мыслящих специалистов, способных находить новые пути в науке, промышленности и производстве;
- проблемы формирования навыков деятельности в гражданском обществе, правового сознания, активной гражданской позиции;
- *global citizenship* (глобальное гражданство), толерантность, права человека, гендерное равенство;
- проблемы межкультурного диалога, сохранения национальных ценностей в условиях конвергенции цивилизаций и мультикультурализма;
- интеграция науки и производства, соответствие контента образовательных программ социально-экономическим реалиям общества, инновационным процессам;
- вторичная социализация личности, развитие личностных и профессиональных компетенций, формирование социального интеллекта и социальных навыков (Р. Уайт, Дж. Равен).

В контексте глобальных целей постмодернистского информационного общества современное образование ориентируется на удовлетворение концептуальных требований меняющегося мира.

Исследователи отмечают технократический подход в человеческом сознании. В глобальной повестке дня мирового сообщества наряду с техно-

логическими угрозами, политическими, экономическими, экологическими проблемами существуют и духовные вызовы — кризис гуманистических идеалов, низкий коэффициент социального интеллекта. Все это ставит задачу защиты гуманистических идей в качестве приоритета в образовании, обучения жизни в условиях мультикультурализма, развитие социального интеллекта, экологии личности, чувства моральной ответственности за свои действия и решения. Духовные угрозы, возникающие в информационном обществе (информационная безопасность, этика общения в киберпространстве, конфиденциальность личной информации), требуют особого внимания к социализации и нравственному воспитанию личности.

Изменение социально-экономической реальности привели к необходимости модернизации социальных институтов и, в частности, системы образования, формирования новой образовательной парадигмы на основе *Lifelong Learning* (образование на протяжении всей жизни), компетентностного подхода.

Современное производство предъявляет новые требования к профессиональной подготовке специалистов, развитию профессиональных умений в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях. Вследствие этого в научных исследованиях все больше изучаются проблемы компетентности личности, которая реализуется в высшем профессиональном образовании, в системе образования взрослых — корпоративном обучении, повышения квалификации, переподготовки. Под компетенциями понимаются знания, умения, способы мышления, характерные для данной деятельности, а также ответственность за их использование и выбор, направленные на эффективное выполнение определенных действий в конкретной сфере деятельности.

Обзор литературы

Анализ исследований позволяет убедиться, что проблема компетентности носит сложный, многомерный и междисциплинарный характер, являясь объектом исследования различных дисциплин (педагогика, андрагогика, социология, психология, акмеология, менеджмент).

Среди работ, посвященных проблемам компетентности, целесообразно выделить зарубежных и отечественных авторов Р. Уайт (R. White) [20], Дж. Равен (J. Raven) [9], Л. Рейслер [10], И. Зимняя [5], Г. Селевко [11], А. Хуторской [14], О. Мусурманова, Н. Эгамбердиева, Р. Джураев, Р. Сафарова, Н. Тайлаков. Однако следует отметить, что единого определения понятия компетентности в науке не существует. Это положение подчеркивается многими исследователями[6].

Словари по общей и социальной педагогике дают следующие трактовки проблемы:

— «социально-педагогическая компетентность — способность понимать и знать свои социально-педагогические возможности во взаимодействии с другими людьми»;

— «социальная компетентность — это социальные навыки, позволяющие человеку в должной мере соблюдать жизненные нормы и правила, ответственность» [4, с. 42].

Известный швейцарский социолог, президент FREREF (Фонд европейских регионов исследований в области образования и обучения), профессор Цюрихского университета Вало Хутмахер (Walo Huttmacher) отмечает, что понятие «компетенция» ближе к понятийному полю «знаю, как» [17].

Один из первых исследователей проблемы компетентности лингвист, социолог профессор Массачусетского технологического института (США) Ноам Хомский (Noam Chomsky) характеризует компетентность в дискурсе языковой компетентности как «систему интеллектуальных способностей, знаний и установок, развивающуюся в многофакторной среде» [12].

Британский исследователь социолог, педагог, почетный профессор Эдинбургского университета Джон Равен (John Raven) трактует компетентность как «особую способность, которая требуется для выполнения определенного действия в определенной области и включает в себя отраслевые знания, научные навыки, образ мышления, а также понимание ответственности за свои действия» [9]. Равен выделяет 39 типов компетенций: критическое мышление, готовность решать сложные задачи, настойчивость, умение работать в группе, тенденция контролировать свою деятельность, вовлечение эмоций в процесс деятельности, готовность и способность обучаться самостоятельно, самоконтроль, привычка к абстрагированию, самостоятельность мышления, оригинальность, критическое мышление, готовность решать сложные вопросы, готовность полагаться на субъективные оценки и идти на умеренный риск, готовность использовать новые идеи и инновации для достижения цели; способность принимать решения, персональная ответственность, способность к совместной работе ради достижения цели и др.

В контексте парадигмы *Lifelong Learning* (образование на протяжении всей жизни) активно изучаются smart-компетенции, soft skills, коммуникативные компетенции, нарративные компетенции [15], профессиональные [16] и цифровые компетенции [3].

В педагогической и андрагогической практике компетенция означает предпосылки готовности студента к успеху в общественной жизни и в профессии и определяется уровнем социализации, духовно-нравственным, интеллектуальным потенциалом и теоретическими и практическими знаниями в конкретной сфере. Российский исследователь А.В. Хуторской характеризует компетентность как «заранее определенные социальные требования и нормы профессиональной подготовки студента» [13]. В иерархии компетенций Хуторской выделяет следующие три уровня:

1. Базовые, метапредметные, общие компетенции (ценностные, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социальные).
2. Межпредметные компетенции (на стыке конкретных дисциплин).

3. Субпредметные (в рамках конкретной тематики).

По мнению автора, сущность компетентного подхода состоит в отражении проблемы соотношения между социумом и личностью.

Российский педагог, профессор Г. Селевко классифицирует компетенции по видам деятельности, областям науки, сферам общественной жизни, стадиям социальной зрелости [11]. Исследовательница И.А. Зимняя выделяет три типа компетенций:

- 1) личностные компетенции;
- 2) компетенции, связанные с корреляцией (взаимодействием) личности и социальной среды;
- 3) компетенции, связанные с профессиональной и жизненной деятельностью человека [5].

При этом автор обращает особое внимание на соотношение общей культуры личности и компетентности. Исследователи утверждают, что компетентность представляет собой многокомпонентное явление [1].

Результаты

На сегодняшний день существует четыре академических школы и подхода к изучению компетенций в зарубежных странах — американская, английская, французская, немецкая школа, австрийский подход. Американская школа фокусируется на изучении поведенческих, деятельностных характеристик компетентности. Следует отметить, что понятие «компетентность» было введено в научный оборот одним из представителей американской школы, педагогом, социологом, психологом Робертом Уайтом (Robert White). В своем исследовании «Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции» (Motivation reconsidered: the concept of competence) Уайт описал компетентность как «потенциал или способность влиять на окружающую среду, осуществлять личную свободу». Отличительной особенностью теории Уайта была детерминанта функции компетентности и мотивации. По его мнению, компетенции структурно состоят из личностных характеристик, в том числе мотивационных. Под влиянием идей Уайта в научный оборот было введено понятие «компетентная мотивация».

Совет Европы дает одновременно несколько определений термина:

- политические и социальные компетенции, способность брать на себя ответственность, участвовать в процессе принятия решений, разрешать конфликты, участвовать в совершенствовании демократических институтов;
- компетенции, связанные со смысловыми особенностями многоязычного, поликультурного общества (умение принимать различия между культурами, языками и религиями, уважать других, жить с людьми, преодолеть среду ксенофобии и нетерпимости, межкультурный диалог);
- коммуникативные компетенции;

— использование информации, связанной с цифровизацией общества, навыки критического мышления;

— компетенции непрерывного обучения в контексте личной, профессиональной, общественной деятельности [17].

В контексте концептуальной реальности турбулентного мира важную роль играют профессиональная подготовка и компетентность профессионалов. В рамках теоретических и практических знаний компетентностный подход — как способность действовать на основе прагматического опыта, творчески применять знания в нестандартных жизненных ситуациях, — оценивается как наиболее прогрессивный и перспективный метод. Компетентность требует не только профессионально-теоретической подготовки, но и развития психоэмоциональных, вербальных, рефлексивных, социальных знаний. В этом дискурсе компетентностный подход имеет прагматическое и практическое значение.

В словаре терминов Европейского фонда образования (EEF) компетентность определяется как:

1. Способность делать что-либо хорошо или эффективно.

2. Соответствие требованиям, предъявляемым при устройстве на работу.

3. Способность выполнять определенные профессиональные функции.

В соответствии с авторской позицией, «компетентность — это, при способности личности к жизненным ситуациям, мобилизация, активное применение в профессиональной деятельности знаний, умений, навыков и эмпирического опыта, накопленных в разные исторические периоды социальной жизни».

Следует отметить, что компетентностный подход используется некоторыми учеными в противовес категориям «знания», «умения» и «навыки». На наш взгляд, такой подход не является целесообразным. Компетентностный подход представляет собой следующий этап в иерархии познавательных действий. Его применение рассматривается исследователями и экспертами как важный фактор развития глобальной коммуникации и расширения социальных возможностей в постмодернистскую информационную эпоху.

Полиаспектные проблемы, стоящие перед современным обществом, еще больше повышают значение компетентностного подхода. В европейском проекте «Определение и отбор ключевых компетенций» (*DeSeCo*) базовые компетенции определяются как «важный фактор жизненного успеха и эффективного функционирования общества».

Ключевые компетенции, указанные в отчете Совета Европы, включают: способность брать на себя ответственность, принятие решения, управление конфликтами, участие в сохранении и совершенствовании демократических институтов, жизненные компетенции в поликультурном обществе, межкультурные компетенции, необходимые для контроля проявлений расизма и ксенофобии, принимать различия, компетенции,

связанные с овладением устной и письменной речью, что важно для работы и общественной жизни, компетенции, связанные с приобретением технологий, их применением, пониманием их сильных и слабых сторон, а также ростом осведомленности населения, такие как методы критической оценки медийной и рекламной информации, способность учиться на протяжении всей жизни как основа непрерывного обучения в личной, профессиональной и общественной жизни.

Несмотря на многочисленные попытки создать универсальную типологическую классификацию и модель компетенций в мировой практике до сих пор не существует единой системы, единой классификации. Хотя Совет Европы предложил классификацию базовых компетенций, в частности *CEFR* — общеевропейских компетенций в изучении иностранного языка, многие страны адаптировали ее исходя из своих геополитических и социальных особенностей. Великобритания продвигает четыре основные компетенции. Базовые компетенции, которые должны формироваться у учащихся в образовательном процессе, должны осуществляться параллельно с формированием предметных компетенций по каждому предмету.

Проект «Образование-2030» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) проводит сравнительный анализ мировых образовательных программ для разработки универсальной модели профессиональных компетенций. На протяжении столетий процесс обучения строился по производственно-конвейерному принципу, при котором учащиеся приобретали однотипные знания, работая по шаблонам на основе линейного плана обучения, лишь изредка допускающего свободу условного выбора. Ожидалось, что набор навыков, необходимых для работы, будет стандартным и статичным (неизменным), специалисты должны были проходить периодические курсы повышения квалификации для развития своих профессиональных компетенций. Учебные программы не преследовали социальных целей и не были направлены на решение задач VUCA-мира (умение решать задачи, личностное развитие, стремление к успеху, нестандартность мышления, стратегии личного обучения, когнитивное развитие, медиаграмотность, изменчивость, неопределенность, сложность, нелинейность развития и др.).

Специалисты утверждают, что в ближайшем будущем человечество ждет радикальная смена социально-экономической системы, на которую повлияет стремительное развитие технологий и связанные с ними социальные изменения. В частности, основатель и президент Всемирного экономического форума Клаус Мартин Шваб (Klaus Martin Schwab) в своем выступлении в 2016 г. в Давосе (Швейцария) подробно остановился на идее четвертой промышленной революции. По мнению исследователя, в ближайшем будущем человечество столкнется с изменениями и сложностью невиданных масштабов. В долгосрочной перспективе новый технологический переход может привести к экспоненциальному экономическому

росту, но в то же время и к значительному дисбалансу в мировой экономике, углубить неравенство и риск глобальной системной безработицы.

В ходе исследований, проведенных для определения базовых тенденций, присущих информационному обществу в XXI в., и выявления влияния изменений на деятельность специалистов, эксперты Global Education Futures и Future Skills определили ряд трендов, которые окажут существенное влияние на все отрасли экономики и определяют тектонику рынка труда в ближайшем будущем.

Основные направления образовательных трендов можно выразить следующим образом:

1. Технологическая трансформация, цифровизация всех сфер жизни, автоматизация и роботизация и, как следствие, изменение роли человеческого труда во всех отраслях экономики под влиянием развития автономных систем, способных к сложным физическим и когнитивным движениям.

2. Оцифровка всех видов информации, нейроинтерфейсы, проникающие во все сферы деятельности и меняющие отношение к управлению бизнесом, городам и личной деятельности. Масштабы тенденции цифровизации подтверждаются экспоненциальным ростом интернет-трафика. В 2017 г. генеральный директор Tesla Motors, известный предприниматель-новатор, инженер, популяризатор науки Илон Рив Маск (Elon Reeve Musk) объявил о создании компании «Neurolink», которая будет работать над созданием полноценного интерфейса мозг-компьютер.

3. Создание нового социального ландшафта, усиление урбанизации, социально-демографические изменения, гендерное равенство, увеличение продолжительности жизни, усиление роли женщин в экономике.

4. Появление сетевых систем, более гибких способов управления компаниями и сообществами, характеризующимися развитием сетевых технологий, распространением решений на базе технологии блокчейн.

5. Четвертая промышленная революция (The Fourth Industrial Revolution). Трансформация существующей промышленной революции (Klaus Martin Schwab)¹, массовое внедрение в экономику квантовых, блокчейновых, киберфизических систем. Этот процесс также можно рассматривать как начало шестого технологического цикла, технико-экономического уклада по моделям Н. Кондратьева², С.Ю. Глазьева [7], Йозеф Алоиз Шумпетер [2]). Четвертая промышленная революция характеризуется повсеместной цифровизацией, абстрагированием границ между физической, цифровой и биологической областями.

6. Зеленая экономика. В контексте концепции устойчивого развития наблюдается внимание производителей к вопросам охраны окружающей среды, широкое использование экологических метафор в бизнесе и экономике.

¹ Клаус Мартин Шваб, экономист, президент Давосского экономического форума.

² Николай Кондратьев, рус иктисодчиси, иктисодий цикллар назарияси асосчиси.

7. Полилингвизм и мультикультурализм. В настоящее время производители и компании из разных стран выпускают сложную продукцию, 3D-изделия. В будущем человечество все больше будет переключаться на работу в международных онлайн-сообществах. В этом контексте будет полезно изучение языков и знание специфики национальных сообществ.

8. Коллаборация, метадисциплинаризм. Одной из ключевых особенностей современной экономики является межотраслевая кооперация. Производство большинства продуктов требует кооперации и симбиоза различных отраслей (искусственный интеллект, медицина, нанотехнологии и др.). Это требует от профессионалов знаний, понимания и компетенций в отношении существующих технологий, процессов в отраслях, не связанных с их сферой деятельности.

9. Ориентация на потребителя. В социальной реальности XXI в., в частности, в условиях обострения конкуренции за потребителя, компаниям необходимо будет активизировать усилия по лучшему пониманию покупательского спроса и предложению идеального решения, улучшению сервисного обслуживания различных услуг.

Все перечисленные выше изменения происходят под влиянием одного общего метатренда — динамичности изменения процессов. Этот метатренд не только влияет на проявляемые изменения, но и определяет скорость обновления окружающего мира. Большинство существующих социальных институтов (технологическая и социальная глобализация, экономическая, технологическая и культурная), производственных систем, потребительских товаров, научных знаний, культурных маркеров и кодов демонстрируют нежелание действовать в гиперсвязанном мире, где возрастает роль транснационального сотрудничества.

Изменения в экономике и обществе требуют переосмысления тектоники, логики и траектории образовательной модели, выявления нового набора знаний. Именно в этом контексте возникает новая образовательная парадигма, облегчающая переход к новой социально-экономической надстройке. Исследователь Г.В. Никитина утверждает, что формирование компетенций в условиях новой парадигмы является полиаспектной проблемой, требующей взаимодействия образовательного пространства с социальной практикой [8].

Эти проблемы подробно обсуждены в отчете Global Education Futures «Образовательные экосистемы для социальных изменений». Речь идет о новой образовательной экосистеме, позволяющей в полной мере раскрыть индивидуальный потенциал каждого человека и коллективный потенциал человечества.¹ Профессор Мельбурнского университета, ведущий специалист по компетенциям Патрик Гриффин (Patrick Griffin) в числе важнейших навыков и умений XXI в. перечисляет активное общение, эмоциональный интеллект, системное мышление, управление стрессом

¹ Educational Ecosystems For Societal Transformation // Educational Ecosystems For Societal Transformation. URL: <https://futuref.org/educationfutures> (accessed on 28.04.2022).

при многозадачности, навыки управления людьми, мультикультурализм, работа в команде. Концепция развития навыков в XXI в., разработанная Грифффином, эффективно используется в образовательных программах Мельбурна (Австралия), Европы, Африки [18].

В век беспрецедентного ускорения технологий и искусственного интеллекта необходимо переосмыслить образовательную систему и содержание образования. Исследователи, гуманитарии, педагогическое сообщество задумываются над созданием образовательных программ «4D», призванным созданию знаний, синтезу данных в информационном обществе знаний.

Для развития национального диалога по компетенциям в 2012 г. Национальной ассоциацией образования (NEA), коалицией лидеров бизнеса, образования и политики, в которую входят представители Министерства образования США, корпорации Dell Computer, Microsoft, SAP, была создана организация Partnership for 21st Century Skills (P21). В рамках этого проекта исследователями Берни Триллинг (Bernie Trilling) и Чарльз Фадель (Charles Fadel) разработана система компетенций 7C: критическое мышление и решение проблем, творчество и инновации, общение и сотрудничество, информационная и медиаграмотность, ИКТ и компьютерная грамотность, компетенции, необходимые для жизни и профессии.

Американский исследователь и один из основоположников бизнес-консалтинга Том Питерс (Tom Peters) признает, что успех компаний в XXI в. неразрывно связан со следующими компетенциями сотрудников:

- стратегическое мышление;
- масштабное мышление;
- умение доводить начатое до конца;
- умение вдохновлять других;
- стресс-менеджмент [19].

Таким образом, в условиях информационного общества и новой парадигмы экосистема образования претерпевает существенные изменения в следующих направлениях:

1. Изменение роли учителя. В условиях нового подхода учитель должен превратиться из «транслятора» знаний в организатора, дизайнера, модератора, фасилитатора, тьютора образовательного процесса. В отличие от традиционного образования, в компетентностном образовании обязанности учителя претерпевают более широкую трансформацию, принципиально меняется позиция преподавателя. Учебная среда, основанная на компетентностной парадигме, по своей сути является фасилитацией, основанной на развитии у учащихся критического мышления, мотивации к самостоятельному обучению, проявлению инициативы; формировании метапредметных компетенций, создании условий для креативности.

2. Постановка цели. В новой среде обучения цели также будут преобразованы. Помимо получения необходимой информации, возникают умение

применять полученные знания в жизни, поиск правильного решения проблем в нестандартных ситуациях.

3. Изменяются методы обучения. Компетентностный подход требует использования интерактивного подхода, ориентированного на личность учащегося.

4. Внедрение новой системы оценивания знаний студентов. При этом не только оцениваются полученные знания, но и изучаются личностные мотивы, учитывается комплекс компетенций.

5. Информационно-образовательная среда. При компетентностном подходе отношения между преподавателем и учащимся основаны на сотрудничестве, а не на иерархии.

Целью подготовки компетентных специалистов, заявленной в государственных образовательных стандартах Узбекистана, является изменение не только содержания образования, но и деятельности педагогов, методов обучения и процесса организации образования. Задача формирования компетенций по направлениям и специальностям основывается на комплексной классификации компетенций XXI в. и напрямую связаны с созданием стратегии образования.

Узбекистан в настоящее время разрабатывает стандарты общего, высшего и андрагогического образования, обращая внимание на международный опыт и тенденции развития. Признание компетентностного подхода в образовании было связано с новыми тенденциями высокотехнологического развития экономики, а также с подготовкой и воспитанием следующего поколения специалистов инновационного развития, промышленности и бизнеса. Такая комплексная задача может быть решена в парадигматическом контексте, отражающем концептуальные цели и задачи образования. В последние годы в системе образования Узбекистана активно применяются передовые результаты зарубежного опыта, концепции, модели, методы, форсайт-анализ. В частности, с учетом достижений в области преподавания иностранных языков из других дисциплин в системе образования разработаны образовательные стандарты, основанные на компетентностном подходе. В целом разработаны и активно внедряются в образовательную деятельность образовательные стандарты и государственные требования, основанные на компетентностном подходе отечественной системы дошкольного, общего среднего, высшего образования, переподготовки и повышения квалификации. Сформирован набор базовых компетенций для системы общего среднего образования, бакалавриата, магистратуры и повышения квалификации.

В то же время контент-анализ образовательных программ (педагогика, социология, физика, биотехнология, автоматизация системного управления, нефть и газ, математика) и уровней образования (бакалавриат, магистрат) свидетельствует о том, что общекультурные компетенции не находят должного отражения в контенте программ общественных, гуманитарных, естественных и технических наук.

Заключение

Таким образом, в условиях современного динамичного информационного общества, шестого технологического уклада, сокращения экономических циклов, появления новых способов доставки (Uber-систем) компетенции устаревают с очень высокой скоростью. Эта особенность делает неэффективным долгосрочное планирование и предопределяет необходимость целенаправленного формирования общесоциальных компетенций.

Исследования в области социальной педагогики, социологии, менеджмента показывают устойчивость к изменениям в технологической среде XXI в. способность применять профессиональные навыки в условиях новых ситуаций, готовность к приобретению новых навыков, открытость к новаторским идеям, инициативность, адаптивность к постоянно меняющимся ситуациям.

В рамках парадигмы непрерывного образования исследователь представляет образовательную стратегию, сочетающую в себе компетенции, актуальные для социальной реальности XXI в., обеспечивающие качество жизни, творческую, профессиональную активность личности. Эта стратегия основана на анализе последних исследований в области компетентностного подхода, передовых идей и методологий. Обобщая результаты вышеизложенного анализа, исследователь предлагает включить в систему универсальных компетенций XXI в.:

1. Управление проектами и процессами. Постановка стратегических целей и задач, правильный выбор приоритетов, планирование деятельности, построение команды, проектное мышление и управление проектами.

2. Способность действовать в постоянно турбулентной и быстро меняющейся мировой среде. Современные условия требуют быстрого принятия решений и реагирования на изменения, эффективного управления и распределения ресурсов (управление конфликтами, управление стрессом, тайм-менеджмент).

3. Креативное мышление.

4. Межкультурный диалог, понимание различий между разными культурами, открытость к новым идеям и взглядам, готовность к общению с другими людьми, способность чувствовать различия в менталитете и применять его при решении проблем, эффективная коммуникация в процессе совместной деятельности с учетом личных взглядов и позиций других.

5. Компетенции в области управления искусственным интеллектом, создания программных продуктов, направленных на выполнение конкретных задач.

6. Системное мышление. Нелинейное экспоненциальное развитие, усложнение окружающего мира требует системного мышления, понимания природы сложных систем, способности видеть и понимать взаимосвязи между системами, детерминированные свойства механизмов.

7. Навыки экологического мышления и lean production (бережливое производство), навыки управления процессами, основанные на устранении всех видов отходов в любой отрасли, отвечающей целям устойчивого развития. Ограниченность природных ресурсов и экологический подход, основанный на ответственности каждого из нас за планету, сокращение потребления энергии, воды, использование биоразлагаемых материалов, активное участие в оптимизации бизнеса по охране окружающей среды.

8. Критическое мышление (*critical thinking*) — способность анализировать, интерпретировать и оценивать факты, принимать объективные решения и определять сильные и слабые стороны информации.

9. Эмоциональный интеллект. В условиях технократической цивилизации и техники возрастает роль гуманистических навыков, эмпатии, адаптивности к разным социальным ролям, гибкости, сопереживания, альтруизма в межличностных отношениях.

10. Метадисциплинарность — способность использовать разные методы и подходы для решения задач в других сферах деятельности.

11. Информационные навыки — умение создавать информацию, отбирать, фильтровать большие объемы информации, извлекать необходимую информацию и обрабатывать ее для достижения результатов, информационная безопасность, навыки работы с информационными системами, понимание основных принципов работы технологических систем;

12. Саморазвитие, селф-менеджмент.

Список источников

[1] Божко Е. М., Ильнер А. О. Компетентностный подход в России и за рубежом: исторические и теоретические аспекты // Мир науки. Педагогика и психология. World of Science. Pedagogy and psychology. 2019. № 1, т. 7. URL: <https://mir-nauki.com/issue-1-2019.html> (дата обращения: 23.08.2021).

[2] Блауг М., Шумпетер, Йозеф А. 100 великих экономистов до Кейнса. Санкт-Петербург : Экономикс, 2008. Вып. 42. С. 333-352.

[3] Волгина С. В. К вопросу об изменении содержания и качества высшего образования в условиях цифровой экономики с позиции компетентностного подхода // Тенденции развития науки и образования. 2019. Т. 50. № 7. С. 12-15.

[4] Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике / Науч. ред. проф. Г. Бухарина. Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. 135 с.

[5] Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования // Эйдос. Интернет-журнал. 2006. 5 мая. URL: <http://www.eidos.ru/journal /2006/0505.htm> (дата обращения: 15.09.2019 г.).

[6] Кострова Ю. С. Генезис понятий «компетенция» и «компетентность»// Молодой ученый. 2011. № 12 (35). Т. 2. С. 102-104. URL: <https://moluch.ru/archive/35/4011/> (дата обращения: 23.08.2021).

[7] Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновна. Москва : Тривант, 2009. 304 с.

[8] *Никитина Г. В.* Формирование профессиональных и социальных навыков XXI века в трансформирующемся образовании. Потенциал социальной практики // Современная высшая школа. Инновационный аспект. 2019. Т. 11, № 2. С. 87-92.

[9] *Равен Д.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. Москва : Когито-Центр, 2002. 394 с.

[10] *Рейслер Л. А.* Межкультурная компетенция и ее структура // Профессиональный проект. Идеи, технологии, результаты. 2012. № 1. С. 59-67.

[11] *Селевко Г.* Компетентности и их классификация // Народное образование. 2004. № 4. С. 136-144.

[12] *Хомский Ноам* Язык и мышление. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 122 с.

[13] *Хуторской А. В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Эйдос. Интернет-журнал. 2002. 23 апр. URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 17.09.2019).

[14] *Хуторской А. В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.

[15] *Федорова В. П.* Формирование нарративной компетенции как способа моделирования вторичного языкового сознания (английский язык, языковой вуз): дисс. ... канд. пед. наук. Москва, 2004. 194 с.

[16] *Шарупова О. М.* Модель компетенций для персонала в условиях цифровизации и Индустрии 4.0 // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 12. С. 2411-2420.

[17] *Hutmacher Walo.* Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) // Secondary Education for Europe Strasbourg, 1997.

[18] *Griffin P., Care E., Wilson M.* Assessment and Teaching of 21st Century Skills. Melbourne, Springer, 2017. 276 p.

[19] *Peters T.* Re-imagine. M.: Best Business Books, 2011. 352 p.

[20] *White R. W.* Motivation reconsidered: the concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. №. 5. P. 297-333.

[21] *Xoliqova M.* Postindustrial tamaddun contextida axborot va bilimlar jamiyatining conceptual determinantlari // Society, Gender and Family in Central Asia. 2021/4 (1). С. 71-81.

References

[1] *Bozhko E. M., Ilner A. O.* Competence-based approach in Russia and abroad: historical and theoretical aspects // World of Science. Pedagogy and psychology. 2019. Vol. 7, No. 1. URL: <https://mir-nauki.com/issue-1-2019.html> (accessed on 23.07.2021).

[2] *Blaug M., Schumpeter, Joseph A.* Great Economists before Keynes. St. Petersburg: Economicus, 2008. Issue. 42. Pp. 333-352.

[3] *Volgina S. V.* On the issue of changing the content and quality of higher education in the conditions of the digital economy from the perspective of a competency-based approach // Trends in the development of science and education. 2019. Vol. 50, No. 7. Pp. 12-15.

- [4] *Voronin A. S.* Glossary of terms in general and social pedagogy. Ekaterinburg, 2006. 135 p.
- [5] *Zimnyaya I. A.* Key competencies are a new paradigm of the result of modern education // *Eidos*. 2006. May 5. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (accessed on 15.09.2021).
- [6] *Kostrova Yu. S.* Genesis of the concepts of «competence» and «competency» // *Young scientist*. 2011. No. 12 (35). T. 2. pp. 102-104. URL: <https://moluch.ru/archive/35/4011/> (accessed on 23.08.2021).
- [7] *Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy* / eds. S. Yu. Glazyev, V. V. Kharitonov. Moscow: Trovant, 2009. 304 p.
- [8] *Nikitina G. V.* Formation of professional and social skills of the 21st century in transforming education: the potential of social practice // *Contemporary higher education: innovative aspects*. 2019. Vol. 11, No. 2. Pp. 87-92.
- [9] *Raven J.* Competence in modern society: Its identification, development and release. Moscow: Kogito-Center, 2002. 394 p.
- [10] *Reysler L. A.* Intercultural competence, its role in formation of contemporary person // *Professional project: ideas, technologies, results*. 2012. No. 1. Pp. 59-67.
- [11] *Selevko G.* Competences and their classification // *Narodnoye obrazovaniye*, 2004. No. 4. Pp. 136-144.
- [12] *Chomsky N.* Language and thought. Moscow: Publishing House of Moscow university, 1972. 122 p.
- [13] *Khutorskoy A. V.* Key competencies and educational standards // *Eidos*. 2002. April 23. URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (accessed on 17.09.2021).
- [14] *Khutorskoy A. V.* Key competencies as a component of student-centered education // *Narodnoye obrazovaniye*. 2003. No. 2. Pp. 58-64.
- [15] *Fedorova V. P.* Formation of narrative competence as a way of modeling secondary linguistic consciousness (English language, language university): Dis. ... cand. ped. Sciences: 13.00.02: Moscow, 2004. 194 p.
- [16] *Sharipova O. M.* Competency model for staff in terms of digitalization and industry 4.0 // *Creative Economy*. 2019. Vol. 13, No. 12. Pp. 2411-2420.
- [17] *Hutmacher W.* Key competencies for Europe. Report of the Symposium. Berne, Switzerland. 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC). Secondary Education for Europe. Strasburg, 1997.
- [18] *Griffin P., Care E., Wilson M.* Assessment and Teaching of 21st Century Skills. Melbourne. Springer, 2017. 276 p.
- [19] *Peters T.* Re-imagine. Moscow: Best Business Books, 2011. 352 p.
- [20] *White R. W.* Motivation reconsidered: the concept of competence // *Psychological Review*. 1959. Vol. 66, No. 5. Pp. 297-333.
- [21] *Khalikova M.* Conceptual determinants of the information and knowledge society in the context of post-industrial civilization / *Society, Gender and Family in Central Asia*. 2021/4 (1). pp. 71-81.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-6>

УДК 316.628

JEL M5, Z13

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ¹

В. Ю. Черкасова

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: В. Ю. Черкасова (cherkasova-vy@ranepa.ru)

Аннотация. В работе осуществлена проверка гипотезы о возможности применения классических концепций мотивации в мотивации и стимулировании государственных гражданских служащих. Дано определение понятиям мотивация и стимулирование. Выделены особенности мотивации и стимулирования государственных служащих. Проанализированы содержательные и процессные теории мотивации и наиболее яркие авторы представители каждой группы. Выделена необходимость комплексного подхода к использованию данных концепций в мотивации персонала органов власти.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, государственные служащие, концепции мотивации, органы власти

Features of the Use of Motivation and Stimulation Concepts for Public Authorities

V. Y. Cherkasova

Ural Institute of Management, Branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Corresponding author: V. Y. Cherkasova (cherkasova-vy@ranepa.ru)

Abstract. The paper tests a hypothesis about the possibility of applying classical concepts of motivation in the motivation and stimulation of public civil servants. The definition of the concept of motivation and stimulation is given. The features of motivation and stimulation of civil servants are highlighted. Content and process theories of motivation, as well as the most prominent representatives of each group are analysed. The article states the necessity of an integrated approach to the use of these concepts in the motivation of government personnel.

Keywords: motivation; stimulation; civil servants; concepts of motivation; government personnel

Введение

Основой любой организации являются люди, поскольку именно они обеспечивают функционирование этой организации. Руководство организации может стремиться к достижению стратегических целей, внедрять самые современные технологии, использовать огромное количество ресурсов, но все это не будет иметь должного эффекта, если сотрудники организации не замотивированы на положительный результат, не разделяют поставленных руководством задач и не видят перспектив своей деятельности. Кроме того, существуют особенности трудовой деятельности

¹ © Черкасова В. Ю. Текст. 2022.

органов государственной власти, их существенное отличие от коммерческих организаций. Среди таких особенностей: направленность на реализацию, прежде всего, государственных интересов; жесткий регламент управления; четкие нормы трудовой дисциплины; выстроенная иерархия, высокая ответственность руководителей за принимаемые решения.

Мотивация и стимулирование персонала в органах государственной власти на сегодняшний день являются весьма актуальной проблемой. Стремления и интересы персонала играют важную роль в формировании отношений, складывающихся на службе. Состояние и самоощущение персонала в органах государственной власти демонстрируют готовность к эффективному осуществлению профессиональных функций и имеют особое значение, т. к. если государственные гражданские служащие неэффективны, некомпетентны и плохо мотивированы, то масштабные пробелы и возникновение слабостей государства становятся практически неизбежными.

Грамотный руководитель должен прогнозировать возможные трудности, которые могут возникнуть при управлении персоналом. Кроме того, очень важно знать инструменты воздействия на сотрудников и представлять, как они могут повести себя в той или иной ситуации.

Мотивация и стимулирование государственных служащих очень важны для повышения производительности труда, усиления эффективности и продуктивности, формирования исполнительской дисциплины. Однако существует ряд проблем, которые до сих пор остаются нерешенными или решаются недостаточно эффективно. Среди этих проблем:

— жесткая иерархия государственных структур, которая приводит к тому, что в большей степени затрагиваются вопросы внешней мотивации, а не внутреннего стимулирования;

— по сравнению с материальным стимулированием работников частного сектора, государственные служащие часто проигрывают, т. к. зарплаты некоторых профессиональных групп частного сектора существенно выше, нежели в органах государственной власти;

— не всегда очевидна взаимосвязь оплаты труда с результатами профессиональной деятельности персонала органов власти и др.

Основная часть

В научной литературе существует множество подходов к определению понятий мотивация и стимулирование. Рассмотрим несколько из них.

«Мотивация — это процесс побуждения себя и других к определенной деятельности». Основная задача по отношению к сотрудникам организации — сделать «каждого работника ... собственником своей рабочей силы»¹. Мотивация — это стратегическая составляющая обеспечения эффективного

¹ Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учеб. / под ред. А. Я. Кибанова. Москва : ИНФРА-М, 2019. С. 210.

труда персонала, а стимулирование — тактическая¹. «Мотивация трудовой деятельности — это процесс удовлетворения работниками своих потребностей и ожиданий в выбранной ими работе, осуществляемый в результате реализации их целей, согласованный с целями и задачами предприятия, и одновременно с этим это комплекс мер, применяемых со стороны субъекта управления для повышения эффективности труда работников»² [2].

Стимулирование — это способ управления трудовым поведением работника с помощью целенаправленного воздействия на поведение персонала, используя мотивы, движущие его деятельностью. Стимулирование — это совокупность требований и соответствующая им система поощрений и наказаний. Мотивация — это «побудительная сила», желание человека что-то сделать. Мотивация и стимулирование как способы управления трудом персонала имеют одну цель, но «противоположны по направленности, и при этом они взаимно дополняют друг друга»³.

Соответственно, можно сделать вывод, что мотивация предполагает долгосрочное воздействие на персонал с целью формирования и поддержания интереса сотрудников к своей трудовой деятельности. Мотивация должна повышать чувство ответственности работника за выполняемые задачи, множить степень причастности к общему делу, помогать видеть свою роль в достижении корпоративных целей и т. д. Что касается стимулирования, то оно может обеспечить краткосрочный эффект и относится к внешнему воздействию, которое руководство может оказать на своего сотрудника. Стимулом в Древнем Риме называлась острая палка, которой подгоняли скот, с тех пор функции стимулирования мало изменились.

Дефиниции мотивации и стимулирования можно рассматривать в перспективе разных наук: психологии, социологии и управления персоналом. Нам более интересен подход, который позволяет анализировать данные термины в рамках менеджмента. В нашей работе остановимся на следующих определениях:

— «Мотивация — это комплекс причин, побуждающих работников к целенаправленным действиям. Она выступает движущей, побудительной силой человеческой деятельности и поведения на основе глубокой личной заинтересованности и вовлеченности в ее осуществление» [1, с. 71].

— Стимулирование является способом «управления трудовым поведением работника с помощью целенаправленного воздействия на поведение персонала, используя мотивы, движущие его деятельностью»⁴.

¹ Управление персоналом организации: учеб. / под ред. А. Я. Кибанова. 3-е изд., доп. и перераб. Москва : ИНФРА-М, 2010. С. 491.

² Шапиро С. А. Основы трудовой мотивации: учеб. пособие. 3-е изд. перераб. и доп. Москва : КНОРУС, 2016. 268 с.

³ Глухенькая Н. М. Исследование систем управления: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 47.

⁴ Управление персоналом организации: учеб. / под ред. А. Я. Кибанова. 3-е изд., доп. и

Исследования, посвященные мотивации и стимулированию трудовой деятельности персонала, ведутся в современной науке сравнительно давно. Отдельные создатели мотивационных теорий рассматривали определенный аспект проблем мотивации и стимулирования. Другие авторы претендуют на универсальность и всеобщий охват мотивационных проблем в рамках своих теорий. Однако любую из этих теорий необходимо адаптировать под определенные условия существования конкретной организации, в нашем случае, органа власти. В науке выделяют два вида теорий: содержательные и процессуальные. Прежде всего, рассмотрим содержательные теории, которые анализируют структуру внутренних побуждений, являющихся специфичными для разных категорий сотрудников.

Самая известная и распространенная — теория мотивации А. Маслоу. Данная теория базируется на иерархической структуре потребностей, которые по очереди влияют на поведение индивида, для того чтобы были удовлетворены потребности высшего порядка, необходимо позаботиться о потребностях первого уровня. По очереди удовлетворяя их (иногда не полностью), человек может упорядочивать их для себя по степени приоритетности.

Маслоу большое значение уделял базовым потребностям: физиологическим (витальным) и потребности в безопасности. Он писал: «Если все потребности находятся в неудовлетворенном состоянии и, следовательно, в организме начинают доминировать физиологические потребности, все остальные потребности могут попросту прекратить свое существование или быть отодвинутыми на задний план» [2, с. 61].

При удовлетворении данных потребностей человек может обратиться к потребностям высшего порядка: любви, сопереживания и принадлежности; уважения и самоактуализации.

Несмотря на стабильность пирамиды потребностей для большинства людей, Маслоу отмечает: «До сих пор мы исходили из того, что данная иерархия устанавливает жесткий порядок вещей, однако в действительности он далеко не так постоянен, как можно было бы заключить в соответствии с вышесказанным. В самом деле, большинство людей, с которыми мы работали, судя по всему, имели базовые потребности, организованные в соответствии с вышеизложенными принципами. Однако было и множество исключений. Есть люди, для которых, к примеру, самоуважение важнее, чем любовь» [2, с. 72]. Таким образом, всегда есть исключения из правил, люди, для которых удовлетворение потребностей высшего порядка является наиболее значимым, и в истории человечества существует масса таких примеров.

Анализируя концепцию Маслоу с точки зрения применения ее в органах власти, можно отметить, что существующая там иерархия позволяет использовать пирамиду потребностей в качестве базовой мотивационной теории. Так, согласно данным исследовательского центра ВЦИОМ

[3], можно утверждать, что при поступлении на службу для большинства опрошенных государственных служащих значимыми оказались преимущественно соображения стабильности. Многих респондентов привлекла оплата труда госслужащих, а также льготы и компенсации. Соответственно, прежде всего идет акцент на удовлетворении базовых потребностей. Приходя на гражданскую службу, люди склонны более руководствоваться прагматическими мотивами, нежели желанием профессионально развиваться и приносить пользу. Конечно, после того, как базовые потребности будут удовлетворены, человек может задумываться и о реализации потребностей более высокого уровня.

Однако в рамках государственной службы персонал часто ограничен в своих желаниях необходимостью исполнять приказы руководства, не всегда задумываясь об их содержании. Тем не менее, как и в концепции Маслоу, на государственной службе есть высокомотивированные люди, которые готовы, несмотря на невысокое вознаграждение, делать больше, чем от них просят, и заботиться о благе общества. Такие данные были получены в результате интервью со 100 госслужащими, проведенном экспертами РАНХиГС [4].

Проанализировав концепции других сторонников содержательной теории мотивации, можно отметить, что они обращали внимание, прежде всего, на необходимость поощрения свершения, стремления к самореализации.

Ф.У. Тейлор, родоначальник классической школы менеджмента, утверждал, что наилучшим типом управления является путь «инициативы и поощрения» [5, с. 192], когда работник вознаграждается соответствующим образом за проявленную им инициативу. Органы власти предоставляют возможность своим служащим проявить инициативу, но в определенных рамках, сама система является сдерживаемым фактором для развития инициатив.

Д. Мак-Клелланд выделил три категории потребностей: в причастности, во власти и успехе. Власть и успех, применительно к пирамиде Маслоу, смогут занять строчку между уважением и самовыражением. Причастность же относится к социальным потребностям [6]. Согласно исследованиям, проведенным РАНХиГС, стремление занять престижное положение в обществе находится на второй строке популярности прихода на государственную службу, вслед за стабильным заработком [4]. Потребности в успехе, в уважении, в стремлении влиять на других также являются значимыми для государственных служащих.

Ф. Герцберг в середине XX в. предложил свою теорию мотивации, также базирующуюся на ключевых потребностях. Он разделил все мотивы на две группы: гигиенические и мотивационные факторы. Гигиенические факторы не дают мотивации к повышению производительности труда, они лишь создают отсутствие неудовлетворенности. К ним относятся: оплата труда, условия, отношения с коллегами, политика руководства компании. В свою

очередь, мотивационные факторы как раз позволяют стимулировать персонал к более эффективному труду. Среди мотивационных факторов: интересное содержание работы, возможность карьерного роста, признание достижением начальством, возможность проявлять ответственность и др.

Так, по мнению Герцберга, человек не будет работать лучше, если ему просто поднять зарплату, а ему при этом может не нравиться содержание его работы. Но если зарплата недостаточна, несправедливо оценивание его труд, по его мнению, то желания работать будет еще меньше, т. е. отсутствие или недостаток гигиенических факторов провоцируют неудовлетворенность трудовой деятельностью. В органах власти преимущество отдается гигиеническим факторам, а мотивационные если и используются, то часто неосознанно, не имея под собой системного подхода. Интересно, что многие государственные и муниципальные служащие устраивались работать в орган власти случайно, из-за трудностей с работой или неурядиц в личной жизни, не планируя надолго там оставаться.

Подводя итог изучению содержательных концепций мотивации, можно утверждать, что они основываются на анализе детерминант, определяющих поведение человека, и изучении его потребностей. Данные ученые внесли важный вклад в теоретическое обоснование мотивации и стимулирования, однако не учли влияние внешней среды и психологических особенностей индивидов, которые могут повлиять на мотивацию. Эти нюансы в большей степени проработали авторы процессного подхода.

В. Врум, один из классиков процессного подхода, предложил теорию ожидания. Теория ожидания реализуется тем, насколько вероятно наступление того или иного события в восприятии индивида. Анализируя мотивацию, данная теория определяет значимость следующих связей: трудовые затраты — результат — награда — удовлетворение полученным вознаграждением [6, с. 376]. Таким образом, недовольство работника возникает, когда, по его мнению, полученная награда не соответствует приложенным усилиям. Персонал должен ощущать четкую взаимосвязь между результатом труда и полученным вознаграждением, иначе мотивация людей будет снижаться, и сотрудники постараются сократить свои трудовые усилия.

Очень часто нагрузка на государственных служащих очень большая, характеризуется ненормированным рабочим днем, постоянными стрессами и высокими требованиями начальства. При этом часто наблюдается отсутствие достойной материальной компенсации, что приводит к серьезной текучке кадров.

Дж. Стейси Адамс дополнил теорию ожидания концепцией справедливости, которая утверждает, что люди оценивают не только как соотносятся их труд и полученная за него награда, но и то, как награждают других сотрудников, которые обладают схожими обязанностями. Если человек считает распределение вознаграждения между работниками несправедливым, его мотивация также будет снижаться. Так, в интервью

государственные служащие отмечали, что часто размер вознаграждения зависит от лояльности к тебе начальства, что часто может выглядеть несправедливым и демотивирующим для государственных служащих.

Л. Портер и Э. Лоулер объединили теории ожидания и справедливости. В их учении выделены и взаимосвязаны пять ключевых параметров: приложенные усилия, восприятие, полученный результат, награда и удовлетворение ей. Чем больше сотрудник компании будет уверен, что его труд будет оценен по достоинству, тем больше усилий он будет готов предпринять. В рамках данной теории появляется важный посыл: результат труда является первопричиной удовлетворения работника, а значит, чем продуктивней труд, тем выше удовлетворенность¹. Такая концепция мотивации может подойти для руководящего уровня государственной службы, а также для тех работников, которые занимаются относительно творческой деятельностью (реализацией проектов, коммуникацией с населением и т. д.). В данном случае необходимо видеть и процесс, и результат своей деятельности.

В отечественной науке теорию мотивации изначально разрабатывали психологи: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и Б.Ф. Ломов. Данные авторы в большей степени концентрировались на применении анализа мотивации в педагогике, не обращаясь к производственным проблемам. На наш взгляд самый существенный вклад в развитие отечественной теории мотивации внес В.И. Герчиков, известный российский социолог.

В.И. Герчиков, отечественный исследователь мотивации, делает акцент на том, что реальность сотрудника и реальность руководства компании в плане понимания мотивации работника далеко не всегда совпадает. Во многом эта разница обусловлена пониманием ценности работника для руководства компании. Если менеджмент воспринимает сотрудников исключительно как рабочую силу, которая должна исполнять приказы, то мотивация понимается исключительно как внешнее воздействие руководителя на подчиненного, с целью добиться наибольшей эффективности. Если же сотрудник, который приходит в организацию со своими чаяниями и потребностями, воспринимается руководством как значимая единица, то все усилия будут направлены на формирование внутренней мотивации, способной трансформировать даже ценностные ориентации и установки.

Герчиков предлагает пять мотивационных типов [7]:

— «Инструментальная мотивация. Интересует: цена — величина заработка и других благ, получаемых в качестве вознаграждения за труд; заработанность получаемых денег — минимальная зависимость в заработке от воли и расположения начальства. Отличает развитое социальное достоинство — возможность обеспечить своей семье тот жизненный стандарт, который он / она считает для себя достойным.

¹ Егоршин А. П. Основы управления персоналом: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2020. С. 132.

— Профессиональная мотивация. Интересует: содержание (разнообразие, интересность, творческий характер) работы; возможность проявить себя и доказать, что он / она может справиться с трудным заданием, которое не каждому по силам; самостоятельность в работе, особенно в определении способов выполнения работы. Отличает ориентация на профессиональное совершенствование и развитое профессиональное достоинство. Зарплата рассматривается таким работником лишь как индикатор — достаточно ли ценит руководство компании его профессионализм. Стремясь наилучшим образом решить поставленные трудные задачи, постоянно пытаюсь находить для этого самые эффективные пути, профессионально мотивированный работник в относительно короткие сроки становится лучшим специалистом компании в своем виде деятельности.

— Патриотическая мотивация. Интересует: участие в реализации общего, очень важного для организации дела; реальные успехи в его реализации; общественное признание их участия в общих достижениях. Отличает убежденность в своей нужности организации и готовность взвалить на себя дополнительную ответственность за результаты общего дела.

— Хозяйская мотивация. Отличает добровольно принятая на себя полная личная ответственность за выполняемую работу и стремление к максимальной самостоятельности в работе (суверенитету), неприязнь к контролю. Этот тип среди наемных работников очень редок; он — базовый для предпринимателей, для тех, кто ведет собственное дело.

— Избегательная мотивация. Отличается стремлением минимизировать свои трудовые усилия; низкой ценой рабочей силы; расчетом на «халю» и благосклонность руководителя, потому как жить хорошо хочется, а заработать на эту хорошую жизнь не может — нечем. В силу этих качеств он как работник ценится невысоко, не может обеспечить себя своим трудом и смирился с этим» [7, с. 229].

Зная распределение по типам мотивации, кадровая служба органа власти сможет наделить работников подходящим их функционалом и организовать не только денежное стимулирование. Кроме того, для каждого сотрудника можно запланировать горизонт карьерного развития и пути его достижения.

Заключение

Разные концепции мотивации во многом дополняют друг друга, предполагая комплексный подход к решению данной проблемы. Обеспечение целей организации во многом зависит не только от квалификации персонала, но и от его мотивированности, а также умения руководителя применять грамотные методы стимулирования.

Методы мотивации и стимулирования весьма разнообразны. Во многом они складываются из корпоративной культуры организации, ее истории, понимания необходимости мотивирования у руководства, традиций мотивирования, спецификой управления персоналом.

В органах власти, как и в любой организации, необходимо использование различных методов мотивации и стимулирования труда. Также важно, чтобы данная система обладала гибкостью и могла трансформироваться, т. к. потребности людей склонны меняться. Может случиться так, что работающая в определенный период система начинает буксовать под влиянием изменившихся внешних условий или внутреннего развития личности тех людей, которые работают в этой организации.

Содержание и методы мотивирования сотрудников подвержены колебаниям при смене руководства компании, общей цели, стратегии, системы управления в целом. Необходимо предусмотреть такие колебания, регулярно тестировать существующую систему мотивации и стимулирования, а также использовать комплексный подход с применением современных теоретических разработок в плане мотивации и стимулирования государственных служащих, различных методов и инструментов системы управления персоналом.

Список источников

[1] Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами: монография. Книга 30 / Е. Н. Волк, Б. Даулетбаков, Е. В. Джамай и др. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. 220 с.

[2] Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. (Серия «Мастера психологии») / пер. с англ. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 352 с.

[3] Борщевский Г. А. Социологическое сопровождение разработки стратегии 2030 в части совершенствования государственной службы. 2016. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/doklady/3.2_borschevskiy.pdf (дата обращения: 29.04.2022).

[4] Атнашев Т. М. Самоотверженные чиновники? Факторы высокой мотивации государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления 2017. № 3. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2017/10/06/1159546875/Атнашев.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).

[5] Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. Современное толкование и задачник. Иваново : Изда-во «LIVREZON», 2021. 250 с.

[6] Основы менеджмента / Н. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. Москва : Изд-во «Вильямс», 2020. 672 с.

[7] Герчиков В. И. Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление. Ч. 1. // Личность. Культура. Общество. Т. 8, № 3. 2006. С. 222–223.

References

[1] Problems of economics and management of enterprises, industries, complexes: monograph. Book 30 / E. N. Volk, B. Dauletbaikov, E. V. Jamaï et al. / under the general editorship of S. S. Chernov. Novosibirsk: CRNS Publishing House, 2016. 220 p.

[2] Maslow A. Motivation and personality. 3rd ed. St. Petersburg: Peter, 2019. 352 p.

[3] Borshchevsky G. A. Sociological support for the development of strategy 2030 in terms of improving public service. 2016. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/doklady/3.2_borschevsky.pdf (accessed on 29.04.2022).

[4] *Atnashev T. M.* Self-sacrificing bureaucrats? High motivation factors of civil servants in Russia // Public administration issues. 2017. No. 3. URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2017/10/06/1159546875/Атнашев.pdf> (accessed on 29.04.2022).

[5] *Taylor F. W.* The principles of scientific management. Ivanovo: LIVREZON Publishing House, 2021. 250 p.

[6] Management / N. Mescon, M. Albert, F. Khedouri. Publishing house: Williams, 2020. 672 p.

[7] *Gerchikov V. I.* labour motivation: a concept, revealing and management (part 1). Personality. Culture. Society. Vol. 8, No.3. 2006. Pp. 222-225.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-2-7>

УДК 314.152.2

JEL J23

ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЕКТЕ «УМНЫЙ ГОРОД»¹

Е. И. Шевалдина

Уфимский государственный нефтяной технический университет (г. Уфа, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-3979-3744>

Автор для корреспонденции: Е. И. Шевалдина (Shevaldinalena@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению методики оценки безопасности жизни населения в проекте «Умный город». Рассмотрено содержание субиндекса IQ города «Интеллектуальные системы общественной безопасности», показатели, критерии и математические формулы, по которым производится оценка этого субиндекса. На примере города Уфа проанализирована динамика изменения субиндекса с 2018 г. по 2020 г., изучены факторы, повлиявшие на достигнутые показатели и их итоговое влияние на индекс IQ Уфы. Основная цель статьи: разработка математической модели повышения IQ Уфы по субиндексу «Интеллектуальные системы общественной безопасности» на основе имеющихся математических формул для оценки отдельных индикаторов «умного города», выбор приоритетных направлений повышения IQ Уфы. Используя алгоритм и методику выведения итоговой формулы для субиндекса № 3, можно аналогичным путем смоделировать такие же функции для других субиндексов и на их основе смоделировать итоговую модель для повышения суммарного IQ любого города.

Ключевые слова: индекс IQ города, безопасность жизни населения, интеллектуальные системы безопасности, математическая модель субиндекса IQ города

Assessment of the Public Safety in the Smart City Project

E. I. Shevaldina

Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-3979-3744>

Corresponding author: E. I. Shevaldina (Shevaldinalena@mail.ru)

Abstract. The article examines the methodology for assessing the public safety in the Smart City project. The content of the city IQ subindex “Intelligent public safety systems”, indicators, criteria and mathematical formulas by which this subindex is evaluated are considered. Using the example of the city of Ufa, the study analyses the dynamics of changes in the subindex from 2018 to 2020, as well as the factors influencing the achieved indicators and their final impact on the Ufa IQ index. The research aims to develop a mathematical model for improving the IQ of Ufa according to the subindex “Intelligent public safety systems” based on the available mathematical formulas for evaluating individual indicators of the smart city, choosing priority areas for improving the Ufa IQ. Using the algorithm and methodology for deriving the final formula for subindex No. 3, the same functions for other subindexes were simulated in a similar way. On their basis, the final model for increasing the total IQ of any city can be simulated.

Keywords: city IQ; public life safety; intelligent security systems; mathematical model of the city IQ subindex

¹ © Шевалдина Е. И. Текст. 2022.

Введение

Важной составляющей понятия «уровень жизни» населения является обеспечение безопасной жизнедеятельности всех слоев населения. Уровень общественной безопасности напрямую влияет на уровень жизни населения. Только после обеспечения должного уровня безопасности жизни населения можно говорить об общем росте уровня жизни людей.

Вопросы, связанные с общественной безопасностью, нашли свое отражение в проекте «Умный город», активно реализуемом в Российской Федерации с 2018 г. Данному направлению общественной жизни посвящен отдельный раздел в паспорте государственной программы «Умный город», уровень общественной безопасности оценивается соответствующим субиндексом в общем индексе IQ города [1].

Словосочетание «Умный город» вот уже несколько лет звучит в СМИ, в обсуждениях в блогах и чатах и в обычных разговорах между людьми. Особо важная роль в проекте «Умный город» отводится информационно-коммуникационным технологиям, которые должны связывать воедино элементы системы — работу городских служб, автоматические сервисы, давать связь между жителями и городскими властями. Для оценки движения каждого города в сторону повышения своей цифровизации в России разработан индекс IQ . Каждый год составляются рейтинги «умных городов». От места в этом рейтинге зависит размер субсидий и степень участия федерального бюджета в развитии города, а, следовательно, уровень жизни горожан. Поэтому для любого города важно быть в верхней части рейтинга.

Актуальность данного исследования заключается в изучении методики оценки безопасности жизни населения в проекте «Умный город», определении возможности применения простых математических моделей и методов математического анализа для выработки правильных управленческих решений в повышении безопасности жизни населения на примере ГО г. Уфа.

Цель работы: разработать математическую модель повышения безопасности жизни населения на основе имеющихся математических формул оценки отдельных индикаторов IQ «Умного города» и выбрать приоритетные направления повышения безопасности жизни населения Уфы. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать критерии оценки «Умного города», связанные с общественной безопасностью, и математические формулы расчета IQ по данным критериям;
- создать математическую модель расчета субиндекса IQ безопасности жизни населения Уфы;
- на основании математической модели расчета субиндекса IQ безопасности жизни населения города определить приоритетные направления повышения общественной безопасности Уфы.

Объект исследования — общественная безопасность населения как часть формируемой модели «Умного города» на территории ГО г. Уфа.

Предмет исследования — процесс повышения уровня общественной безопасности, критерии и индикаторы цифровой трансформации элементов общественной безопасности городского хозяйства.

Эмпирическая база исследования: нормативно-правовые документы, интернет-ресурсы по теме, статистические данные Администрации ГО г. Уфа.

Материалы данной работы можно использовать при выработке управленческих решений в рамках повышения уровня общественной безопасности, в практической деятельности администраций городов и районов, муниципальных организаций.

Основные характеристики «Умного города», отличия от обычного города

Подходы к понятию «умный город» отличаются, но под этим почти всегда понимают концепцию населенного пункта, наполненного технологиями интернета вещей. Суть интернета вещей заключается во взаимосвязи устройств между собой и внешним миром без участия и во благо человека. Простой пример — уличное освещение, включающееся при нехватке естественного. Но одним интернетом вещей понятие «умный город» не ограничивается. Цель умных городов — делать жизнь горожан удобнее и безопаснее, а также экономить городские средства и пространство.

В идеальном умном городе будущего технологии встречают жителей на каждом шагу, образуя единую экосистему и отвечая за все аспекты жизни человека: от передвижения на общественном транспорте до переработки мусора. Единая база данных поможет соотносить и использовать разную информацию, когда это понадобится. Все нужные горожанам данные будут объединены в одном приложении. Такие программы уже работают в Уфе, но пока что еще в разных приложениях.

Федеральный проект «Умный город» в России реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» [2] и национальной программы «Цифровая экономика» [3]. В Уфе вопросы «Умного города» реализует Администрация городского округа города Уфа и все муниципальные учреждения и предприятия, а координирует — МКУ «Центр информационных технологий»¹.

Критерии оценки «Умного города», IQ города

Оценка уровня цифровой трансформации городов Российской Федерации осуществляется путем формирования и присвоения им интегрального индекса IQ (IQ города) [4]. Значения и динамика индекса IQ городов учитываются при определении размера субсидии из федерального

¹ Гизатуллин А. В Башкирии в рамках «Умного города» реализуется несколько проектов по цифровизации // Новостной портал информационного агентства «Башинформ» от 20 августа 2020 года. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2020-08-20/v-bashkirii-v-ramkah-umnogo-goroda-realizuetsya-neskolko-proektov-po-tsifrovizatsii-2078125> (дата обращения: 19.04.2022).

бюджета бюджетам городов Российской Федерации на поддержку муниципальных программ, реализуемых в рамках проекта «Умный город».

Индекс *IQ* города представляет собой цифровое значение в баллах и выставляется городам ежегодно на основе данных за предшествующий период по состоянию на 1 января текущего года. Для определения индекса *IQ* используются только рассчитываемые индикаторы, исключающие субъективный характер оценки и обеспечивающие их достоверность и объективность; оценка индикаторов опирается на достоверные документальные источники информации, статистические базы данных, социальные сети и прочие открытые источники;

Все города разделены на 4 группы для корректного составления шкалы оценки индекса *IQ* городов:

- а) крупнейшие города с численностью населения от 1 млн чел.;
- б) крупные города с численностью населения от 250 тыс. до 1 млн чел.;
- в) большие города с численностью населения от 100 тыс. до 250 тыс. чел.;
- г) административные центры и пилотные муниципальные образования, на территории которых планируется внедрение технологий умного города, с численностью населения менее 100 тыс. чел.

Индекс *IQ* города является суммой значений субиндексов, представляющих собой оценку развития 10 направлений цифровой трансформации городского хозяйства, включая в т. ч. интеллектуальные системы общественной безопасности.

Расчет субиндексов осуществляется на основании значений 47 индикаторов. Индикаторы в свою очередь делятся на две категории:

- категория А — общие индикаторы оценки уровня развития направлений цифровой трансформации городского хозяйства;
- категория Б — индикаторы оценки уровня развития передовых цифровых и инженерных решений, включая:

- а) бинарные индикаторы оценки наличия или отсутствия применения передовых цифровых и инженерных решений в городе;
- б) количественные индикаторы оценки результативности и масштабов применения передовых цифровых и инженерных решений в городе.

Общие и количественные индикаторы оцениваются по шкале от 1 до 12 баллов, где 1 балл означает минимальное значение, 12 баллов — максимальное значение. Минимальные и максимальные абсолютные значения определяются после сбора данных для каждой группы городов. Таким образом, окончательное количество баллов по количественным индикаторам можно узнать только при наличии сведений со всех городов своей размерной группы.

Бинарные индикаторы оцениваются по шкале от 0 до 1 в зависимости от количества оцениваемого функционала (специфических характеристик, возможностей) отдельного передового цифрового или инженерного решения. Оценка отдельного функционала (специфической характеристики,

возможности) соответствующего передового цифрового или инженерного решения является бинарной и выражается в значении 0 или 1, где 0 означает отсутствие соответствующего функционала (специфической характеристики, возможности), 1 — его наличие.

Анализ IQ Уфы за 2018–2020 гг. по субиндексу «Интеллектуальные системы безопасности»

В целях организации работы Минстрой России ежегодно публикует в СМИ и направляет в адрес руководителей регионов результаты оценки IQ городов, отражающие конкретные цифровые значения, присвоенные городам, участвующим в оценке IQ городов, по соответствующим индикаторам оценки уровня цифровой трансформации городского хозяйства (табл. 1).

Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства Уфы свидетельствуют об устойчивом тренде на развитие цифровых технологий в городе, но недостаточных темпах этого развития, чтобы закрепиться в лидирующих позициях среди городов с численностью населения от 1 млн чел. Если по итогам 2018 г. Уфа занимала 5-е место с уровнем IQ, равным 42,05, то по итогам 2019 г. Уфа заняла лишь 9-е место с уровнем IQ 45,65, темпы прироста IQ за год составили 3,6 балла (3 %). В 2020 г. Уфа вновь заняла 5-е место с уровнем IQ 55,99, темпы прироста составили 10,34 балла (22,65 %). В соответствии с показателями паспорта ведомственного проекта «Умный город», утвержденного приказом

Таблица 1

IQ крупнейших городов России, 2018–2020 гг.

Города	2018 г.	Место в рейтинге	2019 г.	Место в рейтинге	2020 г.	Место в рейтинге
Москва	81,19	1	101,65	1	103,25	1
Казань	52,58	2	53,91	3	60,93	3
Санкт-Петербург	50,37	3	53,62	4	55,81	6
Нижний Новгород	46,50	4	49,68	7	51,09	9
Уфа	42,05	5	45,65	9	55,99	5
Пермь	39,77	6	41,25	12	50,25	10
Ростов-на-Дону	36,09	7	47,21	8	49,71	12
Новосибирск	33,31	8	25,89	15	49,32	13
Самара	30,33	9	49,78	6	49,98	11
Омск	28,58	10	43,52	10	45,10	14
Красноярск	26,88	11	39,18	13	40,84	16
Волгоград	25,38	12	43,28	11	44,67	15
Воронеж	22,48	13	52,39	5	63,38	2
Челябинск	21,05	14	36,66	14	52,14	8
Екатеринбург	17,35	15	55,05	2	56,55	4
Краснодар					52,25	7

Источник: [5].

Таблица 2
Значения индикаторов субиндекса «Интеллектуальные системы общественной безопасности»

Индикатор	Данные показателя по годам			Вид индикатора
	2018	2019	2020	
Число преступлений, совершенных на территории городских земель, на 10 тыс. чел. населения города	12	7	9	Тип А, рейтинговый
Наличие системы интеллектуального видеонаблюдения	0,25	0,5	1	Тип Б, бинарный
Количество интеллектуальных камер видеонаблюдения, установленных в городе и интегрированных в единую систему, по отношению к площади городских земель	2	4	4	Тип Б, количеств., рейтинговый
Доля преступлений, раскрытых с помощью систем интеллектуального видеонаблюдения с функциями биометрической идентификации и видеоаналитики	3	2	4	Тип Б, количеств., рейтинговый
Наличие системы оповещения граждан о возникновении чрезвычайных ситуаций	1	1	1	Тип Б, бинарный
Итого по субиндексу (расчет по формуле 3)	6,31	4,25	6,50	

Источник: Письмо заместителя Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации Главе Республики Башкортостан от 21 декабря 2020 г. № 52152-МЕ/06.

Минстроя России от 31 октября 2018 г. № 695/пр, среднее значение индекса эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в субъектах Российской Федерации в период до 2024 г. должно быть увеличено на 30 %, т. е. Уфа уже достигла этого показателя [1].

Одним из важных направлений по повышению индекса цифровизации городского хозяйства является развитие интеллектуальных систем общественной безопасности (субиндекс № 3), оценка которых включает 5 индикаторов (нумерация субиндексов и индикаторов приведена в соответствии с приказом Минстроя России от 31 декабря 2019 г. № 924/пр «Об утверждении методики оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации» [6]).

Анализируя субиндекс Уфы по направлению «интеллектуальные системы общественной безопасности» за период 2018–2020 гг., видно, что этот показатель уменьшался с 6,31 балла в 2018 г. до 4,25 балла в 2019 г. и вновь повысился до 6,50 балла в 2020 г., т. е. в итоге он повысился всего на 0,19 балла (табл. 2).

Рассмотрим динамику показателей по сравнению с базовым 2018 г.

1) Субиндекс *IQ* развития интеллектуальных систем общественной безопасности содержит один индикатор категории А — это «Число

преступлений, совершенных на территории городских земель, на 10 тыс. чел. населения города» (номер индикатора 1.3), являющийся общим индикатором оценки уровня развития интеллектуальных систем общественной безопасности, характеризующий в т. ч. эффект от внедрения передовых цифровых и инженерных решений в сфере общественной безопасности. В 2018 г. Уфа по данному индикатору получила $IQ_{3y}^{Общ} = 12$ баллов, в 2019 г. Уфа по данному индикатору получила лишь $IQ_{3y}^{Общ} = 7$ баллов, в 2020 г. Уфа получила $IQ_{3y}^{Общ} = 9$ баллов при уровне преступности в 176,8 преступлений, совершенных на территории городских земель, на 10 тыс. чел. населения города.

2) Индикатор «Наличие системы интеллектуального видеонаблюдения» (номер индикатора 1.3Бин), имеющий категорию Б, показал в 2019 г. годовой рост на 0,25 балла и достиг значения 0,5 балла, а в 2020 г. он составил 1 балл. Данный показатель относится к бинарным и рассчитывается по формуле:

$$I_{1.3}^{Бин} = \frac{\sum_{z=1}^X F}{X}, \quad (1)$$

где F — сумма значений бинарных показателей оценки наличия функций системы; X — количество функций системы как среднее значение следующих показателей:

- наличие системы видеонаблюдения с функцией биометрической идентификации;
- наличие системы видеонаблюдения с функцией видеоаналитики;
- наличие автоматизированной системы контроля работы камер в местах повышенной опасности с синхронизацией имеющихся систем видеонаблюдения, в т. ч. установленных в рамках АПК «Безопасный город»;
- обеспечение доступа правоохранительных органов в систему видеонаблюдения для получения сведений.

В 2020 г. общая сумма бинарных показателей достигла значения «4» после внедрения в Уфе системы видеонаблюдения с функцией биометрической идентификации¹ и автоматизированной системы контроля работы камер в местах повышенной опасности. Таким образом, индикатор $I_{1.3}^{Бин}$ стал равен «1».

3) Индикатор категории Б «Количество интеллектуальных камер видеонаблюдения, установленных в городе и интегрированных в единую систему, по отношению к площади городских земель» (номер индикатора 1.1.3Кол) показал рост на 2 балла и составил по итогам 2019 и 2020 гг. 4 балла по рейтинговой шкале среди городов категории свыше 1 млн чел. Расчет индикатора ведется по формуле:

¹ Беляев А. В Уфе камеры начали распознавать жителей по лицам, 14 февраля 2020, 16:50 // Новостной портал BASH.news от 14 февраля 2020 года. URL: <https://bash.news/news/116386-v-ufe-kamery-nachali-raspoznavat-zhiteley-po-litsam> (дата обращения: 19.04.2022).

$$I_{1.1.3}^{\text{Кол}} = K_{\text{ин}} / S \text{ (ед./км}^2\text{)}, \quad (2)$$

где КИН — количество интеллектуальных камер видеонаблюдения, установленных в городе и интегрированных в единую систему; S — площадь городских земель (км²).

Рост произошел за счет ввода в эксплуатацию систем видеонаблюдения на ряде объектов городской инфраструктуры, что позволило довести общее количество видеокамер до 1897 единиц¹. Однако выполнение этого критерия оценки городского хозяйства вызывает определенные сложности как с точки зрения насыщения городского пространства необходимым количеством интеллектуальных камер, так и с точки зрения методики подсчета данного показателя. Если принимать для расчета общую площадь города согласно его административным границам (как указано в методике расчетов), которая составляет 707,93 км², то в данную величину попадают территории, занятые водными объектами, а также пустующие территории и лесные массивы за пределами жилой застройки².

4) Следующий индикатор «Доля преступлений, раскрытых с помощью систем интеллектуального видеонаблюдения с функциями биометрической идентификации и видеоаналитики» (номер индикатора 2.1.3Кол) имеет категорию Б. Данный индикатор к 2020 г. составил 4 рейтинговых балла.

Расчет индикатора производится по формуле:

$$I_{2.1.3}^{\text{Кол}} = \text{Пр}_{\text{ин}} / \text{Пр}, \quad \% \quad (3)$$

где $\text{Пр}_{\text{ин}}$ — количество преступлений, раскрытых с помощью систем интеллектуального видеонаблюдения с функциями биометрической идентификации и видеоаналитики; Пр — количество преступлений, совершенных на территории города.

5) Индикатор «Наличие системы оповещения граждан о возникновении чрезвычайных ситуаций через мобильные средства связи» является бинарным индикатором категории Б. Поскольку в Уфе система оповещения реализована и исправно функционирует, то значение индикатора остается неизменным и равным «1»³.

Математическая модель субиндекса «Интеллектуальные системы общественной безопасности» Уфы

Для облегчения принятия управленческих решений и поиска путей оптимального приложения усилий по повышению субиндекса

¹ Когда на улицах Уфы появится умное видеонаблюдение? // Новостной портал информационного агентства «Башинформ» от 2 августа 2021 года. URL: <https://www.bashinform.ru/news/detailno/2021-08-02/kogda-na-ulitsah-ufy-poyavitsya-umnoe-videonablyudenie-2460125> (дата обращения: 19.04.2022).

² Статья «Уфа» // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Уфа> (дата обращения: 19.04.2022).

³ Там же.

«Интеллектуальные системы общественной безопасности», как слагаемого IQ Уфы, приведем все ранее представленные формулы к единой формуле. Трудность заключается в том, что для расчета IQ_{3Y}^{Cy6} (IQ Уфы по субиндексу № 3) используются не количественные показатели индикаторов, а их рейтинги, рассчитываемые по рейтинговой шкале на основании сравнения индикаторов по всем городам соответствующей подгруппы. Таким образом, узнать рейтинг индикаторов $I_{3Y}^{Общ}$ (Число преступлений, совершенных на территории городских земель, на 10 тыс. чел. населения города), $I_{1.1.3}^{Кол}$ (Количество интеллектуальных камер видеонаблюдения, установленных в городе и интегрированных в единую систему, по отношению к площади городских земель), $I_{2.1.3}^{Кол}$ (Доля преступлений, раскрытых с помощью систем интеллектуального видеонаблюдения с функциями биометрической идентификации и видеоаналитики) возможно только зная количественные значения данных индикаторов в других городах, что неудобно при планировании соответствующего вида деятельности в муниципалитетах.

При составлении итоговой формулы целесообразно на данном этапе развития цифровых технологий в Уфе все бинарные индикаторы принять равными «1», т. к. по всем направлениям цифровой трансформации систем безопасности уже в 2020 г. в Уфе достигнуто их фактическое наличие, и дальше им расти некуда. Итоговая формула будет выглядеть следующим образом:

$$IQ_{3Y}^{Cy6} = \frac{R \left[\frac{N}{Pr \cdot 10000} \right]}{2} + \frac{R \left[\frac{K_{Ин}}{S} \right]}{4} + \frac{R \left[\frac{Pr_{Ин}}{Pr} \right]}{4}, \quad (4)$$

где $R[i]$ — количество баллов по рейтинговой шкале для соответствующего индикатора; N — численность населения; S — площадь городских земель; $K_{Ин}$ — количество интеллектуальных камер; Pr — количество преступлений; $Pr_{Ин}$ — количество преступлений, раскрытых с помощью интеллектуальных камер.

Заключение

Как видно из приведенной формулы, наибольший вес имеют рейтинги, связанные с количеством преступлений в городе. В данном случае имеется обратная зависимость рейтинга от количественного значения показателя: чем больше преступлений, тем меньше рейтинг. Данный показатель имеет долю влияния на темпы роста итогового результата в 62,5 %.

Также существенное значение имеет количество интеллектуальных камер в городе (доля влияния — 25 %), к тому же этот индикатор опосредованно влияет на другие индикаторы. Например, на количество преступлений, раскрытых с помощью интеллектуальных камер (доля влияния — 12,5 %), т. к. чем больше камер, тем больше преступлений раскрывается с их помощью.

Динамика изменения площади городских земель и численности городского населения не влияет на итоговый результат, т. к. она практически нулевая.

Таким образом, развитие интеллектуальной системы общественной безопасности предполагает долгую и кропотливую работу в правоохранительном сегменте городского хозяйства, направленную, прежде всего, на снижение числа преступлений, совершенных на территории городских земель.

Используя алгоритм и методику оценки безопасности жизни населения в проекте «Умный город», можно аналогичным путем смоделировать такие же функции для других субиндексов и на их основе смоделировать итоговую модель для повышения суммарного IQ Уфы.

Список источников

[1] Приказ Минстроя России от 31 октября 2018 г. № 695/пр «Об утверждении паспорта ведомственного проекта Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Официальный сайт Минстроя России. URL: <https://www.minstroyrf.ru/docs/17550> (дата обращения: 19.04.2022).

[2] Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» // Официальный сайт Минстроя России. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/329/NP_ZNii_e_i_gorodskaya_sreda_01.10.2018.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

[3] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

[4] Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город»), утвержденные заместителем Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации А. В. Чибисом от 04.03.2019 // Официальный сайт Минстроя России. URL: <https://www.minstroyrf.ru/docs/18039> (дата обращения: 19.04.2022).

[5] Умный город, индекс IQ городов 2020. Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации // Официальный сайт Минстроя России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/42b/IQ-FINAL-2020.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

[6] Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. № 924/пр «Об утверждении методики оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации» // Правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74232981/> (дата обращения: 19.04.2022).

References

[1] *Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation No. 695/pr dated October 31, 2018 “On approval of the passport of the departmental project of digitalization of the urban economy “Smart City”* // Official website of the Ministry

of Construction of the Russian Federation. URL: <https://www.minstroyrf.ru/docs/17550> (accessed on 19.04.2022).

[2] Passport of the national project “Housing and urban environment” // Official website of the Ministry of Construction of Russia. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/329/NP_ZHil_e_i_gorodskaya_sreda_01.10.2018.pdf (accessed on 19.04.2022).

[3] Passport of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” // Official website of the Government of Russia. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (accessed on 19.04.2022).

[4] Basic and additional requirements for smart cities (the “Smart City” standard) approved by the Deputy Minister of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation A. V. Chibis from 04.03.2019 // Official website of the Ministry of Construction of Russia. URL: <https://www.minstroyrf.ru/docs/18039> (accessed on 19.04.2022).

[5] Smart city, IQ index of cities 2020. The results of the assessment of the progress and effectiveness of the digital transformation of urban economy in the Russian Federation // Official website of the Ministry of Construction of Russia. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/42b/IQ-FINAL-2020.pdf> (accessed on 19.04.2022).

[6] *Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation No. 924/pr* dated December 31, 2019 “On approval of the methodology for assessing the progress and effectiveness of the digital transformation of urban economy in the Russian Federation” // Legal portal “Garant”. URL: <https://base.garant.ru/74232981/> (accessed on 19.04.2022).

III. ВНУТРЕННЯЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-1>

УДК 314.1

JEL J11, J61

ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МИГРАЦИОННОГО ОБМЕНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

Г. Ф. Ахметова (Хилажева)^{a)}, И. Б. Утяшева^{b)}

^{a)} Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)

^{b)} Башкортостанстат (г. Уфа, Россия)

^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

^{b)} <https://orcid.org/0000-0001-6444-1452>

Автор для корреспонденции: Г. Ф. Ахметова (Хилажева) (hilazhevagf@isi-rb.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы участия разных возрастных групп в межрегиональном миграционном обмене Республики Башкортостан в течение 2016–2020 гг. На основе данных официальной статистики проанализированы основные направления межрегиональной миграции; выделены регионы, с которыми установлены наиболее тесные миграционные связи республики; охарактеризована возрастная структура миграционных потоков в эти регионы; выявлена интенсивность миграционного движения отдельных возрастных групп. Для межрегионального миграционного обмена Башкортостана характерна возрастная дифференциация. Возрастная структура миграционных потоков из Башкортостана в отдельные субъекты РФ отличается определенными особенностями, что свидетельствует о миграционной привлекательности тех или иных регионов для разных категорий населения. Межрегиональный обмен республики ведет к значительным миграционным потерям среди молодых возрастных групп, что ослабляет репродуктивный и брачный потенциал региона. Следовательно, необходимо формировать такие меры региональной социальной и миграционной политики, которые бы способствовали сохранению и развитию социально-демографического потенциала Республики Башкортостан.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, выбывшие, прибывшие мигранты, возрастные группы

¹ © Ахметова (Хилажева) Г. Ф., Утяшева И. Б. Текст. 2022.

Age Differentiation of Interregional Migration Exchange in the Republic of Bashkortostan

G. F. Akhmetova (Khilazheva)^{a)}, I. B. Utyasheva^{b)}

^{a)} Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

^{b)} Bashkortostanstat (Ufa, Russia)

^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-9367-0246>

^{b)} <https://orcid.org/0000-0001-6444-1452>

Corresponding author: G. F. Akhmetova (Khilazheva) (hilazhevagf@isi-rb.ru).

Abstract. *The article considers the issues of participation of different age groups in inter-regional migration exchange in the Republic of Bashkortostan during 2016-2020. The main directions of interregional migration are analysed based on official statistics. The regions with the closest migration ties are identified; the age structure of migration flows to these regions is characterised. The migration intensity of individual age groups is revealed. The interregional migration exchange of Bashkortostan is characterised by age differentiation. The age structure of migration flows from Bashkortostan to individual entities of the Russian Federation differs, indicating the migration attractiveness of certain regions for different categories of the population. The inter-regional exchange of the republic leads to significant migration losses among young age groups, which weakens the reproductive and marriage potential of the region. Therefore, it is necessary to create such measures of regional social and migration policy that would contribute to the preservation and development of the socio-demographic potential of the Republic of Bashkortostan.*

Keywords: interregional migration; migrants; arrived migrants; age groups

Введение

Общий миграционный прирост / убыль субъектов РФ складывается в результате действия межрегионального и международного потоков миграции. Жители российских регионов намного активнее участвуют в миграции с российскими регионами, чем с зарубежными странами. В целом по России соотношение двух потоков миграции за пятилетний период (в течение 2016–2020 гг.) в среднем в год составило около 78 % и 22 % по прибытиям и 84 % и 16 % по выбытиям¹.

Участие населения в миграции с российскими регионами отражается на демографическом потенциале регионов, что актуализирует проблему исследования возрастной структуры этих потоков. Особенно актуален анализ данных вопросов для российских регионов, в которых межрегиональная миграция ведет к убыли населения. Такие регионы составляют большую часть субъектов РФ (в 2016–2020 гг. — около 68 % или 80 % в среднем в год). К их числу относится Республика Башкортостан — субъект Приволжского федерального округа, в котором в течение всего нынешнего столетия ежегодно наблюдалась межрегиональная миграционная убыль (за исключением 2021 г.).

Целью данной статьи является определение уровня участия разных возрастных групп населения Республики Башкортостан в межрегиональном

¹ Рассчитано по: [1].

миграционном обмене в течение пятилетнего периода (с 2016 по 2020 г.). В статье рассмотрены следующие вопросы:

1) основные направления межрегионального миграционного обмена республики (регионы, с которыми установлены наиболее тесные миграционные связи республики);

2) интенсивность межрегиональных выбытий и прибытий отдельных возрастных групп;

3) возрастная структура межрегиональных потоков в регионы, с которыми установлены наиболее тесные миграционные связи республики.

Обзор литературы

Вопросы участия возрастных групп в межрегиональном миграционном обмене в разных ее аспектах исследуются зарубежными и российскими исследователями. За рубежом данные проблемы получили всестороннее и глубокое освещение в ряде работ [2, с. 48–50]. А. Роджерс и Л. Кастро выявили, что многие страны имеют общие возрастные профили миграции, в которых наибольшая активность приходится на молодые возрастные группы [2, с. 48–50]. Д. Н. Морган и Э. Х. Робб на основе данных о миграции в США в 1965–1970 гг. установили, что с возрастом снижается влияние экономических факторов на миграционное движение населения [3]. А. Деннет и Д. Стиллвелл, анализируя данные переписи населения 2001 г. в Великобритании, выявили различия в миграционной активности разных возрастных групп среди мужчин и женщин в городской и сельской местности [4].

В России анализ возрастных особенностей межрегионального миграционного обмена представлен в работах Е. С. Вакуленко, Л. Б. Карачуриной, Н. В. Мкртчяна, Ю. Ф. Флоринской и др. Учеными выделены факторы, влияющие на миграцию в российские регионы разных возрастных групп [5]. Проведена кластеризация российских регионов в зависимости от степени представленности отдельных возрастов среди прибывших мигрантов [2], миграционного прироста / убыли населения до и после 40 лет [6]. Рассматриваются вопросы молодежной учебной миграции в крупные города страны, ее влияния на события жизненного пути молодежи [7]. Российскими учеными исследуются и вопросы миграции пожилого населения. В частности, Г. Н. Гридасовым, Н. О. Захаровой и Е. С. Балусевой на примере Самарской области выявлена тенденция миграционного прироста пожилого населения в сельской местности [8].

Те или иные аспекты участия отдельных возрастных групп, главным образом молодежи, в миграционном обмене с российскими регионами освещены в ряде работ по Республике Башкортостан [9, 10, 11, 12 и др.]. Однако в них не рассматриваются особенности возрастано-половой структуры миграционных потоков в отдельные регионы, с которыми республика установила наиболее тесные миграционные связи.

Материалы и методы

Авторы статьи опираются на данные официальной статистики за 2016–2020 гг. о численности прибывших и выбывших мигрантов в Республике Башкортостан по отдельным потокам миграции [13]. На их основе проведены расчеты интенсивности прироста / убыли, выбытий и прибытий отдельных возрастных групп населения в межрегиональном миграционном обмене республики. Для анализа возрастной структуры миграционного обмена с регионами, с которыми наблюдается наибольший миграционный обмен, используются неопубликованные данные Башкортостанстата за 2016–2018 гг., которые были предоставлены по специальному запросу.

Результаты исследования

Республика Башкортостан является одним из наиболее крупных по численности населения субъектов РФ (более 4 млн чел.). Возрастная структура республики характеризуется как относительно молодая по сравнению с общероссийской главным образом за счет городского населения [14, с. 12].

Население республики всегда активно участвовало в миграционном обмене с российскими регионами. Межрегиональный миграционный обмен Башкортостана, как было отмечено выше, характеризовался отрицательными значениями и вел к убыли населения. В течение 2016–2020 гг. межрегиональная миграционная убыль составила в среднем в год около –6,5 тыс. чел., или –16 на 10 тыс. чел. Исключением явился 2021 г., когда впервые в Башкортостане наблюдался межрегиональный миграционный прирост населения (более 5,8 тыс. чел., или 14,6 на 10 тыс. чел.) [15].

Следует отметить, что в условиях коронавирусной пандемии объемы миграции в республике значительно снизились по сравнению с предыдущими годами. По нашим расчетам, объемы межрегионального миграционного обмена в 2020 г. сократились примерно на 15 %, чем в 2017–2019 гг., и выросли в 2021 г. относительно 2020 г. на 13 %, т. е. не достигли уровня «докоронавирусных» лет¹.

Межрегиональный миграционный обмен республики протекает главным образом с регионами Сибири (субъектами Тюменской области — Ханты-Мансийским АО и Ямало-Ненецким АО); соседними субъектами Урало-Поволжья (Челябинской, Свердловской, Оренбургской областями, Татарстаном и др.); регионами — реципиентами федерального уровня (Москвой и Московской областью, Санкт-Петербургом, Краснодарским краем и др.). По итогам 2016–2020 гг. можно выделить 10 субъектов РФ, куда происходит наибольший отток мигрантов из Республики Башкортостан. На эти регионы приходится около 75 % всех выбытий из республики. Из этих же регионов имеет место и наибольший приток населения, однако его масштабы меньше оттока, вследствие чего обмен с указанными регионами в основном ведет к убыли населения (рис. 1).

¹ Рассчитано по: [13; 15].

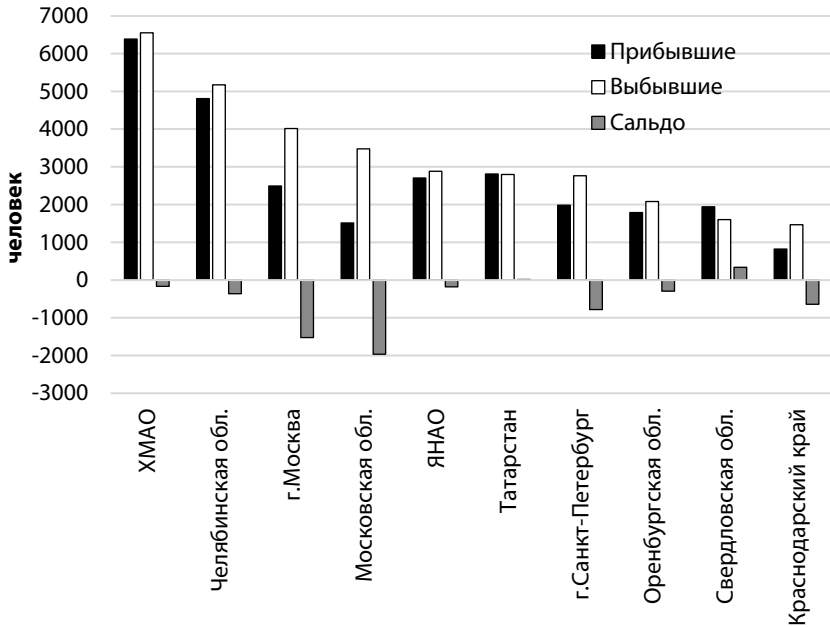

Рис. 1. Регионы с наибольшим миграционным обменом с Республикой Башкортостан, 2016–2020 гг., в среднем в год, чел. (источник: рассчитано по: [13])

Безусловными лидерами по миграционной привлекательности для жителей республики являются Ханты-Мансийский АО и Челябинская область, куда в среднем в год выбывает более 6,5 тыс. и 5 тыс. чел. соответственно. Далее следуют Москва и Московская область, отток в которые ежегодно держится в пределах 7 тыс. чел. Если из первой группы регионов наблюдается такой же значительный приток населения, в результате чего миграционная убыль с ними является незначительной (примерно от –100 до –300 чел. в среднем в год), то масштабы прибытий из Москвы и Московской области меньше выбытий, соответственно, убыль проявляется более сильнее (около –3,5 тыс. чел. ежегодно). Примерно одинаковым является число выбытий в Ямало-Ненецкий АО, Татарстан и Санкт-Петербург (около 2,8 тыс. чел. в среднем в год). Меньше масштабы миграционных выбытий в Оренбургскую, Свердловскую области и Краснодарский край (примерно от 1,4 до 2 тыс. чел. ежегодно). С двумя субъектами из перечисленных шести (с Татарстаном и Свердловской областью) в определенные годы республика имела небольшой миграционный прирост; с остальными наблюдалась относительно невысокая убыль.

Следует отметить, что после Москвы и Московской области по значениям убыли с большим разрывом следуют г. Санкт-Петербург и Краснодарский край. Как видно, миграционные потери республики

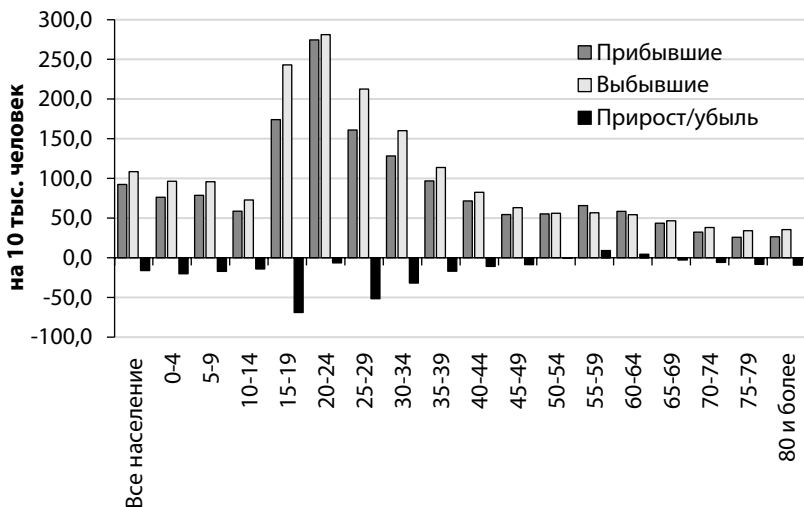

Рис. 2. Интенсивность участия отдельных возрастных групп Республики Башкортостан в межрегиональном миграционном обмене, 2016–2020 гг., в среднем в год, на 10 тыс. чел. населения (источник: рассчитано по: [13])

в основном формируются за счет обмена с регионами — реципиентами федерального уровня.

Рассмотрим возрастную структуру участников межрегионального миграционного обмена. Как было отмечено выше, для России в целом, а также для многих зарубежных стран характерным является более высокий уровень миграционной активности молодежи по сравнению с другими возрастными группами [2]. Данная тенденция отчетливо проявляется и в Республике Башкортостан (рис. 2).

Наибольшей интенсивностью выбытий и прибытий, при этом с относительно меньшей убылью (–6,5 на 10 тыс. чел. в среднем в год), выделяется молодежь 20–24 лет. Можно предположить, что в основной своей массе это выпускники средне-специальных и высших учебных заведений. Высокий уровень прибытий среди них скорее всего связан с тем, что после завершения обучения и окончания срока временной регистрации они автоматически попадают в категорию лиц, возвратившихся после окончания временного срока пребывания, независимо от того, вернулись они фактически в республику или нет. Доля таких «возвратных» прибытий в 2016–2020 гг. составила в республике в структуре внутрироссийских прибытий более четверти (28 %); доля выбытий — около пятой части (21 %)¹. Данная тенденция, отмеченная российскими исследователями на уровне страны в целом, обусловлена особенностями статистического учета мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания. Это отражается на возрастном

¹ Рассчитано по: [13].

профиле миграции и формирует высокую долю в России псевдовозвратных миграций в 22–24 года [16, с. 302].

Далее по уровню выбытий из республики в российские регионы следуют лица в возрасте 15–19 лет — выпускники школ. За счет миграции этой группы происходят наибольшие миграционные потери — наблюдается самая высокая убыль по сравнению с другими возрастными группами (–69 на 10 тыс. чел. в среднем в год). Следующей по интенсивности оттока является возрастная группа 25–29 лет, для которой также характерны достаточно высокие показатели убыли (около –52 на 10 тыс. чел. в среднем в год).

С 30–34 лет интенсивность миграционных выбытий постепенно снижается и к 50 годам ее значения начинают уступать прибытиям. В результате, среди лиц в возрасте 55–59 и 60–64 года формируется противоположная по сравнению с другими возрастами ситуация — складывается миграционный прирост. Здесь речь идет о мигрантах–пенсионерах, которые проработав за пределами Башкортостана, возвращаются в республику на постоянное место жительства. Далее в самых старших возрастах (с 65–69 лет) выбытия и убыль возрастают, но не доходят до значений других возрастов (убыль складывается на уровне примерно от –3 до –9 на 10 тыс. чел. в среднем в год).

Республика несет миграционные потери и в результате миграции детей до 14 лет, среди которых убыль составляет от –14 до –20 на 10 тыс. чел. в среднем в год. Такая ситуация во многом обусловлена высоким миграционным оттоком молодых возрастных групп, среди которых значительно представлены лица, имеющие семьи с несовершеннолетними детьми.

В соответствии с уровнем миграционной активности тех или иных возрастных групп складывается и возрастная структура межрегионального миграционного обмена республики — выбывших и прибывших из российских регионов мигрантов. Наибольшую долю среди и тех, и других составляют три возрастные группы: дети до 14 лет, лица 20–24 и 25–29 лет (примерно от 14 до 16 % каждая) (см. рис. 3, показатель «российские регионы в целом»). В составе выбывших мигрантов также относительно высокая доля выпускников школ 15–19 лет и лиц средних возрастов от 35 до 44 лет (примерно по 12 %). Последние, наряду с пожилыми людьми 55–64 лет, значительно представлены и в структуре прибывших мигрантов (около 10 % каждая). Сравнительно невелик удельный вес 45–54-летних в составе прибывших и выбывших мигрантов (чуть более 7 %) и самый незначительный — тех, кто старше 65 лет (около 5 %).

Сравним возрастную структуру межрегионального миграционного обмена республики с той, которая сложилась с отдельными российскими регионами. Соотношение возрастных групп в структуре прибывших и выбывших мигрантов по перечисленным выше десяти субъектам представлено на рисунке 3.

По доле детей до 14 лет в составе выбывших из республики мигрантов выделяются, с одной стороны, Краснодарский край и Московская

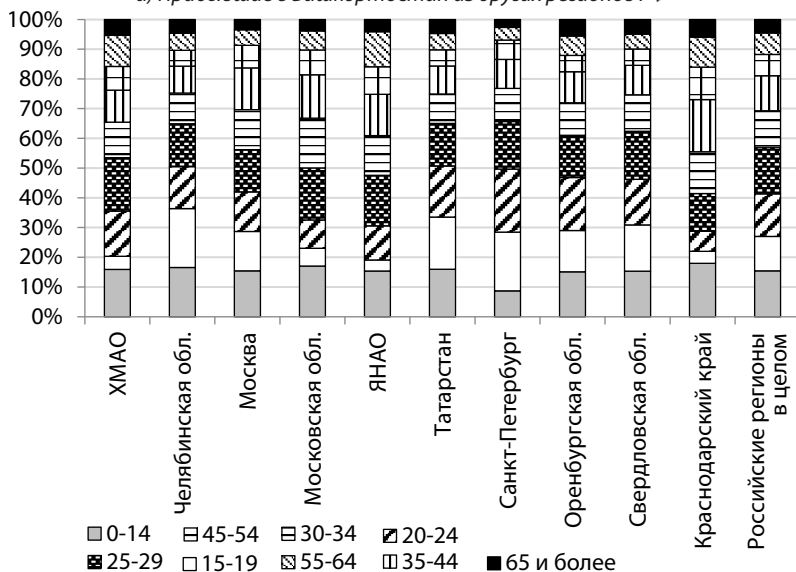
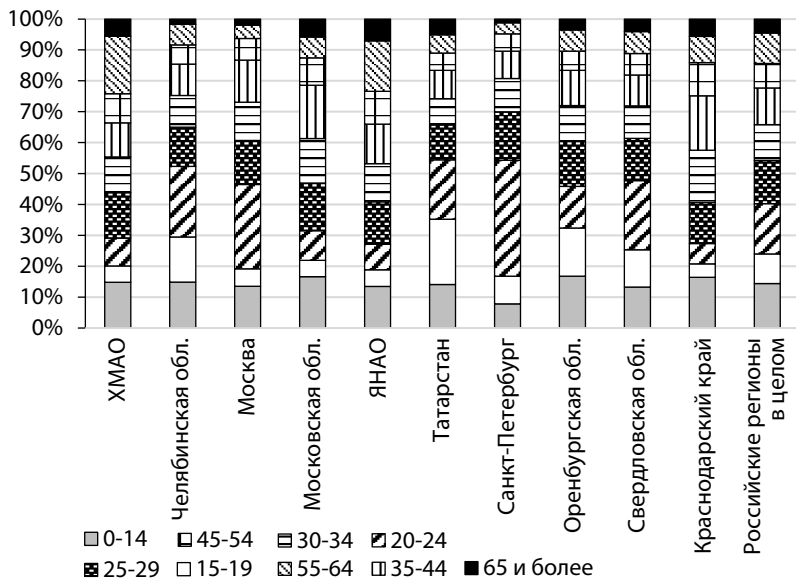

Рис. 3. Доля отдельных возрастных групп в составе прибывших и выбывших мигрантов по отдельным субъектам РФ, в % от общего числа по субъекту (источник: рассчитано на основе данных Башкортостанстата за 2016–2018 гг.)

область как с самыми высокими значениями (по 17–18 %), с другой — Санкт-Петербург как с самыми низкими (менее 9 %). Последний, наряду с Челябинской областью, лидирует по удельному весу 15–19-летних (по 20 %) и 20–24-летних мигрантов (21 %). Выпускники школ 15–19 лет больше представлены среди мигрантов, выехавших в Татарстан (около 17 %) и не так значительно — в Оренбургскую область и Москву (по 13–14 %). Большим удельным весом лиц в возрасте 25–29 лет отличаются северные регионы страны (Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО) и Московская область. Не демонстрирует какой-либо ярко выраженной возрастной специфики Москва, в структуре выбытий которой равномерно представлены все возраста до 35–44 лет (по 13–15 %). Это в определенной степени говорит о том, что российская столица, с которой у республики складывается достаточно высокая миграционная убыль населения, является миграционно привлекательной для всех возрастных групп (за исключением пожилых).

Если рассматривать структуру прибывших в республику мигрантов, то здесь следует отметить города Москва и Санкт-Петербург с гипертрофированно высокой долей 20–24-летних мигрантов (27 % и 37 % соответственно), что во многом является следствием той ситуации, о которой было сказано выше — автоматическим учетом прибывших лиц, у которых завершился срок временной регистрации. Отличаются от других субъектов РФ северные регионы по доле пожилых возрастов 55–64 лет в составе прибывших мигрантов (16–19 %).

Как видно, миграционный обмен Республики Башкортостан с отдельными регионами имеет свои возрастные особенности. Выделяются субъекты с высокой долей в составе мигрантов тех или иных возрастных групп, что показывает, насколько миграционно привлекательными они являются для разных категорий населения.

Заключение

Межрегиональный миграционный обмен Республики Башкортостан в течение рассматриваемого пятилетнего периода (2016–2020 гг.) характеризуется постоянной миграционной убылью населения. Среди десяти субъектов РФ, с которыми у республики установлены наиболее тесные миграционные связи, выделяются, во-первых, регионы с наибольшими масштабами и выбытий, а прибытий, при этом — с незначительной миграционной убылью населения (Ханты-Мансийский АО и Челябинская область); во-вторых, субъекты с высокой миграционной убылью, имеющих относительно меньше масштабы выбытий и еще меньшие — прибытий (в основном это реципиенты федерального уровня — Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Краснодарский край, миграция в которые носит в основном безвозвратный характер).

Межрегиональный миграционный обмен Башкортостана имеет ярко выраженную возрастную дифференциацию. В целом, она вписывается

в возрастной профиль миграции как России в целом, так и многих стран, для которой характерна большая миграционная активность молодежи. В Башкортостане это проявляется в высокой миграционной убыли молодых возрастных групп, в первую очередь, среди лиц 15–19 и 25–29 лет.

Возрастная структура миграционных потоков в отдельные субъекты РФ, с которыми у республики сложились наиболее тесные миграционные связи, имея много общего со структурой межрегионального миграционного обмена республики в целом (большей представленностью детских и молодых возрастов), все же характеризуется определенными особенностями, что говорит о миграционной привлекательности тех или иных регионов для разных категорий населения. Так, большая представленность детей среди выбывших мигрантов косвенно отражает более высокую миграционную привлекательность этих регионов для семей с детьми (как это, например, наблюдается в потоках в Московскую область и Краснодарский край). Отличается структура миграционного обмена ссеверными регионами, в котором высока доля, с одной стороны, 25–29-летних среди выбывших мигрантов, с другой — 55–64-летних среди прибывших, что свидетельствует о возвратном характере долговременной миграции в эти регионы. В структуре выбывших в Москву мигрантов нет ярко выраженных возрастных особенностей, что показывает миграционную привлекательность российской столицы для всех возрастов за исключением пожилого населения.

Значительная доля молодых возрастных групп в структуре выбывших из республики мигрантов, высокая миграционная убыль в их составе негативно отражаются на репродуктивном и брачном потенциале республики. Сложившуюся возрастную дифференциацию межрегионального миграционного обмена целесообразно учитывать при формировании и реализации мер региональной социальной и миграционной политики.

Список источников

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюлл., Москва : Росстат, 2017–2021. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 15.04.2022).

[2] Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 47–65.

[3] Morgan J. N., Robb E. H. The impact of age upon interregional migration.// The Annals of Regional Science. 1981. No. 15. P. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01286330>.

[4] Dennett A. Stillwell J. Internal Migration Patterns by Age and Sex at the Start of the 21st Century // Technologies for Migration and Commuting Analysis: Spatial Interaction Data Applications. 2010. P. 153–174. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-61520-755-8.ch008>.

[5] *Vakulenko E., Mkrtchyan N.* Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. No. 13. P. 609–630. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>.

[6] *Мкртчян Н. В.* О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов // *Научные труды: ИНП РАН*. 2014. № 12. С. 381–396.

[7] Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий / М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. № 4 (52). С. 162–180.

[8] Сравнительный анализ динамики миграционного прироста пожилого населения Самарской области / Г. Н. Гридасов, Н. О. Захарова, Е. С. Балуева // *Успехи геронтологии*. 2011. Т. 24, № 4. С. 707–712.

[9] *Галин Р. А.* Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики. Уфа : БАГСУ, 2016. 248 с.

[10] Влияние миграции на численность и возрастной состав населения муниципальных образований разных типов в Башкортостане / Н. К. Шамсутдинова, В. Б. Прудников, И. Б. Утяшева и др. // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7, № 3. С. 134–149.

[11] *Атаева А. Г., Уляева А. Г.* Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 44. С. 38–57. (Экономика). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>.

[12] Хилажева (Ахметова) Г. Ф. Миграционный обмен между регионами различных типов (на примере Республики Башкортостан и Тюменской области) // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 2 (102). С. 185–206.

[13] Миграция населения в Республике Башкортостан. Стат. сб. Уфа : Башкортостанстат, 2017–2021.

[14] *Утяшева И. Б.* Население // *Республика Башкортостан. Демографический доклад*. Вып. 4 / под общ. ред. А. Н. Дегтярева, А. Р. Кузнецовой, Г. Ф. Ахметовой. Уфа, 2020. С. 9–19.

[15] Оперативные итоги миграционного движения населения Республики Башкортостан за январь–декабрь 2021 года. Уфа : Башкортостанстат, 2022.

[16] *Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров.* Москва : Издательский дом ВШЭ, 2022. 344 с.

References

[1] The number and migration of the population of the Russian Federation. Stat. bulletin, М.: Rosstat, 2017–2021. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (accessed on 15.04.2022).

[2] *Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V.* Interregional migration in Russia: age characteristics // *Demographic review*. 2016. Vol. 3, No. 4. Pp. 47–65.

[3] *Morgan J. N., Robb E. H.* The impact of age upon interregional migration // *The Annals of Regional Science*. 1981. No. 15. Pp. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01286330>.

[4] *Dennett A., Stillwell J.* Internal Migration Patterns by Age and Sex at the Start of the 21st Century // *Technologies for Migration and Commuting Analysis: Spatial Interaction Data Applications*. 2010. Pp. 153-174. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-61520-755-8.ch008>.

[5] *Vakulenko E., Mkrтчyan N.* Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2020. No. 13. Pp. 609–630. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>.

[6] *Mkrтчyan N. V.* To the degree of migration influence on the population age structure in Russian regions, towns and districts // *Scientific Articles — Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2014. No. 12. Pp. 381-396.

[7] *Kartseva M. A., Mkrтчyan N. V., Florinskaya Yu. F.* Interregional migration and life strategies of the Russian youth // *Journal of the New Economic Association*. 2021. No. 4(52). Pp. 162-180.

[8] Comparative analysis of the migration increase dynamics of the elderly population living in the Samara region / G. N. Gridasov, N. O. Zakharova, E. S. Balueva // *Advances in Gerontology*. 2011. Vol. 24, No. 4. Pp. 707-712.

[9] *Galın R. A.* Demographic development of the population of the Republic of Bashkortostan in a market economy. Ufa: BAGSU, 2016. 248 p.

[10] The effect of migration on population size and age composition in municipalities of different types in Bashkortostan / N. K. Shamsutdinova, V. B. Prudnikov, I. B. Utyasheva et al. // *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 134-149.

[11] *Ataeva A. G., Ulyayeva A. G.* Modern trends and factors of inter-regional migration of youth in Russia // *Tomsk State University Journal of Economics*. 2018. No. 44. Pp. 38-57. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>.

[12] *Khilazheva G. F.* Migration exchange between regions of different types (case study of Tyumen oblast and the republic of Bashkortostan) // *Region: economics and sociology*. 2019. No. 2(102). Pp. 185-206.

[13] Migration of the population in the Republic of Bashkortostan. Stat. col. Ufa: Bashkortostan, 2017-2021.

[14] *Utyasheva I. B.* Population // Republic of Bashkortostan. Demographic report. Issue 4 / under the general editorship A. N. Degtyarev, A. R. Kuznetsova, G. F. Akhmetova. Ufa, 2020. Pp. 9-19.

[15] Operational results of the migration movement of the population of the Republic of Bashkortostan for January-December 2021. Ufa: Bashkortostan State Statistics Office, 2022.

[16] Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report / ed. S. V. Zakharov. M.: HSE Publishing House, 2022. 344 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-2>

УДК: 314.7

JEL F22, J11

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОИСХОДЯЩИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОТЕРИ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН¹

А. А. Бабаев, А. И. Субхонов

Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Автор для корреспонденции: А. А. Бабаев (anvar.boboiev2016@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности происходящих миграционных процессов в Республике Таджикистан на современном этапе. Целью исследования является анализ и определение различных мотивов в миграционном движении населения, которые осуществляются многочисленными закономерностями. Автор на основании опыта Таджикистана проводит параллели между правовой и естественной закономерностью, одновременно изучая чувствительный для Таджикистана вопрос массовой эмиграции кадров в другие страны ближнего и дальнего зарубежья, которые также имеют свою закономерность. Гипотеза исследования состоит в том, что продолжающаяся эмиграция специалистов из республики может спровоцировать социально-экономический спад и резкое ухудшение благосостояния семей с непредсказуемыми последствиями. В работе использованы методы сбора и анализа информации, социологический и корреляционный подходы. Научный вклад состоит в том, что впервые в национальной миграционной науке изучены и практически обоснованы правовые и естественные закономерности происходящих миграционных процессов в Республике Таджикистан. Выводы и научные результаты исследования могут быть применены в практической деятельности соответствующих органов государственной власти и научной среде, изучающих сферу миграции.

Ключевые слова: закономерности миграционных процессов, трудовые мигранты, массовая эмиграция кадров, глобализация

Patterns of Ongoing Migration Processes and the Problem of Personnel Loss in the Republic of Tajikistan

А. А. Бабаев, А. И. Субхонов

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Corresponding author: А. А. Бабаев (anvar.boboiev2016@gmail.com)

Abstract. The paper examines the regularities of ongoing migration processes in the Republic of Tajikistan at the present stage. The study aims to determine and analyse various motives for the migration movement of the population and numerous patterns. Based on the experience of Tajikistan, the article draws a parallel between legal and natural laws, while studying the sensitive issue of mass migration of personnel from Tajikistan to other countries of the world and the damage done to the state, which also have their own laws. It is hypothesised that the continuing

¹ Бабаев А. А., Субхонов А. И. Текст. 2022.

emigration of specialists from the republic can provoke a socio-economic decline and a sharp deterioration in the well-being of families with unpredictable consequences. The work uses various methods of collecting and analysing information, sociological and correlation approaches. For the first time in the national demographic science, the legal and natural patterns of the ongoing migration processes in the Republic of Tajikistan have been studied and practically substantiated. The conclusions and scientific results of the research can be used in the practical activities of the relevant government authorities and the scientific community that studies the field of migration.

Keywords: patterns of migration processes; labour migrants; mass migration of personnel; globalisation

Введение

В современной научной литературе общепризнана определяющая роль экономических факторов в территориальном перемещении населения. Это связано с тем, что население перемещается в большей части именно по экономическим причинам, и миграция в теоретическо-практическом смысле происходит в том случае, если осуществляется перемещение физических лиц из одного административного центра в другой, как на территории страны происхождения, так и на территории страны назначения независимо от сроков и целей. Таким образом, миграция населения происходит ежедневно в силу правовой и естественной закономерности, а также из объективной реальности того, что экономическая жизнь людей в этом мире является основой всех других аспектов жизни общества.

В современных условиях переходной экономики, имеющих различия в уровне развития производительных сил и уровне жизни населения, экономические факторы оказывают решающее воздействие на миграционные процессы. Вместе с тем миграционные перемещения, будучи компонентом развития общественных процессов, подвергаются влиянию социально-экономических условий не непосредственно, а через сложную систему переплетающихся причинных взаимозависимостей. Указанное обстоятельство предопределяет необходимость особенно тщательного исследования как экономических причин, обуславливающих данное явление, так и факторов общественного сознания, социально-психологических установок и мотиваций населения к перемене места жительства.

Исходя из этого и для достижения желаемых результатов, была изучена соответствующая литература и труды ученых, из которых понимается, что в процессе глобализации мировой экономики наиболее важным фактором социально-экономического и демографического развития многих стран, и в особенности стран Европы, США, Канады, России, Австралии и других, становится международная миграция рабочей силы. В рамках международного движения рабочей силы наиболее важным компонентом является интеллектуальная миграция, или как принято ее называть «утечка мозгов», и это считается главной целью развитых стран. Данному вопросу уделяется особое внимание со стороны автора, ибо этот процесс приобрел массовый характер в Таджикистане и наносит колоссальный ущерб социально-экономическому развитию страны.

Работа основывается на поставленной цели в форме гипотезы, где изучаются многочисленные закономерности происходящих миграционных процессов в Республике Таджикистан и проблемы потери кадров. Эти вопросы считаются одними из приоритетных во внешней и внутренней политике государства, и им нужно уделять пристальное внимание. Актуальность проблемы и ее решение должны быть для Таджикистана приоритетными, ибо за последние десятилетия страну покинули сотни тысяч граждан разных национальностей, среди которых много ученых и специалистов с подавляющим большинством молодежи. Такая продолжающаяся тенденция может губительно сказаться на будущем молодого таджикского государства. В этой связи, автор анализирует результаты исследований и официальные статистические данные для выяснения реальной ситуации и понимания общей складывающейся социально-экономической картины в Таджикистане, чтобы в перспективе избежать негативные и серьезные последствия для республики.

Основная часть

Рассматривая вопросы закономерности миграционных процессов, можно утверждать, что миграция населения является объективной реальностью и подчиняется во всем мире общим закономерностям. Скорость миграционных процессов нарастает стремительно с прогрессом науки и техники. Взаимосвязь между местом приложения труда и местом жительства постепенно теряет свое значение.

Исследование закономерностей развития миграционных процессов на территории государств бывшего Советского Союза в условиях их экономической и политической суверенизации является весьма актуальным. Прежде всего это связано с тем, что масштабность данного явления, резко увеличившего свои размеры за последние десятилетия, обусловила комплекс взаимосвязанных негативных последствий, усугубляющих экономические трудности переходного периода.

С началом третьего тысячелетия ученые и практики неоднократно отмечали глобализацию миграционных процессов и необходимости проведения точечных исследований для предупреждения рисков и непредвиденных ситуаций в области миграции населения. Поэтому объектами исследования является движение людей практически во всех странах мира.

Международная миграция в XXI в. признана мировым сообществом глобальным явлением, оказывающим воздействие на все стороны его жизни: на демографию, экономику, финансы, вопросы международной безопасности, восприятия общечеловеческих ценностей и правил поведения. И происходят все эти процессы в силу имеющихся закономерностей, воздействуя на все стороны жизни мирового сообщества и эволюции восприятия общечеловеческих ценностей.

Из многочисленных закономерностей, которым подчиняются миграционные процессы во всем мире, выделены следующие:

— наиболее вескими причинами миграции населения являются экономические, хотя миграция беженцев и лиц, ищущих убежище, иногда также приобретает глобальный характер;

— масштабы миграции возрастают с развитием промышленности, торговли, транспорта, сферы услуг;

— в течение последних десятилетий наиболее динамично развивается временная трудовая миграция, способствуя глобализации мирового рынка труда;

— рост крупных городов в основном обусловлен миграцией населения, а не его естественным приростом;

— развитие залежных и необустроенных земель в сельской местности также связано с миграцией людей из числа специалистов в области агропромышленного комплекса и других сфер народного хозяйства, преимущественно с привлечением молодежи.

Одной из закономерностей, присущей населению Республики Таджикистан, считается переезд в другие части страны или в другое государство при условии переезда вместе с ними родных и близких. Молодежь, не имеющая своей семьи, согласна на переезд в зарубежные страны, если они будут обеспечены местом жительства и хорошим заработком. В то же время если для большинства жителей города фактор родственных связей не был очень важен, то для сельских жителей он считался определяющим. Это связано с тем, что на селе родственные связи упрочиваются экономическими условиями жизнедеятельности, которые способствуют совместному проживанию значительной части родственников в одном кишлаке или районе, к примеру, совместной сельскохозяйственной работой, экономической взаимопомощью между родственниками, определяющей роли главы семьи в решении хозяйственно-бытовых и других задач.

Родственные связи с одной стороны тормозят миграционную подвижность, но с другой стороны способствуют ее развитию. Например, исторически сложившиеся тесные связи между жителями Таджикистана и Узбекистана обеспечили значительное сходство у этих народов в обычаях, традициях, быта, культуры и т. д. [1]. Общая тенденция внутренней миграции населения такова, что в годы политической нестабильности активность участников внутренней миграции снижалась, а затем она усиливалась. Таким образом, внутренняя политическая нестабильность способствует сокращению внутренней миграции, а экономический рост способствует ее активизации. Внутренняя миграция городского населения за 1991–2015 гг. имела также наклонный вид, но с убывающим отрицательным сальдо. Так, в 1991 г. сальдо миграции городского населения составляло минус 8,3 тыс., а в 2015 г. составило плюс 2,6 тыс. чел. Другой пример убывающего отрицательного сальдо, а затем прибывающего положительного сальдо можно заметить на миграционном приросте столицы Таджикистана, г. Душанбе, где проведен сравнительный анализ за последние три десятилетия. Так, за период 1991–2000 гг. миграционное сальдо

составило минус 106,2 тыс. чел., а за период 2001–2010 гг. ситуация резко улучшалась, и миграционное сальдо уже составило плюс 14,9 тыс. чел., за 2011–2019 гг. положительное сальдо продолжилось и составило плюс 20,1 тыс. чел. Хотя общее сальдо за эти годы составляет минус 71,3 тыс. чел., но ситуация в столице однозначно улучшается, и это имеет свою закономерность [2].

Международный опыт показывает, что основными причинами, из-за которых происходит массовая миграция населения, являются политические, межнациональные, этнические, социальные, экономические напряжения, которые имели и имеют место во многих странах мира, в т. ч. в Таджикистане. Таджикистан, как и большинство стран бывшего СССР, считается преимущественно страной, отправляющей своих граждан во внешнюю трудовую миграцию в целях временного трудоустройства и материального обеспечения своих семей. Проведенный анализ внешней трудовой миграции граждан Таджикистана показывает на следующие закономерности.

Первая закономерность заключается в том, что в связи с политическими, экономическими и социальными процессами за рубеж выезжают все возрастные категории граждан из числа представителей всех национальностей, где более 60 % составляет молодежь. Это характерно для всех стран и народов, ибо население любого государства предпочитает прежде всего стабильную жизнедеятельность и предоставление государством социальных благ.

Вторая закономерность во внешней миграции населения Таджикистана является развитие сферы трудовой миграции с началом третьего тысячелетия. После спада бума эмиграции в форме таджикских беженцев и вынужденных мигрантов в 1990-х гг. прошлого столетия начал усиливаться бум маятниковой и безвозвратной трудовой миграции коренного населения. Здесь явно ощущается влияние становления рыночных отношений на усилении подвижности населения, что в принципе считается объективным процессом.

Третьей закономерностью в эмиграции населения Таджикистана является изменение мотивов эмиграции. Если при СССР основным мотивом эмиграции был экономический, то в современных условиях важное значение приобрели, кроме экономических, такие мотивы, как политические, социальные, национальные, демографические, и т. д. [3, с. 148].

Внешняя трудовая миграция может развиваться под влиянием демографических процессов. Обычно развитые страны имеют низкую рождаемость населения и высокую долю пожилого населения, что заставляет их привлекать на работу иностранных мигрантов. В современных условиях странами происхождения иностранных мигрантов являются слаборазвитые государства, для которых характерны высокие темпы естественного прироста населения, низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы, нехватка достойных рабочих мест и стремление трудоспособного

населения выехать в различных формах (законно, незаконно, временно, сезонно и т. д.) в развитые страны на работу. Проблема в данном случае заключается в том, каков должен быть возможный предел приема иностранной рабочей силы принимающими странами, чтобы он был безболезненным и не в ущерб коренному населению.

Другой стороной вопроса является обеспечение безопасности долгосрочных последствий внешней трудовой миграции для стран — экспортеров рабочей силы, каковой считается и Республика Таджикистан. В современных условиях этот вопрос ощущается слабо из-за естественного прироста и молодой возрастной структуры населения, но в долгосрочной перспективе возможен масштабный всплеск и отрицательные последствия внешней трудовой миграции на социально-экономическое развитие страны. Относительно выше указанных проблем в Таджикистане проводятся исследования, результаты которых могут быть интересны для заинтересованной категории лиц.

В августе — сентябре 2016 г. научными сотрудниками отдела демографических исследований Института экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана был проведен социологический опрос среди возвратившихся трудовых мигрантов Хатлонской и Согдийской областей Республики Таджикистан [4], и один из вопросов касался именно переезда и проживания в другой стране, который был сформулирован следующим образом: «С какими ниже следующими условиями для проживания за рубежом Вы согласны?»:

- 1) Если будете постоянно проживать в той стране;
- 2) Если проживете 3–5 лет и возвратитесь на родину;
- 3) Если приедут Ваши родные и будут проживать с Вами;
- 4) Если получите высшее образование и обучитесь современной профессии».

Ответы возвратившихся мигрантов были даны в следующем порядке (табл.).

Результаты ответов по Согдийской области:

- 1) 11,6 % ответили согласием, что если будут постоянно проживать в той стране;
- 2) 43,5 % ответили, что проживут 3–5 лет и возвратятся на родину;
- 3) 14,2 % ответили, что согласны проживать за рубежом, если приедут родные и будут проживать с ними;
- 4) 10,1 % ответили, что если получают высшее образование и обучатся современной профессии;
- 5) 20,0 % воздержались от ответов.

Результаты ответов по Хатлонской области:

- 1) 10,4 % согласны, если будут постоянно проживать в той стране;
- 2) 51,1 % ответили, что проживут 3–5 лет и возвратятся на родину;
- 3) 17,3 % согласны проживать за рубежом, если приедут родные и будут проживать с ними;

Таблица
Результаты проведенного социологического опроса в Согдийской и Хатлонской областях Республики Таджикистан, в %

Ответы респондентов	Согдийская область	Хатлонская область
Согласны проживать за рубежом на постоянной основе	11,6	10,4
Согласны проживать за рубежом 3-5 лет и возвратиться на родину	43,5	51,1
Согласны постоянно проживать за рубежом, если приедут родные и будут проживать с ними	14,2	17,3
Согласны проживать за рубежом, если получают высшее образование и обучаются современной профессии	10,1	11,8
Воздержались от ответов	20,0	9,2
Итого:	100,0	100,0

4) 11,8 % ответили, что если получают высшее образование и обучаются современной профессии;

5) 9,2 % воздержались от ответов.

Проведенный опрос показывает, что некоторая разница в ответах между возвратившимися трудовыми мигрантами двух областей республики — юга и севера — существует по второму вопросу, где 43,5 % мигрантов Согдийской области и 51,1 % мигрантов Хатлонской области ответили, что проживут 3–5 лет за рубежом и возвратятся на родину, т. е. в этом вопросе трудовые мигранты Хатлонской области чуть более привязаны к родственным отношениям, природе своей страны, традициям и быту. По другим вопросам трудовые мигранты двух областей ответили практически одинаково, хотя воздержавшихся от ответа мигрантов Согдийской области было порядком больше, что говорит о неопределенности принятия решений.

С вхождением человечества в XXI в. начались процессы глобализации мировой экономики, и все более важным фактором экономического, социального и демографического развития многих стран становится международная миграция населения и трудовых ресурсов, а в ее рамках интеллектуальная миграция. Сейчас во всем мире идет борьба за интеллектуальные ресурсы. Например, два года назад в США была объявлена национальная программа по разработке новых перспективных технологий. Это так называемые «нанотехнологии», позволяющие осуществлять поэтапную сборку новых искусственных материалов. Прогнозируется, что эти технологии произведут подлинную революцию и в технической, и в промышленной сферах. Для реализации этой программы в США открыто 300 тыс. вакансий для специалистов из-за рубежа, в т. ч. и из России, для них предусмотрена упрощенная процедура получения вида на жительство [5].

Данный вопрос по «утечке умов» является актуальным для Республики Таджикистан и не может не беспокоить Правительство страны. Проведенный анализ показывает, что Республика Таджикистан в действительности сталкивается с масштабной эмиграцией своих кадров, которых воспитывала десятилетиями, а сейчас не может их удержать. На основании данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан в 1991 г., общая численность работников сферы промышленности в республике составляла 256 тыс. чел., а к 2010 г. их численность сократилась до 94 тыс. чел., где потери составили 162 тыс. чел. За тот же период численность работников сферы транспорта и связи сократилась с 93 тыс. чел. до 53 тыс. (потери: –55 тыс.), здравоохранения с 106 тыс. до 81 тыс. (потери: –25 тыс.), образования с 197 тыс. до 180 тыс. (потери: –17 тыс.), наука и научное обслуживание, культура, искусство с 40 тыс. до 18 тыс. (потери: –22 тыс.) [6, с. 152–154]. За период 2013–2019 гг. по Государственной программе переселения соотечественников Российской Федерации в эту страну переехало 25 тыс. уже бывших граждан Республики Таджикистан, более 60 % из которых составляют молодежь и специалисты сферы науки, образования, здравоохранения.

Основоположник таджикской демографической науки, профессор С.И. Исламов отмечал, что переезд из Таджикистана ученых и специалистов разных отраслей экономики наносит колоссальный ущерб умственному потенциалу республики и развитию ее экономики. По методике экспертов ООН эмиграция одного специалиста составляет потери для страны происхождения в сумме 300 тыс. долл. США [3, с. 145]. Профессор С.И. Исламов подсчитал, что только за период 1995 г. Таджикистан покинули 11,2 тыс. специалистов, и государство понесло ущерб в размере 3,4 млрд долл.

Если же суммировать общие кадрово-человеческие потери республики за выше указанный период 1991–2010 гг., то это составит 306 тыс. чел., или же в денежном выражении 91 млрд 800 млн долл. США. Вот такой невосполнимый ущерб нанесен экономике стране, который восстановить просто невозможно. В этой связи Таджикистану необходимо при разработке государственной миграционной политики иметь в виду комплекс ее положительных и отрицательных последствий, чтобы избежать в будущем массовую эмиграцию специалистов и ощущение «кадрового голода» на десятилетия.

В каждой стране государство должно проводить последовательную и эффективную миграционную политику, направленную на регулирование миграционного движения населения. В этом смысле влияние политики на миграцию населения может быть значительным. С точки зрения всего человечества, независимо от политического устройства страны везде и всегда была, есть и будет миграция населения, поэтому можно считать, что миграция населения является общечеловеческим законом [3, с. 149].

Учитывая факт того, что миграционные процессы в мире приняли глобальный характер, многие страны, в т. ч. Республика Таджикистан, предпринимают меры по обеспечению государственного управления миграцией, разрабатывая новые законодательные акты в целях упорядочения миграционного движения населения. В целом миграция населения имеет правовую и естественную закономерность, и они осуществляются в Республике Таджикистан. Начиная с 2000-х гг. по настоящий период в стране законодательно реализуются 5 видов миграции населения, по которым ведется государственная статистическая отчетность:

- 1) экологическая миграция;
- 2) внутренняя (добровольная) миграция;
- 3) внешняя трудовая миграция граждан Республики Таджикистан;
- 4) трудовая миграция иностранных граждан в Республике Таджикистан;
- 5) миграция иностранных беженцев и лиц, ищущих убежище в Республике Таджикистан.

Также в стране имеют законодательную основу приграничная трудовая миграция, семейная иммиграция и коллективная иммиграция, которые еще глубоко не изучены отечественными учеными и практиками и находятся вне поля зрения соответствующих госструктур и официальных статистических данных.

В то же время в Таджикистане присутствуют и некоторые другие виды миграции, которые по настоящее время законодательно не закреплены, но в практике осуществляются, в частности внутренняя трудовая миграция граждан Таджикистана, маятниковая (челночная) миграция, виртуальная миграция, неформальный труд мужчин под названием «мардикорство». Так как эти виды миграции происходят в реальной жизни, необходимо их упорядочить на национальном и международном уровнях, ибо подавляющая часть миграционных потоков имеет международный характер и затрагивает интересы как стран происхождения, так и стран назначения.

Рост подвижности и миграция населения считаются объективной реальностью и подчиняются во всем мире общим закономерностям на территории всех континентов, регионов и стран независимо от национальной принадлежности людей и их религиозных убеждений. Почти во всех странах увеличивается как внешняя, так и внутренняя миграция населения, выполняя соединение средств производства с трудовыми ресурсами. Поэтому в силу глобальности проблемы миграции должны быть найдены глобальные средства для решения этих проблем. Причем решения должны не только относиться к сегодняшним нуждам, но и быть достаточно прогрессивными для требований завтрашнего дня. Правительствам стран назначения и происхождения еще многое предстоит сделать в разработке специальных политических мер по управлению миграционными процессами и созданию благоприятных условий для временного пребывания мигрантов [1, с. 353].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что миграция населения с началом третьего тысячелетия превратилась в глобальный феномен и имеет многочисленные закономерности, на основании которых происходят массовые миграционные потоки. В Таджикистане, как и в других странах мира, миграционное движение населения осуществляется с учетом национальных особенностей и создавшейся за последние три десятилетия тяжелой социально-экономической ситуацией в стране. Это повлияло на то, что население Таджикистана за эти годы из пассивно мигрирующих превратилось в активно мигрирующих, и таких продолжающихся массовых миграционных потоков не замечалось ранее в истории таджиков.

Также большой проблемой для республики считается вопрос эмиграции специалистов, и это в силу ряда причин имеет свою закономерность. Чтобы предотвратить ситуацию с оттоком из страны кадров, необходимо улучшить социально-экономическую ситуацию в стране, создавать новые рабочие места с достойной заработной платой, внедрять методы стимулирования для сдерживания оттока кадров, обеспечивать государственную поддержку малому и среднему предпринимательству, устранять методы монополизации сфер экономики, восстановить принцип здоровой конкуренции и справедливости во всех областях народного хозяйства республики, проводить гибкую и прозрачную политику в области экономики, налоговой системе, судебной и законодательной власти [7].

Заключение

Рассматривая происходящие современные миграционные процессы в Республике Таджикистан, которые имеют свою закономерность и являются одними из приоритетных направлений в политике государства, Таджикистану необходимо решение трех ключевых задач для достижения желаемых результатов:

- 1) избрание целенаправленной и эффективной миграционной политики;
- 2) совершенствование национального законодательства и развитие международного и межведомственного сотрудничества;
- 3) обеспечение государственного управления миграционными процессами посредством создания самостоятельного министерства по делам миграции и диаспор.

В случае реализации этих трех задач Таджикистан сможет свести к минимуму потенциально негативные последствия в сфере миграции, которые сопровождают страну в последние годы, и увеличить положительный эффект миграции, направив его потенциал на социально-экономическое и инновационное развитие страны.

Список источников

- [1] *Бабаев А. А.* Современные проблемы миграции населения Республики Таджикистан: ее потенциал в процессе развития страны. Душанбе : Издательство «Шарки Озод», 2020. 480 с.
- [2] *Бобоев А. А.* Равандҳои муосири муҳоҷирати аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон: мушкилиҳо ва роҳҳои ҳалли он. Душанбе : Муассисаи нашриёти «Дониш»-и АМИТ, 2022. 248 с.
- [3] *Исламов С. И.* Биосоциальное развитие человека. Демографический и социальный переходы. Душанбе : Издательское учреждение «Дониш» АН РТ, 2019. 288 с.
- [4] Современная ситуация по возвращению трудящихся мигрантов — граждан Республики Таджикистан: положение мигрантов в Хатлонской и Согдийской областях / А. А. Бабаев, С. И. Исламов, А. И. Субхонов. 2016.
- [5] Интеллектуальная эмиграция: что известно об «утечке мозгов» из России // HarvardBusinessReview: Россия. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/862080/> (дата обращения: 04.05.2022).
- [6] Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Стат. сб. / Стат. Агентство при Президенте Таджикистана. Душанбе, 2011. 445 с.
- [7] Миграционные процессы Республики Таджикистан в условиях глобализации: колл. монография / под общ. ред. д. э. н., проф., чл.-корр. Национальной Академии наук Таджикистана С. И. Исламова, к. э. н. А. А. Бабаева. Душанбе : Издательское учреждение «Дониш» НАНТ, 2020. С. 118.

References

- [1] *Babaev A. A.* Modern problems of migration of the population of the Republic of Tajikistan: its potential in the development of the country. Dushanbe: Publishing House «Sharki Ozod», 2020. 480 p.
- [2] *Boboev A. A.* Modern processes of population migration of the Republic of Tajikistan: problems and ways to solve them. Dushanbe: «Knowledge» publishing house of NAST, 2022. 248 p
- [3] *Islamov S. I.* Human biosocial development. Demographic and social transitions. Dushanbe: Publishing institution «Donish» NAST, 2019. 288 p.
- [4] The current situation on the return of migrant workers — citizens of the Republic of Tajikistan: the situation of migrants in Khatlon and Sughd regions in August-September / A. A. Babaev, S. I. Islamov, A. I. Subkhonov. 2016.
- [5] Intellectual emigration: what is known about the «brain drain» from Russia // Harvard Business Review: Russia. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/862080/> (accessed on 04.05.2022).
- [6] Tajikistan: 20 years of state independence. Stat. sat. / Stat. Agency under the President of Tajikistan. Dushanbe, 2011. 445 p.
- [7] Migration processes of the Republic of Tajikistan in the context of globalization. Collective monograph / under the general editorship of Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Tajikistan S. I. Islamov, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Babaeva. Dushanbe: Publishing institution «Donish» NAST, 2020. P. 118.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-3>

УДК 325.1

JEL O15,F22

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В РЕГИОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Е. В. Гамерман

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
(г. Биробиджан, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

Автор для корреспонденции: Е. В. Гамерман (egamerman@mail.ru)

Аннотация. Цель данной работы является анализ современных миграционных тенденций, присущих странам Северо-Восточной Азии на современном этапе. В условиях пандемии, а затем и начала жесткой фазы конфронтации между Россией и западными странами отдельные миграционные тренды претерпели изменения. В рамках данного исследования были использованы компаративистский и исторический подходы, которые дали возможность проанализировать особенности формирования миграционной повестки в регионе, а также того, как трансформировались в последние годы миграционные потоки в разных странах. В рамках данной работы автор приходит к выводу, что абсолютно все страны региона на сегодняшний день остро нуждаются в мигрантах, создают для их привлечения условия и включаются в международную борьбу за трудовые ресурсы.

Ключевые слова: миграция, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток, Китай, Япония, Республика Корея, Тайвань

Current Migration Trends in Northeast Asia and the Russian Far East

E. V. Gamerman

Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of RAS
(Birobidzhan, Russia),

<https://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

Corresponding author: E. V. Gamerman (egamerman@mail.ru)

Abstract. The purpose of this work is to analyse migration trends currently observed in the countries of Northeast Asia. In the context of the pandemic, and then the beginning of a tough phase of confrontation between Russia and Western countries, certain migration trends have changed. Comparative and historical approaches were used in the study to examine the features of the migration agenda in the region, as well as the recent transformation of migration flows in different countries. It was concluded that nowadays all countries of the region need migrants, create conditions to attract them and compete for labour resources.

Keywords: migration; Northeast Asia; Far East; China; Japan; The Republic of Korea; Taiwan

Введение

Современный Дальний Восток — это самый большой и наименее населенный федеральный округ России. При площади почти 7 млн км² (40,6 %

¹ © Гамерман Е. В. Текст. 2022.

площади страны) население составляет (по состоянию на 01.01.2020 г.) 8,1 млн чел. (5,5 % населения страны). Плотность населения 1,17 чел. / км² — самая низкая в России. Население округа увеличилось благодаря присоединению в 2018 г. Республики Бурятия и Забайкальского края. Однако, так или иначе, процесс депопуляции в округе продолжился. В 2019 г. население составляло 8,18 млн чел., а в 2020 г. — 8,16 млн чел.¹

Целью данной статьи является системный анализ современных миграционных тенденций, присущих странам Северо-Восточной Азии, а также российскому Дальнему Востоку (который, по мнению автора, является неотъемлемой, неотделимой частью региона) на современном этапе. Под Северо-Восточной Азией подразумевается регион мировой политики и экономики, в который включается Северо-Восточная часть Евразийского континента, или Северо-Западная часть Пасифики. К региону отнесены следующие государства и территории: Япония, Республика Корея, Китай и о. Тайвань, Монголия, а также территории российского Дальнего Востока.

В течение всей постсоветской истории российский Дальний Восток испытывает процессы депопуляции, вызванные целым рядом причин — удаленностью от центра страны, дороговизной товаров и транспортных услуг, низких уровнем развития всей социальной инфраструктуры, отсутствием перспектив и надежд на будущее. Не избежали проблем и угроз безопасности, связанных с миграционными процессами и демографии, и другие страны региона.

Основная часть

Российское государство на протяжении последних 20 лет принимает различные программы, концепции развития Дальнего Востока, придумав программы «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточную ипотеку». Однако все эти точечные решения не имеют сколько-нибудь серьезных стратегических последствий. Депопуляция продолжается, новое население из западных регионов такие меры привлечь не в состоянии. Все это скорее популизм и непонимание всего масштаба данного явления.

20 июня 2017 г., наряду с другими программами и концепциями, была принята Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Стратегической целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 г. в данном документе была указана стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 8,3 млн чел. к 2020 г. и ее увеличение до 8,6 млн чел. к 2025 г. Первая цифра уже не достигнута, вторая — не будет достигнута через 3 года, т. к. для этого нет никаких предпосылок, и население в регионе продолжает уменьшаться (пусть и не так стремительно, как это было в 1990-е гг.).

Основными направлениями демографической политики на Дальнем Востоке были объявлены:

¹ Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. URL:<http://dfo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

- 1) повышение рождаемости, обеспечивающее воспроизводство населения;
- 2) снижение смертности и повышение ожидаемой продолжительности жизни;
- 3) сокращение миграционного оттока постоянного населения;
- 4) привлечение на территорию Дальнего Востока мигрантов на постоянное место жительства, их адаптация и интеграция в общество;
- 5) содействие переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в субъекты Российской Федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ;
- 6) создание условий и стимулов для закрепления молодежи на территории Дальнего Востока и привлечения молодых специалистов из других регионов¹.

Все это так и осталось на бумаге, пять из шести пунктов по-прежнему имеют отрицательную динамику. И лишь только переселение соотечественников сдвинулось с мертвой точки, в силу неблагоприятной ситуации на Украине.

Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г., не могла не сказаться на миграционных процессах. Они значительно снизились, в т. ч. и межрегиональная миграция. Однако по итогам 2020 г., в топ-10 регионов с наибольшим миграционным оттоком попали 5 регионов из Дальневосточного федерального округа, первые 2 строчки рейтинга за Чукоткой (–177,4 на 10 тыс. населения) и Магаданской областью (–67,4). На 5-м месте — ЕАО (–44,7), 7-е место занимает Хабаровский край (–40,5), 10-е место — Забайкальский край (–38,5)².

В течение последних 5 лет Китай проводит активную внешнюю политику. В частности, осуществляется процесс реализации целой серии проектов в рамках инициативы «Один пояс и один путь». И Дальний Восток, и Арктика находятся во внимании данного мегапроекта. В частности, уже несколько раз заходила речь о необходимости реализации «Полярного шелкового пути», а именно разработке пути из Китая через российскую Арктику в Европу со строительством всей необходимой инфраструктуры. Все это может дать очень серьезный импульс для экономического развития дальневосточных и арктических территорий. Такой возможностью необходимо пользоваться, т. к. это очень серьезные инвестиции, развитие, эффект от которых будет значительно выше, нежели от любых московских точечных программ. Однако при этом нельзя ни в коем случае забывать и про угрозы экологической, социальной, человеческой безопасности в данных регионах. Только

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/28228/> (дата обращения: 20.04.2022).

² Росстат назвал регионы с наибольшим оттоком населения // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/02/02/reg-pfo/v-rosstate-nazvali-regiony-s-samoj-bolshoj-ubyliu-naseleniia.html> (дата обращения: 20.04.2022).

концепция устойчивого развития в действии на Дальневосточных и арктических территориях.

Такие перспективы предполагают потребность в достаточно весомых трудовых ресурсах. Особенности современного российского законодательства не позволяют активно привлекать иностранную рабочую силу (за исключением стран Таможенного союза). Необходимо вносить коррективы в миграционное законодательство, значительно упрощая его в части трудовой миграции (особенно квалифицированной рабочей силы). Эти коррективы могут носить региональный характер (для Дальнего Востока и Арктики), или же быть приняты в целом для всей страны (что более правильно). Необходимо привлекать трудовых мигрантов из Индии, Китая, Бразилии, Ирана, ЮАР без ущерба для занятости местного населения, однако без мигрантов реализовать инфраструктурные объекты не получится.

Таким образом, можно сказать, что Дальний Восток сегодня является одним из самых активных регионов России по части миграционных процессов, причем как внутренних, так и внешних. Депопуляция региона, активно происходящая в 1990–2000-е гг., продолжается и сегодня, постепенно достигая критических отметок. Многочисленные программы, концепции, стратегии не достигают необходимого эффекта. Регион нуждается в очень серьезном количестве трудовых ресурсов. И как показала пандемия коронавируса, без мигрантов из других стран экономическое развитие Дальнего Востока невозможно. В условиях закрытия границы с Китаем в регионе начался кризис в целом ряде отраслей и трудовых профессий. На государственном уровне необходим пересмотр одновременно как демографической, так и миграционной политики. И если в первой нужно отходить от популизма и заоблачных целей, предлагать и реализовывать конкретные, реалистичные меры поддержки, стимулирования переезда граждан из других регионов и соотечественников, сохранения существующего населения; то вторая должна значительно облегчить возможность пребывания мигрантов на Дальнем Востоке и реализации ими трудовой деятельности, система трудовых квот уже достаточно давно нуждается в трансформации. Необходимо более интенсивно приглашать на работу квалифицированных специалистов из стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь, из Вьетнама), из Индии, работников из Северной Кореи (соблюдение санкций в нынешних условиях не имеет никакого смысла), Китая, а также из Республики Беларусь. Российский Дальний Восток, несмотря на наличие целого ряда мегапроектов,строек, на самую высокую динамику развития в стране, по-прежнему остается наиболее депрессивным федеральным округом. Здесь самые высокие цены на потребительскую корзину, критично высокая стоимость транспортных услуг, низкое, по сравнению с западными регионами страны, качество образовательных услуг и сферы здравоохранения. Все это, плюс экстремально тяжелые климатические условия, приводит к тому, что миграционный отток населения

не останавливается, а желающих приехать на Дальний Восток не становится больше.

Нужны более радикальные и серьезные меры, нежели не достигающие целей законы «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточная ипотека» (которая вообще имеет скорее обратный эффект). К подобного рода мерам, которые могли бы переломить ситуацию, следует отнести:

1) более низкий порог пенсионного возраста, нежели в других федеральных округах (возможно, даже ниже, чем был до закона 2018 г.);

2) размер пенсионного обеспечения должен быть минимум в 2,5–3 раза выше, чем в целом по стране (с условием обязательного проживания на данной территории);

3) бесплатный проезд на запад страны (минимум раз в год) для всех без исключения дальневосточных регионов и для всех категорий граждан;

4) создание современных медицинских центров с отправкой квалифицированных кадров из Москвы и Санкт-Петербурга;

5) 50 % надбавки к средней заработной плате по региону для всего населения трудоспособного возраста от государства, осуществляющего трудовую деятельность;

6) размер детских пособий, сопоставимый со средней заработной платой по региону;

7) бесплатные бюджетные места в лучших российских вузах, с обязательством вернуться на Дальний Восток и отработать на территории ДВФО не менее 10 лет;

8) бесплатное жилье за выслугу лет в отдельных, определяемых государством, сферах народного хозяйства;

9) бесплатные спортивные кружки, секции, по различным видам спорта, финансируемые государством.

Китай

Китайская Народная Республика является уникальным в своем роде государством. Помимо исторической преемственности и более чем двухтысячелетней истории (претендуя на звание древнейшей из ныне существующих цивилизаций), Поднебесная имеет самую большую численность населения в мире (около 1,4 млрд чел.). За 2018 г. население Китая увеличилось на 5,3 млн чел., тогда как за предшествующий 2017 г. увеличение составило 7,37 млн чел. Прирост населения замедлился почти на 2 млн чел., что связано с исчерпанием положительного эффекта отмены программы «одна семья — один ребенок», и в дальнейшем ситуация стала еще более усугубляться. В начале 2022 г. населения Китая составило 1 млрд 412,6 млн чел., увеличившись за 2021 г. всего на 480 тыс. чел. На данный момент темпы прироста населения Китая составляет всего 0,47 %. По этому показателю Китай находится всего лишь на 159-м месте в мире (т. е. фактически в самом конце списка государств).

Перенаселенность Китая имеет исторические корни, т. к. в этой стране всегда считалось, что «много детей — много богатства». И вплоть до образования КНР, т. е. до середины XX в., рождаемость держалась на уровне 5,68. А в 1980–2000 гг. рождаемость снизилась до уровня 1,75. И если раньше население Китая составляло 25 % от мирового населения, то уже в 2016 г. эта цифра снизилась до 18,5 %. Причина — «планирование рождаемости» Пекином, внедрение политики «одна семья — один ребенок» (с конца 1970-х гг.), что привело к гендерному дисбалансу, старению населения, сокращению численности трудоспособного населения.

Одной из проблем является серьезнейший гендерный дисбаланс. В силу восточноазиатских стереотипов, во время действия программы «одна семья — один ребенок» семьи старались сохранить мальчика (а от девочек старались избавиться). Это привело к тому, что на начало 2022 г. в Китае мужчин — 51,24 %, а женщин — 48,76 %. За кажущейся близостью цифр скрывается 34,9 млн мужчин, для которых статистика просто не оставляет возможности обрести свое семейное счастье. И это также серьезнейшим образом влияет на снижение рождаемости.

С 1 января 2016 г. политика «одна семья — один ребенок» была отменена. Однако, несмотря на короткий всплеск рождаемости, ситуацию исправить это решение уже было неспособно. Более 60 % семей не планируют рождение второго ребенка. В 2021 г. правительство пошло дальше и разрешило иметь трех детей. Одновременно был принят пакет мер по стимулированию рождаемости. Но, судя по статистике, это пока плохо помогает.

Дополнительным, весьма весомым фактором является то, что большая часть населения сосредоточена в восточных провинциях Китая, в долинах рек и на морском побережье (значительно более развитых экономически, нежели другие территории страны). Так, плотность населения на востоке страны составляет более 400 чел / км². При этом в Центральном Китае чуть более 200 чел., а в западных провинциях — менее 10 чел. Средняя плотность населения — 153 чел / км² [1].

В течение последних тридцати лет происходит процесс стремительной урбанизации, уменьшения численности сельского населения. Демографическая нагрузка в Китае является очень высокой. Перенаселенность и очень высокая плотность населения приводят к серьезным проблемам и угрозам безопасности — в сфере экологии, энергетики, продовольственной безопасности и др.

Помимо этого, в Китае остро стоит проблема старения населения. На начало 2022 г. в стране насчитывается свыше 230 млн чел. в возрасте старше 60 лет, что составляет 18,7 % от общего числа китайцев. В соответствии с анализом экспертов ООН, уже к 2025 г. численность населения в возрасте старше 60 лет будет в Китае около 300 млн чел. Демографическая политика, действовавшая в стране до 2016 г., привела к ситуации, которую специалисты описывают формулой «4–2–1». Суть формулы заключается в количестве человек в среднестатистических семьях в разных поколениях:

в старшем 4 чел., в среднем 2 чел. и в нынешнем поколении 1 чел. Это приведет в ближайшем будущем к очень серьезному давлению на всю социально-экономическую систему Китая. На это накладываются еще и серьезные экономические задачи, которые стоят перед государством. Для сохранения нынешних темпов экономического развития необходим ежегодный рост минимум в 6,5 %, что при данных демографических проблемах выглядит очень затруднительным. В Китае сохраняется относительно ранний возраст выхода на пенсию — 55 лет для женщин, 60 лет для мужчин. Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации может стать повышение пенсионного возраста, однако современный Китай вряд ли пойдет на столь непопулярные среди населения меры. Еще одним вариантом решения проблемы является привлечение трудовых мигрантов в страну. И, судя по всему, именно по этому пути пойдет Пекин.

По результатам переписи населения Китая в ноябре — декабре 2020 г., в Китае проживало на постоянной основе 845,6 тыс. иностранцев. Это крайне незначительное число для потребностей Китая.

С одной стороны, пандемия коронавируса очень серьезно затормозила процесс трудовой миграции. Границы Китая закрыты, и есть основания полагать, что в ближайшие два года эта ситуация не изменится, а трудовых мигрантов сильно не прибавится.

С другой, Китай воспользовался ситуацией с ковидом и усиленно выстраивает государство с новым типом цифрового авторитаризма. Речь идет о системе социального рейтинга, введенной новым гражданским кодексом с 2021 г. Каждый гражданин получил базовые 1000 баллов и теперь их предстоит либо растратить, либо приумножить. 1050 баллов — образцовый гражданин, а ниже 600 — невозможно будет даже устроиться на работу [2]. Учитываются 3 сферы: государственная (налоги, счета, кредиты); общественная (правила дорожного движения, честность в работе, соблюдение норм рождаемости); поведение в сети Интернет (культуры общения, надежность размещаемой информации, покупки в интернет-магазинах). Есть информация, что понижение в рейтинге грозит и за недостаточную помощь пожилым родителям, что также, вероятно, призвано помочь государству в обеспечении людей пенсионного возраста.

Система сильно напоминает классические антиутопии, очень стройна и логична до тех самых пор, пока не встает вопрос о трудовых мигрантах. Если мы говорим о четком функционировании данной системы, то мигрантов нужно либо полностью выгонять из страны (чего Китай сделать на данном этапе развития не может), либо как-то тоже встраивать их в эту самую систему. Пока нет никаких нормативно-правовых актов и четких сигналов о скором их принятии, но надо полагать, что для мигрантов также появится своя система подсчета баллов и свой рейтинг, на который будут завязаны получение рабочих виз (не только рабочих), их продление, разрешение на постоянное проживание, право работать в той или иной отрасли и т. д. Это приведет к снижению числа желающих работать в Китае

даже за высокие гонорары. Однако Китай в ближайшие 10 лет, скорее всего, достигнет баланса между внутригосударственными мерами по преодолению демографического кризиса и привлечением внешних трудовых ресурсов.

Республика Корея

Политика привлечения мигрантов из других государств стала для южнокорейского государства жизненно важной. Каждый год растет число иностранцев, которые проживают и работают на территории Корейского государства. Только с 1997 по 2007 гг. количество таковых увеличилось в 2,75 раза.

Экономика Республики Корея является одним из наиболее уникальных примеров в мировой истории, и высокие показатели продолжают расти. На начало 2022 г. ВВП этой страны достиг уровня в 1638 трлн долл. (для сравнения в 1960 г. — 3,9 млн долл.). За 60 лет население страны выросло в 2 раза до 50 млн чел. Продолжительность жизни за тот же периода возросла с 55 до 83 лет. После экономического шока и рецессии, вызванной пандемией коронавируса, экономика начинает возрождаться. Так, в 2021 г. экономика по сравнению с 2020 г. выросла на 4 %.

Однако при этом демографическая ситуация в Республике Корея ухудшается. На 2019 г. коэффициент рождаемости в стране составил всего 0,92 % (что меньше, чем в Китае и Японии). Для поддержания численности населения нужен коэффициент 2,2 %, т. е. речь идет о депопуляции местного населения. Это так или иначе предопределяет необходимость в дальнейшем привлечении мигрантов [3].

Риски для Республики Корея заключаются еще и в том, что в стране очень высокий уровень наличия высшего образования у населения. Так, в возрастной группе 25–34 года у 70 % населения есть высшее образование. Риски данной ситуации заключаются в том, что выпускники университетов не соглашаются работать в сферах, которые получили название 3D — *dirty* (грязные), *dangerous* (опасные), *demeaning* (унизительные). Сеул испытывает острую нехватку специалистов именно низкой квалификации. Эту брешь можно заделать только с помощью мигрантов, и именно это заставляет власти страны менять миграционное законодательство.

В стране существует два типа программы для иммиграции: для специалистов высокого профессионального уровня и для неквалифицированной рабочей силы (всего представлено около 30 разных видов виз).

С 2007 г. функционирует система разрешений на работу (*Employment Permit System — EPS*). Ежегодно публикуются данные о количестве низкоквалифицированных иностранных рабочих, которых работодатели могут пригласить на свои предприятия. Кроме того, с 2000 г. в Южной Корее действует система «золотых карт» (*Gold Card System*), которая облегчает процедуру въезда для представителей интеллектуальных профессий. Однако количество таких специалистов в стране немного. В 2016 г. общее число

иностранных высококвалифицированных специалистов в стране составило 60 000 чел., включая 15 000 преподавателей иностранных языков и порядка 2 500 профессоров университетов. Это связано не со сложной визовой и миграционной системой, а с потребностями рынка труда Кореи, высоким уровнем собственных трудовых ресурсов, высокой потребностью низкоквалифицированных кадров [4].

Япония

Только в конце 2018 г. при непосредственной активной позиции кабинета министров и непосредственно премьер-министра Синдзо Абэ удалось провести через Парламент новые поправки к иммиграционному закону (*immigrationbill*) [5]. Они вводят две новые категории рабочих виз. Первая — для низкоквалифицированных рабочих, и она не предполагает разрешения для нахождения на территории Японии семьи работника. Вторая — для высококвалифицированных кадров, которая дает разрешение на проживание семьи (жены и детей) владельца визы. Наибольший дефицит в трудовых ресурсах ощущается в гостиничном бизнесе, медицине (низший персонал — сиделки, санитарки и пр.), строительстве (разнорабочие). Всего закон предусматривает возможность найма иностранных рабочих в 14 различных областях. При трудоустройстве в 12 из этих 14 отраслей срок пребывания иностранного работника жестко ограничивается пятью годами, и иностранцы не могут пригласить свою семью для проживания в Японии. Исключение только для 2 сфер — строительство и судостроение. В этих двух отраслях можно продлевать визу бесконечное количество раз, а по истечению 10 лет и сдачи экзамена на квалификацию получить постоянный вид на жительство. Однако в любом случае принятие данного закона, который вступил в силу с апреля 2019 г., можно считать победой кабинета министров и лично премьера С. Абэ.

Несмотря на острую нехватку рабочих рук, в стране бытует негативное отношение к мигрантам, которые считаются главным источником для подъема уровня преступности и размывания культурных ценностей. На данный момент большинство иностранных рабочих находятся в стране Восходящего солнца либо по студенческим визам, либо по визам для обучения профессии. По состоянию на начало 2018 г. в стране проживало около 2,5 млн иностранцев (по данным Министерства Юстиции Японии), из них 28,5 % (или более 730 тыс.) — китайцы; 17,5 % — корейцы (из Республики Корея, 450 тыс.); 10,2 % — вьетнамцы (262 тыс.) и 10,1 % — филиппинцы (260 тыс.). Причем наибольший рост показала вьетнамская диаспора, а филиппинская, наоборот, продемонстрировала отток населения из Японии [5]. Благодаря принятию новых поправок к закону (и, скорее всего, подзаконных актов, которые будут приняты в дальнейшем) Япония рассчитывает привлечь не менее 350 тыс. новых рабочих, что значительно сократит потребности в трудовых ресурсах (но не снимет окончательно проблему). В целом, можно сказать, что происходящие в Японии на данный момент

изменения в миграционной политике по-настоящему революционные и приведут к дальнейшим социальным и социально-экономическим сдвигам в этой стране.

В 2022 г. государственные власти Японии планируют расширить список сфер занятости для иностранных рабочих, при трудоустройстве в которые срок их пребывания не будет ограничен пятью годами, и они получат возможность приглашать к себе членов семьи. Данная мера запланирована для 13 из 14 отраслей. Единственным исключением останется наем сиделок на долгосрочный период. Данные запланированные послабления вызваны очень острой нехваткой рабочих рук, продолжающимся старением населения. Закон, вступивший в силу в 2019 г., не решил существующую проблему, а только наметил дальнейшие шаги к ее решению. Данная мера, если она будет реализована, позволит привлечь в страну не менее 300 тыс. дополнительных рабочих рук. И для Японии это очень весомые цифры, которые позволят, наконец, снять остроту проблемы.

По состоянию на начало 2021 г. в Японии проживало 122,2 млн чел. За последние пять лет население сократилось на 868 тыс. чел. И это не новая тенденция — предыдущие пять лет была та же ситуация. Если по результатам переписи населения 2015 г. Япония находилась на 10-м месте в мире по количеству населения, то по результатам переписи 2020 г. — уже на 11-м (пропустив вперед Мексику). Населения стремительно стареет, и происходят процессы депопуляции, как в соседней Республике Корея.

Тайвань

На начало 2018 г. население острова Тайвань составляло около 23 млн чел. Однако из-за высокого уровня жизни остров сталкивается с большинством демографических и социальных проблем развитых стран — старением населения, низкой рождаемостью, нежеланием большинства населения выполнять непрестижную и малооплачиваемую работу. По данным Министерства труда Тайваня, в 2018 г. на острове трудилось примерно 676000 мигрантов (или 2,9 % от населения острова) при общей численности мигрантов в 725000 на начало 2018 г. и 750000 на начало 2019 г. (по данным Национального иммиграционного агентства Министерства Внутренних дел Тайваня). Примерно 250 тыс. мигрантов работают в качестве домашней прислуги, еще 26 тыс. по официальным данным работают на рыболовецких судах (однако, по данным США, таковых на самом деле 160 тыс., т. е. 130 тыс. из них являются нелегалами). Остальные трудятся в различных отраслях производства (в т. ч. производство смартфонов), и в качестве низшего персонала медицинских учреждений.

Основная масса мигрантов — это выходцы из соседних стран Юго-Восточной Азии. Первое место занимают выходцы из Индонезии: на начало 2018 г. их было на Тайване около 250 тыс. (из них 186 тыс. женщин), на втором месте — выходцы из Вьетнама, 206 тыс. (здесь 121 тыс. мужчин и 85 тыс. женщин), третье место — Филиппины, 152 тыс. (при 93 тыс.

женщин из них) и четвертое место — Таиланд, 63 тыс. (50 тыс. мужчин). То есть выходцы из 4-х стран Юго-Восточной Азии составляют на Тайване более 92,5 % всех мигрантов. Подавляющее большинство женщин среди выходцев из Индонезии и Филиппин объясняется предпочтением данных национальностей (и гендера) для работы в качестве домашней прислуги и сиделок с больными и престарелыми людьми [6].

Однако за последние несколько лет ситуация сильно изменилась. За 2018–2021 гг. количество мигрантов из Китая и стран Юго-Восточной Азии значительно выросло. Так, на начало 2022 г. количество мигрантов составило 541 тыс. чел. Их еще называют новые иммигранты, т. к. по большому счету более 95 % населения острова являются мигрантами (имеют ханьские корни), в отличие от местного аборигенного населения. На данный момент на острове проживает 23,487 млн чел., из них 2,6 % составляют новые иммигранты.

Одной из основных проблем, с которыми сталкивается Тайвань (помимо нехватки рабочей силы), является ущемление прав мигрантов, невыполнение заключенных договоров, невыплата (или лишь частичная выплата) заработной платы, чрезмерная эксплуатация. Особенно сильно это проявляется среди нелегальных мигрантов.

Руководство Тайваня, и в частности президент Тайваня Цай Иньвэнь, всячески поощряют миграционные процессы, т. к. значение труда мигрантов сложно переоценить (например, мигранты снимают нагрузку в социальных и медицинских учреждениях острова, которые, по сути, не справляются с уходом за престарелыми людьми в силу того, что местное население не идет на такие виды работ). Однако очень незначительное внимание властями уделяется именно вопросу соблюдения прав мигрантов, которые активно нарушаются местным населением [6].

Заключение

Таким образом, ни одна из стран региона не избежала проявлений хотя бы отдельных аспектов миграционных процессов. Однако для каждой из них характерны свои особенности, отличительные черты, которые в совокупности влияют на общее состояние региональной безопасности. Так, на территории российского Дальнего Востока преобладают тенденции оттока населения в рамках внутрirosсийской миграции. При этом весь постсоветский период данные территории демонстрируют положительное сальдо в рамках международной миграции. Дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке также необходимо восполнять. И единственный путь — привлечение мигрантов из стран Азии.

Китай традиционно принято считать страной с избыточным населением, и когда говорят про китайскую миграцию, имеют в виду переселение китайцев в другие страны. Однако старение населения, необходимость экономического роста и недалёковидная демографическая политика привели к тому, что в последние несколько лет Китай начал борьбу

за высококвалифицированных мигрантов. Пекин испытывает острый дефицит трудоспособного населения, а переломить негативные демографические тенденции внутри страны пока не представляется возможным. В ближайшем будущем Китай будет привлекать новых мигрантов и встраивать их в свою новую социальную систему, с рейтингами и штрафными санкциями.

Республика Корея, так же, как и Тайвань, и Япония сталкиваются с проблемами большинства развитых стран — старением населения, а также нежеланием местного населения из-за относительно высокого уровня жизни заниматься непрестижным трудом. Для Японии и Республики Корея характерна в последние годы депопуляция населения. При этом решают эту проблемы они по-разному. Тайвань является наиболее приспособленным к миграционным процессам в силу того, что само общество в целом является мигрантским.

Следует отметить, что абсолютно все страны региона включились в региональные и международные миграционные процессы, при этом стараясь решить свои экономические и социальные проблемы и по возможности минимизируя исходящие от миграции риски и угрозы безопасности.

Список источников

[1] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development. National Bureau of statistics of China // National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed on 20.04.2022).

[2] Law of the Peoples Republic of the China on Control of the Entry and Exit of Aliens // China's Leader in Online Legal Research. URL: www.lawinfochina.com/display.aspx?id=61&lib=law (accessed on 20.04.2022).

[3] International Migration Statistics // Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/survey/Outline/8/3/index.static> (accessed on 20.04.2022).

[4] International Migration Outlook 2017 // OECD iLibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (accessed on 20.04.2022).

[5] Japan's Historic Immigration Reform: A Work in Progress. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06004/japan%E2%80%99s-historic-immigration-reform-a-work-in-progress.html> (accessed on 20.04.2022).

[6] Foreign Residents by Nationality Ministry of the Interior National Immigration Agency Republic of China (Taiwan) // National Immigration Agency Republic of China. URL: <https://www.immigration.gov.tw/5475/5478/141478/141380/152113/> (accessed on 20.04.2022).

References

[1] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development. National Bureau of statistics of China // National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed on 20.04.2022).

[2] Law of the Peoples Republic of the China on Control of the Entry and Exit of Aliens // China`s Leader in Online Legal Research. URL: www.lawinfochina.com/display.aspx?id=61&lib=law (accessed on 20.04.2022).

[3] International Migration Statistics // Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/survey/Outline/8/3/index.static> (accessed on 20.04.2022).

[4] International Migration Outlook 2017 // OECD iLibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (accessed on 20.04.2022).

[5] Japan`s Historic Immigration Reform: A Work in Progress. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06004/japan%E2%80%99s-historic-immigration-reform-a-work-in-progress.html> (accessed on 20.04.2022).

[6] Foreign Residents by Nationality Ministry of the Interior National Immigration Agency Republic of China (Taiwan) // National Immigration Agency Republic of China. URL: <https://www.immigration.gov.tw/5475/5478/141478/141380/152113/> (accessed on 20.04.2022).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-4>
УДК 314.1
JEL J11

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КАЗАХСТАНОМ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ¹

Ф. М. Гарибова

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва, Россия)

Автор для корреспонденции: Ф. М. Гарибова (farzona.garibova@mail.ru)

Аннотация. *Казахстан занимает центральное место в миграции в Евразии. Государство привлекает мигрантов из других стран Центральной Азии: треть иммигрантов прибывает из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Точно так же граждане Казахстана мигрируют в другие страны в поисках работы и возможностей для получения образования. Одним из привлекательных направлений является Россия из-за ее географической близости, безвизового режима, возвратной миграции и социально-экономического развития. Целями миграции из Казахстана в Россию в основном являются работа, образование и воссоединение семьи. Статья посвящена исследованию миграционных процессов между Россией и Республикой Казахстан в приграничных регионах. На основе анализа статистических данных определены миграционные потоки между Россией и Казахстаном, обозначены причины миграционных потоков в разные интервалы времени.*

Ключевые слова: миграционные процессы, эмиграция, иммиграция, приграничные регионы, Россия, Казахстан

Migration between Russia and Kazakhstan in the Border Regions

F. M. Garibova

^{In}stitute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia)

^{Co}rrresponding author: F. M. Garibova (farzona.garibova@mail.ru)

Abstract. *Kazakhstan is central to migration in Eurasia. The state attracts migrants from other Central Asian countries: a third of immigrants come from Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. Similarly, citizens of Kazakhstan migrate to other countries searching for work and educational opportunities. One of the attractive destinations is Russia due to its geographical proximity, visa-free regime, return migration and socio-economic development. The main purposes of migration from Kazakhstan to Russia are work, education and family reunification. The article studies migration between Russia and the Republic of Kazakhstan in the border regions. Based on the analysis of statistical data, migration flows between Russia and Kazakhstan are determined, the causes for migration in different time intervals are revealed.*

Keywords: migration processes; emigration; immigration; border regions; Russia; Kazakhstan

¹ © Гарибова Ф. М. Текст. 2022.

Введение

В современном мире миграция населения приобретает глобальные масштабы и имеет серьезные последствия для социально-экономического развития стран. Миграционные процессы, связанные с вынужденным изменением места проживания людей на длительное время, влияют на общественные процессы внутри каждого государства.

На сегодняшний день в Казахстане наблюдаются практически все основные виды миграционных перемещений: внешние и внутренние, постоянные и временные; легальная миграция и нелегальная; добровольные и принудительные и т. д. Наиболее значимыми являются миграции по экономическим причинам: трудовые, торговые, деловые (в деловых целях) и бизнес-миграции.

Эмиграция из Казахстана имеет характерную тенденцию. Большинство переезжающих в другие страны составляют жители отдельных регионов (Восточно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Карагандинская области).

По прогнозам, при сохранении текущих демографических и миграционных тенденций население северных регионов Казахстана сократится к 2050 г. на 600 тыс. чел., а население южных регионов увеличится на 1,6 млн чел. В результате плотность населения на юге к 2050 г. будет в четыре раза выше, чем на севере.

В большинстве регионов, граничащих с Казахстаном, наблюдается отрицательный миграционный прирост и значительное количество трансграничных мигрантов. Имеются также значительные межрегиональные перемещения в регионах. Для поддержания социально-экономической стабильности в приграничных регионах в рамках государственной политики необходимо учитывать национальную структуру миграции. Государству необходимо срочно приложить усилия для создания универсальной модели, которая помогла бы иммигрантам пройти социальную адаптацию и интегрироваться в российское общество.

Обзор литературы

В статье были использованы научные статьи, монографии, книги в периодических изданиях Республики Казахстан и Российской Федерации, а также нормативно-законодательные акты.

Основными источниками, раскрывшими теоретические проблемы приграничного сотрудничества в сфере изучения интеграционного взаимодействия Российской Федерации с Республикой Казахстан, были работы Л.Ф. Болтенкова, В.Е. Степенко, Б.В. Опасность, В.Л. Матвеев, В.В. Курнышев, А.Е. Калинин и др. Исследователи С.Н. Грибова, А.С. Макарычев, А. Сергунин, М.И. Рыхтик, Б.Г. Койбаев, М.В. Столяров, Г.Г. Гольдин в своих работах исследуют различные аспекты международной и внешнеэкономической деятельности различных регионов России.

Анализ интеграционных процессов в рамках организации СНГ, в т. ч. затрагивающих приграничный уровень, содержится в работах таких известных отечественных исследователей, как В.М. Алчинов, К.Н. Кулматов, Г.А. Рудов, Н.П. Сидорова, А.Д. Шутов. В российских научных исследованиях проблема приграничного сотрудничества получила широкое распространение в середине 1990-х гг.

В коллективной монографии «Казахстан и Россия: многовековые традиции, преемственность и ассоциации» исследователи Г.Н. Иренов, Е.М. Арын и К.Н. Иренова рассматривает исторические предпосылки и основные направления казахстанско-российского сотрудничества. В данной работе особое внимание уделяется приграничному сотрудничеству двух стран в различных сферах (экономической, культурной, гуманитарной и др.).

Исследователь и политик А.А. Башмаков в своей книге «От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции» определяет приграничное сотрудничество как важнейший фактор интеграции Республики Казахстан и Российской Федерации. По его мнению, приграничное сотрудничество способствует формированию благоприятных условий для личного общения граждан, положительно влияет на создание «пояса доверия» и добрососедства по периметру границ, что ускоряет интеграционные процессы обеих страны.

Результаты

Казахстан с общей численностью населения около 19 млн чел. одновременно является страной, принимающей и отправляющей мигрантов. За последнее десятилетие чистый уровень миграции был отрицательным: в общей сложности 360 000 чел. уехали и около 230 000 чел. прибыли в страну. С 2005 г. международная миграция в Казахстан неуклонно сокращается, составив примерно 12 000 чел. в 2019 г. и 11 441 чел. в 2020 г. При этом росла эмиграция из Казахстана, которая в 2019 г. составила 45 225 чел. В 2020 г. отток сократился до 29 088 чел., предположительно из-за пандемии COVID-19.

В Россию уезжают более 80 % эмигрантов, большинство из которых статистика определяет как этнических русских. Этнические немцы и украинцы составляют 7–8 % и 6–7 % эмиграционного потока соответственно. Аналогичная тенденция этнической эмиграции, хотя и в гораздо большем масштабе, наблюдалась в 1990-е гг. после распада Советского Союза. Хотя причины ускоренного этнического исхода различаются, эксперты склонны соглашаться с тем, что социально-экономические факторы играют, пожалуй, главную роль. Это также объясняет растущую долю этнических казахов среди мигрантов, уезжающих в основном в Россию и Германию в поисках лучших экономических и образовательных возможностей. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2019 г. более 136 тыс. граждан Казахстана приехали в Россию с целью трудоустройства, и в 2019/2020 уч. г.

в российских вузах обучалось более 63000 студентов. Считается, что 10 % всех казахстанских студентов учатся за границей, а около 35 % могут никогда не вернуться домой.

Как показывает статистика, наблюдается тенденция роста эмиграции из Республики Казахстан в Российскую Федерацию. Из страны выехало 39774 чел. в 2019 г., в то время как в 2010 г. составило 23499 чел.

Что касательно иммиграции, в страну прибыло 3378 чел. в 2019 г. В целом наблюдается тенденция к спаду иммиграции из России.

Из приграничных регионов наибольшие миграционные потоки приходятся на Павлодарскую область Республики Казахстан. По данным Комитета

Таблица 1

Число выбывших за пределы Республики Казахстан по странам выезда, чел.

Страна	Значение показателя по годам									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	23499	29850	26998	20839	23859	25682	30277	32874	36778	39774

Источник: Составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Таблица 2

Число прибывших в Республику Казахстан по странам прибытия, чел.

Страна	Значение показателя по годам									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	8239	6629	4935	4278	3711	3905	3723	4346	3901	3378

Источник: Составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Таблица 3

Миграция населения граждан России в Павлодарской области Республики Казахстан в 2019 г., чел.

Местность	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
Всего	5449	9291	-3842
Павлодарский район	2287	4139	-1852
Аксукий район	677	1003	-326
Экибастузский район	649	1741	-1092
Актогайский район	72	112	-40
Баянаульский район	32	84	-52
Железинский район	264	356	-92
Иртышский район	149	211	-62
Теренкольский район	302	471	-169
Аккулинский район	34	86	-52
Майский район	41	46	-5
Павлодарский район	427	404	23
Успенский район	173	219	-46
Щербактинский район	342	419	-77

Источник: Составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Таблица 4
Миграция населения граждан России в Западно-Казахстанской области в 2019 г., чел.

Местность	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
Всего	2 253	3 417	-1 164
Акжайикский район	25	33	-8
Бокейординский район	2	4	-2
Бурлинский район	206	300	-94
Жангалинский район	1	2	-1
Жанибекский район	5	2	3
Байтерекский район	608	627	-19
Казталовский район	4	8	-4
Сырымский район	2	7	-5
Таскалинский район	26	52	-26
Теректинский район	121	153	-32
Чингирлауский район	18	25	-7
г. Уральск	1 235	2 204	-969

Источник: Составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Таблица 5
Миграция граждан России в возрасте 16–62 лет в 2019 г., чел.

Местность	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
Западно-Казахстанская область	1 451	2 257	-806
Акжайикский район	19	20	-1
Бокейординский район	2	2	0
Бурлинский район	133	204	-71
Жангалинский район	1	2	-1
Жанибекский район	4	2	2
Байтерекский район	395	416	-21
Казталовский район	1	6	-5
Сырымский район	1	3	-2
Таскалинский район	17	31	-14
Теректинский район	76	101	-25
Чингирлауский район	9	14	-5
г. Уральск	793	1 456	-663

Источник: Составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в 2019 г. 5 449 граждан России прибыло в данную область и выбыло 9 291 чел. соответственно.

По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, миграция населения по национальностям, в частности русских из Западно-Казахстанской области, составляет:

3417 чел. выбыло в 2019 г., 2253 чел. прибыло. Наибольшая доля мигрантов приходится на город Уральск, расположенный в этой области.

Как показывает статистика, основная доля мигрантов — это люди трудоспособного возраста, от 16–62 лет.

Из Северо-Казахстанской области жители эмигрируют в соседнюю Россию, где действует программа переселения соотечественников; практически у каждой североказахстанской семьи есть родные в этом государстве. Статистика показывает, что основная масса уехавших мигрантов из Северо-Казахстанской области в 2018 г. стремится поменять не страну проживания, а именно регион. За январь — июль 2018 г. из области выехал 6051 чел. Из них 1770 чел. выбрали в качестве постоянного места жительства Россию.

Дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества между приграничными регионами Казахстана и России окажет положительное влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе.

Казахстан присоединился к Глобальному договору о миграции и является участником различных региональных диалогов по вопросам миграции. Признавая возрастающую роль трудовой миграции для социально-экономического развития, Министерство труда и социальной защиты населения постепенно перенимает различные функции в сфере миграции от Министерства внутренних дел. В частности, с 2022 г. последние больше не будут выдавать разрешения на работу трудовым мигрантам и принимать решение о статусе беженца. В мае 2020 г. Казахстан изменил в своем законодательстве наименование этнических казахов, возвращающихся на родину, с «оралман» (возвращенец, оралман) на «андас» (соплеменник). В том же году в стране стали доступны услуги по выдаче электронных виз для деловых, туристических и медицинских целей. В 2021 г. Казахстан разработал новую Концепцию миграционной политики на 2022–2026 гг.¹

Заключение

Анализ современных миграционных процессов показывает, что с каждым годом количество мигрантов из Казахстана увеличивается. Если в 2019 г. из Казахстана переехало порядка 32 000 чел., то в 2020 г. — 37 800 чел. Как и раньше, основную часть мигрантов составляют либо русские, либо русскоязычные люди. Переселенцев привлекает то, что в России люди намного раньше выходят на пенсию, получают материнский капитал, а также другие пособия и льготы, которых нет в Казахстане.

Официальная статистика трудовых мигрантов из Казахстана, работающих в странах Евразийского экономического союза, не ведется. В ЕАЭС

¹ Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы. URL: <https://legalacts.gov.kz/npa/view?id=13920313> (дата обращения: 10.04.2022).

существует общий рынок труда, и казахстанцам не нужно получать никаких специальных разрешений на работу для работы в России.

Миграционным процессам способствует заключенное соглашение на упрощенное взаимное пересечение границы жителей Республики Казахстан и России, действующее уже около 20 лет. Однако впереди предстоит не менее важная и интенсивная работа, которая должна быть посвящена не только вопросам регулирования миграционных процессов, но и в целом социально-экономическому развитию приграничных территорий. Именно от комплексного подхода к решению накопившихся проблем будет зависеть позитивное развитие этих территорий.

Список источников

[1] *Карпов В. В., Дубовенко П. А.* Особенности формирования миграционных процессов в приграничных регионах // Вестник СИБИТа. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-migratsionnyh-protsessov-v-prigranichnyh-regionah> (дата обращения: 13.04.2022).

[2] Депопуляция как индикатор демографической угрозы региона / В. В. Карпов, К. В. Петренко, П. А. Дубовенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14, № 4. С. 186–193.

[3] *Садовская Е.* Международная миграция в Казахстане в период суверенитета. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/348Has08.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).

[4] *Альмухамедова Н.* Внешняя миграция Казахстана: из каких регионов уезжает население // «МИА «Казинформ». URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/51991/> (дата обращения: 12.04.2022).

[5] «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 и реакция правительств / С. В. Рязанцев, З. К. Вазиров, Ф. М. Гарибова // Научное обозрение. 2020. № 3. С. 45–58. (Сер. 1. Экономика и право). DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.

[6] *Джанталеева М. Ш.* Тенденции развития в сфере приграничного России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 100–104.

References

[1] *Karpov V. V., Dubovenko P. A.* Features of the formation of migration flows processes in border regions // Herald of Siberian institute of business and information technologies. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-migratsionnyh-protsessov-v-prigranichnyh-regionah> (accessed on 13.04.2022).

[2] Depopulation as the region demographic development indicator / V. V. Karpov, K. V. Petrenko, P. A. Dubovenko // Russian Journal of Social Sciences and Humanities. 2020. Vol. 14, No. 4. Pp. 186–193.

[3] *Sadovskaya E.* International Migration to Kazakhstan in the Period of Sovereign Development. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/348Has08.pdf> (accessed on 10.04.2022).

[4] *Almukhamedova N.* External migration of Kazakhstan: from which regions does the population leave // Kazinform. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/51991/> (accessed on 12.04.2022).

[5] «Stranded on the borders» between Russia and the homeland: migrants from Central Asia countries during the Covid-19 pandemic / S. V. Ryazantsev, Z. K. Vazirov, F. M. Garibova // Scientific review. Series 1. Economics and law. 2020. No. 3. Pp. 45-58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.

[6] Dzhantaleeva, M. Sh. Development trends in the sphere of cross-border cooperation of Russia and Kazakhstan // The Caspian region: politics, economics, culture. 2012. No. 3. Pp. 100-104.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-5>
УДК 314.7
JEL J61, O15, R23

ОБОСТРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ КАК СЛЕДСТВИЕ РОСТА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ (на примере Свердловской области)¹

Е. С. Гилязева, Э. И. Гараева

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: Е. С. Гилязева (gilyazewa.lena@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем современной России — рост трудовой миграции, сопряженный с неблагоприятным социально-психологическим климатом принимающей стороны и недостаточной компетентностью органов власти в принятии решений по регулированию процесса миграции. В ходе исследования были рассмотрены статистические и социологические данные, посвященные оценке текущей ситуации в Свердловской области, достигнута цель по выявлению основных причин, порождающих обострение межнациональных конфликтов на фоне трудовой миграции. Результатом стало установление факта присутствия в обществе проблемы низкой осведомленности местных жителей о негативной демографической ситуации в совокупности с последствиями недостаточно проработанной политики властей, препятствующей формированию уважительного отношения к трудовым иностранным и российским мигрантам различных национальностей. Статья задает дальнейшее направление для поиска компромисса в целях более эффективного предотвращения проблемы обострения национально-этнических конфликтов вследствие неизбежного роста трудовой миграции между местными жителями, органами государственной власти и непосредственно мигрантами, чье значение для страны или отдельного региона является весьма важным.

Ключевые слова: миграция, межнациональные конфликты, органы государственной власти

Escalation of National and Ethnic Conflicts as a Result of the Growth of Labour Migration (on the Example of Sverdlovsk Oblast)

E. S. Gilyazeva, E. I. Garaeva

Ural Institute of Management, Branch of RANEP (Ekaterinburg, Russia).
Corresponding author: E. S. Gilyazeva (gilyazewa.lena@yandex.ru)

Abstract. The article discusses one of the most urgent problems of modern Russia, namely, the growth of labour migration, associated with an unfavourable socio-psychological climate of the host country and insufficient competence of the authorities making decisions on migration regulation. Statistical and sociological data on the assessment of the current situation in Sverdlovsk oblast were considered. The main reasons for the escalation of interethnic conflicts against the backdrop of labour migration were identified. As a result, the research revealed low awareness of local residents about the negative demographic situation, as well as about the consequences of

¹ © Гилязева Е. С., Гараева Э. И. Текст. 2022.

an insufficiently developed policy, which hinders the formation of a respectful attitude towards foreign and Russian labour migrants of various nationalities. The article sets a further direction for finding a compromise in order to more effectively prevent the escalation of national and ethnic conflicts due to the inevitable growth of labour migration between local residents, public authorities, and, directly, migrants, whose presence is very important for the country or its particular regions.

Keywords: migration; ethnic conflicts; public authorities

Введение

В современном мире, где все больше прослеживается тенденция к осознанию людьми собственного Я, ориентация на процесс самопознания, смещение фокуса внимания на самоидентификацию, важно помнить и учитывать тот факт, что каждый из нас является членом общества, по своей природе неразрывно связан с коллективом и, так или иначе, выполняет свою роль в достижении совместных, значимых для социума задач. В этой связи следует отметить, что фундамент взаимодействия и объединения людей между собой есть проявление уважения друг к другу, толерантности и терпимости по отношению к окружающим. Данный основополагающий принцип вытекает из особенностей каждого из нас, ведь все мы являемся представителями той или расы, национальности, носителями языка, почитателями уникальных этнических традиций, приверженцами уникального уклада жизни, связанных с ним установок. Доставшиеся нам на инстинктивном уровне проявления ксенофобии без работы над собственным осознанием, просвещением и воспитанием способны привести к хаосу, конфликтам и вспышкам социальной напряженности.

Так, вопрос сохранения мира и согласия в полиэтническом обществе является одним из наиболее актуальных для нашей страны: в Российской Федерации проживает свыше 190 национальностей¹, каждая из которых совершенно справедливо и законно претендует на защиту ее основных прав, достойный уровень жизни, условия труда, культурную самобытность, обеспечение свободы для реализации уникальных этнических традиций и любой не противоречащей закону деятельности. Как точно отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин: «для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»².

При этом следует заметить, что многообразие национальностей, проживающих в России, во многом обусловлено внутренней и международной миграцией. Примечательно, что «в структуре миграции в нашу страну значительное место занимает трудовая миграция»³.

¹ Национальный и этнический состав России: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/?#i-2> (дата обращения: 10.05.2022).

² Президент России Путин В.В. Россия: национальный вопрос: Образовательный ресурс «Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте». URL: <http://xn----ptblgjed.xn--p1ai/node/1135> (дата обращения: 10.05.2022).

³ Тишков В. А. Государственная национальная политика Российской Федерации : учеб.

Свердловская область, являющаяся объектом исследования данной работы, представляется привлекательной для трудовых мигрантов с присущими им этническими, культурными, религиозными, мировоззренческими различиями и особенностями, что связано с выгодным географическим положением, развитым промышленным комплексом, относительно высоким уровнем доходов населения. По данным Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Свердловской области, в течение 2018 г. поставлен на миграционный учет 398 281 иностранный гражданин¹. Между тем отношение местных жителей к мигрантам трудно назвать однозначно положительным. Так, по результатам исследования, направленного на выявление характера этноконфессиональных отношений в Свердловской области, проведенного среди местных жителей, выяснилось, что немалая доля опрошенных являются скептически настроенными по отношению к лицам другой национальности: 35,6 % респондентов признались, что им знакомо чувство неприязни к представителям отличных от них этносов [1, с. 65], а также 46,3 % опрошенных выразили согласие на ограничение въезда в Свердловскую область по национальному признаку [1, с. 62].

Как мы видим, создается проблема, при которой регион принимает большой поток трудовых мигрантов в условиях неготовности местного населения принимать гостей из других территорий. Следовательно, возникает необходимость разрешения данной ситуации, для чего, в первую очередь, важно рассмотреть ее причины — психологический фактор на стороне местного населения и просчеты административных мер органов государственной власти и органов местного самоуправления в Свердловской области, вызывающие напряженную ситуацию, связанную с трудовой миграцией в регионе.

Обзор литературы

Наиболее детальное исследование проблем восприятия миграции и мигрантов принимающим населением страны, региона или отдельного населенного пункта, а также определенных рисков, связанных с вызовами для существующих традиционных укладов жизни, распределения ресурсов и состояния занятости местного населения нашло отражение в работе В.А. Тишкова.

Значимость управленческого воздействия на сохранение мира и взаимоуважения среди людей разных национальностей отмечает Е.А. Беляева

пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношении. Москва : Просвещение, 2020. С. 230.

¹Об утверждении концепции реализации государственной национальной политики российской федерации на территории Свердловской области до 2025 года: Распоряжение Губернатора Свердловской области от 29.10.2015 № 269-ГР. URL: <https://dvp.midural.ru/uploads/2022/03/269-%D0%A0%D0%93.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

при изучении факторов, влияющих на межэтнические и межконфессиональные отношения.

Воздействие внутренней и международной миграции на социально-экономическое положение Свердловской области приводится в работе Н. В. Черных.

Материалы и методы

В статье использованы следующие методы исследования.

Теоретические: среди общетеоретических методов были использованы методы систематизации, сравнения, анализа, дедукции и индукции, синтез, наблюдение как метод сбора первичной информации.

Эмпирические: в качестве прикладных методов были использованы анализ аналитической документации и анализ докладов.

Эмпирической базой исследования являются:

— контент-анализ данных об административных мерах регулирования трудовой миграции в регионах Российской Федерации;

— официальные статистические данные, характеризующие современное состояние сферы межнациональных (межэтнических) отношений как в России, так и в субъектах страны, в частности в Свердловской области;

— вторичные социологические данные по вопросам демографической ситуации в России, субъектах страны, в частности в Свердловской области.

Результаты

Анализируя качество работы органов власти и рациональность принимаемых ими решений, связанных с регулированием вопроса трудовой миграции и последствий притока новых лиц, стоит обратить внимание на тот факт, что «перед органами государственной власти стоят задачи по выявлению факторов и причин, вызывающих межэтническую и межконфессиональную напряженность, регулированию их в целях сохранения единой государственности, развития институтов гражданского общества и правового государства» [2]. Из этого следует, что деятельность органов власти в вопросах, связанных с миграцией, должна носить системный и планомерный характер, а не являться мерой разрешения уже усугубившихся проблем в виде экстремизма, межэтнических конфликтов.

Заметим, что на сегодняшний день наблюдается вялая политика многих региональных властей в вопросах межэтнических отношений, порой игнорирование имеющихся проблем. Особенно это характерно для тех регионов, куда идет наиболее интенсивный приток граждан других национальностей, нелегальных трудовых мигрантов. На территорию страны прибывают трудовые мигранты из Средней Азии и с Кавказа, они пополняют «теневую» экономику регионов, являясь дешевой рабочей силой. Для официальной работы требуется получить патент, сумма устанавливается с учетом регионального коэффициента, оплата производится

Таблица

Размер авансовых платежей по патенту в субъектах РФ с января 2021 г.

Субъект РФ	Региональный коэффициент	Налог на патент
г. Москва	2,38	5341
Санкт-Петербург	1,78	4000
Краснодарский край	2,0	4474
Республика Ингушетия	1,79	4004
Республика Татарстан	1,95	4362
Свердловская область	2,37	5300
Новосибирская область	1,98	4429
Еврейская автономная область	2,12	4742

Источник: В 2021 году сумма авансовых платежей НДФЛ по патенту на работу изменится — сколько платить за патент для мигрантов в 2021 году // Миграционные новости для работодателей, иностранных сотрудников и иностранных граждан в РФ МигрантМедиа. URL: <https://migrantmedia.ru/> (дата обращения: 10.05.2022).

ежемесячно, поэтому основная масса прибывающих не оформляется официально (таб.).

Как мы видим, размер авансовых платежей по патенту в Свердловской области в сравнении с другими субъектами является весьма большим, близким к субъекту РФ — г. Москва.

Работодатели для привлечения иностранной рабочей силы по законодательству обязаны ежегодно подавать заявки на квотирование рабочих мест, при этом участвуют в выдаче разрешения Центр занятости населения, Министерство внутренних дел, Управление по вопросам миграции. Разрешение выдается сроком на один год, существует определенный перечень видов деятельности, где можно привлекать иностранцев. Оформление большого количества документов, обязательные отчисления и др. — все это приводит к тому, что работодателю невыгодно оформлять работника официально. Трудовые мигранты создают конкуренцию коренному населению региона в вопросах трудоустройства. Различия в культуре, языке общения, вероисповедании приводят к росту напряженности и вспышкам конфликтов на межэтнической почве.

Проведя цепочку факторов, порождающих межэтническую напряженность в субъектах РФ, в частности в Свердловской области, можно выявить «корень проблемы». Органам власти в нашем регионе, как раз и стоит решать проблемы на стадии их возникновения во избежание более серьезных последствий в виде экстремизма и разжигания национальной розни.

Как было отмечено в начале данной статьи, в настоящий момент наблюдается ситуация, при которой принимающая на своей территории сторона во многом скептически настроена по отношению к тем, кто приезжает к ней в поисках работы. По данным крупнейшей российской компании по подбору персонала Head Hunter, 64 % свердловчан считают, что трудовых мигрантов в регионе слишком много. Большинство опрошенных уверены, что мигранты создают проблемы с трудоустройством местных

жителей, приоритетно занимая рабочие места благодаря готовности брать за работу меньше, чем коренное население (54 %)¹. Подобное убеждение, прочно укрепившееся в стереотип, представляет собой именно тот барьер, который препятствует налаживанию диалога между местными и мигрантами. Все дело в том, что далеко не все свердловчане осведомлены о неутешительной демографической ситуации в регионе. Так, несмотря на столь большое количество мигрантов, ежегодно прибывающих в регион, не менее значимым показателем является количество выбывших за пределы Свердловской области жителей в другие регионы России, страны СНГ и другие зарубежные государства. Исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, общее число выбывших людей из Свердловской области составляет 121 994 чел. При этом ситуация осложняется отрицательным приростом населения (-9557)². Соответственно, трудовая миграция становится одним из самых важных факторов формирования численности трудоспособного населения в Свердловской области, поскольку оказывает решающее воздействие на предложение рабочей силы на рынке труда [3]. Возвращаясь к ранее упомянутому исследованию компании интернет-рекрутмента, только 1 % свердловчан видит в трудовых мигрантах пользу для экономики. В преобладающем же большинстве местные жители не задумываются о пользе труда мигрантов для стабильного развития региона, из-за чего изначально могут проявлять недружественное отношение к последним.

Обсуждение

Современная действительность характеризуется наращиванием миграционных потоков во всем мире. Россия входит в тройку наиболее привлекательных для мигрантов стран. Соответственно, вопрос миграции в нашей стране и в частности в Свердловской области является наиболее актуальным. Однако реальность такова, что миграционные процессы в российском обществе неразрывно связаны с обсуждением межэтнических конфликтов, разжигания межнациональной розни. Возникла ситуация, при которой органы государственной власти используют административные меры для контроля миграционных процессов, следствием которых выступает нелегальное трудоустройство, в результате чего в сознании местных жителей укрепляется представление мигрантов как угрозы безопасности, а также фактор нарушения стабильности и уверенности в сохранении своих рабочих мест.

Как точно отметил В.А. Тишков в работе, посвященной национальной политике Российской Федерации: «Если эксперты воспринимают

¹ В Свердловской области 64 % жителей уверены, что в регионе переизбыток трудовых мигрантов // Ресурсный центр в сфере миграции. URL: <https://migrantocenter.ru/2022/03/27/> (дата обращения: 10.05.2022).

² Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году (статист. бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики. Москва, 2019.

тему миграции прежде всего в контексте потребностей рынка труда и демографии, то на уровне массового сознания акцент делается на вопросах безопасности (как государственной, когда речь идет о терроризме, так и общественной, когда речь идет о проблемах бытовой преступности, распространения наркотиков)»¹. Действительно, и со стороны уровня власти, и со стороны жителей принимающих регионов ощущается недостаток осведомленности о неутешительной демографической ситуации.

Результаты проведенного исследования выявили причины возникающих межнациональных конфликтов в обществе, а значит решением проблемы должно стать, собственно, их устранение. Но, важно понимать, что то же снижение размера авансовых платежей по патенту в регионах с целью предотвращения нелегального трудоустройства мигрантов не способно снять напряженность среди местного населения, обеспокоенного убеждением потерять работу из-за конкуренции с мигрантами.

Дальнейшее исследование проблемы обострения национально-этнических конфликтов вследствие роста трудовой миграции должно исходить из поиска компромисса между местными жителями, их уровня квалификации и степени притязания на ту или иную должность, органами государственной власти, обеспечивающих законность и прозрачность миграционных процессов, и непосредственно мигрантами, чье значение для страны или отдельного региона является весьма важным, т. к. решает проблему оттока населения и повышает экономическое благополучие территории.

Заключение

В процессе исследования причин нарастания социальной напряженности в российском обществе вследствие увеличения темпов трудовой миграции и обострения межэтнических конфликтов из-за скептицизма принимающей стороны выяснилось, что на уровне органов власти и в понимании местных жителей миграция рассматривается скорее как фактор негативный. Сегодня наблюдается ситуация, когда применяются административные меры по ужесточению контроля за миграционными потоками, лишь усугубляющих область нелегального трудоустройства, отчего принимающая сторона укрепляется в убеждении о возрастающем риске потерять работу в условиях повышения конкуренции.

Проблема ксенофобии, низкая осведомленность людей о негативной демографической ситуации в совокупности с последствиями недостаточно проработанной политики властей препятствуют формированию толерантного, уважительного отношения к иностранным и российским мигрантам с национальностью, отличной от той, к которой принадлежат жители принимающих территорий.

¹ Тишков В. А. Государственная национальная политика Российской Федерации : учеб. пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений. Москва : Просвещение, 2020. С. 234.

Так, остается открытым вопрос, как построить канал взаимосвязи между органами власти, местными жителями и мигрантами, преследующих свои цели и задачи на определенной территории, для более эффективно-го предотвращения проблемы обострения национально-этнических конфликтов вследствие неизбежного роста трудовой миграции.

Список источников

[1] Оценка населением состояния этноконфессиональных отношений в Свердловской области в 2020 году. Аналитический отчет социологического исследования, проведенного Уральским федеральным университетом имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина в 2020 год по заказу Департамента внутренней политики Свердловской области. URL: <https://dvp.midural.ru/uploads> (дата обращения: 10.05.2022).

[2] *Беляева Е. А.* Роль органов государственной власти в развитии национальной политики в РФ // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сб. мат-лов науч.-практ. конф., 20 октября 2020 г. / отв. ред. Н. Н. Розанова. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2020. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный. С. 175.

[3] *Черных Н. В.* Современный взгляд на трудовую миграцию в Свердловской области // Аллея науки. 2018. Т. 4, № 8. С. 180–186.

References

[1] Assessment by the population of the state of ethno-confessional relations in the Sverdlovsk region in 2020: Analytical report of a sociological study conducted by the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin in 2020 by order of the Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region. URL: <https://dvp.midural.ru/uploads> (accessed on 10.05.2022).

[2] *Belyaeva E. A.* The role of public authorities in the development of national policy in the Russian Federation // Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow: collection of materials of the scientific and practical conference, October 20, 2020 / ed. N. N. Rozanov. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2020. 1 electron.opt. disk. Text: electronic. 175 p.

[3] *Chernykh N. V.* Modern view of labor migration in Sverdlovsk region // Alley of Science. 2018. Vol. 4, No. 8. Pp. 180-186.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-6>
УДК314.1
JEL J1, K37, R23

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Дыдышко

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)
Автор для корреспонденции: А. В. Дыдышко (alesyadydyshko@gmail.com).

Аннотация. *Процессы внутренней и внешней миграции населения в демографическом развитии играют большую роль. Демографический потенциал регионов и стран напрямую зависит от происходящих в них миграционных процессов. Особенности процессов миграции на той или иной территории являются предпосылкой для разработки комплекса мер, ограничивающих или же стимулирующих перемещения людей. В данной статье кратко рассмотрены основные особенности государственного регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь. Выявлены главные свойства демографического развития и роль миграции населения в стране. Сделаны выводы об эффективности проводимой миграционной политики.*

Ключевые слова: миграция населения; внутренняя и внешняя миграция; миграционная политика; Республика Беларусь

State Regulation of Migration Processes in the Republic of Belarus

A. V. Dydyszko

Belarussian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Corresponding author: A. V. Dydyszko (alesyadydyshko@gmail.com)

Abstract. *The processes of internal and external migration play an important role in demographic development. The demographic potential of regions and countries directly depends on the migration processes taking place there. The peculiarities of migration processes in a particular territory are a prerequisite for the development of a set of measures that restrict or stimulate the movement of people. This article briefly discusses the main features of state regulation of migration processes in the Republic of Belarus. The main properties of demographic development and the role of human migration in the country have been identified. The ongoing migration policy was concluded to be effective.*

Keywords: human migration; internal and external migration; migration policy; Republic of Belarus

Введение

Миграционные процессы выступают в качестве одной из основных движущих сил для самых различных явлений, происходящих в мире. Современность диктует всесторонне рассматривать причины и следствия развития тех или иных процессов, что обусловлено их высокой взаимосвязью друг с другом. Вследствие своей сложности и многогранности процессы миграции влияют на многие сферы общественной жизни. Огромному воздействию подвергаются социальные, экономические, демографические, этнические, культурные и другие составляющие общественной жизни.

Миграционные характеристики являются неотъемлемой частью демографического развития регионов и стран. Они играют роль важнейших показателей, которые позволяют полноценно отразить реальное положение страны в ее демографическом развитии. Внешние и внутренние миграционные потоки формируют состав населения, трансформируют половозрастную структуру, а в перспективе и семейную структуру населения, оказывают воздействие на территориальную организацию общества, влияют на расселение населения по территории, сказываются на трудовом потенциале страны. Важно изучать не только количественные характеристики переселяющегося населения, но и обращать внимание на качественные особенности мигрантов. Например, для формирования максимального трудового потенциала важно привлекать мигрантов, обладающих высоким уровнем образования и профессиональной подготовки. Такая совокупность трудовых возможностей в перспективе может благоприятно отразиться на экономических характеристиках стран и регионов, а также сказаться на развитии территории в целом.

Изучение миграционных процессов с таких различных точек зрения доказывает убежденность научного сообщества в важности пространственных перемещений людей и необходимости их детального изучения для возможности дальнейшего регулирования. Актуальность изучения миграционных процессов в первую очередь обусловлена потребностью в разработке результативных методов их сдерживания либо же стимулирования.

Основная часть

Изучением миграции населения на постсоветском пространстве занималось немалое количество ученых. Вследствие многоаспектности миграционных процессов, а также многообразия видения данного процесса учеными сформировалось несколько подходов к трактовке понятия «миграция населения». В самом широком понимании под миграцией населения подразумевают различные перемещения людей в пространстве, при этом не имеет значения, на какое количество времени, как часто и с какой целью совершается данный процесс — это непременно любое перемещение в пределах одного населенного пункта либо же за его пределы [1]. Узкий подход к пониманию миграции населения представляется с некоторыми необходимыми условиями. Именно таким подходом руководствовался Л. Л. Рыбаковский, давая в своих трудах определение понятию «миграция населения». Это территориальное перемещение населения из одного населенного пункта в другой при одновременной смене места постоянного жительства. Важно, что при таком рассмотрении понятия миграции населения не учитываются кратковременные выезды, а также перемещения, осуществленные внутри одного и того же населенного пункта [2].

Миграция населения играет важную роль в демографическом развитии стран. Так, например, Республика Беларусь характеризуется следующими

демографическими особенностями: несоразмерностью распределения населения по территории страны, диспропорциональностью половозрастной структуры, низкими показателями рождаемости и высокими показателями смертности, постоянным снижением демографического потенциала, старением населения, депопуляцией населения. Данные особенности являются одновременно и причиной, и следствием миграционных процессов, происходящих в стране.

Информация о миграции населения собирается несколькими путями. В первую очередь, состоявшаяся миграция может быть учтена в ходе получения данных переписи населения, а также текущего учета. Для изучения потенциальной миграции полезную роль играют социологические обследования, совершающиеся путем опроса населения о намерениях совершить переезд в другую страну, целях и мотивах, а также направлениях допустимого переезда. Учет трудящихся мигрантов в стране осуществляет Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. При учете численности выехавших принимаются в расчет граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выезжающие за границу при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь [3].

Внутренние потоки мигрантов вносят в демографическую картину Беларуси внушительный вклад в виде перераспределения населения между периферийными областями и столичным регионом, способствуя скоплению трудовых ресурсов преимущественно в центре страны, значительно усложняя при этом социально-экономическое положение других регионов государства. Отличительным свойством внутренних миграционных процессов в Республике Беларусь является наличие притягивающих трудовые ресурсы центров, к которым можно отнести крупные промышленно развитые города Республики Беларусь. Основными причинами, которые предопределяют миграцию населения в более крупные и промышленно развитые города, являются намерения поспособствовать улучшению качества жизни, жилищно-бытовых условий, стремление увеличить доходы, достичь материального благополучия и т. д. Одним словом, преимущественными причинами для переезда являются экономические.

Во внутренних процессах миграции населения в стране из года в год принимают участие в среднем около 200 тыс. чел. Все большее значение приобретает миграция из одной области в другую, хотя ранее основные потоки внутренней миграции были направлены на перемещения внутри областей. Самым масштабным потоком в Республике Беларусь является поток миграции из сельской местности в городские поселения. На данный поток, по информации, полученной из источников переписи населения 2019 года, приходится почти 50 % из всех внутренних мигрантов;

перемещение из одной городской местности в другую осуществили около 28 % человек; около 12 % приходится на переселения из города в сельскую местность; наименьшим потоком является переселение из сельской местности в другую сельскую местность — почти 10 % из всех внутренних мигрантов [4].

По данным переписи населения за 2019 г., в Республике Беларусь численность внешних мигрантов насчитывает 764 тыс. чел. При этом постоянно проживают в Беларуси преимущественно выходцы из стран СНГ, численность которых составляет 671 тыс. чел. Наибольшее их количество прибыло из Российской Федерации (408 тыс. чел.), Украины (144 тыс. чел.), Казахстана (67 тыс. чел.). Среди стран вне СНГ наибольшее количество внешних мигрантов, постоянно проживающих в Республике Беларусь, приходится на уроженцев из Германии (21 тыс. чел.) [4].

К 2021 году и на всем его протяжении в Республике Беларусь сохранялись меры по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции, осуществление которых организовывалось путем введения мероприятий, ограничивающих перемещения людей. По этой причине преимущественное передвижение населения осуществлялось с целью пересечь республику, а также реализации трудовой деятельности на территории страны.

Характеризуя внешнюю миграцию Республики Беларусь, можно отметить, что в качестве основных стран, которые выбирают белорусы для трудовой миграции, выделяются Россия, а также страны Европы. Так, например, по данным за 2021 г. численность людей, выехавших на работу за границу, насчитывала 5732 чел. Наибольшее количество при этом осуществило трудовую миграцию в Россию (2693 чел.), Польшу (1319 чел.), Литву (1235 чел.). Помимо вышеуказанных стран мигранты выезжали в США (104 чел.), Чехию (97 чел.), Финляндию (92 чел.). В основном из Беларуси выезжали для трудоустройства на рабочие специальности (5303 чел.).

Численность трудящихся-иммигрантов, въехавших в Республику Беларусь на основании специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью, в 2021 г. достигла 7794 чел. Среди основных стран, из которых была совершена трудовая миграция в Республику Беларусь, были выделены Россия, Китай (2532 чел.), Украина (1543 чел.), Узбекистан (914 чел.). [3]. По роду деятельности, по данным Департамента по гражданству и миграции МВД РБ за 2021 г., наибольшее количество среди трудящихся-иммигрантов осуществляло трудовую деятельность по рабочим специальностям (3288 чел.). Количество квалифицированных работников и специалистов составило 2157 чел., работников сфер обслуживания и торговли — 1113 чел., руководителей — 999 чел., работников, занятых в сельском хозяйстве, — 237 чел.

Миграционная политика представляет собой совокупность экономических и административно-правовых мер, которые направлены на регулирование миграционного движения населения. Стабильность и устойчивость развития человеческого общества достигается путем грамотного

воздействия на миграционные потоки, поддержки необходимой численности населения в районах и городах, регулирования притока иностранной рабочей силы, осуществления мер по недопущению нелегальной миграции и мер по предотвращению преступности среди мигрирующего населения.

Основной функциональной задачей миграционной политики можно назвать достижение эффективности развития экономики путем рационального распределения населения по территории страны, которое нивелировало бы имеющиеся различия в социально-экономическом положении регионов.

Миграционная политика Республики Беларусь завязана на крепких экономических связях со странами Содружества Независимых Государств, а также Евразийского экономического союза. В Республике Беларусь создана комплексная нормативно-правовая база в сфере регулирования различных аспектов миграции, прежде всего основанная на Конституции Республики Беларусь. Кроме того, в стране действует ряд законодательных актов. Из тех, что затрагивают вопросы миграции населения, можно выделить следующие: «О гражданстве РБ», «О Государственной границе РБ», «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в РБ», «О внешней трудовой миграции», «О порядке выезда из РБ и въезда в РБ граждан Республики Беларусь», «О противодействии торговле людьми», «О регистре населения», «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь»[3].

В государстве в области разработки мер миграционного регулирования планировалась разработка концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2020–2025 гг. В ней были выделены следующие стратегические ориентиры: повышение эффективности внутренних и внешних миграционных потоков, обеспечение положительного saldo внешней миграции населения, включая совершенствование инвестиционной и туристической привлекательности республики, содействие миграции в сфере получения образования и поддержки академической мобильности, выполнение международных обязательств по защите прав вынужденных мигрантов, содействие добровольному переселению в Республику Беларусь на постоянное место жительства белорусов зарубежья, а также иных лиц, которые способны успешно реинтегрироваться в белорусское общество, создание условий по адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и белорусским обществом; совершенствование системы регулирования внешней трудовой миграции; противодействие незаконной миграции и продолжение развития механизмов профилактики и выявления нарушений законодательства Республики Беларусь в сфере миграции, своевременное предотвращение таких нарушений; совершенствование механизмов сбора статистической информации.

Заключение

В настоящее время в Республике Беларусь вопрос регулирования внутренних миграционных процессов все еще является не в полной мере изученным.

Происходящие в Республике Беларусь процессы оттока населения из сельской местности в городскую, которые являются причиной возникновения диспропорций в экономическом развитии регионов страны, способствуют концентрации населения в столице — городе Минске, а также Минской области.

Важно обращать внимание на миграцию населения, находящегося в трудоспособном возрасте. Необходимо принимать меры по недопущению миграции населения в молодом и наиболее активном возрасте, поскольку данная категория формирует человеческий капитал Республики Беларусь, который крайне важен на внутреннем рынке труда

Кроме того, Республика Беларусь имеет отличительную особенность, проявляющуюся в постоянных выездах из страны трудовых мигрантов при одновременном слабом притоке иностранной рабочей силы. В страну главным образом прибывает рабочая сила с недостаточными профессиональными характеристиками, слабым квалификационным разрядом и образовательным уровнем.

Потоки мигрантов, которые могли бы расширить потенциал развития Республики Беларусь, должны стимулироваться и поддерживаться. Для оптимизации в Республике Беларусь миграционных процессов уклон белорусской политики в области миграции должен быть направлен на выстраивание экономических отношений с другими странами и на применении различных методов регулирования внутренней миграции.

Список источников

[1] Миграция населения: теория, политика: Учебное пособие / под редакцией д-р экон. наук, проф., профессора О. Д. Воробьевой, д-р экон. наук, проф. А. В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012. 365 с.

[2] Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика., 1973.

[3] Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci> (дата обращения: 10.05.2022).

[4] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 10.05.2022).

[5] Тихонова Л. Е., Красинец Е. С. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз // Журнал международного права и международных отношений. Минск, 2015. № 2. С. 65-71.

[6] Миграционные характеристики населения Республики Беларусь: Стат. бюллетень URL: http://www.cisstat.org/census/migration_harakterists_RB_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[7] United Nations Network on migration. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/belarus_national_voluntary_report_-_gcm_ru_0.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[8] World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM) / eds. M. McAuliffe, A. Triandafyllidou. Geneva, 2021.

[9] Юдина Т. н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007.

[10] Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог — МГУ, 1999.

References

[1] Population Migration: Theory, Politics: Textbook // eds. O. D. Vorobeva, A. V. Topilin. Moscow: Economic Education, 2012. 365 p.

[2] Rybakovsky L. L. Regional analysis of migration. M.: Statistics, 1973.

[3] The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci> (accessed on 10.05.2022).

[4] National Statistical Committee of the Republic of Belarus. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (accessed on 10.05.2022).

[5] Tikhonova L. E., Krasinets E. S. Labor migration and migration policy of the Republic of Belarus within the framework of integration into the Eurasian Economic Union // Journal of International Law and International Relations. 2015. No. 2. Pp. 65-71.

[6] Statistical bulletin «Migration characteristics of the population of the Republic of Belarus». URL: http://www.cisstat.org/census/migration_characteristics_RB_2020.pdf (accessed on 10.05.2022).

[7] United Nations Network on migration. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/belarus_national_voluntary_report_-_gcm_ru_0.pdf (accessed on 10.05.2022).

[8] World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM) / eds. M. McAuliffe, A. Triandafyllidou. Geneva, 2021.

[9] Yudina T. N. Migration a glossary of basic terms. M.: Publishing house RGSU; Academic Project, 2007.

[10] Iontsev V. A. International population migration: theory and history of study. M.: Dialogue — MSU, 1999.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-7>

УДК 316.647.5

JEL J61

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ КАК ИСТОЧНИКУ ОПАСНОСТИ¹

Р. А. Ибишев, Д. А. Калугина, А. В. Никифорова

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Д. А. Калугина (diana-kalugina@yandex.ru)

Аннотация. В последние десятилетия в города России устремился поток трудовых мигрантов из приграничных стран. С одной стороны, они заполняют ниши на рынке труда, возникшие в связи с демографическим спадом в РФ, с другой — являются источником проблем в силу отличия менталитета, сложностей с трудоустройством, отсутствием постоянного источника средств к существованию, а также ксенофобии со стороны местного населения. Статья посвящена исследованию отношения жителей Екатеринбурга к мигрантам Кавказа и Азии как источнику опасности и противоправных действий. Цель исследования — выявить уровень и причины опасения местных жителей по отношению к мигрантам, а также дать рекомендации для населения и органов власти, чтобы уменьшить проявления ксенофобии и снизить уровень криминальной напряженности. Основной гипотезой исследования является предположение, что невнимание власти к негативным проявлениям влияния мигрантов на повседневную жизнь граждан города и криминализации отдельных микрорайонов привело к резонансным происшествиям и обострению ксенофобии. Пилотажное исследование, проведенное авторами статьи, подтвердило данную гипотезу. Перспективами исследования представляется масштабное анкетирование граждан, а также анализ деятельности органов власти по урегулированию ситуации.

Ключевые слова: трудовые мигранты, мигрантофобия, ксенофобия, межэтническая напряженность, криминальная напряженность

The Attitude of the Population of Ekaterinburg to Labour Migrants Seen as a Source of Danger

R. A. Ibishev, D. A. Kalugina, A. V. Nikiforova

Ural Institute of Management, Branch of RANEP (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: D. A. Kalugina (diana-kalugina@yandex.ru)

Abstract. In recent decades, labour migrants from border countries have rushed to the cities of Russia. On the one hand, they fill labour-market niches that have occurred in connection with the demographic decline in the Russian Federation. On the other hand, they are a source of problems due to the difference in mentality, difficulties with employment, the lack of a permanent source of livelihood, and also xenophobia on the part of the local population. The article examines the attitude of Ekaterinburg residents towards migrants from the Caucasus and Asia that are seen as a source of danger and illegal actions. The study aims to identify the level and causes of local residents' fear of migrants, as well as to provide recommendations for the population

¹ © Ибишев Р. А., Калугина Д. А., Никифорова А. В. Текст. 2022.

and authorities in order to reduce manifestations of xenophobia and reduce criminal tension. It is hypothesised that the government's inattention to the negative manifestations of the influence of migrants on the daily life of city citizens and the criminalisation of certain microdistricts led to high-profile incidents and escalation of xenophobia. The conducted pilot study confirmed this hypothesis. The research perspectives are a large-scale survey of citizens, as well as an analysis of the activities of the authorities to resolve the situation.

Keywords: labour migrants; migrantophobia; xenophobia; ethnic tension; crime tension

Введение

В России трудовая миграция является существенным источником рабочей силы по причине депопуляции населения, поэтому ее необходимость в принимающих областях страны постоянно возрастает. По прогнозу экспертов, коэффициент миграционного прироста планируется увеличиваться до 2030 г. [1, с. 27] за счет привлечения иностранных специалистов, готовых интегрироваться в общество.

Однако пребывание мигрантов в городах и других населенных пунктах, их взаимодействие с местным населением вызывает массу вопросов и проблем как правового, так и адаптационного порядка. В настоящее время рассмотрены и обсуждены понятия «трудовой мигрант» и «трудовая миграция» [2, 3, 4], проблемы миграции [5, 6, 7], отношение населения к мигрантам [8, 9, 10]. Авторы указанных статей исследовали различные аспекты отношений к мигрантам: что отрицательного и положительного видит население в приезде мигрантов, какую помощь возможно предоставлять / не предоставлять мигрантам, в какие сферы занятости их возможно допустить, как влияет теневой рынок труда на трудоустройство местного населения и т. п. Проблемы восприятия местным населением мигрантов как источника опасности отдельно не рассматривались.

Чтобы выявить уровень межэтнической напряженности и дать оценку взаимоотношениям местных жителей и восточных мигрантов в нашем городе, мы провели пилотажное социологическое исследование в форме анкетирования жителей Екатеринбурга. Опрос проводился онлайн, всего было опрошено 195 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, проживающих в разных районах Екатеринбурга. Также был проведен контент-анализ новостного портала www.e1.ru за период с 1 января 2022 г. по 1 мая 2022 г.

Основная часть

В последнее время, в связи с участвовавшими резонансными происшествиями криминального характера с участием мигрантов, федеральные власти вновь обратились к нормативному урегулированию проблемы.

В повестку встречи В. В. Путина с членами Совета по правам человека РФ 09 декабря 2021 г. был включен вопрос о миграционной политике. В частности, поднимались вопросы о недопустимости работы мигрантов без трудовых контрактов с работодателями, о включении мигрантов и их детей в культурную и языковую среду, об условиях въезда-выезда. Не

остался без внимания и аспект криминальной напряженности РФ, связанный с трудовыми мигрантами. «Нарушения закона мигрантами — а в этом году были даже случаи массовых драк — должны вести к высылке», — отметил советник Президента В. А. Фадеев¹.

С 1 января 2022 г. власти получили полномочия выдворять мигрантов за нелегальную трудовую деятельность². В середине апреля 2022 г. заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев на заседании комиссии по госполитике в сфере миграции заявил о модернизации системы учета въезжающих в страну иностранцев³.

17 февраля 2022 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что связанные с экстремизмом правонарушения в среде мигрантов следует наказывать высылкой из страны и запретом на въезд⁴.

Свердловская область занимает 4-е место по всей России по приему мигрантов⁵. По данным Росстата, в регион за 2019 г. прибыли 21 168 мигрантов⁶, за 2020 г. цифры уменьшились до 18 741 мигранта⁷. Такое уменьшение связано с началом коронавирусной инфекции, т. к. по эпидемиологическим рекомендациям были закрыты внешние и внутренние границы государств. Эксперты прогнозируют рост притока иностранных приезжих, начиная с 2022 г., т. к. миграционная политика нацелена на качественный миграционный прирост и выход из постковидного мира [1, с. 27].

В Свердловскую область мигранты приезжают из ближнего и дальнего зарубежья — стран Азии и Европы. Однако поток из приграничных

¹ Встреча Владимира Путина с членами СПЧ 9 декабря 2021 года. Стенограмма // Совет по правам человека. Официальный сайт. URL: http://www.president-sovet.ru/events/vstrecha-s_vladimiro-m-putinym-2021/report/ (дата обращения: 05.05.2022).

² 31 декабря 2021 года заканчиваются временные меры, позволявшие иностранным гражданам урегулировать свой правовой статус // МВД России. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/27709695> (дата обращения: 05.05.2022).

³ Заседание Комиссии по вопросам гражданства // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/26/68227> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴ Путин призвал МВД высылать мигрантов из страны за экстремизм // Информационный портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2022/620e290d9a79477ade256877> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ FinExpertiza составила рейтинг регионов РФ с самой высокой концентрацией трудовых мигрантов // FinExpertiza. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/trud-migrant/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁶ Общие итоги миграции населения Свердловской области в 2019 году по видам миграции // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/Итоги_миграции_2019.xls (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ Общие итоги миграции населения Свердловской области в 2020 году по видам миграции // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Официальный сайт. URL: https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/jqKow2A8/Итоги_миграции_2020.xls (дата обращения: 05.05.2022).

стран в несколько раз превышает потоки из дальних стран — Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Армении, Азербайджана.

Восточные иммигранты практически не проходят процесс интеграции и адаптации к местному сообществу, в связи с чем между местными жителями и иностранными приезжими возникает социальная напряженность, обостряется мигрантофобия, возникают конфликтные ситуации, которые должны регулировать региональные и местные власти.

Екатеринбург является административным центром Свердловской области, поэтому наибольший процент иммигрантов остается здесь. Население неоднозначно относится к такому количеству иностранных приезжих: одни лояльны, другие разжигают ксенофобию, третьи считают необходимым увеличить приток мигрантов. В нашем исследовании, посвященном отношению жителей Екатеринбурга к мигрантам, мы уделили наибольшее внимание тревогам граждан по поводу своей безопасности и возросшей криминогенной обстановке в районах, наиболее густонаселенных приезжими.

Взаимоотношения местного населения и мигрантов

Первая часть исследования заключалась в выяснении оценки отношения местных жителей к мигрантам. Первым делом мы выяснили у наших респондентов: с чем у них ассоциируется понятие «мигрант». Почти каждый третий опрошенный (28 %) понимает значение этого термина — «иностранец / не русский». Каждый пятый (21 %) считает, что мигрант — это «приезжий». Для 16 % это «гастарбайтер», 14 % ответили «нецензурной лексикой», 13 % выразили термин ассоциацией «чувство страха, опасности». Остальные ответы набрали 8 %, они обобщены под категорию «оффтоп». Результаты ответов представлены на рисунке 1.

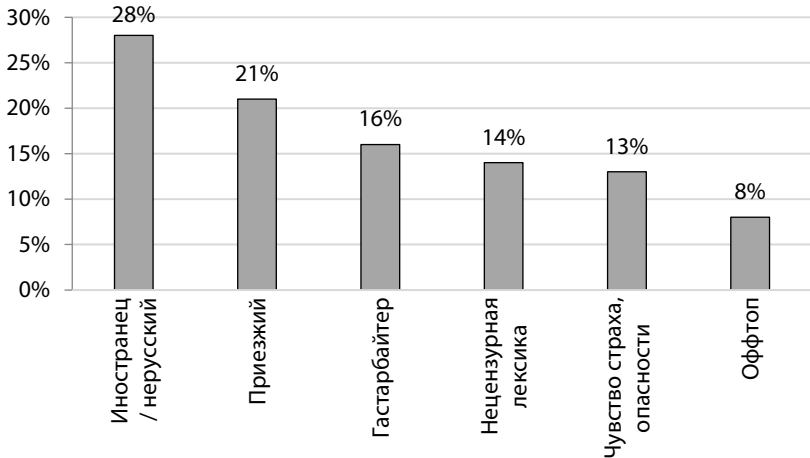

Рис. 1. Ассоциации жителей Екатеринбурга с понятием «мигрант»

Рис 2. Определение жителями Екатеринбурга причин неприязни к мигрантам (в %)

Относительно чувства неприязни к мигрантам (рис. 2) мнения опрошенных разделились почти поровну — 51,3 % ответили, что они не испытывают неприязни, другая половина (48,7 %) относится с явной неприязнью и отмечает ее причины. Лидирует мнение (39,4 %), что мигранты совершают большое количество преступлений. Позиция «из-за различий в менталитете и культурных ценностях» набрала 18,3 %. У 11 % респондентов вызывает негатив тот факт, что мигранты забирают рабочие места местных жителей. Для 8,3 % неприятны другие национальности как таковые, для 7,3 % респондентов неприязнь определяют различия в религиозных ценностях. 5,4 % респондентов дали другие ответы, обобщенные под категорию «оффтоп», к ним относятся «частично, не ко всем», «да, из-за них страшно возвращаться домой», «да, они ведут себя неподобающе в общественных местах», «да, из-за некультурного поведения».

Авторы исследования также решили выяснить, есть ли разница по уровню преступности среди мигрантов и местных жителей по мнению горожан. Результаты представлены на рисунке 3: 33 % опрошенных затруднились ответить, 32,1 % выразили мнение, что «уровень совершения преступлений выше среди мигрантов, чем среди местных жителей», 28,4 % считают, что разницы нет. 3,7 % ответили, что «уровень совершения преступлений выше среди местных жителей, чем среди мигрантов». 2,7 % респондентов дали другие ответы, обобщенные под категорию «оффтоп»: «у преступности нет национальности», «всё зависит от человека», «разница небольшая, но преступления мигрантов придаются большей огласке».

Ответы на вопрос о возникновении чувства опасности при встрече с мигрантом в темное время суток распределились следующим образом (рис. 4): 62,4 % респондентов ответили «да», 22 % обозначили ответ «нет»,

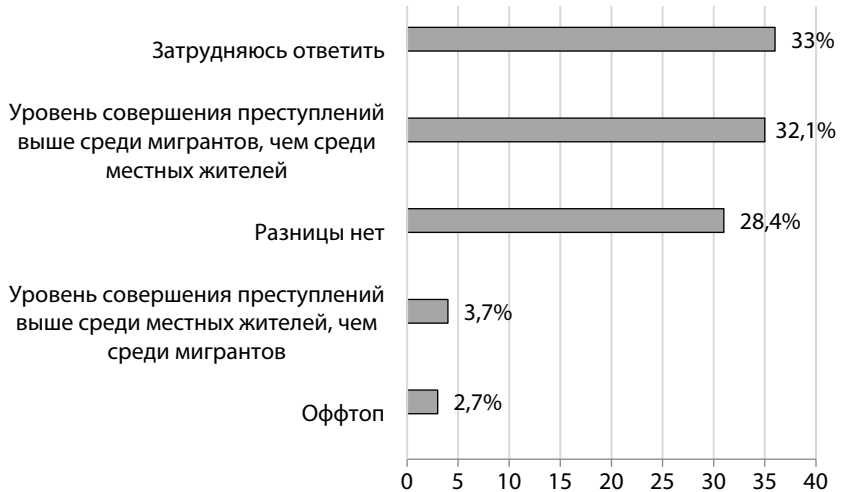

Рис. 3. Результаты сравнения жителями Екатеринбурга уровня преступности среди мигрантов и местных жителей

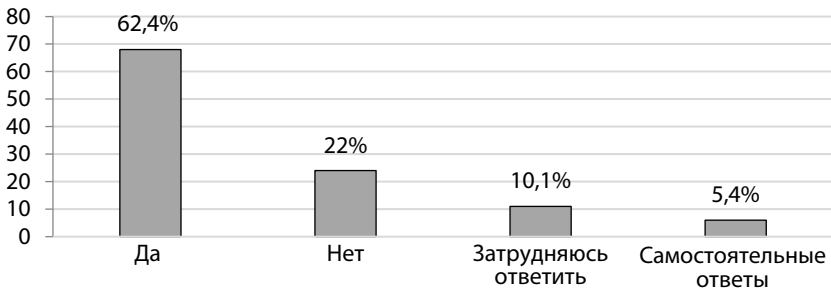

Рис. 4. Ответы жителей Екатеринбурга о чувстве опасности при встрече с мигрантом в темное время суток

10,1 % затруднились ответить. 5,4 % опрошенных дали самостоятельные ответы с пояснениями причин — «нет, но есть районы города, где не стоит появляться, особенно ночью», «очень сильно боюсь мигрантов», «в зависимости от внешнего вида мигранта, его поведения, это же касается и местных жителей», «только если мигрант ведет себя угрожающе», «да, если человек с хмурым лицом и в темной одежде», «даже не мигрант может напугать».

Как мы видим, большое количество людей испытывают чувство опасности при встрече с мигрантами в темное время суток и считают, что уровень совершения преступлений выше среди иностранных приезжих, нежели среди местных жителей. Мы решили выяснить, есть ли для этого причины, влияет ли на эти ответы проживание респондента в том или ином районе

Ответы жителей по районам (в процентах)

Район	Ответы жителей о чувстве опасности при встрече с мигрантом в темное время суток			Ответы жителей о разнице уровня преступности среди мигрантов и местных жителей			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Преступлений среди мигрантов больше, чем среди местных жителей	Преступлений среди местных жителей больше, чем среди мигрантов	Разницы нет	Затрудняюсь ответить
Академический	73	27	0	58	0	8	34
Верх-Исетский	50	43	7	18	5	36	41
Железнодорожный	68	18	14	41	0	36	23
Кировский	70	20	10	10	0	50	40
Ленинский	73	18	9	30	3	40	27
Октябрьский	33	67	0	0	0	67	33
Орджоникидзевский	50	25	25	25	0	25	50
Чкаловский	50	33	17	25	17	33	25

города? Проанализировав ответы на вопросы «*Возникает ли у Вас чувство опасности при встрече с мигрантом в темное время суток?*» и «*Как Вы думаете, есть ли разница по уровню преступности среди мигрантов и местных жителей?*», мы отсортировали ответы по районам г. Екатеринбурга (табл.).

Таким образом, в Академическом и Железнодорожном районах больший процент респондентов чувствует опасность при встрече с мигрантами в темное время суток. Также наши опрошенные считают, что уровень совершения преступлений выше среди мигрантов, нежели среди местных жителей. Мы решили выяснить, почему именно там люди боятся мигрантов.

Для проживания иностранные приезжие выбирают недорогие городские окраины и территории между окраинами и центром. Согласно данным исследования, мигранты проживают в микрорайонах Сортировка (Железнодорожный район), Уралмаш и Эльмаш (Орджоникидзевский район) [11]. Академический район новый, он считается дорогим для проживания, поэтому в нем находится довольно малый процент иностранных приезжих, в основном это трудовые мигранты, работающие на стройках.

В Железнодорожном районе проживает и работает большой процент мигрантов, в особенности в микрорайоне Сортировка. Таким образом, ответы респондентов о страхе перед мигрантами можно соотнести с реальными событиями.

В дополнение к анкетированию мы провели анализ популярного новостного портала Е1. С 1 января по 1 мая 2022 г. всего было опубликовано 30 новостей. Из них 6 посвящено трудовым мигрантам, 14 новостей касалось криминальных происшествий, в которых активными участниками были трудовые мигранты, 10 — это профилактические мероприятия по выявлению нарушений среди мигрантов.

Анализируя содержание новостей, характеризующих актуальную криминогенную обстановку в г. Екатеринбург, и комментарии к ним, мы можем увидеть, как относится местное население к мигрантам, как само сообщество мигрантов реагирует на события и как проявляется и характеризуется жителями реакция властей города.

Остановимся на двух наиболее резонансных событиях.

Первое преступление, получившее широкую огласку, произошло 11 февраля 2022 г. на ул. Пехотинцев 7а, где пятеро восточных мигрантов избили двух женщин (мать и дочь). Женщина получила перелом, ей требуется операция, у девушки — сотрясение мозга. Полиция сообщила, что задержала одного подозреваемого — 17-летнего подростка. В его отношении возбудили уголовное дело о причинении средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ).

Чтобы выявить реакцию населения, необходимо обратиться к комментариям к новостям местных СМИ¹. Всего новость комментируют 1052 человек. Из них 1017 комментариев, осуждающих мигрантов, 5 — в защиту мигрантов, 30 комментаторов высказались в пользу мирного сосуществования с мигрантами.

Приведем некоторые из них. Комментатор 1 пишет: *«Что еще должно случиться, чтобы их выдворили отсюда?!»* (148 человек поддержали автора комментария, 0 не поддержали). Комментатор 2 категоричен в своих высказываниях: *«Депортировать их вместе с их семьями!»* (137 человек поддержали, 0 — не поддержали). Комментатор 3 призывает читателей к действиям: *«Сколько же мы их терпеть будем? Наших же мам и дочерей избивают!»* (118 человек поддержали, 0 не поддержали). А комментатор 4 считает иначе: *«Мы должны изучать их [мигрантов] традиции и научиться их соблюдать. Тогда никаких конфликтов не будет»* (91 человек не поддержали, 4 — поддержали).

Глава азербайджанской диаспоры Шахин Шыхлински отреагировал на данную новость: публично извинился перед женщинами и сообщил

¹В Екатеринбурге подростки-южане жестоко избили женщину и ее дочь // Информационный портал «Е1». URL: https://www.e1.ru/text/criminal/2022/02/15/70446923/?utm_source=sharetexttop&utm_medium=e1.ru&utm_campaign=70446923 (дата обращения: 08.05.2022).

о готовности материальной и моральной помощи, также нашел родителей преступников, пообещал применить профилактические меры¹.

Губернатор Свердловской области Е. Куйвашев данное происшествие не оставил без внимания и также прокомментировал его: *«Оказалось, что подростки давно кошмарят весь район, постоянно пристают к девушкам, воруют телефоны, их знает полиция. Что это за южане такие? Они из Краснодарского края приехали или это все-таки из какой-то страны, где им можно так с женщинами обращаться? Лица прикрывают — какой позор. Возможно, в других странах есть свои законы, но мы в России живем, и законы здесь российские. И за такое любому — подростку и взрослому — грозит уголовная ответственность. И никаких других законов здесь не будет. А если им не нравится, значит, они не должны жить в нашей стране. Я прошу всех, кто пострадал от действий этой банды, пишите мне в личные сообщения, я разберусь»*².

Второе резонансное происшествие произошло 28 марта 2022 г.: мигрант из Средней Азии подошел сзади и ударил женщину по голове стеклянной бутылкой³. Всего новость комментируют 195 человек. Из них 190 комментариев, осуждающих мигрантов, 5 — в защиту мигрантов, никто не высказался в пользу мирного сосуществования с мигрантами.

В комментариях под новостями из местных СМИ можно найти следующие высказывания (орфография и пунктуация сохранены). Комментатор 1 отмечает: *«Какие же они жестокие. Когда они прекратят сюда приезжать толпами. Везут огромные семьи и так нас ненавидят. Мы у себя дома должны их бояться»* (15 человек поддержали, 0 человек не поддержали). Комментатор 2 считает: *«Нету толку писать коменты, все равно границу не закроют и все эти южане, мигранты или как их еще можно назвать, будут ездить и дебоширить у нас в стране»* (34 человека поддержали, 0 человек не поддержали). Комментатор 3 пишет: *«Почему то, даже не удивилась что мигрант. Последнее время сводки только про них. Сколько уже можно? Администрация, собирается что-то предпринимать? Или опять на пару дней показательные проверки устроят?»* (88 человек поддержали, 0 не поддержали).

Реакции от национальных диаспор и властей не последовало.

Таким образом, серьезную роль в формировании мигрантофобии играют два фактора. Во-первых, это существующие в общественном сознании

¹ Глава азербайджанской диаспоры в Екатеринбурге извинился перед женщинами, избитыми подростками // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218056> (дата обращения: 08.05.2022).

² Куйвашев пригрозил подросткам, избившим двух женщин. «Что это за южане такие? // Информационное агентство URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052533230> (дата обращения: 08.05.2022).

³ Полиция задержала иностранца, который зверски избил женщину-волонтера на Сортировке // Информационный портал «Е1». URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2022/04/19/71268551/> (дата обращения: 08.05.2022).

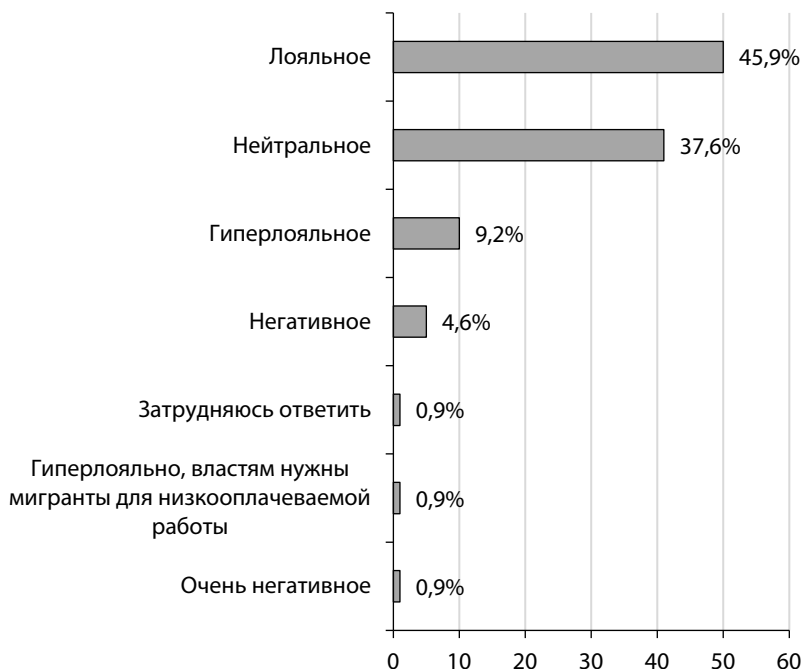

Рис. 5. Характеристика жителями города отношения власти к мигрантам

стереотипы о миграции: трудовые мигранты забирают рабочие места у местного населения, высокий уровень преступности, образование этнических анклавов, отток финансов за границу, причиняющий ущерб российской экономике. Во-вторых, это совершаемые мигрантами преступления, которые вызывают массовые социальные волнения и общественный резонанс.

Отношения власти к мигрантам

Следующий блок вопросов был направлен на выявление оценки местными жителями взаимоотношений властей и мигрантов.

Мы попросили наших респондентов определить характер отношения власти к мигрантам (рис. 5). Почти половина опрошенных (45,9 %) ответили «лояльное». Практически треть (37,6 %) считает, что «нейтральное». Для 9,2 % — это «гиперлояльное» отношение, 4,6 % ответили «негативное», 2,7 % дали другие ответы — это «затрудняюсь ответить», «гиперлояльное, т. к. властям нужны мигранты для низкооплачиваемой работы», «очень негативное».

На вопрос «Видят ли местные жители, что власти решают проблемы с преступностью со стороны иммигрантов?» 49,5 % опрошенных дали

ответ «нет», 33,9 % затруднились ответить, оставшиеся 16,5 % отметили «да, вижу».

После резонансных происшествий в микрорайоне Сортировка полиция начала проводить массовые профилактические рейды, патрули, а чиновники начали проводить беседы с диаспорами, разбирательства организовали в следственном комитете, аппарате уполномоченного по правам человека, администрации города¹.

28 апреля 2022 г. в Академическом районе произошел плановый профилактический рейд, направленный на выявление нарушений в сфере миграционного законодательства, в ходе которого задержали около 50 трудовых мигрантов.

Жители комментируют действия властей: *«Надо было кого-то побить, чтобы обратили внимание»*. Также есть высказывания и на бездействия властей: *«Но когда полиции нет, особенно вечером... Идешь и думаешь: было бы у меня что-то остренькое в кармашке»*. Одна из жительниц высказала мнение о мигрантах: *«Им будет тяжело, они работали из-за разницы в долларе. Запросто может случиться всплеск грабежей»*, т. е. опрашиваемая считает, что бдительнее нужно быть не только полиции, но и администрации города, чтобы предотвратить новые преступления.

В самом проблемном районе города пока не ощутили изменений.

Таким образом, по ответам респондентов и комментаторов можно отметить, что они не видят действий со стороны властей, ориентированных на решение проблем в данной сфере, что власти обращают внимание только тогда, когда происходит резонансное событие с жертвами, и считают, что администрация лояльно относится к иммигрантам и не настроена целенаправленно устранять социальную напряженность между жителями и мигрантами.

После серии правонарушений со стороны иностранных приезжих власти ужесточили регулирование миграционных вопросов, начали активно применять меры по стабилизации социальной обстановки. Во-первых, ФСБ и ОМОН проводят спецоперации по выявлению нелегальных мигрантов и выдворению их из страны. Во-вторых, в микрорайоне Сортировка начали действовать дневные и ночные профилактические рейды, патрули, чтобы предотвратить чрезвычайные ситуации. В-третьих, полиция начала обращать внимание на мигрантов в других районах и микрорайонах — проводятся рейды в Академическом, Железнодорожном, Орджоникидзевском районах и других. В конце 2021 г. федеральные власти ввели дактилоскопическую регистрацию и фотографирование иностранных граждан, которые остаются на срок более чем 90 суток. На 2021 г. было депортировано из области 490 нелегальных мигрантов, граждан без документов, однако 288 565 иностранных граждан и лиц без гражданства приезжают в нашу область².

¹ Как изменилась Сортировка после шумихи с южанами // Информационный портал «Е1». URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2022/03/07/70490681/> (дата обращения: 08.05.2022).

² Сведения о миграционной ситуации в Свердловской области за 12 месяца 2021 года //

За 4 месяца 2022 г. было депортировано 516 иностранных граждан, 119 726 иностранных граждан и лиц без гражданства прибыло в Свердловскую область¹.

Однако граждане отмечают, что действия нерегулярны, силы МВД активизируются, как правило, после резонансных происшествий, и их реакция носит характер единичных рейдов. Тогда как наиболее результативной должна быть системная деятельность, направленная на сближение культур с обеих сторон и профилактику правонарушений. Это касается как властей города и сотрудников охраны правопорядка, так и авторитетных представителей диаспор.

Для уменьшения столкновения культур, менталитетов, проявлений ксенофобии и снижения криминальной напряженности, исходя из всего вышесказанного, можно сформулировать следующие выводы и рекомендации для властей и местных жителей:

1) системная, регулярная деятельность органов защиты правопорядка по выявлению нелегальных мигрантов, патрулированию улиц неблагополучных микрорайонов, быстрого реагирования на противоправные действия;

2) миграционным структурам следует формировать высокую правовую культуру среди мигрантов и их личную гражданскую ответственность, разработать комплексные программы по адаптации и интеграции мигрантов в местное общество (обучение русскому языку, российскому законодательству, менталитету, истории);

3) миграционные структуры должны усложнить экзамены и ужесточить для иностранцев процедуры получения вида на жительство, гражданства, патента, разрешения на временное проживание;

4) местные СМИ должны размещать не только негативную информацию о мигрантах, но и совместно с главами диаспор знакомить местных жителей с культурой иностранных приезжих, их праздниками, обычаями;

5) проведение Министерством образования и молодежной политики Свердловской области разъяснительных бесед с объяснением значения труда мигрантов, с ознакомлением местного населения с традициями, менталитетом, культурой иностранных приезжих.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в ряде районов Екатеринбурга наблюдается высокий уровень социальной и криминальной

МВД России. Официальный сайт. URL: https://mvd.ru/upload/site67/folder_page/009/283/622/Informatsiya_o_rezultatakh_deyatelnosti_UVM_za_12_mesyatsev_2021_goda.pdf (дата обращения: 08.05.2022).

¹ Сведения о миграционной ситуации в Свердловской области за 4 месяца 2022 года // МВД России. Официальный сайт. URL: https://mvd.ru/upload/site67/folder_page/009/283/622/Informatsiya_o_rezultatakh_deyatelnosti_UVM_za_04_mesyatsa_2022_goda.pdf (дата обращения: 08.05.2022).

напряженности, который можно связать с высоким процентом проживания трудовых мигрантов с Кавказа и из Средней Азии. Несмотря на то, что мигранты во многом снижают проблему нехватки кадров в непривлекательных для местного населения отраслях, более половины жителей города негативно, с опаской относятся к мигрантам, встреченным на улице и проживающим по соседству. Резонансные криминальные происшествия подогревают эту неприязнь и активизируют ксенофобию и мигрантофобию. Власти города и области, силовые структуры реагируют на данные происшествия, но эта реакция не имеет системного характера, что вызывает неудовлетворенность жителей деятельностью власти по снижению криминальной напряженности. Чтобы решить данную проблему, необходимо постоянное взаимодействие исполнительной власти города и области с представителями диаспор, разработка комплексных программ учета и адаптации трудовых мигрантов со стороны Отделения миграционного учета ОВМ УМВД России по г. Екатеринбург, систематическая деятельность правоохранительных органов в неблагополучных районах.

Список источников

[1] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года от 1 октября 2021 г. // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

[2] *Седова А. В.* Теория трудовой миграции // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2-1. С. 137–145. URL: <https://vaeel.ru/ru/article/view?id=304> (дата обращения: 06.05.2022).

[3] *Сапфирова А. А.* Сущность механизма защиты трудовых прав // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 98–104.

[4] *Тюнина И. И.* Конституционно-правовой статус трудящихся-мигрантов в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007.

[5] *Попков С. Ю.* Внутренняя и внешняя трудовая миграция: современные вызовы, актуальные проблемы и пути их решения. URL: http://www.fa.ru/Documents/migration_final_pdf.pdf (дата обращения: 06.05.2022).

[6] Депопуляция и внешняя миграция как институциональные риски кадровой безопасности / С. Калюгина, А. Пьянов, М. Тваронавичене и др. // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10, № 4. С. 125–144.

[7] *Нетеребский О. В.* Актуальные проблемы трудовой миграции // Человек и труд. 2012. № 8. С. 29–31.

[8] *Прохода В. А.* Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 151–162.

[9] *Арутюнова Е. М.* Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник РУДН. 2008. № 3 С. 66–73. (Социология).

[10] *Попова И. А., Осипова В. Н.* Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2013. № 1 (114) январь — март. С. 81–88.

[11] *Вандышев М. Н.* Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 331–337. URL: <https://hdl.handle.net/10995/44450> (дата обращения: 08.05.2022).

References

[1] Unified plan on achievement the national development goals of the Russian Federation for the period till 2024 and on planning period till 2030 of October 1, 2021 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Official site. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (accessed on 05.01.2022)

[2] *Sedova A. V.* Theory of labor migration // Journal of Altai academy of economics and law. 2019. No. 2-1. Pp. 137-145. URL: <https://vvael.ru/ru/article/view?id=304> (accessed on 05.06.2022).

[3] *Sapfirova A. A.* Summary of the mechanism of labor rights protection // Modern scientific thought. 2014. No. 1. Pp. 98–104.

[4] *Tyunina I. I.* Constitutional and legal status of migrant workers in the Russian Federation. dis... cand. legal Sciences. Voronezh, 2007.

[5] *Popkov S. Yu.* Internal and external labor migration: modern challenges, current problems and ways to solve them. URL: http://www.fa.ru/Documents/migration_final_pdf.pdf (accessed on 06.05.2022).

[6] Depopulation and external migration as the institutional risks to personnel safety / S. Kalyugina, A. Pianov, M. Tvaronavichene et al. // Journal of Institutional Studies. 2018. T. 10. No. 4. Pp. 125-144.

[7] *Neterebsky O. V.* Actual problems of labor migration // Person and labor. 2012. No. 8. Pp. 29-31

[8] *Prokhoda V. A.* Attitude towards migrants and strategies of intercultural interaction in Russia and other European countries // Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science. 2021. No. 60. Pp. 151-162

[9] *Arutyunova E. M.* Perception of migrants in Russia and in Europe: comparative analysis // RUDN Journal of Sociology. 2008, No. 3, Pp. 66-73.

[10] *Popova I. A., Osipova V. N.* attitudes towards migrants among the recipient population // The Russian public opinion herald. 2013. No. 1(114) January–March. Pp. 81-88.

[11] *Vandyshv M. N.* Territorial principle of placement migrants in the big city // Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS. Vol. 2: Demographic potential of the regions of Russia and the CIS: dynamics of growth and inertia of changes. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. Pp. 331-337. URL: <https://hdl.handle.net/10995/44450> (accessed on 08.05.2022).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-8>

УДК 314.7

JEL J61; R23

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

Ж. М. Кемелдинова, Ж. Б. Алыбаев

Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Балаагына
(г. Бишкек, Кыргызская Республика)

Автор для корреспонденции: Ж. М. Кемелдинова (jibek_econ@mail.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена трудовой миграции Кыргызской Республики. Рассмотрена сфера трудовой миграции, трудового потенциала населения Кыргызской Республики. Дана комплексная оценка рынка труда и миграционных потоков. При помощи трудовых мигрантов происходит рост денежных переводов в ВВП страны. Даны рекомендации по проведению мониторинга рынка трудовых ресурсов соседних стран с целью определения спроса и предложения востребованных специальностей в той или иной стране.

Ключевые слова: миграция, денежные средства, экономика, рабочая сила

Labor Migration in the Kyrgyz Republic

Zh. M. Kemeldinov, Zh. B. Alybaev

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

Corresponding author: Zh. Kemeldinova (jibek_econ@mail.ru)

Abstract. This article examines labour migration in the Kyrgyz Republic. Labour migration, as well as the labour potential of the population of the Kyrgyz Republic were considered. A comprehensive assessment of the labour market and migration flows is presented. With the help of labour migrants, there is an increase in remittances in the country's GDP. Recommendations are given for monitoring the labour market of neighbouring countries in order to determine the supply and demand of specialties in a particular country.

Keywords: migration; cash; economy; workforce

Введение

С переходом Кыргызской Республики в ЕАЭС трудовая миграция является актуальной на сегодняшний день. Численность миграционных потоков постоянно растет из-за низкой заработной платы в республике. Молодежь уезжает из страны в поиске достойной заработной платы. Значительную долю в экономику страны приносят денежные переводы трудовых мигрантов, но, к сожалению, большая часть денежных доходов мигрантов поступает через неофициальные каналы. Денежные средства, поступающие от мигрантов, не развивают экономику страны, в основном они оседают в карманах населения и тратятся на потребительские нужды

¹ © Кемелдинова Ж. М., Алыбаев Ж. Б. Текст. 2022.

Основная часть

Мигранты — это самые главные регуляторы рынка, от них зависит развитие всего государства. От их денежных переводов зависит доход населения страны, инвестиции в производство и социальное развитие [1].

Миграционный процесс образовался в Кыргызской Республике с момента обретения независимости: произошло радикальное изменение экономической ситуации в стране в отрицательную сторону, государственные предприятия закрылись, началась массовая безработица. В этот период из страны начало уезжать в первую очередь русскоязычное население, этому способствовало принятие закона о государственном языке.

На сегодняшний день миграционные потоки из республики увеличились в десятки раз из-за низкой заработной платы. Увеличилась тенденция претендования населения на постоянное место жительства за пределами страны.

Высокая потребность рабочей силы в Российской Федерации, упрощенный порядок регистрации миграционного учета и разрешения на работу, высокая заработная плата по отношению заработной платы в республике повышают привлекательность России для миграционного потока наших граждан.

По данным Нацстаткомитета Кыргызской Республики, за последние пять лет наблюдается отрицательный миграционный баланс, который составил 25,3 тыс. чел., или в среднем 5,1 тыс. чел. в год. В 2018 г. в страну прибыли 1,7 тыс. чел., выбыли 7,1 тыс. чел., миграционный отток составил 5,4 тыс. чел.

В республике происходит увеличение объема эмиграции населения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Независимо от экономических трудностей в Российской Федерации изменение миграционного законодательства в 2015 г. не повлияло на эмиграцию населения страны. Миграционный отток с $-1,3$ человека на 1000 чел. населения в 2014 г. увеличилось до 0,9 человека на 1000 чел. населения в 2018 г.

Самыми привлекательными странами для постоянного места жительства являются Российская Федерация и Республика Казахстан.

Из-за высокого уровня эмиграции населения оставшиеся часть населения старается перебраться в столицу в г. Бишкек или в Чуйскую область, т. к. в столице больше возможностей трудоустроиться, но в таком случае основная часть регионов республики теряет население, за исключением г. Ош (табл. 1).

За 2020 г., по данным Единой системы учета внешней миграции, в республику въехали 3 963 314 чел. и выехали 3 883 218 чел., были поставлены на учет 332 854 чел. В 2019 г. въехали 8 636 133 чел., выехали 8 516 944 чел., на учет были поставлены 628 936 иностранных граждан (табл. 2).

В 2020 г. в Кыргызской Республике были установлены следующие трудовые квоты в региональном разрезе:

- г. Бишкек — 4638 чел. (45,1 %);
- Жалалабадская обл. — 2097 чел. (20,4 %);
- Чуйская обл. — 1986 чел. (19,3 %);
- Ошская обл. — 683 чел. (6,6 %);
- г. Ош — 318 чел. (3,1 %);
- Нарынская обл. — 278 чел. (2,7 %);
- Иссык-Кульская обл. — 134 чел. (1,3 %);
- Баткенская обл. — 114 чел. (1,1 %);
- Таласская обл. — 40 чел. (0,4 %).

В 2020 г. в Кыргызскую Республику на трудовую иммиграцию въехали граждане КНР и составили 61,3 %, или 6300 чел., граждане Турции — 14,1 %, или 1445 чел., Пакистана — 4,1 %, или 424 чел., Республики Кореи — 3,1 %, или 322 чел., Индии и США — 2,1 %, или 216 чел., Вьетнама — 1,5 %, или 151 чел.

Иностранцы специалисты в основном трудоустроивались в отраслях промышленности и строительства — 3893 чел. (37,9 %), энергетики, геологоразведки, горнорудной промышленности — 2437 чел. (23,4 %), торговли, общественного питания — 2400 чел. (23,3 %), здравоохранения, образования, науки, благотворительности — 1389 чел. (13,5 %), сельского хозяйства — 143 чел. (1,4 %).

По данным Нацстаткомитета Кыргызской Республики, за 2020 г. было зарегистрировано 321 ходатайства о предоставлении статуса беженца, в 2021 г. — 199 чел., в основном, это граждане Афганистана (84 чел.) и других стран (115 чел.).

Таблица 1

Миграционный баланс межобластной миграции населения (чел.)^{*}

Регион	Значение показателя по годам				
	2014	2015	2016	2017	2018
Кыргызская Республика	-342	421	1 707	2 824	—
Баткенская область	-884	-737	-678	-726	-762
Джалал-Абадская область	-1763	-1 471	-1 490	-1 653	-1 636
Иссык-Кульская область	-1482	-1 229	-1 190	-824	-931
Нарынская область	-1355	-1 308	-1 262	-1 290	-1 529
Ошская область	-1622	-1 181	-1 799	-1 892	-1 673
Таласская область	-979	-862	-815	-488	-471
Чуйская область	3395	2 731	2 698	2 771	2 320
г. Бишкек	4573	4 513	5 646	5 981	4 196
г. Ош	-225	-35	597	945	486

^{*} Миграционный баланс в целом по республике до 2018 г. не равен нулю в связи с несвоевременной регистрацией мигрантов по новому месту жительства, с 2018 г. миграционный баланс в целом по республике равен нулю в связи с вводом Государственной регистрационной службой при Правительстве Кыргызской Республики электронной регистрации на новое постоянное место жительства и автоматическим снятием с регистрации бывшего постоянного места жительства.

Источник: [2].

Таблица 2

Статистические данные к аналитической справке о миграционной ситуации в Кыргызской Республике

№ п/п	Показатели	2020
1.	Въехало иностранных граждан	3963 314
1.1.	в том числе из государств — участников СНГ	2 184 559
2.	Поставлено на миграционный учет (зарегистрировано)	332 854
2.1.	в том числе из государств СНГ	—
3.	Выдано разрешений на труд, деятельность (патентов)	5647
4.	Выдано разрешений на временное проживание	1
5.	Выдано разрешений на постоянное проживание	159
6.	Получено гражданство	3757
7.	Выехало иностранных граждан (всего)	3 883 218
7.1.	в том числе граждан государств — участников СНГ	2 174 096
8.	Количество лиц, обратившихся с ходатайством о предоставлении статуса беженца и временного убежища (дополнительной защиты)	321
9.	Признаны беженцами	10
10.	Предоставлено временное убежище	—
11.	Отказано в предоставлении статуса беженца и временного убежища	96
12.	Состоит на учете лиц, которым предоставлен статус беженца	199
13.	Состоит на учете лиц, которым предоставлено временное убежище	—
14.	Выявлено нарушителей миграционного законодательства, в том числе:	1328
14.1.	нарушений въезда, выезда и пребывания	165
14.1.1.	из них совершено гражданами государств — участников СНГ	—
14.2.	нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности	9
14.2.1.	из них совершенных гражданами государств — участников СНГ	—
15.	Выдворено в административном порядке и депортировано за пределы государства	0
16.	Передано по договорам о реадмиссии	0
17.	Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами	244
18.	Процент преступлений, совершенных с иностранными гражданами, от общего количества преступлений в стране	0,003
19.	Возбуждено уголовных дел по статьям УК за организацию незаконной миграции	12

Примечание: пункты 1, 7 — это число пересечений госграницы иностранными гражданами.

Источник: [1].

В 2020 г. был принят закон депутатами Жогорку Кенеша Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях, законы Кыргызской Республики „О внешней трудовой миграции“, „О внешней миграции“)». Принятию этого закона способствовали постоянные нарушения со стороны мигрантов. Так, за 2020 г. было выявлено 1328 нарушителей миграционного законодательства, 9 нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности, на сумму 22 285 долл. США наложено административных штрафов, взыскано 21 738 долл. США административных штрафов, количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, составило 97, возбуждено 12 уголовных дел за организацию незаконной миграции.

Заключения

Для успешного трудоустройства наших соотечественников за пределами Кыргызской Республики необходимо, чтобы Государственная регистрационная служба при Правительстве Кыргызской Республики изучала рынки трудовых ресурсов соседних стран. Государству нужно определять спрос и предложения рынка, какие специальности востребованы в той или иной стране, изучать и перенимать опыт у других государств, которые не требуют больших финансовых вложений, выяснять, каким образом они отслеживают своих трудовых мигрантов. А также ежемесячно либо ежеквартально информировать, консультировать граждан о рынке труда в интересующих странах [3].

Необходимо привлекать к сотрудничеству посольства для помощи с анализом спроса рынка труда, налаживать связи с реальными работодателями. Необходимо пересмотреть учебные планы в образовании для того, чтобы наши выпускники были востребованы во внутреннем рынке и в соседних государствах.

В настоящее время из Кыргызстана в соседние страны уезжают квалифицированные специалисты из-за разницы выплаты заработной платы, из-за чего государство теряет в пользу внешней миграции трудоспособное население. В ближайшее десятилетие для наших сограждан по-прежнему останутся основными направлениями трудовой миграции Российская Федерация и Казахстан.

Список источников

[1] Белеков Ж. К. Внутренняя миграция Кыргызстана. Миграция. Алматы : Вестник КазНУ, 2011.

[2] Социальные тенденции Кыргызской Республики 2014–2018 гг. // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/> (дата обращения: 03.02.2022).

[3] *Мусабаева А.* Политика экспорта рабочей силы: вызовы для Кыргызстана. URL: https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Musabaeva_rus.pdf?ysclid=l4nsehswm158507671 (дата обращения: 03.02.2022).

References

[1] *Belekov J. K.* Internal migration of Kyrgyzstan. Migration. Almaty: Bulletin of the Treasury. 2011.

[2] Social trends of the Kyrgyz Republic 2014-2018 // National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg/ru> (accessed on 03.02.2022).

[3] *Musabayeva A.* The Policy of Exporting the Labor Force: Challenges for Kyrgyzstan. URL: https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Musabaeva_rus.pdf?ysclid=l4nsehswm158507671 (accessed on 03.02.2022).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-9>

УДК 316.6

JEL J61, J15

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

В. В. Константинов ^{а)}, Р. В. Осин ^{б)}

Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия)

^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-2240-5450>

Автор для корреспонденции: Р. В. Осин (osin@pnzgu.ru)

Аннотация. Пандемия COVID-19 внесла кардинальные изменения в жизнь трудовых мигрантов, что поставило под угрозу их благополучие. Понимание психологических особенностей переживания ситуации пандемии имеет важное значение для решения проблем психического здоровья в период чрезвычайной ситуации. Выборка проведенного в рамках статьи исследования состояла из 256 человек (142 мужчин; 114 женщин) в возрасте от 18 до 65 лет. В результате большая часть респондентов сказали, что пандемия значительно повлияла на их жизнь. Возможные экономические потери волнуют 62 % опрошенных, 38 % ощутили снижение финансовых доходов. Треть отметила, что у них ухудшились профессиональные перспективы. Большинство респондентов тревожит потенциальная опасность заражения вирусом. Оценка степени воздействия на жизнь пандемии COVID-19 связана с представлениями респондентов об изменениях, которые произошли в профессиональной, финансовой сферах, самочувствии и тревогой о потенциальных будущих негативных экономических и медицинских последствиях.

Ключевые слова: мигранты, пандемия, COVID-19

Labor Migrants in the Context of the COVID-19 pandemic

V. V. Konstantinov ^{а)}, R. V. Osin ^{б)}

Penza State University (Penza, Russia)

^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-2240-5450>

Corresponding author: R. V. Osin (osin@pnzgu.ru).

Abstract. The COVID-19 pandemic introduced radical changes to the life of labour migrants, which threatened their well-being. Understanding the psychological characteristics of the experience of the pandemic situation is important for solving mental health issues during the emergency. The study involved 256 people (142 men, 55.47 %; 114 women, 44.53 %) aged 18 to 65 years. The majority of those surveyed said the pandemic had a significant impact on their lives. 62 % of respondents are concerned about possible economic losses, 38 % felt a decrease in financial income. A third noted their worsened professional prospects. Most respondents are worried about the potential danger of infection with the virus. Assessment of the COVID-19 pandemic impact on the life is associated with the ideas of respondents about professional and financial changes, well-being and anxiety about potential future negative economic and medical consequences.

Keywords: migrants; pandemic; COVID-19

¹ © Константинов В. В., Осин Р. В. Текст. 2022.

Введение

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на большинство сфер жизни людей и стала крупной проблемой для многих стран. Внезапно нанеся удар по медицине и экономике, новый коронавирус вскрыл слабые стороны, которым ранее не было уделено внимание.

В этот тяжелый период трудовым мигрантам пришлось особенно трудно. Они проживают в чужой стране, где у многих из них нет близких людей. Мигранты находятся не в равных условиях с гражданами принимающей страны. Они не в приоритете у государства, которое в период сильного кризиса в первую очередь старается оказать помощь своим гражданам.

Для минимизации распространения инфекции и высокой смертности населения страны стали закрывать границы. В результате у трудовых мигрантов возникли проблемы: въезд на территорию России стал для них на некоторое время невозможен, а те иностранные граждане, которые уже пребывали на территории нашей страны, не смогли вернуться на свою родину. В результате принятые меры привели к сокращению численности трудовых мигрантов в России. По данным МВД, в 2019 г. иностранным гражданам и лицам без гражданства было оформлено 1 767 254 патента, тогда как в 2020 г. количество оформленных патентов составило 1 132 593 [1]. Однако в 2021 г. после постепенного возвращения к привычной жизни численность трудовых мигрантов в России даже превысила показатели до пандемии: количество оформленных патентов составила 2 221 826 [2]. Несмотря на благоприятные цифры для отечественного рынка труда, важно понять, что чувствовали трудовые мигранты, оказавшись в условиях пандемии COVID-19.

Имея опыт борьбы с другими эпидемиями, социальные институты большинства стран мира оказались недостаточно подготовленными к новой угрозе. На данный момент основное внимание правительств сосредоточено на компромиссе между сохранением здоровья у населения путем введения дополнительных ограничений и экономикой, которая ухудшается от этих карантинных мер. Гораздо меньше внимания уделяется психологическим последствиям политики изоляции. Тем не менее уже сегодня очевидно, что пандемия будет иметь не только краткосрочные, но и долгосрочные психологические последствия для человека и общества.

Цель работы заключается в изучении переживания ситуации пандемии трудовыми мигрантами.

Гипотеза 1: пандемия COVID-19 выступает многофакторной травмирующей ситуацией для личности.

Гипотеза 2: восприятие личностью стресс-факторов пандемии зависит от уровня удовлетворенности жизнью.

Обзор литературы

Большинство психологических исследований по изучению особенностей переживания пандемии основываются на предположении, что такая

ситуация является стрессовой и снижает психологическое благополучие и качество жизни личности. Источниками стрессовых переживаний являются, во-первых, сам факт существования потенциальной опасности заражения коронавирусом [3]; во-вторых, экономические последствия пандемии, которые коснулись всех слоев населения (сокращение заработной платы, потеря работы и тому подобное) [4]; в-третьих, смена привычного уклада жизни через карантинные мероприятия (пребывание длительное время в замкнутом пространстве, снижение социальной активности, переход на дистанционный режим учебы и работы и тому подобное) [5]; в-четвертых, противоречивое информационное освещение этих событий в средствах массовой информации [6].

Ситуация стремительного распространения коронавирусной инфекции обусловила резкие и масштабные изменения в жизни всего общества, что привело к росту тревоги как на индивидуальном, так и на уровне межличностных отношений [7]. В качестве отсроченных социально-психологических последствий эпидемиологических угроз исследователи указывают на рост суицидального поведения [8], признаки посттравматического стресса, фобические реакции [9], злоупотребление психоактивными веществами (табаком, алкоголем), проблемы со сном [10].

В то же время результаты исследований на ранних этапах карантина позволяют предположить, что субъективное благополучие может оставаться достаточно устойчивым к воздействию стресс-факторов в период пандемии COVID-19 [11]. Более подробный анализ показывает, что благополучие существенно обусловлено широкими чертами личности (составляющими «Большой пятерки»), такими как невротизм, экстраверсия и добросовестность [12].

Одним из наиболее серьезных последствий пандемии является переживание стресса во время вынужденной самоизоляции или карантина, а позже — возможное развитие посттравматического стрессового расстройства. Исследования, проведенные среди лиц, которые находились на карантине в связи с эпидемиями MERS, SARS, H1N1 и Эболы, показывают, что у до 30 % людей проявлялись симптомы ПТСР, причем у 10 % они наблюдались даже через 3 года после травмирующих событий [13]. Изучение жителей Китая также свидетельствует, что закрытия городов для сдерживания COVID-19 вызвали симптомы посттравматического стресса, депрессию и тревожные расстройства [14].

У людей появляется страх потенциального заражения вирусом, негативных экономических последствий пандемии, изменения привычного образа жизни, угрозы увольнения с работы. А роль страха в поддержании благополучия носит амбивалентный характер. С одной стороны, длительное переживание тревоги и страха из-за COVID-19 в условиях неопределенности будущего приводит к истощению психологических ресурсов личности, применение деструктивных копинг-стратегий, которые могут вызвать сложные формы тревожных и депрессивных расстройств [15].

С другой стороны, ряд исследований показывает, что тревога из-за пандемии и тревожность как личностная черта прямо связаны с соблюдением правил осторожности [16].

То есть пандемия COVID-19 вызвала у людей стресс, страх, неопределенность, а введенные ограничения — радикальные изменения в повседневных привычках. Сложилась травмирующая ситуация, угрожающая благополучию личности, которое согласно исследованиям выступает защитным фактором будущих заболеваний психического здоровья [17].

Под психологическим благополучием в широком смысле понимается сложный комплекс эмоциональных переживаний: удовлетворенность жизнью, ощущение целостности, внутреннего равновесия и тому подобное. Согласно М. Селигману [18], благополучие является центральным понятием позитивной психологии, отражающим интегральную оценку актуального состояния личности. Это конструкт, который нельзя непосредственно измерить.

Материалы и методы исследования

1. Первый блок вопросов касался социально-демографических характеристик выборки (пол, возраст, семейное положение, уровень образования).

2. Особенности переживания угроз пандемии COVID-19 определялись с помощью шести вопросов авторской анкеты с закрытым списком возможных ответов. Первые два вопроса позволили оценить тревогу респондентов относительно возможных негативных угроз пандемии, а следующие четыре — уже ощутимые последствия воздействия:

— тревога заражения вирусом оценивалась вопросом: *«Как сильно вы переживаете по поводу того, что коронавирус угрожает вашему здоровью или здоровью ваших близких?»*;

— тревога экономических последствий пандемии с помощью вопроса: *«Насколько сильно вы переживаете, что из-за коронавируса вы или ваша семья потеряет работу/заработок?»*;

— изменение профессиональных перспектив оценивалось с помощью вопроса: *«В период пандемии ваши профессиональные перспективы..?»*;

— для оценки самочувствия в период пандемии: *«Последний год вы чувствуете себя...»*;

— изменения в финансовых доходах оценивались: *«Изменился ли уровень ваших личных доходов в период пандемии?»*;

— в целом влияние пандемии COVID-19 на жизни определялся вопросом: *«На ваш взгляд, на сколько пандемия повлияла на вашу жизнь?»*.

3. Диагностика удовлетворенности жизнью как когнитивной составляющей субъективного благополучия осуществлена с помощью методики «Шкала удовлетворенности жизнью» [19].

Анализ данных осуществлялся в SPSS Statistics 23.0. С целью сравнения эмпирических распределений двух групп респондентов с разной оценкой

влияния пандемии на жизнь применялся критерий χ^2 -Пирсона. Выборка исследования состояла из 256 человек (142 мужчин, 55,47 %; 114 женщин, 44,53 %) в возрасте от 18 до 65 лет. Респонденты заполняли методики в ноябре — декабре 2021 года.

Результаты исследования

По результатам опроса установлено, что для 25 респондентов (9,8 %) пандемия COVID-19 совсем не повлияла на их жизнь, 47 человек (18,4 %) — вряд ли повлияла, 150 человек (58,6 %) — частично повлияла и 34 человека (13,3 %) — сильно повлияла на жизнь. В связи с небольшим количеством респондентов в выделенных крайних подгруппах в дальнейшем анализе использовалось разделение на две основные группы: которые считают, что пандемия повлияла на их жизнь (частично или сильно — 183 лица, 71,5 %), и кто отрицает ее существенное влияние (73 человека, 28,5 %).

Субъективная оценка респондентами влияния пандемии на жизнь не зависела от таких социально-демографических факторов, как возраст, семейное положение, уровень образования. Выявлена слабая связь с полом ($\chi^2(1) = 3,98$; $p = 0,046$; $\phi = 0,09$). Существует тенденция, что женщины сильнее ощутили влияние пандемии на благополучие.

Что касается стресс-факторов субъективного благополучия, в среднем респонденты не волнуются или по мере тревожатся возможным заражением коронавирусом, обеспокоен этой опасностью каждый пятый. Установлено, что треть лиц, которых не пугают возможные экономические последствия, сильно переживает (около 40 %). Большинство респондентов уже заметили негативные последствия влияния пандемии на различные аспекты жизни. Около трети лиц за последнее время наблюдают ухудшение профессиональных перспектив и снижение финансовых доходов, у половины выборки по этим параметрам не произошло изменений. В основном лица не почувствовали изменений в самочувствии за время введения ограничительных мер пандемии, при этом сообщили о его ухудшении 16,1 % респондентов.

По всем исследуемым стресс-факторам респонденты, ощутившие влияние пандемии на жизнь, отмечали статистически значимые более негативные изменения индикаторов субъективного благополучия, чем лица, которые не заметили влияния ($\chi^2(2) = 8,10$ –23,72; $p < 0,05$; $V = 0,13$ –0,23). Они чаще сообщали о повышенной тревоге о возможных негативных последствиях, таких как заражение вирусом и экономические проблемы. Лица, отрицающие влияние пандемии на жизнь, склонны говорить об отсутствии у них такого типа тревоги. Профессиональные перспективы, финансовые доходы и самочувствие у групп исследуемых также статистически значимо отличаются. Респонденты, признающие влияние ограничительных мер на субъективное благополучие, чаще сообщают об уже ощутимых негативных последствиях пандемии. Размер обнаруженных эффектов соответствует малому и среднему уровню.

Обсуждение результатов исследования

Согласно полученным результатам, большинство респондентов указали, что пандемия существенно повлияла на их жизнь. Сложилась ситуация с высоким стрессогенным кумулятивным потенциалом. Возможные экономические потери волнуют около 62 % респондентов, 38 % лиц ощутили снижение финансовых доходов. Карантин и противоэпидемические меры для многих являются проблемой, поскольку не все люди могут работать удаленно и вынуждены спонтанно приостанавливать деятельность. Треть респондентов отметили, что у них ухудшились профессиональные перспективы.

Почти 60 % респондентов в разной степени тревожит потенциальная опасность заражения вирусом. Озабоченность собственным здоровьем, боязнь стать возбудителем инфекции для других и будущие последствия возможного заболевания являются важным аспектом, который непосредственно влияет на благополучие людей и может вызвать или усилить психологический дистресс во время пандемии. Трудовые мигранты в ситуации пандемии находятся в состоянии различной степени беспокойства и волнения. Хотя большинство респондентов (66 %) отметили, что их самочувствие не изменилось, 15 % ощущают ухудшение своего психического состояния.

Установлено, что оценка степени влияния на жизнь пандемии коронавируса связана с представлениями респондентов об изменениях, которые произошли в профессиональной, финансовой сферах, самочувствии и тревогой возможных будущих негативных экономических и медицинских последствий, однако ни один из этих показателей не определяет оценку в достаточной мере. Обнаруженные размеры эффектов соответствуют по большей части малому уровню. Эти результаты порождают вопрос выбора критериев оценивания, который является сейчас одной из самых недооцененных проблем в изучении субъективного благополучия [20]. Интересной задачей дальнейших исследований является также определение, в какой степени оценки зависят от личностных ресурсов.

Субъективный вывод о степени влияния пандемии COVID-19 на жизнь человека в целом не зависит от социально-демографических факторов и лишь в минимальной степени определяется полом. Трудовые мигранты-женщины больше всего ощутили негативное влияние пандемии. Объяснение этому можно найти в большей эмоциональности женщин, стресс-факторы ситуации давления и неопределенности находят свое отражение в психической перегрузке и более высоком восприятии стресса.

Как и ожидалось, установлено, что последствия воздействия стресс-факторов пандемии статистически значимо отражаются на субъективном благополучии личности. Чем выше уровень удовлетворенности жизнью, тем менее ощутимы личностью негативные последствия стресс-факторов COVID-19. В других работах также показано, что показатели удовлетворенности жизни тесно связаны с жизненными условиями, такими как уровень

дохода и наличие работы [21]. Тем не менее полученные величины корреляционных размеров эффектов относительно невелики, это означает, что стресс-факторы пандемии объясняют малый процент вариативности субъективного благополучия личности. Об этом говорит и известная модель «пирога счастья» [22], согласно которой внешние условия (от климата до финансового достатка) вносят около 10 % в дисперсию счастье.

Заключение

Результаты исследования показали, что ситуация пандемии характеризуется высоким стрессовым кумулятивным потенциалом из-за переживания угрозы инфицирования, негативных экономических последствий и строгих ограничительных мер карантина. Подавляющее большинство испытуемых трудовых мигрантов указали, что пандемия существенно повлияла на их жизнь и оценка в общем не зависела от социально-демографических факторов респондентов. Рост субъективного влияния пандемии на личность сопровождается негативными изменениями в профессиональной, финансовой сферах, самочувствии, тревогой за здоровье и возможными негативными экономическими последствиями.

Однако последствия воздействия беспрецедентной ситуации пандемии, согласно результатам исследования, не являются столь негативным и деструктивным, чем предполагалось.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Список источников

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548>.

[2] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434>.

[3] *Нестик Т. А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002.

[4] *Mamun M. M., Ullah I.* COVID-19 suicides in Pakistan, dying off not COVID-19 fear but poverty? — The forthcoming economic challenges for a developing country // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. No. 87. P. 163–166. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.05.028.

[5] Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № XXV. С. 34–47. DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040.

[6] Yao H. The more exposure to media information about COVID-19, the more distressed you will feel // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. No. 87. P. 167-169. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.05.031.

[7] Mental health in the COVID-19 pandemic / W. Cullen, G. Gulati, B. D. Kelly // QJM: An International Journal of Medicine. 2020. No. 113(5). P. 311–312. DOI: 10.1093/qjmed/hcaa110.

[8] Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины / Е. Б. Любов, П. Б. Зотов, Б. С. Положий // Суицидология. 2020. № 11 (1). С. 3–38. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38.

[9] The enemy who sealed the world: Effects quarantine due to the COVID-19 on sleep quality, anxiety, and psychological distress in the Italian population / M. Casagrande, F. Favieri, R. Tambelli et al. // Sleep Medicine. 2020. No. 75. P. 12–20. DOI: 10.1016/j.sleep.2020.05.011.

[10] Rajkumar R. P. COVID-19 and mental health: A review of the existing literature // Asian journal of psychiatry. 2020. No. 52. 102066. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102066.

[11] Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание / Е. И. Рассказова, Д. А. Леонтьев, А. А. Лебедева // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205.

[12] Predicting psychological and subjective wellbeing from personality: A meta-analysis / J. Anglim, S. Horwood, L. D. Smillie, et al. // Psychological Bulletin. 2020. No. 146(4). P. 279–323. DOI: 10.1037/bul0000226.

[13] The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith et al. // The Lancet, 2020, 395, 912-920. DOI: doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

[14] Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioural reactions, social participation, and precautionary behaviour: A national survey / J. Li, A. Yang, K. Dou, et al. // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/5tmsh.

[15] COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale / A. Reznik, V. Gritsenko, V. Konstantinov et al. // Int J Ment Health Addiction. 2020. DOI: 10.1007/s11469-020-00283-3.

[16] The role of personality in COVID-19 related perceptions, evaluations, and behaviors: Findings across five samples, nine traits, and 17 criteria / I. Zettler, C. Schild, L. Lilleholt et al. // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/pkm2a.

[17] The SARS (Severe Acute Respiratory Syndrome) pandemic in Hong Kong: Effects on the subjective wellbeing of elderly and younger people / A. L. Lau, I. Chi, R. A. Cummins et al. // Aging Ment Health. 2008. No. 12 (6). P. 746–760. DOI: 10.1080/13607860802380607.

[18] Seligman M. Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being. New York : Simon and Schuster, 2011.

[19] Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный

анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.

[20] *Леонтьев Д. А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.

[21] *Tov W.* Well-Being Concepts and Components // Handbook of Well-Being / eds. E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. 2018.

[22] *Любомирски С.* Психология счастья. Новый подход. Санкт-Петербург : Издательский Дом Питер, 2014. 352 с.

References

[1] Summary of key performance indicators on the migration situation in the Russian Federation in January-December 2020 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548>.

[2] Summary of key performance indicators on the migration situation in the Russian Federation in January-December 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434>.

[3] *Nestik T. A.* The impact of the Covid-19 pandemic on society: socio-psychological analysis // Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. 2020. No. 2(18). Pp. 43-83. DOI: <http://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002>.

[4] *Mamun M. M., Ullah I.* COVID-19 suicides in Pakistan, dying off not COVID-19 fear but poverty? — The forthcoming economic challenges for a developing country // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. No. 87. Pp. 163-166. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.028>.

[5] *Fedosenko E. V.* Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19 // Psychological problems of the meaning of life and Acme. 2020. No. XXV. Pp. 34-47. DOI: <https://doi.org/10.24411/9999-042A-2020-00040>.

[6] *Yao H.* The more exposure to media information about COVID-19, the more distressed you will feel // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. No. 87. Pp. 167-169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.031>.

[7] *Cullen W., Gulati G., Kelly B. D.* Mental health in the COVID-19 pandemic // QJM: An International Journal of Medicine. 2020. No. 113(5). Pp. 311-312. DOI: <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcaa110>.

[8] Pandemics and suicide: a perfect storm and a moment of truth / E. B. Lyubov, P. B. Zotov, B. S. Polozhiy // Suicidology. 2020. No. 1(38). Pp. 3-38. DOI: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38).

[9] *Casagrande M., Favieri F., Tambelli R., Forte G.* The enemy who sealed the world: Effects quarantine due to the COVID-19 on sleep quality, anxiety, and psychological distress in the Italian population // Sleep Medicine. 2020. No. 75. Pp. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sleep.2020.05.011>.

[10] *Rajkumar R. P.* COVID-19 and mental health: A review of the existing literature // *Asian journal of psychiatry*. 2020. No. 52. 102066. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102066>.

[11] Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping / *E. I. Rasskazova, D. A. Leontev, A. A. Lebedeva* // *Counseling psychology and psychotherapy*. 2020. No. 28(2). Pp. 90-108. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>.

[12] Predicting psychological and subjective wellbeing from personality: A meta-analysis / *J. Anglim, S. Horwood, L. D. Smillie et al.* // *Psychological Bulletin*. 2020. No. 146(4). Pp. 279-323. DOI: <https://doi.org/10.1037/bul0000226>.

[13] The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence / *S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith, et al.* // *The Lancet*. 2020. No. 395. Pp. 912-920. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8).

[14] Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioral reactions, social participation, and precautionary behavior: A national survey / *J. Li, A. Yang, K. Dou, et al.* // *PsyArXiv*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/5tmsb>.

[15] COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale / *A. Reznik, V. Gritsenko, V. Konstantinov, et al.* // *Int J Ment Health Addiction*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00283-3>.

[16] The role of personality in COVID-19 related perceptions, evaluations, and behaviors: Findings across five samples, nine traits, and 17 criteria / *I. Zettler, C. Schild, L. Lilleholt et al.* // *PsyArXiv*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/pkm2a>.

[17] The SARS (Severe Acute Respiratory Syndrome) pandemic in Hong Kong: Effects on the subjective wellbeing of elderly and younger people / *A. L. Lau, I. Chi, R. A. Cummins et al.* // *Aging Ment Health*. 2008. No. 12(6). Pp. 746-760. DOI: <https://doi.org/10.1080/13607860802380607>.

[18] *Seligman M.* Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being. New York: Simon and Schuster, 2011.

[19] *Osin E. N., Leontev D. A.* Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. No. 1. Pp. 117-142. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

[20] *Leontev D. A.* Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. No. 1. Pp. 14-37. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

[21] *Tov W.* Well-Being Concepts and Components // *Handbook of Well-Being* / eds. *E. Diener, S. Oishi, L. Tay*. Salt Lake City, UT: DEF Publishers, 2018.

[22] *Lyubomirski S.* Psychology of happiness. New approach. SPb.: Piter, 2014. 352 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-10>

УДК 314.74

JEL F22, I23, Z11

ЭКОНОМИКА ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ОТНОШЕНИЯ К МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ¹

Т. В. Куприна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-8184-2490>
Автор для корреспонденции: Т. В. Куприна (tvkuprina@mail.ru)

Аннотация. В настоящее время одним из приоритетных направлений системы высшего образования является привлечение иностранных учащихся, которые при определенных условиях могут стать человеческим капиталом принимающего общества. Однако необходимо создание благоприятного психологического климата, основанного на взаимоотношениях образовательных мигрантов с другими участниками образовательного процесса, а также жителями принимающей территории в целом. Целью исследования является определение отношения студентов трех государств: России, Армении, Китая — к мигрантам. Гипотеза исследования основана на том, что восприятие мигрантов может меняться в зависимости от титульной культуры. Теоретической базой исследования послужила теория экономики впечатлений. Сбор информации проводился на основе анкетирования. Полученные результаты оценивались по классификации И. Бритвиной и Е. Могилячек, которая позволила определить отношения как бескомпромиссные, активно доброжелательные и противоречивые. Новизной предложенной методики является ее адаптация к социокультурному контексту. Полученные результаты могут быть использованы для создания программ адаптации мигрантов и принимающего сообщества, а также учебных программ, направленных на развитие межкультурной коммуникативной компетентности студентов университетов.

Ключевые слова: экономика впечатлений, социокультурный контекст, образовательная среда

Experience Economy as a Basis for Assessing the Attitude to International Migration

T. V. Kuprina

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-8184-2490>

Corresponding author: T. V. Kuprina (tvkuprina@mail.ru)

Abstract. At present, one of the priorities of the higher education system is to attract foreign students who, in certain conditions, can become the human capital of the host society. However, it is necessary to create a favourable psychological climate based on the relationship of educational migrants with other participants of the educational process, as well as residents of the host territory in general. The purpose of the research is to determine the attitude of students from three countries,

¹ © Куприна Т. В. Текст. 2022.

Russia, Armenia, China, towards migrants. It is hypothesised that the perception of migrants may vary depending on the titular culture. The theoretical basis of the research is the theory of the experience economy. The information was collected using a questionnaire. The results obtained are evaluated according to the classification of Britvina and Mogilchak, which made it possible to define relations as uncompromising, actively benevolent, contradictory. The proposed methodology was adopted to the socio-cultural context. The obtained results can be used to create adaptation programmes for migrants and the host community, as well as training programmes aimed at developing the intercultural communicative competence of university students.

Keywords: experience economy; sociocultural context; educational environment

Введение

Современные социально-экономические условия требуют новых подходов к развитию образовательного потенциала и разработке приоритетных направлений в деятельности всех образовательных учреждений, способствующих приведению системы образования в соответствие с индивидуальными и государственными потребностями. Одним из приоритетных направлений является привлечение образовательных мигрантов в российские учебные учреждения, которые при определенных условиях могут стать человеческим потенциалом и в дальнейшем человеческим капиталом принимающей страны. Однако важно не только качественное обучение, но и система социокультурной адаптации, часто зависящей от принятия и восприятия миграции в принимающем социуме, что подтверждается рядом исследований.

Так, M. Gheorghiu et al утверждает, что имеет значение статус: мигранты с более низким статусом чувствуют себя более обделенными, что подчеркивает необходимость изучения антииммиграционных настроений с точки зрения группового статуса и моральной девальвации [1, с. 510]. Кроме того, имеет значение и место проживания. В частности, по данным исследования J. Kent, проведенном в 22 городах Европы, и обобщении данных урбанистов, предполагается, что жители компактных городов с большей вероятностью сохраняют позитивное отношение к своим соседям, включая мигрантов [2].

V. Bentsen указывает, что при учете фоновых переменных более близкие контакты (дружба) снижают негативное отношение к мигрантам по сравнению с поверхностными контактами, усиливающими негативное отношение [3, с. 245].

По данным в сфере образования L. Rosen et al отмечает, что учителя с так называемым миграционным прошлым и без такового существенно не отличаются по большинству показателей [4, с. 312]. С нашей точки зрения, учителя с миграционным прошлым могут быть даже более чувствительны к проблемам учебной миграции и способствовать ее более быстрой адаптации.

Многочисленные исследования проводятся и в России, в которых отмечаются противоречивые отношения между принимающим обществом и мигрантами.

В. Проходова утверждает: чем больше принимающее сообщество убеждено в положительном влиянии мигрантов на развитие страны и согласно, что мигранты не только источник экономической (конкуренция на рынке труда) и физической (рост преступности) угрозы, тем более позитивное к ним отношение. Однако недостаточная уверенность в выгоде приема мигрантов определяет выбор стратегий ассимиляции, связанных с отрицательным отношением к ним [5, с. 151].

Например, О. Васильева отмечает, что в Республике Саха значительна взаимосвязь между самооценкой финансовой ситуации, образованием, возрастом, отношением к мигрантам и восприятием межэтнических взаимосвязей. Этническая принадлежность является важным фактором в формировании межэтнической напряженности и становится значительной социально-экономической проблемой [6, с. 152].

В. Ярская-Смирнова и А. Ручин, проведя исследование среди сотрудников учреждений культуры, образования, социальной защиты, отмечают, что те, у кого мигранты находятся в ближайшем окружении, считают, что их организации более позитивно расположены к ним, чем те, у которых их нет. И чем больше степень удовлетворенности текущей ситуацией, тем более позитивная оценка инклюзии, а учреждения социальной поддержки и культурной интеграции могут помочь развитию таких форм общественной солидарности, где разнообразие рассматривается как ценность, а индивидуальный культурный и социальный выбор гарантирован законом [7, с. 691].

Ряд исследований [8, 9, 10], проведенных в Екатеринбурге, отмечают, что в настоящее время в России живут около 30 млн мигрантов. Взаимодействие между местным социумом и мигрантами оказывает значительное влияние на развитие человеческого капитала территории. В исследовании обнаружено существование взаимосвязи между культурным и национальным предпочтением и взаимодействием между мигрантами и местными жителями. Подчеркивается, что влияние оказывают не только социо-демографические характеристики, но и национально-культурные и поведенческие, такие как отношение к собственной национальности и культуре, а также опыт взаимодействия с мигрантами.

И. Бритвина и Е. Могильчак определили отношение к мигрантам жителей Екатеринбурга от 15 лет и старше. Авторы описали четыре типа отношений: бескомпромиссное, активно доброжелательное, противоречивое и безразличное. Отношения коррелируют с уровнем взаимодействия с мигрантами, осведомленности об угрозах, которые мигранты привносят экономическим интересам местного населения, этническим безразличием [10, с. 114].

Таким образом, отношение можно определить по взаимным впечатлениям, которые оказывают друг на друга мигранты и принимающее общество. Данное явление можно связать с экономикой впечатлений.

Целью представленной статьи является определение отношения студентов трех государств: России, Армении, Китая — к мигрантам, т. е. тех впечатлений, которые они вызывают.

Методологическая база исследования

Впервые термин «экономика впечатлений» был представлен Дж. Пайном и Дж. Гилмором как новая социально-экономическая ступень общества в 1999 г. [11]. Они предлагают модель, состоящую из 4 областей:

1) развлечение (ощущать) как пассивное поглощение при минимальной деятельности (наблюдение за представлениями, чтение книг, прослушивание музыки и др.);

2) обучение (учиться) требует активного участия. Стремление к получению новых знаний — естественная и неотъемлемая часть сущности человека. Но для передачи ему этих знаний или развития у человека каких-то навыков требуется полное вовлечение его ума (для интеллектуального образования) или тела (для физического развития). Совместное обучение вызывает больший интерес потребителя, поэтому появляется все больше кулинарных школ, мастер-классов и тренингов;

3) уход от реальности (действовать), где потребитель сам несет ответственность за то, какую глубину впечатлений он получит. К этой области можно отнести поход в кино или стремительно набирающие популярность квест-комнаты;

4) эстетика (быть) — самый простой тип впечатлений, ориентирован на сущность человека и его стремление к прекрасному. Требует от потребителя лишь «быть» и «воспринимать». Ему не требуется изменять окружающую среду или оказывать на нее влияние. Эстетическое удовольствие человек получает, посещая мировые достопримечательности, разгуливая по картинной галерее или находясь возле Эйфелевой башни.

Кроме того, выделяют еще некоторые способы получения впечатлений: улажнение органов чувств, поощрение за деятельность, поощрение тщательного отношения к обучению, пробуждение любопытства, подключение ума и открытие знаний [12]. Причем отмечается, что опыт и позитивные эмоции делают людей счастливее, чем материальные блага. Следовательно, впечатления могут стать конкурентным преимуществом.

Указанная модель создавалась для сферы бизнеса. Однако ее можно адаптировать и для сферы образования, если его рассматривать как предоставление качественных образовательных услуг.

С нашей точки зрения, данную модель можно дополнить социокультурными впечатлениями, способствующими налаживанию контактов и привлечению более квалифицированных мигрантов на соответствующие территории, что требует взаимной адаптации самих мигрантов и местных жителей.

Таким образом, адаптированная модель может выглядеть следующим образом:

1) развлечение (ощущать) — пассивное поглощение знаний при минимальной деятельности (посещение лекций, чтение книг, прослушивание видеокурсов и др.);

2) обучение (учиться) требует активного участия. Стремление к получению новых знаний — естественная и неотъемлемая часть сущности человека. Но для передачи ему этих знаний или развития у человека каких-то навыков требуется полное вовлечение его ума (для интеллектуального образования) или тела (для физического развития). В этом аспекте вызывает большой интерес обучение в сотруди́честве по типу перевернутого класса;

3) уход от реальности (действовать), где учащийся сам несет ответственность за то, какую глубину впечатлений он получит. К этой области можно отнести набирающее популярность виртуальное обучение и квест-комнаты, созданные с помощью дополнительной реальности;

4) эстетика (быть) — самый простой тип впечатлений, ориентирован на сущность человека и его стремление к прекрасному. Требует от потребителя лишь «быть» и «воспринимать». Ему не требуется изменять окружающую среду или оказывать на нее влияние. Эстетическое удовольствие человек получает, приобщаясь к мировым ценностям;

5) социокультурная среда — формирующая взаимоотношения между представителями различных культур и слоев социума.

Следует также отметить, что речь идет не только о развитии профессиональных навыков (*hard skills*), но и навыков общего характера (*soft skills*), тесно связанных с личностными качествами.

Что касается руководства процессом, то, по мнению Дж. Пейна, руководит деятельностью директор по впечатлениям (*Chief Experience Officer (CXO)*), ведущий к успеху. Он дизайнер и постановщик задач с целью максимальной оптимизации продукта или услуги под потребности клиентов. С другой стороны, он должен следить за впечатлениями сотрудников от работы, т. е. опыт клиента — это следствие взаимодействия сотрудников компании [13].

Трансформируя данный тезис в системе образования, можно сказать, что руководит деятельностью учащихся преподаватель, ведущий к успеху, что согласуется с положениями эмоционального лидерства. Он дизайнер и постановщик целей и задач для максимальной оптимизации образовательных услуг под нужды их потребителей.

Таким образом, создается определенная социокультурная образовательная среда, способствующая не только получению профессиональных знаний, но и адаптации к быстро меняющимся условиям окружающей среды (контексту деятельности). Следовательно, изучение впечатлений, производимых окружающей средой, имеет определенные перспективы.

Результаты и обсуждение

Представленное нами исследование проводилось в двух университетах России и Армении. В России в исследовании принимали участие 22 русских студента (21 девушка и 1 юноша, средний возраст 20 лет) и 9 китайских (6 девушек и 3 юноши, возраст 22–28 лет). Все респонденты являются студентами 4 курса бакалавриата Уральского федерального университета по направлению «Перевод и межкультурная коммуникация». Коренными жителями РФ являются 21 русский студент, у 1 респондента предки были мигрантами, 1 является мигрантом. Гражданство: 21 — РФ, 1 — Казахстан; 9 студентов — граждане Китая. Значимые гендерные различия отсутствуют.

В Армении в исследовании приняли 13 человек (девушки). Все респонденты являются студентами 1 курса бакалавриата Иджеванского филиала Ереванского государственного университета по специальности «Русский язык и литература». Средний возраст — 19 лет (11 человек), от 30 до 50 лет (2 человека). Коренными жителями Республики Армения (РА) являются 13 человек, у 1 человека предки были мигранты. 2 человека имеют двойное гражданство: РА и РФ. Значимые возрастные различия отсутствуют.

Респондентам была предложена анкета, состоящая из 9 вопросов, касающихся впечатлений по отношению к представителям других культур (табл.). Оценка впечатлений производилась по классификации И. Бритвиной и Е. Могильчак [10].

По полученным результатам можно сделать следующие выводы. Большинство респондентов считают, что представители других культур их не пугают (18 / 11 / 7). При этом 17 российских, 9 армянских и 8 китайских респондентов хотят иметь друзей разных национальностей. Почти всем российским (21) и 8 китайским респондентам неважно, какой национальности их начальник, если он имеет высокую квалификацию; из армянских только примерно половина (6) подтверждают этот факт и 3 — если вырос в их стране, 19 российских, 11 армянских и 9 китайских готовы видеть мигрантов среди своих коллег.

Что касается личных отношений, то в целом 18 российских респондентов, 6 армянских и 7 китайских положительно относятся к межнациональным бракам и 3 армянских — в зависимости от религии; 17 российских респондента и только 1 армянский готовы принять человека любой национальности в качестве члена семьи в любом случае; по 3 из каждой группы — если он вырос в их стране; среди китайских студентов 7 человек готовы принять в качестве члена семьи человека любой национальности.

Что касается религиозных предпочтений, то 16 российских респондентов не считают, что им сложно общаться с человеком другой веры, в то же время 6 (примерно половина) армянских респондентов и 5 китайских (примерно половина) отмечают сложности.

В целом, 20 российских, 8 армянских и 9 китайских респондентов считают, что человека надо оценивать только по моральным и деловым качествам.

Таблица

Результаты опроса по определению впечатлений по отношению к представителям других культур

Вопросы	Россия / Армения / Китай						Тип отношений
	да	нет	Затрудняюсь ответить	Да, в любом случае	Да, если он вырос в моей стране	Нет, если он мигрант	
1. Человек другой культуры обычно пугает или настораживает меня	2 / 2 / 1	18 / 11 / 7	2 / 0 / 1				ад / ад / ад
2. Хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей	17 / 9 / 8	1 / 4 / 1	4 / 0 / 0				ад / ад / ад
3. Мне сложно общаться с человеком другой веры	1 / 6 / 2	16 / 4 / 5	5 / 3 / 2				ад / пр / пр
4. Для меня неважно, какой национальности мой начальник, если он имеет высокую квалификацию	0 / 0 / 8	0 / 0 / 1	0 / 0 / 0	21 / 6	1 / 3	0 / 4	ад / пр / ад
5. Я готов видеть людей другой национальности среди своих коллег в офисе (на работе)	19 / 11 / 9	0 / 1 / 0	3 / 1 / 0				ад / ад / ад
6. Готов принять в качестве члена семьи человека любой национальности	0 / 0 / 7	0 / 0 / 1	0 / 0 / 1	17 / 1	3 / 3	2 / 9	ад / бк / ад
7. Отрицательно отношусь к межнациональным бракам, так как они ведут к исчезновению нации	0 / 6 / 0	18 / 1 / 7	2 / 3 / 2				ад / пр / ад
8. Человека надо оценивать только по его моральным и деловым качествам, а не по его национальности	20 / 8 / 9	0 / 3 / 0	2 / 2 / 0				ад / ад / ад
9. Мне хотелось бы пожить в другой стране	19 / 5 / 1	1 / 5 / 7	2 / 3 / 1				ад / пр / бк

* Примечание: активно доброжелательное (ад), бескомпромиссное (бк), противоречивое (пр) и безразличное (бр).

19 российских, только 5 армянских и 1 китайский респондент хотели бы пожить в другой стране, 1 российский, 5 армянских и 7 китайских отрицают эту возможность, 2, 3 и 1 соответственно затруднились ответить.

Используя типологию отношения к мигрантам (активно доброжелательное, бескомпромиссное, противоречивое и безразличное), можно сделать вывод, что у студентов из России отношение к мигрантам во всех случаях (все 9 вопросов) активно доброжелательное. У студентов из Армении в 4 случаях отношение к мигрантам противоречивое, в 4 случаях активно доброжелательное и в 1 случае бескомпромиссное (6-й вопрос). У китайских студентов в 7 случаях отношение активно доброжелательное, в 1 случае (3-й вопрос) противоречивое и в 1 случае бескомпромиссное (9-й вопрос).

Таким образом, можно сказать, что социокультурные отношения представляют собой сложное многоаспектное явление. Особенно оно проявляется при взаимодействии с представителями другой культуры в дихотомии «свой» — «чужой».

По полученным данным (все вопросы) российские студенты показывают высокую адаптивность и толерантность (9/9). Отношение армянских студентов частично адаптивное и частично противоречивое (4/4) и в 1 случае (6) бескомпромиссное, что, возможно, обусловлено национальными особенностями и традициями. Среди китайских студентов, в целом, наблюдается высокая адаптивность (7) и по 1 случаю противоречивое (3) и бескомпромиссное отношение (9).

В целом, представленная группа студентов продемонстрировала высокую толерантность к представителям других культур и готова учиться или работать в условиях высокого культурного разнообразия; готова расширить круг своего межнационального общения, терпимо относится к межнациональным бракам, но не все студенты готовы принять в свою семью человека другой национальности. Почти 100 % желание российских студентов пожить в другой стране, возможно, связано с большей открытостью российского общества, меньшей ограниченностью передвижения и разницей культур, т. к. Россия находится на пересечении Востока и Запада. Китайская и армянская культура более закрыты и значительно отличаются от западной. По нашим исследованиям, армянские студенты адаптируются легче, что, возможно, связано со знанием российского социокультурного контекста, т. к. Армения относится к постсоветскому пространству. В то же время китайские студенты (как и представители других восточных культур) имеют значительные проблемы с адаптацией (язык, еда, климат и др.).

Полученные результаты могут быть хорошей основой для налаживания межнациональных контактов и создания программ адаптации как мигрантов, так и принимающего сообщества, включая университеты, имеющие определенное количество иностранных учащихся, представляющих человеческий капитал территорий.

Заключение

Таким образом, на смену традиционным формам экономических отношений приходит экономика впечатлений, где осуществляется не только предложение товара или услуги (например, образовательных услуг) с целью удовлетворения практических нужд потребителей, а продвижение этих товаров или услуг на основе производимого впечатления (эмоций), которые возникают при взаимодействии с ними. Организации, которые используют технологии экономики впечатлений, формируют свой положительный имидж и привлекают больше потребителей.

Причем грамотно созданное впечатление основывается на личном контакте с каждым потребителем (например, личностный подход в образовании), который чувствует свою вовлеченность в образовательный процесс, получает положительные эмоции и лоялен к образовательной организации. Однако необходимо учитывать, что каждый потребитель образовательной услуги имеет свои индивидуальные социокультурные и психологические особенности и зависит от различных внешних факторов, формируя свое собственное впечатление.

Список источников

[1] Status, Relative Deprivation and Moral Devaluation of immigrants / M. Gheorghiu, S. Pehrson, O. Christ // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61, No. 2. P. 510–531. DOI: doi.org/10.1111/bjso.12493.

[2] Kent J. Can Urban Fabric Encourage Tolerance? Evidence That the Structure of Cities Influence Attitudes Toward Migrants in Europe // *Cities*. Pompeu Fabra, Department of Political and Social Sciences, Barcelona, Spain. 2022. Vol. 12, No. 103494. DOI: doi.org/10.1016/j.cities.2021.103494.

[3] Bentsen B. Intergroup Contact and Negative Attitudes Towards Immigrants Among Youth in Sweden: Individual and Contextual Factors // *Journal of International Migration and Integration*. 2022. Vol. 23, No. 1. P. 243–266. DOI: doi.org/10.1007/s12134-021-00837-x.

[4] Rosen L., Jacob M. Diversity in the Teachers' Lounge in Germany — Casting Doubt on the Statistical category of 'Migration Background' // *European Educational Research Journal*. 2022. Vol. 21, No. 2. P. 312–329. DOI: doi.org/10.1177/14749041211054949.

[5] Прохода В. А. Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 60. С. 151–163. DOI: doi.org/10.17223/1998863./60/14.

[6] Васильева О. Влияние социально-экономического статуса населения северо-востока России на отношение к мигрантам // *Мир России. Социология. Этнология*. 2019. № 28 (4). С. 152–171. DOI: doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-152-171.

[7] Ярская-Смирнова В., Ручин А. Отношение к мигрантам профессиональных групп социального государства // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. № 16 (4). С. 691–700. DOI: doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-4-691-700.

[8] Attitude of the Citizens of the Ural Megalopolis towards Migrants of Different Ethnicities / I. Britvina, E. Mogilchak, G. Savchuk // 12th International Days of Statistics and Economics. Prague, 2018. P. 239–246.

[9] Отношение жителей уральского мегаполиса к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ / И. В. Бритвина, Е. Л. Могильчак, Г. А. Савчук // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 137–146. DOI: doi.org/10.17223/1998863X/44/14.

[10] Бритвина И. В., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27 (1). С. 114–134. DOI: doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134.

[11] Joseph Pine II B., Gilmore J. H. The Experience Economy: Work Is Theater & Every Business. Harvard Business School Press, 1999. 254 p.

[12] Hodinar A. The experience economy in simple words. URL: <https://adne.info/ekonomika-vpechatlenij/> (accessed: 10.04.2022).

[13] Belostotskaya N. Joseph Pine: business is a theater, and you are a director in it. What is the experience economy and why is it time for you to change the company's strategy? URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/dzhozef-peyn-biznes-eto-teatr-a-vy-v-nem-rezhisser/#:~:text=> (accessed: 16.04.2022).

References

[1] Status, Relative Deprivation and Moral Devaluation of immigrants / M. Gheorghiu, S. Pehrson, O. Christ // British Journal of Social Psychology. 2022 Vol. 61, No. 2. Pp. 510–531. DOI: <http://doi.org/10.1111/bjso.12493>.

[2] Kent J. Can Urban Fabric Encourage Tolerance? Evidence That the Structure of Cities Influence Attitudes Toward Migrants in Europe // Cities. Pompeu Fabra, Department of Political and Social Sciences, Barcelona, Spain. 2022. Vol. 12, No 103494. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103494>.

[3] Bentsen B. Intergroup Contact and Negative Attitudes Towards Immigrants Among Youth in Sweden: Individual and Contextual Factors // Journal of International Migration and Integration. 2022. Vol. 23, No. 1. Pp. 243–266. DOI: <http://doi.org/10.1007/s12134-021-00837-x>.

[4] Rosen L., Jacob M. Diversity in the Teachers' Lounge in Germany — Casting Doubt on the Statistical category of 'Migration Background' // European Educational Research Journal. 2022. Vol. 21, No. 2. Pp. 312–329. DOI: <http://doi.org/10.1177/14749041211054949>.

[5] Prokhoda V. A. Attitude towards migrants and strategies of intercultural interaction in Russia and other European countries // Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science. 2021. No. 60. Pp. 151–163. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863./60/14>.

[6] Vasil'eva, O. The impact of socio-economic status on attitudes towards migrants in the North-East of Russia // Universe of Russia. 2019. Vol. 28(4). Pp. 152–171. DOI: <http://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-152-171>.

[7] *Yarskaya-Smirnova V., Ruchin A.* Attitude among the professional group of the welfare state towards Migrants // Journal of Social Policy Studies. 2018. Vol. 16 (4). Pp. 691-700. DOI: <http://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-4-691-700>.

[8] *Britvina I., Mogilchak E., Savchuk G.* Attitude of the Citizens of the Ural Megalopolis towards Migrants of Different Ethnicities // 12th International Days of Statistics and Economics. Prague, 2018. Pp. 239-246.

[9] The attitude of the residents of the Ural megalopolis to migrants of different ethnicity from Central Asian countries: factor analysis / I. B. Britvina, E. L. Mogilchak, G. A. Savchuk // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. Vol. 44. Pp. 137-146. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/44/14>.

[10] *Britvina I., Mogilchak E.* The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities // Universe of Russia. 2018. Vol 27(1). Pp. 114-134. DOI: <http://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>.

[11] Joseph Pine II B., Gilmore J. H. The Experience Economy: Work Is Theater & Every Business a Stage. Harvard Business School Press, 1999. 254 p.

[12] *Hodinar A.* The experience economy in simple words. URL: <https://adne.info/ekonomika-vpechatlenij/> (accessed on 10.04.2022).

[13] *Belostotskaya N.* Joseph Pine: business is a theater, and you are a director in it. What is the experience economy and why is it time for you to change the company's strategy? URL: [https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/dzhozef-peyn-biznes-eto-teatr-a-vy-v-nem-rezhisser/#:~:text=\(accessed on 16.04.2022\).](https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/dzhozef-peyn-biznes-eto-teatr-a-vy-v-nem-rezhisser/#:~:text=(accessed on 16.04.2022).)

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-11>

УДК 911.3, 913, 314.1

JEL J11, O15, R23

МИГРАЦИОННАЯ СВЯЗАННОСТЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

А. В. Лялина ^{а)}, К. Ю. Волошенко ^{б)}, А. А. Новикова ^{в)}, Ю. Ю. Фарафонова ^{г)}

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград, Россия).

^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

^{в)} <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

^{г)} <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

Автор для корреспонденции: А. В. Лялина (anuta-mazova@mail.ru).

Аннотация. Межрегиональная миграция в Калининградской области, выступающая предметом настоящего исследования, в недавнее время вышла на первый план в формировании положительного сальдо миграции. Гипотеза исследования заключается в том, что миграционная связанность региона с другими территориями страны выросла, в т. ч. вследствие значительной трансформации внешних и внутренних условий развития региона и страны в целом с 2014 г. Проверка этой гипотезы, а также выявление специфики изменения миграционной связанности региона с другими субъектами РФ в период 2014–2021 гг. определили цель исследования. Методологическую основу исследования составили общие научные, статистические и картографические методы анализа, методика расчета коэффициентов интенсивности миграционных связей (Л. Л. Рыбаковского), методика построения возрастного профиля мигрантов (А. Роджерс и Л. Кастро). Источником информации послужили официальные статистические данные Росстата и Калининградстата за период 2014–2021 гг. Исследование подтвердило исходную гипотезу о существенном росте миграционной связанности Калининградской области с большинством других регионов РФ, проявляющемся в увеличении интенсивности межрегиональных миграционных связей при значительном расширении зон миграционного тяготения по прибытию и сжатию зон миграционного тяготения по выбытию. Наиболее заметный рост миграционной связанности зафиксирован с регионами Дальнего Востока, Северо-Запада и Сибири.

Ключевые слова: миграционная связанность, миграционный прирост, межрегиональная миграция, Калининградская область

Migration Connectivity of Kaliningrad Oblast with Other Russian Regions in the Age of Geopolitical Turbulence

A. V. Lialina ^{a)}, K. Yu. Voloshenko ^{b)}, A. A. Novikova ^{c)}, Yu. Yu. Farafonova ^{d)}
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

^{a)} <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

^{c)} <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

^{d)} <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

Corresponding author: A. V. Lialina (anuta-mazova@mail.ru).

Abstract. *Kaliningrad oblast's internal migration has recently become a key factor contributing to its positive net migration. It is hypothesised that the region's migration connectivity with other territories of Russia has increased, including due to a major transformation of the external and internal conditions of the regional and national development taking place since 2014. The study aims to confirm the hypothesis, as well as to identify the features of the change in the region's migration connectivity with other entities of the Russian Federation in 2014-2021. The research applies general scientific, statistical and cartographic analysis methods, the method for calculating the coefficients of migration link intensity (Rybakovsky), the method for modelling migration schedules (Rogers and Castro). 2014-2021 official statistics obtained from Rosstat and Kaliningradstat were used. The study confirms the hypothesis of the substantial increase in Kaliningrad oblast's migration connectivity with most other regions of the Russian Federation that manifested in an increase in the internal migration link intensity with a considerable expansion of incoming migration gravitation zones and compression of outgoing migration gravitation zones. The regions of the Far East, the North-West and Siberia show the largest increase in migration connectivity.*

Keywords: migration connectivity; net migration; interregional migration; Kaliningrad oblast

Введение

Российский эксклав на Балтике — Калининградская область — является территориально оторванным регионом России от основной территории страны. Сохранение и укрепление связанности самого западного региона с материнской территорией всегда выступало неотъемлемым приоритетом развития региона. Миграционная связанность в значительной степени обеспечивает этот процесс, формируя и поддерживая тесные миграционные связи между Калининградской областью и другими субъектами федерации. История этих связей берет начало в 1946 г. с момента освоения области советскими переселенцами [13]. Формируя в те годы постоянный состав населения региона, сложившиеся миграционные связи и по сей день играют важнейшую роль в обогащении трудового потенциала Калининградской области.

Миграционная связанность является элементом пространственной связанности территорий и характеризует интенсивность миграционного взаимодействия между ними. Миграционная связанность территорий находит свое место как в классических концепциях пространственного развития А. Вебера, В. Кристаллера, А. Леша, Ф. Перру, Д. Будвиля и других,

так и в новых теориях связанности экономического пространства [19] при описании миграции трудовых ресурсов, а также ряде миграционных концепций и теорий, таких как концепция миграционных сетей Д. Массея [3, 8], концепция «притяжения-выталкивания» Э. Ли [2, 4] концепция миграционных систем [1, 6], при обосновании мотивов, причин и факторов возникающих связей. Миграционная связанность имеет критическую значимость для эксклавных территорий, примером которой является Калининградская область.

Межрегиональная миграция в Калининградской области была в фокусе миграционных исследований всю вторую половину XX в. [13–14, 22]. С распадом Советского Союза и выходом на первый план массовых вынужденных миграций из бывших союзных республик изучение обмена населением с другими регионами страны осталось в тени. Справедливости ради важно отметить, что и на фоне глубочайших изменений в экономике страны объем этого обмена значительно сократился в 1990-е — начале 2000-х гг., но сальдо миграции оставалось положительным весь этот период [15].

Позитивные изменения в уровне жизни населения России, запуск ряда инвестиционных проектов в самом западном регионе страны, интенсификация внешнеэкономического взаимодействия с европейскими государствами в середине 2000-х гг. стимулировали новый интерес жителей «большой» России к Калининградской области и способствовали насыщению старых и созданию новых миграционных связей.

Анализ географии миграционных связей Калининградской области на территории России на сегодняшний день ограничивается 2015 г. [9, 15]. Выявление влияния произошедших в последующем изменений внешних и внутренних условий функционирования региональной и национальной экономик, уровня жизни населения на трансформацию миграционной связанности Калининградской области с другими регионами России до сих пор не нашло отражения в научной литературе. Хотя исследователями неоднократно подчеркивалась растущая роль межрегиональной миграции как в миграционном приросте, так и в воспроизводстве населения в целом [16–18]. Остаются слабоизученными факторы и мотивы миграции новых переселенцев в регион, их возрастно-половые характеристики, участие на рынке труда и другие вопросы, не позволяющие в условиях высокого миграционного прироста в обмене с другими регионами России осуществлять селекцию этого миграционного потока в целях обеспечения экономической безопасности и резильентности региона.

Таким образом, данная статья ставит целью восполнить обозначенные пробелы в части выявления изменения миграционной связанности Калининградской области с другими регионами России в эпоху геополитической турбулентности (2014–2021 гг.), характеризующуюся перманентной чередой изменений не только глобального политического миропорядка, но и положения в нем России и ее регионов [10]. Для достижения

поставленной цели осуществлена характеристика миграционной связанности Калининградской области с другими регионами России, проведен краткий анализ мер государственного регулирования межрегиональной миграции в регион.

Методы и материалы

Исследование построено на расчете ряда миграционных показателей, характеризующих объемы и интенсивность межрегиональной миграции в Калининградской области, а именно: коэффициент сальдо миграции, коэффициент валовой миграции, медианный возраст мигрантов. С использованием методики А. Роджерс и Л. Кастро [7] построен возрастной профиль прибывших и выбывших в другие регионы РФ. Интенсивность миграционных связей Калининградской области с другими регионами России рассчитана с использованием методики коэффициентов интенсивности межрегиональных миграционных связей (КИМС) Л. Л. Рыбаковского [21].

Коэффициент интенсивности межрегиональных миграционных связей рассчитывался по формуле [21]:

$$K_{ij} = \frac{V_{ij}}{d_i} = \frac{M_{ij}}{\sum_{i=1}^m M_{ij}} : \frac{S_i}{\sum_{i=1}^m S_i} = \frac{M_{ij} \sum_{i=1}^m S_i}{S_i \sum_{i=1}^m M_{ij}},$$

где K_{ij} — коэффициент интенсивности межрегиональных миграционных связей (КИМС); V_{ij} — скорость миграционного потока из i -го района переселенцев в j -й район вселения; d_i — удельный вес i -го района выхода в суммарной численности населения всех районов; M_{ij} — численность прибывающего населения из i -го района переселенцев в j -й район вселения; $\sum M_{ij}$ — численность прибывающего населения в j -й район вселения; S_i — численность населения i -го района выхода; $\sum S_i$ — численность населения всех i -х районов переселенцев.

Для анализа и структурирования выявленных миграционных связей нами была использована классификация КИМС Л. Л. Рыбаковского [20]:

- Высокие — более 2,50;
- Повышенные — 1,25–2,49;
- Средние — 0,80–1,24;
- Заметные — 0,40–0,79;
- Несущественные связи — менее 0,39.

Для выявления «зон миграционного тяготения» оценивались только значения КИМС, равные 1,25 и выше. Под понятием «зона миграционного тяготения» автор понимает территорию, которая характеризуется высокой интенсивностью миграционных связей по отношению к определенному центру притяжения (для прибывающих потоков) или к центру диффузии (для выбывающих потоков) [11].

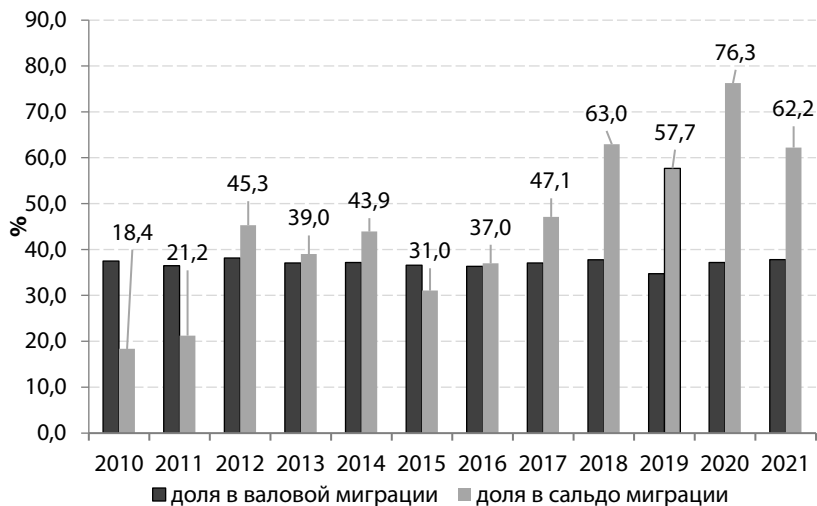

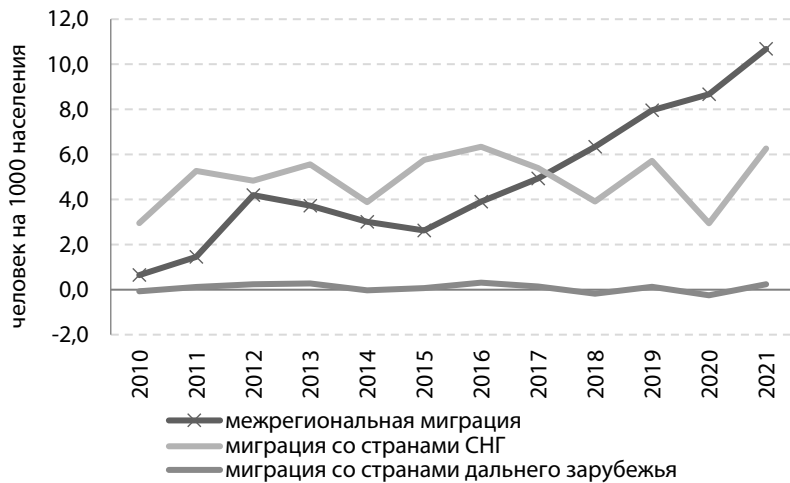
Рис. 1. Доля межрегиональной миграции в структуре общей (суммарной) миграции региона (источник: рассчитано автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 21.03.2022))

Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата и его территориального органа в Калининградской области (Калининградстат) за период 2014–2021 гг.

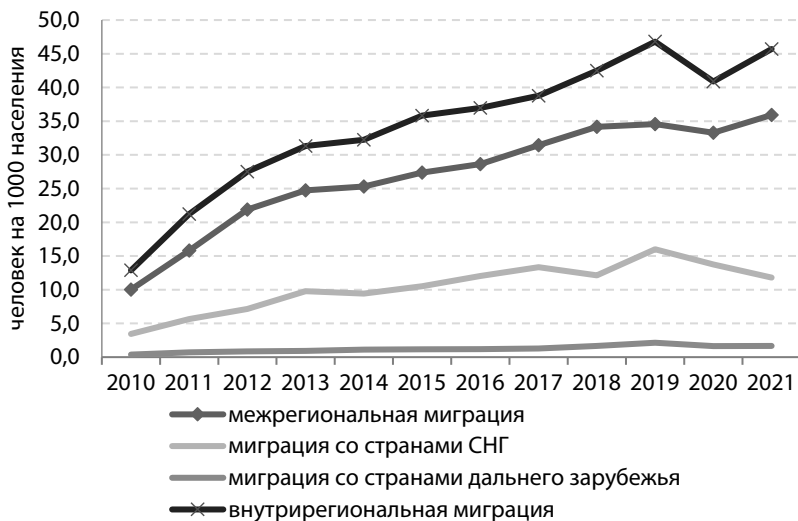
Результаты

Межрегиональная миграция за последние десять лет значительно усилила влияние на общую миграционную обстановку в Калининградской области. Начиная с 2018 г. доля межрегионального обмена стабильно превышает 55–60 % в структуре сальдо миграции (рис. 1). Отчасти это связано с ростом миграционной привлекательности области для жителей других регионов России, в т. ч. для поездок в туристических целях. Возросшие входящие туристические потоки на фоне «импортозамещения» отдыха россиян после 2014 г. и преодоления кризисных явлений в региональной и национальной экономиках (в период 2014–2016 гг.), сопровождающегося укреплением уровня жизни населения, стимулировали постоянную миграцию в регион из «большой» России, начиная с 2017 г.

Показатели интенсивности валовой и сальдо миграции с другими регионами страны демонстрируют значительный опережающий рост в сравнении с международной миграцией (прежде всего со странами СНГ) (рис. 2). Сокращение объемов валовой межрегиональной миграции в пандемийный 2020 г. оказалось значительно меньшим, чем во взаимодействии с другими странами или даже внутри области — 4 % против 14 % и 13 % соответственно. А сальдо миграции в период пандемии COVID-19

а) Коэффициент интенсивности сальдо миграции

б) Коэффициент интенсивности валовой миграции

Рис. 2. Основные показатели миграции населения в Калининградской области в 2010–2021 гг. (источник: рассчитано автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.03.2022))

продолжило рост, лишь немного замедлившись. Это привело к трехкратному увеличению доли межрегиональной миграции в суммарном сальдо миграции по отношению к 2010 г. — до 62,2 %. В валовой миграции ее доля

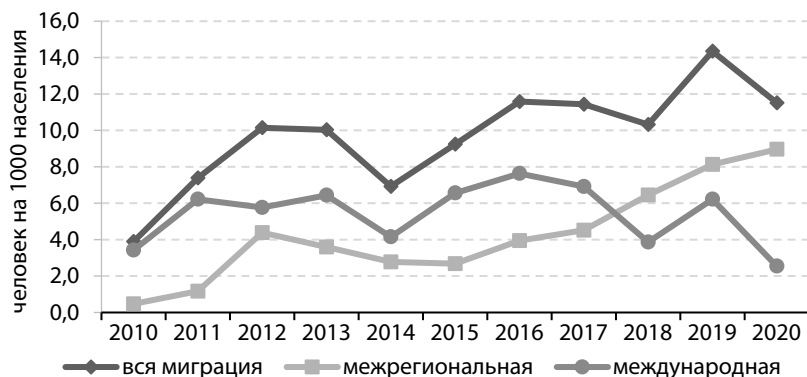

Рис. 3. Сальдо миграции населения в Калининградской области в трудоспособном возрасте в 2010–2020 гг. (источник: рассчитано автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 03.04.2022))

оставалась практически без изменений: 2021 г. — 38 %, 2011 г. — 36,5 %. Результатом таких изменений стало увеличение результативности межрегиональной миграции населения. Так, если в 2010–2011 гг. в регионе оставалось менее 6 % всего миграционного оборота с регионами РФ, то в 2020–2021 г. — уже более четверти.

Данные о причинах переезда мигрантов из других регионов России содержат информацию о преобладании причин личного, семейного характера (45 %)¹. В числе причин переезда в Калининградскую область мигрантами зачастую также называются благоприятные природно-климатические условия (прежде всего, близость к морю) и благоприятная экологическая обстановка, близость к Европе, стоимость жилья. В то же время трудовая деятельность первостепенна для значительной меньшей части мигрантов (11 %). Однако не подлежит сомнению факт, что приезжающие в трудоспособных возрастах представляют значительный трудовой потенциал, подавляющее большинство из них выйдет на рынок труда. В целом, интенсивность миграционного прироста населения в трудоспособных возрастах в обмене с другими регионами России, начиная с 2016 г., демонстрирует позитивную динамику (рис. 3). Это свидетельствует о растущей заинтересованности в переезде в регион наиболее востребованной на региональном рынке труда когорты мигрантов. Примечательно также и то, что с 2018 г. межрегиональная миграция стала играть первостепенную роль в формировании трудового потенциала региона, отодвинув с первых позиций международную миграцию (прежде всего, миграцию со странами ближнего зарубежья).

Медианный возраст прибывающих в Калининградскую область и выбывающих из нее межрегиональных мигрантов в 2020 г. составил 31 год

¹ Миграция в Калининградской области (2007-2016). Стат. сб. Калининград, 2017.

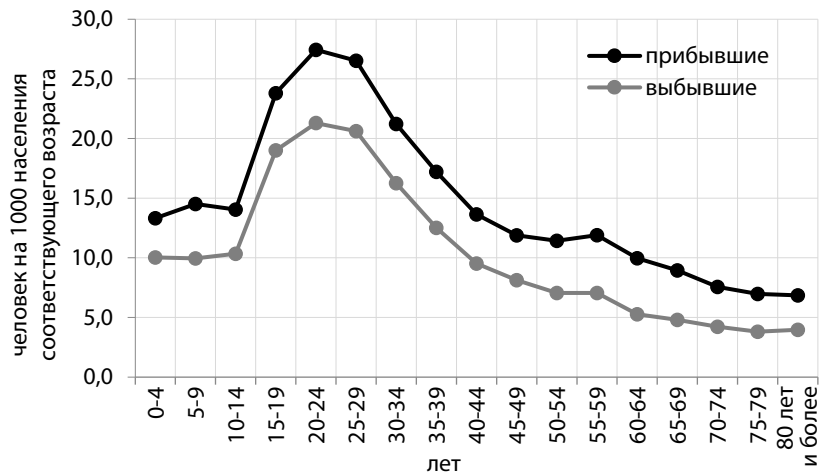

Рис. 4. Возрастной профиль межрегиональной миграции населения Калининградской области, в среднем за 2011–2020 гг. (источник: рассчитано автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 03.04.2022))

и 30 лет соответственно. Он ниже медианного возраста мигрантов из других стран (34 лет). Важнейшими особенностями возрастного профиля прибывающих межрегиональных мигрантов в Калининградскую область в 2011–2020 гг. является наличие двух пиков интенсивности. В возрастной группе 15–39 лет прибывают 52 % переселенцев из других субъектов РФ, что коррелирует с результатами ранее проведенных исследований для России в целом [5, 12] (рис. 4). Среди основных причин могут быть названы поступление в калининградские вузы и осуществление трудовой деятельности. Еще один пик, но менее значимый по интенсивности, приходится на возрастную группу 55–59 лет. Вероятной причиной смены места жительства в этом возрасте становится воссоединение с родственниками, ранее прибывшими в регион, либо желание в пенсионном возрасте переехать в более комфортный регион из регионов с суровыми климатическими условиями. В структуре выбывающих из Калининградской области мигрантов в другие субъекты РФ доля переселенцев в возрасте 15–39 лет еще выше — 57 %. Очевидно, что основным мотивом эмиграции наиболее экономически активного населения региона является поиск лучших условий для трудовой деятельности в столичных регионах России.

На привлечение наиболее востребованных региональной экономикой мигрантов из других регионов России нацелены принятые в 2018 г. областным Правительством меры по стимулированию привлечения российских кадров для постоянного проживания в регионе в рамках подпрограммы «Повышение мобильности трудовых ресурсов» Государственной

программы Калининградской области «Социальная поддержка населения». Утвержденные объемы финансового обеспечения составляют 65,6 млн руб. на 2019–2022 гг. Участникам подпрограммы — юридическим лицам, работающим в сфере IT-технологий, инжиниринговой отрасли, сельском хозяйстве — предоставляется субсидия на компенсацию привлекаемым работникам транспортных расходов и расходов, связанных с провозом личного имущества, расходов на профессиональное обучение, жилищно-бытовое обустройство, расходов по найму и аренде, покупке жилья и некоторые другие расходы. На территории региона также действуют федеральные программы, нацеленные на привлечение и закрепление населения в сельской местности — «Земский учитель» (Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642), «Земский доктор» и «Земский фельдшер» (Постановление Правительства Калининградской области от 29 марта 2016 г. N 153; Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. N 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие здравоохранения“»). Объем финансового обеспечения программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер» на 2019–2022 гг. составляет 102,8 млн руб. за счет федерального бюджета. Программа предлагает медицинским работникам с высшим медицинским образованием, прибывшим или переехавшим на работу в сельский населенный пункт, в рабочий поселок, поселок городского типа либо город численностью населения до 50 тыс. чел. Калининградской области, единовременную компенсационную выплату в размере от 0,5 до 1,5 млн руб. Объем финансового обеспечения программы «Земский учитель» на 2020–2022 гг. составляет 32,0 млн руб. из федерального (80,0 %) и регионального (20,0 %) бюджетов. В рамках этой программы педагогам, заключившим договор на 5 лет с учебной нагрузкой от 18 часов, предоставляется единовременная выплата в размере 1,5 млн руб. из средств федерального и регионального бюджетов. Однако в отсутствие достаточной научной обоснованности данных программ, оценке их эффективности научным сообществом, они ожидаемо не меняют сложившиеся диспропорции на рынке труда коренным образом.

Новым региональным проектом стала Комплексная программа развития центральных и восточных муниципалитетов Калининградской области «Восток» (Программа «Восток»). Принятая в наиболее сложные времена (2020 г.) и ориентированная на повышение уровня жизни в одиннадцати периферийных муниципалитетах области с целью привлечения и закрепления трудовых ресурсов здесь она, вероятно, окажется более эффективной, чем федеральные меры. Сегодня Программа «Восток» предполагает предоставление займа в сумме от 2 млн до 50 млн руб. под 1 % годовых на инвестиционные цели для субъектов малого и среднего предпринимательства восточных муниципалитетов области с целью привлечь инвестиции и создать новые рабочие места в городах и поселках с невысокой экономической активностью. Срок займа установлен в семь лет,

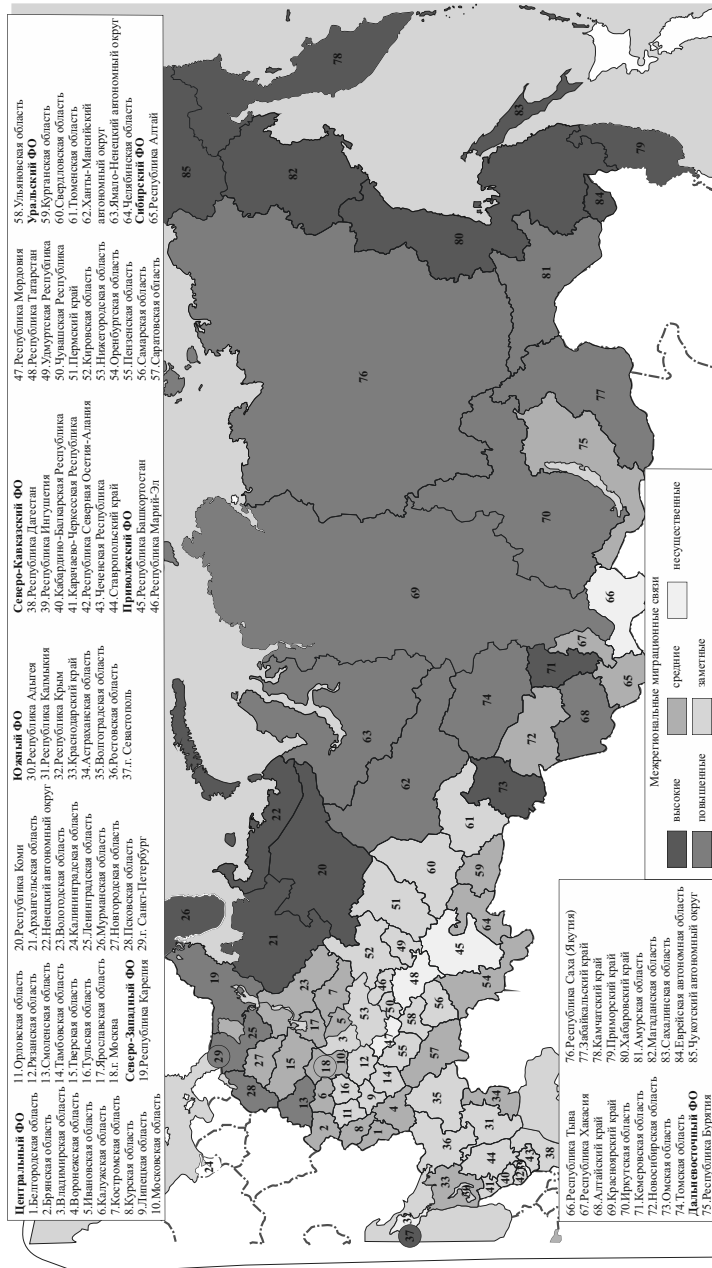

Рис. 5. Коэффициент интенсивности миграционных связей Калининградской области с регионами России по прибытию (2014–2021 гг.). Примечание: ФО — федеральный округ — федеральный округ (источник: рассчитано и составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.04.2022))

а для заемщиков, работающих в сельском хозяйстве, увеличивается до 10 лет.

Основным источником трудовых ресурсов Калининградской области в России являются регионы Севера (Мурманская и Архангельская области), Сибири (Кемеровская и Омская области, Алтайский и Красноярский края) и Дальнего Востока (Камчатский, Приморский и Хабаровский края). На сегодняшний день часть этих субъектов входит в перечень субъектов приоритетного привлечения трудовых ресурсов согласно распоряжению Правительства РФ от 20.04.2015 г. № 696-р. Соответственно, ограничения по привлечению работников из этих регионов усложняют задачу привлечения кадров, поскольку не позволяют использовать сложившиеся миграционные связи.

Оценка интенсивности межрегиональных связей региона с другими субъектами РФ в 2014–2021 гг. по прибытию и последующее сравнение их трансформации относительно 2003–2013 гг. [15] показала значительное изменение сложившихся ранее зон миграционного тяготения в сторону их укрупнения и повышения интенсивности миграционных связей. В целом, в 2014–2021 гг. число субъектов РФ, с которыми Калининградская область имела высокие (14 против 7) и повышенные (14 против 18) межрегиональные миграционные связи, увеличилось на три по сравнению с предыдущим десятилетием — до 28 (рис. 5).

Выделяются следующие зоны миграционного тяготения:

— Восточная компактная зона, включающая сегодня 10 субъектов из 11 в составе Дальневосточного федерального округа. Интенсивность миграционных связей составила 6,59 по зоне (в предыдущий период — 4,14), в т. ч. в результате расширения зоны;

— Северная компактная зона в составе пяти субъектов Северо-Западного федерального округа, территории которых (или их части) расположены за полярным кругом. Интенсивность миграционных связей по зоне составила 4,10 против 3,35 в прошлые десять лет;

— Северо-западная компактная зона, включающая территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Псковской области. Значение КИМС составило 2,05 (1,64 в предыдущий период);

— Западно-Сибирская компактная зона практически не изменилась ни по составу субъектов, ни по интенсивности миграционных связей (2,06 против 2,00). Включает автономные округа Тюменской области, Томскую, Омскую и Кемеровскую области, Алтайский край;

— Центральная компактная зона распалась и сохранилась только в составе единичной компактной зоны в Смоленской области со значением КИМС — 2,42 (в 2003–2013 гг. среднее значение по компактной зоне равнялось 1,73).

В эти годы появились новые зоны миграционного тяготения:

— Восточно-Сибирская компактная зона объединила четыре субъекта, характеризовавшихся значительным ростом интенсивности

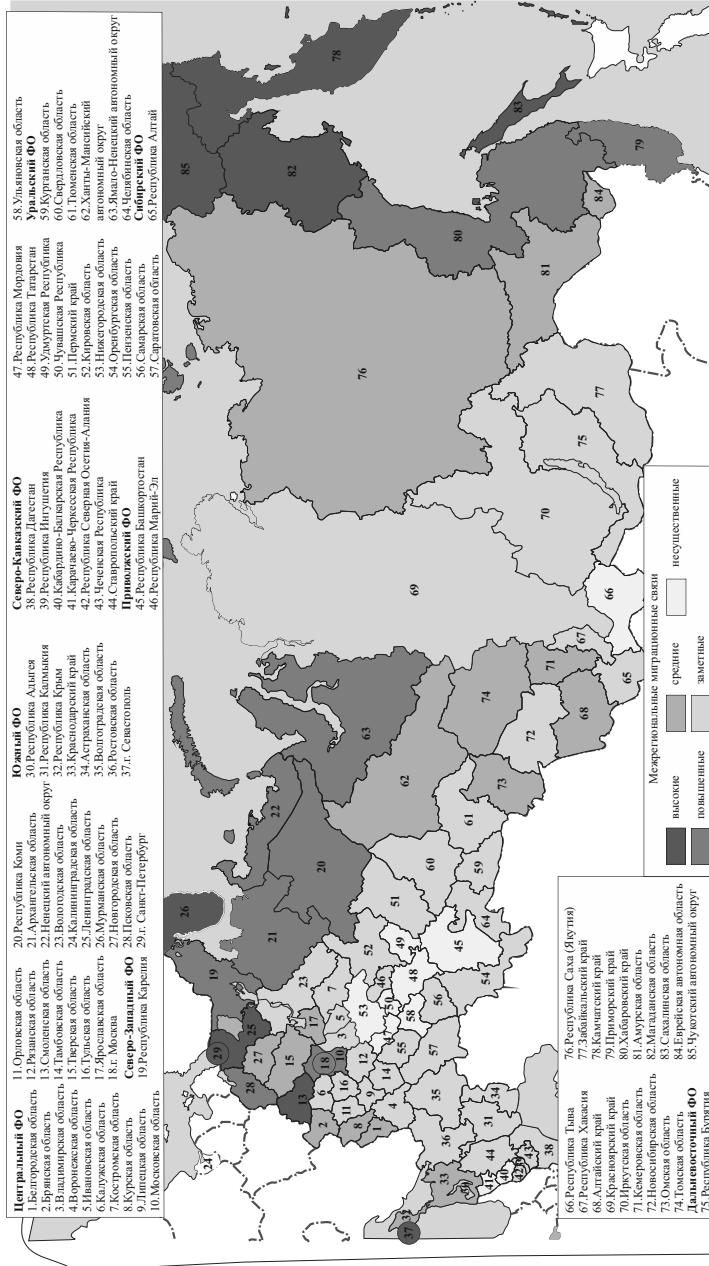

Рис. 6. Коэффициент интенсивности миграционных связей Калининградской области с регионами России по выбытию (2014–2021 гг.) (источник: рассчитано и составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.04.2022))

межрегиональных миграционных связей в рассматриваемый период. Это Иркутская область, Якутия, Забайкальский и Красноярский края. Среднее значение КИМС по зоне превысило 1,57;

— Единичная зона в Севастополе. Значение КИМС с Севастополем — 2,76.

И если картина распределения миграционных связей Калининградской области с другими регионами России по входящим потокам отражает широкомасштабное насыщение этих связей, то по исходящим потокам, напротив, отмечается обеднение ранее сложившихся связей.

Число субъектов РФ, с которыми миграционные связи были заметными или несущественными, выросло с 43 в 2003–2013 гг. до 49 в 2014–2021 гг.

В целом, в исходящих потоках преобладают возвращения к прежнему месту жительства на территориях основных регионов — доноров мигрантов в Калининградскую область (рис. 6). Сложились следующие зоны миграционного тяготения относительно центра диффузии в Калининградской области:

— Восточная компактная зона в составе шести субъектов Дальневосточного ФО. Средняя интенсивность межрегиональных миграционных связей по зоне выросла до 4,64 (в предыдущий период — 3,35);

— Северная компактная зона, включающая пять «полярных» субъектов Северо-Западного ФО. Среднее значение КИМС по зоне сократилось до 2,75 (в 2003–2013 гг. — 2,92);

— Северо-западная компактная зона сократила свои площади за счет снижения интенсивности миграционных связей с Новгородской областью. Средняя интенсивность межрегиональных миграционных связей по зоне незначительно выросла до 2,93 (в предыдущие десять лет — 2,37).

— Центральная компактная зона объединяет столичный регион (г. Москва и Московская область) и Смоленскую область. Среднее значение КИМС за рассматриваемый период несущественно выросло — 1,89 против 1,79 в предшествующий период.

Кроме того, сохраняется единичная зона тяготения в Ямало-Ненецком АО, но при меньшей интенсивности миграционных связей. На юге России появилась новая единичная зона тяготения в г. Севастополь (в 2003–2013 г. ее роль выполнял Краснодарский край).

Заключение

Миграционная связанность Калининградской области с другими регионами России в сложный для страны и региона период геополитической турбулентности, массовых ограничений, связанных с противодействием распространению пандемии COVID-19, выросла, что привело к повышению значения межрегиональной миграции в миграционной обстановке региона, сохранению высоких темпов роста численности населения. Укрепление межрегиональной миграционной связанности региона характерно, прежде всего, для территорий Дальнего Востока, Северо-Запада

и Сибири. Факторами роста, вероятно, стали общая стабилизация уровня жизни населения страны после кризисных явлений 2014–2016 гг., обусловивших падение доходов населения и рост инфляции, а также увеличение миграционной привлекательности Калининградской области в глазах жителей «большой России» в результате информационной кампании по продвижению региона, в т. ч. для туристических целей. Высокий уровень миграционной связанности самого западного региона России с другими субъектами страны и сложившиеся межрегиональные миграционные связи должны стать фундаментом для совершенствования селекции межрегионального миграционного потока в целях укрепления экономической безопасности и резильентности региона в условиях геополитической турбулентности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064>.

Список источников

[1] *Fawcett J. T., Arnold F.* Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands / Ed. by J. T. Faw-cett, B. V. Carino. New York : Center for Migration Studies, 1987.

[2] *Lee E.* A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. P 47–57.

[3] *Massey D. S.* Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration // *Population Index*. 1990. No. 56 (1). P. 3–26.

[4] *Matsui N., Raymer J.* The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000 // *International Migration*. 2020. No. 58 (6). P.210–231. DOI: 10.1111/imig.12708.

[5] *Mkrtchyan N. V., Vakulenko E. S.* Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // *Geo Journal*. 2019. No. 84 (6). P. 1549–1565.

[6] *Portes A., Borocz J.* Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23 (3). P. 606–630.

[7] *Rogers A., Castro L.* Model migration schedules. Research report RR-81-30. Laxenburg : IIASA, 1981. 153 p.

[8] *Stuart B. A., Evan J. T.* Migration Networks and Location Decisions: Evidence from US Mass Migration // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2021. Vol. 13 (3). P. 134–75. DOI: 10.1257/app.20180294.

[9] *Абылкаликов С. И., Сазин В. С.* Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989–2015 годов // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11(2). С. 32–50. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-3.

[10] *Дружинин А. Г.* Геополитическая турбулентность и ее экономико-географические проекции (на примере Западного порубежья России) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2020. № 2. С. 5–15. (Естественные и медицинские науки).

[11] Карачурина Л. Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья (1969–1997 гг.): дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 1999. 287 с.

[12] Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 47–65.

[13] Колганова Э. М. Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского государственного педагогического институт. 1962. № 8. С. 154–175.

[14] Костяшов Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. 1998. Т. 2. С. 82–88.

[15] Лялина А. В. География внешних миграционных связей Калининградской области в 1990-е и 2000-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. № 1. С. 27–37. (Естественные и медицинские науки).

[16] Лялина А. В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2018. № 4. С. 47–64. (Естественные и медицинские науки).

[17] Лялина А. В. Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике. В «Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики» / под ред. И. Н. Тарасова, Г. М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 299 с.

[18] Лялина А. В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 73–84. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-6.

[19] Полякова А. Г., Симарова И. С. Управление региональным развитием Западной Сибири с учетом связанности экономического пространства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 141–160.

[20] Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. Москва : Статистика, 1973. 147 с.

[21] Рыбаковский Л. Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока // АН СССР, Сиб. Отделение, Хабаровск, 1969. 200 с.

[22] Фарутин И. А. Образование и становление области // Становление и развитие Калининградской области: межвузовский сб.; под ред. И. А. Фарутин. М-во высш. и сред. образования РСФСР, Калинингр. гос. ун-т. Калининград : КГУ, 1978. 160 с.

References

[1] Fawcett J. T., Arnold F. Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands / eds. J. T. Fawcett, B. V. Carino. New York: Center for Migration Studies, 1987.

[2] Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3. Pp. 47-57.

[3] Massey D. S. Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration // Population Index. 1990. No. 56(1). Pp. 3–26.

[4] *Matsui N., Raymer J.* The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000 // *International Migration*. 2020. No. 58(6). Pp. 210-231. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12708>.

[5] *Mkrтчyan N. V., Vakulenko E. S.* Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // *Geo Journal*. 2019. No. 84(6). Pp. 1549-1565.

[6] *Portes A., Borocz J.* Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23(3). Pp. 606-630.

[7] *Rogers A., Castro L.* Model migration schedules. Research report RR-81-30, Laxenburg: IIASA, 1981. 153 p.

[8] *Stuart B. A., Evan J. T.* Migration Networks and Location Decisions: Evidence from US Mass Migration // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2021. No. 13(3). Pp. 134-75. DOI: <https://doi.org/10.1257/app.20180294>.

[9] *Abylkalikov S. I., Sazin V. S.* Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989-2015 censuses and microcensuses // *Baltic region*. 2019. Vol. 11, No. 2. Pp. 32-50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>.

[10] *Druzhinin A. G.* Geopolitical turbulence and its economic and geographical projections: the case of Russia's western border regions // *IKBFU's Vestnik. Natural and medical sciences*. 2020. No. 2. Pp. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>.

[11] *Karachurina L. B.* Geographical analysis of the intensity of migration links of Russia and its regions with the neighbouring countries (1969-1997). PhD thesis. Moscow, 1999.

[12] *Karachurina L. B., Mkrтчyan N. V.* Interregional migration in Russia: age characteristics // *Demographic review*. 2016. Vol. 3, No. 4. Pp. 47-65.

[13] *Kolganova E. M.* Moving in the Kaliningrad region // *Scientific notes (Kaliningrad State Pedagogical Institute)*. 1962. No. 8. Pp. 154-175.

[14] *Kostyashov Yu. V.* Settlement of the Kaliningrad Region after the Second World War // *Humanitarian Science in Russia: Soros Prize Winners*. 1998. Vol. 2. Pp. 82-88.

[15] *Lialina A. V.* Geography of external migration ties of the Kaliningrad region in the 1990s and 2000s // *IKBFU's Vestnik. Natural and medical sciences*. 2016. No. 1. Pp. 27-37.

[16] *Lialina A. V.* Interregional and cross-country flows of labor resources in the Kaliningrad region: factors and vectors in the contemporary Eurasian context // *IKBFU's Vestnik. Natural and medical sciences*. 2018. No. 4. Pp. 47-64.

[17] *Lialina A. V.* Migration processes in the South-East Baltic / eds. I. N. Tarasov, G. M. Fedorov. Kaliningrad: IKBFU Press, 2020. Pp. 189-220.

[18] *Lyalina A. V.* The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad oblast // *Regional studies*. 2019. No. 4(66). Pp. 73-84. DOI: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6>.

[19] *Polyakova A. G., Simarova I. S.* Managing the regional development of Western Siberia concerning economic space relatedness // *Public Administration Issues*. 2014. No. 3. Pp. 141-160.

[20] *Rybakovskiy L. L.* Regional analysis of migration. Moscow, 1973. 147 p.

[21] *Rybakovskiy L. L.* Problems in Formation of Population of the Far East // SO of the Russian Academy of science. Khabarovsk, 1969. 200p.

[22] *Farutin I. A.* Formation and development of the Kaliningrad region. Kaliningrad, 1978. 160 p.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-12>

УДК 314.74

JEL O15

МИГРАЦИЯ – ОСНОВНОЙ РЫЧАГ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ¹

М. К. Муродов, А. А. Носирзода

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Автор для корреспонденции: М. К. Муродов (murodov_miramon@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена роль внешней трудовой миграции в развитии национальной экономики Республики Таджикистан. Изучена динамика международной миграции, опыт регулирования миграционных процессов. Кроме того, рассмотрены проблемы и перспективы трудоустройства внешних трудовых мигрантов в развитых странах. Обобщены статистические данные Центрального банка РФ, для того чтобы отразить денежные переводы таджикских трудовых мигрантов, поскольку альтернативных данных в Таджикистане не имеется.

Ключевые слова: миграция, глобализация, миграционные процессы, экономика, трудоспособное население, международная миграция

Migration as the Main Lever for Economic Development

M. K. Muradov, A. A. Nosirzoda

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan).

Corresponding author: M. K. Muradov (murodov_miramon@mail.ru).

Abstract. The article discusses the theoretical and practical role of external labour migration in the development of the national economy of the Republic of Tajikistan. The dynamics of international migration is studied, the experience of regulating migration processes is considered. In addition, the problems and prospects of employment of external labour migrants in developed countries are analysed. Statistical data of the Central Bank of the Russian Federation are summarised to reflect the remittances of Tajik labour migrants, since alternative data are not available in Tajikistan.

Keywords: migration; globalisation; migration processes; economy; able-bodied population; international migration

Введение

В результате глобализации миграции населения большое внимание уделяется ее регулированию и пути смягчения миграционных процессов. В современном мире миграционные процессы становятся неотъемлемой составной частью общественных отношений, возникающих между экспортерами и импортерами рабочих сил. Сегодня проблема миграции является самым острой, трудноразрешимой и общественно значимой, т. к. миграция в нынешних условиях необходима и полезна. Миграция

¹ © Муродов М. К., Носирзода А. А. Текст. 2022.

как социальное явление из года в год приобретает новые формы. В этой связи процесс миграции населения может рассматриваться как фактор глобализации.

Миграция — это всякое движение или же переселение (перемещение) как внутри самой страны (внутренняя), так и за пределами страны (внешняя). Трудовая миграция представляет собой одно из явлений глобализации современного мира. Глобальная экономика и социальное развитие стран все больше зависят от эффективности трудовой миграции, которая способствует их обогащению за счет использования дополнительных трудовых ресурсов, стимулирующих социально-экономические процессы. В этой связи изучение зарубежного опыта в регулировании процессов трудовой миграции в Таджикистане относится к одной из приоритетных задач [1, с. 14].

Основная часть

Методическим исследованием и изучением проблемы внешней трудовой миграции и миграционных процессов занимались многие ученые, как отечественные, так и зарубежные. Теоретическим аспектом и вопросами внешней трудовой миграции занимались такие зарубежные ученые, как: Р. Барал, А. Смит, С. В. Рязанцев, М. Пиров, Д. Саймон, Т. Мальтус, Е. Ревенштейн, К. Маркс, В. Ионцев, а также отечественные ученые: Х. У. Умаров, А. А. Бабаев, З. С. Султанов, С. И. Исламов, Р. У. Ульмасов, Р. М. Бабаджанов и многие другие.

Существует множество разных определений миграции, год за годом сущность и понятие данного термина включает в себя все большее количество рассматриваемых событий, становясь все шире. Однако все определения имеют общие черты, рассмотрим некоторые из них.

Под миграцией И. И. Елисеева понимает перемещение лиц или семей через границы тех или иных территориальных образований как внутри страны, так и с пересечением государственных границ, обычно по причине перемены места жительства¹.

О. Д. Воробьева дала следующую характеристику миграции: в нынешних периодах миграция населения представляет собой социально-экономическое, нормативно-правовое событие, неоднозначное по своей сущности, содержательной и процессуальной основе. Как правило, миграция населения порождает ряд явлений, влекущих за собой смену людьми их места жительства. Регулирование миграционного процесса затрагивает рост выбытия населения из одной местности и прибытия мигрантов из других местностей [2, с. 35].

По словам А. Н. Сухова, миграция представляет собой перераспределение населения, связанное с его перемещением по территории одной

¹ Елисеева И. И. Демография и статистика населения: учеб. Москва : Финансы и статистика, 2006. 379 с.

страны или же между государствами, имеющее общественную значимость¹.

К основным причинам внешней трудовой миграции можно отнести:

- поиск работы;
- повышение качества жилищных условий;
- улучшение уровня качества жизни.

К экономическим причинам внешней трудовой миграции можно отнести следующее, отличие в уровнях заработной платы, которая получают за одинаковую работу в разных странах мира, а также устойчивость заработной платы; спрос на трудовые ресурсы; возможность получения профессии и повышения квалификации за счет работодателей.

Основной причиной международной трудовой миграции населения являются экономические: разница в уровне заработной платы, которая может быть получена за одинаковую работу в разных странах мира, а также стабильность заработной платы, условия труда, устойчивость и карьерный рост.

Нужда в неких специалистах (внешних трудовых мигрантов) в той или иной отрасли принимающих стран влияет на увеличение уровня заработной платы для этой сферы, что повышает спрос на рабочую силу внешних трудовых мигрантов, чем впоследствии стимулирует приток мигрантов.

Примечательно, что для подготовки специалистов любой области семья и государство вкладывают огромные средства, в т. ч. денежные. Однако, когда готовый специалист покидает страну, такое явление формирует экономическую угрозу. В связи с этим, можно выделить важным фактором обеспечение национальной безопасности страны. Необходимо разработать эффективную внешнюю миграционную политику, которая создала бы возможность регулирования миграционных процессов как внешней, так и внутренней миграции населения, а также защиты прав внешних трудовых мигрантов на территории стран-реципиентов. В качестве примера эффективного регулирования управлением миграционных процессов можно привести опыт Соединенных Штатов Америки. На протяжении всего времени своего существования США накопили большой опыт в регулировании прибывающих трудовых мигрантов из зарубежных стран, чтобы эффективно использовать рабочие силы трудовых ресурсов во благо развития и процветания США. Благодаря международной миграции в США сформировалось многонациональное население, и его управление позволило государству получить опыт регулирования миграционных процессов.

В современном мире мы наблюдаем перемещение людей в беспрецедентных масштабах. Больше чем когда-либо число людей живет не в тех странах, в которых они родились. Миграция приносит большие выгоды принимающим странам и открывает мигрантам возможности для лучшей

¹ Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие. Москва : Флинта: МПСИ, 2011. 216 с.

Таблица

Взаимосвязь численности мигрантов и населения во всем мире с 1970 по 2019 гг.

Год	Число мигрантов	Население мира, млрд чел.	Доля мигрантов от общей численности населения мира (%)
1970	84460125	3,682	2,3
1980	101983149	4,433	2,3
1990	153011473	5,28	2,9
2000	173588441	6,144	2,8
2010	220781909	6,922	3,2
2019	271642105	7,673	3,5

Составлено автором по данным Международной организации труда (МОТ).

жизни. Однако она также может создавать проблемы в обеспечении местных кадров рабочими местами из-за большого притока мигрантов и создавать конкуренцию местным кадрам.

Кроме того, эффективные меры на рынке труда, направленные на интеграцию прибывших мигрантов, к примеру, языковая подготовка, могут способствовать в получении еще лучших результатов.

Таким образом, по некоторым имеющимся статистическим данным, за последние полвека случилось массовое увеличение численности международных трудовых мигрантов. В 2019 г. общая численность населения, проживающего вне страны рождаемости, равнялась 272 млн чел., что на 119 млн превысило данный показатель 1970 г. (в этот период общая численность людей, живущих вне страны рождаемости, составляла 84 млн чел., см. табл.). Однако в это время во всем мире имел место также рост доли международных мигрантов, очевидно, что подавляющее большинство людей продолжают жить в тех странах, в которых они родились.

В 2019 г. большинство международных мигрантов (около 74 %) находилось в трудоспособном возрасте (20–64 года), причем за период 2000–2019 гг. доля мигрантов моложе 20 лет незначительно уменьшилась (с 16,4 % до 14 %) при сохранении неизменной с 2000 г. доли международных мигрантов в возрасте 65 лет и старше (около 12 %) [3, с. 26].

По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, общая численность внешних трудовых мигрантов с Таджикистана в Российской Федерации составила около 123 тыс. чел. только за 2020 г. В начале 2019 г. этот показатель был в три раза больше, чем по аналогичному периоду 2020 г., и составил 531 тыс. чел.¹ Причиной такого резкого снижения в показателях внешней трудовой миграции послужила пандемия COVID-19. Многие граждане Таджикистана покинули свои рабочие места в России и вернулись на родину, что привело за собой снижение уровня денежных переводов в стране.

¹ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: <https://stat.tj/tj/> (дата обращения: 05.05.2022).

Необходимо подчеркнуть, что с увеличением числа трудоспособных внешних трудовых мигрантов Республики Таджикистан в Российской Федерации увеличились их денежные переводы в экономику страны. По данным Центрального банка Российской Федерации, за 9 месяцев 2021 г. сумма денежных переводов с Российской Федерации в Республику Таджикистан составила -1,285 млрд долл. США¹. Необходимо отметить, что в связи с возникшей политической нестабильной обстановкой между Россией и Украиной стала возможной вероятность уменьшения денежных переводов внешних трудовых мигрантов.

Кроме того, из-за санкций со стороны ЕС и США в отношении Российской Федерации многие зарубежные компании приостановили свою деятельность на территории РФ, в связи с этим многие трудовые мигранты остались без места работы. По словам замглавы Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), рост безработицы в ресторанном сегменте не ожидается, т. к. сотрудники Макдональдса попытаются трудоустроиться в другие места, таким образом, рынок фаст-фуда получит много свободных специалистов этой отрасли².

Заключение

Международная миграция является одним из важных способов получения средств для многих домохозяйств в развивающихся странах, включая Таджикистан. Необходимо подчеркнуть, что внешняя трудовая миграция стала частью социально-экономической жизни нашего общества, фактором и механизмом смягчения давления со стороны безработных и молодежи, вступающей в трудоспособный возраст на внутренний рынок труда, а денежные переводы внешних трудовых мигрантов являются важнейшим источником валютных поступлений в республику, часть которых используется на инвестиционные цели [4].

Внешняя трудовая миграция является самой значимой по объему из всех видов миграции, которая способствует росту занятости населения республики, снижению уровня безработицы в стране и росту уровня жизни населения.

Трудовые ресурсы нашей страны направляются в те регионы и зарубежные страны, где имеется спрос. Именно различия в уровнях заработной платы и являются в настоящее время одним из главных стимулов для трудовой миграции.

В глобальном договоре по миграции, подписанном Таджикистаном, написано следующее: «Вопрос трудовой миграции является одним

¹ Трансграничные переводы физических лиц // Банк России РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 05.05.2022).

² Какие зарубежные компании и бренды приостановили работу и поставки в РФ // Информационный портал «ТАСС». URL: https://tass.ru/ekonomika/13951679?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 05.05.2022).

из стратегических для Республики Таджикистан, так как она составляет одно из направлений роста экономики Таджикистана. Правительство Таджикистана осуществляет ряд мер, которые в будущем позволят серьезно улучшить как экономическую ситуацию, так и отчасти решить проблему трудоустройства и адекватного размера заработной платы. Имеются в виду как проводимые в стране экономические реформы, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, так и инвестиционные проекты, которые осуществляются в гидроэнергетической отрасли, а также строительство ряда тоннелей, которые связали различные регионы горного Таджикистана, и в дальнейшем выведут республику из коммуникационного тупика¹.

Политика в области рынка труда нацелена на: создание более гибкого рынка труда посредством обучения и переобучения работников; консультаций по трудоустройству и оказанию помощи тем, кто ищет работу. Рост производства в частном секторе и создание рабочих мест являются центральными элементами успешной стратегии Правительства в деле повышения благосостояния населения» [5].

Стоит отметить, что большинство трудовых ресурсов Республики Таджикистан активно применяются в странах СНГ и в малой степени в странах дальнего зарубежья, где наши трудящиеся мигранты вносят значительный вклад в развитие экономического, научно-технического, интеллектуального и социального потенциалов этих государств. Трудоспособное население республики, в большей степени самостоятельно преодолевая огромное количество экономических, психологических и юридических препятствий, выезжает в другие страны в поисках заработка.

Наши исследования показали, что вклад трудовых мигрантов в развитие экономики Республики Таджикистан велик.

Представляется целесообразным уполномоченным лицам, занимающимся вопросами миграции, и Министерству труда и занятости РТ для эффективного регулирования внешней трудовой миграции населения и экономической эффективности трудовых мигрантов рассматривать варианты соглашения о трудовой деятельности со странами ЕС и дальнего зарубежья. В странах, где наблюдается нехватка трудовых ресурсов (ЕС, США, Англия), надо подписать соглашение о внешней трудовой деятельности таджикских мигрантов. В этих же странах уровень заработной платы в разы больше, чем в странах, где сейчас работают трудовые мигранты Таджикистана. Экономическая эффективность при подписании соглашения с названными странами будет в пользу страны. Но перед тем как принять данное предложение, стоит организовать центры по обучению таджикских внешних трудовых мигрантов, чтобы они освоили закон, культуру, традиции и язык местных жителей для дальнейшей их деятельности в странах-реципиентах.

¹ Рынок труда и трудовая миграция из Таджикистана // Информационный портал «Anzor». URL: <https://life.ansor.info/trud-migraciya/> (дата обращения: 05.05.2022).

Список источников

[1] Миграционные процессы Республики Таджикистан в условиях глобализации / под общ. ред. С. И. Исламова, А. А. Бабаев. Душанбе, 2020. 139 с.

[2] *Воробьева О. Д.* Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический сборник Совета Федерации ФС России. 2003. № 9 (202). С. 35.

[3] Доклад о миграции в мире в 2020 году // Международная организация труда. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

[4] *Султанов З. С.* Формирование таджикских диаспор в странах приема трудовых мигрантов // Вестник РТСУ. 2020. № 4. С. 43–53.

[5] Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/gcm_russian.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

References

[1] Migration processes of the Republic of Tajikistan in the context of globalization / under the general editorship S. I. Islamova, A. A. Babaev. Dushanbe. 2020. 139 p.

[2] *Vorobyova O. D.* Migration processes of the population: issues of theory and state migration policy // Problems of legal regulation of migration processes on the territory of the Russian Federation. Analytical collection of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia. 2003. No. 9 (202). P. 35.

[3] Global Migration Report 2020 // International Labor Organization. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (accessed on 05.05.2022).

[4] *Sultanov Z. S.* Formation of Tajik diasporas in migrant-receiving countries // Bulletin of the university (Russian-Tajik (slavonic) university). 2020. No. 4. Pp. 43-53.

[5] Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/gcm_russian.pdf (accessed on 05.05.2022).

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-13>

УДК 314.7(985)

JEL O15

МИГРАЦИОННЫЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ СЕТИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ¹

А. В. Смирнов

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия). <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Автор для корреспонденции: А. В. Смирнов (av.smirnov.ru@gmail.com)

Аннотация. *Миграционные и транспортные потоки в российской Арктике рассматриваются с помощью инструментария науки о сетях. На основе данных цифровых платформ построены сети миграций, авиационных и железнодорожных пассажиропотоков. Выявлены характеристики сетей, миграционные и транспортные хабы в российской Арктике. Оценены масштабы перемещений по направлениям и связность арктических территорий. Полученные результаты могут использоваться в прогнозировании демографических процессов и территориальном планировании.*

Ключевые слова: миграция, транспортные потоки, сети, Арктика

Migration and Transport Networks in the Russian Arctic

A. V. Smirnov

Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia). <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Corresponding author: A. V. Smirnov (av.smirnov.ru@gmail.com)

Abstract. *The article considers migration and transport flows in the Russian Arctic using the tools of network science. Based on the data of digital platforms, networks of migration, air and railroad passenger flows were constructed. The paper reveals the characteristics of networks, identifies migration and transport hubs in the Russian Arctic. The article assesses the scale of movements in directions and the connectivity of the Arctic territories. The results can be used in forecasting demographic processes and territorial planning.*

Keywords: migration; transport flows; networks; Arctic

Введение

Арктическая зона Российской Федерации — геостратегическая территория, обладающая большим значением для экономики, национальной безопасности и транспортной связности страны. Границы Арктической зоны России были определены в 2014 г., после чего трижды расширились. Российская Арктика занимает примерно треть территории России, а ее вклад в валовой продукт страны — около 6 %. Арктическая зона на 2022 г. включает 75 городских округов и муниципальных районов, в которых проживает 2,6 млн чел. (или 1,8 % от населения России). С 1989 г. население российской Арктики сократилось на 30 % и продолжает сокращаться, в основном в результате миграционного оттока [1]. Поэтому исследование

¹ © Смирнов А. В. Текст. 2022.

миграционных и транспортных потоков в российской Арктике является актуальной задачей.

Предыдущие исследования выявили модели и маршруты миграции в Арктике [2, с. 152–155], позволили оценить возвратную миграцию [3], миграционный обмен с южными регионами России [4] и степень снижения пространственной подвижности населения в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [5]. В данном исследовании миграционные потоки будут рассматриваться совместно с транспортными, что позволит учитывать связность территорий. Методической основой исследования стал инструментарий науки о сетях [6].

Объект исследования — миграционные и транспортные потоки в российской Арктике. Пространственная подвижность населения будет анализироваться с использованием цифрового следа [7, 8], т. е. данных, которые пользователи интернета оставляют в цифровой среде. Благодаря цифровизации общества [9; 10] интернет-платформы накапливают огромные объемы информации о населении [11]. Хотя такие данные искажены цифровой средой, обладают рядом недостатков и ограничений [12, 13], они позволяют оценивать многие характеристики реальных демографических процессов [14, 15]. В условиях Арктики цифровые данные особенно актуальны, поскольку для арктических территорий характерен высокий уровень проникновения интернета и цифровых технологий [16].

Методы и данные

Цифровой след населения анализировался при помощи двух источников данных: проекта «Виртуальное население России» и набора данных сервиса «Туту.ру». Рассмотрим их возможности и ограничения.

Проект «Виртуальное население России» (webcensus.ru) реализован при поддержке Русского географического общества и Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН. Он содержит географически привязанные данные за январь–март 2015 г. из профилей пользователей самой популярной в России на тот момент социальной сети «ВКонтакте». Данные проекта позволяют анализировать миграционные перемещения на региональном и муниципальном уровнях по возрастным группам. Из 88 млн пользователей, у которых указано место жительства или место учебы, только 9 млн указали более одного места жительства. Благодаря данным об их последнем переезде удалось построить сеть межмуниципальных перемещений населения Арктики. Необходимо иметь в виду, что эти данные не являются репрезентативными ни в пространственном, ни в возрастном отношении, имеют характерные для всех цифровых источников данных ограничения [10]. Однако данные сдвинуты в сторону именно тех социальных групп, которые наиболее склонны к миграции (молодое и образованное население), что позволяет фиксировать миграционные закономерности. Есть два существенных отличия пространственных данных из социальных медиа от официальной статистики,

которые следует отметить. Во-первых, пользователи, живущие в пригородах и сельских территориях, склонны указать в качестве места жительства ближайшие города, центральные места. Во-вторых, пользователи зачастую не отражают в профилях краткосрочные и возвратные миграции.

Набор данных сервиса по продаже билетов «Туту.ру» (story.tutu.ru/dataset) о перемещениях по стране создан для прогнозирования распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Он содержит информацию о количестве перемещений между городами на самолетах, поездах и автобусах в апреле 2019 г. По сообщениям разработчиков источника данных, автобусы — самая неточная часть ввиду наличия «серых» перевозчиков. Для Арктических городов там содержится всего 11 маршрутов (в основном из Архангельска и Петрозаводска). Поэтому в данном исследовании ограничимся данными о самолетах (558 маршрутов) и поездах (712 маршрутов). Авиа- и железнодорожные данные тоже имеют ограничения. В восточной части страны покрытие рынка хуже. Имеется ряд перевозок вроде вертолетных маршрутов между городами Дальнего Востока и винтомоторной авиация Якутии.

Методы сетевого анализа все чаще применяются в исследованиях миграции [17]. Сеть состоит из множества узлов и множества связей между ними. В направленных сетях порядок узлов в связях упорядочен и отражает направление связи — из источника в целевой узел. Во взвешенной сети связи имеют веса. Миграционные и транспортные сети удобнее всего представлять направленными и взвешенными. Направления соответствуют направлениям перемещений, а веса — количеству переместившихся людей. Построено шесть сетей. Три включают только связи, хотя бы один узел которых расположен в Арктике: миграционная, авиационных и железнодорожных пассажиропотоков. Еще три аналогичные сети для сравнительного анализа построены по данным для всей России. Анализ сетей позволил оценить связанность арктических городов и районов между собой, а также с городами и районами остальной России. Алгоритмы для анализа и визуализации данных реализованы на языках программирования Python и Julia с использованием пакетов NetworkX, pandas, Graphs.jl, GraphPlot.jl, VegaLite.jl, DataFrames.jl и CSV.jl.

Результаты

По размеру сети и количеству связей лидируют миграционные сети (табл.), т. к. они не ограничены возможностями транспортной инфраструктуры. Из транспортных сетей железнодорожные крупнее авиационных, поскольку аэропорты есть в меньшем числе населенных пунктов, чем железнодорожные вокзалы. Однако в Арктике ввиду ее удаленности доля городов с аэропортами выше, чем в стране в целом.

Выделяют классы сильно связанных и слабо связанных сетей. В сильно связанных сетях существует по меньшей мере один направленный путь между

Миграционные и транспортные сети в российской Арктике и России

Показатель	Миграция		Авиационный транспорт		Железнодорожный транспорт	
	АЗРФ	Россия	АЗРФ	Россия	АЗРФ	Россия
Размер сети (число узлов)	2112	2201	85	173	160	574
Число связей	32 199	334 529	558	2951	712	12 125
Является сильно связанной	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Является слабо связанной	да	да	да	да	да	нет
Средняя степень	30,5	304,0	13,1	34,1	8,9	42,2
Средняя сила	186,9	3 319,1	12 842,1	70 674,0	3 419,8	29 146,4
Плотность сети	0,007	0,069	0,078	0,099	0,028	0,037
Средняя длина пути	1,875	1,936	1,925	2,246	2,489	2,236 *
Диаметр сети **	4	3	5	5	6	5 *
Коэффициент степенной ассортативности	-0,519	-0,202	-0,635	-0,364	-0,644	-0,213
Коэффициент кластеризации	0,525	0,468	0,302	0,507	0,398	0,640
Параметр гетерогенности	14,675	2,475	3,157	2,581	3,934	3,409
Число кластеров при разбиении методом распространения меток	2	1	1	1	4	6

* Чтобы рассчитать значение сеть была преобразована в слабо связанную путем удаления пяти узлов, относящихся к изолированному участку железной дороги на Сахалине.

** Для расчета диаметра все сети были преобразованы в ненаправленные.

Составлено по данным webcensus.ru и Туту.ру.

каждой парой узлов в обоих направлениях. Если связность достигается без учета направлений связей, то сеть называется слабо связанной. Из шести анализируемых сетей ни одна не является сильно связанной. Однако все, кроме железнодорожной сети по России, являются слабо связными. Причина отсутствия связности в последней сети — наличие изолированной от остальной сети железной дороги на о. Сахалин.

Средняя степень узла отражает среднее по всей сети число связей или соседей. В сети арктической миграции средняя степень на порядок ниже, чем в сети миграции по стране. Хотя степень узла железнодорожной сети по России выше, чем в Арктической зоне, в авиационном транспорте наблюдается обратная ситуация. Это в очередной раз говорит о важности авиационного транспорта в арктических условиях. Поскольку транспортные и миграционные сети взвешенные, для них можно рассчитать взвешенную степень — силу узла. Сила узла в Арктике в 3,8 раз выше у авиационного транспорта.

Показатель плотности сети измеряется в промежутке от 0 до 1 и оценивает долю имеющихся в сети связей от максимально возможной — когда

каждый узел соединен с каждым. Сети с низкой плотностью называют разреженными. Наиболее разреженной сетью является сеть миграций в Арктике. Авиационные сети самые плотные, в 2,7–2,8 раза плотнее, чем железнодорожные. Это объясняется тем, что железнодорожные пути линейные и не обеспечивают связность населенных пунктов в любом направлении, как это делает авиация.

Кратчайший путь — это минимальное число связей, которое необходимо пройти по пути, соединяющему два узла. Средняя длина пути рассчитывается путем усреднения длин кратчайших путей по всем парам узлов. Самые низкие значения средней длины пути в миграционных путях из-за большого числа связей, а высокие: в железнодорожной (для Арктики) и в авиационной (для России). Из-за особенностей железнодорожной сети Арктики, что будет рассмотрено далее, авиация обеспечивает перемещение между узлами за меньшее число полетов.

Диаметр сети — максимальная длина кратчайшего пути между всеми парами узлов, т. е. длина самого длинного кратчайшего пути в сети. В арктических сетях диаметр выше или равен значению по всей России. Самый большой диаметр — в железнодорожной сети, самый низкий — в миграционной.

Коэффициент степенной ассортативности выше 0 тогда, когда высокостепенные узлы, как правило, соединены с другими высокостепенными узлами, а низкостепенные — с низкостепенными. (т. е. узлы тяготеют к подобным себе). Во всех рассмотренных сетях коэффициент ассортативности отрицательный. Следовательно, высокостепенные узлы (хабы) чаще соединены с низкостепенными.

Коэффициент кластеризации узла — доля пар его соседей, соединенных друг с другом. Усредняя коэффициент кластеризации по всем узлам, можно рассчитать коэффициент кластеризации сети. В Арктике он самый высокий в миграционных сетях. Как правило, более связными являются либо хабы, либо расположенные близко друг к другу населенные пункты. В авиационном транспорте коэффициент кластеризации сети относительно низкий.

Параметр гетерогенности отражает изменчивость степени по всем узлам. Чем больше в сети хабов (узлов с более высокой степенью), тем выше параметр гетерогенности. В Арктике гетерогенность выше в миграционных сетях. Хабами выступают Москва, Санкт-Петербург и административные центры субъектов Российской Федерации. Однако и в других сетях параметр гетерогенности довольно высокий. Хабы существуют во всех рассмотренных сетях.

Кластеры (сообщества) — множества узлов с более высокой плотностью соединений внутри, чем между множествами. Для выявления кластеров использовался алгоритм распространения меток. Он обнаруживает сообщества, основываясь на идее, что соседи обычно принадлежат к одному и тому же сообществу. На каждом шаге алгоритм относит узел

к сообществу, к которому принадлежит большинство его соседей, пока метки не перестают изменяться. Максимальное число кластеров выделено в железнодорожных сетях.

Визуализация сети авиационных пассажиропотоков создана с применением алгоритма мажорирования стресса [18], который хорошо подходит для отрисовки сетей с относительно высокой плотностью и низкой кластеризацией. При построении сети железнодорожных пассажиропотоков использовался модифицированный алгоритм компоновки сети по направлению силы Фрухтермана — Рейнгольда [19]. Он стремится к размещению узлов таким образом, чтобы соединенные узлы располагались близко друг к другу, а число пересечений связей минимизировалось. Алгоритм хорошо подходит для выделения кластеров сети.

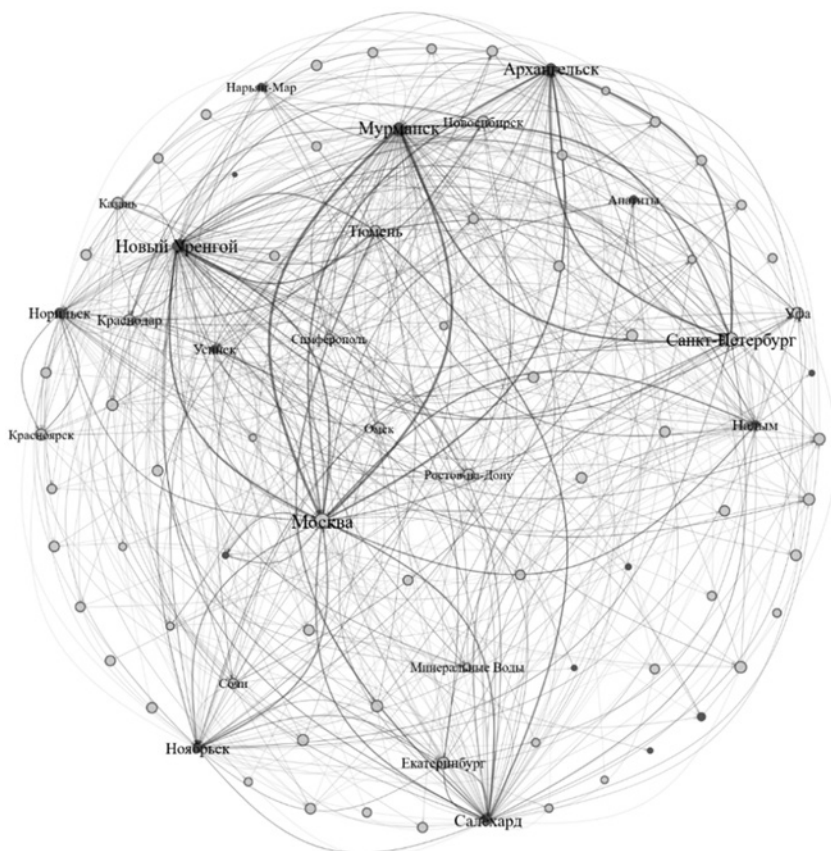

Рис. 1. Сеть авиационных перемещений в российской Арктике (составлено по данным «Туту.ру»)

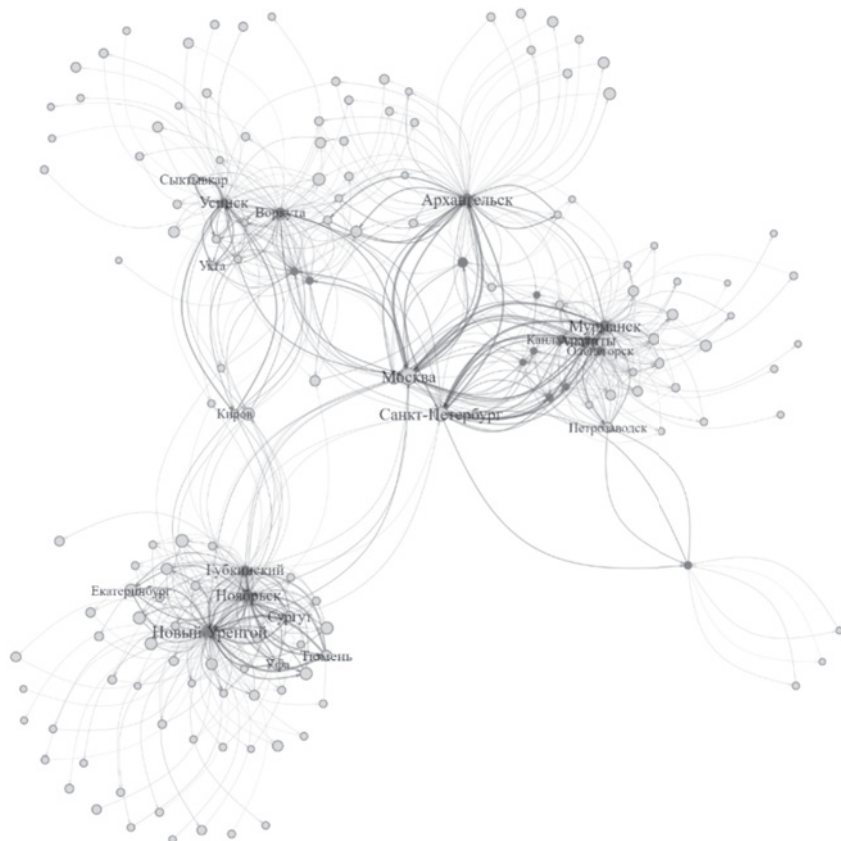

Рис. 2. *Сеть железнодорожных перемещений в российской Арктике (составлено по данным «Туту.ру»)*

В авиационной сети 15 % перелетов совершаются из Москвы, а еще 18 % — в Москву. Таким образом, на столицу приходится треть от всех перемещений. Помимо Москвы есть еще несколько крупных хабов: Мурманск (25 %), Новый Уренгой (23 %), Санкт-Петербург и Архангельск (по 17 %). Крупнейшие потоки — между Мурманском и Москвой, а также между Санкт-Петербургом и Архангельском. Алгоритм выделил в сети всего один кластер — большинство аэропортов связано с несколькими крупными хабами одновременно (рис. 1).

В железнодорожной сети (рис. 2) доля основных хабов ниже. На Новый Уренгой приходится 20 % перемещений, на Москву — 17 %, на Архангельск и Санкт-Петербург — по 16 %. Кроме того, в сети явно выделяются кластеры, соответствующие филиалам Российский железных дорог: Октябрьской,

Северной, Свердловской. Причем Северная железная дорога разделена на два кластера, соответствующих веткам на Архангельск и Воркуту. Промежуточное положение между ядрами кластеров занимают Москва, Санкт-Петербург и Киров. В федеральной сети железнодорожных перемещений алгоритмом выделено шесть кластеров.

В сети миграционных перемещений выделено два кластера. Первый включает некоторые города и районы Якутии, второй — остальную Арктику. Хотя в Арктике проживает 1,8 % населения России, на них приходится 5,28 % миграционных перемещений, 3,27 % — железнодорожных и 8,93 % — авиационных. Следовательно, в условиях Арктики особое значение приобретает авиационный транспорт, связывающий удаленные поселения с федеральными центрами. Внутри Арктики осуществляется очень незначительное число перемещений (0,68 % миграций, 0,24 % — железнодорожных и 0,33 % — авиационных). Гораздо больший процент приходится на перемещения между арктическими и неарктическими поселениями (4,61 %, 3,03 % и 8,60 % от всех перемещений в стране соответственно). Похожие закономерности были выявлены при изучении научно-образовательного сотрудничества [20, с. 26] в Арктике.

Выводы

Исследование показало, что новые цифровые источники данных в ряде случаев позволяют получить детальную и масштабную информацию о населении. Были построены и проанализированы миграционные и транспортные сети в российской Арктике. В них выявлены хабы и кластеры. Подтверждено, что связанность территорий Арктики между собой достаточно низкая. Основная часть перемещений приходится на потоки с городами за пределами Арктики. Выявленные закономерности позволят строить более точные прогнозы демографического развития арктических территорий.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-78-00081 «Разработка инструментария для изучения демографических процессов в условиях цифровизации общества (на примере российской Арктики)».

Список источников

[1] Фаузер В. В., Лыткина Т. С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.

[2] Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина и др. Москва : Политическая энциклопедия, 2022. 215 с.

[3] Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. London ; New York : Routledge, 2017. P. 59–84.

- [4] *Zamyatina N., Goncharov R.* “Agglomeration of flows”: Case of migration ties between the Arctic and the southern regions of Russia // *Regional Science Policy & Practice*. 2021. Vol. 14, Iss. 1. P. 63–85. DOI: 10.1111/rsp3.12389.
- [5] Spatiotemporal dynamics of the COVID-19 pandemic in the arctic: early data and emerging trends / A. N. Petrov, M. Welford, N. Golosov, et al. // *International Journal of Circumpolar Health*. 2020. Vol. 79 (1). P. 1–9. DOI: 10.1080/22423982.2020.1835251.
- [6] Наука о сетях: вводный курс / Ф. Менцер, С. Фортунато, К. А. Дэвис. Москва : ДМК Пресс, 2021. 338 с.
- [7] *Дудина В. И.* «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4.
- [8] *Golder S. A., Macy M. W.* Digital footprints: opportunities and challenges for online social research // *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40 (1). P. 129–152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.
- [9] *Katzenbach C., Bächle T. C.* Defining concepts of the digital society // *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8 (4). P. 1–6. DOI: 10.14763/2019.4.1430.
- [10] *Смирнов А. В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.
- [11] *Ledford H.* How Facebook, Twitter and Other Data Troves are Revolutionizing Social Science // *Nature*. 2020. No. 7812: 328–330. DOI: 10.1038/d41586-020-01747-1.
- [12] *Lazer D., Radford J.* Data ex Machina: introduction to big data // *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43 (1). P. 19–39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457.
- [13] Computational Social Science and Sociology / A. Edelmann, T. Wolff, D. Montagne, et al. // *Annual Review of Sociology*. 2020. No. 46: 61–81. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054621.
- [14] Demography in the Digital Era: New data sources for population research / D. Albrez-Gutierrez, S. Aref, S. Gil-Clavel, et al. // *SIS2019. Smart statistics for smart applications*. Milano : Pearson, 2019. P. 1–8. DOI: 10.31235/osf.io/24jp7.
- [15] *Смирнов А. В.* Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, Вып. 1. С. 133–145. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-10.
- [16] State of the Nordic Region 2020. Wellbeing, health and digitalisation edition / A. Lundgren, L. Randall, G. Norlén, et al. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2020. 71 p. DOI: 10.6027/nord2020-052.
- [17] *Danchev V., Porter M. A.* Migration networks: applications of network analysis to macroscale migration patterns // *McAuliffe (ed.). Research Handbook on International Migration and Digital Technology*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2021. P. 70–90. DOI: 10.4337/9781839100611.
- [18] Graph Drawing by Stress Majorization / E. Gansner, Y. Koren, S. North // *Proceedings of 12th Int. Symp. Graph Drawing (GD’04)*. Springer-Verlag, 2004. Vol. 3383. P. 239–250.
- [19] *Fruchterman T. M. J., Reingold E. M.* Graph drawing by force-directed placement // *Software: Practice and Experience*. 1991. Vol. 21 (11). P. 1129–1164. DOI: 10.1002/spe.4380211102.

[20] *Смирнов А. В.* Человеческое развитие и перспективы формирования экономики знаний в российской Арктике // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2 (38). С. 18–30. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-18-30.

References

[1] *Fauzer V. V., Lytkina T. S.* Migration processes in the Russian North // Social policy and sociology. 2017. Vol. 16, No. 1 (120). Pp. 141-149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.

[2] *Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N.* Russian and World Arctic: population, economy, resettlement. Moscow: Political Encyclopedia, 2022. 215 p.

[3] *Zamyatina N., Yashunsky A.* Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 59-84.

[4] *Zamyatina N., Goncharov R.* “Agglomeration of flows”: Case of migration ties between the Arctic and the southern regions of Russia // Regional Science Policy & Practice. 2021. Vol. 14, No. 1. Pp. 63-85. DOI: 10.1111/rsp3.12389.

[5] Spatiotemporal dynamics of the COVID-19 pandemic in the arctic: early data and emerging trends / A. N. Petrov, M. Welford, N. Golosov, et al. // International Journal of Circumpolar Health. 2020. Vol. 79(1). Pp. 1–9. DOI: 10.1080/22423982.2020.1835251.

[6] A First Course in Network Science / F. Menczer, S. Fortunato, C. A. Davis. Moscow: DMK Press, 2021. 338 p.

[7] *Dudina V. I.* Reassembling sociology: digital turn and searching for new theoretical optics // Sociological Studies. 2021. No. 11. Pp. 3-11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4.

[8] *Golder S. A., Macy M. W.* Digital footprints: opportunities and challenges for online social research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40(1). Pp. 129-152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145.

[9] *Katzenbach C., Bächle T. C.* Defining concepts of the digital society // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8(4). Pp. 1-6. DOI: 10.14763/2019.4.1430.

[10] *Smirnov A. V.* Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 1. Pp. 129-153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.

[11] *Ledford H.* How Facebook, Twitter and Other Data Troves are Revolutionizing Social Science // Nature. 2020. No. 7812. Pp. 328-330. DOI: 10.1038/d41586-020-01747-1.

[12] *Lazer D., Radford J.* Data ex Machina: introduction to big data // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43(1). Pp. 19-39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457.

[13] Computational Social Science and Sociology / A. Edelman, T. Wolff, D. Montagne et al. // Annual Review of Sociology. 2020. No. 46. Pp. 61–81. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054621.

[14] Demography in the Digital Era: New data sources for population research / D. Albrez-Gutierrez, S. Aref, S. Gil-Clavel et al. // SIS2019. Smart statistics for smart applications. Milano: Pearson, 2019. Pp. 1–8. DOI: 10.31235/osf.io/24jp7.

[15] *Smirnov A. V.* Digital Demography Methods for Forecasting Migration Processes // *Economy of regions*. 2022. Vol. 18(1). Pp. 133-145. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-10.

[16] State of the Nordic Region 2020. Wellbeing, health and digitalisation edition / A. Lundgren, L. Randall, G. Norlén et al. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2020. 71 p. DOI: 10.6027/nord2020-052.

[17] *Danchev V., Porter M. A.* Migration networks: applications of network analysis to macroscale migration patterns // *Research Handbook on International Migration and Digital Technology* / ed. McAuliffe. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. Pp. 70-90. DOI: 10.4337/9781839100611.

[18] *Gansner E., Koren Y., North S.* Graph Drawing by Stress Majorization // *Proceedings of 12th Int. Symp. Graph Drawing (GD'04)*. Springer-Verlag, 2004. Vol. 3383. Pp. 239-250.

[19] *Fruchterman T. M. J., Reingold E. M.* Graph drawing by force-directed placement // *Software: Practice and Experience*. 1991. Vol. 21(11). Pp. 1129-1164. DOI: 10.1002/spe.4380211102.

[20] *Smirnov A. V.* Human Development and Prospects for the Knowledge Economy Formation in the Russian Arctic // *Arctic: Ecology and Economy*. 2020. No. 2(38). Pp. 18-30. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-18-30.

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-14>

УДК 314.74

JEL J61, R23

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ¹

Р. У. Ульмасов^{а)}, А. А. Носирзода^{б)}

^{а)} Российско-Таджикский (Славянский) университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

^{б)} Институт экономики и демографии НАНТ (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Автор для корреспонденции: Р. У. Ульмасов (ulmasovr@gmail.com)

Аннотация. В статье раскрываются демографические и миграционные проблемы после пандемии COVID-19, исследован опыт других стран в этом направлении. Сейчас многие страны думают о росте людей пенсионного возраста, быстрого старения населения, однако для верной оценки проблемы старения необходимо учитывать и количество детей, людей в трудоспособном возрасте. Возрастающие нагрузки на пенсионные фонды будут сочетаться с ростом потребности населения в дорогостоящем медицинском обслуживании.

Ключевые слова: миграция, демография, опыт, старение, рождение, смертность, возраст, рынок труда, население, молодежь

Demographic and Migration Problems in Tajikistan

R. U. Ulmasov a), A. A. Nosirzoda b)

^{a)} Russian-Tajik Slavonic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan).

^{b)} Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Corresponding author: R. U. Ulmasov (ulmasovr@gmail.com)

Abstract. The article reveals demographic and migration problems after the COVID-19 pandemic. The experience of other countries in this area is studied. Nowadays, many countries are discussing the growing number of people of retirement age, the rapid ageing of the population. However, in order to correctly assess the problem of ageing, it is necessary to take into account the number of children and people of working age. The increasing burden on pension funds will be combined with the growing demand of the population for expensive medical care.

Keywords: migration; demography; experience; ageing; birth; mortality; age; labour market; population; youth

Введение

Демография и миграция как сиаемские близнецы. В XXI в. миграция и демография столкнулись и срослись. В купе они спасут международный рынок труда. Если в африканских и в некоторых азиатских странах демографическая ситуация создает проблемы экономического, социального, гуманитарного характера, то в развитых странах, наоборот, страны принимают попытки оказывать меры для стабилизации демографической

¹ © Ульмасов Р. У., Носирзода А. А. Текст. 2022.

ситуации. Пандемия COVID-19 обнажила слабые места рынков труда во всех странах мира: демографию и миграцию. В 1991 г. в Российской Федерации проживало 148 273 746 чел. В 2019 г. на 1 января эта цифра, включая Республику Крым, составляет 146 780 720 чел. Из них 74 % — городское население, 26 % — сельское. В настоящее время в стране проживает примерно на 4 млн чел. меньше (без Крыма), чем в начале 1990-х гг. Таким образом, устойчивый рост численности населения не просматривается. Наоборот, спустя почти 30 лет людей в России стало жить меньше [1]. На апрель 2022 г. население РФ составляет 145 805 944 чел. По данным Росстата, в феврале 2022 г. в России родилось 101 082 младенца, умерло почти вдвое больше — 190 628 чел., в т. ч. более 33 000 чел. от коронавируса. К концу 2022 г. на основании прогнозов Правительство РФ планируется сокращение населения России более чем на 1 млн чел. По данным Росстата, убыль населения в этом году ускорилась почти вдвое, а смертность выросла на 18,5 % [2]. Мы специально привели эти данные с целью показать демографическую ситуацию в РФ, т. к. для наших мигрантов российский рынок труда является стратегическим.

Рассмотрим демографическую ситуацию по Таджикистану. Согласно данным Агентства по статистике, в Таджикистане проживает более 9,8 млн чел. До конца 2022 г. население Таджикистана набирает отметку 10 млн чел. (обратите внимание, когда образовалась Таджикская Автономная Республика в 1924 г., население Таджикской АССР на тот момент составляло 740 тыс. чел. по отношению к 5 млн населения Узбекской ССР — Р. У.). На данный период для Таджикистана характерно взросление населения. Средний возраст за последние 10 лет увеличился с 25 до 26,7 лет. Трудовой потенциал становится «новой нефтью» для мировой экономики и позволяет стимулировать жилое строительство, гигантские инфраструктурные проекты, развивать аграрный сектор и рынок услуг.

Основная часть

Новые направления для трудовых мигрантов

На постсоветском пространстве конечной целью маршрута для большинства иностранных рабочих всегда была Россия, а одной из главных стран — доноров кадров оставался Таджикистан. Однако политическая нестабильность может кардинально изменить миграционные потоки, обесценив одни «мигрантоемкие» отрасли экономики, но создав другие. Миграция постоянно находится в турбулентном состоянии. В отношении к мигрантам проявляется недопустимое унижение. События на миграционном поле развиваются очень быстро, и оценки устаревают быстрее, чем делаются. Мигрант не может существовать в отрыве от реальности, от ситуаций для человека трудолюбивого, мудрого и прагматичного. Ситуация меняется, но появляется дефицит на рынке труда, не только в России. Однако квалифицированные кадры — «штучный товар», их сложнее

воспитывать, ведь великим полководцем нужно отчасти родиться. Будет дефицит мигрантов и сильных профессионалов во всех отраслях, а отток тех и других скажется на качестве работы. Позиция некоторых ученых, экспертов, будто переход на отечественных трудяг, на всех уровнях будет благом, явно преждевременным.

Долгие годы миграционные процессы в России протекали достаточно хаотично. Надзорные органы лишь вели учет и выдавали документы, не особо занимаясь поддержкой иностранных граждан, а тем более их интеграцией. С середины 2010-х гг. миграционная политика государства изменилась, став более упорядоченной и удобной для самих иностранцев. К примеру, сейчас МВД РФ намерено создать филиал своей паспортно-визовой службы в Таджикистане. По мнению ведомства, это позволит организовать около 80 % работ по подготовке пакета документов перед началом поездки, а трудовые мигранты, имея разрешение, немедленно смогут приступить к работе. В России предложили вложиться в социальную адаптацию мигрантов [3]. Пандемия не сильно ударила по системе труда в Таджикистане, но для тех, кто все-таки попал под ее каток, сейчас на выбор есть более 40 востребованных в стране профессий. В настоящее время существует спрос на 40 видов специальностей и профессий. Например, требуются инженеры-технологи по обработке молока и молочной продукции, по обработке кожи и производства кожных изделий, инженер-технолог сферы IT-технологии. Не хватает инженеров системы безопасности IT-технологии и в сфере роботизированной системы. Также нужны маркетологи, эконоаналитики в сфере строительства; нанотехнологи, биотехнологи и другие специалисты. Однако миграция, безработица и низкие пенсии остаются большой проблемой Таджикистана уже много лет. Бушевавший два года коронавирус притормозил социально-экономическое развитие страны.

Украинский кризис и миграция

Текущий кризис с приемом уже украинских беженцев не имеет прецедентов в современной истории Европы. По некоторым данным, количество украинских беженцев составляет от 3 до 11 млн во всех развитых странах мира. Украинские беженцы — в основном женщины и дети. На каждого члена семьи получают соцпакет — ежедневно по 20 евро ежедневно. Большинство уехавших через некоторое время приглашают своих супругов. К этим вышеназванным цифрам добавляется от 2 до 2,5 млн чел. Это означает, что украинский рынок труда теряет фантастическое количество людей трудоспособного возраста. В будущем «русским украинцам» будет очень тяжело жить и работать на Украине. Авторы считают, что ЕС, США и другие страны будут вкладывать огромные инвестиции для восстановления Украины. Для освоения этих средств нужны рабочие руки, например, как турецкие гастарбайтеры восстановили Германию. ЕС и США будут инвестировать, но людей не будут отправлять. Украина будет тихо

и спокойно, оперативно, организовано привлекать трудовых мигрантов из ЦА, создавая для них человеческие условия для работы и жизни. Самое главное, в украинском обществе отсутствует мигрантофобия.

К тому же таджикские мигранты очень мобильны. В этом отличие сегодняшних мигрантов от мигрантов 1990-х гг. Им достаточно одного дня, чтобы собраться и поменять место дислокации. Российские бизнесмены рассказывают, что из регионов приглашают и привозят в Москву, Санкт-Петербург вагонами на работу, однако они уезжают через пару месяцев. И вот здесь, по нашим прогнозам, для таджикских и других доноров трудовых ресурсов открывается «второй трудовой фронт». Во-первых, заработная плата трудовых мигрантов в России успевает за ростом инфляции. На апрель 2022 г. инфляция в России в годовом выражении на начало апреля ускорилась до 17,49 % [4] а в конце года, по прогнозам А. Кудрина, где-то 10 %. Во-вторых, законы, положения, предписание, установки, регламенты, директивы, инструкции, касающихся мигрантов, меняются как калейдоскоп. А стоимость патента? А в правоохранительных органах не существует закон вежливости. В ближайшие годы начинается охота за трудовыми ресурсами. А вот перебраться на заработки в Европу — более вероятно, этому способствует и общемировой сельскохозяйственный тренд. Дело в том, что и в России, и в Европе уже немаленькие фермы, но даже флагманы аграрного сектора жалуются на нехватку рабочих. Разнорабочим в аграрном секторе европейские компании готовы платить даже больше, чем в строительном, а в России в период коронавируса крупные сельхозкомпании юга обращались к правительству с просьбой сделать исключение и открыть границы, чтобы разрешить набор мигрантов хотя бы на время посевной. Ровно с такой же проблемой сталкиваются и в Европе, чем и могут воспользоваться иностранные рабочие. Вот, например, по Таджикистану. В Великобритании началась запись соискателей работников в сельскохозяйственную сферу. Уже только из г. Истаравшан выехали порядка 40 чел., заявку подали более 1000 чел., прошли онлайн-беседу 257 чел. Это только начало. Если Россия потеряет мигрантов из Центральной Азии, то будет очень сложно, т. к. ВВП России формируется от 10 до 13 % за счет трудовых мигрантов. Сейчас Россия прямо вот в эти самые минуты должна создать условия трудовым мигрантам, всеми способами их удержать. Не хочется, чтобы некоторые заставили тебя «поскользнуться своими взглядами» (Коран. 68 — 51).

В последние годы мы наблюдаем новую тенденцию среди трудовых мигрантов из Таджикистана. Российское гражданство в первом квартале 2022 г. получили 97,2 %, или 137,7 тыс. чел. При этом граждане Таджикистана, решившие стать россиянами, составили 23,9 %. Доля жителей других стран Центральной Азии была значительно меньше: 8 % граждан Казахстана, 4,7 % — Узбекистана, 3,6 % — Кыргызстана [5]. Исследователям необходимо внимательно изучать тенденцию среди таджикстанцев, получивших российское гражданство.

Однако пока европейский рынок труда остается лишь желанным, но недостижимым направлением. Потому что низкоквалифицированной рабочей силы в ЕС, ставшей убежищем для сотен тысяч выходцев из Африки и Ближнего Востока, более чем достаточно. Рабочие из Таджикистана могли бы с легкостью конкурировать на этом рынке за счет профессионализма, однако получать этот навык все равно необходимо в России. Для Таджикистана, да и для других стран Россия — это колледж. Люди едут в Россию, не имея профессии, часто не зная языка. Для них это настоящая профессиональная школа, а на своей родине эти мигранты — тот средний класс, на который опирается будущая экономика страны. Даже здесь, в Душанбе, лучшими работниками строительных компаний являются работники из России. Российская Федерация также должна бороться за наиболее перспективные кадры, если и в будущем хочет быть наиболее привлекательным рынком труда, а не просто образовательным центром для мигрантов перед броском в Европу. Само явление миграции нуждается в переосмыслении, и нам надо уделять больше внимания адаптации, интеграции, подготовке в школах и вузах. Мы должны бороться за трудового мигранта и понять важную истину: мигрант — это золотой фонд не только для отправляющей, но и для принимающей стороны.

Денежные переводы и опыт

Трудовые мигранты перевели в Таджикистан сумму, эквивалентную 90 % от объема дефицита внешнеторгового баланса страны. Денежные переводы были сделаны в 2021 г., сообщает агентство по статистике Республики Таджикистан. Стоит отметить, что отрицательный баланс внешнеторгового оборота Таджикистана за весь 2021 г. составил около 2,6 млрд долл. Тогда как сумма денежных переводов физических лиц из России в Таджикистан через платежные системы за 3-й квартал прошлого года равнялась почти 1,8 млрд долл. Таким образом, необходимо инвестировать средства в развитие своих людей, а также сохранять постоянные связи с ними при любых условиях. Обе составляющие очень важны, и Таджикистану давно необходимо от акций «гуманитарного единства» с диаспорами переходить к созданию мощной глобальной экономической сети.

Всемирный банк демография

Пока миграция влилась в современную волну хайпа и продолжает влиять на общественное мнение, в докладе Всемирного банка отмечается, что старение населения и низкий уровень рождаемости стали причиной того, что 36 % населения всего мира сейчас живет в Восточной Азии (211 млн чел.). Как отмечает американский исследователь М. Хаас, восемь наиболее могущественных держав современного мира — Китай, Индия, Япония, Россия, Франция, Германия, Великобритания и США — находятся в демографической зоне. Сейчас многие страны думают о росте людей

пенсионного возраста, быстрого старения населения. Однако для верной оценки проблемы старения необходимо учитывать и количество детей, людей в трудоспособном возрасте. Основоположник политического реализма Г. Моргентау [7] утверждал: «Несправедливо называть государство великим только потому, что оно обладает более крупным населением по сравнению с большинством других стран. Однако верно и то, что государство не может стать или остаться перворазрядной державой, если оно не принадлежит к числу наиболее многонаселенных стран». По прогнозам ООН, в 2050 г. около 30 % американцев, китайцев и европейцев окажутся старше 60 лет, а в Японии этот показатель превысит 40 %. Некоторые страны задействуют иностранную рабочую силу, чтобы восполнить уменьшение собственной рабочей силы. Например, в Сингапуре по состоянию на июнь 2019 г. согласно официальным данным при населении 5,54 млн чел. около 1,63 млн — иностранцы. В Японии живет 15,33 млн детей в возрасте до 15 лет, а это на 180 тыс. детей меньше, чем в 2019 г. Главным общественным приоритетом японцев является успешная карьера [8]. Угнетающее воздействие на экономику окажет и уменьшение численности молодежи, и лиц средних возрастов, отличающихся повышенной склонностью к инновациям, изобретательству и предпринимательству. Возрастающие нагрузки на пенсионные фонды будут сочетаться с ростом потребности населения в дорогостоящем медицинском обслуживании.

Богатство Таджикистана

Уже длительный период времени, когда рассматривается вопрос относительно того, какой фактор отличает экономическую мощь Таджикистана, на экспертных кругах звучит один и тот же ответ — это люди.

На повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. содержится признание позитивного вклада миграционных процессов в устойчивое развитие. За демографией потянется и экономика. Генеральный секретарь ООН А. Гутереш назвал миграцию локомотивом экономики. Данные ООН выявляют четыре исторических сдвига, которые коренным образом изменяют мировое население в течение следующих 40 лет: демографическая доля развитых стран мира снизится до 25 %, что приведет к перемещению экономической мощи. Анализ деятельности трудовых мигрантов показывает, что иммигранты приносят большой вклад в экономику в страну пребывания. Например, за 2021 г. в Таджикистане в целом создано более 189 тыс. новых рабочих мест: свыше 115,3 тыс. — в реальном секторе экономики, а 73,8 тыс. — в секторе услуг. При этом из общего числа созданных рабочих мест почти 70,3 тыс. являются постоянными. В 2021 г. органами служб занятости населения Республики Таджикистан назначены и выплачены 12899 пособий по безработице нетрудоустроенным гражданам в сумме 7,59 млн сомони (почти 607 тыс. долл.). Правительство принимает меры для обеспечения своего рынка труда.

Трудовые ресурсы Центральной Азии по мере снижения темпов роста населения будут уменьшаться. Некоторые специалисты-демографы считают, что даже Центральная Азия не в состоянии будет обеспечить все возрастающие потребности России. Основной проблемой современной миграционной политики в постсоветском пространстве является отсутствие ее концептуальной ясности, четких ориентиров на перспективу. Общественное мнение ориентируется на недостоверную информацию, которая является «болезнью» современных СМИ.

Демография в развитых странах как магнит притягивает мигрантов

В развитых государствах Европы и Северной Америки население быстро стареет. Министр иммиграции, беженцев и гражданства Канады М. Мендичино обрисовал концепцию иммиграционной системы Канады. По его словам, будущее Канады зависит от иммиграции [9]. Этот диалог необходим в силу демографических реалий Канады. Как стареющая страна с низким уровнем рождаемости, канадцы живут дольше и не имеют достаточного количества детей для поддержания численности населения. Это оказывает большее давление на экономику Канады и ее финансовое положение, что связано с тем, что в финансировании растущих государственных расходов, таких как здравоохранение, приходится полагаться на меньшее количество работников, которые будут стоить дороже, поскольку доля пожилых канадцев продолжает расти. Мендичино сказал: «Основная часть решения состоит в том, чтобы приветствовать иммигрантов». Сегодня около 80 % прироста населения в Канаде происходит за счет иммиграции, и, по оценкам, к 2030-м гг. она достигнет 100 % [9]. Вот почему Канада примет более 1 млн иммигрантов с 2020 по 2022 гг.

Совокупность демографических факторов, в частности сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни, гарантируют миллениалам тяжелые времена в будущем. Именно на них упадет вся тяжесть содержания огромной армии пенсионеров. Ситуация станет еще страшнее для более молодого поколения. Процент мирового населения в возрасте 65 лет и старше к 2050 г. по всей планете удвоится с 10 % до 20 %, т. е. вдвое. К этому времени на планете будет 1,6 млрд пожилых людей. Кто-то должен оплатить их счет. При этом страны уже тратят триллионы долларов каждый год на здравоохранение и социальное обеспечение пенсионеров. За последние 5 лет общая численность пенсионеров в Таджикистане увеличилась на 13,5 %, и на январь 2022 г. их количество превысило 729 тыс. На одного пенсионера приходится 3,4 занятого населения и 1,7 работающего по найму. Пенсионные системы в развитых государствах разрабатывались давно и не были настроены на работу с таким количеством людей. Индекс соотношения трудоспособного и нетрудоспособного населения (PSR index — показатель количества трудящихся (возраст 15–64) на каждого человека старше 65 лет), упадет ниже 5,0 в таких странах, как Япония, Италия, Германия, Канада,

Франция и Великобритания. К 2050 г. значительная часть населения в эти странах (более 30 %) будет состоять из пожилых людей. Если в 1950 г. менее 30 % мирового населения было городским, то, согласно прогнозам ООН, к 2050 г. этот показатель составит более 70 %. Во всем мире государства сталкиваются с сокращением рождаемости и увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Старение населения приводит к увеличению расходов на здравоохранение и пенсионное обеспечение, а число людей, работающих и выплачивающих налоги, неуклонно снижается. В результате, эти страны рискуют стать «демографическими бомбами замедленного действия», т. е. столкнуться с кризисом недостатка работающих людей. Эксперты РАНХ при Президенте РФ неоднократно заявляли, что «российская экономика не сможет развиваться без участия трудовых мигрантов». «Только чтобы перекрыть неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения населения России, может понадобиться принимать 500 тыс. мигрантов в год, а то и более», — говорил директор Института демографии НИУ ВШЭ А. Вишневский [15]. Есть старинная китайская пословица «Когда государство в порядке, то оно богатое, когда государство в беспорядке, то оно бедное». Если смысл пословицы перенести на миграцию, то означает, если государство регулирует и помогает миграции, становится богатым, а если нет — бедным.

Заключение

К большому сожалению, нет консолидации, нет сплоченности вокруг миграции, хотя бы между странами, которые обеспечивают трудовыми ресурсами — имеем в виду между республиками Узбекистан, Киргизия и Таджикистан.

Прогнозируемое — это будущее, которое мы получим, исходя из наших сегодняшних действий. Именно сегодня нам нужно стремиться к большему, вкладывать в образование, в технологии и инновации. Россия уверенно укрепляет собственную безопасность. Но серьезно необходимо решать миграционную политику. Миграционным чиновникам нужно научиться обращаться с трудовыми мигрантами «через соцсети».

Для улучшения миграционной политики Республики Таджикистан необходимо расширять дипломатические соглашения с зарубежными странами, активно реализовать предложение Президента РТ по обучению иностранных языков, особенно английского языка, начиная со школы, предоставлять льготы для приобретения авиабилетов трудовым мигрантам, регулярно привлекать экспертов и проводить глубокий анализ рынка труда потенциально важных стран для отправки трудовых мигрантов. Необходимо упростить получение лицензий для частных агентств занятости, которые отправляют граждан на работу в страны Европейского Союза, арабские страны и Южной Кореи.

Список источников

[1] Демографическая ситуация зависит от уровня жизни населения // Информационный портал «Аргументы недели». URL: https://argumenti.ru/society/2019/12/642143?fbclid=IwAR13wqM_9syoazxuacV3xqm1vTlOtxHKWTjgvzsGidjz9hImTcYWPC2uXok (дата обращения: 05.05.2022).

[2] TheBell: власти спрогнозировали сокращение населения на 1 млн человек за два года // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/442937-the-bell-vlasti-sprognozirovali-sokrasenie-naselenia-rossii-na-1-mln-celovek-za-dva> (дата обращения: 05.05.2022).

[3] В России предложили вложиться в социальную адаптацию мигрантов // Информационный портал «Таджикистан 24». URL: <https://tajikistan24.com/v-rossii-predlozhili-vlozhitsja-v-socialnuju-adaptaciju-migrantov/> (дата обращения: 05.05.2022).

[4] Инфляция в России в годовом выражении на 15 апреля ускорилась // Информационный портал «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20220420/inflyatsiya-1784575573.html> (дата обращения: 05.05.2022).

[5] Граждане Украины и Таджикистана чаще других получали гражданство РФ в 2022 году // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/04/16/grazhdane-ukrainy-i-tadzhikistana-chashche-drugih-poluchali-grazhdanstvo-rf-v-2022-godu.html> (дата обращения: 05.05.2022).

[6] Remittances from diaspora Nigerians as lubricant for the economy // Tribune Business. 08. Sep. 2014.

[7] Лукин У. Ждет ли нас «демографический мир»? // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 79–88.

[8] Ульмасов Р. Демографическая бомба» и трудовая миграция // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/demograficheskaya-bomba-i-trudovaya-migratsiya/> (дата обращения: 05.05.2022).

[9] Канада примет 1 миллион иммигрантов с 2020 по 2022 годы // Информационный портал «Наш Ванкувер». URL: <https://nashvancouver.com/kanada-primet-1-million-immigrantov-s-2020-po-2022-gody/> (дата обращения: 05.05.2022).

[10] Интервью Дмитрия Медведева: о работе, поправках, мигрантах и Путине // Радио Комсомольская правда. URL: https://radiokp.ru/intervyu-dmitriya-medvedeva-o-rabote-popravkakh-migrantakh-i-putine_nid27002_au414au?ysclid=I2u28l3tsl (дата обращения: 05.05.2022).

[11] Министр труда: регионы России нуждаются в мигрантах // Информационный портал «Спутник Таджикистан». URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200602/Russia-migranty-neobhodimost-1031344520.html?> (дата обращения: 05.05.2022).

[12] МВД России заявило о резком снижении преступлений мигрантов // Информационный портал «Спутник Узбекистан». URL: <https://uz.sputniknews.ru/20200613/MVD-Rossii-zayavilo-o-rezkom-snizhenii-prestupleniy-migrantov-14336446.html?> (дата обращения: 05.05.2022).

[13] Мигрантов ждет информатизация // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366564?> (дата обращения: 04.06.2020).

[14] «Мы все больше зависим от мигрантов»: в Институте демографии оценили влияние миграции на экономику // Радио Комсомольская правда. URL: https://radiokp.ru/my-vse-bolshe-zavisim-ot-migrantov-v-institute-demografii-ocenili-vliyanie-migracii-na-ekonomiku_nid25095_au6635au?nid=25010&ysclid=12u2p4h hmi (дата обращения: 19.06.2020).

[15] Материнский капитал не спасет: почему России нужны мигранты // Информационный портал «Газета.ру». URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml?ysclid=12u2v6yq60> (дата обращения: 19.06.2020).

References

[1] The demographic situation depends on the standard of living of the population // Information portal «Arguments of the week». URL: https://argumenti.ru/society/2019/12/642143?fbclid=IwAR13wqM_9syoazxuacV3xqm1vT-lOtxHKWTjgvzsGidjz9hImTcYWPC2uXok (accessed on 05.05.2022).

[2] The Bell: the authorities predicted a population decline of 1 million people in two years // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/442937-the-bell-vlasti-sprognozirovali-sokrasenie-naselenia-rossii-na-1-mln-celovek-za-dva> (accessed on 05.05.2022).

[3] In Russia, they offered to invest in the social adaptation of migrants // Information portal «Tajikistan 24». URL: <https://tajikistan24.com/v-rossii-predlozhili-vlozhitsja-v-socialnuju-adaptaciju-migrantov/> (accessed on 05.05.2022).

[4] Inflation in Russia accelerated in annual terms on April 15 // RIA Novosti information Portal. URL: <https://ria.ru/20220420/inflyatsiya-1784575573.html> (accessed on 05.05.2022).

[5] Citizens of Ukraine and Tajikistan received Russian citizenship more often than others in 2022 // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2022/04/16/grazhdane-ukrainy-i-tadzhikistana-chashche-drugih-poluchali-grazhdanstvo-rf-v-2022-godu.html> (accessed on 05.05.2022).

[6] Remittances from diaspora Nigerians as lubricant for the economy // Tribune Business. 08 Sep. 2014.

[7] *Lukin U.* Is the «demographic world» awaiting its? // World Economy and International Relations. 2011. No. 4. Pp. 79-88.

[8] *Ulmasov R.* Demographic bomb» and labor migration // The Russian Council for International Affairs. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/demograficheskaya-bomba-i-trudovaya-migratsiya/> (accessed on 05.05.2022).

[9] Canada will accept 1 million immigrants from 2020 to 2022 // Our Vancouver Information Portal. URL: <https://nashvancouver.com/kanada-primet-1-million-immigrantov-s-2020-po-2022-gody/> (accessed on 05.05.2022).

[10] Dmitry Medvedev's interview: about work, amendments, migrants and Putin // Radio Komsomolskaya Pravda. URL: https://radiokp.ru/intervyu-dmitriya-medvedeva-o-rabote-popravkakh-migrantakh-i-putine_nid27002_au414au?ysclid=12u2813tsl (accessed on 05.05.2022).

[11] Minister of Labor: Russian regions need migrants // Sputnik Tajikistan Information Portal. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200602/Russia-migranty-neobhodimost-1031344520.html>? (accessed on 05.05.2022).

[12] The Ministry of Internal Affairs of Russia announced a sharp decrease in crimes of migrants // Information portal «Sputnik Uzbekistan». URL: <https://uz.sputniknews.ru/20200613/MVD-Rossii-zayavilo-o-rezkom-snizhenii-prestupleniy-migrantov-14336446.html>? (accessed on 05.05.2022).

[13] Informatization awaits migrants // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366564>? (accessed on 06/04/2020).

[14] «We are increasingly dependent on migrants»: the Institute of Demography assessed the impact of migration on the economy / Radio Komsomolskaya Pravda. URL: https://radiokp.ru/my-vse-bolshe-zavisim-ot-migrantov-v-institute-demografii-oceni-li-vliyanie-migracii-na-ekonomiku_nid25095_au6635au?nid=25010&ysclid=l2u2p4hhmi (accessed on 19.06.2020).

[15] Maternity capital will not save: why Russia needs migrants // Information portal «Gazeta.ru». URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml?ysclid=l2u2v6yq60> (accessed on 19.06.2020).

Научное издание

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ
Сборник статей
Том I

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета №12 от 28.06.2022.
Рег. №05(22) (протокол редколлегии №2 от 24.06.2022).

Редактор А. А. Кононенко
Компьютерная верстка С. В. Кузовковой

Подписано в печать 02.11.2022.
Формат 60х90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная
Усл. п. л. 26. Уч.-изд. л. 26,1.
Тираж 300 экз. Заказ №

Оригинал-макет подготовлен Институтом экономики УрО РАН
620014, Екатеринбург, ул. Московская 29

ООО «Типография Уральский Печатный Дом»
620049, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 45, корп. 8, оф. 1.
Тел.: 8 (343) 379-04-99, факс: 379-04-40.
URL: uph-ektb@mail.ru.